

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИРЯ

ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief
F. B. Uspenskij

Главный редактор
Ф. Б. Успенский

The Editorial Board

R. N. Krivko (*Austria*); I. Hristova-Shomova, A. Nikolov (*Bulgaria*);
M. Mihaljević, M. Kapović (*Croatia*);
V. Čermák (*Czech Republic*);
R. Marti, B. Wiemer (*Germany*);
A. Zoltán (*Hungary*); M. Garzaniti (*Italy*); J. Schaeken (*Netherlands*);
E. I. Kislova, S. L. Nikolaev, M. M. Makartsev, P. R. Minlos, A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia, A. D. Shmelev, A. A. Turilov, B. A. Uspenskij, Rev. Michael Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major, T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake, W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

P. Н. Кривко (*Австрия*); А. Николов, И. Христова-Шомова (*Болгария*);
А. Золтан (*Венгрия*); Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*); М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен (*Нидерланды*);
свящ. Михаил Желтов, Е. И. Кислова, М. М. Макарцев, Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский, Т. Вс. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев (*Россия*); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (*Сербия*); А. Жолковский, Р. Романчук,
А. Тимберлейк, У. Федер (*США*);
М. Михалевич, М. Капович (*Хорватия*); В. Чермак (*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 12

Nº 1

Moscow

2023

Москва

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow
E. I. Kislova, HSE University, Moscow

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

Е. И. Кислова, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Москва
Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен
Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва
М. Н. Саенко, Институт славяноведения
РАН, Москва

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken

D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies of the

RAS, Moscow

M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

Managing Editors

T. I. Afanasyeva, A. O. Burtseva, E. I. Kislova,
R. Marti, D. G. Polonski, M. N. Saenko,
A. E. Soboleva

Редакторы выпуска

Т. И. Афанасьева, А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
Р. Марти, Д. Г. Полонский, М. Н. Саенко,
А. Е. Соболева

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, S. I. Koketkina, K. V. Sarycheva,
A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Технические редакторы

А. О. Бурцева, С. И. Кокеткина, К. В. Сарычева,
А. А. Троицкая, М. С. Яковлева

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, M. S. Yakovleva

Литературные редакторы, корректоры
(русский язык) А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
М. С. Яковлева

English Language Copy Editors, Proofreaders

N. S. Berseneva

Литературные редакторы, корректоры
(английский язык) Н. С. Берсенева

Layout Editor M. N. Tolstaya

Верстка М. Н. Толстая

Design (2012)

Дизайн (2012)

I. N. Ermolaev

И. Н. Ермолов

Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 12. № 1. — Москва: Институт
славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023. — 364 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
“Современное Естествознание” и “Лаборатории ненужных вещей”.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons “Attribution-NoDerivatives”

4.0 Беспринцип / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2023

© Authors, 2023

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Статьи / Articles

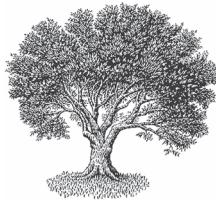
- 7 Т. И. Афанасьева (С.-Петербург). Устав о пении Псалтири и его влияние на славянскую традицию этой богослужебной книги XIII–XIV вв.
T. I. Afanasyeva (St. Petersburg). *The Rule of the Singing of the Psalter and Its Influence on the Slavic Tradition of This Liturgical Book of the 13th–14th Centuries*
- 42 Б. А. Успенский (Москва). Иона, архиепископ Новгородский, и вопрос о каноническом подчинении Новгородской епархии (К истории борьбы московской и литовской партии в Новгороде)
B. A. Uspenskij (Moscow). *Jonas, Archbishop of Novgorod, and the Question of the Canonical Subordination of the Novgorod Diocese (To the History of the Struggle of the Moscow and Lithuanian Parties in Novgorod)*
- 83 С. В. Власов (С.-Петербург), Д. Г. Демидов (Тайбэй). Истоки «причастодетия» в Грамматике Мелетия Смотрицкого (1619–1648)
S. V. Vlasov (St. Petersburg), D. G. Demidov (Taipei). *The Origins of the Category of prichastodetie (Gerundivum) in the Slavonic Grammar of Meletius Smotritsky (1619–1648)*
- 121 М. Н. Саенко (Москва). Праславянское *čelnъ: семантика и этимология
M. N. Saenko (Moscow). *Proto-Slavic *čelnъ: Semantics and Etymology*
- 155 С. В. Князев, С. В. Дьяченко (Москва). Фразовая просодия двух восточных среднерусских говоров
S. V. Knyazev, S. V. Dyachenko (Moscow). *Phrase Prosody of Two Eastern Middle-Russian Dialects*
- 225 С. М. Толстая (Москва). Превратности глагола быть в языке олонецких причтаний
S. M. Tolstaya (Moscow). *Mutabilities of the Verb byt' 'to be' in the Language of Olonets Lamentations*
- 258 Д. Д. Иванова (С.-Петербург). Проблемы идентичности и взаимной интерференции языкового кода свадебного обряда помаков и турок р-на Ксанти в Греции
D. D. Ivanova (St. Petersburg). *Problems of Identity and Mutual Interference of the Language Code of the Wedding Ceremony of the Pomaks and Turks of the Xanthi Region in Greece*
- 295 В. Поломац (Крагуевач), М. Курешевич (Нови Сад), И. Бјелаковић (Нови Сад), А. Колић Јовановић (Нови Сад), С. Петровић (Нови Сад). Digitizing Cyrillic Manuscripts for the Historical Dictionary of the Serbian Language Using Handwritten Text Recognition Technology
В. Поломац (Крагуевач), М. Курешевич (Нови Сад), И. Бјелаковић (Нови Сад), А. Цолић Јованович (Нови Сад), С. Петровић (Нови Сад). *Оцифровка кириллических рукописей для исторического словаря сербского языка с использованием технологии распознавания рукописного текста*

Публикации / Publications

- 317 Е. И. Кислова (Москва). «Сие пишет человек, не видавший никогда фейерверк»: об одном анонимном стихотворении второй половины XVIII века
 E. I. Kislova (Moscow). "As Written by a Man Who Has Never Seen Fireworks": a Study of the Anonymous 18th Century Poem

Рецензии / Reviews

- 339 Ж. Ж. Варбот (Москва). Исследования по славянской этимологии с семантическим акцентом в работах Жофии Шарапатковой
 [Рец.: Šarapatková Ž., Slova a věci. Etymologické etudy, *Prameny české etymologie 1*, Bohumil Vykypl, Vít Boček, red., Praha: NLN, 2022]
 Zh. Zh. Varbot (Moscow). Studies on Slavic Etymology with the Semantic Accent in the Works by Žofia Šarapatková
 [Rev. of: Šarapatková Ž., Slova a věci. Etymologické etudy, *Prameny české etymologie 1*, Bohumil Vykypl, Vít Boček, red., Praha: NLN, 2022]
- 344 С. В. Польской (Москва). Читатель и чтение в России «длогого» восемнадцатого века
 [Рец.: Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Volume 1. Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]
 S. V. Polskoy (Moscow). A Reader and Reading in 'Long' Eighteenth-Century Russia
 [Rev. of: Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Volume 1. Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]

Устав о пении
Псалтири
и его влияние
на славянскую
традицию этой
богослужебной
книги XIII–XIV вв.*

Татьяна Игоревна
Афанасьева

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

The Rule of the
Singing of the Psalter
and Its Influence on
the Slavic Tradition
of This Liturgical
Book of the 13th–14th
Centuries

Tatiana I. Afanasyeva

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье проводится текстологический анализ Устава о пении Псалтири по всем его пергаменным спискам, а также прослеживается его связь со славянской Псалтирию. В результате исследования выявлено две редакции Устава и установлено, что вторая редакция является переделкой первой. Обе редакции связаны с распространением дополнительных келейных

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, грант № 21-011-44032 «Монашеское келейное правило на Руси в домонгольский период: литургические источники, их богословская и филологическая интерпретация». Выражают глубокую признательность А. А. Андрееву и иером. Далмату (Юдину) за ценные консультации при подготовке данной работы.

Цитирование: Афанасьева Т. И. Устав о пении Псалтири и его влияние на славянскую традицию этой богослужебной книги XIII–XIV вв. // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 7–41.

Citation: Afanasyeva T. I. (2023) The Rule of the Singing of the Psalter and Its Influence on the Slavic Tradition of this Liturgical Book of the 13th–14th Centuries. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 7–41.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.01

служб, которые активно внедряются в славянское богослужение на Афоне в XIII в., в результате чего в Псалтири появляются тропари и молитвы по кафизмам. Первая редакция, возможно, связана с кругом свт. Саввы Сербского: она имеет русизмы в переводе и, скорее всего, происходит из Пантелеимонова монастыря, где святитель принял постриг. У южных славян известна только вторая редакция, и она по числу списков значительно пре-восходит первую. Обе редакции стали известны на Руси в XIII в., что сви-детельствует об интенсивности связей с Афоном. В приложении к статье приведен инципитарий всех известных молитв по кафизмам в псалтирях XIII–XIV вв.

Ключевые слова

славянское келейное богослужение, реформы XIII в. на Афоне, русско-афон-
ские культурные связи

Abstract

The article provides a textual analysis of the Rule of the Singing of the Psalter according to all its parchment copies and traces its connection with the Slavic Psalter. As a result of the study, two redactions were identified and the second redaction was found to be derived from the first. Both redactions are associat-ed with the spread of additional cell services, which were actively introduced into Slavic worship on Mount Athos in the 13th century, as a result of which troparia and prayers after each cathisma appear in the Psalter. The first redac-tion is possibly associated with the circle of St. Sava of Serbia: the translation exhibits Russian features and, perhaps, comes from the Panteleimon Monas-tery, where the saint was tonsured. Among the Southern Slavs, only the second redaction is known, and it is found in a much greater number of manuscript copies. Both redactions became known in Rus' in the 13th century, which indi-cates the intensity of ties with Athos. The appendix to the article contains an index of all known prayers after cathismata in the 13th–14th-centuries Slavic sources.

Keywords

Slavic cell worship, reforms of the 13th century on Athos, Russian-Athonite cul-tural contacts

В качестве предисловий к славянской Псалтири в рукописях с XIII в. встречается устав о пении псалтири, созданный неким монахом Саввой. Первый исследователь этого текста И. Куприянов издал памятник по пергаменному списку XIV в. РНБ, Соф. 60, а его автора связал с одним из семи учеников свв. Кирилла и Мефодия — Саввой-семочисленни-ком [Куприянов 1855]. В дальнейшем под монахом Саввой стали считать свт. Савву Сербского, так как этот устав находится в одной рукописи с созданным им Карийском типике — кодексе Сербской королевской академии № 110 XVI в. В. Чорович издал этот текст и отнес его к таким

произведениям, которые могут быть связаны со св. Саввой, но не быть ему присвоены точно. Основанием для такого вывода явилось то, что общие между Уставом и Типиком пассажи содержат языковую правку, и не принадлежат автору [Боровић 1928: XL–XLIV]. Это же мнение разделил М. Н. Сперанский, считавший, что устав был составлен из различных греческих предисловий к Псалтири и его переписчика мниха Савву нельзя однозначно отождествить со святителем [Сперанский 1930: 269]. Сербский лингвист Лазарь Миркович высказал мнение, что рассматриваемый устав является переводом с неизвестного греческого источника, и уверенно отождествил автора со св. Саввой Сербским, потому что свт. Савва Сербский, как и автор устава о Псалтири, жалующийся на плохое знание греческого языка, действительно не очень хорошо знал письменный греческий язык: в переводе Евергетидского устава есть значительное число малопонятных мест [Мирковић 1934: 67]. Болгарский славист Боню Ангелов расширил источниковую базу памятника, привлек к исследованию 16 рукописей XIV–XVII в. и однозначно выразился против атрибуции его св. Савве-семочисленнику, что касается св. Саввы Сербского, то его авторство ему представляется весьма надежным [Ангелов 1978: 38–60]. Сербский лингвист Виктор Савич присоединился к мнению Л. Мирковича и обосновал предположение о том, что Устав о пении Псалтири был первым переводом, который свт. Савва составил в 90-х гг. XII в. [Савић 2015: 139–147; Савић 2020]. В данной статье делается попытка текстологического анализа этого устава по десяти древнейшим спискам XIII–XIV вв. в составе Псалтири, многие из которых ранее не изучались. К исследованию также привлекаются 30 пергаменных списков Псалтири с молитвами по кафизмам, зависящих от этого устава. Если атрибуция свт. Савве Сербскому в целом не вызывает сомнений, то судьба его устава и его влияние на литургическое использование Псалтири у славян — предмет рассмотрения в данной работе.

Название «Сказание о Псалтири» имеется лишь в одной рукописи — так наз. Нередицкой псалтири XIV в. (*Соф. 60_*, в других псалтирях данный памятник имеет самые разнообразные заголовки: «Сказъ хотащому дръжати үалтыръ съи» — Радомирова псалтирь (*Зогр. 59 + О.п.1.11*) и рукопись НБС, *Рс-34*; «Сказание хотящему держати псалтирь сий с молитвами» (*Син. 325, Син. тип. 29*); «Уставъ стыя горы како подобает испѣвати пѣлтръ» (*Син. тип. 32*); «Пѣлтръ о бзѣ починаемъ по ouставоу стыя горы сказаниѣ хотащему держати пѣлтръ съ млѣтвами» (*Е.п.1.1*); «Устав всякому хотящему держати пѣлтръ сии. преданъ ѿ стхъ оїць чернецемъ и бѣлцемъ» (*ТСЛ III.7*); «Сказание стхъ оїць како подобает черньцемъ пети пѣлтръ в келияхъ своихъ тако же и бельцемъ богообо-

язнивым кръстяном пред словие» (*F.n.I.4*). В русских списках Псалтири в заголовках часто упоминается Святая гора, и это дает основание предполагать, что данный устав пришел на Русь с Афона и уже в конце XIII в. стал известен в русской богослужебной традиции: рукопись *Син. тип 27*, датируемая этим временем, его содержит, правда, начальный лист в ней утрачен. Для удобства изложения мы будем называть этот текст *Устав о пении Псалтири*.

С литургической точки зрения *Устав о пении Псалтири* по пяти спискам был изучен в диссертации И. Шугаева. Во вступлении к уставу сообщается, что святые отцы пели Псалтирь по-разному: одни использовали книгу Часослов с междочасиями и молитвами, другие просто читали Псалтирь без молитв, а были еще такие, которые пели Псалтирь с покаянными тропарями, молитвами и с поклонами:

шви бо ихъ часы съ межючасьемъ погаоу и съ млтвами. съставивши искорыта пслмы съ млтвами и нарекоша книги ты часовсловецъ. дроузы же юдинъ пслтры везъ млтвъ творахъ. ини же подвижнѣе (!) соѹще съ млтвами пслтры погаоу и стихы покаянныи и трестоу съ поклананиемъ. тъ же пслтры съ кссть. [Соф. 60, л. 1об.]

Последний тип Псалтири описан в данном уставе, причем те, кто его придерживаются, названы *подвижнѣи соѹще*. Несомненно, здесь подчеркивается, что именно такой тип пения Псалтири является актуальным. Устав предписывает в будние дни днем служить суточные службы по Часослову без междочасий и молитв: *да поють прежде заутренюю и часы и вечернюю, шбычно везъ межи часы и везъ млтвъ*, а вечером и ночью петь Псалтирь следующим образом: 6 кафизм после мефимона, 6 кафизм после полунощницы, 6 кафизм перед заутреней, а недопетый остаток, т. е. 2 кафизмы, после заутрени. Если инок работал весь день и ночью хочет отдохнуть, то можно петь 10 кафизм днем, а 10 ночью. Если монах бодр и хочет угодить Богу, то он может пропеть всю Псалтирь ночью, а утром начать петь ее снова — ведь «Псалтирь никогда не кончается». В субботу и в воскресенье данный устав не соблюдается, инок может отпеть на рассвете 5 кафизм в субботу (кафизмы 3–7) и 5 кафизм в воскресенье (кафизмы 8–12). В господские праздники, когда есть всенощная, можно вообще не исполнять данное правило. Таким образом, службы храмового Часослова монахом дополнялись ночным пропеванием Псалтири в келье [Шугаев 1999: 150].

Чтение каждой кафизмы дополнялось исполнением покаянных тропарей и молитвы. Следуя за Е. П. Диаковским [Диаковский 1913: 114–115], И. Шугаев выделил два способа размещения тропарей после кафизмы: часовой и междочасный. В часовой структуре покаянные

тропари поются после кафизмы и перед Трисвятым и Отче наш по аналогии с исполнением тропарей на часах в савваитском часослове, а в междочасной — после Трисвятого и Отче наш, по аналогии с исполнением тропарей на междочасиях. В соответствии со структурой кафизмы, Шугаев выделил в *Уставе о пении Псалтири* две редакции: первую с междочасным типом и вторую — с часовым типом [Шугаев 1999: 151–152]. Нам представляется, что часовой строй кафизмы был первичен, лишь со временем он был заменен междочасным. Мы постараемся подтвердить этот тезис исходя из анализа как самого устава, так и псалтирей с тропарями и молитвами по кафизмам.

Самый ранний южнославянский список *Устава о пении Псалтири* афонский по происхождению — это Радомирова псалтирь (Зогр. 59 + О.п.1.11) болгарского извода. Мы изучаем эту рукопись по изданию Лилианы Макариоской [Макариоска 1997]. Она написана во второй половине XIII в. писцом Радомиром и имеет в своем составе покаянные тропари и молитву в конце каждой кафизмы. Самый ранний русский относится к тому же времени и содержится в псалтири с молитвами по кафизмам *Син. тип. 27*, но начальный лист в ней не сохранился, утраты имеются в конце текста. Оба древнейших списка отражают неполноту текста устава, а также междочасный строй кафизмы. Полными списками по-прежнему следует признать список *Соф. 60*, а также *F.п.1.1* и сербский список НБС, *Pc-34* XV в., который ранее не привлекался к исследованию.

1. Редакции устава. Сравнение всех списков *Устава о пении Псалтири* XIII–XIV в. между собой показало, что изначальный текст постепенно подвергался сокращениям, а редактирование в нем проявляется в том, что часовой строй кафизмы был заменен междочасным, а также были произведены замены некоторых лексем, на которых мы остановимся ниже. Этот изначальный текст, на наш взгляд, сохранился в самом полном списке, который находится в псалтири *Соф. 60*. В богослужебном сборнике *Син. 325* и в псалтири *Син. тип. 29*, самым близким к *Соф. 60*, в *Уставе* уже есть некоторые более поздние трансформации. Заголовок содержит часть исконного названия, но уже измененного и указывающего, что этот устав предполагает наличие молитв на кафизмах — «Сказание хотящим держати псалтирь с молитвами». Имя Савва заменено на имярек: то въ прилежании твоимъ и мене грѣшнаго имрѣ помлни [*Син. 325* л. 204] или заменено на другое имя: то тоу съ прилежаньмъ твоимъ и менѣ грѣшнаго помлни леонтии писца [*Син. тип. 29*, л. 13]. В *Син. тип. 29* в отличие от *Син. 325* пропущен пассаж о греческой псалтири, видно, что данная информация уже была не нужна для исполняющего

этот устав. Важно отметить, что в этих двух списках добавлено указание о чтении молитвы. Заметим, что сама псалтирь Соф. 60 не имеет ни тропарей, ни молитв на кафизмах, а в Син. 325 и Син. тип. 29 тропари и молитвы имеются, т. е. в текст устава здесь были внесены дополнения, связанные с изменением прочтения кафизм Псалтири.

Соф. 60, л. 2об.	Син. 325, л. 204; Син. тип. 29, л. 12об.
<p>и кончавъ первую ка^фз та[*] аллуга</p> <p>та[*] тр^ен. пока^нна два. і б^ченъ.</p> <p>та[*] стын б^е. пр^стага т^рце. оче на^ш</p> <p>та[*] ги помн^и н.</p> <p>се же гла поклонися ф.</p> <p>та[*]. приду^{те} покло^н г.ж^а.</p> <p>поклони^н г.ж^а.</p> <p>таж. в.ю ка^фз.</p>	<p>и кончавъ д.ю ка^ф та[*] аллуг^и г.</p> <p>та[*] тр^ен. пока^н в. и бо^г.</p> <p>та[*] сты. пр^стага т^рце. оче на^ш</p> <p>та[*] мо^н на рд^и.</p> <p>та[*] ги помниоуи м. аще ли по^с то н.</p> <p>си же гла поклонися ф.</p> <p>та[*] Приду^{те} пок^л ги покло^н г.</p> <p>та[*] г.ю (!) ка^ф.</p>

В псалтири F.n.I.1. полный текст Устава претерпевает более существенную редактуру: кафизма становится междочасной по своей структуре: тропари помещаются после Трисвятого и Отче наш, а также добавляется указание о чтении молитвы. И именно такой строй указан в древнейшей южнославянской Радомировой псалтири:

Соф. 60, л. 2об.	F.n.I.1, л. 3об.	Радомирова пс., л. 3
<p>и кончавъ первую ка^фз.</p> <p>та[*] аллуга.</p> <p>та[*] тр^ен. пока^нна два. і б^ченъ.</p> <p>та[*] стын б^е. пр^стага т^рце.</p> <p>оче на^ш</p> <p>та[*] ги помн^и н.</p> <p>се же гла поклонися ф.</p> <p>та[*]. приду^{те} покло^н г.ж^а.</p> <p>поклони^н г.ж^а.</p> <p>таж. в.ю ка^фз.</p>	<p>кончавъ д. ка^ф. та[*]</p> <p>аллуг^и г.</p> <p>—</p> <p>та[*] стын б^е пр^стага т^рце</p> <p>оче на^ш</p> <p>се же гла поклонися до</p> <p>земля. ф.*ды оу трестго.</p> <p>та[*] <u>покаган два. бо^г мо^н</u></p> <p>ги помн^и н. та[*] приду^{те}</p> <p>покло^н.</p> <p>таж. в. ка^ф.</p>	<p>и кончевъ пръваж ка^ф.</p> <p>аллуг^и г.</p> <p>—</p> <p>сты б^е. пр^стага т^рце. аче</p> <p>нишъ.</p> <p>гла трестое. поклонъ ф.</p> <p>потом <u>покаган в. и б.</u></p> <p><u>по^т матва на рд^и</u></p> <p>ги помниоуи м. аще е^с по^с</p> <p>то н. и поклони ся г. по^т</p> <p>приду^{те} поклоним ся г.</p> <p>по^т ка^ф. в.</p>

Можно предположить, что у южных славян Устав о пении псалтири, созданный свт. Саввой, правился: изначальный строй кафизмы был изменен и было добавлено чтение молитвы. Именно в таком виде как в F.n.I.1 Устав о пении Псалтири фигурирует во всех южнославянских

списках и в большинстве исследованных русских. В сербском списке Устава Рс-34 XV в. такой же строй кафизмы, что и в Радомировой псалтири, а после него приведены тексты тропарей и молитв после каждой кафизмы. Эта рукопись, к сожалению, неполная, с утратами в середине и конце, позволяет предположить, что имелся и такой вариант устава, где были регламентированы тексты, которые следует читать по кафизмам. Действительно, как будет показано ниже, в южнославянских рукописях набор молитв по кафизмам гораздо более единообразен, чем в русских.

В русских списках XIV в. *F.n.I.4* и *ТСЛ III.7* имеются важные сокращения в уставной части: здесь упразднен пассаж *да поють прежде да оутрънию и часы и вечернию, шбычно с межючасы и везъ млатвъ. но се емоу боуди за все то.* Устав начинается так: *Да боудеть въдомо хотящемоу держати пслтры сии. ѩпгѣвшє ме фимон весь и невидимых враг...* — т. е. здесь изъято более раннее уставное замечание о том, что в дневное время нужно петь заутреню, часы без междочасий и молитв и вечерню. Также в *ТСЛ III.7* и *F.n.I.4* упразднено имя Саввы, а в *Син. тип. 32* опущен пассаж, где описывается, в какие дни нужно соблюдать данный устав.

Таким образом, изначальный текст устава, созданный монахом Саввой, предполагал соединение в суточном богослужении обычного Часослова без междочасий с Псалтирем с покаянными тропарями по кафизмам, но без молитв, которая пропевается ночью монахом в келье. В дальнейшем устав трансформируется: в нем структура кафизмы становится междочасной и вставляется указание о прочтении после тропарей определенной молитвы (*млатва на рждѹ*). Именно в таком виде устав зафиксирован в Радомировой псалтири, происходящей из Зографского монастыря. Значит, все этапы изменений были связаны с изменениями, которое претерпевало келейное богослужение на Афоне.

2. Псалтири с тропарями и молитвами по кафизмам. Если мы обратимся к псалтиям XIII–XIV вв., то заметим, что во многих из них имеются тропари и молитвы после кафизм; нам на сегодняшний день известно 30 списков: 21 русский и 9 южнославянских. Наиболее ранним, на наш взгляд, является фрагмент древнерусской Псалтири, происходящей с Афона, из библиотеки монастыря св. Павла, — это рукопись *Q.n.I.37*, в которой имеются фрагменты 10-й и 11-й кафизма, после которых поются тропари и читаются молитвы. Двенадцать листов рукописи были вывезены со Святой горы Порфирием Успенским, а ее основная часть, видимо, сгорела при пожаре в этой библиотеке в 1902 г. В Сводном каталоге рукописей XI–XIII в. кодекс широко датирован XII в. [СК XI–XIII, № 95], но вопрос о времени его написания всегда был спорным. В. Срезневский

относил эту псалтири, Афонскую, как он ее называл, к XIII в. [Срезневский 1877: 51–52], Е. Э. Гранстрем датировала ее рубежом XIII–XIV вв. [Гранстрем 1953: 32]. Точная датировка рукописи станет возможной при полном ее палеографическом описании, но судя по частым случаям проявления редуцированных: *ѹмолча* (1), *въ скорбехъ* (1об.), *молниа* (2), *разверзе* (3об.), *пѣсокъ* (4об.), *плоть, кровь* (5) *начатокъ* (5об.) *силенъ* (6об.), *наполню* (8об.), *кругокъ* (12), *истиненъ* (12об.), она все-таки должна была быть написана в XIII в., когда процесс вокализации еров активизируется. Орфографию рукописи можно охарактеризовать как последовательно русифицированную, свидетельствующую о ее окончательном становлении¹. Однако архаичные написания омеги с высокой серединой, абсолютное отсутствие ю после гласного свидетельствуют об ориентации писца на некоторые ранние начертания и нормы. Плетенные инициалы могут быть отнесены как к XII, так и к XIII в.² Кроме того, появление нового типа Псалтири вряд ли возможно в XII в., литургические инновации начинаются не ранее 90-х гг. XII в., когда начинается активный процесс по восстановлению славянской письменности после византийского завоевания Первого Болгарского царства. Поэтому, на наш взгляд, стоит отнести данную рукопись к первой половине или середине XIII в. и признать, что это, видимо, самый ранний список Псалтири с тропарями и молитвами после кафизм в славянской традиции. Нам не известно, был ли в этой псалтири устав, но важно отметить, что кафизмы здесь построены по часовой структуре. После 76-го псалма, заканчивающего 10-ю кафизму, читаем:

та* аллѣгъ та* по* гла*. Страшное испытание твоего судища... та* Помилѹи
мл рече дѣдъ... та* стын єе. прѣстата т҃ре. оче на*. та* мо* Ги видиши вѣдоу
мою... та* Придѣтє поклони*. (л. 2об.).

Часовой строй кафизм встречается в русских псалтирях гораздо реже, чем междочасный. В богослужебном сборнике *Син. 325* как Устав, так и псалтири имеют часовой строй кафизмы. Часовой строй зафиксирован в псалтирях *F.n.I.3* и *Син. 235*, но в них нет теста Устава. В рукописях *F.n.I.1* и *Син. тип. 30* имеются противоречия между Уставом и строем кафизмы псалтири: кафизмы следуют часовому строю, а текст Устава в *F.n.I.1* предписывает междочасную структуру, а в *Син. тип. 30* описание строя кафизмы вообще опущено. Вне классификации находится псалтири *Рум. 327*, где кафизмы содержит несколько молитв, и ее строй никак не связан со структурой часов и междочасий. Она подробно описана в статье [Щепеткин 2021].

¹ Благодарю Г. А. Молькова за консультацию по данному вопросу.

² Благодарю А. А. Турилова за данное наблюдение.

Таким образом, в русских списках первая редакция *Устава о пении Псалтири* сохраняется дольше, в южнославянских виден переход к более поздней практике, которая, скорее всего, связана с распространением в византийской традиции со второй половины XI в. особого типа Орология с междочасиями³. Часословы с междочасиями появляются у славян в то же самое время, что и Псалтирь с молитвами на кафизмах — в первой половине XIII в., об этом свидетельствует русская рукопись *Q.n.I.57 + Q.n.I.38*⁴.

Отметим, что часословы свойственны исключительно восточнославянской традиции, в южнославянской письменности часословов нет, первые их списки появляются в конце XIV в. и связаны с введением Иерусалимского устава. В южнославянской традиции, видимо, вместо Часослова с междочасиями использовалась Псалтирь с кафизмами междочасного строя. Нередко в таких псалтирях имеются и богослужебные последования, имеющие параллели в Часослове. Например, в Новгородской и Дечанской псалтирях после 17-й кафизмы есть последование полунощницы, а в Радомировой псалтири на л. 132 после 16-й кафизмы читается чин «Сна выставше», т. е. одно изочных келейных чино-последований с молитвой. В сербской псалтири без молитв по кафизмам Хил. 453 1320–1340 гг. также есть последование полунощницы, в которой есть известные нам молитвы на кафизмах. В псалтири без молитв *Sin. slav. 7* XIII в. в конце рукописи на л. 305об. читаются «молитвы от всякого соблазна», и все они встречаются в других псалтирях как молитвы по кафизмам. Таким образом, дополнительные дневные иочные келейные службы у южных славян могли быть реализованы в составе Псалтири, а не в Часослове.

Нам пока известна только одна сербская рукопись, которую можно назвать Часословом, — это сборник *Sin. slav. 2 + Sin. slav. 32/N*, написанный сербским писцом Равулой в середине XIV в.⁵ В нем есть последования 1-го, 3-го, 6-го и 9-го часов, но нет вечерни и утрени⁶ (они, по-видимому, должны были быть в Евхологии). В этом часослове еще

³ Наиболее ранняя греческая рукопись Часослова с междочасиями *Athos, Vatopedi 1248* 1074 г. [Andreev 2021: 322].

⁴ СК XI–XIII № 322 и № 321. В настоящее время найдены части этой рукописи в: *Sin. slav. 41/N* (Момина 1991: 146) и *Paris, Bibliothèque nationale de France (BNF), Slave 65 (f. 1)* (СК XIV: 580). Недавно с этой рукописью отождествлен отрывок *Sin. slav. 42* [о. Далмат (Юдин 2022: 184–203)].

⁵ Писец Равула, как показал С. Ю. Темчин, работал во второй половине XIV в. в Сириничах, а написанный им сборник вместе с другими рукописями был отправлен на Синай в 1359 г. по инициативе Иакова митрополита Серрского [Темчин 2010: 154–162].

⁶ Подобные часословы без «больших часов» известны и в греческой традиции, таковыми являются, например, орологии *Torino B.VII.30* и *Sin. gr. 864*. Благодарю А. Андреева за данную информацию.

нет междочасий, но на часах имеются тропари и молитвы, что характерно для более позднего этапа развития славянского Часослова. Более ранний тип этой богослужебной книги — Часовник — не содержал никаких молитв, а только псалмы и гимнографию [Шугаев 1999: 51]. Кроме того, рукопись содержит Евергетидский синаксарь: *съ єгъмъ по-чинаемъ синаксарь въсемоу годищоу по оуставоу стикѣ єврѓе* (л. 116), что может быть основанием для предположения, что данный тип Часослова был связан с традицией константинопольского Евергетидского монастыря, которую свт. Савва Сербский брал за основу реформы славянского богослужения.

Устав о пении Псалтири второй редакции отразил видоизменение этой богослужебной книги у православных славян, согласно нему после каждой кафизмы по Трисвятому и Отче наш появлялись три тропаря⁷ и молитва. Псалтири подобной структуры фиксируются в большинстве рукописей XIII в., в XIV в. эта традиция у южных славян начинает постепенно исчезать, а на Руси она сохраняется вплоть до конца столетия. Состав молитв в таких псалтирях не представляет единства, причем наибольшее разнообразие демонстрируют именно русские псалтири. Репертуар тропарей и молитв в псалтирях был подробно рассмотрен К. М. Мак-Роберт [MacRobert 1991]. В приложении к своей статье автор приводит список тропарей и молитв на кафизмах по десяти рукописям: семи южнославянским и трем русским. Кроме того, Мак-Роберт установила, что в некоторых псалтирях после кафизма используются тропари из молебного канона Кирилла Туровского, а также молитвы Кирилла Туровского [MacRobert 2000: 191–194]. В нашей работе мы пока ограничимся только описанием молитв по кафизмам.

В настоящее время число псалтирей с молитвами на кафизмах можно увеличить; к указанным Мак-Роберт можно назвать две болгарских: Норовскую [Норовская псалтирь 1989], недавно изданную Боянскую [Каракорова 2017], а также рукопись НБС Рс-34 и еще 15 русских псалтирей. Большая часть славянских псалтирей с молитвами по кафизмам построены по междочасному принципу. Это все южнославянские псалтири, в Радомировой псалтири имеется устав второй редакции, т. е. предписывающий междочасный строй кафизмы, и большинство русских (см. табл. 1 в Приложении). Думается, что перед нами более поздний и унифицированный вариант келейной псалтири, зависящий от Часослова с междочасиями, который активно внедряется в славянскую богослужебную практику. О взаимосвязи таких Часослова и Псалтири

⁷ Некоторые псалтири имеют четыре тропаря, и дополнительный тропарь обычно заупокойный. Таковы, например, две заупокойные псалтири — Ярославская и Упальская [MacRobert 1992].

писал Е. П. Диаковский: «Положение, занятное кафизмами в ряду суточных служб, дает нам право смотреть на них, как на особую систему междочасий, т. е. келейных последований, приуроченных к известным суточным службам общечерковного строя» [Диаковский 1913: 115].

В греческой традиции Псалтирь с тропарями и молитвами появляется не ранее второй половины XI в., по мнению Г. Парпурова, об этом свидетельствуют четыре манускрипта: *Sin. gr. 40* XII в.; Athos, Pantokrator Monastery MS 43 XI в.; Athos, Iberon Monastery, MS 22 XI в.; Cambridge MA, Harvard University, Houghton Library, Greek MS 3 XII в.⁸ Псалтирь *Sin. gr. 40* имеет даже специальное название Ψαλτήριον σὺν Θ(ε)ῷ μετὰ τροπαρίων καὶ εὐχῶν τῆς ἡμέρας καὶ τῆς νυκτός [Parpulov 2014: 103]. Парпулов, к сожалению, не описывает структуру кафизмы в исследованных им псалтирях, но, например, псалтирь *Houghton 3* имеет междочасную структуру [Anderson, Parenti 2016: 30–71]. В *Sin. gr. 40* тропари помещены после Трисвятого, о прочтении Отче наш указаний нет, но представляется, что здесь также предусмотрен междочасный строй кафизмы.

Молитвы на кафизмах в греческих псалтирях данного типа не представляют единства, из чего можно заключить, что их выбор не был строго регламентирован. Так, например, в рукописях *Sin. gr. 40* и *Houghton gr. 3* совпадают молитвы на первых семи кафизмах, далее молитвы различаются. Псалтирь РНБ, *Греch. 663* XII в. имеет совсем другой набор молитв, с *Sin. gr. 40* и *Houghton gr. 3* есть только одна общая молитва. Г. Парпулов отметил, что с XI в. многие молитвы появляются в часословах, из чего видно, что псалтири с молитвами на кафизмах и часословы с 24-мя часами, скорее всего, являются продуктами реформаторского движения, пытавшегося создать строгие монашеские стандарты, одним из участников которого был студийский игумен Никита Стифат († ок. 1090) [Parpulov 2014: 112]. Г. Парпулов сделал инципитарий всех молитв, которые употребляются в греческих псалтирях и часословах, их число весьма велико, более 300 разных текстов [Parpulov 2014: 182–211]. Мы будем использовать его инципитарий в нашем исследовании.

К славянам данный тип Псалтири попадает не сразу, и это, видимо, следует объяснить тем, что в XII в. южные славяне находятся под византийским владычеством и служат в основном по-гречески. Лишь с конца XII в., когда проводится литургическая реформа свт. Саввы Сербского, появляются новые славянские переводы богослужебных текстов. Изначально они опираются на практику константинопольского Евергетидского монастыря, но в дальнейшем, как показывают списки Псалтири, евергетидские традиции постепенно вытесняются. В XIII в. Константинополь завоеван крестоносцами, и литургический центр

⁸ Данная рукопись была издана и подробно описана в: [Anderson, Parenti 2016].

(т. е. место, где происходят литургические инновации) переносится на Афон. Здесь в межславянской среде и при близком соседстве с греками происходит принятие славянами и адаптация новых византийских келейных традиций — появление Часословов с междочасиями у восточных славян и Псалтири с молитвами по кафизмам у южных, а затем и у восточных славян тоже.

Молитвы на кафизмах в славянских псалтирях можно разделить на две большие группы: одна группа имеет параллели в греческих псалтирях и часословах, другая таких параллелей не имеет, и происхождение некоторых молитв не всегда ясно. К первой группе относятся все южнославянские псалтири XIII — нач. XIV в.: Радомирова, Боянская, Григоровичева, Дечанская, Норовская, а также описанные К. М. Мак-Роберт Белградская, Плевльская и Печская. Важно отметить, что наиболее распространенные молитвы читаются в рукописи НБС, *Pc-34*, которая представляет собой *Устав о пении Псалтири*, после которого следуют тексты тропарей и молитв после каждой кафизмы. Складывается впечатление, что список *Pc-34* сохранил ту вторую редакцию устава с молитвами, восходящую к XIII в., в которой была попытка регламентировать набор текстов, читающихся после кафизма. Русские псалтири XIII в.: *Q.n.I.37* и *Син. тип. 27*, а также XIV в. *F.n.I.1*, *F.n.I.3*, *F.n.I.4*, *Черт. 251*, *Син. тип. 32* и ЯМЗ 15482 — имеют целый ряд общих молитв с южнославянскими псалтирями, причем сличение текстов показало, что они не имеют существенных разнотечений и восходят к одному переводу. Отметим также, что некоторые молитвы читаются в том же переводе в Часословах с междочасиями — *Q.n.I.57*, *O.n.I.2*, *Соф. 1052*, а также в сохранившемся наполовину часослове на 24 часа ЯМЗ 15481, что подтверждает наше предположение о связи этих двух богослужебных книг в данный период.

Вторая группа представлена только русскими псалтирями, и здесь есть целый ряд молитв, не встречающихся ни в южнославянских, ни в греческих источниках. Во-первых, это молитвы Кирилла Туровского, вставленные после кафизма в следующих псалтирях: Хлуд. 3, *F.n.I.2*, *F.n.I.3*, *Син. 235*, Луцкая пс., *Рум. 327*, *Син. тип. 34* и *Син. тип. 35*. Наибольшее их число имеет рукопись *F.n.I.1*, все молитвы собраны в единый блок, помещенный после Псалтири с л. 280: *млтвы днєвныя твореник стго ѿца нашего кюрила патриарха єрслмскаго*. По классификации Рогачевской этот цикл молитв Кирилла Туровского может быть отнесен ко второй редакции [Рогачевская 1999: 33–35; MacRobert 2000: 177]. При этом в самой Псалтири в конце каждой кафизмы имеются тропари и молитвы, часто встречающиеся в южнославянских псалтирях, лишь после 12-й кафизма есть одна молитва Кирилла Туровского. В остальных псалтирях молитвы Кирилла Туровского расположены в конце ка-

физм. Больше всего их в Симоновской псалтири (ГИМ, Хлуд. 3) — девять; во Фроловской (РНБ, F.n.I.2) их семь, в Син. 235 — четыре, в F.n.I.3 три; в Луцкой, в Син. тип. 35, Син. тип. 34, F.n.I.1 и Рум. 327 — по одной. Нигде авторство Кирилла Туровского не указано.

Во-вторых, это целый ряд молитв, представленных в единственном списке. Редкие молитвы по рукописи Рум. 327 были изданы А. Щепеткиным [Щепеткин 2021]. Но таких уникальных молитв много и в других списках: в псалтири Син. 235, написанной писцом Захариеи, в Луцкой псалтири, а также в так называемой Псалтири Ивана Грозного ТСЛ III.7. В южнославянских псалтирях также есть редкие молитвы, неизвестные в русских и греческих списках, больше всего их в Норовской псалтири: в ней нашлось 5 уникальных молитв. В двух русских псалтирях [Хлуд. 3, F.n.I.2] после каждой молитвы имеется поучение, источники их еще не выяснены. Появление этих поучений можно датировать второй четвертью XIV в., т. е. временем составления Симоновской псалтири⁹. Кроме этого, обе псалтири имеют самое большое число молитв Кирилла Туровского и, видимо, восходят к близким протографам.

В Приложении к статье мы представим инципиты всех молитв, которые встречаются на кафизмах в славянских псалтирях XIII–XIV вв. Этот инципитарий позволит в дальнейшем более системно изучать молитвы как жанр средневековой письменности и их функционирование в богослужении.

3. Языковые особенности Устава о пении Псалтири. Этот текст небольшого объема, поэтому языковых черт, маркирующих книжные центры славянской письменности, здесь крайне мало. Переводы, связанные с кругом Саввы Сербского, делались на Афоне, возможно, в русском Пантелеимоновом монастыре, где св. Савва принял постриг, а позднее в основанном им Хиландарском монастыре. Его литургические произведения созданы на рубеже XII–XIII вв. — это Сербская кормчая, Карейский и Хиландарский уставы, в их переводе принимали участие русские книжники, что хорошо видно по наличию русизмов в переводе [Соболевский 1910]. Изучаемый в данной статье текст имеет один яркий русизм, что сближает его с другими переводами св. Саввы — это употребление глагола **мълвити** в значении «прочитать, произнести». Такое значение свойственно только восточнославянским диалектам, в старославянском языке **мълвити** имеет значение «шуметь, бунтовать» [CCЯ, II: 220–221]. Большинство русских пергаменных списков содержат данный глагол, лишь в единственной рукописи ТСЛ III.7 имеется вариант **шпоеши**, такое же чтение имеет болгарская Радомирова псалтирь.

⁹ О передатировке рукописи см., например [Уханова 2016].

тόкмо соу(в)тъ є свитаючи да иžмоловиšь є кафиžм ... а не(д)ли свитаючи дроғоғою є кафиžм иžмоловиšь: тъкмо сжётъ є свитаючи да ѿпоеши є каф ... а не(д)ли свитаючи дроғзѣхъ є каф. да ѿпоеши (Рад, ТСЛ III.7).

Нам представляется, что изначально в тексте был глагол *иžмълвити*, он представлен в большинстве рукописей, но в дальнейшем он был заменен у южных славян более привычным глаголом *ѡпѣти*. Эта замена сопровождается и литургической правкой — изменением строя кафизмы; вполне возможно, что данное изменение было также осуществлено на Афоне, но уже в южнославянской среде. В Радомировой псалтири, как было указано выше, текст сокращен: уже нет упоминания о мнихе Савве, сокращен пассаж о его плохом знании греческого языка.

Отметим употребление глагола *вѣщати* при введении прямой речи, причем им вводятся цитаты из Св. Писания. Данный глагол имеется во всех списках, и в южнославянской Радомировой псалтири тоже. Это может свидетельствовать о том, что данное чтение восходит к архетипу. Приведем пассажи с рассматриваемым глаголом по рукописи Соф. 60:

*вѣща бо бж(с)твынъи павель ихъже шко не видѣ ни оуcho слыша — л. 3об.
и пакъ вѣща игѣсть слава мира сего подобна. противу боудоуща вѣка славѣ — л. 4.*

вѣща бо давыдъ твои исть днъ и твога исть ноць — л. 4об.

Тексты, в которых введение прямой речи осуществляется через *вѣщати*, имеют определенную локализацию. Так, данный глагол характерен для древнерусских переводов 1-й группы по классификации А. А. Пичхадзе, которая содержит южнославянизмы и русизмы, возможно, они могли выполняться в межславянской языковой среде, где русские книжники могли непосредственно работать вместе с южнославянскими. Несомненно, что именно такие условия были на Афоне, в монастырях которого были насельники разных славянских национальностей. Глагол *вѣщати/вѣщавати* очень частотен в Хронике Георгия Амартола [Пичхадзе 2011: 53], однако здесь он не всегда вводит прямую речь и может употребляться вместо других глаголов говорения. Введение библейских цитат с помощью глагола *вѣщати* больше свойственно толковым переводам: Толковому евангелию Феофилакта, Песни Песней с толкованиями [Алексеев 1999: 178–179], а также древнерусским летописям. По данным исторического подкорпуса НКРЯ, такие употребления глагола *вѣщати* свойственны Киевской и Сузdalской летописям.

Кроме того, глагол *вѣщати* вводит цитаты из св. Писания в Хиландарском типиконе начала XIII в., составление которого приписывается Савве Сербскому:

вѣща бо бѣжъствыны апль. ихъже шко не видѣ ні оуко слыша. ні на срѣдце члѣкоу вѣзиоше. ъже оуготова єь лоуешиимъ его. тамо бо желають и англі приникноути. и паки вѣща нѣ^с слава мїра сего по^лбна воудоющаго вѣка славѣ. такоже оубо и мѹки сего свѣтла нічтоже соутъ прі ишѣхъ. трепещетъ бо ихъ вѣща и самъ сотона [Хил. AS 156, л. 4об.].

Таким образом, введение цитат из Св. Писания через глагол *вѣщати* может быть дополнительным аргументом в пользу создания данного текста в кругу книжников св. Саввы.

В *Уставе о пении Псалтири* тем не менее есть языковые особенности, которые мешают однозначно причислить данный перевод к кругу книжников свт. Саввы. Это употребление слова *часть* по отношению к службе суточного круга. В Карейском и Хиландарском уставах всегда употребляется лексема *година*: *го^нне же поемъ разно. пръвоуго^н съ оутрънєю вѣдь псалтыра. на третиен же го^ннѣ и на шестон и на деветон пѣвак по Г. ка^ф псалтыра съ метаниемъ такоже шбычан имамо* (глава 6). В *Уставе о пении Псалтири* слово *година* в данном значении отсутствует. В *Уставе* не употребляется слово *метаник*, только *поклоненик*, в Карайском типике используется исключительно грецизм *метаник*. Таким образом, подтверждается мнение В. Чоровича о том, что *Устав о пении Псалтири* нельзя однозначно связать с деятельностью Саввы Сербского. Видимо, он составлялся его последователями.

4. Выводы

1. На наш взгляд, следует внести поправку в наблюдения И. Шугаева по поводу первой и второй редакций *Устава о пении Псалтири*. Первой и, соответственно, более ранней редакцией нужно признать ту, которая характеризуется часовым строем кафизмы и фигурирует исключительно в русских рукописях, а второй — наиболее распространенную в славянских рукописях и имеющую междочасный строй. Если *Устав о пении Псалтири* был связан с реформами Саввы Сербского, то он, скорее всего, появляется одновременно с Евергетидским часословом (он, возможно, представлен в рукописи *Sin. slav.2*), в котором нет междочасий. Часовой строй кафизмы, видимо, использовался до появления у славян Часослова с междочасиями.

2. Псалтири с тропарями и молитвами по кафизмам, построенными по междочасной структуре, возможно, использовались у южных славян как форма келейного богослужения вместо междочасий. Междочасия возникли как дополнительные монашеские келейные службы в добавление к часам. Служение междочасий подразумевает наличие Часослова с междочасиями, книги, появившейся в Византии в конце XI в. и получивший широкое распространение в XII в. У православных славян она

известна только по древнерусским спискам начиная с XIII в. Отсутствие такой богослужебной книги в болгарских и сербских списках ранее никак не комментировалось специалистами. Можно предположить, что данный тип Псалтири, использовавшийся у южных славян очень короткий временной промежуток (вторая половина XIII – первая половина XIV в.), был другим вариантом совершения дополнительных служб к храмовому Часослову в монашеской келейной практике.

3. Молитвы на кафизмах появились в славянской Псалтири не сразу, судя по *Уставу о пении Псалтири* в рукописи Соф. 60, после кафизма следовало петь только покаянные тропари. Появление молитв, возможно, было регламентировано во второй редакции устава: как показывает список НБС, Рс-34, после *Устава* здесь записаны тексты тропарей и молитв по каждой кафизме, причем содержащиеся в нем молитвы являются самыми распространенными в славянских псалтирях. Выбор молитв на кафизмах на Руси был слабо регламентирован, здесь подчас встречаются оригинальные славянские молитвы, а также редкие тексты, источники которых еще требуют изучения.

4. Авторство Саввы Сербского *Устава о пении Псалтири* подтверждается некоторыми лингвистическими особенностями: присутствием русизма *мълвити*, а также употреблением глагола *вѣщати* для введения библейских цитат. Однако в полной мере атрибуцию подтвердить не представляется возможным: в Уставе есть расхождения в литургической терминологии с Карейским и Хиландарским типиками.

5. Две редакции *Устава о пении Псалтири* демонстрируют активную литургическую деятельность славянских книжников на Афоне в эпоху восстановления славянской письменности после византийского завоевания. Возможно, различие в монашеских келейных практиках – служение дополнительных служб по Псалтири с кафизмами или по Часослову с междочасиями – восходит к традициям разных славянских монастырей, и здесь важно отметить, что обе традиции используются на Руси. Значит, они попадали к восточным славянам в разное время и разными путями и связи с Афоном в XIII в. были весьма интенсивными. Первая редакция, видимо, восходит к деятельности круга книжников и последователей Саввы Сербского, возможно, в Пантелеимоновом монастыре, где тот принял постриг. Вторая редакция отражает деятельность южнославянских книжников на Афоне. Поскольку самый ранний список Устава второй редакции имеется в Радомировой псалтири, не исключен вариант, что вторая редакция делалась в Зографском монастыре.

Источники

Гильф. 17

Болгарская псалтирь из собрания А. Ф. Гильфердинга Российской национальной библиотеки, С.-Петербург. Дечанская псалтирь.

Греч. 663

Греческая псалтирь XII в. из собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

Григ. 4

Сербская псалтирь второй пол. XIII в. из собрания В. И. Григоровича Российской государственной библиотеки, Москва.

НБС, Рс-3

Сербская рукопись, фрагмент из 3 л. XIII в. из собрания Народной библиотеки Сербии, Белград.

НБС, Рс-34

Сербская рукопись XV в. из собрания Народной библиотеки Сербии, Белград.

Рум. 327

Русская псалтирь второй пол. XIV в. из собрания графа Н.П. Румянцева Российской государственной библиотеки, Москва.

Син. 235

Русская псалтирь 1296 г. из Синодального собрания Государственного исторического музея, Москва. Псалтирь княгини Марины.

Син. 325

Богослужебный сборник XIV в. из Синодального собрания Государственного исторического музея, Москва.

Син. тип. 27

Русская псалтирь конца XIII в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива Древних актов, Москва.

Син. тип. 28

Русская псалтирь XIV в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива Древних актов, Москва.

Син. тип. 29

Русская псалтирь XIV в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива Древних актов, Москва.

Син. тип. 30

Русская псалтирь XIV в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива Древних актов, Москва.

Син. тип. 32

Русская псалтирь XIV в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива Древних актов, Москва.

Син. тип. 33

Русская псалтирь XIV–XV в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива Древних актов, Москва.

Син. тип. 34

Русская псалтирь XIV в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива Древних актов, Москва.

Син. тип. 35

Русская псалтирь XIV в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива Древних актов, Москва.

Син. тип. 47

Русский часослов конца XIV в. из собрания Синодальной типографии Российского государственного архива Древних актов, Москва.

Соф. 60

Русская псалтирь XIV в. из Софийского собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

Соф. 1052

Русский часослов с междочасиями XIV в. из Софийского собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

ТСЛ III.7

Русская псалтирь XIV в. из собрания ризницы Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки, Москва. Псалтирь Ивана Грозного.

Хил. 453

Сербская псалтирь первой половины XIV в. из собрания Хиландарского монастыря на Афоне.

Хил. AS 156

Сербский устав нач. XIII в. из собрания Хиландарского монастыря на Афоне, Карейский типик св. Саввы.

Хлуд. 3

Русская псалтирь второй четв. XIV в. из собрания А. С. Хлудова Государственного исторического музея, Москва. Симоновская псалтирь.

Черт. 251

Русская псалтирь XIV в. из собрания А. Д. Черткова Государственного исторического музея, Москва.

ЯМЗ 15481

Русский часослов второй половины XIII в. из собрания Ярославского музея-заповедника.

ЯМЗ 15482

Русская псалтирь XIV в. из собрания Ярославского музея-заповедника.

F.n.I.1

Русская псалтирь второй половины XIV в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

F.n.I.2

Русская псалтирь первой половины XIV в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург. Фроловская псалтирь.

F.n.I.3

Русская псалтирь второй половины XIV в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

F.n.I.4

Русская псалтирь второй половины XIV в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

F.n.I.73

Русский богослужебный сборник второй половины XIV в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

O.n.I.2

Русский часослов с междочасиями XIV в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

Q.n.I.37

Русская псалтирь первой половины XIII в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

Q.n.I.57 + Q.n.I.38

Русский часослов с междочасиями первой половины — середины XIII в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

Sin. gr. 40

Греческая псалтирь XI в. из собрания монастыря св. Екатерины на Синае.

Sin. slav. 2 + Sin. slav. 32/N

Сербский сборник середины XIV в. из собрания монастыря св. Екатерины на Синае.
Сборник писца Равулы.

Sin. slav. 7

Сербская псалтирь XIII в. из собрания монастыря св. Екатерины на Синае.

Литература

Алексеев 1999

Алексеев А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

Ангелов 1978

Ангелов Б. Ст., *Из старата българска, руска и сръбска литература. Книга III*, София, 1978.

Гранстрем 1953

Гранстрем Е. Э., *Описание русских и славянских пергаментных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские*, Ленинград, 1953.

Далмат 2022

Далмат (Юдин), иерм., «Чин курглашения» древнерусских Часословов: новые данные, *Шестнадцатые Загребинские чтения: Сборник статей по итогам международной научной конференции (6–7 октября 2021 г.)*, С.-Петербург, 2022, 183–204.

Диаковский 1913

Диаковский Е. П., *Последование часов и изобразительных*, Киев, 1913.

Карачорова 2017

Карачорова И., *Боянски псалтир. Среднобългарски ръкопис от XIII век*, София, 2017.

Куприянов 1855

Куприянов И., Описание замечательной псалтири, *Журнал Министерства народного просвещения*, 1855, LXXXVIII, 157–169.

Луцкий псалтирь 2013

Луцкий псалтирь 1384 року. Фототипическое издание кодекса *Biblioteca Laurenziana A.D.360*, Флоренция, Киев, 2013.

Макаријоска 1997

Макаријоска Л. (ред.), *Радомиров псалтир*, Скопје, 1997.

Мирковић 1934

Мирковић Л., Скитски уставе св. Саве, *Браство*, 1934, 28, 54–67.

Момина 1991

Момина М. А., [Рец.] Tarnanidis I. The Slavonic manuscripts, *Вопросы языкоznания*, 1991, 6, 146.

Норовская псалтирь 1989

Норовская псалтирь. Среднеболгарская рукопись от XIV в. Ч. 2, София, 1989.

Пичхадзе 2011

Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект*, Москва, 2011.

Рогачевская 1999

Рогачевская Е. Б., *Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования*, Москва, 1999.

Савић 2015

Савић В., Устав за држање Псалтира и Хиландарски типик, *ПЕРВОЛОГ. Mélanges offerts à Mirjana Živojinović*, I, Belgrade, 2015, 139–147.

— 2020

Савић В., Устави Светога Саве, *Летопис Матице српске*, 2020, 505, 4, 513–530.

Соболевский 1910

Соболевский А. И., Из переводческой деятельности св. Саввы Сербского, *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии*, С.-Петербург, 1910, 178–185.

СК XI–XIII

Сводный каталог славянских рукописных книг XI–XIII веков, хранящихся в СССР, Москва, 1984.

СК XIV

Сводный каталог славянских рукописных книг XIV века, 1, Москва, 2002.

Сперанский 1930

Сперанский М. Н., По поводу нового издания писаний Саввы Сербского, *Byzantinoslavica*, 1930, 259–274.

Срезневский 1877

Срезневский В. И., *Древнеславянский перевод Псалтыри. Исследование его текста и языка по рукописям XI–XIV веков*, С.-Петербург, 1877.

ССЯ, II

Старославянский словарь, II, С.-Петербург, 2006.

Темчин 2010

Темчин С. Ю., Сербский столпный апракос Равулы (ок. 1353 г.): происхождение языка, структура, Idem, *Исследования по кирилло-мефодиевистике и палеославистике* (Krakowsko-Wileńskie studia Slawistyczne, 5), Kraków, 2010, 147–193.

Ђоровић 1928

Ђоровић В., *Списи св. Саве, Зборник за историју, језик и књижевност српског народа*, XVII, Београд, Ср. Карловци, 1928.

Уханова 2016

Уханова Е. В., К вопросу о датировке и происхождении Симоновской псалтири, *Современные проблемы археографии*, 2, С.-Петербург, 2016, 360–383.

Шугаев 1999

Илья (Шугаев), свщ., *Древнерусские богослужебные сборники XIV века. Историко-литургический анализ* (диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия, Сергиев Посад, 1999).

Щепеткин 2021

Щепеткин А., Псалтир Российской государственной библиотеки из собр. Румянцева № 327 и ее уникальный двойной комплект молитв, *Таинство слова и образа. Сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии 18–19 ноября 2020 г.*, Сергиев Посад, 2021, 254–272.

Anderson, Parenti 2016

Anderson J., *Parenti S. A Byzantine Monastic Office, 1105 A. D. Houghton Library, MS gr. 3*, Washington, 2016.

Andreev 2021

Andreev A., The Order of the Hours in the Yaroslavl Horologion, *Dumbarton Oaks Papers*, 2021, 75, 319–346.

Assemani III

Assemani J., ed., *Toῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἐφραὶμ τοῦ Σύρου τὰ ἀπαντά in 3 vols, Rome*, 1732–1746 (= Ephraem Syrus, *Opera omnia quae exstant*, 4–6), III.

MacRobert 1991

MacRobert C. M., The systems of supplementary penitential texts in the psalter MSS Peć 68, Belgrade 36, and Pljevlja 80, *Oxford Slavonic Papers, New Series*, 1991, 1–22.

——— 1992

MacRobert C. M., Two Lykewake Psalters: the MSS Västerås/UUB5/UUB6 and Jaroslavl' 15482, *Scando-Slavica*, 1992, 1, 108–127.

——— 2000

MacRobert C. M., In search of a Canon: the dissemination in 14th-century East Slavonic manuscripts of prayers and hymns attributed to Kirill of Turov, *Kirill of Turov. Bishop, Preacher, Hymnographer* (Slavica Bergensia), 2000, 175–195.

Parpulov 2014

Parpulov G., *Toward a History of Byzantine Psalters ca. 850–1350 AD*, Plovdiv, 2014.

Vepřek 2013

Vepřek M., *Modlitba sv. Řehoře a Molitba vyznání hříchů v církevněšlovanské a latinské tradici*, Olomouc, 2013.

References

- Alekseev A. A., *Tekstologija slavianskoj Biblii*, St. Petersburg, 1999.
- Anderson J., Parenti S., *A Byzantine Monastic Office, 1105 A. D. Houghton Library, MS gr. 3*, Washington, 2016.
- Andreev A., The Order of the Hours in the Yaroslavl Horologion, *Dumbarton Oaks Papers*, 2021, 75, 319–346.
- Angelov B. St., *Iz starata bulgarska ruska i srubска literatura. Kniga 3*, Sofia, 1978.
- Granstrem E. E., *Opisanie russkikh i slavianskikh pergamentnykh rukopisei. Rukopisi russkie, bolgarskie, moldovskie, serbskie*, Leningrad, 1953.
- Karachorova I., *Boianski psaltir. Srednobulgarski rukopis ot XIII vek*, Sofia, 2017.
- Kupriyanov I., Opisanie zamechatel'noi psaltiri, *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 88, 1955, 157–169.
- MacRobert C. M., In search of a Canon: the dissemination in 14th-century East Slavonic manuscripts of prayers and hymns attributed to Kirill of Turov, *Kirill of Turov. Bishop, Preacher, Hymnographer* (Slavica Bergensia), 2000, 175–195.
- MacRobert C. M., The systems of supplementary penitential texts in the psalter MSS Peć 68, Belgrade 36, and Pljevlja 80, *Oxford Slavonic Papers, New Series*, 1991, 1–22.
- MacRobert C. M., Two Lykewake Psalters: the MSS Västerås/UUB5/UUB6 and Jaroslavl' 15482, *Scando-Slavica*, 1992, 1, 108–127.
- Makarijoska L., ed., *Radomirov psaltir*, Skopje, 1997.
- Momina M. A., [Rew.] Tarnanidis I. The Slavonic manuscripts, *Voprosy jazykoznanija*, 1991, 6, 146.
- Parpulov G., *Toward a History of Byzantine Psalters ca. 850–1350 AD*, Plovdiv, 2014.
- Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi. Lingvisticheskiy aspekt*, Moscow, 2011.
- Rogachevskaya E. B., *Tsikl molity Kirilla Turovskogo. Teksty i issledovaniia*, Moscow, 1999.
- Savić V., Ustav za držanje Psalmira i Hilendarski tipik, *PERIBOLOS. Mélanges offerts à Mirjana Živojinović*, 1, Belgrade, 2015, 139–147.
- Savić V., Ustavi Svetoga Save, *Letopis Matice srpske*, 2020, 505, 4, 513–530.
- Shchepetkin A., Psaltir' Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki iz sobr. Rumiantseva № 327 i ee unikal'nyi dvoinoi komplekt molity, *Tainstvo slova i obrazu. Sbornik materialov nauchno-bogoslovskei konferentsii*

kafedry filologii Moskovskoi duhovnoi akademii 18–19 noiaбря 2020 g., Sergiev Posad, 2021, 254–272.

Temchin S. Yu., Serbskii stolpnyi aprakos Ravuly (ok. 1353 g.): proiskhozhdenie iazyka, struktura, Idem, *Issledovaniia po kirillo-mefodievitike i paleo-slavistike* (Krakowsko-Wileńskie studia Slawistyczne), 5, Cracow, 2010, 147–193.

Ukhanova E., K voprosu o datirovke i proiskhozhdenii Simonovskoi psaltiri, *Sovremennye problemy arkheografii*, 2, St. Petersburg, 2016.

Vepřek M., Molitba sv. Řehoře a Molitba vyznání hríčů v církevněslovanské a latinské tradici, Olo-mouc, 2013.

Yudin D., hierm., “Chin kuroglašenii” drevne-russkikh Chasoslovov: novye dannye, *Shestnadtsatyé Zagrebinskie čteniia: Sbornik statei po itogam mezdunarodnoi nauchnoi konferencii* (6–7 oktiabria 2021 g.), St. Petersburg, 2022, 183–204.

Татьяна Игоревна Афанасьева, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
t.i.afanasyeva@gmail.com

Received July 13, 2022

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Славянские псалтири с молитвами по кафизмам¹⁰

Псалтири с часовым строем кафизмы (только русские)	Псалтири с междочасным строем кафизмы (южнославянские)	Псалтири с междочасным строем кафизмы (русские)
<i>Q.n.I.37</i> <i>Син. 235</i> <i>F.n.I.3</i> <i>Син. 325</i> (с уставом) смеш. тип ¹¹ : <i>Син. тип. 30</i> (с уставом) <i>F.n.I.1</i> (с уставом)	Радомирова пс. (с уставом) <i>Гильф. 17</i> <i>Григ. 4</i> (молитвы не на кафизмах, а единственным блоком после всех псалмов, л. 150) Боянская пс. Норовская пс. <i>Белградская псалтирь</i> ¹² . <i>Плевля 80+БАН 45.8.263</i> <i>Печ 68</i> <i>НБС, Рс-34</i> (устав, тропари и молитвы на кафизмах, без псалмов)	<i>Син. тип. 27</i> (с уставом) <i>Хлуд. 3</i> <i>Bibl. Laurenziana A.D.360</i> <i>Син. тип. 28</i> <i>Син. тип. 29</i> <i>Син. тип. 32</i> (с уставом) <i>Син. тип. 33</i> <i>Син. тип. 34</i> <i>Син. тип. 35</i> <i>ТСЛ III.7</i> (с уставом) <i>F.n.I.2</i> <i>F.n.I.4</i> <i>Черт. 251</i> <i>ЯМЗ 15482</i>

¹⁰ Шифры даны в хронологическом порядке. Курсивом приводятся шифры рукописей, прямым шрифтом издания псалтирей. Вне классификации оказывается только псалтирь Рум. 327, так как она не связана ни с часовым, ни с междочасным строем кафизмы.

¹¹ В уставе описывается междочасный строй, тогда как в самой псалтири сохраняется часовий строй кафизмы.

¹² Белградская, Плевльская и Печская псалтири представлены по описанию МакРоберт [MacRobert 1991].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Инципитарий молитв на кафизмах в славянских псалтирях XIII–XIV вв.¹³

Аз рех в высоте дней моих, иду во врата адова – Син. 235, л. 43об., каф. 3 млтва незекия црба июден. (1).

Ἐγὼ εἶπα ἐν τῷ ὅψει τῶν ἡμερῶν μου πορεύσομαι ἐν πύλαις ἀδου... Parpulov (52) [Библейская песнь XI].

Аз уснух и спах и встах, яко Господь заступит мя, велий еси, Господи, и чудна дела Твоя и ни едино слово довольно есть на похваление чудес Твоих – Син. 235, л. 156об., каф. 10.

Часослов: Соф. 1052, л. 1. (2).

Ангеле святый Христов, к тебе припадаю и молюся, хранителю мой святый – Син. 235, л. 227, каф. 14 млтва ἄγλοу своему.

Гильф. 17, л. 188об. мօ^ω ἄγλοу. (3).

Благаго царя благая Мати, призри на раба своего милостивно, помошную руку простри – Рум. 327, л. 76об., каф.13; Луцк. л. 189, каф. 19; Ф.п.І.1, л. 312 седмичная мол. среды, читающаяся во вторник на вечерне.

Часослов: ЯМЗ 15481, л. 176об. (4).

Благодарим Тя, Господи Боже наш, о всех благых Твоих, ихже от первого дне и до нынешняго на мне/ нас недостоинем/-ных бывших – Син. тип. 27, л. 88об., каф. 7; Син. тип. 29, л. 73, каф. 6; Ф.п.І.4, л. 57об., каф. 7; Ф.п.І.3, л. 61, каф. 6; ЯМЗ 15482, л. 47об., каф. 7; Ф.п.І.1, л. 76об., каф. 6; Чертк. 251, л. 89об., каф. 7; Син. 325, л. 227об., каф. 7.

Григ. 4, л. 156, каф. 7; Гильф. 17, л. 48, каф. 7; Боян., л. 42об., каф. 6; Нор., л. 53, каф. 4; Рад., л. 43об. каф. 7; Печ. 68, каф. 8; Рс-34, л. 14, каф. 7(?).

Часословы: Q.п.І.57, л. 160об.; Соф. 1052, л. 125об.; О.п.І.2, л. 16. (5).

Εὐχαριστοῦμέν σε, Κύριε, ὑπὲρ παταζῶν τῶν εὑεργεσιῶν σου, τῶν ἐκ πρώτης ἡμέρας καὶ μέχρι τῆς παρούσης εἰς ὑμᾶς τοὺς ἀναξίους γεγενημένων... Parpulov (16).

Благодарим/ю Тя, преблагай Господи, приснотекущий источник, наставниче блудящим – Син. тип. 28, л. 83об., каф. 11; Син. тип. 32, л. 120, каф. 11; Син. тип. 34, л. 99об., каф. 11; ТСЛ III 7, л. 120, каф. 7. (6).

Благодарствую Тя, владыко человеколюбче, Боже милостивый, яко долготерпияй терпиши о грешных – Печ. 68, каф. 12 иwsаfa сна црба авенира. (7).

Благодарю Тя, Господи владыко человеколюбче милостивый, яко долготерпиши о прегрешениих наших – Белг. 36, Плевля 80 – каф. 12. (8).

¹³ После инципита молитвы приводятся шифры русских псалтирей, с новой строки шифры южнославянских псалтирей. Если у молитвы есть название, то оно дается славянским шрифтом. Если молитва встречается в часословах, это указывается отдельно. Если у молитвы известна греческая параллель, то приводится ее инципит и номер по инципитарию Г. Парпурова [Parpulov 2014, appendix D5]. Всем молитвам присвоен порядковый номер, приведенный в скобках жирным шрифтом. У некоторых молитв варьируется инципит, поэтому такие молитвы представлены в инципитарии несколько раз, но порядковый номер у них один и тот же.

Благодарю Тя, святая Троице, яко многия ради благости и долготерпения не прогневайся на мя грешнаго — Гильф. 17, л. 138об., каф. 17.

Часослов: Соф. 1052, л. 4. (9).

Богородице владычице Госпоже Царице, не прогневайся на мя грешнаго, усты сверны молбу Ти приносяща — Рум. 327, л. 99, каф. 16¹⁴. (10).

Богородице Царице владычице Госпоже Дево Марье, Мати Бога вышняго — Луцк., л. 170, каф. 17. (11).

Благослови, Боже, главу мою, благослови, Боже, очи мои, благослови, Боже, вся составы мои — Гильф. 17, л. 120, каф. 15. (12).

Благословлю Тя, Господи Боже мой, и пение недостойное приношу ти из уст сквернен Син. 235, л. 211об., каф. 13; (мол. в неделю по вечерне Кирилла Туровского). (13).

Боже естеством и Отче милостьюю, родителю и Отче всей твари — Хлуд. 3, л. 138, каф. 10; Ф.П.И.2, л. 51об., каф. 3 (мол. Кирилла Туровского во вторник по часех). (14).

Боже, оцести мя грешнаго и не остави мене, яко ничтоже блага створих пред Тобою — ТСЛ III 7, л. 218, каф. 13.

Часослов: Q.П.И.57, л. 63; Соф. 1052, л. 60об. (15).

Ο Θεὸς ἵλασθητί μοι τῷ ἀμαρτωλῷ καὶ μὴ ἐγκαταλίπητς με, ὅτι οὐδὲν ἀγαθὸν ἔποιήσα εὖνπιόν σου... Parpulov (25).

Боже праведный и хвальный/прехвальный, Боже великий и крепкий, Боже превечный — Син. тип. 27, л. 9, каф. 1 ^{мо^а с্�втго ζινονα}; Син. тип. 32; л. 12об., каф. 1; ТСЛ III 7, л. 31, каф. 1; Син. тип. 29, л. 23, каф. 1; Син. тип. 30, л. 11, каф. 1; Син. тип. 35, л. 10, каф. 1; Син. тип. 34, л. 2, каф. 1; Ф.П.И.4, л. 13, каф. 1; Син. 235, л. 27, каф. 2 ^{μάττα} к ισογ χογ; F.П.И.1, л. 21об., каф. 1; Син. 325, л. 207об., каф. 1; Чертк. 251, л. 9об., каф. 1.

Григ. 4, л. 151, каф. 1; Нор., л. 20об., каф. 1; Боян., л. 9, каф. 1.

Часослов: Q.П.И. 57, л. 64. (16).

Ο Θεὸς ὁ δίκαιος καὶ αἰνετός, ὁ Θεὸς ὁ μέγας καὶ ισχυρός, ὁ Θεὸς ὁ προαιώνιος... Parpulov (7).

Боже превечный, на егоже возвергох себе из чрева Матере моей, егоже возлюби душа моя от всего сердца — Нор., л. 102об., каф. 8. (17).

Ο Θεὸς ὁ αἰώνιος, εἰς ὃν ἐπερίφθην/ἐπερρίφην ἐκ κοιλίας μητρός μου, ὃν ἡγάπησεν ἡ ψυχή μου ἐξ ὅλης χαρδίας μου... Parpulov (38).

Боже святый владыко небесный, цесарю Иисусе Христе, призри ныне с высоты безмерная своея — Ф.П.И.1, л. 207, каф. 17; Ф.П.И.3, л. 172, каф. 17; Син. 235, л. 287об., каф. 18; Син. 325, л. 263, каф. 18.

Григ. 4, л. 167, каф. 20. (18).

Боже святый и ныне владыко, небесный цесарю Иисусе Христе, призри с высоты безмерная своея — ТСЛ III 7, л. 309, каф. 20; Рум. 327, л. 118, каф. 18; Син. тип. 34, л. 38, каф. 5; ЯМЗ 15482 л. 138об. каф. 17; Чертк. 251, л. 237, каф. 18. Рад., л. 142, каф. 18; Гильф. 17, л. 153об., каф. 19; Григ. 4, л. 167, каф. 18.

Часослов: Q.П.И.57, л. 148. (19).

¹⁴ Публикация [Щепеткин 2021: 267].

Владыко Господи, благодарю Тя, о всех благостынех, иже сотворил еси и терпниши о мне, грешнем — Гильф. 17, л. 127об., каф. 16. (20).

Δέσποτα Κύριε, εὐχαριστώ σοι, ὁ Θεός μου, ἐπὶ πάσιν, οἵς ἐποίησας καὶ ποιεῖς καθεκάστην εἰς ἐμὲ τὸν ἀνάξιον... Parpulov (59?).

Владыко Господи Боже мой, приимый грехи всего мира — Хлуд. 3, л. 14об., каф. 1; F.p.I.3, л. 9, каф. 1 (мол. Кирилла Туровского в неделю по вечерне¹⁵⁾. (21).

Владыко Господи Боже, посли на мя грешнаго и неключимаго/ непотребнаго раба Твоего щедроты Твоя и милости Твоя и благостынья — Плевля 80, Печ. 68 — каф. 17. (22).

Владыко Господи, всея видимыя и невидимыя твари сдетею, Боже сил веком творче, створивши времена и лета — Хлуд. 3, л. 123, каф. 9 млытва къ гоу исѹ хѹи; F.p.I.2, л. 33об., каф. 2 (мол. Кирилла Туровского в понедельник по вечерне). (23).

Владыко Господи, всея видимыя и невидимыя твари сдетею, Боже сил веком творче, что створю не веде, плоть и душу смятох — F.p.I.2, л. 162 об., каф. 10. (24).

Владыко Господи Иисусе Христе Боже наш, милостив ми буди, да приидет на мя пресвятый Твой Дух — ТСЛ III 7, л. 273, каф. 17. (25).

Владыко Господи Иисусе Христе Боже наш, приклони ухо Твое и услыши мя припадающа имени Твоему — F.p.I.4, л. 128об., каф. 17; Син. тип. 34, л. 154об., каф. 17.

Часословы: Q.p.I. 57, л. 221об. мѡ̄ չա всѧ կրէстианы; Соф. 1052, л. 145об. мѡ̄ չա всѧ կրէстианы. (26).

Владыко Иисусе Христе всех Господи, помощник ми буди, заступи мою душевную немощь — Син. тип. 29, л. 198 об., каф. 18; Син. тип. 32, л. 140 об., каф. 13; Син. тип. 33, л. 123об., каф. 18. (97).

Βοηθός μου γενοῦ, δέσποτα τῶν ἀπάντων Χριστὲ, ὑπεράσπισον τῆς ψυχῆς μου ἀσθενείας (мол. Ефрема Грека [Assemani III, 489]).

Владыко Господи Иисусе Христе, превечный цесарю, услышавый молитву верховнаго Твоего апостола Петра — Луцк., л. 123об., каф. 12. (27).

Владыко Господи Иисусе Христе, спасителю наш, сокровище благых, дажь ми покаяние совершено — Боян., л. 22, каф. 3; Григ. 4, л. 152об., каф. 3. (64).

Владыко Господи Иисусе Христе, Ты помощник мой, и в руку Твою есмь аз, Ты свеси полезное душе моее — Плевля 80, Печ. 68 — каф. 15. (28).

Владыко Господи Иисусе Христе сыне Божий, многомилостиве и человеколюбче, не хотяй смерти нам грешником, всякими образы ведый ны к спасению — Син. 235, л. 177, каф. 11 (мол. Кирилла Туровского в субботу по вечерне). (29).

Владыко Господи, исповедаю ти ся, Господи, вся грехи мои, яже створих в помышлениях злых — Син. 235, л. 109, каф. 7. (79).

¹⁵ В отличие от молитвы, опубликованной Е. Б. Рогачевской [Рогачевская 1999: 97], отсутствует начальный пассаж: *Благословляю Тя, Господи Боже мой ... всяко дыхание подавается, ей Господи Боже мой, приимый грехи всего мира.*

Владыко Господи (Отче) щедрот и Боже всего утешения, и мене, раба своего, щедри – Син. тип. 27, л. 48об., каф. 4; Син. тип. 28, л. 9об., каф. 4; Син. тип. 32, л. 43, каф. 4; Ф.п.И.4, л. 34об., каф. 4; Луцк., л. 178, каф. 18; Ф.п.И.3, л. 49об., каф. 5; ЯМЗ 15482, л. 19, каф. 4; Ф.п.И.1, л. 63об., каф. 5; Син. 325, л. 217, каф. 4; Чертк. 251, л. 48об., каф. 4; Син. тип. 29, л. 3об. (в чине полунощницы). Рад., л. 20об., каф. 5; Гильф. 17, л. 20, каф. 4; Григ. 4, л. 153об, каф. 5; Белг. 36, Печ. 68 – каф. 4.

Часослов: Соф. 1052, 163об. (30).

Владыко Господи, Твой есть день и Твоя есть нощь – Хлуд. 3, л. 169, каф. 12; Ф.п.И.2, л. 202, каф. 12; Ф.п.И.1, л. 149, каф. 12; Ф.п.И.3, л. 132об., каф. 13 (мол. Кирилла Туровского в четверг по часех). (31).

Владыко Господи, творче и учителю покаянию и молитве, сам послушая и приимая, и милую – Син. тип. 28, л. 114, каф. 14. (32).

Владыко Господи, цесарю славы, едине бессмертне, Отче небесный, иже крепостью и промыслом ствоега благодати – Син. 235, л. 93., каф. 6. (122).

*Владыко Господи человеколюбче, иже суть вернии, Господи, утверди я, да будут вернейши того – Син. 235, л. 275, каф. 17 **млтва стго феодосия печерского за вся крестыны.***

Часослов: ЯМЗ 15481, л. 64об., Q.п.И.57, л. 132. (33).

Владыко Господи человеколюбче, из глубины зол моих вопию Ти, владыко, помилуй и услыши мя – Син. 235, л. 123, каф. 8. (77).

Владыко Господи человеколюбче, согреших на небо и пред Тобою и несмы достоин нарещися сын Твой, но дерзаю на щедроты Твоя – Син. тип. 29, л. 208об., каф. 19; Син. тип. 30, л. 130а, каф. 19; Син. тип. 35, 197об., каф. 19; Ф.п.И.1, л. 230, каф. 19. (34).

Δέσποτα Κύριε, Υἱὲ τοῦ φιλανθρώπου Πατρός, ἡμαρτον εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ἐνώπιόν σου καὶ οὐκ εἰμί ἀξιος κληθῆναι υἱός σου... Parpulov (33?).

Владыко святый, творче небу и земли, сыне Бога живаго, избавителю рода человеческаго – Ф.п.И.1, л. 192об., каф. 16; Син. тип. 30, каф. 16. (35).

*Владычице Богородице человеколюбивая Госпоже моя, Ты сведаеши/свеси помышления и делеса моя и немоющ – Ф.п.И. 2, л. 112, 7 каф.; Хлуд. 3, л. 193, каф. 14 **млтва къ стѣни бѣн;** Син. тип. 27, л. 19об., каф. 2; Луцк., л. 49об. каф. 5; Ф.п.И. 3, л. 39об., каф. 4; Ф.п.И.1, л. 52об., каф. 4.*

Нор, л. 245об., каф. 20.

Часословы: Ф.п.И.73 , л. 47об. и ЯМЗ 15481, л. 126. (36).

Δέσποινά μου Θεοτόκε φιλάνθρωπε, σύ μου γινώσκεις τοὺς διαλογισμοὺς καὶ τὰς πράξεις καὶ τὴν ἀσθένειαν... Parpulov (302).

Во имя Оца и Сына и святаго Духа исповедаю ти ся, Отче небеси и замля, прости мя, Господи – ТСЛ III 7, л. 73, каф. 4 (37).

Вопию Ти из глубины зол моих, услыши мя – Рум. 327, л. 98об., каф. 16. (77).

Вседержителю вышний Боже и нижней твари сдетею, поставил солнце на просвещение дни – Хлуд. 3, л. 248об., каф. 18; Син. тип. 30, л. 99об., каф. 14; Син. тип. 35, л. 164, каф. 16; Син. тип. 32, л. 161, каф. 15; Син. тип. 33, л. 105об., каф. 16; ЯМЗ 15482, л. 111об. каф. 14; Ф.п.И.1, л. 172об. каф. 14; Чертк. 251, л. 198об., каф. 15.

Григ. 4, л. 164, каф. 15; Рад., л. 123, каф. 15; Белг. 36, Плевля 80 – 13 каф.
Часослов: Соф. 1052, л. 168. (38).

Вседержителю Слово Отче и свершен Иисусе Христе скорых ради Твоих милосердий – Син. тип. 28, л. 41об. каф. 7; Син. тип. 32, л. 76об., каф. 7; Рум. 327, л. 25 и 75, 14 каф.; Син. 325, л. 224об., каф. 6. (39).

Παντοκράτωρ Λόγε τοῦ Πατρὸς, ὁ αὐτοτελὴς Θεὸς Ἰησοῦ Χριστέ, ὁ διὰ τὰ ταχέα σου σπλάγχνα... Parpulov (24).

Господи Боже вседержителю, един еси благый и человеколюбец, един истинен и праведен,... распеншийся при поныстем Пилате – Син. тип. 28, л. 19об., каф. 5; Чертк. 251, л. 61, каф. 5; Син. 325, л. 220, каф. 5. (57).

Господи Боже вседержителю, отверзи устне мои исповедатися Тебе, Отче Господа нашего Иисуса Христа, егоже послал еси взыскат заблужших – Хлуд. 3, л. 155, каф. 11; F.p.I.2, л. 186об., каф. 11 (мол. Кирилла Туровского в среду по вечерне)¹⁶. (40).

Господи Боже, иже на грешных имаши от века милость и щедроты – ТСЛ III 7, л. 283об., каф. 18. (51).

Господи Боже мой, иже всем человеком хотят спастися и в разум истинный прити, иже не хотят смерти грешник – Нор., л. 174, каф. 14. (41).

Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ θέλων πάντας ἀνθρώπους σωθῆναι καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν ὁ μή βουλόμενος τὸν θάνατον... Parpulov (26).

Господи Боже мой, помилуй мя, посли святый Твой Дух и научи мя клятися – Син. тип. 28, л. 94, каф. 12; Син. тип. 34, л. 109, каф. 12. (42).

Господи Боже мой, приклони ухо Твое к молению моему – Хлуд. 3, л. 96об., каф. 7 мол къ τῷ ιερῷ οἴκῳ χονῇ; F.p.I.2, л. 309об., каф. 20; Син. тип. 33, л. 19об., каф. 7. (43).

Господи Боже мой, прославляю Тя и величаю имя Твое, яко створил еси чудны веци – Син. тип. 28, л. 175 об., каф. 20. (44).

Господи Боже наш, иже нашего ради спасения от безначального Отца пришедший – Хлуд. 3, л. 181, каф. 13; F.p.I.2, л. 216, каф. 13 (мол. Кирилла Туровского в четверг по вечерне). (45).

Господи Боже наш, иже общая сия согласныя молитвы нам даровавъ – Чертк. 251, л. 225, каф. 17.

Часослов: Sin. slav. 2, л. 10 об. мол. на вечерни. (46).

Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ τὰς κοινὰς ταύτας καὶ συμφώνους ἡμῖν προσευχὰς χαρισάμενος... Parpulov (130) [Anderson, Parenti 2016: 176–178].

Господи Боже наш, истинное сияние Отче, солнце праведное, иже посреде земля вознесется – Син. тип. 28, л. 147об., каф. 17; Син. тип. 29, л. 2об. (в чине полунощницы); Син. тип. 32, л. 183, каф. 17; Син. тип. 34, л. 143об. 16 каф.; F.p.I.4, л. 120об., каф. 16.

¹⁶ В отличие от молитвы, опубликованной Е. Б. Рогачевской [Рогачевская 1999:

117], варьируется инципит: «Вечер, заутра и полудне исповедаю Ти ся Господи Боже вседержителю Отче Господа нашего Иисуса Христа, егоже послал еси взыскат заблужших».

Печ. 68, Плевля 80 –16 каф.

Часослов: Соф. 1052, л. 68 и л. 170. (47).

Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, τὸ ἀἰδίον ἀπαύγασμα τοῦ Πατρὸς, ὁ ἥλιος τῆς δικαιοσύνης,
ὁ ἐν μέσῳ τῆς γῆς ἐπαρθεὶς... Parpulov (355).

*Господи Боже наш, обычною Твою щедротою избави мя оканьныя скверны тела
моего — ТСЛ III 7, л. 166, каф. 10; Син. тип. 33, л. 90об., каф. 14; Син. 325,
л. 251, каф. 14. (48).*

*Господи Боже наш, Отче истинного света, иже день украсив небесным светом
— Син. тип. 27, л. 76об., каф. 6; Син. тип. 29, л. 62, каф. 5; Син. тип. 28, л. 32,
каф. 6; Син. тип. 30, л. 79, каф. 11; Син. тип. 32, л. 66, каф. 6; F.p.I.4, л. 50,
каф. 6; ЯМЗ 15482, л. 38об., каф. 6; Чертк. 251, л. 77об., каф. 6.*

Рад., л. 33об., каф. 6; Григ. 4, л. 155об., каф. 6; Гильф. 17, л. 39, каф. 6; Боян,
л. 35об., каф. 5; Печ. 68, каф. 6; Рс-34, л. 4об., каф. 6.

Часословы: О.п.И.2, л. 27об.; Соф. 1052, л. 122об. (49).

Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ Πατὴρ τοῦ ἀληθινοῦ φωτός, ὁ τὴν ἡμέραν κοσμήσας τῷ
οὐρανῷ φωτί... Parpulov (15).

*Господи Боже наш/мой, прости вся грехи мои, яже согреших от уности во всем,
Ты бо свеси к Тебе мое рачение — ТСЛ III 7, л. 230, каф. 14; Син. тип. 29,
л. 114об., каф. 10; Син. тип. 33, л. 51, каф. 10. (50).*

*Господи Боже, помяни милости Твоя и щедроты Твоя, яже от века имаши на
грешники/грешных — Луцк., л. 101 об., каф. 10; ЯМЗ 15482 л.154об., каф.
19; Син. 325, л. 266об., каф. 19; Чертк. 251, л. 249об., каф. 19.*

Рад., л. 148об., каф.19; Боян., л. 96, каф. 17; Гильф. 17, л. 160, каф. 20; Григ.
4, л. 168, каф. 19. (51).

Κύριε ὁ Θεὸς, μνήσθητι τῷ ἔλέει σου καὶ τοὺς οἰκτιρμούς σου, οὓς ἀπὸ τοῦ αἰώ-
νος ἔχεις ἐπὶ τοὺς ἀμαρτωλούς... Parpulov (138).

*Господи Боже, превечный и невидимый, всемогущий, беспечальне и всесильне — Син.
тип. 29, л. 102, каф. 9 и л. 177, каф. 16; Син. тип. 28, л. 59об., каф. 9; Син. тип.
30, л. 119, каф. 17; Син. тип. 32, каф. 9; Син. тип. 34, л. 162об., каф. 18; Син.
тип. 35, л. 178, каф. 17; Син. тип. 32, л. 96, каф. 9.; Син. 325, л. 233об., каф.
9; Q.p.I.37, л. 11об., каф. 11.*

Часослов: ЯМЗ 15481, л. 125. (52).

*Господи Боже силам, сый прежде век и пребывая в векы, сдетодю всяческим —
Нор., л. 152об., каф. 12. (53).*

*Господи Боже, спасителю наш, сокровище благих, дай же ми покаяние совершен-
но — Син. тип. 27, л. 34об., каф. 3; Син. тип. 32, л. 33, каф. 3. (64).*

*Господи, видиши беду мою, принуди мя — Син. тип. 27, л. 122об., каф. 10; Син.
тип. 30, л. 67об., каф. 10 и л. 86об., каф. 12; Q.p.I.37, л. 2об., каф. 10; Рум.
327, л. 39об., каф. 10; Син. тип. 35, л. 93, каф. 10; Син. тип. 32, л. 107, каф. 10;
F.p.I.4, л. 78, каф. 10; F.p.I.3, л. 100об., каф. 10; ЯМЗ 15482, л. 74об. 10 каф.:
F.p.I.1, л. 108, каф. 9; Чертк. 251, л. 129об., каф. 10.*

Рад., л. 72, каф. 10; Гильф. 17, л. 75, каф. 10; Григ. 4, л. 159, каф. 10; Рс-34,
л. 11об., каф. 10.

Хил. 453, л. 106 мол. в чине полунощницы.

Часословы: Соф. 1052, л. 135; О.п.И.2, л. 12об. (54).

Господи вседержителю, Боже отец наших Авраамов, Исааков, Яковль – Син. тип. 27, л. 109об., каф. 9; Син. 235, л. 58об., каф. 4 лάтва манасиа црта июден; ЯМЗ 15482, л. 65, каф. 9; Чертк. 251, л. 114об., каф. 9.

Григ. 4, л. 157, каф. 9; Боян, л. 54об., каф. 8., Рс-34, л. 10об., каф. 9.

Часословы: Соф. 1052, л. 133 *мо^м манасиа црта жидовьска;* О.п.И.2, л. 9об.; Q.п.И.57, л. 170об. *латва манасиа црта, Sin. slav. 2, л. 9. (55).*

Κύριε παντοχράτωρ, ὁ Θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν τοῦ Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ... Parpulov (47) [Библейская песнь XII].

Господи, Господи, избави нас от всякия стрелы летящая в день – Син. тип. 29, л. 53, каф. 4.

Часословы: Q.п.И.57, л. 119; Син. тип. 48, л. 41; Соф. 1052, л. 117об.; О.п.И.2, л. 33об.; Син. тип. 47, л. 92об.; ЯМЗ 15482, л. 217. **(56).**

Κύριε, Κύριε, ὁ ρυσάμενος ἡμᾶς ἀπὸ παντὸς βέλους πετωμένου ἡμέρας... Parpulov (9).

Господи едине/един блаже/благ человеколюбче/-бец едине/един истинный и преподобный, распеншийся при поныстем Пилате – ТСЛ III 7, л. 59, каф. 3; Син. тип. 32, л. 53об., каф. 5; F.п.И.4, л. 41об., каф. 5; Син. тип. 27, л. 62, каф. 5; Син. тип. 34, л. 21, каф. 3; ЯМЗ 15482 л. 27об., каф. 5.

Рад., л. 11об., каф. 4; Боян., л. 28об., каф. 4; Григ. 4, л. 154об., каф. 5; Гильф. 17, л. 28, каф. 5; Белг. 36, Печ. 68 – 5 каф. (57).

Господи, иже над Лазорем плакався и слезы милостивыя искавив над ним – ТСЛ III 7, л. 134об., каф. 8; Рум. 327, л. 9, каф. 2; Син. тип. 29, л. 32об., каф. 2; Син. тип. 30, л. 180б., каф. 2; Син. тип. 34, л. 10об., каф. 2; Син. тип. 35, л. 20об., каф. 2; Син. тип. 32, л. 21об., каф. 2; Син. тип. 30, л. 18об., каф. 2; Син. тип. 33, л. 7об., каф. 6; Син. 325, л. 210об., каф. 2; F.п.И.4, л. 19об., каф. 2; F.п.И.1, л. 30, каф. 2; Луцк., л. 19об., каф. 2; F.п.И.3, л. 18об, каф. 2; Чертк. 251, л. 21, каф. 2.

Нор., л. 186, каф. 15; Григ. 4, л. 151об., каф. 2; Гильф. 17, л. 11об., каф. 2; Белг. 36, Плевля 80 – каф. 2.

Часослов: Q.п.И.57, л. 105об. **(58).**

Κύριε, ὁ ἐπὶ Λαζάρου κλαύσας καὶ δάκρυα συμπαθείας στάξας ἐν αὐτῷ... Parpulov (225).

Господи Иисусе Христе, благий человеколюбче кормителю души моей и животе, вем бо яко грешен есмь – Белг. 36, Плевля 80, Печ 68 – каф. 19. (59).

Господи Иисусе Христе Боже наш, единочадый Сыне, даром Отца Твоего сохранивши апостолы своя от ражжения плотского и от зрака блудного – Син. тип. 29, л. 159 об., каф. 14.

Sin. slav. 7, л. 308об.. мол. 3 от всякого соблазна.

Часословы: ЯМЗ 15481, л. 226; Q.п.И.57, л. 229 без начала. **(60).**

Господи Иисусе Христе Боже наш, иже всякому изволише благое сделовая – Нор., л. 141об., каф. 11. (61).

*Господи Иисусе Христе, буди ми помощник в год егда побежаем буду от страсти – Син. тип. 35, л. 58об., каф. 7. **(121).***

*Господи Иисусе Христе, единочадый Сыне, сый в ядрах отчих, истинный Боже,
источниче жизни бессмертныя – Хлуд. 3, л. 24об., каф. 2; Луцк., л. 40об.,
каф. 4; Ф.п.І.2, л. 67об., каф. 4. (62).*

*Господи Иисусе Христе, имя Твое призываю, именем Твоим живу – Син. тип. 28,
л. 135, каф. 16; Син. тип. 32, л. 169, каф. 16; Син. тип. 34, л. 136об., каф. 15;
Ф.п.І.4, л. 114об., каф. 15.*

Часослов: ЯМЗ 15481, л. 11 *млтва стго амвросия. (63).*

*Господи Иисусе Христе, спасителю наш, Божие Слово бессмертное, сокровище
благых, дажь ми покаяние свершенно – Ф.п.І.4, л. 27об., каф. 3. (64).*

*Господи Иисусе Христе, спасителю наш, взаконивый нам любовь, научи ны в ней
– Луцк., л. 195об., каф. 20 *млтва за всм крестъаны;* Син. 235, л. 73об., каф. 5
млтва к стгѣнѣ бци за всм крестъаны; Син. тип. 34, л. 86об., каф. 10; Чертк.
251, л. 259об., каф. 20. (65).*

*Господи Иисусе Христе, спасителю наш, сокровище благых, дажь ми покаяние
свершено – Син. тип. 29, л. 43, каф. 3; ЯМЗ 15482, л. 9об. каф. 3; ТСЛ III
7, л. 44об., каф. 2; Рум. 327, л. 19об., каф. 3; Чертк. 251, л. 36, каф. 3; ЯМЗ
15482, л. 9об. каф. 3.*

Нор, л. 31, каф. 2; Белг. 36 – каф. 3.

Часослов: Ф.п.І.73, л. 38 об. (64).

*Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Слово бессмертное, иже не осрамляеши
уповающих на Тя – Син. тип. 29, л. 92об., каф. 8.*

Нор., л. 42об., каф. 3.

Часослов: Q.п.І.57, л. 57об. и л. 229. (66).

*Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, Υἱὲ τοῦ Θου, Λόγε ἀδύνατε, ὁ μὴ καταισχύνων τοὺς πεποι-
θότας ἐπὶ σέ... Parpulov (3).*

*Господи Иисусе Христе, сыне Божий, Слово бессмертное, спасителю наш, сокро-
вище благых, дажь ми покаяние свершено – Ф.п.І.3, л. 29об., каф. 3; Син.
тип. 30, л. 26, каф. 3; Ф.п.І.1, л. 41об., каф. 3; Син. 325, л. 214, каф. 3. (64).*

*Господи Иисусе Христе, цесарю пресвятый, едине бессмертне человеколюбче Го-
споди, соими усты рекл еси: не придох праведных призывают, но грешных
– Син. тип. 33, л. 131 об., каф. 19. (67).*

*Господи, не хотяй смерти грешником, но обратитися и живу быти, не придет
бо призывати праведных, но грешных на покаяние – Син. тип. 35, л. 186об.,
каф. 18. (68).*

*Господи Спасе мой, вскую мя еси оставил, ущедри мя – Син. тип. 27, л. 98, каф. 8;
Син. тип. 29, л. 84, каф. 7; Син. тип. 30, л. 54об., каф. 8; Син. тип. 32, л. 212,
каф. 20; Син. тип. 33, л. 29, каф. 8; Син. тип. 35, л. 81, каф. 9; Ф.п.І.4, л. 63об.,
каф. 8; Ф.п.І.1 л. 87об., каф. 7; Син. 325, л. 230об., каф. 8; ЯМЗ 15482, л. 55об.
8 каф; Чертк. 251, л. 101об., каф. 8.*

Рад., л. 52об., каф. 8; Боян., л. 49, каф. 7; Гильф. 17, л. 56об., каф. 8; Григ. 4,
л. 156об., каф. 8; Плевля 80, каф. 8.; Рс-34, л. 10, каф. 8.

Часословы: Соф. 1052, 130об.; О.п.І.2, л. 22.; Q.п.І.57, л. 167об. (69).

Κύριε σωτήρ μου, ἵνα τί με ἐγκατέλιπες; οἰκτείρησόν με... Parpulov (10).

Господи, услыши молитву мою, якоже аз знаю время мое близ суще – Син. 235, л. 301, каф. 19 м^лтва с^тго григория б^ослова.

Хил. 453, л. 106об. мол. на полунощнице.

Часословы: ЯМЗ 15481, л. 73, Q.п.I.57, л. 200 об. м^лтва с^тго григория папы римского. (70).

Domine euxandi oracionem team quia iam cognosco tempus teum propre esse... [Верхек 2013: 111–131].

Господи, цесарю небесный, утешителю, Душе истинный, умилосердися на мя – Син. тип. 28, л. 167, каф. 19; Син. тип. 32, л. 203об., каф. 19; Син. тип. 34, л. 171, каф. 19.

Часослов: Q.п.I.57, л. 226 м^лтва спати хотаче. (71).

Кύριε, βασιλεῦ ἐπουράνιε, παράκλητε, τὸ Πνευμα τῆς ἀληθείας, παρακλήθητι καὶ συγχώρησόν μοι... Parpulov (58).

Господи, яже имаши от века на грехиных милость и щедроты – Син. тип. 29, л. 190, каф. 17; Син. тип. 30, л. 124, каф. 18; Син. тип. 33, л. 116об., каф. 17; F.п.I.3, л. 191об., каф. 19; F.п.I.1, л. 217, каф. 18. (51).

Кύριε ὁ Θεὸς, μνήσθητι τῷ ἐλέει σου καὶ τοὺς οἰκτιρμούς σου, οὓς ἀπὸ τοῦ αἰῶνος ἔχεις ἐπὶ τοὺς ἀμαρτωλούς... Parpulov (138).

Господи, яко благ и человеколюбец, много милости створил еси со мною, имъже несмь достоин – Нор., л. 113об., каф. 9. (72).

Кύριε, ως ἀγαθὸς καὶ φιλάνθρωπος Θεὸς πολλὰ ἐλέη ἐποίησας μετ’ ἐμοῦ ὅν οὐκ ἦμην ἀξιος... Parpulov (20).

Госпоже моя, Богородице, умилосердися на мя многогрешавшаго и преступившаго самовластным умом Сына Твоего и Бога моего заповеди – Син. 235, л. 194, каф. 12 (мол. Кирилла Туровского в среду по заутрене). (73).

Госпоже моя, пречистая, паче всех согреших Сыну Твоему и творцу моему – Рум. 327, л. 110об., каф. 17; Син. тип. 35, л. 142, каф. 14; Син. 325, л. 254, каф. 15; F.п.I.3, л. 180об., каф. 18; ЯМЗ 15482, л. 145об., каф. 18.

Часослов: ЯМЗ 15481, л. 190об. мол. в четверг вечером к Св. Богородице. (74).

Живодавче Христе мой, видиши беду мою и брань вражию – Хлуд. 3, л. 38, каф. З м^лтва. къ гоу. ісѹ хѹи; F.п.I.2, л. 256, каф. 16. (75).

Иже на всяко время и на всяк час на небеси и на земли покланяемый и словословимый Христос Бог – F.п.I.3, л. 153, каф. 15.

Часослов: Соф. 1052, л. 163 молитва на полунощнице. (76).

‘Ο ἐν παντὶ καιρῷ καὶ πάσῃ ὥρᾳ ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ γῆς προσκυνούμενος καὶ δοξαζό-μενος Θεός, ὁ Χρηστός... Parpulov (14).

Из глубины зол моих вопию Ти, возведи мя, владыко, помилуй и услыши мя – Хлуд. 3, л. 269, каф. 20; Син. тип. 35, л. 155, каф. 15; Син. тип. 30, л. 60об., каф. 9; Син. тип. 33, л. 39, каф. 9; F.п.I.3, л. 81, каф. 8; Син. 325, л. 256об., каф. 16; ТСЛ III 7, л. 149об., каф. 9; ЯМЗ 15482, л. 120, каф. 15; F.п.I.1, л. 97, каф. 8; Чертк. 251, л. 208об., каф. 16.

Григ. 4, л. 165об., каф. 16; Рад., л. 131, каф. 16; Боян., л. 88, каф. 14; Нор. л. 213, каф. 17.; Белг. 36, Плевля 80 – каф. 20; Печ. 68 – каф. 20 м^лтва с^тго и^фрема сириня. (77).

Иисусе спасное имя, безначальна Отца безлетный Сыне, святаго Духа единородная ипостась — Син. тип. 28, л. 69об., каф. 10. (78).

Исповедаю Тебе, Господи Боже мой / Господи Иисусе Христе, вся грехи мои, иже/ яже створих в помышлених злых — Рум. 327, л. 62, каф. 12; Син. тип. 35, л. 119об., каф. 12; Син. тип. 32, л. 150, каф. 14; Син. тип. 34, л. 59, каф. 7; Ф.п.І.4, л. 93об., каф. 12; Син. 325, л. 244об., каф. 12; Чертк. 251, л. 157об., каф. 12.

Григ. 4 л., 159об., каф. 12; Боян., л. 66об., каф. 10; Гильф. 17, л. 94, каф. 12 (начало утрачено); Нор., л. 222об., каф. 18; Печ. 68, Белг. 36, Плевля 80 — каф. 9; Рс-34, л. 13, каф. 12. (79).

К Тебе, вседержителю пресвятый цесарю, припадая молюся и, тружаяся душею, милости прошу — Хлуд. 3, л. 109об., каф. 8; Ф.п.І.2, л. 18, каф. 1; Ф.п.І.3, л. 71, каф. 7 (мол. Кирилла Туровского в понедельник по часех). (80).

К Тебе, всенепорочная Госпоже Дево, Мати Бога вышняго, аз унылый душею и сквернав умом моим, моляся, вопию — Луцк., л. 114, каф. 11. (81).

Како воззрю к Тебе, Господи Боже мой, кыми словесы оправдаюся пред Тобою — Нор., л. 79об., каф. 6. (82).

Πῶς ἀντινίσω πρὸς σὲ, Κύριε ὁ Θεὸς μου, ποίοις δὲ λόγοις δικαιωθῶ ἐνώπιόν σου... Parpulov (135).

Крестителю Христов, покаянию проповедниче, кающася не призри мене — Син. 235, л. 242об., каф. 15 млатва сътго юана прѣтча (мол. Кирилла Туровского во вторник по заутрени). (83).

Многа блага восприим от Господа моего и о всем непамятлив/ нечювствен бых — Луцк., л. 90, каф. 9; Рум. 327, л. 63, каф. 12¹⁷. (84).

Многих великих даров насладихся от создавшаго мя Бога — Гильф. 17, л. 64об, каф. 9.

Часослов: Q.п.І.57, л. 205; Соф. 1052, л. 153об. (85).

Πολλῶν καὶ μεγάλων ἀπολαύσας δωρεῶν τοῦ πλαστούργήσαντός με Θεοῦ... Parpulov (57)

Многомилостиве всего мира грехи взем, отради ми, паче всех согрешьшему — Хлуд. 3, л. 82, каф. 6 млатва. κτ̄ γοῦ ἵσ χ̄. (86).

Многомилостиве и всего добра дателю, человеколюбче всея вселенныя, цесарю многоименитый — Син. 235, л. 313об., каф. 20. (87).

Многомилостиве прещедрый, рекии просите и приимете, и аз надеяхся тому словеси — Ф.п.І.1, л. 239, каф. 20; Ф.п.І.3, л. 198об., каф. 20; Луцк, л. 197 об., каф. 20; Син. тип. 29, л. 216, каф. 20; Син. тип. 30, л. 134, каф. 20; Син. тип. 33, л. 149об. каф. 20; Син. тип. 34, л. 177об., каф. 20; Син. тип. 35, л. 204, каф. 20; ТСЛ III 7, л. 310, каф. 20; ЯМЗ 15482 л. 162, каф. 20.

Рад., л. 156, каф. 20; Печ. 68, 19 каф; Белг. 36, Плевля 80 — 20 каф. (88).

Многомутное море житийского волнения ум ми мутит и злаго разбойника стрелы — Луцк., л. 157об., каф. 16. (89).

Надеже всем концем земли Ты, пресвятая Дево Госпоже Богородице, мое утешение — Луцк., л. 150, каф. 15. (90).

¹⁷ Публикация [Щепеткин 2021: 265].

О великое прибежище роду человеческому и великое спасение грешным – Рум. 327, л. 9 об., каф. 2.¹⁸ (91).

О люте мне, скверному и нечисту, крещение осквернных и заповедь Божию преступих – Син. тип. 28, л. 156, каф. 18; Син. тип. 32, л. 191об., каф. 18; Син. тип. 34, л. 76, каф. 9. (92).

О тресвятая и препетая владычице Дево, пречистая Мати Христа Бога нашего, божественного естества приятелище – Син. 235, л. 258об., каф. 16 мътва сѣти вѣк. (93).

Отче и Сыне и святый Дусе, Ты еси Бог беззрешиен, животу и смерти имея власть – Син. тип. 28, л. 126, каф. 15; Син. тип. 34, л. 126об., каф. 14. (94).

Пакы запят быв окаянныи умом, неприязненный обычаем и греху работая – Син. тип. 27, л. 157об., каф. 13; Рум. 327, л. 64, каф. 14; Син. тип. 29, л. 149об., каф. 13; Син. тип. 30, л. 93об., каф. 13; Син. тип. 33, л. 81об., каф. 13; Син. тип. 35, л. 130об., каф. 13; Луцк., л. 140, каф. 14; Ф.п.І.1, л. 161 об., каф. 13; Ф.п.І.3, л. 142 об., каф. 14; Син. 235, л. 138 об., каф. 9; ЯМЗ 15482, л. 102, каф. 13; Чертк. 251, л. 183 об., каф. 14.

Григ. 4, л. 162об., каф. 14; Гильф. 17, л. 111, каф. 14; Рад., л. 113, каф. 14: Нор, л. 162, каф. 13. (95).

Πάλιν ὑπεσκελίσθην ὁ τάλας τὸν νοῦν, τῇ πονηρῷ συνήθεια τῆς ἀμαρτίας δουλεύων.... Rargulov (22).

Помилуй мя, преблагый Господи, яко многое без ума совершил паче всех человек, живущих на земли – ТСЛ III 7, л. 297 об., каф. 19. (96).

Помощник ми буди, владыко Христе всех Господи, заступи мою душевную немощь – Рум. 327, л. 110об. каф., 17; ЯМЗ 15482, л. 127, каф. 16.

Григ. 4, 166об. каф. 17; Печ. 68, Белг. 36, Плевля 80 – 11 каф.; Гильф. 17, л. 145, каф. 18; Рад., л. 137, каф. 17.

Хил. 453, л. 105об. мол на полунощнице.

Часослов: ЯМЗ 15481, л. 226об. (97).

Βοηθός μου γενοῦ, δέσποτα τῶν ἀπάντων Χριστὲ, ὑπεράσπισον τῆς ψυχικῆς μου ἀσθενείας (мол. Ефрема Грека [Assemani III, 489]).

Преже всего створенаго Бог есть, свет проразумный и прежде света разумнаго присно в себе сый свой имей ум – Ф.п.І.2, л. 142, каф. 9. (98).

Препетая и пресвятая, чистая и пречистая Владичице Дево Богородице, пре-взиде вся небесныя силы – Рум. 327, л. 90 об., каф. 18¹⁹. (99).

Пресвятая/Пречистая владычице Богородице веде, яко сквернав и нечист есмь – Хлуд. 3, л. 217об., каф. 16 мътва. къ сѣти вѣци; Рум. 327, л. 20, каф. 3; Луцк., л. 70об., каф. 7; Ф.п.І.2, л. 243об., каф. 15.

Часослов: Q.п.І.57, л. 224об. мѡ петра чесфориꙗца къ сѣти вѣце (100).

Пресвятая владычице Богородице, едина Госпоже моя к Богу присвоение, Божественая роса иссохшему ми сердцу – Рум. 327, л. 90об., каф. 15.²⁰ (101).

¹⁸ Публикация [Щепеткин 2021: 264–265].

¹⁹ Публикация [Щепеткин 2021: 268].

²⁰ Публикация [Щепеткин 2021: 266–267].

Пресвятая владычице Део пречистая, божественного и неизреченного естества приятелище – Син. 325, л. 260об., каф. 17. (93)

Пресвятая Део Марие и Мати животу нашему, помощнице грешным – Ф.п.И.3, 160 об., каф. 16. (102).

Пречистая владычице Богородице, Госпоже моя, отжени нечистыя помыслы от страстного сердца моего и угаси пламень страсти – Е.п.И.2, л. 126об., каф. 8; Ф.п.И.3, л. 123, каф. 12. (103).

Приими Господи Боже мой, раба своего имярек, исповеданием приносимое Ти приношение, надею бо ся, владыко, на пучину милосердия Твоего – ТСЛ III 7, л. 243 об., каф. 15; Син. тип. 29, л. 169об., каф. 15; Син. тип. 30, л. 105, каф. 15, Син. тип. 33, л. 99, каф. 15; Ф.п.И.1, л. 184, каф. 15.

Плевля 80, Печ. 68 – каф. 18; Нор., 234об., каф. 19. (104).

Приими, Госпоже Богородице, глас молитвы нашей/моей, юже недостоино приношу Ти – Рум. 327, л. 52об., каф. 11; Син. тип. 34 л. 49об., каф. 6; Син. тип. 35, л. 68, каф. 8; Луцк., л. 9об., каф. 1 (мол. Кирилла Туровского в среду по часех). (105).

Приими мое исповедание, Господи Боже мой, и подаждь ми Твою помощь вскоре – Луцк., л. 61, каф. 6. (106).

Приими, Отче Боже многомилостивый, мертвца погубившаго душу – Син. тип. 27, л. 136, каф. 11; Q.п.И.37, л. 11об., каф. 11; Рум. 327, л. 52, каф. 11; Син. тип. 34, л. 29, каф. 4; Син. тип. 35, л. 34, каф. 5; Син. 325, л. 241, каф. 11; Ф.п.И.4, л. 86об., каф. 11; ЯМЗ 15482, л. 85об., каф. 11; Чертк. 251, л. 144об., каф. 11.

Григ. 4, л. 159, каф. 11; Боян., л. 66, каф. 10; Нор., л. 196, каф. 16; Рад., л. 84об., каф. 11; Гильф. 17, л. 86, каф. 11; Рс-34, л. 12, каф. 11. (107).

Приенотекущий источник милости и глубина человеколюбия, бездна щедрот – Син. 235, л. 11об., каф. 1 мѣтва сѣтъ леона црѧ константина града. (108).

Сама Госпоже Богородице, видиши мя в страстех потапляема, тишину мира родила еси – Ф.п.И.3, л. 90, каф. 9; Ф.п.И.1, л. 120об., каф. 10. (109).

Слава и великолепие единому благому и человеколюбцу Богу, молю Твою благость, Господи, исцели сотрения души моей – Нор., л. 92, каф. 7. (110).

Слава Тебе необъемлемый, слава Тебе долготерпеливе, слава Тебе незлобиве – Нор., л. 125об., каф. 10. (111).

Δόξα σοι ὁ ἀνεχόμενος, δόξα σοι μακρόθυμε, δόξα σοι ἀνεξίχαχε... Parpulov (44).

Сокровище благым, Господи Боже наш, давый человеком покаянием отпущение – Хлуд. 3, л. 64об., каф. 5; Ф.п.И.2, л. 250, каф. 18 мѡ^а к творцю. (112).

Тебе единому благому, Господи, припадаю, молюся всякого греха повинен – Белг. 36, Печ 68 – каф. 10; Рад., л. 62, каф. 9. (113).

Тебе единому благому и не поминающему злоб исповедаю грехы своя, яко мне молчащу ты веси их – Нор., л. 63об., каф. 5. (114).

Σοὶ τῷ μόνῳ ἀμυησικάκῳ Θεῷ καὶ Κύριῷ μου ἀγαθῷ καὶ οἰκτίρμονι ἐξομολογοῦμαι τὰς ἀμαρτίας μου... Parpulov (106).

Тебе единому благому человеколюбцу Богу и Отцу щедрот всесильному, единому, милостивому – Хлуд. 3, л. 234, каф. 17 мοѧ за всѧ оѹсъпшага (мол. Кирилла Туровского в субботу по заутрени). (115).

Тебе непорочней Матери Бога нашего моляся не престаю грешний раб Твой – Рум. 327, л. 75, каф. 14²¹; Луцк., л. 31, каф. 3. (116).

Тебе пречистей Божьей Матери аз оканьный припадаю моляся, вижь, царице, яко беспрестани сгрешаю – ТСЛ III 7, л. 105, каф. 6; Син. тип. 28, л. 50об., каф. 8; Син. тип. 32, л. 86, каф. 8; Ф.п.І.4, л. 70об., каф. 9; Син. 325, л. 237, каф. 10; Рум. 327, л. 75, каф. 14; Луцк., л. 131об., каф. 13 мл̄тва къ ст҃ѣни вѣн. (117).

Ты, владыко человеколюбче, створил мя еси и самовластием почтил мя еси – ТСЛ III 7, л. 254об., каф. 16; Син. тип. 34, л. 118, каф. 13; Син. тип. 28, л. 104об., каф. 13; Ф.п.І.4, л. 107об., каф. 14. (118).

Узы мне, грешному, что ожидает оканьная моя душа – ТСЛ III 7, л. 86, каф. 5; НБС Рс-3, л. 1.

Часослов: ЯМЗ 15481, л. 32. (119).

Услыши, Госпоже Богородице, вопль и рыданье грешного раба, не имею бо дерзновения к Сыну Твоему – Син. тип. 35, л. 47, каф. 6. (120).

Цесарю славы, едине бессмертне, Отче небесный, буди ми помощник в годъ, еже побежаем буду – ТСЛ III 7, л. 205, каф. 12; Син. тип. 29, л. 139об., каф. 12; Син. тип. 33, л. 73об., каф. 12; Син. тип. 35, л. 108об., каф. 11; Луцк., л. 80, каф. 8 мл̄тва къ гоуѣ боуѣ; Ф.п.І.3, л. 113об., каф. 11; Ф.п.І.1, л. 137, каф. 11. (121).

Цесарю славы, едине бессмертне, Отче небесный, (иже) крепостью промыслом Твоего благодати – Син. тип. 27, л. 148, каф. 12; ТСЛ III 7, л. 189об., каф. 11; Рум. 327, л. 72, 13 каф.; Син. тип. 29, л. 129 об., каф. 11; Син. тип. 32, л. 130 об., каф. 12; Син. тип. 33, л. 64, каф. 11; Син. тип. 34, л. 67, каф. 8; Ф.п.І.4, л. 100об., каф. 13; Ф.п.І.2, л. 82, каф. 5; Рум. 327, л. 72об., каф. 13; Син. 325, л. 247об., каф. 13; Чертк. 251, л. 170, каф. 13.

Григ. 4, л. 161об., каф. 13; Рад., л. 103об., каф. 13; Гильф. 17, л. 102, каф. 13; Печ. 68, Белг. 36, Плевля 80–14 каф; Рс-34, л. 15, каф. 13. (122).

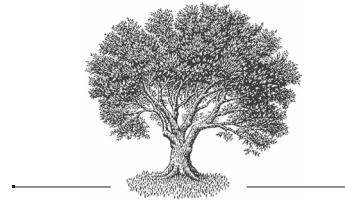
Цесарю славы, едине бессмертне, Отче словом Твоего благости и ни единому же человеку погибнуть хощеши, но всем спастися хотяя, не остави мне погибнуть – ЯМЗ 15482, л. 94, каф. 12. (123).

Что воздам Ти, Господи Иисусе Христе, Сыне божий за вся яже створил еси роду человеческому – Хлуд. 3, л. 206, каф. 15; Ф.п.І.2, л. 228, каф. 14 (мол. Кирилла Туровского в пятницу по часех). (124).

Щедролюбче, человеколюбче Иисусе многомилостиве, всего мира грехи взем – Ф.п.І.2, л. 296об., каф. 19. (125).

Щедрый, милостивый Боже, хотяй поганым спасения и в разум истинный прити – Хлуд. 3, л. 51, каф. 4. (126).

²¹ Публикация [Щепеткин 2021: 265–266].

Иона, архиепископ
Новгородский,
и вопрос
о каноническом
подчинении
Новгородской
епархии
(К истории борьбы
московской и
литовской партии
в Новгороде)*

Борис Андреевич
Успенский

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Jonas, Archbishop
of Novgorod,
and the Question
of the Canonical
Subordination of the
Novgorod Diocese
(To the History
of the Struggle
of the Moscow and
Lithuanian Parties
in Novgorod)

Boris A. Uspenskij

HSE University,
Moscow, Russia

* В научной работе использованы результаты проекта «Лингвосемиотические
аспекты истории русской культуры: Средние века и раннее Новое время»,
выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ
в 2023 г.

Цитирование: Успенский Б. А. Иона, архиепископ Новгородский, и вопрос о каноническом
подчинении Новгородской епархии (К истории борьбы московской и литовской партии в
Новгороде) // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 42–82.

Citation: Uspenskij B. A. (2023) Jonas, Archbishop of Novgorod, and the Question of the Canonical
Subordination of the Novgorod Diocese (To the History of the Struggle of the Moscow and Lithuanian
Parties in Novgorod). *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 42–82.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.02

Резюме

В работе показывается, что св. Иона, архиепископ Новгородский (1458–1470) — последний независимый архиепископ Великого Новгорода, — был сторонником литовской партии, а отнюдь не сторонником Москвы, как это утверждает агиографическая традиция и как это вообще принято думать. В частности, он хотел, чтобы его преемник был поставлен не в Москве, а в Киеве (т. е. в Литовской Руси). В этой связи рассматривается вопрос: обещал ли Иона не признавать митрополита Григория Болгарина, поставленного в Риме на Киевскую кафедру.

Ключевые слова

Иона (новгородский архиепископ), Иона (митрополит Киевский и всея Руси), Феофил (новгородский архиепископ), Григорий Болгарин, Дионисий I (константинопольский патриарх), Иван III, Михаил Олелькович, Новгород, Литовская Русь, история русской церкви, церковная юрисдикция, поставление архиерея, архиерейское обещание

Abstract

The present work aims to demonstrate that St. Jonas, Archbishop of Novgorod (1458–1470)—the last independent Archbishop of Veliky Novgorod—was a supporter of the Lithuanian party, and not at all an adherent of Moscow, as hagiographic tradition claims and is commonly thought. In particular, he wanted his successor to be consecrated not in Moscow, but in Kiev (i.e., in Lithuanian Rus'). In this connection we consider the question: whether Jonas promised not to recognize Gregory the Bulgarian, who was appointed in Rome to the metropolitan see of Kiev.

Keywords

Jonas (archbishop of Novgorod), Jonas (metropolitan of Kiev ana All Rus'), Thephilos (archbishop of Novgorod), Dionysios I (patriarch of Constantinople), Ivan III, Mixail Orel'kovich, Novgorod, Lithuanian Rus', history of Russian Church, ecclesiastical jurisdiction, episcopal consecration, episcopal vows

Памяти Андрея Ивановича Плигузова

§ 1. 8 ноября 1470 г. (или, по другим сведениям, 5 ноября) скончался Иона, архиепископ Новгородский, и встал вопрос о избрании и поставлении его преемника. Через неделю (или через десять дней) после смерти Ионы, 15 ноября 1470 г., на новгородскую кафедру избирается священномонах Феофил, бывший владычный ризничий [ПСРЛ, XXV, 1949: 284; ПСРЛ, VIII, 1859: 159; ПСРЛ, XII, 1901: 125; ПСРЛ, VI, 1853: 6; ср. также: Рудаков 1913: 478]. В соответствии с древней новгородской традицией, Феофил был избран жребием из трех кандидатов (см. об этой традиции: [Успенский 1998: 286–303]). Другими кандидатами были Варсонофий, духовник архиепископа Ионы, и Пимен, владычный ключник [ПСРЛ,

V/2, 2000: 172]. Если Пимен, заместитель («наместник») Ионы, был тесно связан с почившим архиепископом (во время отсутствия владыки Пимен управлял новгородской епархией)¹, то относительно Феофила это не так очевидно. Феофил был новопостриженный монах, который до пострижения служил мирским протодиаконом на владычном дворе, т. е. принадлежал к белому духовенству; тогда же, видимо, он был владычным ризничим. Приняв постриг в Вяжищском монастыре, Феофил стал жить в Вяжищах²; для дальнейшего изложения важно отметить, что в конце жизни Ионы он перестал с ним регулярно общаться. Цитированные выше летописи называют его «священноиноком», т. е. иеромонахом³; очевидно, став монахом, он был рукоположен в священники.

После избрания Феофила новгородцы отправляют посла Никиту Ларионова (Савина)⁴ в Москву к великому князю Ивану III и митрополиту Филиппу и получают от них приглашение для поставления⁵.

¹ Во время своей поездки в Псков (зимой 1469 г.) Иона оставил Пимена «на вся дѣла» [ПСРЛ, XVI, 1889: стлб. 223–224]. Отметим (хотя это не имеет отношения к нашей теме), что Пимен был иконописцем: в 1463 г., будучи уже владычным ключником, он расписывал Никольскую церковь в новгородском Никольском монастыре на Островке [Ibid.: стлб. 213–214].

² Ср. во Второй Софийской летописи: «возведоша Феофила, нѣкого новопостриженна мишка, діакону ему мірському бывши у того же Іоны архієпіскопа» [ПСРЛ, VI, 1853: 191; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 170]; то же дословно в Типографской летописи [ПСРЛ, XXIV, 1924: 188]. В Третьей Псковской летописи Феофил называется протодьяконом и владычным ризничим; как указывает эта летопись, во время избрания в архиепископы Феофил жил в Вяжищском монастыре, ср.: «И избра Богъ и святыи Софеи Премудростъ Божия слоужителя своему престолу, а великому Новоугородоу преосвященному архиепископу, и остане на престолѣ жребеи Фифилактос [sic! читай: Феофилос. — Б. У.] протодиакона и ризника владычния; и всъ великомъ Новъгородъ тымы часы гнавше на Вежище, преведше ѹ и възведе въ владычень дворъ на сени честно, и нарекше ѹ преосвященнымъ архиепископомъ» [ПСРЛ, V/2, 2000: 172]. — О том, что на владычном дворе в Новгороде в это время служили не только иноки, см.: [Голубинский, II/2: 47].

³ Священоиноками были и другие кандидаты в новгородские архиепископы (Варсонофий и Пимен), что отвечает принятому в то время в Новгороде обычанию. Ср. в цитируемых ниже великокняжеских летописях: «каковъ бяше обычай у них, [...] начаша избирати о священоинок на архиепископию».

⁴ В московском великокняжеском летописании этот посол именуется *Никитой Ларионовым* [ПСРЛ, XXV, 1949: 284; ПСРЛ, VIII, 1859: 159; ПСРЛ, XII, 1901: 125; ПСРЛ, XXVI: 231; ПСРЛ, XXVII, 1962: 129; ПСРЛ, XVIII, 1913: 225; Иоас. лет.: с. 63], в «Словесах избранных...», московском трактате о событиях 1471 г. (см. ниже, примеч. 9). — *Никитой или Микитой Савиным* [ПСРЛ, IV/2, 1925: 502; ПСРЛ, XLIII, 2004: 191; ПСРЛ, VI, 1853: 4; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 184; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 151; ПСРЛ, XX/1, 1910: 286]. Митрополит Филипп называет его *Микитой Савичем* или *Микитой Савиным* [РИБ, VI, № 102: стлб. 725; АИ, I, №№ 279, 280: 511, 513]. По-видимому, *Сав(в)ой* звали отца Никиты, т. е. *Савин* (как и *Савич*) было его отчеством, а *Ларионов* — родовым прозванием.

⁵ См. опасную грамоту Феофилу, выданную митрополитом Филиппом вслед за упоминаемой здесь же опасной грамоте, выданной ему великим князем: [АИ, I, № 279: 511–512].

Подробный рассказ об этих и последующих событиях содержится в московском великоокняжеском летописании, в частности, в Московском летописном своде конца XV в.:

Новогородци же по старинъ, каковъ бяше обычай у них, створиша вѣче и начаша избирати о священноминок на архиепископью, и, избравше трех, метнуша жребиа. И паде жребии на нѣкоего священноминока Феофила именем, и вѣзведоша его на дворь архиепископль. И послаша к великому князю Ивану Васильевичу посла своего Никиту Ларионова бити челом и опаса просити, что бы нареченному их черныцу Феофилу пожаловал, велѣл быти к себѣ на Москву и поставити бы его велѣль своему отцу Филиппу митрополиту на архиепископью Великого Новагорода и Пскова, яко же и прежде сего было при преднему князехъ. Князь же велики по их чelобитью и прошению ничто же къ преднему примышля, но и легче жалуя, посла их почтивъ, отпусти со всѣм, о чем ему билъ чelом от всего Новагорода, отвѣтъ давъ ему таковъ: “что отчина моя Великии Новъгород прислали ко мнѣ бити чelом о том, что взял Богъ отца их, а нашего богомолца архиепископа Иону, а избрали себѣ по своему обычая по жребиемъ, священноминока Феофила, и язъ ихъ, князь велики, жалую, и того нареченного Феофила, и велю ему быти к себѣ на Москву и ко отцу своему Филиппу митрополиту стати на архиепископью Новагорода и Пскова без всяких зацѣпок, но по прежнему обычаяу, как было при отцѣ моемъ великом князе Василье и при дѣде и при прадѣде моемъ и при прежде бывших всѣх великих князеи, их же род есмы, Володимерьских и Новагорода Великого и всеа Руси”

[ПСРЛ, XXV, 1949: 284; то же: ПСРЛ, VIII, 1859: 159; ПСРЛ, XII, 1901: 125; ПСРЛ, XXVI, 1959: 230–231; ПСРЛ, XXVII, 1962: 129; ПСРЛ, XVIII, 1913: 225; Иоас. лет.: 62–63].

Как видим, в ответе Ивана III вопрос о поставлении новгородского архиепископа оказался связанным с притязаниями великого князя на власть в Новгороде — с объявлением Новгорода своей наследственной вотчиной⁶.

Когда посол (Никита Ларионов/Савин) вернулся в Новгород с ответом великого князя, в городе начались волнения, которые не позволили Феофилу поехать в Москву. Собравшись на вече, люди кричали: «Не хотим за великого князя Московъского, ни зватися отчиною его. Волны есмы люди Велики Новъгород, а Московской князь велики многие обиды и неправду над нами чинит, но хотим за короля Польского и

⁶ В дальнейшем по той же логике московский митрополит Филипп в своих увещевательных грамотах в Новгород (первой половины 1471 г.) убеждает новгородцев сохранять православие, соблюдая верность великому князю московскому как своему «отчуцу и дедичу» [АИ, I, № 508: 512–513; РИБ, VI, № 102: стлб. 723, 730]. То и другое оказывается прямо и непосредственно связанным: признание Ивана III «отчичем и дедичем» выступает здесь как условие правильного (православного) вероисповедания. См.: [Успенский 2021а: 242–243].

великого князя Литовского Казимера». Сторонников литовской партии было, по-видимому, большинство⁷, и на вече было решено, что архиепископ должен быть поставлен не в Москве (митрополитом Филиппом), а в Киеве (митрополитом Григорием); оба митрополита назывались митрополитами «всех Руси», но Григорий к тому же назывался еще и «киевским», так как в Киеве находилась его кафедра⁸. Поскольку Феофил, видимо, не готов был отказаться от поездки в Москву, Пимен, один из кандидатов в архиепископы, заявил, что готов ехать в Киев для поставления: «Хотя на Киев мя пошлете, и тамо аз на свое поставлене еду» ([ПСРЛ, VI, 1853: 6; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 187; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 152; ПСРЛ, XX/1, 1910: 287; ПСРЛ, IV/2, 1925: 503; ПСРЛ, XLIII, 2004: 192]; слово *хотя* означает здесь: ‘если вам будет угодно’); рассказ о Пимене содержит в так называемых «Словесах избранных...», московском трактате о новгородских событиях 1471 г.⁹ Это предложение было отвергнуто, и с Пименом жестоко расправились [ПСРЛ, V/2, 2000: 172–173]; о причинах расправы в летописи прямо не говорится, но очевидно, что он был обвинен в стремлении захватить святительский престол.

⁷ Ср. в Типографской летописи: «овій бо хотяху за великого князя, іні же мнози за короля» [ПСРЛ, XXIV, 1925: 189].

⁸ Наименование «митрополит Киевский и всея Руси» соответствует полному титулу русских митрополитов до автокефалии Русской церкви (находившихся в юрисдикции патриарха Константинопольского); одновременно они могли называться «митрополитами всея Руси» — таков был их краткий титул. Митрополит Иона, поставленный в 1448 г. епископами Московской Руси без санкции Константинополя, не называл себя «киевским» до официального признания в Литве в 1450–1451 гг., после чего он становится, подобно своим предшественникам, «митрополитом Киевским и всея Руси». С появлением в Литве митрополита Григория эпитет *киевский* в титуле митрополита Ионы оказывается номинальным. Соответственно, преемник Ионы, митрополит Феодосий Быvalьев, именуется «митрополитом всея Руси», и такой же титул носят все последующие этого митрополиты, возглавляющие Русскую автокефальную церковь (не подчиняющиеся Константинополю). Таким образом наименование «митрополит всея Руси», бывшее ранее кратким вариантом титула общерусских митрополитов, становится принятым титулом главы Русской церкви. См.: [Успенский 1998: 223, 233].

⁹ «Словеса избранные...» дошли до нас в составе летописей — Второй Софийской [ПСРЛ, VI, 1853: 1–15; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 177–208; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 149–158], Львовской [ПСРЛ, XX/1, 1910: 283–296], Четвертой Новгородской [ПСРЛ, IV/2, 1925: 498–513] и Новгородской по списку Дубровского [ПСРЛ, XLIII, 2004: 188–199]. Полное название трактата: «Словеса избранна от святых писаний о правде и о смиренномудрии, еже сотвори благочестия делатель, благоверный великий князь Иван Васильевич всея Руси, и ему же похвала о благочестивей вере, даже до величавых мужей Новгородских, ихже смири Господь Бог и покори под руку его, он же благочестивый и смиловася о них Господа ради и утиши землю их». Выражение «величавые мужи Новгородские» — по-видимому, насмешка над новгородцами, которые называют себя «вольными мужами» (или «вольными людьми») (ср. ниже, §§ 1–3).

Мы не знаем, было ли отправление Никиты Ларионова/Савина в Москву после избрания Феофила санкционировано вечем¹⁰. Судя по реакции новгородцев на послание великого князя, это не кажется вероятным. По-видимому, это была инициатива промосковской партии, которая хотела обеспечить таким образом поставление новгородского владыки в Москве. Представителям этой партии было, несомненно, известно об антимосковских настроениях в Новгороде, и они, может быть, попытались предупредить возможное развитие событий.

§ 2. Вслед за рассказом о антимосковских настроениях летописи сообщают о решении отправить к королю Казимиру IV послов; по-видимому, это было решение новгородского веча:

Злодѣи же онии, противници сътворше себѣ православию, Бога не боащеся, и посол свои [вариант: *послы свои*. — Б. У.] послаша к королю с поминки многими, Панфилу Селивонтова [т. е.: Селифонтова. — Б. У.]¹¹ да Кирила Иванова сына Макарина, глаголюще:

“Волны есмы люди Великыи Новъгород, бьемъ челом тебѣ, честному королю, что бы еси государь [читай: *господарь* (вариант: *государю*, читай: *господарю*). — Б. У.]¹² нашему Великому Новугороду и нам господинъ был. И архиепископа вели нам поставить своему митрополиту Григорью и князь нам дай из своее дръжавы”.

Король же приать дары ихъ с любовью и рад бывъ рѣчем ихъ и, много чтив посла их, отпусти к ним со всѣми тѣми речьми, чего хотѣли [т. е: с теми словами,

¹⁰ Обращает на себя внимание в этой связи, что к великому князю был послан человек не слишком знатного происхождения. В 1475 г. во время поездки в Новгород Иван III отказался принять Никиту Ларионова (Савина), сославшись на его низкий социальный статус. Ср.: «И въ той день [21 ноября, Введение Богородицы. — Б. У.] князь велики пріѣхалъ на Городище и обѣдно слушаль у Благовѣщенія и ъль у себе. Владыка же прислалъ къ дворецкому и къ конюшему Никиту Савина да Тимоѳѣя Лунева брата кормы отдавати; и князь велики тѣхъ не похотѣлъ, да и на владыку о томъ озлобился, что тѣ къ тому дѣлу неприложи, да и корму взяти не вѣльть; архиепископъ же добиль челом о томъ великому князю бояры его [т. е.: через бояр великого князя. — Б. У.], а велѣль кормы отдавати намѣстнику своему Юрью Репехову, а тѣ съ нимъ же в поддатнѣхъ [т. е.: в помощниках. — Б. У.], и князь велики нелюбіе владыцѣ отложилъ и пожаловалъ, кормы велѣль имати» [ПСРЛ, VI, 1853: 201–202; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 244; ПСРЛ, XII, 1901: 161; ПСРЛ, XX/1, 1910: 315].

¹¹ Селифонт представляет собой форму имени Силяун/Сильван/Селифан, сближившуюся с именем Ксенофонт.

¹² Слово *государь* в изданиях, на которые мы ссылаемся, во всех случаях воспроизводит слово *господарь*. Слово *государь* в рассматриваемый период не существовало (оно появляется не ранее середины XVI в.). Публикаторы передают таким образом сокращенную форму *гѣрь* или *ѓѣрь*, которая в текстах, относящихся к этому времени, должна раскрываться только как *господарь*. См.: [Золтан 2002; Idem 2014: 46–72]; ср. также: [Успенский 2020: 167–168 (примеч. 6); Idem 2021: 26; Idem 2023: 9–13].

которые участники посольства хотели от него услышать. — Б. У.¹³, и князя посла къ ним Михаила Олелкова сына Киевъского [Михаила Александровича, сына киевского князя Александра (Олелька) Владимиоровича. — Б. У.]. Новогородцы же приаша его честнѣ. Намѣстниковъ же князя великого не сослаша з Городища, а что был у них князь Василий Горбатого, брат Суздальских князей [князь Василий Васильевич Шуйский Гребенка. — Б. У.], а того послана въ Заволочие в заставу на Двину

[ПСРЛ, XXV, 1949: 285; то же: ПСРЛ, VIII, 1859: 160; ПСРЛ, XII, 1901: 126; ПСРЛ, XVIII, 1913: 226; ПСРЛ, XXVI, 1959: 232; ПСРЛ, XXVII, 1962: 130; Иоас. лет.: 64]¹⁴.

О посольстве Памфилы Селифонтова и Кирила Иванова, сына Макарына, говорится и в «Словесах избранных...» (московском трактате, о котором мы упоминали выше, см. § 1):

...королю вся отдавающе, да с темъ къ нему послана своихъ, Памъёилия Селифонтова да Кирила Иванова сына Макарына, и с великимъ чelобитиемъ да и со многими дары, пишучи да и зовучи его: “честныи король, господине нашъ”

[ПСРЛ, IV/2, 1925: 510; аналогично: ПСРЛ, VI, 1853: 12; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 201; ПСРЛ, XX/1, 1910: 293; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 155; ПСРЛ, XLIII, 2004: 196]; см. подробную цитату ниже, § 3].

Ср. пересказ этих событий во Львовской летописи:

Того же лѣта [6979 г. — Б. У.], непокаряющимся Новугородцомъ великому князю и въ воли его быти не хотящимъ, но отай великого князя послашася х королю, и грамоты докончальныя даша на себе; да и владыку хотяху въ Кieвъ ставити, и князя Михаила Оленкова себѣ взяша

[ПСРЛ, XX/1, 1910: 282]¹⁵.

Обращает на себя внимание разночтение *господарь — господарю* в обращении новгородцев к королю, цитируемом в московских

¹³ Ср. посольская речь ‘слова, передаваемые устно с послом’ [СлРЯ XI–XVII вв., XXII: 152].

¹⁴ К Михаилу Олельковичу перешли обязанности, которые ранее были возложены на князя Василия Гребенку, прежде всего защита города от внешних врагов. Городище было официальной великокняжеской резиденцией (см.: [Никитский 1869: 296–298; Янин 2008: 282]).

¹⁵ Ср. также в ростовской Типографской летописи: «И снясяша посадници на вѣчъ и Новогородъцкіе бояре вѣчницы и крамолницы и соуровіи человѣци и вси Новогородцы и послаша оканномоу Ляху и Латынину кралю Казимиру Литовскому, дабы за нимъ имѣти жити и ему дань давати и прося оу него собѣ князя, и к митрополиту Григорью, такому же Латынину, прося оу него собѣ епископа. Земстии же людие того не хотяху, но они, ихъ не слушающе, оупадиша с королемъ. Король же дасть имъ князя Михаила Олельковича Киевскаго, князь же Михайло выеха в Новгородъ, и приаша его Новогородцы с великою честью, а князю Василью тогда оу нихъ, Шуйскому, живущу, и даша ему Заволоскою землю» [ПСРЛ, XXIV, 1921: 188–189]. Близкий текст находим во Второй Софийской летописи [ПСРЛ, VI, 1853: 191; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 170], которая содержит явные вставки из Типографской (см.: [Лурье 1991: 147]).

великокняжеских летописях. В Московском летописном своде, Никоновской и Иоасафовской летописях это слово представлено в именительном падеже и вся фраза читается «что бы еси *государь* [читай: *господарь*. — Б. У.] нашему Великому Новугороду и нам господинъ был» [ПСРЛ, XXV, 1949: 285; ПСРЛ, XII, 1901: 126; Иоас. лет.: 64]. В Воскресенской, Вологодско-Пермской и Никаноровской летописях оно стоит в дательном падеже, и мы имеем чтение «что бы еси *государю* [читай: *господарю*. — Б. У.] нашему Великому Новугороду и намъ господинъ былъ» [ПСРЛ, VIII, 1859: 160; ПСРЛ, XXVI, 1959: 232; ПСРЛ, XXVII, 1962: 130]¹⁶. В Симеоновской летописи здесь также читается *государь* (т. е. *господарь*), но в разнотчтениях к ней по сходным спискам находим *государю* (т. е. *господарю*) [ПСРЛ, XVIII, 1913: 226]. В первом случае слово *господарь* относится к королю Казимиру, во втором — к Великому Новгороду. Полагаем, что правильным (прототипическим) чтением должно быть чтение в дательном падеже: король призывается быть господином господарю Великому Новгороду и всем новгородцам. Это отвечает как употреблению слова *господарь*, которое применяется в это время новгородцами к своему городу и не применяется по отношению к великому князю, так и употреблению слова *господин*: именно таким образом — словом *господин* — новгородцы именовали великих князей (см.: [Каштанов 2003: 308; Успенский 2021: 25, 29])¹⁷. Оба слова означают *властителя, повелителя*, но смысл их разный: *господин* владеет вольными людьми, *господарь* — холопами¹⁸. Не случайно новгородцы в переговорах с Казимиром называют себя *вольными людьми*: это отношение вассала и господина (но не холопа и господаря): «Волны есмы люди Великии Новъгород, бьемъ челом тебъ, честному королю, что бы еси *господарю* нашему великому Новугороду и нам *господин* был»¹⁹. Итак, ко-

¹⁶ В издании Воскресенской летописи, на которую мы ссылаемся, напечатано: *государь нашему великому Новъгороду* (со словом *государь* в именительном падеже), но в примечании отмечено, что во всех списках стоит не *государь*, а *государю* (в дательном падеже). Исправление *государю* на *государь* принадлежит А. Ф. Бычкову.

¹⁷ При этом король Казимир, вообще говоря, именовался *господарем*: таков был титул великих князей Литовских (см.: [Золтан 2002: 556–557]): новгородцы называют свой город так, как называет себя Казимир. Таким образом, наименование города (*господарь Великий Новгород*) оказывается здесь противопоставленным титулу короля.

¹⁸ Наименование великого князя *господарем*, а не *господином* означает в рассматриваемый период признание его неограниченной власти: с XIV в. название *господарь* приурочивается к лицу, владеющему несвободными людьми, тогда как слову *господин* приписывается власть над людьми свободными (см.: [Владимирский-Буданов 1906: 148, примеч. 1; ср.: Лакнер 1847: 101–103]).

¹⁹ Ср. начало грамоты сибирского хана Кучума к Ивану Грозному (1570 г.), содержащее инвокацию, интитуляцию и инскрипцию: *Бѣзъ вогатъ. Волнои үләкъ. Кочумъ Цѣрь, Великии Князь Бѣлои Цѣрь* [СГГД, II, № 42: 52].

роль Казимир приглашается быть господином «вольных людей», новгородцев, и «господаря Великого Новгорода». Выше мы видели, что так же называют себя на вече новгородцы, приверженцы литовской партии: «Волны есмы люди Велики Новъгород, а Московской князь велики мно-
 гы обиды и неправду над нами чинит» (см. § 1).

Остановимся еще на одном разночтении. Во всех летописях, кроме Воскресенской, читается фраза «Злодѣци [...] посол свои послаша», где сочетание *посол свои* представляет собой форму винительного падежа единственного числа. Между тем по смыслу это сочетание относится как будто к двум людям: Памфилу Селифонтову и Кириллу Иванову. В Воскресенской летописи в одном списке (Парижском) мы находим форму множественного числа: «Злодѣци [...] послы свои послаша»; в других списках (Синодальном и Карамзинском) представлена форма единственного числа: *посол* [ПСРЛ, VIII, 1859: 160]. Очевидно, это позднейшее исправление: писец Парижского списка исправил форму единственного числа на форму множественного, исходя из смысла текста. И далее во всех летописях (в том числе и в Парижском списке Воскресенской летописи!) слово *посол* фигурирует в форме единственного числа: «Король [...] много чтивъ *посла* ихъ отпусти». Здесь, по-видимому, какая-то путаница, восходящая к протографу цитируемых летописей: с одной стороны речь идет о посольстве к королю, состоящем из двух человек (Памфила Селифонта и Кирилла Иванова), с другой же стороны — о каком-то безымянном после. Следует предположить, что посольство к королю не состояло из двух только человек, упоминаемых в летописи (Памфила Селифонта и Кирилла Иванова): был какой-то посол, которого они, по-видимому, сопровождали. Равным образом, по всей вероятности, были и другие члены посольства, не названные в дошедших до нас летописных списках. Памфил Селионтов и Кирилл Иванов были, возможно, инициаторами посольства, его движущей силой, но было бы странно думать, что к королю были отправлены всего лишь два человека, не занимавшие высоких административных постов: по своему социальному статусу они относились к житым людям (см. ниже, § 3). Вообще посольство такого уровня состояло обычно из посадников и житых²⁰; здесь же названы только житы.

§ 3. До нас дошла договорная грамота («докончание») Новгорода с королем Казимиром, составленная от имени нареченного архиепископа Феофила, новгородских степенного посадника, степенного тысяцкого

²⁰ Ср. выразительную формулировку в договорной грамоте Казимира, великого князя Литовского, с Великим Новгородом 1440–1447 гг.: «А приѣхалъ от Новагорода Есиф Васильевичъ, сынъ посадничъ, а от житыхъ Тимофеи Ивановичъ» [ГВНП, № 70: 115].

«и от всего Великаго Новагорода мужеи волных» [ГВНП, № 77: 129–132; см.: Черепнин, I: 363–369]; грамота была написана не ранее середины марта и не позднее середины мая 1471 г. (см.: [Янин, 1991, № 110: 188]). Здесь фигурируют имена Памфил Селифонтова и Кирилла Иванова, т. е. тех людей, которые, согласно московским летописям, были отправлены к королю Казимиру; они определяются здесь как житьи люди²¹. Эта грамота во многом соответствует тому, о чем говорится в летописи: так же, как и в летописи, в ней говорится о посольстве к королю, отправленном после смерти архиепископа Ионы и наречения Феофила, и при этом называются одни и те же участники посольства (Памфил Селифонтов и Кирилл Иванов); как и в летописи, новгородцы называют себя *вольными людьми* («от всего Великаго Новагорода мужеи волных», «докончяль есми с ним миръ и со всѣмъ Великимъ Новымъгородомъ, с мужі волными», «а держати тебѣ, честны король, Велики Новгородъ в воли мужеи волныхъ»). Как явствует из грамоты, посольство состояло из шести человек, а именно, из двух посадников (Афанасия Остафьевича Груза и Дмитрия Исаковича Борецкого), посадничего сына (Ивана Кузмина) и четырех житьих (Памфил Селифонтовича, Кирилла Ивановича, Якима Яковлевича, Якова Зиновьевича и Степана Григорьевича). Таким образом, посольство было гораздо более представительным, чем это выглядит в летописи: оно не состояло только из житьих людей. Приведем начало грамоты:

Се язъ честны король полскіи и князь велиki литовъскіи докончяль есми міръ с нареченныи на владычество съ Феофіломъ, и с посадники новогородцкими, и с тысяцкими, и з бояры, и съ житьими, и с купці, и со всѣмъ Великимъ Новымъгородомъ. А пріехаша ко мнѣ послове от нареченаго на владычество Феофила, и от посадника степенного, и от тысяцкого степенного Василья Максимовича, и от всего Великаго Новагорода мужеи волныхъ посаднікъ новогородцкіи Офонос Остафьевичъ, посадникъ Дмитреи Исаковичъ и Иванъ Кузминъ, сынъ посадничъ, а от житьихъ Панфілеи Селіфонтовичъ, Кірilo Ивановичъ, Якимъ Яковличъ, Яковъ Зиновьевичъ, Степанъ Григорьевичъ. Докончял есми с нимі миръ и со всѣмъ Великимъ Новымъгородомъ, с мужі волными. А держати ти, честны король, Великі Новъгородъ на сеи на крестной грамотѣ

[ГВНП, № 77: 130].

²¹ Из грамоты видно, между прочим, что наименования *Селифонтов* и *Иванов* являются отчествами: речь идет, таким образом, о Памфиле Селифонтовиче и Кирилле Ивановиче, сыне Ивана Макарьевича. Памфил Селифонтович, сын Селифonta Твердиславича, – лицо, довольно известное в Новгороде (см. перечень упоминаний о нем: [Янин 1981: 219, 248, 258, 261, 266, 359]). Кирилл Иванов, сын Макарьин, был среди тех, кто встречал Ивана III во время похода великого князя на Новгород в ноябре 1475 г. [ПСРЛ, VI, 1853: 201; ПСРЛ, VI/2, 2001: слб. 243; ПСРЛ, XX/1, 1910: 314; ПСРЛ, XII, 1901: 160].

Отметим, что ни король, ни степенный посадник не названы в грамоте по имени; кроме того, здесь не проставлена дата. Очевидно, перед нами черновой список или какая-то несовершенная копия²². Степенным посадником в это время, по-видимому, был Тимофей Остафьевич (Евстафьевич)²³, брат посадников Афанасия Остафьевича Груза и Кузьмы Остафьевича; сын Кузьмы Остафьевича (Иван Кузмин) вместе со своим дядей, Афанасием Остафьевичем, упоминается в нашей грамоте как один из послов²⁴. Таким образом, посольство в значительной степени было представлено членами одной семьи — посаднической династии Грузовых, называемых так по родству с Афанасием Остафьевичем. Афанасий Остафьевич Груз, старый посадник, имя которого стоит первым в перечне послов, по-видимому, возглавлял посольство.

Как сообщается в «Словесех избранных...» (трактате, который мы цитировали выше, см. §§ 1 и 2), списки договорных грамот Новгорода с королем Казимиром были захвачены москвичами «в кошевых выюках» после победы в Шелонском сражении (14 июля 1471 г.); тогда же был схвачен и писавший их человек, имя которого, к сожалению, осталось неизвестно:

обретоша в кошевыхъ выюехъ у нихъ [новгородцев. — Б. У.] списки, в нихъ же бяше писанно с королемъ Новгородцкое докончание; они же [москвичи. — Б. У.], сия видѣвшe, подивишася [...] А списки Новгородския, что кончали с королемъ, да и того же человѣца обретше у себе же, кто ихъ писаль, с ними же вмѣсте послаша к великому князю на обличение онѣхъ лукавыхъ мужеи Новгородцкыхъ. Егда же сия услышавъ благочестивыи князь великии Иванъ Васильевичъ всея Руси, и возрадовася зѣло о неизреченнѣмъ и велицемъ Божии милосердии и о поданнѣи ему отъ Бога свыше помощи на лукавыхъ супостать его, и воздавъ хвалу Богу и пречистои его Богоматере, еже не попустиша отступникомъ лукавымъ на злую и неподобную мысль, и на развращения святыя церкви, и на смятение великихъ земль, и на вражду промежъ великихъ государей [читай: господарей. — Б. У.] и на пагубу всего православия; къ сему же еще

²² Было высказано предположение, что данная грамота представляет собой проект договора, не получившего одобрения короля (см.: [Раре 1904: 36–40]; ср. критические замечания К. В. Базилевича: [Базилевич 1952: 92–93]). В заключительной части грамоты содержится предложение королю целовать крест и указание на то, что новгородцы уже это сделали: «А на томъ на всемъ, честны король, кресть *цѣлови* ко всему Великому Новугороду [...]. А новогородцкіе послове *цѣловали* крест новгородцкою душою...» [ГВНП, № 77: 132]; см.: [Черепнин, Г: 364–365].

²³ Коростынский договор Новгорода с Иваном III от 11 августа 1471 г. называет (степенного) посадника Тимофея Остафьевича и (степенного) тысяцкого Василья Максимовича [ГВНП, № 26: 45]; мы видим здесь то же сочетание, что и в нашем договоре. О Тимофееве Остафьевиче см.: [Янин 2003: 379, 381].

²⁴ Иван Кузьмич Грузов был зятем известного посадника Захарии Григорьевича Овина (Овина). См.: [Янин 1991: 57, 70].

узри написание грамотъ ихъ, еже имъ бѣяще с королемъ докончание, и видѣ в немъ написание, что же города и волости его государева [читай: *господарева*. — Б. У.] великого княжения, и земли и воды, что пошлины его в Великомъ Новѣ-городѣ извечные, то все Новгородцы, на своихъ докончальныхъ спискахъ напи-савше, королю вся отдавающе, да с темъ къ нему послаша своихъ, Памъёилия Селионтова да Кирила Иванова сына Макарьина, и с велиkimъ чelобитиемъ да и со многими дары, пишучи, да и зовучи его: “честныи король, господине нашъ”. [...] Егда же з бою приведени быша мужие Новгородсти къ великому князю, иже благочестивый богомудрене обличи лукавыя о всѣхъ дѣлехъ и не-честия ихъ, како они и свѣта благочестия отступающе, к Латынотъ присту-пающе, а будучи его отчина великого князя, да сами како отдавахуся королю Латынскому государю [читай: *господарю*. — Б. У.], а на спискахъ доскончания ихъ какъ города и волости его великаго княжения Московскаго, и земли и воды, и вси его в Новѣгороде пошлины, все королю отписаша, по своему съ нимъ докончанию

[ПСРЛ, IV/2, 1925: 509–510; аналогично: ПСРЛ, VI, 1853: 11–12; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 200–202; ПСРЛ, XX/1, 1910: 293–294; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 155–156; ПСРЛ, XLIII, 2004: 196–197].

Мы снова встречаем здесь имена Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова; при этом упоминается их обращение к королю Казимиру «честныи король, господине нашъ», которое приводится в московских великокняжеских летописях (см. выше, § 2) и которое отсутствует в дошедшей до нас договорной грамоте. Важно отметить, что здесь «говорится не о списке, а о списках, т. е., по-видимому, о наличии не менее двух докончаний с Казимиром IV» [Янин 1991: 188].

Список договорной грамоты Новгорода с королем Казимиром до-шел до нас в единственном экземпляре в составе сборника новгород-ских и двинских грамот, хранящегося в Российской национальной би-блиотеке (под шифром О.IV.14, л. 27–27об.) и детально исследованного Л. В. Черепниным [Черепнин, I: 334–354]. Как установил Л. В. Черепнин, «этот сборник был составлен по частям в Москве между 1471 и 1476 гг. на основании той документации, которая оказалась в это время в ру-ках московского правительства. Подбор в нем документов совершенно определенно устанавливает политическую цель сборника. Готовясь к походу на Новгород в 1471 г., Ивану III важно было иметь обвинитель-ные материалы, устанавливавшие нарушение новгородцами прежних “докончаний” с великими князьями и оправдывавшие наступатель-ные действия со стороны Москвы (Яжелбицкий договор и другие). В это время одна из основных улик в измене новгородцев — докончаль-ная грамота с королем — еще не была известна Ивану III. Получив ее в свое распоряжение благодаря случайной находке, составители сбор-ника сделали ее центральной частью следующей группы документов,

которые должны были оправдать дальнейшие действия великого князя в отношении Новгорода» [Базилевич 1952: 92–93]; см. подробнее: [Черепнин, I: 335–336, 340–341, 349–350]²⁵.

В результате «мы располагаем не подлинной грамотой, которая, вероятно, была своевременно уничтожена, так как компрометировала ряд руководящих лиц в Новгороде, и даже не списком, найденным в “кошевом выюке”, а только копией с этого списка, включенной в сборник новгородских грамот» [Базилевич 1952: 92]. Это объясняет черновой или, точнее сказать, несовершенный характер рукописи, в частности, отсутствие даты и пропуски некоторых имен.

О поставлении новгородского архиепископа в нашей грамоте говорится в обтекаемой форме: оговаривается право Великого Новгорода ставить владыку там, где он находит нужным. Поскольку Новгород, согласно данной грамоте, переходит под патронат короля Казимира, эта формулировка означает, по-видимому, что новгородцы оговаривают возможность ставить архиепископа в Москве. Так, Феофил, от имени которого заключался договор с королем, по всей вероятности, предполагал быть поставленным именно в Москве, а не в Киеве. Власть Казимира не распространяется на церковные дела (то, на что претендует Иван III). Судя по всему, такова именно была позиция Феофила, от имени которого заключался договор с королем: вассальное подчинение при сохранении полной конфессиональной независимости; Новгород может быть под опекой короля, но под омофором московского митрополита «всех Руси»²⁶. Как писал Е. Е. Голубинский, «оставаясь верными православию, они [новгородцы. — Б. У.] формальным образом отдались в покровительство короля, заключив с ним договор» [Голубинский, II/1: 538]. Ср.:

²⁵ При этом, как доказал Л. В. Черепнин, новгородский архив в 1471 г. не попал в руки Ивана III (см.: [Черепнин, I: 334, 353; Базилевич 1952: 93, примеч. 1]). Предполагается, что он был своевременно уничтожен новгородским боярским правительством. Тем большую ценность представляла для Ивана III договорная грамота, захваченная в качестве трофея после Шелонской битвы.

Позднее, зимой 1478 г., в Новгороде были найдены еще какие-то докончальные грамоты «с великими князьями с Литовскими и с королем» [ПСРЛ, XXV, 1949: 322]; они не сохранились.

²⁶ Типографская летопись говорит об аресте Феофила в 1480 г.: «Не хотяше боярь владыка, чтобы Новъгородъ быль за великимъ княземъ, но за королемъ или за инымъ государемъ [читай: господаремъ. — Б. У.]» [ПСРЛ, XXIV, 1921: 198]. Вполне вероятно, что одной из причин ареста Феофила была договорная грамота 1471 г., где значится его имя.

Для характеристики Феофила показательно, вместе с тем, что во время Шелонской битвы 14 июля 1471 г. его воины не сражались с войсками великого князя: «а коневая рать не пошла к пѣшии рати на срокъ в пособie, зане же владычнъ стягъ не хотяхо оударитися на княжу рать, глаголюще: “владыка намъ не велълъ на великого князя руки подынути, послаль насъ владыка на Пѣсковичъ”» [ПСРЛ, IV/2, 1925: 446].

А держати тобѣ, честному королю, своего намѣстника на Городище от нашей вѣры от греческой, от православнаго хрестьянства. [...] А судіті ему в правду по крестному цѣлованью, всѣхъ равно. [...] А у нас тебѣ, честны король, вѣры греческіе православные нашей не отымати. А гдѣ будеть намъ, Великому Новугороду, любо в своемъ православномъ хрестьянствѣ [т. е.: по нашему православному обычая. — Б. У.], ту мы владыку поставимъ по своеи воле. А римскихъ церквей тебѣ, честны король, в Великомъ Новѣгородѣ не ставити, ни по пригородомъ новогородцкимъ, ни по всеи земли Новогородцкои

[ГВНП, № 77: 130–132].

Особого внимания заслуживает фраза о наместниках. В московских велиокняжеских летописях, которые мы цитировали выше, говорится, что после приезда в Новгород князя Михаила Олельковича, велиокняжеские наместники остались на Городище («намѣстниковъ же князя великого [Московского. — Б. У.] не сослаша з Городища»); теперь же, по-видимому, они должны быть заменены королевским наместником.

Основной смысл договора заключается в том, что «сложившаяся почти за два столетия новгородская “пошлина” в отношениях между Новгородом и русскими князьями по этому договору переносилась на великого князя Литовского» [Базилевич 1952: 97]. При этом гарантируется защита Новгорода от посягательств Ивана III:

А поидеть князь велиki московskі на Велиki Новъгородъ, илi его сынъ, илi его братъ, или которую землю подъиметь на Велиki Новъгородъ, ино тебѣ нашему господину честному королю всѣсти на конь за Велиki Новъгородъ и со всею съ своею радою літовskою противъ великого князя, и боронитi Велиki Новъгородъ. А коли, господине честны король, не умиривъ Великого Новагорода с великимъ княземъ, а поѣдешь в Лятцкую землю илi въ Немецкую, а бес тебе, господине, поидеть князь велиki, или его сынъ, или его братъ, илi кою землю подоиметь на Велиki Новъгородъ, ино твои радѣ літовskои всѣсти на конь за Велиki Новъгородъ, по твоему крестному цѣлованю, и боронити Новгородъ

[ГВНП, № 77: 130].

Заключительная клаузула грамоты выглядит таким образом:

А держати тебѣ, честны король, Велики Новъгородъ в воли мужеи волныхъ, по нашей старинѣ и по сеи крестной грамотѣ. А на томъ на всемъ, честны король, кресть цѣлуи ко всему Великому Новугороду за все свое княжество и за всю раду литовскую, в правду, без всякого извѣта. А новогородскіе послове цѣловаша крест новгородцкою душою къ честному королю за весь Велики Новъгородъ в правду, без всякого извѣта

[ГВНП, № 77: 132].

§ 4. Как видим, дошедшая до нас договорная грамота Новгорода с королем Казимиром лишь отчасти соответствует тексту обращения новгородского посольства к Казимиру, который цитируется в летописи (см.

выше, § 2). Принципиальное отличие заключается прежде всего в вопросе о поставлении новгородского архиепископа: в летописном известию новгородцы предлагают королю, чтобы по его повелению архиепископ был поставлен в Великом княжестве Литовском митрополитом Григорием; между тем в дошедшем до нас грамоте новгородцы настаивают на праве ставить архиепископа там, где будет любо Великому Новгороду. Иначе, как мы видели, решается здесь и вопрос о наместниках: в летописи после соглашения с королем наместники московского великого князя остаются на Городище, традиционной великокняжеской резиденции; в договорной грамоте на их месте появляется королевский наместник (православного вероисповедания).

Эти отличия между летописным известием и дошедшим до нас договором становятся понятными, если иметь в виду хронологическое несоответствие, на которое в свое время обратил внимание К. В. Базилевич и которое убедительно объяснил затем В. Л. Янин.

В летописном повествовании рассказ о посольстве к королю Казимиру является логическим завершением целой последовательности событий, связанных между собой причинно-следственными связями: смерть архиепископа Ионы (5 или 8 ноября 1470 г.), избрание на его место Феофила (15 ноября 1470 г.), отправление в Москву посла Никиты Ларионова/Санина с извещением об избрании Феофила и с просьбой о его поставлении, ответ Ивана III и, наконец, возмущение новгородцев, которые не хотят быть отчиной великого князя Московского и предлагаю ставить архиепископа (Филофея) в Литовской Руси у митрополита Григория. Эту цепочку событий, изложенных в хронологической последовательности, завершает сообщение о миссии Памфила Селифонова и Кирилла Иванова, которые просят короля поставить в Новгород архиепископа и прислать им князя «из своей державы»; удовлетворяя этой просьбе, говорит летописец, король присыпает в Новгород князя Михаила Олельковича.

Все эти события вытекают одно из другого, но в последнем звене этой цепочки обнаруживается хронологическое несоответствие или своего рода временной сдвиг. В самом деле, как отметили Базилевич и Янин, посольство к королю, в результате которого в Новгороде появляется князь Михаил Олелькович, должно было предшествовать всей совокупности перечисленных событий, а не следовать за ними [Базилевич 1952: 91; Янин 1991: 188]; см. также: [Алексеев 2018: 149–150]²⁷. По

²⁷ Ср. в «Словесех избранных...»: «Новогородстію людіє [...] лжуще своему государю [читай: господарю. — Б. У.] великому князо, да сами взыскаша собѣ Латыньского держателя государем [читай: господаремъ. — Б. У.], а прежде того и князя собѣ у него же взяша в Великіи Новъградъ, Киевъского князя Михаила Александровича, и держаша его у собе времѧ довольно, чинѧще тѣмъ грубость государю [читай:

достоверным указаниям летописи, Михаил Олелькович, «ис королевы руоки новогородци испросенъ», приехал в Новгород 8 ноября 1470 г. (в Михайлов день, т. е. на свои именины) — на третий день после смерти архиепископа Ионы или в самый день его кончины (в зависимости от того, как мы определяем день смерти архиепископа) — и оставался там до 15 марта 1471 г.²⁸ Переговоры о его приглашении должны были вестись, следовательно, еще при жизни архиепископа Ионы; несомненно, они велись с его благословения.

Московские великокняжеские летописи сообщают о посольстве к королю Казимиру с участием Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова; такое же указание содержится и в «Словесех избранных...» (см. выше, § 2). Эти два имени, как мы видели, фигурируют и в составе посольства к королю, отправленного в первой половине 1471 г. от имени нареченного архиепископа Феофила, о котором говорится в договорной грамоте (см. § 3). По логике изложения, летописец должен был бы иметь в виду именно это последнее посольство; между тем он цитирует текст, относящийся к другому, более раннему посольству (посольству с просьбой прислать в Новгород князя из Литвы), отправленному еще до наречения Феофила.

Как показал В. Л. Янин, было два новгородских посольства к королю, которые оказались смешаны в повествовании [Янин 1991: 188]²⁹. Одно посольство было отправлено при архиепископе Ионе (до ноября

господарю. — Б. У.] великому князю» [ПСРЛ, VI, 1853: 5; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 185; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 151; ПСРЛ, XX/1, 1910: 286; ПСРЛ, IV/2, 1925: 502; ПСРЛ, XLIII, 2004: 191].

²⁸ «Того же месяца въ 8 день [8 ноября 1470 г. — Б. У.] приехалъ в Новъгород на столъ князъ Михаило Олелковичъ князъ киевскъис королевы руоки новогородци испросенъ, а с ним на похвало людеи много силно; и новогородци ѹ приаше честно. Того ж месяца въ 15 день посадники новогородскии и тысяцкии и всъ Великом Новъгород, ou святого Софеа поставя вече пред святым Софеемъ, и положиша 3 жеребы на престолъ ou святыи Софеи [...] и остале на престолъ жребеи Фифилактов [sic! читай: Феофилов. — Б. У.] [...] и всъ Великом Новъгород [...] нарекше ѹ преосвященным архиепископомъ» [ПСРЛ, V/2, 2000: 172]. Ср.: «Того же месяца въ 15 день [15 марта 1470 г. — Б. У.] выеха из Новагорода князъ Михаил Киевскы, а поеха на Киевъ, на свою вотчиноу; а быль в Новъгородѣ 4 месяца и 8 днеи» [Ibid.: 175]. В других летописях та же последовательность событий передается без указания дат: «Того же лѣта [6979 г. — Б. У.] преставиша владыка Иона; и тое осени приѣхаль в Новъгородъ князъ Михаило Александровичъ из Литвы; и тое осени поставиша нареченаго на владычество Феофила мѣсяца ноеврия 15» [ПСРЛ, IV/2, 1925: 457].

²⁹ Я. С. Лурье не согласился с этим выводом: «О двукратных соглашениях новгородцев с Казимиром ни один источник ничего не говорит; очевидно, речь идет об одном и том же соглашении, по-разному датированному в “Словесах” и в великокняжеской летописи» [Лурье 2021: 189]. Это возражение не выдерживает критики. Молчание источников вообще не является аргументом (в противном случае была бы в принципе невозможна историческая реконструкция событий). Вместе с тем, достаточно сопоставить содержание переговоров с Казимиром в 1470 и 1471 г., чтобы убедиться в том, что речь идет о разных посольствах.

1470 г., по-видимому, летом этого года), другое при нареченном архиепископе Феофиле (в первой половине 1471 г.); при этом приглашение прислать из Литвы наместника «нашей веры», которое содержится в дошедшей до нас договорной грамоте, может быть тем или иным образом связано с отъездом из Новгорода князя Михаила Олельковича 15 марта 1471 г.³⁰ В обоих посольствах участвовали, по-видимому, Памфил Селифонтов и Кирилл Иванов, и это могло способствовать путанице. Описывая первое посольство, летописец называет только эти два имени, но трудно себе представить, чтобы посольство к королю по столь важному вопросу (с просьбой взять Новгород под свое покровительство, поставить архиепископа и прислать князя) состояло всего из двух «житых людей». В летописи, как мы помним, наряду с этими двумя новгородцами упоминается какой-то «посол», что позволяет предположить, что посольство было более представительным. Полагаем, что как в первом, так и во втором случае Памфил Селифонтов и Кирилл Иванов были в числе большей группы послов (см. выше, § 2).

В. Л. Янин считал, что летописный рассказ о переговорах Новгорода с Казимиром IV представляет собой «контаминацию двух новгородских действий — посольства, завершившегося присылкой в Новгород Михаила Олельковича, и посольства, снабженного [...] проектом до-кончания», т. е. рассмотренной выше договорной грамотой [Янин 1991: 188]. Может быть, это не совсем точно: не вполне удачным кажется слово «контаминация». Можно предположить, что летописец знал, что к королю после смерти Ионы и наречения Феофила было отправлено посольство с просьбой взять Новгород в свое покровительство;

³⁰ По мнению А. Е. Преснякова, Михаил Олелькович должен был стать литовским наместником в Новгороде. Ср.: «Дело шло о возвращении в Новгороде литовского наместника “от православного христианства”. По рассказам, сохранившимся в наших летописных сводах, план князя Михаила и Борецких состоял в том, чтобы за литовского пана, который станет новгородским правителем, выдать вдову посадника Исаака [Борецкого] Марфу и тем утвердить связь боярской партии с литовской правящей средой и ее господство над Новгородом [см.: «Словеса избранные»: ПСРЛ, ГУ/2: 502–503; ПСРЛ, XLIII, 2004: 191; ПСРЛ, VI, 1853: 5; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 185; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 151; ПСРЛ, XX/1, 1910: 286]. Возможно, конечно, что это только сплетня — новгородская или московская. Но положение Казимира перед новгородским делом было весьма затруднительно. Если оно представлялось возможным, то не иначе, как при участии православных князей и панов Литовско-русского государства, той среды русских Рюриковичей и обруслых Гедиминовичей или панов ливонцев, борьба с которыми была очередной задачей внутренней политики Казимира. Михаил Олелькович, виднейший представитель этой среды, ее кандидат на великое княжение, подготовлял в Новгороде почву для такого решения дела, которое едва ли было в намерениях короля: создания в Новгороде крупного наместничества для православного магната» [Пресняков 1923: 432]. Судя по всему, Михаил Олелькович не был королевским наместником, но мог рассматриваться в Новгороде как вероятный кандидат на эту должность.

ему были известны имена некоторых участников этого посольства, а именно, Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова, но он не знал конкретных деталей. Поэтому он процитировал другое посольство аналогичной направленности с теми же двумя участниками³¹. Это была не контаминация как таковая, а скорее субституция, один рассказ вместо другого. «Официозный рассказ [великокняжеского летописца о миссии Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова] — явно публицистический памятник. Он не содержит точных дат, не соблюдает хронологию. Рассказчику все это было неважно — он стремился подчеркнуть идеино-политическое значение событий, конкретные детали его не интересовали» [Алексеев 2018: 150].

§ 5. Итак, поездка новгородских послов к королю Казимиру IV с челобитной о присылке им князя предшествовала приезду в Новгород князя Михаила Олельковича 8 ноября 1470 г. Эта поездка состоялась еще при жизни архиепископа Ионы и, очевидно, с его благословения: невозможно себе представить, чтобы столь важное для Новгорода предприятие — обращение к королю с просьбой взять город в свое покровительство — произошло без благословения владыки.

Равным образом необходимо признать, что с ведома Ионы и с его благословения новгородцы просили короля поставить им архиепископа: «И архиепископа вели нам поставити своему митрополиту Григорью и князь нам даи из своее дръжавы» (см. выше, § 2). Речь, разумеется, не могла идти в данном случае о самом Ионе — очевидно, имелся в виду его преемник. Иона, по-видимому, был озабочен положением своей паствы в условиях противостояния Новгорода и Москвы и обостряющихся отношений между ними, и он хотел бы, чтобы его преемник был поставлен в Литовской Руси — в Киеве, седалище митрополита Григория, Киевского и всяя Руси. Возможно, у него были конфессионально-эклезиологические соображения на этот счет (мы вернемся к этому вопросу ниже, см. § 10). Как бы то ни было, Иона, судя во всему, благословил появление своего преемника в Литве. Вопрос о месте появления владыки был вообще кардинальным вопросом в противостоянии литовской и московской партий, и само предложение ставить в дальнейшем новгородских архиепископов в Литовской Руси исходило, надо полагать, именно от Ионы. Начиная с

³¹ К. В. Базилевич предполагал, что «летописный рассказ о приезде Михаила Олельковича [...] сложился в результате позднейшего осмысления событий на основе найденной “докончальной грамоты” Новгорода с Казимиром» [Базилевич 1952: 91, примеч. 4]. С такой формулировкой трудно согласиться: летописец едва ли мог исходить в своем рассказе из текста договорной грамоты 1471 г.: слишком велики различия между ними.

1389 г. новгородские владыки ставились в Москве, за одним исключением: Евфимий II (Вяжищский) был поставлен в 1424 г. в Смоленске Герасимом, митрополитом Киевским и всея Руси³². До татарского нашествия новгородские архиереи ставились в Киеве, после чего место поставления перестает быть стабильным; вообще же они ставились там, где находился митрополит (см.: [Успенский 1998: 299–300]). Со светской точки зрения предложение ставить новгородских архиепископов в Киеве отвечало стремлению Новгорода к политической независимости; вместе с тем, с церковной точки зрения оно восстанавливало изначальную церковную традицию.

Благословение почившего владыки может объяснять неожиданное выступление Пимена, бывшего ключника и доверенного лица архиепископа Ионы, после избрания в архиепископы Феофила; Пимен, как мы помним, заявил, что готов ехать в Киев, чтобы быть там поставленным в архиепископы: «Хотя на Киев мя пошлете, и тамо аз на свое поставлене еду» (см. выше, § 1). У Пимена должны были быть очень сильные доводы, чтобы предложить такое решение: он выступал против вековой традиции избрания новгородского архиепископа жребием, т. е. Божиим промыслом. Новгородского владыку избирала сама святая София, и она предпочла Пимену Феофилу (см. § 1). Надо полагать, что новгородское вече, провозгласившее, что архиепископ должен быть поставлен в Литве, имело в виду появление того, кто был уже избран на владычество, т. е. Феофила. Однако Феофил, по-видимому, отказался быть там поставленным³³, и тогда Пимен выступил со своим предложением. Как человек, близкий к покойному архиепископу (Ионе), он, вероятно, знал о его благословении; Феофил же, который как будто не был к нему так близок, мог об этом не знать³⁴. Таким образом, именно благословение Ионы было, как мы полагаем, основным аргументом Пимена.

³² Первым новгородским архиепископом, поставленным в Москве, был Моисей (1325 г.), но это был единичный случай, выпадавший из традиции.

³³ «Словеса избранные...» сообщают, что Феофил, видя настроения новгородцев, хотел уйти в монастырь — с тем, очевидно, чтобы отказаться от архиерейства: «Преподобный же священноинок Феофилъ, нареченный на владычество отецъ их, [...] повелеваше имъ, яко да престанутъ от такового злого начинания; они же не послушаху словесъ его, да того ради самъ многажды покушащеся о сихъ, дабы от них сшелъ в монастырь, в кѣлью свою, они же не пустиша его, а свою злую мысль сшивающе не престаша [т. е.: злоказненно не оставили. — Б. У.]» [ПСРЛ, IV/2, 1925: 504; ПСРЛ, XLII, 2004: 192; ПСРЛ, VI, 1853: 6; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 188; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 152; ПСРЛ, XX/1, 1910: 288]. К значению слова *сшивати* см.: [СлРЯ XI–XVII вв., XXIX: 123]; ср. выражение *шить дело*.

³⁴ Напомним, что, приняв постриг, Феофил съехал с владычного двора и стал жить в Вяжищах (см. выше, § 1). Перед отправлением посольства к королю Казимиру, когда архиепископ Иона давал свое благословение, Феофила, скорее всего, не было в Новгороде; вполне вероятно, что он вообще не знал об этом посольстве.

§ 6. Вывод о литовской ориентации архиепископа Ионы коренным образом расходится с общепринятыми о нем представлениями. В агиографической традиции Иона предстает как сторонник Москвы, и это восприятие нашло отражение затем в историографии (см., например: [Макарий, IV/1: 37; Бернадский 1961: 264–265, ср., однако: 269]). Отсюда объясняется его канонизация на макарьевских соборах: в 1549 г. архиепископ Иона вместе с двумя своими предшественниками по новгородской кафедре, Нифонтом и Евфимием Вяжищским, был причислен к лику святых (вслед за митрополитом Ионой, который был канонизирован на соборе 1547 г.) (см.: [Голубинский 1903, с. 103]). В Степенной книге он называется «святым» и «дивным» [Степ. кн., II: 149, 204].

Житие Ионы говорит о добрых, чуть ли не благостных отношениях Ионы с московскими великими князьями (Василием II и Иваном III): «московьстии князи много любяху его и с говѣниемъ почитаху, и писания множицею посылаху к нему, и от него въсписания желанно приимаху» [Повесть об Ионе 1999: 242]. Иона выставлен здесь как защитник Новгорода, которому удается оградить город от справедливого гнева московских великих князей: московские князья желают наказать город, не признающий их власть, но беседы с Ионой укрощают их гнев.

Житие это, дошедшее до нас в списках XVI в., было составлено, по-видимому, не ранее первой половины этого столетия; по мнению А. А. Турилова, оно было создано специально для включения в Великие Четыри-Минеи [см.: Турилов 2006: 184]. Как констатировал Я. С. Лурье, «обращение к летописным источникам обнаруживает, что отношения архиепископа Ионы с Москвой были вовсе не такими благополучными, как их изображало его житие» [Лурье 1993: 194; ср.: Idem 1991: 155; Idem 2021: 184]. Я. С. Лурье имеет в виду события 1462–1463 гг. и прежде всего обращение Новгорода к королю Казимиру IV с призывом о помощи в борьбе с Иваном III.

Когда зимой 1462 г. обострились отношения Новгорода с Василием II, Иона отказался ехать в Москву, чем вызвал гнев великого князя: «Той же зими, Генваря въ 7 [...], отъ князя великого Василья Васильевича многа замышленія приѣхаша послове к Великому Новугороду [...] И отъ многа замышленія княжа возмущахуся Новгородцы и сътворше съвѣтъ, что ѿхати ко князю архиепископу Ионѣ на Москву и утолити княжій съвѣтъ и гнѣвъ, и не ѿха, приспѣ архиепископу инъ путь къ Божіи десятинѣ, къ великому говѣнию [...] Того же Марта въ ты дни нача князь великий Василей Васильевичъ возмущатися отъ гнѣва на архиепископа Иону и на Великий Новгородъ, что к нему не поѣхалъ» [ПСРЛ, XVI, 1889, стлб. 206–207]. После неожиданной смерти Василия II († 27 марта 1462 г.) – новгородский летописец сообщает, что он умер

без покаяния³⁵ — зимой 1463 г. Иона вместе с посольством (состоявшим из трех посадников и двоих житых) поехал в Москву к новому великому князю, Ивану III, «о смиреніи мира», но «о блаземъ миру не успѣша ничто же» [Ibid.: стлб. 211]. Предполагалось, что Иван III займет менее жесткую позицию по отношению к Новгороду, чем его отец, но надежды эти не оправдались. Тогда Новгород — несомненно, с благословения архиепископа Ионы — отправил посольство к королю Казимиру IV: «Того же лѣта [1463 г. — Б. У.] послаша Навгородци [sic!] посолъ свой Олуфърья [Елевферия. — Б. У.] Васильевича Слизина къ королю в Литву о княжи възмущеніи еже на Великій на Новъгородъ Ивана Васильевича» [Ibid.: стлб. 214]. Одновременно другой посол (Микита Левонтеев) был послан с просьбой о помощи к двум заклятым врагам московских великих князей — к князю Ивану Андреевичу Можайскому и к князю Ивану Дмитриевичу Шемякину; Иван Андреевич был союзником Дмитрия Юрьевича Шемяки, а Иван Дмитриевич — его сыном. Оба князя находились в изгнании в Великом княжестве Литовском. Яжелбицкий договор Новгорода с Василием II (1456 г.) включал в себе специальный пункт, согласно которому новгородцы обязывались не вступать с ними в какие-либо отношения³⁶.

³⁵ «таковая съдѣявша иная злая, что и отцемъ духовнымъ не велѣль приступити к нимъ» [ПСРЛ, XVI, 1889, стлб. 208]. Перед смертью Василий II захотел принять монашеский постриг, но ему не дали это сделать: «въ чернici хотяще пострисиша, и не даша ему воли» [ПСРЛ, VIII, 1859: 150; ПСРЛ, XII, 1901: 115; ПСРЛ, XXV, 1949: 278; см. в этой связи: Успенский, Успенский 2017: 216 и сл.].

До нас дошла разрешительная грамота иерусалимского патриарха Иоакима Василию II, извещающая об отпущении грехов [РФА, 2008, № 102: 219]; она была получена в Москве после смерти великого князя (см.: [Панченко 2015: 149]). Эта грамота представляет собой не что иное, как индульгенцию, не предполагающую ни исповедания грехов, ни обязательной просьбы об их отпущении (см.: [Кобеко 1896: 270, 277–279]). Разрешительная грамота вместе с посланиями патриарха Иоакима была доставлена в Москву протосингелом Иерусалимской церкви Иосифом, нареченным на митрополию Кесарии Филипповой; по одним сведениям, он был племянником («бретаничем») по другим — братом Иоакима. В одном из посланий подчеркивается, что Иосифу делегировано принадлежащее патриарху право отпускать грехи: «имѣйте ег[о] [...] какъ самого мене; азъ бо подадохъ ему влас[ть] имети, юже самъ имех отъ Д[у]х[а] С[вя]т[а] решати и вязти по заповѣді Г[о]д[а] С[вя]т[а] н[а]ш[его] И[ис]ус[а] Х[ри]ст[а], и его же онъ разрѣшишъ, будетъ разрѣшень отъ Б[ог]а, а егоже свяжеть, будеть связанъ и предъ Б[ог]омъ. [...] И повелѣниемъ нашимъ Иосифу, нареченый на митрополию Кесарии Филипповы, да дастъ прощеніе грѣхомъ требующимъ отъ нег[о], и грамоту отпустную еже о грѣхахъ ч[е]л[о]в[ѣ]комъ» [Кобеко 1896: 273–274; РФА, V, прилож. № 57: 1069–1070]. В другом послании, до нас недоведшем, Иоаким просил митрополита Феодосия, возглавляющего Русскую церковь, поставить Иосифа в митрополиты Кесарии Филипповой (что и было совершено Феодосием, см. ниже, примеч. 38); см. упоминание об этой просьбе в послании Феодосия в Новгород и Псков: [РФА, 2008, № 27: 147].

³⁶ «А Великому Новугороду князя Ивана Андрѣевича Можайскаго и его дѣти, и князя Ивана Дмитрѣевича Шемякина и его дѣти, и его матери княгини Софиы и еѣ дѣти и зятьи Новугороду не приимати» [ГВНП, № 23: 43]. То же условие

Таким образом, мы знаем о двух обращениях Новгорода за помощью к королю Казимиру при архиепископе Ионе: в 1463 г. (посольство Олуфера Васильевича Слизина) и в 1470 г. (посольство с участием Памфилы Селифонтова и Кирилла Иванова, сына Макарына). Последнее из них прямо касается церковной сферы, которая была в непосредственной компетенции архиепископа.

Выводы Я. С. Лурье вызвали критические замечания Б. Н. Флори, который указал на несколько фактов, говорящих, по его мнению, о московской ориентации архиепископа Ионы (см.: [Флоря 2007: 417–418]). Прежде всего это поездка Ионы на поставление в Москву в январе 1459 г.: «Как следует из посланий митрополитов Ионы и Феодосия, а также великого князя московского Ивана III новому новгородскому святителю, Иона при своем поставлении дал присягу “eже латинства остерегатися” “и к тому Григорью не приступити, а быти неотступну от нашего отца Ионы митрополита всея Руси”». Об этой ориентации, как полагает Флоря, может говорить и закладка в Новгороде храма в честь Сергия Радонежского вскоре после возвращения архиепископа Ионы в Новгород (весной 1459 г.), так же как и выезд из Новгорода в Литву в августе 1459 г. вассала Казимира IV – князя Юрия Семеновича (Лугвеньевича). И то, и другое было, по-видимому, прямым следствием поставления Ионы в Москве.

Мы постараемся показать, что Я. С. Лурье был прав в этом споре, а Б. Н. Флоря ошибался.

§ 7. Иона был поставлен в архиепископы 1 февраля 1459 г. [ПСРЛ, XVI, 1889: стр. 198]. Поставление новгородского владыки в Москве отвечало сложившейся к тому времени традиции (см. выше, § 5). Следует отметить, вместе с тем, что у Ионы не было выбора: Москва была в это время единственным местом, где мог быть поставлен новгородский владыка. Григорий Болгарин, уже провозглашенный киевским митрополитом, еще не прибыл в Литву, на место своего служения (см. ниже, § 8)³⁷. Отношения с Константинополем после фактического провозглашения автокефалии Русской церкви и падения Константинополя были прерваны. Москва воспринималась в это время как центр вселенского православия, т. е. занимала то место, которое ранее принадлежало Константинополю, и характерно, что в летописном рассказе о поставлении

повторяется затем в Коростынском договоре Новгорода с Иваном III от 11 августа 1471 г. [Ibid., № 26: 46].

³⁷ Григория называли на Руси «Болгарином» — возможно, в результате ассоциации с митрополитом Григорием Цамблаком, которого также именовали таким образом. Происхождение Григория Болгарина неизвестно.

Ионы глава Русской церкви Иона, митрополит Киевский и всея Руси, именуется «вселенским митрополитом»: «поставленъ бысть всесвященный архимадрітъ Иона архіепископомъ Великому Новугороду и Пскову всесвященнымъ вселенъскимъ митрополитомъ Ионою Кыевъскимъ всея Руси» [ПСРЛ, XVI, 1889: стлб. 198]. Определение «вселенский» традиционно принадлежало константинопольскому патриарху как главе всей православной церкви (см.: [Успенский 1998: 484, ср. также: 90–92]; теперь же так именуется московский митрополит, который выступает именно в этой функции³⁸. Сам митрополит Иона настойчиво говорит о «нашем великом православии», которое противопоставляется православию греческому (см.: [Успенский 1998: 228]).

После возвращения из Москвы (в марте 1459 г.) Иона сразу же распоряжается о строительстве в Новгороде церкви Сергия Радонежского: надвратная церковь этому святому была сооружена весной и освящена 25 сентября 1459 г., в день преставления Сергия [ПСРЛ, XVI, 1889: стлб. 199–200]³⁹. По всей вероятности, во время пребывания в Москве Иона обещал поставить эту церковь, которая должна была знаменовать укрепление связей между Новгородом и Москвой. В свою очередь, в 1461 г. в Москве освящается придел Варлаама Хутынского в церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот и начинается почитание св. Варлаама, ранее здесь неизвестное: «Варлама же оттолѣ почаша праздновати на Москвѣ», — говорит летописец [ПСРЛ, VI, 1853: 184; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 147; ПСРЛ, XX/1, 1910: 271; Мельник 2016: 136]. Вскоре после возвращения Ионы, осенью 1459 г., отъехал в Литву князь Юрий Семенович (Лугвеньевич), которого новгородцы пригласили в 1458 г. вслед

³⁸ Преемник митрополита Ионы, митрополит Феодосий, 4 марта 1464 г. ставит Иосифа, протосингела Иерусалимской церкви, в митрополиты Кесарии Филипповой ([РИБ, VI, № 135: стлб. 925–930; см.: Голубинский, II/1: 529–530; Успенский 1998: 234, примеч. 50 — с дальнейшими ссылками]; в источниках называется 4 марта или 4 апреля, но 4 марта приходится на воскресенье, а 4 апреля — на будний день; обычно хиротония совершается в воскресенье или в какой-либо праздник). Канонически это кажется странным: митрополит ставит равночестного себе иерарха в другую церковь; очевидно, вместе с тем, что таким образом признаются особые полномочия московского митрополита «всея Руси». Иосиф был поставлен в митрополиты по просьбе иерусалимского патриарха Иоакима (см. выше примеч. 35). Митрополит Феодосий в послании в Новгород и Псков, объясняет эту просьбу тем, что на Руси сохранилось подлинное благочестие («слышав истинную нашу святую непорушную [веру]» [РФА, 2008, № 27: 148]).

³⁹ В Четвертой Новгородской летописи строительство этой церкви относится не к 1459 г., как в Летописи Авраамки, которую мы цитируем, а к 1463 г., времени второй поездки архиепископа Ионы в Москву: «В лѣто 6971 [1463 г. — Б. У.]. Тѣдилъ владыка Иона на Москву. И того лѣта постави владыка Иона церковь на владычне дворѣ святаго Сергия чудотворца на вратехъ» [ПСРЛ, IV/2, 1925: 498; аналогично: ПСРЛ, IV/3, 1929: 609]. То же говорится и в житии Ионы [Повесть об Ионе 1999: 244, 248]. Летопись Авраамки представляется более надежным источником. — Характерно, что во всех этих известиях построение этой церкви так или иначе связывается с поездкой архиепископа Ионы в Москву.

за избранием Ионы в архиепископы [ПСРЛ, XVI, 1889: стлб. 198, 200]; этот отъезд, по-видимому, также был следствием договоренности новгородского владыки с московскими властями, недовольными выбором новгородцев⁴⁰. Как закладка церкви Сергия Радонежского, так и отъезд литовского князя прямо связаны с поставлением архиепископа Ионы в Москве: все эти события складываются в единое целое. Будучи поставлен в Москве, Иона, очевидно, не мог не пойти навстречу московским духовным властям. Таким образом, и то, и другое решение могло быть до некоторой степени вынужденным: сами по себе, они (эти решения) не могут рассматриваться как безусловное свидетельство промосковских симпатий архиепископа Ионы.

Остановимся теперь на присяге, которую дал Иона на своем поставлении в архиепископы.

§ 8. Принято думать, что на своем поставлении архиепископ Иона дал клятвенное обещание не принимать митрополита Григория и не иметь с ним общения (см.: [Макарий, IV/1: 31; Голубинский II/1: 506; Флоря 2007: 417; Печников 2013: 409]). Этот вывод, повторяющийся из работы в работу, кажется, никогда не подвергался сомнению. Между тем, есть основания полагать, что Иона не давал подобного обещания. Присяга такого рода появилась в чине поставления русских архиереев тогда, когда Иона был уже рукоположен в архиепископы, т. е. после 1 февраля 1459 г. Рассмотрим хронологию интересующих нас событий.

21 июля 1458 г. папа Каллист III принял решение о создании в Литовской и Галицкой Руси митрополии восточного обряда (иначе говоря, униатской) – решение, находившееся вполне в духе постановлений Флорентийского собора. Имелось в виду вывести православные епархии великого княжества Литовского и королевства Польского из канонического подчинения главе Русской церкви митрополиту Ионе (которого папа считал схизматиком и узурпатором) и подчинить их католическому (униатскому) митрополиту⁴¹; таким митрополитом дол-

⁴⁰ Как сам князь Юрий Семенович, так и его отец, князь Семен (Лугвений) Ольгердович, неоднократно перед тем приглашались в Новгород. «Заслуживает внимания то обстоятельство, – говорит Я. С. Лурье, – что в последний раз Юрий Семенович был приглашен в Новгород уже после Яжелбицкого мира и что приглашение это, очевидно, не вызвало какой-либо реакции со стороны Москвы» [Лурье 1991: 186]. Обстоятельства отъезда Юрия Семеновича свидетельствуют скорее об обратном.

Ср. затем в Коростынском договоре Новгорода с Иваном III (1471 г.): «А князе намъ у короля великого князя литовского собѣ на пригороды не просити, ни приимати из Литвы князе в Великии Новгородъ» [ГВНП, № 26: 46].

⁴¹ Речь идет о девяти епархиях: Брянской (Черниговской), Смоленской, Полоцкой, Туровской, Луцкой, Владимирской, Галицкой, Переяславской, Холмской.

жен был стать Григорий Болгарин. Кардинал Исидор, номинальный митрополит Киевский и всея Руси, отказался в его пользу от диоцезов Литовской и Галицкой Руси, оставил за собой диоцезы Московской Руси (см.: [DPR, I, № 82: 146, № 83: 147, № 84: 148, № 85: 150; Halecki 1956: 21–23; Idem 1958: 85; Голубинский, II/1: 504]). Григорий к тому времени еще не был епископом; до хиротонии он считался выбранным главой названных диоцезов.

Через две недели после этого (6 августа 1458 г., в день Преображения) папа Каллист III скончался, не успев выдать Григорию настольной (ставленной) грамоты. Выдача такой грамоты стала одним из первых актов папы Пия II (Энея Сильвио Пикколомини), который с энтузиазмом продолжил это направление деятельности своего предшественника [DPR, I, № 82: 145–147; Hofmann 1946: 230–232; ПСРЛ, VI, 1853: 319–320]; Григорий именуется в ней «электом». Грамота датирована 3 сентября 1458 г., днем интронизации Пия II; в этот же день им были написаны послания к королю Казимиру IV, а также епископам, клиру и народу Киевской церкви с сообщением о миссии Григория [Ibid., №№ 83–86: 147–151; Prochaska 1923, №№ V, VI: 67–69]⁴². (Именно из этих документов мы знаем об инициативе папы Каллиста и кардинала Исиода Киевского).

15 октября 1458 г. в Риме Григорий был поставлен униатским константинопольским патриархом Григорием III Маммой в митрополиты Киевские, Литовские и Малой Руси (*Chievensis, Lithuaniae et totius Russiae inferioris*) (см. послание патриарха Григория III Маммы королю Казимиру IV от 20 ноября 1458 г. с описанием хиротонии митрополита Григория: [Wawryk 1963, № 1: 16; Prochaska, 1923, № VIII: 71]). Григорий должен был выехать в Литву, но был задержан в Риме в связи с получением новых полномочий. Кардинал Исиор, отказавшийся ранее в пользу Григория от диоцезов Литовской Руси, отказался теперь (по-видимому, на рубеже 1458 и 1459 гг.) от оставшейся у него части общерусской митрополии, и Григорий из митрополита Киевского, Литовского и Малой Руси превратился в митрополита Киевского и всея Руси; в первом случае Киев фигурирует как центр митрополии Литовской и Малой Руси, во втором — как центр всей Русской церкви. Таким образом,

Галицкая, Перемышльская и Холмская епархии входили в состав Русского воеводства Польского королевства, остальные — в состав Великого княжества Литовского. Эти епархии были объединены под названием «*Russia inferioris*», тогда как Московская Русь носила название «*Russia superioris*».

Существенно при этом, что Польша и Литва возглавлялись в это время одним монархом (Казимиром IV, который был королем Польским и великим князем Литовским).

⁴² Ср. западнорусский перевод одного из этих посланий (послания к Казимиру IV): [ПСРЛ, VI, 1853: 167–169; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 98–101; ПСРЛ, XX/1, 1910: 254–255]. Ср.: DPR, I, № 84: 148–149.

Григорию предстояло теперь отправиться в Литву на киевскую кафедру в качестве главы общерусской митрополии; см. послание Григория как «архиепископа Киевского и всея Руси» королю Казимиру IV от 20 декабря 1458 г. с сообщением о том, что его приезд откладывается [Prochaska 1923, № X: 73–74]; двумя днями раньше, 18 декабря 1458 г., папа Пий II предлагал Казимиру прогнать митрополита Иону с киевской кафедры [DPR, I, № 91: 155–156; Prochaska 1923, № IX: 72–73].

17 января 1459 г. папа Пий II выдал Григорию Болгарину верительные грамоты (*litterae commendatitiae*) как «архиепископу Киевскому и всея Руси» [DPR, I, № 93: 156–157]; ср. послания патриарха Григория III Маммы и кардинала Исидора королю Казимиру IV, соответственно от 27 и 31 января 1459 г., сообщающие о новых полномочиях митрополита Григория [Wawryk 1963, №№ 2–3: 18–21; Prochaska 1923, № IV: 66–67]. Григорий выехал в Литву, по-видимому, в феврале 1459 г. (см.: [Ваврик 1963а: 349; ср.: РФА, V: 965]), т. е. после хиротонии архиепископа Ионы⁴³.

В Москве узнали о поставлении Григория в митрополиты Киевские и Литовские еще до того, как он появился в Литве⁴⁴. Нет никакого сомнения, однако, что обещание не признавать Григория и не иметь с ним никакого общения могло появиться в чине епископов Московской Руси только после того, как Григорий оказался в Великом княжестве Литовском и заявил о своих полномочиях митрополита Киевского и всея Руси, т. е. главы всей Русской митрополии, — особенно же после того, как некоторые епископы Литовской Руси вошли с ним в каноническое общение⁴⁵.

⁴³ А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко колеблются в определении того, когда Григорий появился в Литве: в одном случае они говорят, что это случилось не позднее апреля 1459 г. [РФА, IV: 896, 916, 886], в другом — называют июль 1459 г. [РФА, V: 950, 998, 1004, ср.: 965, примеч. 20].

⁴⁴ 20 декабря 1458 г. митрополит Иона пишет в Литву, напоминая о том, как в свое время на Русь приходил митрополит Исidor с тем, чтобы «всехти, яко плевел во пшеницу, римское учение в наше великое православие», причем мимоходом упоминает о чернече Григорие, который «ныне, как слышим, на митрополию вышел»; обращаясь к православному населению Литовской Руси, митрополит Иона призывает не принимать того, «кого туто тот отступник [...] Исidor к вам пощлет своих единомысленников» [РФА, 2008, № 5: 89–91; РИБ, VI, № 85: стлб. 635–640]. Тогда же, видимо, Иона посыпает в Литву послов — троицкого игумена Вассиана Рыло (будущего архиепископа Ростовского) и кирилло-белозерского игумена Кассиана — на укрепление «православного христианства», чтобы крепко стояли за православную веру, см.: [РФА, 2008, № 28: 149–150; РИБ, VI, № 80: стлб. 615–618; РФА, 2008, № 34: 161 (= РИБ, VI, № 86: стлб. 643); РФА, 2008, № 24: 137 (= РИБ, VI, № 88/I: стлб. 658); РИБ, VI, № 88/II: стлб. 664–665]. На этом этапе появление Григория воспринимается, видимо, как внутреннее дело Литовской Руси, а сам Григорий — как самозванный литовский митрополит.

⁴⁵ После прихода Григория митрополит Иона писал литовским епископам: «Тем же, яко и прежде писахом, [имеется в виду: не принимайте. — Б. У.] того предреченного злого отступника Георгия [sic!], пришедшего от Рима и нарицающаяся митрополитом Киевским и всея Руси, слышим же, яко неции тамо в вас приобщаются ему и служат с ним, забывше свое исповедание пред Богом

С принятием титула митрополита Киевского и всея Руси Григорий начинает именоваться так, как именовался митрополит Иона, глава Русской церкви: он становится как бы двойником московского митрополита — оба они претендуют на власть над всей русской митрополией, охватывающей как великорусскую, так и западнорусскую территорию, включая сюда и Новгород, и каждый считает другого самозванцем, лжемитрополитом⁴⁶. Благодаря папским грамотам Григорий получил поддержку Казимира IV, короля Польского и великого князя Литовского, и Казимир отправил послов, Якуба писаря⁴⁷ и Иващенца, к Василию II, предлагая сместь митрополита Иону и признать Григория в качестве единого общерусского митрополита [РФА, 2008, № 24: 139; РИБ, VI, № 87: стлб. 655, № 88/І-II: стлб. 662–663, 668–669]. Василий отвечал:

в свое поставление» [РФА, 2008, № 51: 195; РИБ, VI, № 81: стлб. 623]. Само собой разумеется, что слова «забывше свое исповедание пред Богом в свое поставление» не означают того, что литовские епископы на своем поставлении давали обещание не принимать Григория (они были поставлены до того, как Григорий стал митрополитом); речь идет здесь, скорее всего, о обещании не принимать митрополита, пришедшего «от латын» (ср. ниже, § 9).

Ср. летописное известие: «Прииде [...] изъ Риму Григорей митрополить, и съде на Киевѣ, и пріят его король, и с нимъ 8 епископовъ Литовскихъ» [ПСРЛ, VIII, 1859: 149]. Из девяти епископов, оказавшихся в составе митрополии Киевской, Литовской и Малой Руси (*Ecclesia metropolitana Chievensis, Lithuaniae et totius Russiae inferioris*; см. выше, примеч. 41), лишь один заявил о непризнании митрополита Григория — Евфимий, епископ Брянский (Черниговский) [РИБ, VI, № 88.ІІ: стлб. 664; Голубинский, II/2: 29–30; Halecki 1956: 30].

⁴⁶ Ср. послание русских епископов литовским 13 декабря 1459 г.: «Слышаніе наше таково, что ден пришелъ къ вамъ, Григорьевъ зовутъ, Исидоровъ ученикъ, въ литовскую землю, и глаголеть себѣ быти митрополитомъ киевскимъ и всея Руси, отъ Рима приходящи, и извѣщаєтъ себѣ самъ поставление и рукоположение отъ римскыя церкви нѣкоего патріарха Григорья, прежде бывшего въ Цариградѣ, въ латынськой ереси обличеннаго отъ тамо сущихъ митрополитовъ и епископовъ православныхъ: и тотъ Григорей не истинный митрополить, но ложный, носить съ собою листы папины и того патріарха ложного, а въ тѣхъ листѣхъ пишеть на осподина нашего Иону, митрополита киевского и всея Руси, а именуетъ его отщепенцемъ и отступникомъ; а они сами отметники и отступники Божія закона православныя нашія христіянськия вѣры...» [РИБ, VI, № 84: стлб. 633]. Ср. аналогичные формулировки в посланиях митрополита Ионы к смоленскому епископу Мисаилу и черниговскому епископу Евфимию [РИБ, VI, № 88/І-II: стлб. 662, 668].

⁴⁷ Якуб писарь или пан Яков, секретарь короля Казимира, был православным, см. письмо к нему В. Д. Ермолина, известного московского купца и строителя, заказчика Ермолинской летописи: [Седельников 1930: 223–225; РФА 2008, № 56: 203–204]. Письмо Ермолина написано на западнорусском языке (он называет себя здесь не «Ермолиным», а «Ермоличем»); его предки были, по-видимому, выходцами из Литовской Руси, с которой у него, очевидно, сохранялись какие-то связи (см.: [Седельников 1930: 429–432]; А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко считают, однако, его самого западнорусским уроженцем, см.: [РФА, V: 1007]).

Писаря Якуба, посла Казимира IV к Василию II, могут отождествлять с Яковом Григорьевичем, писарем митрополита Киевского и всея Руси Герасима, автором граффито в константинопольском Софийском соборе (см.: [Лицкевич 2019: 236–255]).

старина наша отъ нашего прародителя великого князя Володимера, крестившаго землю русскую; выбраніе [митрополита] Іонѣ, взысканіе митропольское, нашихъ прародителей, великихъ князей русскихъ и наше и до сихъ мѣсть, а не великихъ князей литовскихъ: кто будетъ намъ любъ, тотъ будетъ у насъ на всей Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не быти, мнѣ ненадобенъ

[РИБ, VI, № 100: стлб. 708; РФА, V: 957]⁴⁸.

Характерным образом вопрос о избрании и поставлении митрополита связывается здесь с наследственными прерогативами русских великих князей (ср. выше, § 1): отказ признать Григория мотивируется не тем, что он пришел из Рима, а тем, что избрание митрополита является исключительной прерогативой московского господаря.

Итак, именно претензии митрополита Григория на то, чтобы стать главой всей Русской церкви, — повторим это еще раз — обусловили появление в чине поставления русских епископов обещание не принимать его и не иметь с ним общения. Вот что говорит летопись (Вторая Софийская и согласная с ней Львовская):

Егда же прїиде Сидоровъ ученикъ Григорей въ митрополитѣхъ въ Литовскую землю, Андрѣю [т. е. Казимиру. — Б. У.] же королеви Польскому съ прошеніемъ пославшу къ своему брату къ великому державному Василію Васильевичу всея Руси, дабы къ себѣ пріаль на Рускую митрополию; зане бо Иона митрополитъ престарѣлся уже. Князю же великому слова королева не пріемшу, а Сидорова ученика не пріемшу же; а Иона митрополитъ посла грамоту къ своимъ епископомъ, дабы отъ него не пріимали благословенія. И оттолѣ раздѣлися митрополіа: король сего пріа Григорія, а князь велики не восхотѣ; и оттолѣ сотвориша два митрополита въ Руси, единъ на Москвѣ, а второй въ Кіевѣ

[ПСРЛ, VI, 1853: 169; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 101; ПСРЛ, XX/1, 1910: 256].

Новая форма епископского обещания была принята на соборе Русской церкви 13 декабря 1459 г., когда в русские епископы составили соборную грамоту и обратились к епископам Литовской Руси с призывом не признавать киевского митрополита Григория. Здесь говорилось: «и намъ архиепископомъ и епископомъ русскія митрополы къ тому Григорью

⁴⁸ Слова Василия II дошли до нас в поздней передаче Ивана III (в послании последнего к архиепископу Ионе 1467–1469 гг.). Иван III говорит, что они были сказаны еще до приезда Григория в Литву, ср. здесь: «князь великий Василей Васильевич, и до королевы обсыпки еще зарано [т. е. до того, как Казимир отправил к Василию II своих послов. — Б. У.], послышавъ только о томъ Григоріѣ, что идетъ отъ Рима не по нашей старинѣ, а еще и въ литовскую землю не пришел, и онъ послалъ къ брату своему съ тѣмъ къ королю: “чтобы еси, брате, того Григорія отъ Рима къ себѣ не пріimalъ на нашего отца на общаго, на Иону митрополита, а новины бы еси не чинилъ, а наше бы старины не рушилъ...”» [РИБ, VI, № 100: стлб. 708; РФА, V: 957]. Полагаем, что здесь имеет место анахронистическое смешение событий, относящихся к разным времененным срезам: по своему содержанию слова Василия больше напоминают ответ послам.

не приступати, ни грамотъ намъ отъ него не пріимати никакихъ, ни совѣта съ нимъ не имѣти ни о чёмъ же» [РИБ, VI, № 83: стлб. 630–631; РФА, 2008, № 14: 109]. С этого времени епископское обещание приняло конкретный и персональный характер: епископы на поставлении должны были прямо и недвусмысленно отрекаться от Григория (а не вообще от латинства, как это было принято раньше, см. ниже, § 9). 22 марта 1461 г. подобную присягу давал на своем поставлении тверской епископ Геннадий Кожин (первый епископ, поставленный после декабрьского собора 1459 г.): «и мнѣ епископу Генадію тферському къ нимъ не приступати, ни грамотъ ми отъ нихъ никакихъ не пріимати, ни совѣта ми съ ними никоторого не имѣти» [РИБ, VI, № 92: стлб. 684; РФА, 2008, № 31: 155; ср. также: РИБ, VI, № 94: стлб. 689; РФА, 2008, № 55: 202]⁴⁹.

Важно отметить, что архиепископ Иона в этом соборе не участвовал, ни очно ни заочно (т. е. он на нем не присутствовал и не прислал повольной грамоты), так же как не участвовали в нем тверской епископ Моисей и рязанский Евфросин (см.: [РИБ, VI, №№ 83, 84: стлб. 628, 631–632; Лурье 1991: 155; Idem 2021: 183])⁵⁰. Это обращение подписали только епископы Московской Руси, подвластные великому князю Московскому (см.: [РФА, IV: 917])⁵¹.

⁴⁹ Митрополит Иона, поставивший Геннадия Кожина в Москве на тверскую кафедру 22 марта 1461 г., скончался на девятый день после рукоположения Геннадия, 31 марта. Поэтому новому тверскому епископу не только вручили ставленную грамоту [РФА, 2008, № 2: 82–83], но и взяли с него повольную грамоту [РИБ, VI, № 92: стлб. 681–684; РФА, 2008, № 31: 154–155], подтверждающую верность умирающему митрополиту и изъявляющую согласие на избрание преемника Ионы по его благословению (см.: [РФА, IV: 886; РФА, V: 965]). После смерти митрополита Ионы и избрания митрополита Феодосия Геннадий дал новоизбранному митрополиту Феодосию присяжную грамоту [РИБ, VI, № 94: стлб. 687–690; РФА, 2008, № 55: 201–202].

⁵⁰ Ср. послание митрополита Ионы к Моисею без даты, настоятельно побуждающее его явиться на собор епископов (по-видимому, имеется в виду декабрьский собор 1459 г.) и упрекающее тверского владыку в том, что ранее тот не откликался на подобные приглашения [РИБ, VI, № 82: стлб. 625–626]. Моисей был поставлен в епископы в 1453 г., т. е. задолго до того, как Григорий заявил о своих правах на русскую митрополию; следовательно, ему не пришлось на своем поставлении отрекаться от общения с Григорием (так же, как не пришлось этого делать архиепископу Ионе). Позиция Моисея и нежелание его участвовать в соборе епископов определялась, очевидно, пролитовской ориентацией Бориса Александровича, великого князя тверского. После кончины Бориса Александровича в 1461 г. Моисей оставил кафедру. Его преемник, Геннадий Кожин, был поставлен в Москве в том же 1461 г., и он незамедлительно дал присяжную грамоту о непризнании Григория. Это было первое появление тверского епископа в Москве (см.: [Печников 2021: 325]).

⁵¹ Макарий Булгаков и Е. Е. Голубинский объясняют отсутствие архиепископа Ионы на соборе епископов 1459 г. тем, что тот незадолго перед тем давал свои обещания на своем поставлении [Макарий, IV/1: 31; Голубинский, II/1: 506]; объяснение это не кажется убедительным — тем более, что на своем поставлении, как мы теперь знаем, Иона не давал того обещания, которое должны были дать

§ 9. Итак, архиепископ Иона, судя по всему, не обещал на своем поставлении не признавать Григория. Что именно обещал Иона, мы знаем из послания к нему главы Русской церкви митрополита Ионы. Сообщая о появлении Григория в Литовской Руси, митрополит Иона напоминал архиепископу Ионе о его обещании «латыни остерегатися», которое тот дал на своем поставлении:

Еще же, сыну, и о том вспоминаю тебе, каково еси, сыну исповедание и обещание Богови дал и нашему смерению в своем поставлении на святительство — сам ведаешь, еже и латинства остерегатися. [...] А что, сыну нынешние злые новины явлешияся, надеемся, вам давно сведомо, что же пришел некто Григорие от Римских стран на Киевскую митрополью, а зовущимся Киевским митрополитом и всяя Русьская земля [...] а поставлен, кажуть, от такова же злого и богомерского человека, некоего патриарха нарицаемаго Григория же [имеется в виду униатский патриарх Григорий III Мамма. — Б. У.], от тое же Римския церкви, имеа с собою на злое подкрепление тамошние же проклаты грамоти папежские от окаянного отступника от благочестивыа христианъския веры злого Исидора и того поставлешаго его на митрополью патриарха нечестиваго Григория [Григория III Маммы. — Б. У.]

[РФА, 2008, № 34: 160; РИБ, VI, № 86: стлб. 641–642].

Обещание «латинства остерегатися» — по-видимому, цитата из исповедальной грамоты архиепископа Ионы или очень близкий ее пересказ. Это обещание соответствует ранней форме исповедальных грамот при митрополите Ионе (существовавшей до декабрьского собора 1459 г.): епископы присягали митрополиту, получившему стол «от нашего великаго истинаго православия по божественным и священным правилам, а не от латын» [РГБ, Волок. 571; РФА, IV: 925]⁵². Первоначально это обеща-

участники собора (т. е. не заявлял о своем отречении от Григория). Между тем отсутствие Моисея Голубинского объясняет его нездоровьем, однако при таком объяснении остается непонятным, почему тот не приспал повольную грамоту. Как отмечают А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко, «Моисей умер в 1467/68 г., и его нежелание являться в Москву в декабре 1459 г. скорее объясняется стремлением уклониться от присяги московскому митрополиту» [РФА, V: 965].

⁵² Цитируется чин поставления епископа с датой 1455–1456 гг., отредактированный в 1505–1511 гг. Подобное обещание фигурирует в послании великорусских епископов литовским 13 декабря 1459 г.: «И вы бы, духовная наша братья, помнили свое исповѣданіе и обѣщаніе, еже обѣщалися есте господину нашему Іонѣ, митрополиту кіевскому и всяя Руси, предъ Богомъ и предъ святыми его ангелы, предъ своими братьями епископы, что вамъ отъ нашего господина Ионы, митрополита кіевскаго и всяя Руси, не отступати, а иного вамъ митрополита отъ Латынъ не пріимати: и вы бы, наша братья, того отступника, Исидорова ученика Григорья, не пріимали...» [РИБ, VI, № 84: стлб. 634; ср.: РФА, 2008, № 24: 139–140; РИБ, VI, № 88/I: 663, 670]. В несколько более раннем чине поставления епископа обещание выглядело следующим образом: «не хотѣти ми пріимати иного митрополита, развѣ тебѣ, своего господина,

ние относилось к митрополиту Исидору; в изменившихся условиях оно могло быть переосмыслено и соотнесено с Григорием.

Архиепископ Иона не мог отказаться на своем поставлении от общения с Григорием, поскольку, когда Иону ставили в архиепископы, Григорий еще не объявился на Руси (на тот момент Иона, возможно, даже не знал о его существовании). Однако Иона не давал такого обещания и после появления Григория – в декабре 1459 г., когда епископы Московской Руси торжественно обещали «къ тому Григорью не приступати, ни грамотъ [...] отъ него не пріимати никакихъ, ни совѣта съ нимъ не имѣти ни о чёмъ же» (см. выше, § 8). Иона на этом соборе не был и, следовательно, подобного обещания не давал (см. там же). Это обстоятельство беспокоило московские духовные власти. По их настоянию архиепископ Иона затем несколько раз должен был подтвердить свое обещание⁵³.

Требование повторить исповедание веры имеет вообще исключительный характер и в известной степени выражает недоверие к духовному лицу, к которому оно обращено. Так в 1490 г. митрополит Зосима, возглавивший Русскую церковь, потребовал от новгородского архиепископа Геннадия Гонзова, чтобы тот приспал ему, новопоставленному митрополиту, исповедание веры. Геннадий справедливо расценил это как недоверие к себе. Он отвечал, что уже давал свое исповедание на своем поставлении митрополиту Геронтию (предшественнику Зосимы) и отказался его повторить:

занеже того в постатье не бывало, что владыка на себе в другие исповедание дает. [...]. А что ми, господине, велишь писати исповедание: ино, господине, исповедание есми положил отцу своему Геронтию митрополиту да и всему божественному собору, архиепископу и епископом; да то исповедание у вас в казне. А как есми исповедовался пред Богом и пред избранными аггелы, так в том исповедании стою и теперво неподвижно

[Казакова, Лурье 1955: 374–375; РИБ, VI, № 115.I: стлб. 765–766; ср.: Макарий, IV/1: 59].

митрополита кievskago и всея Rusi Ioны, или кого поставятъ отъ истиннаго православія» (обещание Даниила, епископа владимирскаго и берестейскаго, 1452 г. – [РИБ, VI, № 72: стлб. 587–588; РФА, III, прилож. № 36: 687]. Ср., между тем, в чине поставления епископа 1423 г.: «не хотѣти ми пріимати иного митрополита, развѣ кого поставлять изъ Царяграда, какъ есмы то изначала пріяли» [РИБ, VI, № 52: стлб. 454]. Об истории епископской присяги на Rusi см.: [Ваврик 1963b].

⁵³ Ср. в послании Ивана III архиепископу Ионе 1468–1469 гг.: «каковъ [...] еси обѣтъ далъ Іонѣ митрополиту [...] а опослѣ отца нашего Ioны митрополита живота его, и ты и отцу нашему їедосью митрополиту обѣтъ свой положиль своимъ писаніемъ, да и нынѣшнему отцу нашему Филипу митрополиту» [РИБ, VI, № 100: стлб. 709–710]. Мы цитируем это послание ниже (см. примеч. 60).

Архиепископ Иона, насколько можно понять из дошедшей до нас переписки, поступил иначе: он несколько раз в точности — без каких-либо изменений — повторил то обещание, которое он давал на своем поставлении и которое, по мнению московских властей, было несовершенным, недостаточно определенным. Настаивая на присылке подтверждительных (присяжных) грамот, власти, по-видимому, ожидали отречения от Григория; Иона такие грамоты послал, но о Григории в них не было ни слова.

8 июля 1461 г. митрополит Феодосий, незадолго перед тем сменивший митрополита Иону на посту главы Русской церкви⁵⁴, писал архиепископу Ионе:

Въдомо тебѣ, моему сыну, что пришелъ в литовскую землю Сидора, отступника отъ православія, ученикъ и единомышленникъ Григорей, а именуетъ себе кіевскимъ и всея Руси митрополитомъ [...]. И которыми, сыну, дѣлы, тотъ Григорей кого своего къ тебѣ пришлетъ, къ нашему сыну, и ты бы, мой сынъ, по своему обѣщанію, какъ еси даль свой обѣтъ Богу и пречистѣй его Богоматери, и великому чудотворцу Петру [митрополиту Петру. — Б. У.], и брату нашему Іонѣ митрополиту, вначалѣ, въ свое ставленіе, да и грамоту еси свою за своею подписью даль, послѣ пакъ брата моего Ионы митрополита, нынѣ, тѣть же еси обѣтъ, въ своихъ грамотахъ, описаль твердо [т. е.: подтвердил. — Б. У.], и господину и сыну моему великому князю Василью Васильевичу и господину и сыну моему великому князю Ивану Васильевичу послалъ, также и о Святѣмъ Дусѣ сыномъ и съслужебникомъ нашего смиренія, епископомъ рускымъ, своей брати, таковую же еси свою другую грамоту послалъ: и ты бы нынѣ, о Святѣмъ Дусѣ мой сынъ, помня тотъ святой обѣтъ предъ Богомъ въ свое ставленіе, и по тымъ своимъ твердымъ [т. е.: подтверждительнымъ. — Б. У.], данными на то, грамотамъ, того отступника, Исидорова ученика Григорія благословеніе не пріималъ и не требовалъ ни въ чемъ, и писаніемъ его и поученіемъ не внималъ, съблудая свою единородную бессмертную душу от такового еретичества...

[РИБ, VI, № 95: стр. 691–692]⁵⁵.

⁵⁴ Феодосий был поставлен 3 или 9 мая 1461 г. [Голубинский, II/1: 518, примеч. 2] по благословению митрополита Ионы († 31 марта 1461 г.). Согласно каноническим правилам, епископу запрещалось назначать себе преемника, и благословение митрополита Ионы было прямым нарушением канонов (см.: [Успенский 1998: 49–53]). Исключительность поведения Ионы отвечало исключительности его поставления в митрополита; она проявляется также и в том, что митрополиты начинают ставиться из епископов и что при этом повторяется епископская хиротония, см.: [Ibid.: 73–78].

⁵⁵ Синтаксис этого пассажа может ввести в заблуждение. Приведем перевод: «Ты знаешь, сын мой, что в Литовскую землю пришел Григорий, ученик и единомышленник Исидора, отступника от православия, и называет себя митрополитом Киевским и всея Руси [...]. Если по тем или иным причинам этот Григорий кого-нибудь из своих к тебе пришлет, ты бы, сын мой, по своему обещанию, которое ты дал вначале на своем поставлении, когда давал свой обет Богу, и пречистой его Богоматери, и великому чудотворцу Петру [т. е.: митрополиту Петру. — Б. У.], и брату нашему [т. е.: моему. — Б. У.] митрополиту

Феодосий говорит об обещании («обете»), данном Ионой на поставлении, но содержания этого обещания не раскрывает, предполагая его известным; он предлагает архиепископу повторить свое обещание, прислав присяжные грамоты великим князьям (Василию II и его со-правителю Ивану III) и русскому епископату⁵⁶. Говоря о грамоте, которую архиепископ Иона дал после смерти митрополита Ионы («да и грамоту еси свою за своею подписью далъ, послѣ пакъ брата моего Ионы митрополита»), Феодосий, надо полагать, имеет в виду повольную грамоту, выражающую согласие на его поставление, которую архиепископ Иона прислал из Новгорода⁵⁷: в этой грамоте, очевидно, повторялось то обещание, которое Иона давал в свое время на своем собственном поставлении в архиепископы, т. е. обещание «латинства остерегатися». Одновременно с этой грамотой в Москве была получена повольная грамота тверского епископа Геннадия Кожина, в которой говорилось об отказе иметь какие-либо отношения с Григорием [РИБ, VI, № 92: стлб. 681–684; РФА, 2008, № 31: 154–155; см. выше, § 8]. Оба владыки повторили в повольной грамоте то обещание, которое они давали на своем поставлении, но Иона, как мы помним, при этом не давал обещания не общаться с Григорием, тогда как Геннадий такое обещание дал. Обещание Ионы «латинства остерегатися» могло быть осмыслено как отказ от общения с Григорием, но Феодосий, по всей видимости, ожидал от новгородского архиепископа более четкой формулировки — именно такой, которая была определена на соборе 13 декабря 1459 г.; Иона не был на этом соборе, и это усугубляло желание Феодосия получить от него эксплицитное и недвусмысленное обещание не признавать Григория.

В 1464 г. Феодосий оставил московскую кафедру, благословив быть митрополитом всея Руси Филиппа, епископа сузdalского. Покидая

Ионе и которую после смерти брата моего Ионы, ты изложил в грамоте за своей подписью, — ныне тот же обет подтвердил [бы] в своих грамотах и послал [бы] господину и сыну моему великому князю Василью Васильевичу и господину и сыну моему великому князю Ивану Васильевичу; также и русским епископам, о Святом Духе моим сыновьям и сослужебникам, а твоим братьям, послал бы другую такую же грамоту. И ныне ты бы, о Святом Духе мой сын, помни тот святой обет [данный] перед Богом на своем поставлении, и по тем твоим подтвержденным грамотам, на то данным, не принимал бы благословения того отступника, Исидорова ученика Григория, и не требовал бы ни в чем, и писаниям его и поучениям не внимал бы, соблюдая свою единородную бессмертную душу от подобного еретичества». — О выражении твердые грамоты 'подтверждительные грамоты' см.: [Срезневский, III: стлб. 941].

⁵⁶ Феодосий предлагает послать одну грамоту обоим великим князьям (обоим вместе, а не каждому в отдельности), другую грамоту — русским епископам (всем вместе). На это указывает фраза: «таковую же еси свою другую грамоту послаль».

⁵⁷ О том, что на поставление Феодосия дали повольные грамоты два архиерея — новгородский Иона и тверской Геннадий, — говорит Никоновская летопись [ПСРЛ, XII, 1901: 114].

кафедру, он написал архиепископу Ионе, напоминая ему о необходимости не признавать Григория и не иметь с ним никакого общения. Это напоминание кажется излишним, и в ответе Ионы чувствуется раздражение⁵⁸. Отвечая Феодосию, Иона писал:

А что нашъ господинъ и отецъ пишешь къ намъ, вспоминая, коли есмы были на Москвѣ [...] и нынѣча намъ нашъ господинъ въспоминаешь тогдашнее съединеніе съ своею братіею, съ архіепископомъ и епископы, о церкви Божіей бывшее: ино да вѣсть честная ти святыни, якоже тогда, тако и нынѣ, о томъ церковномъ съединеніѣ съ братью своею неподвижно пребываемъ, якоже и подписаномся [т. е.: в соответствии с данным мною обещанием. — Б. У.]. А еже пишешь къ намъ, господинъ и отецъ нашъ, о Григоріѣ, Исидорову ученику и ревнителю, еже не примѣшатися, якоже тогда, тако и нынѣ, къ нему; ино, господине и отче, не обычъ домъ Премудрости Божія Святыя Софія волка вмѣсто паstryя пріимати, ни горкаго вмѣсто сладкихъ, ниже каменю причащатися, хлѣбу предлежащу, но дрѣжатися истиннаго паstryя, иже дверми въ ограду овчю приходящаго и душо за овця полагающа, а не отъ Рима прелазящаго

[РИБ, VI, № 99: стлб. 705].

Ответ Ионы кажется уклончивым: новгородский владыка не говорит прямо о Григории (чего, видимо, ожидает от него Феодосий), но подтверждает тот обет, который он давал раньше: он подтверждает неизменную верность православию, которая была выражена в его исповедальной грамоте («якоже и подписаномся», — говорит он, очевидно, ссылаясь на эту грамоту)⁵⁹; равным образом он подтверждает неприятие латинства, т. е. решимость «латинства остерегатися», о котором также говорилось в его обещании на поставлении. Но об отречении от Григория здесь прямо не говорится⁶⁰.

⁵⁸ Ср. комментарий Е. Е. Голубинского: «Ответ архиепископа митрополиту как будто звучит так, что он наконец обиделся на слишком частые напоминания» [Голубинский, II/1: 525].

⁵⁹ Ср. процедуру прочтения и подписания исповедальной грамоты: [РИБ, VI, № 52: стлб. 451–455]; см. в этой связи: [Ваврик 1963b: 364–365].

⁶⁰ Позднее Иван III писал Ионе (в 1468–1469 гг., см. относительно датировки: [РФА, V: 955]): «Коли паки еси, нашъ богомолецъ, прїѣжжалъ къ нашему отцу великому князю, и ко мнѣ великому князю, и къ нашему отцу Ионѣ, митрополиту всей Русіи, на свое поставление [...] и каковъ паки еси обѣть свой далъ Ионѣ митрополиту, что ти къ тому Григорью не приступити [вариант: *не приступати*. — Б. У.], а быти ти не отступну отъ нашего отца Ионы, митрополита всей Руси, или кто и по немъ будетъ, хто ни буди, митрополитъ въ дому пречистыя Богородицы на Москвѣ, у гроба чудотворца Петра, митрополита руского; а опослѣ отца нашего Ионы митрополита живота его, и ты и отцу нашему Федосю митрополиту обѣть свой положиль своимъ писаніемъ, да и нынѣшнему отцу нашему Филиппу митрополиту. [...] А помниль бы еси, отче, свой обѣть, как ся еси обѣщаълъ прежде вышедшему отцу нашему Ионѣ, митрополиту всей Руси, на своемъ поставленъѣ, или кто по немъ будетъ митрополитъ въ дому пречистыя Богородицы, у гроба чудотворца Петра митрополита на Москвѣ» [РИБ, VI, № 100: стлб. 709–712].

Подытожим наши выводы относительно присяги архиепископа Ионы. Иона на своем поставлении использовал ту форму епископского обещания, которая была в это время принята: он обещал «латинства остерегатися», но при этом не упомянул имя Григория. Именно поэтому он вынужден был затем повторять свое обещание: московские власти, очевидно, не удовлетворенные данной им присягой, ожидали от него, чтобы он отказался от общения с Григорием, использовав новую форму епископской присяги; он же, насколько можно понять, повторял свое обещание в той форме, в которой оно было им произнесено на поставлении⁶¹.

§ 10. Григорий Болгарин появился на Руси с настольной грамотой и рекомендациями папы римского [DPR, I, №№ 82–84, 91: 145–149, 155–156], и таким образом ему удалось добиться признания в католическом польско-литовском государстве. В середине 1460-х гг. Григорий решил разорвать связь с Римом и восстановить традиционные церковные связи с Константинополем (см.: [Успенский 1998: 239; Флоря 2007: 421; Idem 2011: 562]. В 1467 г. права Григория на общерусскую митрополию

Итак, Иван III напоминает архиепископу Ионе об обещании, которое тот дал на поставлении: «къ тому Григорю не приступити». Мы видели, однако, что Иона на своем поставлении не мог дать подобного обещания (см. § 8). Очевидно, что великий князь не цитирует текст грамоты архиепископа, а пересказывает ее содержание так, как он его понимает: при этом он пользуется обычными формулами, которые мы находим в грамотах других епископов (выданных после поставления Ионы) и которые стали к тому времени трафаретными (об этом свидетельствует фраза «ти къ тому Григорю не приступити»; это цитата из решения декабрьского собора 1459 г., см. выше, § 8). Он исходит не из того, что сказал Иона на своем поставлении, а из того, что тот должен был сказать.

⁶¹ А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко атрибутируют Ионе присяжную грамоту, озаглавленную «Рукоположенье», дошедшую до нас в формулярном изводе [РФА, 2008, № 55: 201–202], где содержится отречение от митрополита Григория; грамота адресована некому «митрополиту всяя Русии», т. е. кому-то из преемников митрополита Ионы (см. выше об этом титуле, примеч. 8). Текст этой формулярной грамоты совпадает с присяжной грамотой тверского епископа Геннадия Кожина, данной новопоставленному митрополиту Феодосию в 1461 г. [РИБ, VI, № 94: стлб. 687–690; см. выше, § 8]; Плигузов и Семенченко справедливо считают рассматриваемую ими грамоту («Рукоположенье») формулярным изводом грамоты Геннадия Кожина. Вместе с тем, грамота эта начинается словами: «Аз, смиренный имярек, архиепископ или епископ которого града...»: слово «епископ» в грамоте Геннадия Кожина заменено здесь на «архиепископ или епископ». На этом основании Плигузов и Семенченко полагают, что грамота «Рукоположенье» представляет собой формулярный извод как грамоты тверского епископа Геннадия, так одновременно и грамоты новгородского архиепископа Ионы; как та, так и другая грамота была дана, по их мнению, митрополиту Феодосию в 1461 г.; под грамотой Ионы имеется в виду при этом грамота, данная Ионой Феодосию в ответ на цитированное выше послание Феодосия от 8 июля 1461 г. [см.: РФА, V: 1005–1006]. Думается, для такого вывода нет достаточных оснований: добавление слова «архиепископ» в формулярном изводе присяжной грамоты епископа Геннадия Кожина могла относиться не к грамоте архиепископа Ионы, а к грамоте ростовского архиепископа Трифона, поставленного 13 мая 1462 г.

признал константинопольский патриарх Дионисий I; патриарх Дионисий, ученик и последователь Марка Эфесского, был противником Флорентийской унии, и признание Григория означало подтверждение его православия. Послание патриарха датированное 18-м февраля 1467 г., было адресовано «до всее Руское земли и до Великого Новогорода»; в нем содержался призыв восстановить единство митрополии и подчиниться митрополиту Григорию как законному митрополиту. Здесь говорится:

А имели бы есте одну церков а одного митрополита, а про тож бы ся есте пріложили к нему въ єдность, ажъ бы была одна церков, а в ней один паstryр [...] . А того же деля шлем до всее Руское земли и до Великого Новогорода наше послы [...] иже бы полную веру дали вам всимъ о преосвященному митрополита Києвського и всея Русии кир Григорія, иже ест благодатю Божю к вѣрѣ и к повинности и в закони и обычай нашое святое зборное великое церкви Царграда и к вам даетъ общующіи в годності з нами братъ и сослужебник нашего сміренія [...] , только бы тот одинъ быль митрополитъ истинній правый на всей Руской земли подлугъ старого обычая и звычая руского. Не подобно бо есть, абы старый обычай и звычай изламанъ быль [...] . А ест тотъ митрополит истинно Київскіи и всея Руси кир Грігорій чоловекъ навелеумны нароженъ, и вскормленъ, и наученъ во Цариграде великими добродатами и духовными щедротами освященъ. А што вделалі на Москвѣ, ажъ бы того перестали делати, как же указуетъ и приказуетъ святая головная великая церква соборная, бо то ест против правиль и противъ закону Божіего; елико именовали на Москве от Ионы и до сих часов митрополитов, тых всих великая зборная наша святая церковъ не имаеть, а ні дръжть, а ні именуетъ за митрополитовъ. А про то же бы есте вси пріняли, и держали бы есте, и послушні были его, и имълі его правого и истинного митрополита, предреченного преосвященному митрополита Київского и всеа Росии кир Грігорія о святом Дусе возлюбленного брата и сослужителя нашего смирѣниа. Иже бы быль весь миръ и покоі, иже бы на первый обычай, и на мир, и на уставление закону обернулася вся Русская земля

[Щапов, П, прилож., № 52: 145–147; Корогодина 2021: 332–333].

Мы пытались показать, что в обещании, данном Ионой при поставлении в архиепископы и затем несколько раз повторенном по настоянию московских властей, не содержалось упоминания митрополита Григория. Иона обещал «латинства остерегатися»; это обещание могло относиться к митрополиту Григорию, поскольку тот в глазах Ионы был провозвестником католической веры, «от Рима прелазящим». Признание Григория патриархом Дионисием как православного митрополита освобождало Иону от его обещания, и он с чистой совестью мог высказать пожелание о том, чтобы его преемник был поставлен в Великом княжестве Литовском. В любом случае Иона не собирался общаться с Григорием: он предоставлял это тому, кто сменит его на новгородской архиепископской кафедре.

Библиография

АИ, I–IV

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиою, т. I–IV,
 С.-Петербург, 1841.

Алексеев 2018

Алексеев Ю. Г., Под знаменами Москвы. В: *История России в эпоху великого князя Ивана III*, С.-Петербург, 2018, 23–278.

Базилевич 1952

Базилевич К. В., *Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в.*, Москва, 1952.

Бернадский 1961

Бернадский В. Н. *Новгород и Новгородская земля в XV веке*, Москва, Ленинград, 1961.

Ваврик 1963а

Ваврик М., Флорентійські унійні традиції в Київській митрополії 1450–60 рр., *Analecta Ordinis Sancti Basili Magni*, Series II, Sectio II, vol. IV (X), fasc. 3–4, Romae, 1963, 329–362.

— 1963б

Ваврик М., До історії єпископської присяги в XV–XVI вв., *Analecta Ordinis Sancti Basili Magni*, Series II, Sectio II, vol. IV (X), fasc. 3–4, Romae, 1963, 363–390.

Владимирский-Буданов 1909

Владимирский-Буданов М. Ф., *Обзор истории русского права*, Изд. 6-е, С.-Петербург, Киев, 1909.

ГВНП

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка, Москва, Ленинград, 1949.

Голубинский, I–II

Голубинский Е. *История русской церкви*, I (1-я половина тома, изд. 2-е испр. и доп. Москва, 1901; 2-я половина тома, изд. 2-е испр. и доп., Москва, 1904; II (1-я половина тома, Москва, 1900; 2-я половина тома, Москва, 1917); археологический атлас ко второй половине I-го тома «Истории русской церкви», Москва, 1906.

— 1903

Голубинский Е. *История канонизации святых в русской церкви*, Изд. 2-е, Москва, 1903.

Золтан 2002

Золтан А., К предыстории русск. «государь». В: *Из истории русской культуры*, II, 1: Киевская и Московская Русь. Сост. А. Ф. Литвина., Ф. Б. Успенский, Москва, 2002, 554–590.

— 2014

Золтан А., *Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*, Москва, 2014.

Иоас. лет.

Иоасафовская летопись, Москва, 1957.

Казакова, Лурье 1955

Казакова Н. А., Лурье Я. С., *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–XV века*, Москва, Ленинград, 1955.

Каштанов 2003

Каштанов С. М., Институты государственной власти Великого Новгорода и Пскова в свете немецкой средневековой терминологии. В: *Историческая память и формы ее воплощения*, Москва, 2003, 297–319.

Кобеко 1896

Кобеко Д. Разрешительные грамоты иерусалимских патриархов, *Журнал Министерства народного просвещения*, т. CCCV, 1896, № 6, 270–279.

Корогодина 2021

Корогодина М. В., Грамота патриарха Константинопольского Дионисия Новгороду (1467): Судьба славянского перевода, *Slověne*, 2021, 10/2, 321–337.

Лакиер 1847

Лакиер А., История титула государей России, *Журнал Министерства народного просвещения*, т. LVI, 1847, 10–11, отд. 2, 81–156.

Лицкевич 2019

Лицкевич О. В., «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора, С.-Петербург, 2019.

Лурье 1991

Лурье Я. С., Летописные известия о победе над Новгородом в 1471 г., *Вспомогательные исторические дисциплины*, 1991, № 22, 144–157.

— 1993

Лурье Я. С., Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода, *Труды Отдела древнерусской литературы [Института русской литературы Академии наук]*, т. XLVIII, С.-Петербург, 1993, 192–195.

— 2021

Лурье Я. С., *Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства*, [Изд. 2-е], Москва, 2021.

Макарий, I–VII

Макарий (Булгаков), *История русской церкви*, т. I–VII, Москва, 1994–1997.

Мельник 2016

Мельник А. Г., История распространения культа св. Варлаама Хутынского на Руси в XV–XVI вв., *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2016, № 4 (108), 136–140.

Никитский 1869

Никитский А., Очерки из истории Великого Новгорода, *Журнал Министерства народного просвещения*, т. CXLV, 1869, № 10, 294–309.

Панченко 2015

Панченко К. А., Иоаким, патриарх Иерусалимский, *Православная энциклопедия*, т. XXIII, Москва, 2015, 148–149.

Печников 2013

Печников М. В., Иона Отенский, архиепископ Новгородский, *Православная энциклопедия*, т. XXV, Москва, 2013, 408–414.

— 2021

П[ечников] М. В., Моисей, епископ Тверской, *Православная энциклопедия*, т. XLVI, Москва, 2021, 324–325.

Повесть об Ионе 1999

Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском. Подг. текста, пер. и ком.

Т. В. Рождественской, *Библиотека литературы Древней Руси*, VII (Вторая пол. XV в.), С.-Петербург, 1999, 232–254.

Пресняков 1920

Пресняков А. Е., *Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий*, Петроград, 1920.

ПСРЛ, I–XLIII

Полное собрание русских летописей, т. I–XLIII, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, Москва, 1841–2004.

РИБ, I–XXXIX

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссию,
 т. I–XXXIX, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, 1872–1927.

Рудаков 1913

Р. [Рудаков В. Е.?], Феофил, архиепископ Новгородский, *Русский биографический словарь, т. «Яблоновский – Фомин»*, С.-Петербург, 1913, 478–479.

РФА, I–V

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. [Сост. А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Е. Ф. Кузьмина], т. I–V, Москва, 1986–1992. Первый том данного издания перепечатан в исправленном виде в книге: РФА, 2008.

РФА 2008

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Сост. А. И. Плигузов, Москва, 2008.

СГГД, I–V

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, т. I–V, Москва, 1813–1894.

Седельников 1930

Седельников А. Д., “Послание от друга к другу” и западнорусская книжность XV века, *Известия АН СССР, VII серия. Отделение гуманитарных наук*, 1930, № 4, 223–239.

СлРЯ XI–XVII вв., I–XXXI

Словарь русского языка XI–XVII вв., т. I–XXXI, Москва, 1975–2019.

Срезневский, I–III, дополн. том

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. I–III, С.-Петербург, 1893–1903. Дополнения: С.-Петербург, 1912.

Степ. кн., I–III

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф, I–III, Москва, 2007–2012.

Турилов 2006

Турилов А. А., К биографии и генеалогии Михаила Клопского, *Средневековая Русь*, вып. 6, Москва, 2006, 178–209.

Успенский 1998

Успенский Б. А., *Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*, Москва, 1998.

— 2002

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Изд. 3-е, испр. и доп., Москва, 2002.

— 2020

Успенский Б. А., Загадочная форма в титуле русских царей, *Slověne*, 2020, 9/1, 163–184.

— 2021

Успенский Б. А., «Господарь Великий Новгород»: происхождение названия, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2021, № 3 (85), 24–44.

— 2021a

Успенский Б. А., «Отчич и дедич» в титуле русских государей, *Шаги / Steps*, т. 7, 2021, № 3, 238–286.

— 2023

Успенский Б. А., Государь: история и этимология слова, *Вопросы языкоznания*, 2023, № 1, 7–18.

Успенский, Успенский 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Флоря 2007

Флоря Б. Н., *Исследования по истории церкви: древнерусское и славянское средневековье*, Москва, 2007.

— 2011

Флоря Б. Н., Григорий, митрополит Киевский, *Православная энциклопедия*, т. XII, Москва, 2011, 562–563.

Черепнин, I–II

Черепнин Л. В., *Русские феодальные архивы XIV–XV веков*, ч. I–II, Москва, Ленинград, 1948–1951.

Щапов, I–II

Щапов Я. Н., сост., *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики*, ч. I–II, Москва, 1976.

Янин 1991

Янин В. Л., *Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий*, Москва, 1991.

— 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Изд. 2-е, перераб. и доп., Москва, 2003.

— 2008

Янин В. Л., *Очерки истории средневекового Новгорода*, Москва, 2008.

DPR, I–II

Documenta Pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953), I (1075–1700) – II (1700–1953). Collegit introductione et adnotationibus auxit A. G. Welykyj, Romae, 1953–1954 (= *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*, Series II, Sectio III, vol. I–II).

Halecki 1956

Halecki O., The Ecclesiastical Separation of Kiev from Moscow in 1458, *Studien zur älteren Geschichte Osteuropas*, Bd. II, Teil 1 (Festschrift für Heinrich Felix Schmid. Redigiert von G. Stökl), Graz, Köln, 1956, 19–32.

— 1958

Halecki O., *From Florence to Brest (1439–1456)*, Rome, 1958 (= *Sacrum Poloniae Millenium*, V).

Hofmann 1946

Hofmann G., Papst Pius II. und die Kircheneinheit des Ostens, *Orientalia Christiana Periodica*, vol. XII, Roma, 1946, No. 3–4, 217–237.

Papée 1904

Papée F., *Polska a Litwa na przełomie wieków średnich*, t. I. Kraków, 1904.

Prochaska 1923

Prochaska A., Neznane documenta do unji Florenckiej w Polsce, *Ateneum Wileńskie*, rocz. I, 1923, 58–74.

Wawryk 1963

Wawryk M., Quaedam nova in provisione metropoliae Kioviensis et Moscoviensis ann. 1458–1459, *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*, Series II, Sectio II, vol. IV (X), fasc. 1–2, Romae, 1963, 9–26.

References

Alekseev Yu. G., Pod znamenami Moskvy, Idem, *Istoriia Rossii v epokhu velikogo kniazia Ivana III*, St. Petersburg, 2018, 23–278.

Bazilevich K. V., *Vneshniaia politika Russkogo tsentralizovanogo gosudarstva: Vtoriaia polovina XV v.*, Moscow, 1952.

Bernadsky V. N. *Novgorod i Novgorodskaja zemlia v XV veke*, Moscow, Leningrad, 1961.

Cherepnin L. V., *Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vekov*, 1–2, Moscow, Leningrad, 1948–1951.

Floria B. N., *Issledovaniia po istorii tserkvi: drevnerusskoe i slavianskoe srednevekov'e*, Moscow, 2007.

Floria B. N., Grigorii, mitropolit Kievskii, *Pravoslavnaia entsiklopediya*, 12, Moscow, 2011, 562–563.

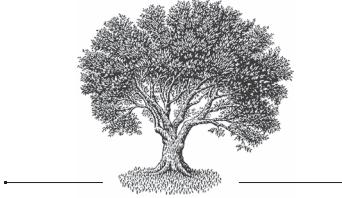
Kazakova N. A., Lurie Ya. S., *Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV–XV veka*, Moscow, Leningrad, 1955.

Kashtanov S. M., Instituty gosudarstvennoi vlasti Velikogo Novgoroda i Pskova v svete nemetskoi

- srednevekovoi terminologii, *Istoricheskaiia pamiat i formy ee voploscheniiia*, Moscow, 2003, 297–319.
- Korogodina M. V., The Letter of Patriarch Dionysius of Constantinople to Novgorod (1467): Fate of the Slavic Translation, *Slovene*, 2021, 10, 2, 321–337.
- Litskevich O. V., “*Letopisets velikikh kniazei li-tovskikh*” i “*Povest’ o Podole’e*”: opyt kompleksnogo kriticheskogo razbora, St. Petersburg, 2019.
- Lurie Ya. S., Letopisnye izvestia o pobede nad Novgorodom v 1471 g., *Vspomogatel’nye istoricheskie distsipliny*, 1991, 22, 144–157.
- Lurie Ya. S., Zhitiniye pamiatniki kak istochniki po istorii prisoedineniya Novgoroda, Trudy Otdela drevnerusskoi literatury, 48, St. Petersburg, 1993, 192–195.
- Lurie Ya. S., *Dve istorii Rusi XV veka: Rannie i pozdnie, nezavisimye i ofitsial’nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva*, 2nd. ed., Moscow, 2021.
- Makarii (Bulgakov), *Istoria russkoi tserkvi*, 1–7, Moscow, 1994–1997.
- Melnik A. G., Origins of cult of St. Varlaam Khutynsky in the old Russia in the XV–XVI centuries, *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2016, 4 (108), 136–140.
- Panchenko K. A., Ioakim, patriarch Ierusalimskii, *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 23, Moscow, 2015, 148–149.
- Pechnikov M. V., Iona Otenskii, arkhiereiskop Novgorodskii, *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 25, Moscow, 2013, 408–414.
- Pechnikov M. V., Moisei, episkop Tverskoi, *Pravoslavnaya entsiklopedia*, 46, Moscow, 2021, 324–325.
- Shchapov Ya. N. ed., *Vostochnoslavianskie i iuzhnoslavianskie rukopisnye knigi v sobraniiakh Pol’skoi Narodnoi Respubliki*, 1–2, Moscow, 1976.
- Sedelnikov A. D., “Poslanie ot druga k drugu” i zapadnorusskaia knizhnost’ XV veka, *Izvestia AN SSSR*, 6 seriya. Otdelenie gumanitarnykh nauk, 1930, 4, 223–239.
- Turilov A. A., K biografi i genealogii Mikhaila Klopskogo, *Srednevekovaya Rus’*, 6, Moscow, 2006, 178–209.
- Uspenskij B. A., *Tsar’ i patriarch: khariizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model’ i ee russkoe pereosmyshlenie)*, Moscow, 1998.
- Uspenskij B. A., Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.), 3rd. ed., Moscow, 2002.
- Uspenskij B. A., An Enigmatic Form in the Title of Russian Tsars, *Slovene*, 2020, 9, 1, 163–184.
- Uspenskij B. A., “Lord Great Novgorod: The Origin of the Name, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 2021, 3 (85), 24–44.
- Uspenskij B. A., *Otchich i dedich* (‘paternal and ancestral successor’) in the title of Russian monarchs, *Shagi / Steps*, 2021, 7, 3, 238–286.
- Uspenskii B. A., Russian gosudar ‘sovereign’: History and etymology, *Voprosy iazykoznaniiia*, 2023, 1, 7–18.
- Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.
- Vavrik M., Florentiis’ki uniini tradysii v Kyivs’kii mytropolii 1450–60 rr., *Analecta Ordinis Sancti Basili Magni*, Series II, Sectio II, IV (X), fasc. 3–4, Romae, 1963, 329–362.
- Vavrik M., Do istorii iepiskopskoi prysiagi v XV–XVI vv., *Analecta Ordinis Sancti Basili Magni*, Series II, Sectio II, IV (X), fasc. 3–4, Romae, 1963, 363–390.
- Yanin V. L., *Novgorodskie akty XII–XV vv.: Chronologicheskie kommentarii*, Moscow, 1991.
- Yanin V. L., Novgorodskie posadniki, 2nd. ed., Moscow, 2003.
- Yanin V. L., *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda*, Moscow, 2008.
- Zoltan A., K predystorii russk. “gosudar”, *Iz istorii russkoi kul’tury*, II, 1: Kievskaiia i Moskovskaiia Rus’, Litvina A. F., Uspenskii F. B., eds., Moscow, 2002, 554–590.
- Zoltan A., *Interslavica: Issledovaniia po mezhlavanskim iazykovym i kul’turnym kontaktam*, Moscow, 2014.

Борис Андреевич Успенский, доктор филологических наук, профессор,
руководитель Лаборатории лингвосемиотических исследований
Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4
Россия / Russia
borisusp@gmail.com

Received September 23, 2022

Истоки «причастодетия» в Грамматике Мелетия Смотрицкого (1619–1648)

The Origins of the Category of *prichastodetie* (Gerundivum) in the Slavonic Grammar of Meletius Smotritsky (1619–1648)

Сергей Васильевич Власов
С.-Петербургский государственный
университет, С.-Петербург, Россия

Sergei V. Vlasov
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

**Дмитрий Григорьевич
Демидов**
Государственный университет Чжэнчжи,
Тайбэй, Тайвань

Dmitrii G. Demidov
National Chengchi University,
Taipei, Taiwan

Резюме

Статья посвящена категории причастодетия на основе данных как истории грамматических учений, так и исторической грамматики русского литературного языка. С этой целью нами выявлен круг грамматик и элементов их содержания, послуживших источниками Грамматики Смотрицкого; опре-

Цитирование: Власов С. В., Демидов Д. Г. Истоки «причастодетия» в Грамматике Мелетия Смотрицкого (1619–1648) // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 83–120.

Citation: Vlasov S. V., Demidov D. G. (2023) The origins of the category of *prichastodetie* (Gerundivum) in the Slavonic Grammar of Meletius Smotritsky (1619–1648). *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 83–120.
DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.03

делена реальная речевая основа грамматического описания причастодетия; разработана наиболее приемлемая гипотеза становления сложного опрощенного форманта *-тельн-*; показано становление отлагольных производных на *-тельн-*. Из трех типов значения образований с суффиксом *-тельн-*, выделенных В. В. Виноградовым, в текстах наиболее продуктивен не пассивный, а активный тип значения, относительный тип лучше других сохраняет тесные связи с глаголом и препятствует «окачествлению». Лексикография описывает лексикализованные случаи и затемняет первичное значение причастодетий, совпадающее со значением глагола, от которого они образованы. Генетически исходной морфологической формой причастодетия является *~тельно*, от которой образуются местоименные формы причастодетий, способные переходить в качественные прилагательные на *-тельный*, а сама она тяготеет к категории состояния и определительному наречию, но не сливаются с ними до тех пор, пока продолжает выражать побочное глагольное действие. Рост причастодетий происходит с XIV в. по наше время, первоначально в церковных и переводных, а затем и в светских и оригинальных памятниках письменности. Лучшие всего причастодетия представлены в «греко-славянском» стиле. Смотрицкого можно по праву назвать основной фигурой предыстории открытия категории состояния в XX в.

Ключевые слова

Мелетий Смотрицкий, славянская грамматика, словообразование, суффикс *-тельн-*, причастодетие, русский литературный язык

Abstract

This paper aims to determine the status of the category of “prichastodetie” (*Gerundivum*) proposed by M. Smotritsky in his “Slavonic Grammar” relying on both the data of the history of linguistic theories and the data of the historical grammar of the Russian literary language. For this purpose, the grammars and the elements of their content which served as sources of Smotritsky’s Grammar are identified, the real linguistic basis of the description of the Slavonic “gerundives” is determined; the most acceptable hypothesis of the formation of the complex simplified suffix *-tel’n-* is developed; the formation of verbal derivatives in *-tel’n-* is shown. Of the three types of meaning of the formations with the suffix *-teln*, identified by V. V. Vinogradov, in texts the most productive is not the passive, but the active type of meaning, the relative type retains better than the others close links with the verb and prevents the passage of Slavonic “gerundives” to the rank of qualitative adjectives. Lexicography describes lexicalized cases and obscures the primary meaning of the *prichastodeties*, which coincides with the meaning of the verb from which they are derived. Genetically, the initial morphological form of the *prichastodetie* is the form in *-tel’no*, from which the pronominal forms of the *prichastodetie* are formed, capable of passing into qualitative adjectives in *-tel’nyi*, and it itself gravitates towards the category of state and the attributive adverb, but does not merge with them as long as it continues to express a secondary verb action. The growth of *prichastodeties* occurs since the 14th century to our time, first in church texts and translations, then in original secular texts. Best of all the *prichastodetie* is represented in the “Hellenic-Slavonic” style. Smotritsky can

rightfully be called the main figure in the prehistory of the discovery of the category of state in the twentieth century.

Keywords

Meletius Smotritsky, Slavonic grammar, word formation, suffix *-teln-*, *prichastodetie* (Gerundivum), Russian literary language.

1. Открытие Смотрицким категории причастодетия в славянской грамматике

В большинстве работ, посвященных «Славенской грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619, 1648, 1721), выделение Смотрицким форм «причастодетия» в составе глагола оценивается негативно. «Причастодетие» объявляется искусственной категорией, несвойственной славянской грамматике [Барсов 1981: 644; Житецкий 1889: 20; Грунский 1910: 8; Карский 1962: 613; Мечковская 1984: 84; Німчук 1985: 129; Колесов 1991: 226; Кузьмина 2012: 26; Ремнева 2017: 190; Кайперт 2017: 46 и др.]. Негативная оценка препятствует дальнейшему всестороннему изучению предмета. К решению всякого научного вопроса следует приступать без предубеждения.

Более взвешенную оценку причастодетия в истории русского языка дает В. В. Виноградов [Виноградов 1981: 20–21].

Исследование форм на *-тельно* в истории русского языка, проведенное Д. Г. Демидовым и А. М. Камчатновым [Демидов, Камчатнов 2020], также показало, что негативная оценка категории причастодетия нуждается в существенных коррективах с точки зрения истории русского словообразования и морфологии. Поводом к пересмотру устойчивых представлений о причастодетии послужили примеры образования форм на *-тельно* не от полных отглагольных прилагательных на *-тельн-*, а непосредственно от глагола (*следовательно, включитель но*).

По Смотрицкому, причастодетие на *-тельно* — это самостоятельная категория, расцениваемая им, наряду с деепричастием, также впервые им открытый в «славенской грамматике», т. е. в старшей церковнославянской норме русского литературного языка, как особая именная форма глагола.

Сам термин *причастодетие* образован Смотрицким в пандан термину *деепричастие* как его своеобразный «перевертыш», путем метатезы частей сложного слова, так что оба термина имеют схожее отношение к простому по составу термину *причастие*, с которым у обоих сложных терминов имеется семантическая связь. Но если генетически формы деепричастия связаны с формами кратких причастий действительного

залога, то причастодетие — это как бы второе причастие настоящего-будущего времени страдательного залога, указывающее на «нужду будущего действия» и соотносимое Смотрицким с формами латинского герундива (герундия, по его терминологии) на *-dum* типа *scribendum est* ‘следует, должно что-то писать’ (что-то должно быть написано) — *писателно есть* или *legendum* ‘должно быть прочитано’ — *читателно*, и с формами греческого причастия среднего рода, образующего оборот *Accusativus absolutus* типа *λεκτέον*, *γραπτέον* ‘следует сказать, написать’:

Есть Грекомъ Нарбчие: знаменованиїа Положителнагѡ, сходащее на /εον: /ιάκѡ, γραптéон, λεκтéон, и про[ч]. Латиномъ *Verbum participiale in, dum: iάκѡ, scribendum, legendum: и про[ч]. На[м] Славаном / Причастодѣтие речено: єст(ъ) бо Г[лаголъ] причастенъ / нужду бущаагѡ дѣйства знаменующи: ιάκѡ, писателно / читателно: и про[ч].*

Причастодѣтие Вр: Настоящагѡ:

Читателно.

‘Еже и попрѣвилом[ъ] Причастій всѣми трѣми рόды скланает[ъ]са, сице / Moy[ж]: еди[н]. читателенъ, читателна, читателну: и про[ч].

Же[н]: читателна, читателны, читателной: и прѣча.

Сре[д]. читателно, читателна, читателну: и про[ч] [Смотрицкий 1619а: 269, то же в Смотрицкий 1619б: 144].

Любопытно, что во втором издании Грамматики Смотрицкого 1648 г. московские справщики удалили латинские примеры *scribendum*, *legendum* и даже примеры *λεκтéон*, *γραпtéон* на греческие пассивные причастия со значением долженствования, называемые в «Адельфотесе» наречиями [A: 177–178]¹. Причастодетие при его первом упоминании в издании 1648 г. лишилось, таким образом, сравнения с греко-латинской грамматикой и предстало как самобытное явление «славенского» языка:

Причастодѣтие, Г[лаголъ]ль причастный нарицается, ноужду дѣйства знаменоующи. Многажды и прилагательныхъ имѣнъ силу притяжущїй, естѣственъ же въ срѣдна рода именительномъ оусѣченомъ на, о, кончашемся оупотребляемыи (Оувѣщеніе о дѣепричастіихъ и причастодѣтиихъ) [Грамматика 1648: 375].

Московские справщики заменили также в характеристике значения причастодетия «нужду бущаагѡ дѣйства» на «ноужду дѣйства», вероятно, исходя из того, что Смотрицкий отнес самостоятельную форму причастодетия к настоящему времени.

Как бы в ответ на возможные возражения против отнесения причастодетий к глаголу, Смотрицкий пишет о том, что причастодетия употребляются не только самостоятельно, но и по правилам причастий

¹ Признание отнесения некоторых употреблений причастодетий к наречиям (а наречия — это отдельная часть речи!) не соответствовало бы их отнесению к именным формам глагола.

согласуются с существительным в роде, числе и падеже. В московском издании, как видим, даже добавлено (этого замечания нет у самого Смотрицкого), что, несмотря на то что причастодетие «многажды» приобретает значение прилагательных (у Смотрицкого склоняется «правилом[ъ] Причастий»), оно «естественѣ» употребляется самостоятельно в «усеченной» форме среднего рода именительного падежа.

Сравнение Смотрицким причастодетия с категориями греко-латинской грамматики было отнюдь не случайно. Этим сравнением он закреплял высокий статус «славенского» языка, ничуть не уступающего своими богатствами греческому и латыни. Равный статус славянского языка с традиционными языками христианской веры — это типичный для ученых-гуманистов аргумент в пользу изучения «благороженных» народных языков, а тем более в пользу изучения языка «славенского» как одного из главных языков христианства. В отличие от московских справщиков, Смотрицкий считал, что нужно не замалчивать сходства «славенского» с греческим и латинским языками, а напротив, всячески эти сходства подчеркивать. Такой подход нисколько не вредит достоинству священного языка славян.

Лишь в разделе «О сочинении причастодетий» мы находим перешедшие из издания 1619 г. самые общие указания на параллели между славянским причастодетием и латинским «герундием» на *-dum* и греческим «положительными» наречиями на *-έον*:

Правило / а.

Причастодѣтія Грѣкомъ Нарѣчія Положітельнаа на / *έον*, Латінѡ[м] Геру́ндїа на / *dum*; ѿвогда самостоательнѣ полагают[ъ]ся: *τάκω*, творитељно: г[лаго] лаtельно: носятельно: оповѣтально: и про[ч]. ѿвогда г[лаго]ль / есть, прие[м]лють: *τάκω*, читателно есть: писателно есть: и про[ч].

Приемшаже г[лаго]ль / єсмь, дателному сочиняют[ъ]ся: *τάκω* / Йте[л]но мѣ есть вограd[ъ] ко' бнсици: и про[ч].

Правило / в.

Причастодѣтія множицею своіхъ г[лаго]ль падежа притажутъ: *τάκω*: Нуждѣ нѣсть противостоательно: поборитељно мѣ есть по' истинѣ: и про[ч].

Правило / г.

Причастодѣтія Существительнымъ' имене[м] образомъ Прилагателныхъ в[ъ] то[мъ]жде рбдъ / числѣ / и падежи сочиняют[ъ]са: *τάκω*, Любителенъ мѣ есть с[ы]нъ твой: и, Йстинное мудрованіе проразумѣніе есть творитељныхъ и нетворитељныхъ вѣшій: и про[ч].

(«*О сочиненіи причастодѣтія*») [Смотрицкий 1619а: 430, то же в Смотрицкий 1619б: 225].

Логика изложения синтаксических правил 1–3 понятна: от простейшего к сложнейшему. Сначала говорится (1) о слове-предложении (безличном) *упователно*, затем — (2) о добавленной связке *читателно*

есть, затем — (3) о дательном субъекта *иtelno mi есть* ‘надо мне идти’, затем — (4) о сохранении глагольного управления *нуждъ нъсть противостоателно*, как *противостоять нужде*, наконец, (5) об употреблении причастодетий «в образе прилагательных» не только в позиции предиката (*Любителенъ mi есть сынъ мой*), но и в позиции атрибута: *творытелныхъ и нетворытелныхъ вещей*. Сюда же войдут причастодетия в форме дат. п. в конструкциях дательного самостоятельного и инфинитива с дательным, а также вин. п. в конструкции двойного винительного. Заметим, что причастодетие в этих случаях занимает позицию причастия. На практике широко применяется (1) и (5), в церковных книгах также и (2). Случай (3) лексически ограничен: *Тебе желательно заниматься грамматикой, Мне затруднительно решить задачу.* К этому следует добавить употребление, не отмеченное у Смотрицкого (6): в позиции наречия. В этом случае причастодетие принимает форму на *-тельно* или *-тельнь* и зависит от основного глагола в предложении.

Трудность представляет толкование термина *имя причастодетельное*, вводимое Смотрицким в начале синтаксического раздела:

‘W Прилагательномъ и Существительномъ : Прáвило á:

Имà Прилагательное/ Имénное/ Мъстоимéнное/ Причáстное/ Дъепричáстное, и Причастодéтальное Существительному/ 'емúже сѧ прилагáеть/ согласу́еть в' то(м)же рóдъ/ числъ/ и падéжи [Смотрицкий 1619а: 197, то же в Смотрицкий 1619б: 374].

Судя по тому, что части речи *имя* (сущ.), *местоимение*, *причастие*, *депричастие* в этом перечне названы в форме производных имен прилагательных, зависимых от общего определяемого *имя*, последнее определение также входит в терминологическое сочетание *имя причастодетельное*.

Вероятнее всего, введение сочетаний *имя именное*, *имя местоименное*, *имя причастное*, *имя депричастное* и *имя причастодетельное* понадобилось Смотрицкому для синтаксической характеристики соответствующих частей речи или отдельных разрядов в частях речи. Он хотел подчеркнуть общую идею способности имени согласоваться с именем существительным, от которого зависит. Из дальнейшего изложения видно, что причастодетия сближаются Смотрицким с причастиями и прилагательными.

2. Источники Грамматики Смотрицкого

Термин *причастодетие*, вероятно, представляет собой перевод латинских терминов *Verbum participiale* («глаголь причастенъ») и *Gerundius* (или, по Смотрицкому, «герундий на *-dum*»). Последний термин восхо-

дит к латинскому глаголу *gerere* ‘совершать какое-либо действие’ (отсюда выражение *res gestae* ‘действия, подвиги’) и означает действие, которое должно совершаться. Больше всего частичных и полных совпадений примеров на причастодетие у Смотрицкого и на латинский герундив мы обнаружили в латинской грамматике Ф. Меланхтона: «Когда герундии употребляются для выражения необходимости, то они употребляются подобно безличным глаголам (*impersonalium modo ponuntur*), при них стоит или дательный падеж или нет никакого падежа: *Vigilandum est nobis.* (= Нам нужно быть (быть бдительными) = Бдительно нам есть). *Sperandum est viuis.* (= Живым нужно надеяться; ср. «*оупователно*» у Смотрицкого). *Surgendum est* = Пора вставать, нужно вставать. *Eundum est* (= нужно идти = «*иtelno*» у Смотрицкого)» [Melanchthon 1563: 364]. Смотрицкий знал, вероятно, популярную латинскую грамматику Меланхтона.

У Смотрицкого также есть похожее «увещение»:

Достойть /' и подобаеть Неопредѣлену сочинáеми / Причастодѣтїй силу притáжутъ: ѿакѡ, Подобаеть нáмъ исполнити всáку прáвду: аќи бы рещи / испо[л]нителна' есть нáмъ всáка правда: или / испо[л]нително' есть нáмъ всáку прáвду / и про[ч] [Смотрицкий 1619а: 434, то же в Смотрицкий 1619б: 227].

Термин *Verbum participiale*, употребляемый Смотрицким, восходит, как указывает Присциан в первой книге своих «Грамматических наставлений», к учению о частях речи древнегреческих стоиков, которые не отделяли причастие от глагола, а присоединяли его к глаголу и называли *participiale verbum* или *verbum casuale* (глагол «причастный» или глагол «падежный», т. е. с падежными окончаниями — *здесь и далее перевод наш. — С. В. и Д. Д.*) [Priscianus 1527: 16 г]. В самом начале книги XI, посвященной причастию, Присциан пишет, что, по мнению стоиков, герундии или причастные формы (*gerundia vel participialia*) не могут считаться отдельной частью речи, потому что они не имеют исходной формы, как другие части речи [Ibid.: 135 г]. Весьма показательно, что Смотрицкий, как бы возражая Присциану, дает начальную форму причастодетия на *-тельно*. У того же Присциана есть и указание на то, что герундий на *-dum* соответствует «аттическому наречию» [Ibid.: 234 в]. Смотрицкий или был знаком, возможно, непосредственно с грамматикой Присциана, или мог знать об «аттическом наречии», соответствующем латинскому герундию на *-dum*, через латинскую грамматику Альвареса [Alvarus 1572: с. 165].

У Альвареса, как и у Присциана, есть «классический» пример «герундия» на *-dum*, частично совпадающий с примером Смотрицкого «*читателно*»: «*Legendum tibi est* (= Ты должен прочитать = Тебѣ (ти) читательно, дословно: Читательно ти есть)» [Alvarus 1572: с. 165]. Но

самое важное: именно в грамматике Альвареса со ссылкой на Присциана латинский «герундий» на *-dum* соотносится с греческим наречием *положительным* или *полагательным* (θετικον)². Латинская грамматика Альвареса могла быть тем мостиком, по которому Смотрицкий от греческих наречий «полагательных» (θετικα) ἀναγνωστέον и γραπτέον (*читательно* и *писательно* в «Адельфотесе» [A.: 177–178; cf. Horbatch 1973: IX]) перешел к причастодетиям *писательно* и *читательно*.

Как видим, теоретическим образцом для Смотрицкого была не только греческая грамматика Ласкариса, как полагали раньше [см., например: Будилович 1869: 68; Чудинов 1872: 177; Булич 2018 [1904]: 176; Колесов 1991: 226 и др.], но и авторитетные старинные латинские и неолатинские грамматики XVI в., прежде всего Альвареса [Грунский 1910: 10–11; Kociuba 1975: 248–249] и Меланхтона [Дюбо 2005: *passim*], а также, возможно, латинские грамматики польских ученых Валентия Видавского и Уrsина Ниедзвецкого [Kociuba 1975: 40–41, 249; Захарьин 1995: 97].

В латинской грамматике Уrsина Ниедзвецкого О. Коцюба [Kociuba 1975: 249–250] обнаружил еще одну параллель к трактовке причастодетия у Смотрицкого:

- Appendices Coniugationum sunt tres.
- I. Gerundia, Verberandi, verberandum, verberando.
- II. Supina, Verberatum, u [...]
- III. Participiorum passivorum tempora duo.
- Praeteritum in VS, Verberatus, a, um.
- Futurum in DVS, Verberandus, a, um [Ursinus 1619: 231–232].

Ср. в Грамматике Смотрицкого:

³ В Припрыгаемыхъ Сопраженіи[ихъ]:
Припрагаетъся сопраженіемъ трбѣ. Временѧ причастїа. Дѣепричастїя.³ и
Причастодѣтие [Смотрицкий 1619б: 132].

Особое будущее время, образуемое пассивными причастиями, существует и в греческой грамматике Ласкариса в разделе о причастиях [Lascaris 1516: f. X 4]. Подобное будущее «по мале бывающее» (Paulo post Futurum, ближайшее будущее) есть и в «Адельфотесе»: τετυφόμενος «оубиенъ бити имамъ» (A: 79 [73 б]).

Как пишет И. М. Тронский, латинский герундив имел сначала значение «медиопассивного причастия инфекта» (*moriundus* ‘умирающий’,

² «Idem ait lib. 18. respondere aduerbio Attico, quod θετικον vocant, quod omnibus numeris et personis adiungitur» («Тот же [Присциан] говорит в книге 18, что [герундий на dum] соответствует аттическому наречию, называемому θετικον, которое употребляется во всех числах и лицах» [Alvarus 1572: 165].

secundus (от *sequor* ‘следую’) ‘следующий, второй’), и только позже развилось значение долженствования: *laudandus* ‘похвальный, тот, которого должно хвалить’. В поздней латыни герундив употребляется также в значении причастия будущего страдательного: «Присциан соответственно переводит герундив на греческий язык двумя формами: *amandus* – ὁ φίληθησόμενος καὶ ὁ φίλητός (G. L. 2. 567. 1-8)» [Тронский 2001: 263–264]. Таким образом, Смотрицкий передает формами на *-тельно* (ср. *любително*) и краткими прилагательными на *-теленъ*, *-телна*, *-телно* (ср. *любителенъ*) новое значение позднелatinского герундива и греческого пассивного причастия будущего времени (‘то, что должно быть любимо’ или ‘тот, которого должно (следует) любить’; ср. приведенный выше пример Смотрицкого: «*Любителенъ ми есть сынъ твой*»).

Значение возможности и долженствования в латинском языке могли также иметь, помимо герундивов, отлагольные прилагательные на *-bilis*. Например: *amabilis* (достойный любви), *perfectibilis* (способный совершенствоваться) и т. д. В русском языке это значение сохраняется в пассивных адъективированных причастиях, напр.: *Это вопрос решаемый. Это решаемо. Это неразрешимая³ проблема.* Именно пассивными причастиями Зизаний часто стремился передать латинскую терминологию там, где у Смотрицкого уже появляются отлагольные прилагательные на *-тельн-*: *имя нарицаемое, осуществленное (=существительное, прилагаемое (=прилагательное)* [Зизаний 1596: л. 20].

Примеры на причастодетие типа *писателно, читателно*, приводимые Смотрицким, с точки зрения современного литературного русского языка выглядят как искусственные образования, якобы «выдуманные» самим Смотрицким. Обращение к «Адельфотесу» показывает, что данные формы бытовали еще до Смотрицкого в переводах с греческого, во всяком случае в среде учителей и студентов Львовской братской школы. Но эти формы, как и формы императива, относились в «Адельфотесе» к наречиям, в старинном расширительном понимании этой категории как разнообразных устойчивых речений с различными интенциями, а не к глаголу [A: 178 (156)].

В наименовании самих разрядов наречий и при образовании других славянских грамматических терминов в «Адельфотесе» широко использована модель на *-тел[ы]ныя (-тел[ы]ная)*:

Наречия *надстательныя, творителная, бъднострадателныя еже и ридателная, w(t)мътателныя отрицателныя* [sic!], *уподобителныя, оудивителныя, оуравнителныя, собираителныя, повелителная* (= импе-

³ Образование причастий настоящего времени от глагола совершенного вида, нерегулярное, но допустимое, придает ему значение будущего времени.

ративы), *рассудителныя, вопросителна, та же повелителная [sic!]* (уже нареч. зело и др.), *полагателныя, зрителныя, слагателныя, отвъщавателныя* (= клятв.) *разделителныя, ослабителныя, из[ъ]явителная [sic!],* *оуказателныя [sic!], отстоятелная, возранителная* [A: 175–178 (154–157)].

Падеж дателный [A: 11, 16, 17 (106, 13, 14) и др.].

Имена числителныя [A: 44 (38)], *начертания оумалителного* (уменьш.) [A: 54, 56 (48, 50)], *зиждителного* (относит. прил.) [A: 56 (50)].

Степень сравнения *разсудителна* (сравнит.) [A: 51, 52, 54, 54 (45, 46, 47, 48)].

Категории глаголов: *страдателный родъ* (залог) [A: 57, 67 (51, 61) и др.], *залогъ дѣлателный* (также и у прич.) [A: 71, 72 (656, 67) и др.], *изъявителное и повелителное изложение* (наклон.) [A: 67, 71, 72 (61, 656, 666) и др.], спряжение *тяжкоударителное* [A: 71 (656)].

Местоимения *указателныя* [A: 62 (56)].

Союзы *сопльвателныя, совокупителныя, пресовокупителныя, преисполнителныя* [A: 179, 180 (157, 158)].

Это красноречиво свидетельствует о том, что сама модель на -тельн- для перевода греческой грамматической терминологии уже активно использовалась до появления Грамматики Смотрицкого.

Эта же модель использовалась и в общем языке описания: «Грамматî ка' есть, художествò 'оучáщее на́съ' оúмнал писáти.'и'яко къ кому мърî телно,' или числително (*ειμέτρως* 'η *ειρύθμως*) веществéнна, съ расуждёнемъ повъдáюща. Или грамматî ка' есть, художествò зрытелное 'и дѣлателное (*θεωρητικὴ καὶ πρακτικὴ*)'еже бл(а)го глагола(ти)'и бл(а)го писáти учáщее на(c)» [A: 9, 10 (7, 8)], «Речéнїе' есть ч áсть малá съчини- телного слова раздѣлителнал (*τοῦ συνταχτικοῦ λόγου διαιρετικὸν*)» [A: 11 (9)], «...словочерпáтельное, хлóпаточко... (*λογύδριον, μειραχύλιον*)» [A: 55 (49)], «Кð, рóдному,' и дáтелному,' и винóвному сочинáется. рóдному ... 'или подобáтельно (*ή τὸ καθῆκον*)» [A: 170 (150)], «...сочинáе(т)са ... винóвному же,' егда' óкресть' и 'о твóрческихъ' и составйтелны(х) (*σιστατικῶν*). 'яко 'óкресть гráда вóинство. кáа'ш м н'в вещь» [A: 174 (153)], «Объ. Подобнознаменáт(е)ленъ,' и подобносочнýтельный (Н 'аифí, 'омоибóсημoс καὶ 'омоиосу́нтахtoς)'есть'о. ...» [A: 174 (153)].

В «Адельфотесе» среди других самых разнообразных «глагольных имен», включая формы страдат. причастий, есть также и «глагольное имя» на -тельное, которое соответствует греческому страдательному причастию на -éов: «*писася пишемое. читашеся – читателное*» [A: 57 [51]]. Соотнеся форму *читателное* в «Адельфотесе» с формами латинского «герундия» на -dum (*legendum* – то, что следует читать), Смотрицкий изъял форму *читателное* из примеров на глагольные имена,

заменил эту форму при перечислении «имен глагольных» в своей грамматике на слово *читанie* [Смотрицкий 1619а: 64] и образовал в разделе глагола категорию причастодетия на *-тельно*: *читателно*. Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что не сам Смотрицкий изобрел формы *читателное* и *читателно*, эти формы уже существовали в русской части «Грамматики добrogлаголиваго еллинословенскаго языка» 1592 г. Смотрицкий знал о трактовке этих форм как форм соответственно глагольного имени и наречия в «Адельфотесе», но, размыщляя о славянских соответствиях греческим страдательным причастиям на *-έον* и латинскому «герундию на *-dum*», он отказался от слепого подражания греко-славянской грамматике и отнес уже давно и реально существовавшие формы на *-тельн-* к глаголу.

До выхода в свет Грамматики Смотрицкого идея рассматривать образования на *-тельн-* как именные формы глагола воплощена также в рукописной «Буковнице» Герасима Ворбазомского 1592 года. Он регулярно включает такие образования в ряды причастий: «...запинаемъ, запатъ, запинателе^и, запинающъ ... истачаемъ, источенъ, источителенъ, источающъ ... милуюмъ, милователенъ, милованъ, милуюющъ ... провѣщаємъ, провѣщенъ, провѣщателе^и, провѣщающъ ... содѣваемъ, содѣянъ, содѣтеле^и, содѣвающъ» [Живов 2007: 849].

Вслед за М. Смотрицким, категорию причастодетия описывает Сильвестр Медведев (либо Карион Истомин), выделяя *прилагательное причастодетельное* [Виноградов 1982: 21]. Таким образом производной форме нового термина *причастодетельный* придается новое видовое значение: речь идет не о всех *причастиях*, или, в синтаксическом отношении, не обо всех *именах причастодетельных*, а только об (именах) *прилагательных причастодетельных*.

Из последующих авторов, которые так или иначе обращались к категории причастодетия, можно назвать Ф. Максимова, Ф. Поликарпова, переиздавшего Грамматику Смотрицкого в 1721 г., Н. Г. Курганова и Аполлоса Байбакова [Поликарпов 2000: 298; Максимов 1723: 46, 92, 112–113; Курганов 1769: 71 (то же в др. изданиях вплоть до 1837); Аполлос 1794: 122]. На протяжении конца XVII – начала XIX в. сложилась целая традиция описания этой категории, которая требует обстоятельного изучения и осмысления на фоне письменной речевой практики того периода⁴.

В дальнейшем основным предметом нормативного описания стала уже младшая русская норма, в которой выделять редкую категорию посчитали нецелесообразным; научное изучение славянской грамматики перешло на сравнительно-историческую почву, и детали исторического

⁴ Оно уже начато авторами и предполагается в будущих публикациях.

развития употреблений словоформ на *-тельн-* были отложены до 1970-х годов, когда появилось исследование Г. Кайперта [Keipert 1977–1985]. Одним из первых, кто стал выдвигать аргументы против выделения причастодетия как самостоятельной морфологической категории, был А. А. Барсов [Барсов 1981: 644], см. об этом подробнее в статьях [Кручинина 2001: 34–36; Демидов, Камчатнов 2020: 107–108].

Заслугой Смотрицкого было открытие глагольных свойств словоформ на *-тельно* в качестве предикатива. Он выделил в нем функцию пассивных причастий, показывающих «нужду в действии».

Недостатком Грамматики Смотрицкого с точки зрения более позднего сравнительно-исторического метода в исследовании славянских языков является то, что мы бы назвали обратной стороной ее несомненных достоинств — стремление дать правила своего рода идеальной «славенской грамматики» в виде парадигм «образцовых» глаголов первого и второго спряжения. В качестве образца первого спряжения Смотрицкий выбрал глагол *читати*, а второго спряжения — глагол *творити*. Отсюда и «образцовые» формы причастодетия — *читательно* и *творително*.

Форма причастодетия *творително*, в отличие от сравнительно новой, «современной» формы *читательно*, уже давно бытовала в языке русской письменности: сего ради плачъ соугубъ іако же гръхоу гоубително и съмърению творително Іо. Лъств. XII в. (В.) [СлСрезн, 3, стб. 934]. Именно на эти хорошо известные книжные формы и ориентировался Смотрицкий, добавляя в парадигмы спряжения глаголов правильно образованные формы причастодетий.

3. Становление причастодетий в языке русской письменности XI–XVII вв.

По всей вероятности, процесс опрощения *-тел-* + *-ьн-* > *-тельн-* начался в эпоху первых славянских переводов. В СтСлСл мы нашли всего одно причастодетие: *гоубителнъ*, которое появляется наряду с именем деятеля *гоубитель*. В СлСрезн, помимо этого первого причастодетельного прилагательного, соотносительного с существительным на *-тель*, при таких существительных появляются *благодътельныи*, *водительныи*, *рачительныи*, *родительныи*, *святительныи*.

В СлРЯ XI–XVII вв. (вып. 28, с. 177) находим причастодетие *строительный*, которым переводится греч. ὁικοοικέτης ‘относящийся к божественному промыслу, промыслительный’. От глагола *строить* в 1-м знач. образуется причастодетие с относительным значением. В дальнейшем от разных значений этого глагола образовались, широко употреблялись и употребляются в разных сочетаниях такие же причасто-

дения. Как и в случае с причастодетием *губительный*, причастодетие *строительный* легко образуется от разных значений глагола *строить*. С существительным *строитель* возможна только вторичная мотивация. То же самое следует сказать и о триадах *спасти > спасительный* и *Спаситель, спасать > спасательный и спасатель, воспитать > воспитательный и воспитатель* и под., однако большинство причастодетий, отмеченных в СлСрезн, образуется совершенно независимо от имен деятеля: *волительныи, вънимательныи, дадительныи, дѣтельныи, жадательныи, желательнъ* и т. д. (всего 30 словоформ). Вместо *благодѣтельныи* в СтСлСл — пока еще *благодѣтьнъ*, вместо *побѣдительныи* — *побѣдѣнь*, вместо *приимительныи* — *приимичнонъ*, вместо *приятельныи* — *приятынъ*.

Модель на *-тельн-* складывалась не ранее X–XI вв. Первые переводы с греческого на славянский содержали лишь единичные случаи образований на *-тельнъ*, *-тельно*. Только два случая имеют семантические основания для надежной реконструкции промежуточного звена в словообразовательной цепи: *родити > родителъ > родительныи (домъ, -ное съмѧ), святити > святителъ > святительныи*.

Тесно связанные с производящими глаголами словоформы на *-тельн-* вступали в живую конкуренцию со своими паронимами — относительными прилагательными от имен деятеля на *-ъскыи*. Древнейшими паронимическими парами были *родительныи : родительскыи* и *святительныи : святительскыи*. Позже, судя по СлСрезн и СлРЯ XI–XVII вв., к ним добавились *властельныи : властельскыи, властительныи : властительскыи, лѣчительныи : лѣчительскыи, зиждительныи : зиждительскыи, строительныи : строительскыи, служительныи : служительскыи, учительныи : учительскыи*. Эта конкуренция продолжается вплоть до наших дней, ср.: *вредителъныи : ~скыи, грабителъныи : ~скыи, избирательныи : ~скыи, поджигательныи : ~скыи, покупательныи : ~скыи, просветительныи : ~скыи, стяжательныи : ~скыи*. Вероятно, содержание этой конкуренции со временем претерпело существенные изменения: если до развития причастодетия широкозначными были формы на *-тельныи*, а формы на *-тельскыи* специализировались на значении принадлежности имени деятеля, то в эпоху развитого состояния причастодетия, напротив, тесная связь форм на *-тельный* с глаголом позволяет им хорошо удерживать динамическую внутреннюю форму, а формы на *-скыи*, напротив, становятся широкозначными и развивают качественные значения.

Все остальные ранние причастодетия, включая те, для которых имеются параллельные образования имен деятеля (*губительныи, водителъныи, рачителъныи*), показывают независимое образование непо-

средственно от глаголов. Это требует сделать вывод об очень раннем опрощении *-тел-* + *-ьн-* > *-тельн-*, до конца XI в. Если первая часть *-тел-* нового сложного суффикса восходит к именам деятеля, то вторая часть *-ьн-* — к относительным прилагательным, означающим происхождение, изготовление из какого-то материала: *мъльнъ, жельзънъ*. Суфф. *-ьн-* означает некую смежность, принадлежность, производственную связь с понятием, обозначаемым производящим. Как из материала извлекается продукт, так и из деятеля извлекается его действие, поэтому первоначальное значение причастодетий активное.

Мнение В. М. Маркова [1962] о происхождении модели на *-тельный* от имени действия типа *добродетель* не подтверждается, поскольку наиболее ранние написания сочетания *добра дътьль* и производного прилагательного *добродътьльнъ* ясно указывают на другой суффикс, *-(т)ъль*, как в слове *капъль*, и его более позднюю, чем первые образования на *-тельнъ*, контаминацию с *-тель*. Имена действия *обрътель* и *приобрътель* не имеют производных **обрътельнъ*, **приобрътельнъ* и свидетельствуют не за, а против происхождения слов на *-тельный* от имен действия. Тем не менее в основании В. М. Марков прав: без древнего синкретизма значений деятеля и действия в глагольном слове, о чём писал А. А. Потебня [1958: 91], производные от имен деятеля формы на *-тельно*, *-тельнъ* не могли бы так быстро ассоциироваться непосредственно с глаголами, устранив промежуточную ступень словообразования и обозначая именно действие, «нужду действия», по Смотрицкому.

Без сомнения, новая непосредственная ассоциация установилась по греческому образцу, который описывает Г. Кайперт, ссылаясь на М. Амманна, вынужденного решать вопрос, произведены ли греч. прилагательные на *-τιχός* от имен деятеля на *-της*, от отглагольных прилагательных на *-τος* или непосредственно от глагола. Процесс образования прилагательных на *-τιχός* сопровождается семантически, но не морфологически именами действия [Keipert 1977: 144]. В славяно-русском языке образование причастодетий также сопровождается именами действия на *-тельство*: *губительство, дълательство, дътельство, му-чительство, приятельство, прогонительство, рачительство, ругательство, служительство, строительство, съвъдътельство, съжительство, съмлажательство, томительство, умътельство, учительство, чистительство* [СлСрезн]. Сама возможность появления такой модели на основе того же суффикса, что и первый элемент суффикса причастодетий, показывает причастный глаголу характер словоформ на *-тельн-*.

В значении имени деятеля греческий суффикс *-ти(оς)* передавался как *-тел(ь)*, а в значении признака — как *-тельн-*. Суффикс *-ьн-* выступает в славянском как «согласователь» с именем — носителем призна-

ка, особенно при развитии местоименных форм разного рода определений. С этим связана высочайшая продуктивность этого суффикса при образовании имен прилагательных, в том числе отглагольных, и расширение этим суффиксом полных страдательных причастий прош. времени на -(e)н-: -(e)н- + -ьн- > -(e)ньн- > -(e)ньн-. Специфика причастодетий в том, что единый вид *-тельн-* они имеют как для именных, так и для местоименных форм.

Формы на *-тельно*, признаваемые Смотрицким начальными, в функции причастодетий до выхода в свет его грамматики более или менее широко стали употребляться не ранее XIV в.:

«От Писания слышах, еже вправшати убо лучше есть и еже *свѧтovати* мно-
гых спасително есть» [Из Диоптры Филиппа Пустынника. Разговор души и
плоти (1300–1400)] (НКРЯ). Есть инфинитив *с(ъ)вѣтovати* в употребле-
нии такого типа, который будет развиваться только после Грамматики Смо-
трицкого и потому остался ею незамеченным.

«*O(m)лоучително* (слово Божіє) *помы(sh)леніи* и *мыслеи ср(ð)чины(x)*» Афан.
Алекс. сл. на Ар. (Op. II. 41) [СлСрезн, 3, стб. 209]; «...яко Еввѣ не прича-
щаяся, яко печали всякія отбегательно, яко чистотъ ходатайствено, яко *воз-
дыhanія* избавительно, яко осужденного отвѣта *нечаятельно* вѣщающаго...»
[Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»). Житие святой
Ольги (1560–1563)] (НКРЯ); «*Всакого дьявола дѣства бѣбѣгательно* въ
примѣнение всаких золь», Служ. Серг. л. 123. [СлСрезн, 3, стб. 773]. Прича-
стодетия *o(m)лоучително*, *o(m)бѣгательно*, *избавительно* сохраняют глаголь-
ное управление родительным падежом.

«...мнѣ смиренному едино токмо любезно бѣ и *тищателно*, еже душу свою спа-
сти...» [Никоновская летопись (1425–1506 гг.) (1526–1530)] (НКРЯ); «Еди-
но токмо любезно бѣ и *тищателно*», — согласование краткого прилагательного
любезно и причастодетия *тищателно* по роду, числу и падежу с подлежащим
в ср. роде ед. ч. *едино*.

«...стоати имъ на бж(о)твѣныхъ присно славословлениихъ ... тако мощно
неподвижны ... и ни на чомже ино дѣтельно нѣ єже къ б(ог)оу въздѣв-
ти и съ н(е)б(е)се призывати помощь...» [Студийский устав // Пентковский
А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М. 2001.
С. 368–420] (НКРЯ); «...промышляя полезная намъ и враги наша супостат-
ныя п[р]оганяя иже бысть тогда къ милованію нашему благосугубно знаменіе,
иже на враги побѣдительно» [Степенная книга («Книга Степенная царского
родословия»). 13-я степень [Василий I Дмитриевич] (1560–1563)] (НКРЯ).
Причастодетия *дѣтельно*, *побѣдительно* наследуют глагольное управление
«на + вин. п.».

Изменение формального управления все же сохраняет ту же семан-
тическую зависимость, какая была и от производящего глагола:

«Бояся его и дѣлая правдоу *приятеленъ емоу есть*», *Пчел. И. Публ. Б.л. 73* [Сл-Срезн, 3, стб. 1501]; «Намъ оно море положи, по внутреннимъ мира частем, от насъ плавателно, якоже видимъ» [Из Троянской истории (1500–1600)] (НКРЯ); «Отнюдь не памятоzлобенъ и къ согрешающимъ прощателенъ» (в других списках *прощатель*⁵), Ник. л. 6745 г. [СлСрезн, 3, стб. 1610]; «Потриярху великаго града Александре и судителному всеи вселеннии хваление приношу», *Пут. Генн. и Позн. 2.* [СлСрезн, 3, стб. 597].

Значение «нужды действия» вполне ясно проявлялось не только в переводных, но и в оригинальных памятниках письменности: «Послалъ къ вамъ учителныхъ людеи, чтобы вы съ нами были едина вѣра», *Посл. патр. Иов. 1589 г.* [СлСрезн, 3, стб. 1340]. Смотрицкий обнаружил мощный словообразовательный потенциал именно в причастодетельных прилагательных для перевода греко-латинской терминологии назаний всех падежей имени, разрядов местоимений, наклонений глагола и т. д. (ср. [Колесов 1991: 237–238]).

На протяжении XI–XVII вв. категория состояния пополнялась начальными формами причастодетий в лексико-семантической группах душевного состояния человека, его эмоционально-психических переживаний (*служительно, мнительно*), интеллектуального состояния (*вѣдательно, недоумительно*), состояния окружающей среды, обстановки (*состоятельно*), отрицательной и положительной оценки какого-либо действия или состояния (*зазрительно, постоянно*)⁶. Для словоформ *вѣдательно, недоумительно, зазрительно* не находится никаких производящих атрибутивного или адвербиального типа [Тюкинеева 2005: 21]. Это объясняет выбор Смотрицким начальной формы причастодетия.

СКС (слова категории состояния. — С. В., Д. Д.) уже к XI–XIV вв. в основном четко отграничиваются от других частей речи лексически, морфологически, синтаксически. Анализ материала исторических словарей русского языка XI–XVII вв. показал, что все ЛСГ СКС, известные в современном русском языке, не только уже имелись в древнерусском языке, но и обладали многообразием форм для выражения определенного состояния [Тюкинеева 2005: 7].

Заметим, что причастодетия *мнительно, зазрительно, вѣдательно, недоумительно* имеют не активное, а пассивное значение.

Таким образом, М. Смотрицкий замечает периферийную категорию со слабой степенью грамматикализации, однако эта категория

⁵ Это характерное разночтение еще раз показывает происхождение первой части сложного опрошенного суффикса *-тельн-* от имен деятеля.

⁶ В ЛСГ категории состояния модального значения причастодетие появляется с самого начала XVIII в.: «Но еще токмо желательно бяше, дабы лютая брань сия и в конец уподобилася оной брани Аннибалевой...» [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и величайшему князю Петру Алексеевичу (1709)] (НКРЯ).

позволяет ему сделать собственную терминологию логичной истройной, объясняет множество «странных» современных ему и новейших функций словоформ на *-тельный* и *-тельно*. Благодаря введению в славяно-русскую грамматику категории причастодетия мы можем проследить движение этих словоформ от производящего глагола к качественному прилагательному и определительному наречию.

Так, становится легче решать вопрос со специфическими сложными прилагательными на *-тельный*. Способность управлять (4)⁷, указанная в Грамматике Смотрицкого, была представлена в древних контекстах (см. ниже), но исторически реализовалась во включении прямого дополнения в первую часть сложных слов на *-тельный*: *благоподательный, нищекормительный, светодательный, скотопитательный, совр. вагоностроительный, бумагоделательный*. Такие производные способны уже употребляться только по типу (5) в «образе прилагательных», они теряют способность к предикативному употреблению и даже не образуют производных наречий. Инкорпорация дополнения или обстоятельства в причастодетие переводит сложную словоформу, не только изменяемую, но и непосредственно образованную по образу прилагательных, в разряд относительных прилагательных. Они как бы исторически застывают в таком статусе и, в целом, не способны к метафорическим переносам в качественные, в отличие от простых, ср.: *plenительный* ‘покоряющий своей прелестью; обаятельный, очаровательный’, *подозрительный* ‘вызывающий сомнение в своей благонадежности, добропорядочности, честности и т. п.; в своих положительных качествах, в своей доброкачественности’ [МАС], *решительный* ‘смелый, энергичный, окончательный, наиболее важный, явный’ (по МАС).

Сложные прилагательные на *-тельнъ* способны входить в синонимические отношения с прилагательными других моделей образования. Так, в Лк 1:28 χαῖρε κεχαριτωμένη ὁ κύριος μετὰ σοῦ обычно по-славянски передается как *Радуйся, благодатная: Господь съ тобою*. Кεχαριτωμένη — это медиопассивное причастие прошедшего времени от глагола χάριτόω. Такие формы могут передаваться и сложными прилагательными от ближайших к причастодетиям отглагольных прилагательных, и собственно от причастодетий, отсюда в Четвероев. 1144 г. «113 Радоуся благодътельнаа» [СлСрезн, 1, стбл. 98]. Ср.: «(Г) прочихъ бл(а)годателныхъ телъсехъ», *Ефр Сир. 1377 г. л. 35* [СлСрезн, Дополнения, стбл. 15].

Ко времени написания Грамматики Смотрицкого причастодетие довольно широко входит в практику создания оригинальных памятни-

⁷ В круглых скобках указаны номера синтаксических правил, объясняющих типы употребления причастодетей. Они изложены в Грамматике Смотрицкого, см. раздел 1. настоящей статьи.

ков письменности. Г. Кайперт находит у Кирилла Туровского сложные прилагательные, образованные по типу причастодетий, *миродержи-тельнъ, самомнительнъ, умгородительнъ* [Keiper 1977: 38], для которых нет греческого оригинала. Они сохраняют тесную связь с производящими глаголами и включают в свой состав управляемые лексические элементы.

Большинство причастодетий употребляется до М. Смотрицкого в субъектной функции, при которой субъекты основного и побочного действия, выраженного причастодетием, совпадают, т. е. с активным значением:

«...но паче всѣхъ мнѣ смиренному едино токмо любезно бѣ и *тищателно*, еже душу свою спаси и представити себе Владыцѣ и Богу моему...» [Никоновская летопись (1425–1506 гг.) (1526–1530)];

«Хрестьянусу королю, познатца дружбою, и добрымъ увѣренемъ уставитца, и во вся бѣ времена *постоятелно* и нерушимо пребывать» [Грамота царевича Феодора Борисовича к датскому королю Христиану IV... (1602)];

«А то і сами можете разумѣти, передъ вами все дѣжалось, что ни дѣжалось заводомъ, и злымъ умысломъ, і ложью, и то все разрушилося і впередъ *сто-ятельно* николи не будеть» [Грамота от земского собора в Астрахань к казакам с увещаньем оставить Заруцкого и просить государя о прощении (1614.03.18)] (НКРЯ).

По признаку единства субъекта основного и побочного действия, выраженного причастодетием, последнее совпадает с деепричастием. Это обстоятельство необходимо учитывать при реконструкции способа открытия Смотрицким деепричастия и причастодетия. Деепричастие, будучи «наречной» формой глагола, возможно, побудило его и выбрать в качестве начальной форму причастодетия на *-тельно*.

Несколько реже, но все же встречаются и такие употребления причастодетий, субъект которых не совпадает с субъектом основного действия или определяемого существительного, и они, таким образом, употребляются в пассивном значении и получают значение «нужды действия»⁸:

«Сie бо княженie Кіевское всѣмъ любезно и *желателно* бѣ, и о семь вси подви- захуся: сице и сему великому князю Изяславу Давыдовичю скорбно и печал-но, яко изгнану ему сущу съ него⁹» [Никоновская летопись (859–1176 гг.) (1526–1530)] (НКРЯ);

⁸ Образуются они только от переходных глаголов, поскольку их значение, по Кайцперту, «потенциально-пассивное» [Keiper 1977: 139 и далее].

⁹ Здесь речь идет о Киевском княжении. Его желают (оно *желательно*) все князья (всем). Семантический субъект высказывания *Княжение* было *желательно всем* «все» не совпадает с подлежащим предложения — субъектом *«княжение»*, с которым через связку соединена именная часть сказуемого *желательно*.

«...а государь вашъ Фридрикъ король за то къ намъ учиняеца своимъ члобитьемъ, какъ во оприченности любителному государю во вся дни живота своего пріятелно заслужити» [Ответ датским послам на ходатайство датского короля Фредерика о прекращении военных действий... (1559.04.05)]; «...а государь вашъ крестьянской, и самому ему чего того хотети, не добрѣ то хвалително и не славно» [Статейный список И. М. Воронцова (Швеция) (1567–1569)] (НКРЯ).

В последнем случае основное действие выражено в придаточном с местоименно-соотносительной связью.

По всей видимости, М. Смотрицкий обращал внимание прежде всего на употребления второго типа, максимально удаленные от деепричастий, которые он описывал также впервые. Ему важно было показать функциональные различия между этими категориями. Как видим, в начальной форме на *-тельн*о встречаются причастодетия либо несогласованные с подлежащим, либо в безличных предложениях, либо в наречной функции, но, в отличие от наречий, показывающих побочное действие.

Те причастодетия, которые не претерпевали подобного семантического развития, а оставались именными формами глагола, т. е. собственно причастодетиями (особыми формами причастий), так и не подверглись лексикализации, вышли из употребления. Часть их представлена в табл. 1. Ближайшие сложные прилагательные, которые произведены от причастодетий, также не изменились в семантическом отношении, оставаясь непосредственно зависимыми от глагола. Часть их представлена в табл. 2.

В. В. Виноградов предлагает разделить «образования с суффиксом *-тельн-*» по трем основным типам значений: а) активному (*спасительный* ‘несущий спасение, спасающий’, *возмутительный* ‘возмущающий, способный вызвать возмущение’, *бдительный*, *наблюдательный*), б) пассивному *замечательный* ‘достойный быть замеченным’, *уважительный*, *простительный*), в) относительного (*подготовительный период* ‘период подготовления’, *избирательное право*, *оборонительный союз*, *пытательный стаж* [Виноградов 2001: 181–182]. Мы определяем типы значений по аналогии с членами предложения базовых конструкций с исходными глаголами: субъектное значение, как в подлежащем, определяет активный тип, значение прямого объекта, как в прямом дополнении, — пассивный тип, значение косвенного дополнения или обстоятельства — относительный тип. Такой принцип семантико-синтаксической классификации хорошо подходит не только к собственно причастодетиям, полностью сохраняющим основу своего глагола, но и к ближайшим образованным по их типу сложным прилагательным,

поэтому применен в Таблицах 1 и 2. В них собраны все образования на *-тельн-*, описанные в СлРЯ XI–XVII вв., не сохранившиеся до наших дней, на буквы А–Д. Представленного материала вполне достаточно, чтобы показать основные тенденции. В квадратных скобках цифра до двоеточия означает номер выпуска СлРЯ XI–XVII вв., цифра после двоеточия — номер страницы. В круглых скобках отмечается номер типа синтаксического употребления согласно Грамматике Смотрицкого (см. раздел 1 настоящей статьи), а также употребления в позиции наречия типа (6). Перед цитатой или словосочетанием показан год создания рукописи или оригинала, как это указано в СлРЯ XI–XVII вв. через тильду, после цитаты в круглых скобках указан памятник, лист или страница, далее в квадратных скобках номер выпуска этого Словаря и страница выпуска. В конце разделов XVI в. и XVII в. приводятся те цитаты и словосочетания, более точная датировка которых неизвестна.

Таблица 1
Причастодетия XI–XVII вв.

В е к	Тип значений причастодетий		
	Активный	Пассивный	Относительный
Д о Х V I	1073 Лютыя же и лукавыя възвѣрья (в) <i>грабительныя</i> влѣкы (Изб. Св. 1073, 246) [4: 113]. (5) XI в. Възвратити сребро добрым пенязником, и поспѣшным и <i>дѣтельнымъ</i> (Феод. Печ., 181. XV–XVI вв. ~ XI в.) [4: 236]. (5) Вт. пол. XV в. Не наругаеши, сирѣчъ, не <i>глумителнъ</i> и неговѣйнѣ сътворити всѣмъ несвященнымъ явленная смѣху, узрокъ творящимъ божественая таинства (Дионисий Ареопаг.) (ВМЧ, Окт. 1-3, 620. ~ XV в.) [4: 37] (3) Ср. в знач. сущ. Рещи <i>досадительная</i> къ святому (мн. ч., сущ.) (Варл. Хут., 185 об. XVI– XVII ~ XV в.) [4: 327] (5)	XI в. Не естьственно бо нь <i>волительно</i> (Панд. Ант. (Амф.) XI в.) [2: 314]. (1)	XI в. <i>Дадително</i> пияньство (Панд. Ант., 17. XI в.) [4: 166]. (5) XII в. И бяше пиво воды тоя <i>дѣтелно</i> отимающи жаждю, и здрава паче всяя пища (Палея ист., 108. XV в. ~ XII в.) [4: 236]. (5) 1345 Труди и потове <i>дѣлателни</i> . ((Сл. Меф. Пат.) П. отреч. II, 221. 1345 г.) [4: 204]. (5)
X V I	1534 Сила [перца] <i>отворителна</i> и <i>истребителна</i> и <i>влачителна</i> . (Травник Любч., 509. XVII в. ~ 1534 г.) [2: 223]. (5) Плодъ собою есть <i>вязителенъ</i> (там же, 157)	1534 <i>Вредителное</i> мѣсто (на теле) (Травник Любч., 179. XVII в. ~ 1534 г.) [3: 104]. (5)	

В е к	Тип значений причастодетий		
	Активный	Пассивный	Относительный
X V I	<p>[3: 285]. (5) <i>Врачевателныя</i> книги (там же, 177) [3: 102]. (5) <i>Врачителная</i> сила (там же, 604) [3: 103]. (5) Свекла естествомъ есть <i>вязателна</i> (там же, 178) [3: 283]. (5) Корень тое травы вельми есть <i>мягчителенъ</i> и <i>двизателенъ</i> утробъ женской (там же, 82) [4: 183]. (5)</p> <p>1535 <i>Дѣлателная</i> добродѣтель (Брун. Толк. Псалт., 73. XVII в. ~ 1535 г.) [4: 204]. (5)</p> <p>1557 Повелѣль ... король всеприятелно тебѣ вѣдомо подати, что такая <i>вредителная</i> война и роздоръ учинился между обѣихъ [земель] (Швед. д., 28. 1557 г.) [3: 129]. (5)</p> <p>1560-е Самъ же <i>воздержателенъ</i> бѣ отъ объядения и пьянства и отъ плотскихъ сладострастий (Кн. Степ., 173. XVI–XVII вв. ~ 1560-е гг.) [2: 286]. (4)</p> <p>1594 Гонительная рука султана. (Рим. Имп. д. I, 1272. 1594 г.) [4: 74]. (5)</p> <p>XVI в. Спаси князя наша... воинство их на всякыя языки <i>борителны</i> укрѣпи (Требник, 448. XVI в.) [1: 293]. (4) Ср. в знач. сущ.: А еже крілъ имѣють, да покажуть сих горѣносное, и самодвижное, и <i>возводительное</i>, и нетягостное, и къ земным непричастное (Иос. Вол. Просветитель, 216. XVI в.) [2: 274]. (5) Принеси ему груди — мышления, хотѣниа, и обѣ истеси — цѣломудрие, главу с ногами — <i>водителенъ</i> умъ съ дѣяніи в жизнь водящий путь (ВМЧ, Дек. 24, 2146. XVI в.) [2: 251]. (4) Воиномъ убо презѣльнѣ <i>дарователенъ</i> бѣ [воевода] паче всѣхъ (М. Гр. III, 193.) (М. Гр. III, 193. XVI в.) [4: 173]. (4)</p>	<p>1535 <i>Виятельные</i> разумения. (Брун. Толк. Псалт., 573. XVII в. ~ 1535 г.) [4: 246]. (5)</p> <p>XVI в. Мы бо словесное представляемъ язычныи орудиемъ и <i>гласительными</i> образы, биюще вѣздухъ языкомъ, и слову преходящю отъ насъ въ слышащихъ слухы отъ тѣла въ тѣло (ВМЧ, Окт. 1-3, 291. XVI в.) [4: 30]. (5)</p>	<p>1559 Потому мы <i>дружително</i> просимъ, чтобы вы намъ о томъ дѣле добро учинили (Швед. д., 59. 1559 г.) [4: 364]. (6)</p> <p>1595 Прилежати <i>дѣтелнымъ</i> частемъ (о Марфе) (ВМЧ, Окт. 4 – 18, 1258. XVI в.) [4: 236]. (5)</p>

В е к	Тип значений причастодетий		
	Активный	Пассивный	Относительный
	<p>Святый <i>целителныи</i> и <i>дѣтелныи</i> богъ (ВМЧ, Окт. 19–31, 1665. XVI в.) [4: 236]. (5) <i>Досадителнаа</i> и хулнаа словеса (Ж. Ал. Ош., 58. XVI в.) [4: 327]. (5) <i>Досадителныи</i> языкъ (ВМЧ, Дек. 6 – 17, 958. XVI в.) [4: 327]. (5) <i>Досадителнъ</i> къ земли низлагають (ВМЧ, Окт. 4–18, 1105. XVI в.) [4: 327]. (6)</p> <p>1595 Риторикииной языкъ обучих, <i>бесѣдовательныи</i>м прехождение<м> и показаниемъ словесъ наказанъ бых (<i>διαλεκτικᾶς</i>) (ВМЧ, Дек. 1–5, 113. 1595 г.) [1: 149]. (5) Листы <i>возвѣщателнii</i>. (Пов. прихож. на Псков., 8. XVI в.) [2: 272]. (5)</p> <p>1635 Старецъ добръ, разуменъ и <i>воздержателенъ</i> и <i>учителенъ</i> ((Царск. гр. вологод. архиеп.) РИБ II. 1635 г.) [2: 286]. (5)</p> <p>1636 Крещение, <i>вѣводительное</i> в покаяние (Скрижаль, V, 113. 1636) [2: 30]. (4)</p> <p>1643 Учителю подобает... долготерпѣливу быти, ... и милостииву, <i>даровательну</i> и д(у) шелюбиву (Пролог (ст. печ.), март, 6. 1643 г.) [4: 173]¹⁰. (5)</p> <p>1652 Нравомъ грѣхолюбителенъ и человѣкомъ <i>досадителенъ</i> ((Окр, посл. мт. Ионы) АИ IV, 175. 1652 г.) [4: 131]. (4)</p> <p>1656 Завистии суть бѣси и всих б(о)ж(ь)ственныхъ дѣлехъ <i>искусителни</i> и <i>возбранителни</i> бывають (Скрижаль, II, 19. 1656 г.) [2: 267]. (4) Ср. в знач. сущ.: Ноги убо знаменуют <i>двигателное</i>, си есть движение непрестанное (Скрижаль, II, 627. 1656 г.) [4: 182–183]. (5)</p>	<p>1621 А грамоты присылати о всякихъ управныхъ дѣлѣхъ, и тѣ грамоты вычитати всѣ <i>внятѣльно</i> (АМГ I, 161. 1621 г.) [2: 247] (6)</p> <p>1652 <i>Внятѣльнъ</i> слышати глаголемая. (Сл. Шестака, 74. 1652 г.) [2: 247]. (6)</p>	
X V I			

¹⁰ Гл. *даровать* сохраняет соответствующее значение и в наши дни: ‘Дать, давать (о действиях Бога, а также высокопоставленных духовных лиц); вручать, передавать. Одарить (одаривать), наделить (наделять) чем-л.’ (МАС).

В е к	Тип значений причастодетий		
	Активный	Пассивный	Относительный
X V I I	<p>1672 Омела дубовая имѣть силу тонкостну и <i>влачительну</i> и <i>разлучительну</i> мокрости (Леч. III, 115. XVIII в. ~ 1672 г.) [2: 223]. (4)</p> <p>1672 Черленое вино естествомъ есть <i>вязателно</i> (Леч. III, 87. XVIII в. ~ 1672 г.) [3: 283]. (5)</p> <p>1686 ...вода есть <i>врачительная</i> на болѣзни очесь (Проскинитарий Арс. К., 42.) [3: 103]. (4)</p> <p>1699 <i>Возвѣстително</i> доношу о ... повелении (Шерем. 1597. 1699 г.) [2: 272]. (6)</p> <p>1700 <i>Возвѣстительная</i> грамота. (Ж. ц. Дм., 19. XVII–XVIII вв.) [2: 272]. (5) И столникъ Ловчиковъ <i>вторително</i> подошедь к нему и сталъ ево раговаривать (Фрол Скобеев (Покр.), 281. XVIII в. ~ 1700 г.) [3: 165]. (6)</p> <p>Серафими шестокрилни не яко пернати суще, но <i>грѣятелни</i> и <i>жжителни</i>, яко пламы огнены (Г. Фирсов, 91. XVII в.) [4: 134]. (5)</p>	<p>1674 Что <i>вредителное</i> обрящу (поврежденное среди строений) (Юдиѳь, 112. 1674 г.) [3: 104]. (5)</p> <p>1675 <i>Гадательныя</i> кости¹¹ (Д. Иос. Колом., 85. 1675 г.) [2: 272]. (5)</p> <p>1678 <i>Вѣдательно</i> есть о святыхъ книгахъ (Ирм. Сол. м., 388. 1678 г.) [2: 43]. (4)</p> <p><i>Вредительная</i> кровь (Лек., 158. XVII в.) [3: 104]. (5)</p>	<p>1670 Молюсь, читателе ласковыи, да не будетъ <i>досадително</i>, хощу нѣчто мало об(ъ) явити о тамошихъ чинѣх и урядствѣ (Козм., 218. 1670 г.) [4: 327]. (1)</p> <p>1679 <i>Дѣтельное</i> учение и словесное (Посл. из Пустоз. к сыну Максиму) Суб. Мат. VI, 185. 1679 г.) [4: 236]. (5)</p> <p>И вооружився, яко на сущаго змия [на Лжедмитрия], на мысль его наступивъ и, яко опашъ, <i>высителна</i>¹² словеса отсѣкая остиремъ словеснаго меча (Пов. Хворостинина, 537. XVIII в.) [3: 247]. (5)</p>

¹¹ Известное, по СлРЯ XI–XVII вв., с 1675 г. слово *гадатель*, по НКРЯ впервые появляется в переведном тексте: «Они подобно *гадателямъ* и пророкамъ, дивнымъ образомъ оную угадываютъ; и ложъ съ правдою различаются» [С. С. Волчков. Придворной человѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)] Следовательно, независимо друг от друга *гадати* > *гадательный* и *гадать* > *гадатель* при переводе с фр. Это не соответствует мнению Миклошича, Покровского и Виноградова [Виноградов 1959: 6], которые считают слово *гадательный* производным от *гадатель*.

¹² От гл. *выситися* ‘возвеличиваться, возвышаться, гордиться, кичиться’, известного с XI в.

Таблица 2

Сложные прилагательные, образованные от причастодетий, XI–XVII вв.

В е к	Тип значений сложных прилагательных, образованных от причастодетий		
	Активный	Пассивный	Относительный
1096 Вседѣржитѣльнѧ ц(а) рствующа Г(оспод)а поите (Мин. окт., 77. 1096 г.) [3: 119]. (6)			
1097 Всесъдѣржитѣльная сила (Мин. ноябрь, 368. 1097 г.) [3: 131]. (5)			Нет
XI в. Вседрѣжителнаѧ Его десница (Флавий. Полон. Иерус. I, 158. XVI в. ~ XI в.) [3: 119]. (5)			
Въсприемъ вседѣтѣльныѧ дары (ВМЧ, Дек. 24, 2107. XVI в. (то же с вар. вседѣтельныѧ Панд. Ант., 231 XI в.)) [3: 120]. (5)			
XII в. Сребролюбие душегубително (Златостр., 87. XII в.) [2: 221].			
1385 (О солнце) ...общее			
Доко, всевидимая зѣница			
о всепитателный огнь (Шестоднев Г. Пизида, 7. XV в. ~ 1385 г.) [3: 128]. (5)			
V 1431 Дѣйствомъ вседѣтѣльного			
I Духа ((Поуч. мт., Фотия) РИБ VI, 503. XVI в. ~ 1431 г.) [3: 120]. (5)			
XV в. Благопрѣбывателная			
жизнь (Сл. похв. Серг. Р. Епиф., 137. XV в.) [1: 211]. (5)			
Всѧтворителная десница (Бога) (Пов. Мерк. Смол., 215 об. ~ XV в.) [3: 133].			
1670 Плеща худы и умалены знаменуетъ человѣка... покойна, малоработна, вѣроятелна и ко всему превратна (cito credentem) (Скотт, 160. XVIII в. ~ 1670 г.) [2: 93]. (5)			
Вт. пол. XV в. (под 1409 г.)			
Браждолюбителныи Едигѣи (Рог. лет., 179.) [3: 96]. (5)			

В е к	Тип значений сложных прилагательных, образованных от причастодетий		
	Активный	Пассивный	Относительный
X V I	<p>1560 Благорассудительни отьцы (Кн. Степ., 509. XVI–XVII вв. ~ 1560 гг.) [3: 96]. (5)</p> <p>1560-е Властожелательныи Шемяка (Там же, 464.) [2: 221]. (5) Душелюбителыи изволениемъ (Там же, 60.) [4: 390]. (5)</p> <p>1592 Благоспасительно дѣло (Арх. Стр. I, 680. 1592 г.) [1: 220]. (5)</p> <p>1595 Вседержителыи Богъ (Флавий. Полон. Иерус. I, 116. XVI в. ~ XI в.) [3: 119]. (5)</p> <p>Благовѣщательные молитвы (Перен. мощ. Мт. Петра, 43. XVI в.) [1: 194]. (5)</p> <p>Всевидительное око Господне (Требник, 336 об. XVI в.) [3: 116–117]. (5) Зло окаанно и всегубително (Ник. лет. XI, 11.) [3: 118]. (5) Нарочитые и доброжителыи мужие (Курб. Ист., 339. XVII в. ~ XVI в.) [4: 262]. (5) Всяка враждебная и душегубителыи буря (М. Гр. Неизд. I, 157. XVI в.) [4: 389]. (5)</p>	<p>1589 Нашему дружнолюбитель-ному государю и брату (Рим. имп. д. I, 1150. 1589 г.) [4: 365]. (5)</p>	<p>1512 В знач. сущ.: <i>Домостроительное</i> и градное (разделение дѣятельного, то есть практической части философии, на экономику и градостроение) (Хроногр. 1512 г., 89) [4: 312]. (5)</p> <p>1595 Мы присланы съ дружелюби-тельнымъ дѣломъ (Рим. имп. д. II, 292. 1595 г.) [4: 362]. (5)</p> <p>Благорачителыи наказание (ВМЧ, Отк. 19–31, 1733. XVI в.) [1: 214]. (5)</p> <p>[Царевич Дмитрий] дошедь общаго, гробоприятелаго яко влагалища, мѣста всеродителаго ему сположения... идѣже въ нераастоятел-нѣ совокуплении разности всѣхъ купно сродныхъ ему згосподская тѣлеса вмѣщаема (Врем. И. Тим., 322. XVII в. ~ XVI в.) [3: 130]. (5)</p>
X V I I	<p>1601 А у писма рука послова. Вашъ добrolюбителной и надежной другъ рыцерь Лѣй (Англ. д., 404. 1601 г.) [4: 263]. (5)</p> <p>1610 Грюходѣтельная рука (Посл. о хабува, 420. 1610 г.) [4: 131]. (5)</p>		

В е к	Тип значений сложных прилагательных, образованных от причастодетий		
	Активный	Пассивный	Относительный
X V I I	<p>1617 Ко книжному прочитанию борзозрителенъ (о Гр. Отретьеве). (Ст. о см., 1290. 1617 г.) [1: 292]. (4) Ему же буди благопребывателно и многолѣтно здравствовати... [Из Хронографа 1617 года (1617)] (НКРЯ) (6)</p> <p>1652 Нравомъ грѣхолюбителенъ и человѣкомъ досадителенъ ((Окр. посл. мт. Ионы) АИ IV, 175. 1652 г.) [4: 131]. (5)</p> <p>1656 І(е)рковь есть трапеза душепитателная (Скрижалъ, 12. 1656 г.) [4: 390]. (5)</p> <p>1660 Вседѣйствителный Духъ святый (патр. Никон) (Д. патр. Никона. 67. 1660 г.) [3: 118]. (5)</p> <p>1670 Плеща худы и умалены знаменуетъ человѣка... покойна, малоработна, вѣроятелина и ко всему превратна (cito credentem) (Скотт, 160. XVIII в. ~ 1670 г.) [2: 93]. (5)</p> <p>1674 Благонаказательно глаголание. (ДАИ V, 113. 1674 г.) [1: 206]. (5)</p> <p>1675 Слабое и растлѣнное грѣхотворительное житие (Ав. Кн. бес., 308. 1675 г.) [4: 132]. (5)</p> <p>1676 Велетщателно подвизатися на всякое духовное преуспѣяніе (Д. Иос. Колом., 151. 1676 г.) [2: 60]. (6)</p> <p>1687 Благоприятельный христианский совет (Итал. д., 1267. 1687 г.) [1: 212]. (5)</p> <p>1694 Благопростирательная милость (ДАИ XII, 378. 1694 г.) [1: 213]. (5)</p> <p>Умыти богоопровѣдательныя и быстротечныя... благовѣщательныя и мироносныя ноги (Г. Фирсов, 113. XVII в.) [1: 194]. (5)</p>	<p>1613 <i>Белелюбителъный</i> брать (о вел. кн. Карлусе) (ДАИ II, 5. 1613 г.) [2: 58]. (5)</p>	<p>1684 <i>Дружелюбителъная</i> грамота (ДАИ XI, 212. 1684 г.) [4: 362]. (5)</p> <p>1690 <i>Вѣрнорадетельная</i> служба (ДАИ XII, 349. 1690 г.) [2: 91]. (5)</p> <p>1698 <i>Благонамѣритель-</i> ной путь (Шерем., 1617. 1698 г.) [1: 206]. (5)</p>

Лексико-сintаксический либо сложносуффиксальный способ образования производных сложных прилагательных по модели причастодетий сохраняет близость лексического значения сложных производных, лишь модифицируя (сужая) лексическое значение глагола за счет включенного в него актанта. Усиливая активный тип значений, они препятствовали развитию пассивного типа значения у простых причастодетий. Другим, формально не выраженным, способом развития причастодетий являются лексико-семантические переносы, вызывающие «окачествление» (термин В. В. Виноградова) причастодетий¹³ и их переход в качественные прилагательные, т. е. морфолого-сintаксический способ. Эти процессы особенно интенсивно протекали начиная с XVI в.

Так, по данным СлРЯ XI–XVII вв., МАС и НКРЯ:

Бдительный ‘бодрствующий, зоркий’ (о наименовании орла, *къ си-
лотворной пищи остромъ и бдителномъ*) > ‘усердный, внимательный’.

Винительный ‘являющийся причиной, основанием для какого-л.
действия или явления’ > ‘винительный (падеж)’. Здесь произошла каль-
ка грамматического термина, поэтому качественного прилагательного
не образовалось.

Дательный ‘дающий’ > ‘дательный (падеж)’. Как *винительный*.

Дѣятельный ‘практический’ (о философии, противоположное: *зри-
тельное*) > ‘проявляющий особенную энергию, старание в выполнении
какого-л. дела’ > ‘постоянно, беспрерывно действующий, работающий’¹⁴.

Наблюдения показывают, что переход в качественные прилагательные происходит лучше всего в причастодетиях со значением активного типа, несколько хуже – пассивного типа, намного хуже – относительного типа.

Процесс дальнейшего «окачествления» затронул в гораздо меньшей степени производные сложные относительные прилагательные, образованные от причастодетий:

Благодѣтельный ‘творящий добро’ (о старцах)¹⁵ > ‘благодатный, исполненный благодати’ > ‘склонный оказывать благодеяния, добрый’ > ‘приносящий пользу; благотворный’ (о сне, чьем-л. влиянии, переменах).

¹³ Понятие «окачествления» следует ограничить только случаями, когда причастодетие уже не повторяет семантических переносов своего глагола, а развивает собственные новые значения.

¹⁴ Ради экономии объема мы ограничились буквами А – Д СлРЯ XI–XVII вв., однако представленного материала вполне достаточно, чтобы показать основные тенденции.

¹⁵ Так определено в СлРЯ XI–XVII вв., хотя это сомнительно: «Сподоблься таковьяя
бл(а)год(а)ти великий феодол Иоанъ на горѣ Синайстїй, явление слыша
гудецъ гудящихъ в гусли своя и поющихъ яко пѣснь нову пред претоломъ и
пред четырьми животными и старцы благодѣтельными», *Мусик. согл., 10о6. XVII в.*

4. Употребление причастодетий во «Временнике»
Ивана Тимофеева

Со времени Второго южнославянского влияния культура архаизированной церковнославянской нормы в русской словесности непременно укреплялась и расширялась. Появление книгопечатания резко усилило актуальность кодификации нормы. В течение XVI в. и особенно в конце XVI – начале XVII вв., непосредственно перед появлением Грамматики Смотрицкого, причастодетие и сложные прилагательные на *-тельный* активно употреблялись в таких памятниках, как «Житие Антония Римлянина» (*благодать просвѣтителная, горний свѣтъ трисиятелный, мужъ добродѣтельенъ*) [Житие], «Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы» (1594) (*душегубителная лѣнствъ*) [Повесть], «Новая повесть о преславном Российском царстве» (1611) (*нашъ крѣпкостятелный град, крѣпкостятельные и поборательные по вѣре гради въ Россійскомъ государствѣ*) [Новая повесть], «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (1612) (*спасительная словеса, непобѣдимый жезлъ богодражателныя кротости, богатодателная Его десница, спасительная страсти, христоподражателная любве исполненіи людие*) [Плач], «Хронограф» (1617) (*зело проразсудителное къ народомъ мудроправльство, беснователныя мечты, аки смертодыхателная скорпия, розстрига же гнусодѣтельный, всякие глумотворцы и жены гнусодѣлателные, Иева патриарха ругателно отъ престола величия церкви отринути повель, злодыхателное ихъ зевание, ярость злодыхателная, злобъсный и кроволокателный песь, простожителныя люди, доброзримелная храбрость, навѣтователный огнь ненависти, Ему же буди благопребывателно, аки облакъ злодыхателныя темности, аки злодыхателная буря надымаяся*) [Хронограф], «Словеса дней, и царей, и святителей московских, еже есть въ России» Хворостинина (первая четверть XVII в.) (*зиждителное повельнне, утешиителный Духъ, любително къ величеству спасенному возвестити, правдодѣлателное и о сихъ хотехъ объ нихъ мало нѣчто повествовать, высителные словеса*) [Хворостинин].

Лучше всего причастодетия представлены во «Временнике» Ивана Тимофеева [Временник], написанном уже непосредственно «еллино-славянским» стилем.

В формуле: «Богу смотрительне сему (се, то, на се к збытию) попустившу» (лл. 21об., 44, 99об.) относительный тип значения. Она силь-

[СлРЯ XI–XVII вв., 1: 201] Здесь, скорее всего, аллюзия к Откр 4: 4–10. Старцы символизируют 12 ветхозаветных патриархов и 12 апостолов – богоизбранных родоначальников иудейской и христианской церквей. В видении Иоанна они пред Престолом Божиим поклоняются Богу и поют Ему славу. Это благодатные старцы. На них почивает благодать. Более подходит вторая часть толкования: ‘благодатный, исполненный благодати’.

но варьируется: «тем бо от Бога *смотрительно* наказуема» (л. 288об.); «от Бога *строительне* исполнятися о нас *смотрение*» (л. 235); «зде же к *смотрительну* суду» (л. 180) (во всех контекстах – относительного типа знач.). Ср.: «безгодную всяко неже царску смерть *богосмотрительнаго*¹⁶ прилучения» (л. 32).

Активный тип значения: «иже *губительно* человеческим душам» (л. 132); «*губително* по всему градостроение» (л. 144); «Божие мановение ... *заступительно*» (л. 307); «расточения домовна *истязательне* изыщет» (л. 294об.); «неразсудливи и невнимательны о добре и зле нагости ради» (л. 114); «в делех же и словесех *нестоятельни*» (л. Зоб.); «ближним, им же мощи глас человеческих слышети, сим глаголаше, дальним же *прилагателне* о себе показуя разумевати» (л. 99); «и с людми *предательне* оставление» (л. 246); «своеземными рабы *разорително* обладаема» (л. 288об.); «ныне все *разорително* то опровергша» (л. 273об.); «пожирают же *растерзательно* и небрежно» (л. 169об.); «ругателне же обаче, яко на главе того, свржением посмиявся, нагами ста» (л. 134об.); «лжу *свидетелный* синглитик» (л. 52об.); «по смерти своей супруг свят отец *свидетелне* к согласию богоносных подписаша; убийца глаголом *свидетельне* пригласиша; латыном и со *сожительныя* им Литвы» (л. 266об.); «образ бо своего подобия и имени на стенах вапнотворением, *святым* *состоятельна*, летописне вообразил» (о фресках в Донском монастыре) (л. 76об.); «*страдателно* леты многими в нуждах с прочими подвижется о всем мире нашем» (л. 298об.); «уби и некровопролитне аще, *убивательне* же обаче» (л. 94об.).

Пассивный тип значения: «в *желательне* ожидаша хотении» (л. 42об.); «присно *нерастоятельно* единомыслием совокупление» (л. 301об.); «пути в нем града *обительна*, по пророку, не обретоша» (л. 241); «яже убо *показательне* бываемая не к веку будущему плод простирает» (л. 154); «умыслительным бысть повелением тогожде» (л. 59об.).

Относительный тип значения: «шестолетне *воздержательное* по всему жития исправление» (л. 305); «от мест *жителных*» (л. 271); «в *жителных* храминах» (л. 132об.); «обще всех бегство и разума *нестоятельное*» (л. 166об.); «повержет писательную трость» (л. 74об.); *повелителных* чинов вручением» (л. 74об.); «*погрешительну* жизнь убо царствия проходил» (л. 206).

По таблице 1 можно заметить, что, начиная с сер. XVI в., в русских грамотах и других оригинальных текстах начинает развиваться наречное употребление причастодетий, которое все же в начальные годы

¹⁶ Здесь мы видим «сжатие» формулы в сложное прилагательное. Таков был один из механизмов образования относительных сложных прилагательных причастного типа от причастодетий.

XVII в., когда создавалась Грамматика Смотрицкого, встречалось еще редко, так что Смотрицкий вполне мог его и не заметить. «Временник» поэтому можно назвать особым памятником, в котором относительно рано активизируется употребление форм на *-тельно*, *-тельнь* в позиции наречия без утраты живой связи с производящим глаголом: *желательнь* (л. 42 об., 252об.), *истязательнь* (л. 294об.), *показательнь* (л. 154), *прилагателнъ* (л. 99), *разорително* (л. 273об.), *растерзательно* (л. 169об.), *ругателнъ* (л. 134об.), *свидетелнъ* (л. 140), *смотрительно(п)* (лл. 21об., 44об., 99об., 288об.), *страдателно* (л. 298об.), *строительнь* (л. 235об.), *убивательнь* (л. 94об.). В активном типе такие формы по своему значению очень близки к деепричастиям, в пассивном типе – к страдательным причастиям.

Причастодетия во «Временнике» легко и выразительно субстантивируются: *рачителные* (л. 131об.), *святительни* (л. 145об.); *нестоятельное* (лл. 23об., 212об.), *писательное* (л. 287об.); *одержателная градом* (л. 266об.), *промыслительная* (ср. р. мн.ч.) (л. 237).

Сложные прилагательные, образованные по типу причастодетий, также богато представлены у Ивана Тимофеева: «царствованию си *благостоятелну*» (л. 139); «богонаказательных в рустей земли вещей» (л. 278); «великообитательна с малыми места» (л. 211); «господовосхитителных ими вещех богатящеся» (л. 294об.); «господопредательныя руки» (л. 204об.); «о зданиях *градостроителных* вещей» (л. 117об.); «грехопростительну лже» (л. 64); «гробоприятелного яко влагалища» (л. 90); «доможителное всем во дни его пребывание» (л. 117об.); «на *доможителныя* потребы» (л. 122об.); «в *доможителных* храминах» (л. 124); «иродорачительне вседневно сотворяще» (л. 290об.); «иродотворительною люте яростию» (л. 48об.); «шлемы всяцих мирожительных» (л. 40об.); «во дни бо его миротворительная десница» (л. 36); «матере ... сущу зде *мнихожителну* име» (л. 309об.); «пред лицем *мнихопребывателных* затворов» (л. 100об.); «во *многосиятелней* возвратися славе» (л. 107); «превелие и *многосиятельное* в преимущих всех доброт» (л. 230); «в *первосвятительне* чине» (л. 299); «о благочестивей по истинне *первосвятительней* и пресветлей вере» (л. 223об.); «*пленожительного* ради во граде обдержания» (л. 218об.); «слух приемля *самосвидетелне*» (л. 69об.); «и сего *святожительного* в предипреподобии и правде царя» (л. 43об.); «в *селопребывателных* же местех» (л. 84); «не бе ото отступника той *тайноругательно* что» (л. 162); «в *темножительныя* храмы мнихоцарицы» (л. 162).

Такие прилагательные тоже способны переходить в существительные: *общежительные* (л. 260об.); *градоохранителная* (ср. р., мн. ч.) (л. 211об.).

Иногда вместо причастодетия Иван Тимофеев употребляет наречие от страдательного причастия прош. времени, вероятно, чтобы подчеркнуть качественное значение: «О таковыхъ творити *тицанно* и страхоприступно списателе обыкоша и нась научаша» (л. 57об.). В некоторых причастодетиях из перечисленных выше можно усмотреть добавочный качественный признак, за счет которого и происходил переход причастодетий в качественное прилагательное или наречие (*смотрительно, желательный, невнимательный, повелительный, разорительно, рачительный, растерзательно, убивательне*).

Образованиями, ближайшими к причастодетиям по характеру производящих основ, словообразовательному значению, возможным синтаксическим функциям и внешнему морфологическому оформлению, являются отглагольные производные наречия и прилагательные с суффиксом *-ън-*. В СлСрезн отмечены следующие древнейшие слова такого типа: *безазорьныи, безопасно, безостудынь, беспреводно, беспоставьныи, беспосудыно* ('без суда'), *беспосульно, бесприкладныи, беспръстаньныи, беставьныи, бытныи, възводьныи, въздвижьныи, въздържьныи, възметьныи, възможьныи, възмутьныи, вънатнъ* и др. Иван Тимофеев также использует эту модель: *испытнъ* (л. 145), *невозвратно,ое* (лл. 71об., 310об.), *незабытенъ* (лл. 20об., 38об., 296), *неиспытнъ* (л. 311), *неисцелно,а* (л. 20об., 152об.), *неприкладный* (л. 152об.). По СлСрезн нетрудно заметить и целую традицию калькирования и собственного образования отглагольных сложных прилагательных и наречий с таким же оформлением: *агноносъныи, ароходыныи, багроносъныи, благодвижьныи, благополучьныи, благопослушьно, благопостижьныи, благоприятынии, богоносъныи, богоподражьныи* и др.

Эта традиция продолжается и во «Временнике»: *боговосхитно* (л. 308), *богопустно,ое* (лл. 19об., 156об., 282об.), *кроволитныи* (л. 49об.), *некровопролитнъ* (л. 94об.) и под. Они образованы либо непосредственным присоединением к глагольной корневой основе на согласный, либо к инфинитиву на *-т-* суффикса *-ън-*. Оставляем в стороне отглагольные производные на *-льн-* типа *възвизальныи* [СлСрезн] от основ причастий на *-л-*. Отглагольные образования на *-ън-, -тьн-, -льн-* уже не могут считаться формами глагола, потому что резко ограничены кругом производящих основ, а по значению представляют собой лексикализованные синонимы пассивных причастий прошедшего времени. Число таких слов конечно, словари способны их учесть целиком. Эти образования, наряду с причастиями на *-(e)ньныи*, чрезвычайно важны для объяснения процесса оправдания *-тель- + -ън- > -тельн-*.

5. Заключение

Семантическое и словообразовательное развитие причастодетий было столь интенсивным, что составители словарей переносные качественные значения стали обозначать как основные, в результате собственно грамматическая проблема причатодетий, актуальная и поныне, затушевалась и стала казаться надуманной и искусственной. Между тем, материалы статьи показывают, что это не так, и традиция, начатая М. Смотрицким, должна быть непременно продолжена. Причастодетие — это гибридная морфологическая категория, особая именная форма глагола, тесно примыкающая к прилагательному и наречию, но отличающаяся от них тем, что она связана с выражением глагольного действия.

Итак, наряду с деепричастиями, по единственному строго определенному формальному признаку — сложному суффиксу *-тельн-* — М. Смотрицкий выделяет категорию причастодетия, предусматривая лишь пассивный тип его значения. Причастодетие представляет собой особую форму причастного типа со значением долженствования (на *-о*, краткое и полное) и имеет следующие употребления:

1. а) самостоятельное в безличном предложении — краткая форма ср. рода им. п.: *желательно* (= желаемо должно [быть]); *уповательно* (= уповаemo должно); *читательно* (= читаемо должно [быть]); *писательно* и т. д. Новообразования *читательно* и *писательно* построены по уже действовавшей в языке модели образований на *-тельно* пассивного значения. Ср. реальное употребление с таким значением: «Не естьльно бо нь *волителъно*»;
- б) то же со связкой *есть*;
- в) то же с дательным субъектом, напр., *ми*;
- г) то же с сохранением управления исходного глагола: «*Нуждъ н'ять противостоателъно*».

2. В той же форме на *-тельно* с инфинитивом — подлежащим двусоставного предложения, в котором причастодетие занимает позицию именной части сказуемого: «Еже *свѣтовати* мъногых спасителъно есть».

3. Форма на *-тельно* занимает позицию именной части сказуемого, не согласованного с подлежащим: «Сего ради *плачъ соугубъ* іако же гръху *гоубителъно* и съмѣрению *творителъно*».

4. В функции именной части сказуемого с существительным в позиции подлежащего — краткое пассивное (а на практике чаще всего активное) причастодетие со значением долженствования (на практике чаще всего с потенциальным значением): «Воиномъ убо презѣльнѣ да-рователенъ бѣ [воевода] паче всѣхъ», «Любителен ми есть сын твой».

5. В полной форме с существительным в функции определения: «Истинное мудрование проразумение есть *творителныхъ и нетворителныхъ вещей*».

6. Зависящее от личного глагола в качестве глагольного наречия со значением долженствования (субъектного деепричастия) или с устранением субъекта побочного действия: «Мы *дружително* просимъ».

Причастодетия в функциях 4 и 5 можно назвать причастодетельными прилагательными, в функции 6 — причастодетельными наречиями.

1-й, 4-й и 5-й типы употреблений выявлены Смотрицким непосредственно и повторяются у его последователей в XVIII в.; 2-й, 3-й и 6-й типы остаются вне его поля зрения, вероятно, потому, что 3-й редок, 4-й и 6-й распространяются позже.

Употребления в безличном предложении и в конструкциях с инфинитивом суть именно такие, какие, спустя 3 века, будут обсуждаться академиками Щербой и Виноградовым как базовые для новооткрытой категории состояния. Следовательно, Мелетия Смотрицкого, с его причастодетием, смело можно назвать предтечей будущих, не утихающих до сих пор споров о категории состояния. Это обстоятельство не должно уходить из истории русского языкоznания.

Опора на греческие и латинские грамматики помогла Смотрицкому самостоятельно открыть собственно славяно-русскую категорию причастодетия, но одновременно сузило его кругозор только до значения пассивного типа, максимально отдаленного от грамматического значения деепричастия. Пассивное значение причастодетий *читательно, писательно* индуцировано в русском языке значением греческих пассивных причастий и позже — значением лат. герундива. Активное значение — более стойкое и распространенное до сих пор, оно индуцировано формами имен деятеля на *-тель* и при очень раннем опрошении суффикса *-тел + -ън > -тельн-* — значением активных переходных глаголов, от которых образовано в русском языке большинство причастодетий.

Критика Смотрицкого может состоять не в избыточном переносе материала словообразования в морфологию, а в обратном — в недостаточном охвате всех типов употреблений открытых им причастодетий, в частности, близких к деепричастиям. Очень ясное формальное средство образования причастодетий, тесная семантическая связь с глаголом позволяет всякий раз безошибочно отделить причастодетие от деепричастий и дает надежное основание для отличия причастодетий от признаковых наречий, прилагательных и категории состояния.

Библиография

Источники

Аполлос 1794

Аполлос (Байбаков А. Д.), *Грамматика руководствующая к познанию славено-российского языка*, [Киев], 1794.

Житие

Житие Антония Римлянина, БЛДР, 13: XVI век, С.-Петербург, 2005 (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10562>)

Зизаний 1596

Зизаний Л., *Грамматика словенска*, Вильно, 1596.

Курганов 1769

Курганов Н. Г., *Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие : предлагающее легчайший способ основательного учения рускому языку : с седьмью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей*, издано во граде святаго Петра, 1769.

Курганов 1777

Курганов Н. Г., *Книга писмовникъ, а въ ней Наука российскаго языка...* (Новое изданіе...), С.-Петербург, 1777 (9-е изд. – 1818; 11-е изд. – 1837).

Максимов 1723

Максимов Федор, *Грамматика славенская въ кратце собранная въ Грекославенской школе яже въ великом Нове граде при доме Архиерейскомъ*, С.-Петербург, 1723.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

Новая повесть

Новая повесть о преславном Российском царстве, БЛДР, 14: Конец XVI – начало XVII века, С.-Петербург, 2006 (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10867>).

Плач

Плач о пленении и конечном разорении Московского государства, БЛДР, 14: Конец XVI – начало XVII века, С.-Петербург, 2006 (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10867>).

Повесть

Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы, БЛДР, 14: Конец XVI – начало XVII века, С.-Петербург, 2006 (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10861>).

Поликарпов 2000

Поликарпов Ф., *Технология. Искусство грамматики*, Бабаева Е. Э., изд. и иссл., С.-Петербург, 2000.

Смотрицкий 1619а

Смотрицкий М., *Грамматики славенския правилное Синтагма / потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого [...]*, Евье, 1619 (<https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01008117297>).

— 1619б

Смотрицкий М., *Грамматики славенския правилное Синтагма / потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого [...]*, Евье, 1619 (<http://izbornyk.org.ua/smotrgram/sm.htm>).

Грамматика 1648

[Смотрицкий Мелетий], *Грамматика*, Москва, 1648 (<https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01002424819>).

— 1721

[Смотрицкий Мелетий], *Грамматика в Царствующем Великом граде Москве, в лето от сотворения мира 7229, от Рождества же во плоти Бога слова 1721, индикта 14 месяца февруария*, Москва, 1721 (издание Ф. Поликарпова-Орлова).

Временник

Временник Ивана Тимофеева (https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Timofeev/vremennik/2).

Хвостинин

Хвостинин И. А., *Словеса дней, и царей, и святителей московских*, БЛДР, 14: Конец XVI – начало XVII века, С.-Петербург, 2006 (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10861>).

Хронограф

Из Хронографа 1617 года, БЛДР, 14: Конец XVI – начало XVII века, С.-Петербург, 2006 (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10861>).

A

Adelphotes: die erste gedruckte griechisch-kirchen Slavische Grammatik (= Specimina philologiae Slavicae, 76), München, 1988 (ориг. изд: АДЕЛФОТИС. Грамматіка добrogлаголиваго єллинословенскага языка. Совершеннага искусства осмій частей слова. Львов, 1591).

Alvarus 1572

Alvarus (Alvares) E., *De institutione grammatica libri tres*, Olyssipone [Lisboa], 1572.

Lascaris 1516

Lascaris C., *Constantini Lascaris Byzantini de octo partibus orationis liber primus [...]*, S.l., [Venetiis], 1516 (https://www.google.ru/books/edition/_/jKHzNE28TTsC).

Melanchton 1563

Melanchton Ph., *Philippi Melanchthonis Grammatica Latina*, Basileae, 1563.

Priscianus 1527

Prisciani grammatici Caesariensis Libri omnes, Venetiis, 1527.

Ursinus 1619

Ursinus I., *Grammaticae methodicae libri quatvor*, Zamosci, 1619 (1-е изд. — Львів, 1592).

Словари

СлРЯ XI–XVII вв., 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

МАС, 1–4 (Малый академический словарь)

Словарь русского языка в 4-х томах, Москва, 1999.

Славянская 1984

Славянская лингвистическая терминология, Киев, 1984.

СлРЯ XI–XIV вв., 1–12

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1–12, Москва, 1988–2019.

СлСрезн, 1–3

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1912.

СтСлСл

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.), Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова, ред., Москва, 1994.

Литература

Барсов 1981

Барсов А. А., *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*, Толобов М. П., подг. текста и текстол. комм., Успенский Б. А., ред., предисл., Москва, 1981.

Будилович 1869

Будилович А. С., *М. В. Ломоносов как натуралист и филолог*, С.-Петербург, 1869.

Булич 2018

Булич С. К., *Очерк истории языкоznания в России XIII–XIX вв.* (изд. стереотипное), Москва, 2018 (1-е издание: СПб., 1904).

Виноградов 1982

Виноградов В. В., *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.*, Москва, 1982.

— 2001

Виноградов В. В., *Русский язык*, Москва, 2001.

Грунский 1910–1912

Грунский Н. К., *Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков*, 1–2, С.-Петербург, [1910]–[1912].

Демидов, Камчатнов 2020

Демидов Д. Г., Камчатнов А. М., Причастодетие и его роль в русском историческом словообразовании, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2020, 2, 98–111.

Дюбо 2005

Дюбо Б. А., *Филипп Меланхтон и русская грамматическая традиция*, С.-Петербург, 2005.

Живов 2007

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 2, Москва, 2007.

Житецкий 1889

Житецкий П. И., *Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в.*, Киев, 1889.

Захарьян 1995

Захарьян Д. Б., *Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик* (XV – сер. XVIII вв.) (= Specimina philologiae slavicae, Supplementband 40), München, 1995.

Кайперт 2017

Кайперт Г., Церковнославянский язык: круг понятий, *Slověne*, 2017, 6, 1, 8–75.

Карский 1962

Карский Е. Ф., К столетию со дня выхода “Institutiones” И. Добровского 1822–1922, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва, 1962, 607–615.

Колесов 1991

Колесов В. В., Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи средневековья, *История лингвистических учений. Позднее средневековье*, С.-Петербург, 1991, 208–254.

Кручинина 2001

Кручинина И. Н., Экскурс в историю грамматической науки: Что такое причастодетие, *Вопросы филологии* (= Journal of philology), 2001, 2, 33–38.

Кузьминова 2012

Кузьминова Е. А., *Развитие грамматической мысли в России XVI–XVIII вв.*, Москва, 2012.

Марков 1962

Марков В. М., К вопросу о происхождении суффикса *-тель* в славянских языках, *Труды Пятой зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири*, Новокузнецк, 1962, 186–202.

Мечковская 1984

Мечковская Н. Б., *Ранние восточнославянские грамматики*, Минск, 1984.

Німчук 1985

Німчук В. В., *Мовознавство на Україні в XIV–XVII ст.* Київ, 1985.

Потебня 1958

Потебня А. А., *Из записок по русской грамматике*, I–II, Москва, 1958.

Тронский 2001

Тронский И. М., *Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)*, 2-е изд., доп., Москва, 2001.

Тюкинеева 2005

Тюкинеева О. В., *История формирования семантики слов категорий состояния в русском языке XI–XVII вв.: На материале исторических словарей русского языка*, Новосибирск, 2005 (авторефера диссертации).

Чудинов 1872

Чудинов А. Н., *О преподавании отечественного языка: Очерк истории языкоznания в связи с историей обучения родному языку: С приложением библиографического указателя*, 1, Воронеж, 1872.

Horbatsch 1964

Horbatsch O., *Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckyj*, Wiesbaden, 1964.

— 1988

Horbatsch O., *Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik aus dem J. 1591, Adelphotes: die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik (= Specimina philologiae Slavicae, 76)*, München, 1988, I–XVI.

Keipert 1977–1985

Keipert H., *Die Adjective auf -telъnъ. Studien zu einem Kirchenslavischen Wortbildungstyp*, 1, 2, Wiesbaden, 1977–1985.

Kociuba 1975

Kociuba O., *The Grammatical Sources of Meletij Smotryc'kyj Church Slavonic Grammar of 1619*, diss. phil., Columbia University, 1975.

References

Demidov D. G., Kamchatnov A. M., Prichastodetie (Gerundivum) and Its Role in the Russian Historical Word Formation, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 2020, 2, 98–111.

Djubo B. A., *Filipp Melankhton i russkaia grammaticeskaya traditsiya*, St. Petersburg, 2005.

Horbatsch O., *Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckyj*, Wiesbaden, 1964.

Horbatsch O., Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik aus dem J. 1591, *Adelphotes: die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik (= Specimina philologiae Slavicae, 76)*, München, 1988, 1–16.

Karsky E. F., K stoletiiu so dnia vykhoda "Institutiones" I. Dobrovskogo 1822–1922, *Trudy Piatoi zonal'noi nauchno-metodicheskoi konferentsii kafedr russkogo iazyka vuzov Zapadnoi Sibiri*, Novokuznetsk, 1962, 607–615.

Keipert H., *Die Adjective auf -telъnъ. Studien zu einem Kirchenslavischen Wortbildungstyp*, 1, 2, Wiesbaden, 1977–1985.

Keipert H., Conceptions of Church Slavonic, *Slovene*, 2017, 6, 1, 2017, 8–75.

Kolesov V. V., Razvitie lingvisticheskikh idei u vostochnykh slavian epokhi srednevekov'ia, *Istoriia lingvisticheskikh uchenii. Pozdnee srednevekov'e*, St. Petersburg, 1991, 208–254.

Kruchinina I. N., Ekskurs v istoriiu grammaticeskoi nauki: Chto takoe prichastodetie, *Voprosy filologii*, 2001, 2, 33–38.

Kuzminova E. A., *Razvitie grammaticeskoi mysli v Rossii XVI–XVIII vv.*, Moscow, 2012.

Markov V. M., K voprosu o proiskhozhdenii sufifksa -tel' v slavianskikh iazykakh, *Trudy Piatoi zonal'noi nauchno-metodicheskoi konferentsii kafedr russkogo iazyka vuzov Zapadnoi Sibiri*, Novokuznetsk, 1962, 186–202.

Mechkovskaya N. B., *Rannie vostochnoslavianskie grammatiki*, Minsk, 1984.

Nimchuk V. V., *Movoznavstvo na Ukrayini v XIV–XVII st.*, Kyiv, 1985.

Potebnya A. A., *Iz zapisok po russkoi grammatike*, 1–2, Moscow, 1958.

Tronsky I. M., *Istoricheskaiia grammatika latinsko-go iazyka. Obshcheindoevropskoe iazykovoe sostoianie (voprosy rekonstruktsii)*, 2nd ed., Moscow, 2001.

Zakharin D. B., *Europeiskie nauchnye metody v traditsii starinnykh russkikh grammatik* (XV – ser. XVIII vv.) (= Specimina philologiae slavicae, Supplementband 40), München, 1995.

Zhivot V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 2, Moscow, 2007.

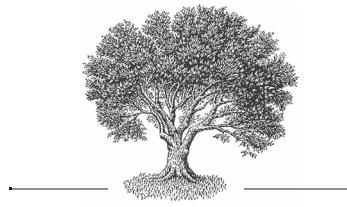
Vinogradov V. V., *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vv.*, Moscow, 1982.

Vinogradov V. V., *Russkii iazyk*, Moscow, 2001.

Сергей Васильевич Власов, кандидат филологических наук,
доцент кафедры французского языка
факультета иностранных языков
С.-Петербургского государственного университета
199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
Россия / Russia
s.vlasov@spbu.ru

Dmitrii G. Demidov, 全博士學位 (Doctor of Sciences),
副教授 (Associated Professor)
國立政治大學斯拉夫語文學系 (Chengchi University, Department of Slavic
Languages & Literatures)
116台北市文山區指南路二段64號 (No.64, Section 2, Chinan Rd. 116 Wenshan,
Taipei)
中華民國 / Taiwan
demidoffs@rambler.ru

Received August 31, 2021

Праславянское *čelnъ: семантика и этимология

Михаил Николаевич
Саенко

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Proto-Slavic *čelnъ: Semantics and Etymology

Mikhail N. Saenko

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена реконструкции семантики праславянского слова *čelnъ, а также его диминутивной формы *čelnъкъ. На основе широкого исторического и диалектного материала делается вывод о том, что исходными значениями были 'сustav', 'сustav пальца' и 'узел стебля'. Показано, что *čelnъ в праславянском изменялось по *-и-склонению и входило в число дериватов на *-ни-. Поскольку суффикс *-ни- образовывал девербативы, *čelnъ также следует считать отлагольным образованием. Наиболее вероятный кандидат на роль производящего корня — *kʷelh₁- 'вращаться'.

Ключевые слова

праславянский язык, семантика, этимология

Abstract

The article attempts to reconstruct the semantics of the Proto-Slavic word *čelnъ, as well as its diminutive form *čelnъкъ. Based on extensive historical and dialectal material, the author draws the conclusion that the initial meanings of the

Цитирование: Саенко М. Н. Праславянское *čelnъ: семантика и этимология // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 121–154.

Citation: Saenko M. N. (2023) Proto-Slavic *čelnъ: Semantics and Etymology. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 121–154.
DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.04

word were ‘joint’, ‘a joint of the finger’ and ‘a node of the stem’. It is demonstrated that *čelnъ belonged to the *-u-declination and was a derivative with *-nu-. As the suffix *-nu- formed deverbatives, *čelnъ should also be considered a noun formed from a verb. The most probable underlying verb is *kʷelh_i- ‘to turn’.

Keywords

Proto-Slavic language, semantics, etymology

1. Вводные замечания

Для праславянского довольно надежно восстанавливается слово *čelnъ, а также его диминутив *čelnъкъ. Почти нет сомнения в том, что оно было частью праславянской соматической терминологии. Однако его семантика и этимологическое значение восстанавливаются учеными по-разному. Приведем некоторые реконструкции:

- ‘нечто торчащее’ (‘coś, co wystaje’, ‘coś wystającego’) [Doroszewski 1931: 426];
 - ‘часть тела’ (‘úd’) [Holub, Kopečný 1952: 94];
 - ‘выросшее’ > ‘часть тела, член тела’ [Трубачев, 3: 219–220];
 - ‘сустав в теле человека или животного; узел на стебле растения’, ‘часть тела между двумя суставами; часть стебля между двумя узлами’ (‘przegub w ciele ludzkim lub zwierzęcym; kolanko na zdźble rośliny’, ‘część ciała między dwoma przegubami, stawami; część łodygi między dwoma kolaniami’) [SP, 2: 125];
 - ‘отколотое, выросшее’ > ‘часть тела, особенно фаланга пальца’ (‘Abgespaltenes, Gewachsene’ > ‘Glied am Körper bzw. am Finger oder an der Zehe’) [Schuster-Šewc, 2: 120];
 - ‘сустав’ (‘kloub’) [ESJS, 2: 109];
 - ‘часть тела, сустав’ (‘ud, član’) [Gluhak 1993: 180];
 - ‘то, что вращается’ > ‘сустав’ (‘kar se obrača, vrti’ > ‘členek, sklep’) [Snoj 2016: 118];
 - ‘нечто подвижное’ > ‘подвижная часть тела с собственной костью, соединенной с другой костью суставом’ (‘coś ruchomego’ > ‘ruchoma częścia ciała o własnej kości, połączonej z inną stawem’) [Bańkowski, 1: 232];
 - ‘сустав, часть тела’ (‘kloub, úd’) [Rejzek 2001: 118];
 - ‘составная часть, часть тела, сустав’ (‘člen, ud, sklep’) [SLA, 1.2: 120], ‘ud, sklep’ [SLA, 1.2: 171];
 - ‘член’ [ЕСУМ, 6: 333];
 - ‘сустав’ > ‘часть тела’ > ‘часть целого, член чего-либо и т.д.’ (‘kĺb’ > ‘časť tela, úd’ > ‘časť celku, príslušník niečoho ap.’) [Králik 2015: 106];
 - ‘часть тела, часть некоего целого, сустав’ (‘ud, dio neke cjeline, zglob’) [ERHJ, 1: 133].

Восстановления корректного предназначения слова чрезвычайно важно в том числе для его этимологии, поэтому ниже мы попробуем реконструировать семантику праславянских лексем *čelпъ и *čelпъкъ с опорой на весь доступный нам материал.

2. Материал

2.1. Старославянский и церковнославянский

Слова *члѣнъ* нет в древнейших старославянских рукописях, однако оно представлено в памятниках XII–XIV вв. (Христинопольском, Слепченском, Шишатовацком Апостолах, Паримейниках Григоровича и Лобковича), где переводит греческие ἄρμός и ἄρμονία ‘связь, скрепа; скрепление, нагромождение; паз, щель; колышек’, а также συναρμολογέω ‘составляю, складываю’ в контекстах человеческого тела:

1) *καὶ προσήγαγε τὰ δοτᾶ ἑκάτερον πρὸς τὴν ἄρμονίαν αὐτοῦ*

и сложи кости • кость кости • κλῆρος καὶ члѣнѹи своеи (Паримейник Григоровича) [Gorazd]

и стали сближаться кости, кость с костью своею (Иез 37:7);

2) *ἐξ οὗ πᾶν τὸ σῶμα συναρμολογούμενον*

иж нєго же все тѣло члѣнъли съставляемо (Христинопольский Апостол) [Gorazd]

из Которого все тело, составляемое (Еф 4:16);

3) *καὶ διέκνούμενος ἄχρι μερισμοῦ ψυχῆς τε καὶ πνεύματος, ἄρμῶν τε καὶ μυελῶν*

и прѣходѧ до разделенія душы и дѹха, членомъ же и мозгомъ (Христинопольский Апостол) [Gorazd]

оно [слово Божие] проникает до разделения души и духа, составов и мозгов (Евр 4:12).

На основании этих контекстов сложно сделать какие-либо определенные выводы о семантике слова *члѣнъ*, однако похоже, что во всех трех случаях для переводчика оно означало ‘сочленение, сустав’. Мы не можем согласиться с гlosсированием *члѣнъ* как ‘сустав, кость’ [Gorazd], поскольку *κλῆρος καὶ члѣнѹи своеи* из первого контекста с учетом греческого оригинала логичнее читать как ‘каждую к своему суставу’.

Отметим, что помимо ins. pl. *-и-склонения *члѣнъли* в древнерусском Христонопольском апостоле (XII в.) имеется форма dat. pl. *членомъ* с восточнославянским отражением группы *TelT (ср. *шлемомъ*). В свою очередь, в сербском Шишатовацком апостоле обнаруживается *-ла-* (dat. pl. *чланомъ*, ins. pl. *чланъми*), характерное и для современного сербского [Ibid.].

Обратимся к еще одному памятнику, Шестодневу Иоанна Экзарха, созданному не позднее 913 г. Данное произведение дошло до нас в редакциях трех ветвей — сербской, болгарской и русской, причем ранняя русская редакция восходит, вероятно, к рукописи, переписанной с болгарской на Руси в X–XI вв. Сопоставление текстов памятников всех трех редакций может дать представление о языке протографа. Для такого сопоставления мы использовали рукописи сербской (ГИМ, Син. 345, 1263 г.¹), болгарской (ГИМ, Син. 35, XIV в.²) и русской (РГБ МДА 145, XV в. [Баранкова, Мильков 2001]) редакций. Греческий оригинал, если он был, дан согласно изданию Айцетмюллера [Aitzetmüller, 1–7]. Всего нам удалось насчитать 11 вхождений слова члѣнъ и его производных. Представим их в виде таблицы:

Таблица 1. члѣнъ в тексте Шестоднева

ГИМ, Син. 345		РГБ МДА 145		ГИМ, Син. 35		греческий оригинал	семантика
форма	лист	форма	лист	форма	лист		
члѣнными ³	82г	цлен'ми (ins. pl.)	81б	члѣнныими	63а		узлы на стебле
члѣнъи (ins. pl.)	84в-г	члѣнъмъи (ins. pl.)	83б	члѣнъи (ins. pl.)	64а		узлы на стебле пшеницы
члѣнъи (ins. pl.)	98а	члѣнъи (ins. pl.)	94а	члѣнни	74а	διαρθρουμένων	узлы на стебле
члѣнъи (ins. pl.)	101а	члѣнъни	97а	члѣнни	76б	γόνασι	узлы на стебле пшеницы
члѣнъи (ins. pl.)	101б	члѣнъни	97а	члѣнъи	76б	σύνδεσμοις	узлы на стебле пшеницы
члѣноу (gen. sg.)	203а	члѣноу (gen. sg.)	204б	члѣно ³ (gen. sg.)	145а	ἄρθρον	тема ⁴
вєчлѣнно	241в	вєчлѣн'но	250б	вєчлѣнно	174б	ἀδιάρθρωτον	суставы медведя
члѣновъ (gen. pl.)	245г	—	—	члѣновъ (gen. pl.)	178б	ἀδιάρθρωτοι	суставы слона

¹ Фотокопия рукописи доступна по адресу: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/177333>.

² Фотокопия рукописи доступна по адресу: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/177791>.

³ Вместо ins.pl. члѣнъни протографа. По данным, представленным в таблице, хорошо видно, что в протографе слово члѣнъ последовательно изменялось по *-и-склонению.

⁴ В данном случае это неудачная окказиональная калька с греческого ἄρθρον в значении 'статья, глава, тема' [Баранкова, Мильков 2001: 933].

ГИМ, Син. 345		РГБ МДА 145		ГИМ, Син. 35		греческий оригинал	семантика
форма	лист	форма	лист	форма	лист		
члѣновѣ (nom.pl.)	246а	—	—	κολѣннїи ѹдѡвѣ	178б	ἄρθρον	суставы слона
члѣна (gen.sg.)	246а	—	—	члѣна (gen.sg.)	178б	διήρθρωται	суставы слона
члѣновынѣ	246а	—	—	члѣновны	178б	ἄρθρον	суставы слона

Как видно из таблицы, чаще всего **члѣнъ** переводит греческое **ἄρθρον** ‘член тела; сустав; орган; (pl.) половые органы’ и его производные. При этом в значении ‘часть тела’ в Шестодневе обычно используется слово **ѹдь** (ГИМ, Син. 345, листы 12б – ×2; 13в; 70г; 173а; 181б – ×2; 226г; 227а – ×2; 228в; 229а; 233в; 245б; 246а; 253г; 265а), часто в соответствии с греческим **μέλος** ‘часть тела’.

Довольно показателен следующий контекст, излагающий легенду об отсутствии у слона коленного и бедренного суставов. Четырежды сустав обозначен словом **члѣнъ** и **члѣновынѣ** (ГИМ. Син. 345, л. 245г–246а):

и ве члѣновъ юмоу нозѣк иноплошь • акты стапи нѣкаци тежкѣсть подъпъреши • аще во више слаки оудове подъложени • то често више колѣнни члѣновѣ сѣстоупали • леци хотеши и єстати • въздевигноути тежкѣсть не иогущемъ • нынѣ же тежек глезнѣ подъложитъ подъ ногою слону • а не въ ведрѣ иматъ члѣна нї въ колѣнѣ ни иноплошь чьства ю нога • не во виѣ могли трѣпѣти члѣновынѣ пльзости • дѣвельства того живота • вельми штывша и свепеноуца се

Но его ноги полностью без **суставов**, подобно столбам они несут вес. Если бы под ним находились слабые части тела, то **коленные суставы** часто бы подламливались. Если бы он хотел лечь и встать, то не смог бы поднять вес. Под ногой у слона находится тяжелая⁵ щиколотка, и ни в **бедре нет сустава**, ни в колене, но полностью тверда нога. Неустойчивость **суставов** не позволила бы выдержать тучности этого животного, очень объемной и трясущейся.

Еще более интересно использование слова **члѣнъ** в значении ‘узел на стебле растения’. Характерный пример:

како се стѣско пшеничиноє прѣпоташетъ члѣны (ГИМ. Син 345, л. 101а)

πῶς γόνασι διαζѡннутαι ἡ καλáμη τοῦ σίτου [Aitzetmüller, 3: 238]

стебель пшеницы опоясывается коленцами [Баранкова, Мильков 2001: 719].

Как видно из таблицы выше, слово **члѣнъ** в этом значении употреблено Иоанном Экзархом пять раз, причем оно не имеет единого грече-

⁵ В этом месте Иоанн Экзарх ошибся, приняв в греческом оригинале βραχύς ‘короткий’ за βαρύς ‘тяжелый’ [Aitzetmüller, 6: 326].

ского эквивалента, т. е. мы можем быть почти полностью уверены, что в родном для Иоанна Экзарха идиоме слово члѣнъ имело значение ‘узел на стебле растения’.

2.2. Болгарский и македонский

Болгарское литературное член (вместо ожидаемого *члян) ‘член (общества); член тела; параграф; член (в математике); мужской половой орган; артикль’ [РБЕ] является заимствованием из русского. В то же время в словаре Н. Герова фигурируют формы члан и члян ‘сук дерева’ [Геров, 5: 557, 558], правда, без указания источника. Учитывая наличие формы чл'ан ‘древесный сук’ из Серско (Эгейская Македония) [ЭССЯ, 4: 44], взяты они могли быть как раз из македонских говоров. Более интересны формы шлянец ‘сустав пальца’ и шлянък ‘щиковотка’ из того же источника [Геров, 5: 585]. В этом случае мы располагаем подтверждающей фиксацией из Кюстендилской области — шл'анок ‘щиковотка’ [Умленски 1965: 271].

Значения слова член в литературном македонском в целом соответствуют вышеперечисленным в болгарском [ОДРМ]. Однако в говорах континуанты *челнъ и *челнъкъ широко представлены в значении ‘сустав’ (члан, чклан, чкълан, чкланец, чланче, чланче, шленок) [Дровшанов 2005: 175], ‘сустав пальца’ (žgланovi, čk'la:ne⁶ — pl.) [OLA, 9/40], ‘щиковотка’ (члан, чълан, чкълан, шкълан, жгълан, цгл'ан, цглањ, чал'ан, чал'ан, ч"л'ан, чикл'ан, чланак, шланок, шл'анок, шленок, шлан'ак, чкланец) [Дровшанов 2005: 156; Бојковска 2003: 234] и ‘запястье’ (čлан) [OLA, 9/41]. Из несоматических значений известно ‘ручка ножа’ (чклен, член) [Шклифов 1977: 325].

2.3. Сербохорватский и словенский

Сербские церковнославянские рукописи предоставляют в наше распоряжение следующие значения:

а) ‘звено цепи’ — чланъ верижкъ (Грачаничский пролог, XVI в., сербский) [Miklosich 1977: 1119].

б) ‘сустав пальца’ — малаго пръста чланъкъ (Стишной Пролог, сентябрь — январь, XV в., сербский; ONB Cod. slav. 53); члѣнъкъ (Патерик XIV в., сербский); малаго пръста члѣнъкъ (Стишной Пролог, декабрь — февраль, 1370 г., сербский) [Miklosich 1977: 1119].

⁶ Пункты ОЛА 95 и 102 соответственно. При этом в самом атласе эти формы выводятся из Sъ-glaB-ov-i и čik-ъ-l-an-j-e. Однако в свете перечисленных родственных македонских форм становится ясно, что это ошибка и мы имеем дело с континуантами *челнъ.

Многотомный «Словарь хорватского или сербского языка» дает следующие определения: *člân* (в памятниках также *čljan*, *čkljan*, *člen*) ‘сустав или часть тела от сустава до сустава либо от сустава до края; щиколотка; у растений (тростника, виноградной лозы и т. д.) узел на побеге или междуузлие; упряжь, в которую запрягаются два вола; побег виноградной лозы; статья; член (сообщества)’; *člának* (в памятниках также *čljanak*, *članjak*, *členak*) ‘сустав или часть тела от сустава до сустава либо от сустава до края; сустав пальца; щиколотка; у растений (тростника, виноградной лозы и т. д.) узел на побеге или междуузлие; упряжь, в которую запрягаются два вола; статья, артикль’; *člén* ‘ручка инструмента’ [RHiSJ, 2: 53–54].

В диалектных сербохорватских словарях у континуантов *čelnъ можно найти такие определения:

- а) ‘сустав (*članak*)’ – *čjôn* [Dulčić, Dulčić 1985: 425];
- б) ‘узел, сук, наплыv на дереве’ – *čljén* [Ivančić-Dusper, Bašić 2013: 71], *čkl'ān* [Петровић, Ђелић, Капустина 2013: 445];
- в) ‘рукоять инструмента’ – *člin* / *člinak* [Jakšić 2015: 104];
- г) ‘клип, крюк, вешалка’ – *člin* / *člinak* [Ibid.];
- д) ‘доска забора’ – *član* / *članka* [Ibid.];
- е) ‘часть поля, сада или виноградника’ – *član* / *članka* [Ibid.];
- ж) ‘поколение’ – *čjén* [Houtzagers 1985: 225];
- з) ‘член объединения’ – *člón* [Šimunović 2009: 163], *čl'an* [Lipljin 2013: 151], *čkl'ān* [Петровић, Ђелић, Капустина 2013: 445];
- и) ‘статья (закона)’ – *čl'an* [Lipljin 2013: 151].

Семантика континуантов *čelnъкъ:

- а) ‘сустав’ – *článjak* [Japunčić 1998: 30], *čklān'ačk* [Петровић, Ђелић, Капустина 2013: 445], *čkláňák* / *škláňák* [Стијовић 2014: 682, 687];
- б) ‘сустав (на руке или ноге), обычно щиколотка’ – *čláňak* [Зобеница 2016: 822]; ‘сустав, щиколотка’ – *člinak* / *čiljanak* / *čelanjak* / *čeljanjak* / *članka* / *členak* / *čljanak* [Jakšić 2015: 104–105], ‘щиколотка или запястье’ – *čjónäk* / *šcónäk* [Dulčić, Dulčić 1985: 425];
- в) ‘щиколотка’ – *škľának* [Бојанић, Трибунац 2002: 449];
- г) ‘сустав на руке и пальцах’ – *člēnek* [Maresić 2010: 47];
- д) ‘сустав пальца’ – *čjēnek* / *šcēnek* [Houtzagers 1985: 225], *člínék* [Maresić, Miholek 2011: 110], в pl. – *č'lensi* (пункт ОЛА 26), *č'lēnski* (32), *člá:ńci* (33), *člā:jnki* (35), *člá:nči* (40), *člē:nki* (41), *člá:ńci* (45, 46, 48, 50, 68), *čéle:nči* (52), *člá:nči* (53, 58, 61, 83), *č'la:nči* (73); *šlá:nak*, *člá:nak* (70) [OLA, 9/40];
- е) ‘сустав на пальце, внешняя сторона сустава пальца, фаланга пальца’ – *člának* [Динић 2008: 892];
- ж) ‘фаланга пальца’ – *škljēnāč* [Vranić, Oštarić 2016: 664];

- з) ‘мерная единица размером с фалангу большого пальца’ — *члának* [Зобеница 2016: 822];
 и) ‘запястье’ — *členək* (пункт ОЛА 26), *čla:nák* (39), *členak* (41), *člá:ńak* (45, 48), *člá:ńak* (47), *člá:nak* (50, 51, 53, 58, 83, 152), *člának* (62), *čla'nak* (73), *č'l'anək* (84), *članak* (87), *čelé:nak* (151) [ОЛА, 9/41];
 к) ‘узел на стебле, часть стебля между двумя узлами’ — *чљának* [Динић 2008: 892];
 л) ‘часть чего-то’ — *člinak* / *čiljanak* / *čelanjak* / *čeljanjak* / *članka* / *členak* / *čljanak* [Jakšić 2015: 104–105].

В литературном словенском известны формы *člán*, *článek*, *člēn*, *člēnek*. Первые две формы, *člán* ‘член (организации)’ и *článek* ‘статья’ [SSKJ], по-видимому, являются заимствованиями из сербохорватского [Snoj 2016: 118]. Другие две формы гlosсируются в «Словаре словенского литературного языка» следующим образом: *člēn* ‘звено (цепи); статья (закона); [устар.] сустав; [устар.] колено (степень родства); фаланга пальца; часть стебля между коленьями; член ноги членистоногого; артикл’ и т. д. [SSKJ]; *člēnek* ‘сустав, чаще всего пальца; щиколотка; звено (цепи); артикл’; часть стебля между коленьями’ [SSKJ].

В говорах континуанты *čelnъ и *čelnъкъ широко распространены в значениях ‘сустав пальца’ и ‘щиколотка’ [ОЛА, 9/40; SLA, 1/41; 1/66], нередко в рамках одних и тех же населенных пунктов. В значении ‘тазобедренный сустав’ представлена также коллокация вида *ledni členek* [SLA, 1/61].

Диалектные словари хорошо фиксируют значение ‘щиколотка’: *člīen̩* [Tominec 1964: 79], *člī:n* [Ivančič Kutin 2007: 34], *člejn* [Razpet 2006: 27], *čelē:n* [Karničar 1986: 134], *č'lejn* [Čujec-Stres, 1: 121]. Также представлены значения ‘фаланга пальца’ — *čelē:n* [Karničar 1986: 134], ‘сустав пальца’ — *č'lejn̩k* [Čujec-Stres, 1: 121], *č'le:jk* [Weiss 1998: 143] и ‘запястье’ — *č'lenek* (пункт ОЛА 19) [ОЛА, 9/41]. Кроме того, известны формы *č'lejn̩* ‘hallux valgus; колено (степень родства)’ и *č'lejn̩k* ‘колено стебля’ [Čujec-Stres, 1: 121].

2.4. Чешский и словацкий

Для древнечешского словари приводят целый ряд форм — *člen*, *člénes*, *článec*, *člének*, *článek* [VW], однако лишь последние две обнаруживаются в Древнечешском текстовом банке [SČTB].

Колебания в вокализме объясняются переходом *e* > *a* после шипящих и перед *l* (ср. также *žláza* ‘железа’, *žlab* / *žleb* ‘желоб’, *žalud* ‘желудь’, *žaludek* ‘желудок’ и т. д.), довольно рано осуществившимся в части чешских диалектов [Komárek 1969: 91].

Форма *článek* (*czlanek*) дважды появляется в словарях Кларета, оба раза передавая латинское *articulus*. Однако в Богемии оно окружено

названиями частей руки [Flajšhans, 1: 54] и, видимо, обозначает сустав пальца руки. В Глоссарии оно вписано в более разнообразный контекст: *Czlanek articulus, cor srdcze sit, vdecz artus* [Ibid.: 154] и, вероятно, означает сустав вообще.

В Вульгате слово *articulus* встречается четырежды. Первый раз в несоматическом значении — *in articulo diei illius*, что чешский переводчик передал как *na úsvitě toho dne* «на рассвете того дня». Три остальных примера относятся к Книге пророка Даниила, где *articulus manus* использовано в значении ‘кисть руки’. Чешский переводчик, видимо, понял это как ‘сустав руки’, на что указывает использование в качестве эквивалента не только *článek*, но и *přieheb* ‘сустав’. Примечательно, что в первопечатной Пражской библии (1488 г., 4-я редакция древнечешского перевода) в последнем случае *přieheb* был исправлен на *článek*.

Таблица 2. Передача латинского *articulus* в чешских Дрезденской, Оломоуцкой⁷ и Пражской библиях

	масор.	Вульгата	Дрезд.	Олом.	Праж.
Быт. 7:13		<i>in articulo diei illius</i>		<i>na úsvitě toho dne</i>	<i>przy poczatku dne toho</i>
Дан. 5:5	בְּנֵי אָמֹרֶת ‘кисть руки’	<i>articulos manus</i>	<i>czlanky ruky</i>	<i>články ruky</i>	<i>czlanky ruky</i>
Дан. 5:24	בְּנֵי אָמֹרֶת ‘кисть руки’	<i>articulus manus</i>	<i>czlanek ruczni</i>	<i>článek ruční</i>	<i>članek ruky</i>
Дан. 10:10	בְּנֵי אָמֹרֶת ‘кисть руки’	<i>articulos manus</i>	<i>prziehbi ruku muu</i>	<i>přiehbi rukú mů</i>	<i>czlanky ruku mych</i>

В ряде других древнечешских словарей *článek* / *člének* обозначает конкретный сустав — щиколотку [VW].

В одном древнечешском памятнике («O rodu» в составе юридического сборника Крамериуса, 1448 г., Knihovna Národního muzea; V C 9) *článek* обозначает фалангу пальца. Человеческие поколения в нем сравниваются с частями тела:

Potom těch bratraňat dětí děti počínají čtvrté pokolenie, a ty také stojí na čtvrtém údě, to jest ten úd, kdežto se prostřední prst s dlaní schází. Páté děti stojí na pátém údě, to jest druhý článek prostřednieho prstu. Šesté děti stojí na šestém údě, to jest třetí článek toho prostřednieho prstu [SČTB].

Потом дети детей этих двоюродных братьев начинают четвертое поколение, и они же стоят на четвертой части тела, это та часть тела, где средний палец встречается с ладонью. Дети пятого поколения стоят на пятой части тела, это вторая фаланга среднего пальца. Дети шестого поколения стоят на шестой части тела, это третья фаланга среднего пальца.

⁷ Фрагменты цитируются в соответствии с изданием В. Киаса [Kyas, 1–5].

В «Клементинском маммотректе» народнолатинское *canilla* (ср. исп. *canilla* ‘берцовая кость’) в списке растений глоссируется как *nozny czlenek* [Flajšhans 1893: 220]. Практически то же – *canilla nožný článek* – в Страговском травнике (Rostlinář strahovský, 1-я половина XV в., Královská kanonie premonstrátů na Strahově, DC III 3) [VW]. Предположительно, этим растением является коричник китайский (*Cinnamomum cassia*), куски коры которого могут припомнить берцовую кость [StčS].

Значения ‘раздел’, ‘статья’, ‘статья веры (часть символа веры)’, фигурирующее в некоторых текстах [VW], без сомнения являются калькой с латинского *articulus*.

В интервале 1500–1780 гг. мы находим преимущественно *článek* (реже *člének*) с тем же набором значений: ‘сустав’, ‘щиковотка’, ‘сустав пальца’, однако появляются и неизвестные по дошедшим памятникам древнечешского периода – ‘звено цепи’ (Венецианская библия, 1506), ‘узел на стебле растения’ (Pietro Andrea Mattioli – Herbář aneb Bylinář, 1596), ‘часть тела’ (Bartoloměj Paprocký z Hloholy – Zrcadlo slavného markrabství moravského, 1593), ‘составная часть’ (Zikmund Winter – Přerých uměleckého průmyslu v měšťanských domech XVI. věku), ‘членок (ткацкий)’⁸ (Kašpar Zachariáš Vusín – Tříjazyčný slovník česko-latinsky-německý, 1700) [LDHBČ]⁹. В словаре Росы наряду с *članek* впервые появляется бессуффиксальная форма *član*, причем только в значении ‘фаланга пальца’ [Rosa].

Юнгман в своем словаре в качестве вокабулы выносит форму *člen*, хотя из приведенных примеров она встречается только в одном – строчке из перевода «Потерянного рая» Мильтона [Jungmann, 1: 305–306], выполненного Юнгманом же. Известно, что Юнгман в своей работе опирался на русский перевод Петрова [Лилич 2016: 47], так что, по всей вероятности, это можно считать русизмом. Юнгман приводит довольно широкий спектр значений слова *článek*: ‘сустав; сустав пальца; щиковотка; позвонок; звено цепи; задвижка (двери, ярма); узел на стебле растения; зубчик чеснока; кожаный ремешок; часть тела; фаланга пальца; мужской половой орган; член (организации); шеренга солдат; член предложения; степень; статья; статья веры’ [Jungmann, 1: 305–306].

В современном литературном чешском *člen* означает ‘член (организации)’ [SSJČ]. В том же значении оно отмечается и в диалектах [SNČJ]. Однако, учитывая отсутствие этой формы в чешском вплоть до эпохи национального возрождения, следует признать ее русизмом.

В противовес этому, *článek* сохраняет часть старых значений. Словарь современного литературного чешского языка определяет его

⁸ Вероятно, это результат смешения с *člunek* ‘членок’.

⁹ Автор выражает искреннюю благодарность П. Неедлому за предоставление доступа к базе данных.

следующим образом: ‘часть целого (в том числе звено цепи); кость пальца; часть стебля между двумя листьями; определенная деталь в архитектуре; статья; (гальванический) элемент’.

Диалектные словари фиксируют *član* (вариант — *član*) ‘короткий толстый кусок древесины, служащий для укрепления балок забора’ [SNČJ]. Возможно, это вторичный аугментатив от *článek*. Само же *článek* (с фонетическими вариантами: *článek*, *članek*, *článek*, *članek*, *čuánek*, *čláňek*, *člaňek*, *čláňek*, *členek*, *čleňek*, *členk*, *čluňek*, *člunek*) имеет следующие значения: ‘фаланга пальца; костяшка пальца; щиколотка; позвонок; звено цепи; соединительный элемент; задвижка двери; пружинная чека колеса; отделение на полке; религиозная догма, часть символа веры; статья’ [Ibid.]. Широко (преимущественно в Моравии) это слово известно в значении ‘сустав пальца’ [OLA, 9/40].

Значения слов *člen* и *článok* в литературном словацком соответствуют тому, что мы видим в литературном чешском. По мнению Л. Кралика, -ák в *článok* указывает на то, что это, возможно, богемизм [Králik 2015: 106], однако словацкий вполне разделяет с чешским переход e > a после шипящих и перед l: *žalud* ‘желудь’, *žalúdok* ‘желудок’, *žlab* ‘желоб’, *žlaza* ‘железа’.

Как и в случае чешского, историческим памятникам форма *člen* неизвестна. Зато они знают *článek*¹⁰ ‘сустав; фаланга пальца; узел на стебле растения; звено цепи; половой орган (в коллокациях с *ženský*, *haňebny*, *stydlíwy*); щиколотка; глава книги; принцип, тезис (учения)’. В значениях ‘щиколотка’ и ‘принцип’ известны также формы *členok*, *členek*, *člienok* [HSSJ, 1: 220].

Часть этих значений подтверждается современным диалектным материалом: *článek* ‘фаланга пальца’; *člonok*, *članok*, *čel'enko*, *členek*, *člinok*, *čelenek*, *čelenok*, *čel'ienko*, *čel'inko* ‘сустав пальца’; *článek*, *članek*, *členok*, *členok*, *čelenok*, *čel'inok*, *čel'enok* ‘щиколотка’ [SSN, 1: 269–270; ОЛА, 9/40].

Представленное в диалектах *člen*, *člen* ‘член организации’ [SSN, 1: 270], предположительно, проникло в них из литературного языка, где, как и в чешском, оно является русизмом.

2.5. Лужицкие языки

В лужицких языках, по-видимому, ситуация соответствует чешской и словацкой: сохранились только континуанты *čelnъкъ — в.-луж. *člónk* ‘фаланга пальца; сустав пальца’, н.-луж. *člonk* ‘часть тела’, диал. *člonko*

¹⁰ По формам косвенных падежей нельзя понять, отражают ли они *článek* или *článok*, однако все примеры nom.-acc.sg. в словаре — это именно *článek*. Следует особо отметить форму с феминизацией — *článka*: ktera čzlánka o woganskem stawie gest (Vojenské predpisy, 1760 г.) [HSSJ, 1: 220].

‘фаланга пальца’, в то время как в.-луж. *člon*, *člón*, *člónk* ‘член общества’, н.-луж. *člonk* ‘член общества’ — новообразования, возникшие под влиянием других литературных славянских языков [Schuster-Šewc, 2: 120].

2.6. Лехитские языки

В древнепольском и старопольском мы также находим только *członek*, но не *czlon*. Древнепольский словарь гlosсирует *członek* следующим образом: ‘часть тела; фаланга пальца; крайняя плоть (в составе коллокации *posromny członek*); компонент психики; пункт, параграф, статья’ [SSTp, 1: 386–387].

В XVI в. фиксируется более широкий спектр значений: ‘часть тела человека или животного, явно обособленная и выполняющая определенные функции, в том числе душа как обособленная часть человека; часть части тела (в том числе сустав пальца); тело (во мн. ч.); конечности; сустав; фаланга пальца; орган; половой орган (преимущественно мужской); член (общества); звено цепи; кусок (вообще); часть высказывания, составляющая осмысленное целое; статья веры; одна из десяти заповедей; пункт договора или закона; узел на стебле растения; место разветвления ветвей или побегов растения; часть растения между двумя узлами или разветвлениями’ [SP XVI, 4: 193–199].

Современному литературному польскому уже известно и *człon* ‘одна из ряда похожих или идентичных единиц, составляющих большее целое’. При этом *członek* означает следующее: ‘член (организации); часть тела, особенно конечность; мужской половой орган’ [SJP].

В диалектах мы находим *čjóp* ‘кусок (мяса)’, которое по хронологическим причинам вполне может быть обратным дериватом от *członek* [Boryś 2005: 99]; *člončki* ‘ногти’ [SGP, 13: 133] и *członek* (с различными фонетическими вариантами) ‘член общества; часть тела, в определенной степени образующая отдельное целое; конечность; сустав пальца; фаланга пальца; составная часть инструмента; стебель соломы, используемый для плетения шляп; утолщение на стебле’ [Ibid.: 133–134; ОЛА, 9/40], ‘запястье’ (пункт ОЛА 280) [OLA, 9/41], ‘сустав’ [AJŚ, 4–2: 37].

Кашубское *člon* ‘часть тела’, отмеченное у Рамулта [Ramułt 1893: 22] является гапаксом, так что это вполне может быть искусственное образование или заимствование из литературного польского [Boryś 2005: 99].

В словинском было записано слово *člóunk* ‘сустав’ (‘Glied, Gelenk’) [Lorentz, 1: 145].

2.7. Восточнославянские языки

В древнерусских памятниках восточнославянские континуанты *čelnъ и *čelnъкъ попадаются крайне редко. Помимо формы *челонъ* из Хри-

стинопольского Апостола (см. выше), мы снова встречаемся с фрагментом Иез 37:7, который в Троицком I паримейнике (РГБ, *Tr. 4*, втор. пол. XIV в., л. 92б) звучит следующим образом: *сложи кости костелиъ • кую когождо къ членку своему* «и стали сближаться кости, кость с костью своею»^{11, 12}.

В одном из списков Паренесиса Ефрема Сирина также представлена диминутивная форма с полногласием: *и ищетъ членковъ своихъ* (БАН 31.7.2, 1377 г., л. 115б), в других списках — *членовъ* и *члѣновъ* [Жолобов 2011: 373].

В рутенском сборнике XV в. (РНБ Q.I.391, л. 76б) имеется словосочетание *в членцах вѣры* [ГСБМ, 36: 330] (калька с *articulus fidei / członek wiary*).

По всей видимости, исконная форма довольно рано была вытеснена церковнославянским заимствованием члѣнъ, использовавшимся в значении ‘часть тела’ [Срезневский, 3: 1536; ГСБМ, 36: 428] и известным всем трем современным восточнославянским литературным языкам в форме член. Поскольку в этих языках идентичен и набор основных значений: ‘член организации; составная часть целого; часть тела (чаще всего конечность или мужской половой орган)’ [СУМ, 11: 344; ТСБМ, 5-2: 313], можно полагать, что в украинском и белорусском представлен русизм.

В свою очередь, в рутенских памятниках известны полонизмы: члонъ ‘статья веры’, члонокъ, чланокъ, членокъ, члунокъ ‘часть тела, орган; сустав; мужской половой орган (в составе коллокаций); часть целого; кусок; статья веры’ в старобелорусских памятниках [ГСБМ, 36: 426–428]; члонъ ‘пункт юридического документа’, члонокъ (редко чльнокъ) ‘часть тела; пункт юридического документа; происшествие’ в староукраинских [CCM XIV–XV, 2: 545].

Сохранились эти полонизмы также и в белорусских говорах: члункі, члонкі, шлункі ‘суставы пальцев’ [ЧТС 2006: 196; AGWB, 5-1/23], члункі ‘запястье’ [Ibid.: 192], шлункі ‘внутренности’ [Ibid.: 162]¹³.

Однако в восточнославянских диалектах есть и непосредственные континуанты *членъ и *членъкъ. В белорусских говорах известны формы

¹¹ Контекст найден при помощи портала «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/>).

¹² Двойное развитие группы *TelT на восточнославянской почве неоднократно пытались объяснить различные ученые, см.: [Torbiörnsson 1901: 49; Lehr-Sławiński 1957: 222; Shevelov 1964: 401–405; Shevelov 1979: 94–95; Jakobson 1971: 640; Минлюс 2002; Антропов 2020].

¹³ Формы чўляс и чалéц ‘член’ в словаре Ластовского [Ластоўскі 1924: 746], как будто бы имеющие восточнославянскую огласовку и усеченную основу, не находят никакого подтверждения в иных источниках, подобно *салозіца* и *салозаўка* ‘селезёнка’ [Ластоўскі 1924: 654] из того же словаря. Вероятно, мы имеем дело с выдумкой автора.

чýчаланкі, чýчалінкі ‘суставы пальцев’ [Ibid.: 196] с редкими префиксами¹⁴. В лемковских, бойковских и надсанских украинских говорах потомки *čelnъkъ представлены в значении ‘фаланга пальца’ [AJDŁ, 6/260] и ‘сустав пальца’ [AGB, 3/164; AUGN, 2/99]¹⁵.

В этимологической литературе можно также найти украинскую форму *челéн* ‘член’ [Trautmann 1923: 125; Pokorný 1959: 640; SP, 2: 125; ESJS, 2: 109; ЕСУМ, 6: 333], почерпнутую в словарях Желеховского [Желехівський, 2: 1063] и Пискунова [Пискунов 1882: 285]. Желеховский указал, что форма эта вошла в словарь из произведений М. П. Старицкого, которые были также среди источников словаря Пискунова. Однако отсутствие этой формы в других текстах заставляет сомневаться в ее аутентичности, тем более что Старицкий известен как автор целого ряда неологизмов [Статеєва 2004: 639].

В русских говорах нам не удалось обнаружить потомков *čelnъ в соматических значениях, зато представлен ряд инновационных несоматических:

- а) ‘секция плата’ — *чéлен, челенá, челéно, челёно, черенó, челéнье, челéнье* [АС, 6: 171], ‘звено бревен в плоту’ — *челено* [СПГ, 2: 524];
- б) ‘вид плата при сплаве леса’ — *челéньи* [Мызников 2005: 456];
- в) ‘связки срубленных деревьев’ — *челéнья* [СРГС, 5: 270];
- г) ‘три ряда нижних бревен сруба’ — *челено* [СПГ, 2: 524];
- д) ‘звено изгороди между двумя парами кольев’ — *челено* [ЯОС, 10: 50].

2.8. Румынский

В румынском известен славизм *ciolan* ‘кость, особенно длинная кость конечности; часть обода колеса; игральная кость’. В XIX веке из русского было также заимствовано слово *cilen* ‘член трибунала’ [Cioranescu 1966: 188].

Обратным заимствованием из румынского является гуцульское *czołan, czioł'an* ‘часть обода колеса’ [Janów 2001: 34].

3. Анализ семантики

При анализе семантики мы не будем учитывать случаи заимствований между отдельными славянскими языками. Кроме того, как упоминалось ранее, континуанты *čelnъ и *čelnъkъ в славянских языках неод-

¹⁴ Подробнее о чу- и чи- в контексте других подобных префиксов см.: [Петлева 1996; Журавлев 2022].

¹⁵ Все это западные украинские говоры с большим количеством западнославянских заимствований, что позволило Ю. Шевелю трактовать такие формы как заимствованные из словацкого или польского с фонетическим пересчетом [Shevelov 1979: 95]. Хотя заимствованный характер некоторых украинских форм очевиден, все их разнообразие объяснить как пересчет довольно сложно.

нократно калькировали значения греч. ἄρθρον ‘часть тела; сустав; половые органы; артикль’, лат. *articulus* ‘сустав; часть тела; узел, колено; уступ; часть, раздел речи, часть предложения; артикль; момент (подходящий, решающий или поворотный); часть, раздел, стадия или ступень; пункт, момент, (главное) обстоятельство; случай, положение; артикул, статья, параграф’, *membrum* ‘часть тела, тело; часть; раздел; участник’, нем. *Glied* ‘часть тела; конечность; сустав; звено (цепи); этап; член (сообщества); поколение, колено; строй; колонна; шеренга’. При реконструкции праславянского значения *čelnъ и *čelňkъ мы такие случаи учитывать, разумеется, не будем. Однако, если для значений ‘член сообщества’, ‘статья’, ‘артикль’ и ряда других сомнений в калькированности не возникает, под вопросом остается, насколько независимо от нем. *Glied* в славянских языках появилось значение ‘звено (цепи)’, распространенное преимущественно в языках, испытавших сильное немецкое влияние (словенский, чешский, польский). Тем не менее сербохорватские данные, а также типологическая параллель в виде татарского *буын* ‘сустав, сочленение; узел, сочленение, колено, утолщение (у растений); сочленение, сегмент (у насекомых и червей); сочленение, звено, колено (трубопровода, водосточной трубы), звено цепи; поколение¹⁶, говорят о том, что оно могло возникнуть и независимо от немецкого.

Ситуация серьезно осложняется тем, что в восточнославянских языках исконные континуанты интересующих нас слов были по большей части утрачены, а в западнославянских языках почти повсеместно *čelnъ был утрачен в пользу *čelňkъ (немногочисленные примеры на *čelnъ могут быть обратными дериватами).

Перечислим значения потомков *čelńpъ:

- сустав (ст.-сл., мак., схр., слвн.);
- сустав пальца (мак., слвн.);
- фаланга пальца (слвн., чеш.);
- щиколотка (мак., схр., слвн.);
- запястье (мак., слвн.);
- часть тела (схр.);
- узел на стебле растения (ст.-сл., схр.);
- узел, сук, наплыв на дереве (схр.);
- междуузлие (схр., слвн.);
- побег виноградной лозы (схр.);
- ручка ножа или другого инструмента (мак., схр.);
- упряжь, в которую запрягаются два вола (схр.);

¹⁶ Еще одной параллелью является лтш. *locitava* ‘сустав’ / *loceklis* ‘член (сообщества); часть тела; звено цепи’ <*locit* ‘гнуть, согнуть; складывать’, однако здесь с полным основанием можно подозревать кальку с немецкого.

- клин, крюк, вешалка (срп.);
- доска забора, вешалка (срп.);
- часть поля, сада или виноградника (срп.);
- поколение (срп.);
- колено (степень родства) (слвн.);
- звено (цепи) (срп., слвн.);
- hallux valgus (слвн.);
- короткий толстый кусок древесины, служащий для укрепления балок забора (чеш.);
- кусок (мяса) (пол.);
- секция плота (рус.);
- вид плота при сплаве леса (рус.);
- связки срубленных деревьев (рус.);
- три ряда нижних бревен сруба (рус.);
- звено изгороди между двумя парами кольев (рус.).

Теперь внесем наиболее распространенные значения в таблицу:

Таблица 3. Основные значения континуантов *čelnъ

	сустав	сустав пальца	фаланга пальца	щиколотка	запястье	узел на стебле	междоузлие	звено цепи
ст.-сл.	+					+		
мак.	+	+		+	+			
срп.	+			+		+	+	+
слвн.	+	+	+	+	+		+	+
чеш.			+					

Перейдем к значениям потомков *čelnъкъ:

- сустав (мак., срп., слвн., др.-чеш., чеш., слвц., пол., словин.);
- сустав пальца (болг., срп., слвн., чеш., слвц., в.-луж., пол., бел., укр.);
- фаланга пальца (срп., др.-чеш., чеш., слвц., в.-луж., н.-луж., др.-пол., пол., укр.);
- мерная единица размером с фалангу большого пальца (срп.);
- ноготь (пол.);
- щиколотка (болг., мак., срп., слвн., др.-чеш., чеш., слвц.);
- запястье (срп., пол.);
- позвонок (чеш.);
- часть тела (срп., чеш., н.-луж., др.-пол., пол.);
- конечность (пол.);
- орган (пол.);
- половой орган (чеш., слвц., пол.);
- крайняя плоть (др.-пол.);

- тело (пол.);
- узел на стебле растения (срп., слвн., чеш., слвц., пол.);
- междуузлие (срп., слвн., чеш., пол.);
- стебель соломы, используемый для плетения шляп (пол.);
- упряжь, в которую запрягаются два вола (срп.);
- часть чего-либо (срп., чеш.);
- кусок (вообще) (пол.);
- звено (цепи) (слвн., чеш., слвц., пол.);
- челнок (ткацкий) (чеш.);
- задвижка (двери, ярма) (чеш.);
- зубчик чеснока (чеш.);
- пружинная чека колеса (чеш.);
- отделение на полке (чеш.);
- составная часть инструмента (пол.).

Перенесем наиболее распространенные значения в таблицу:

Таблица 4. Основные значения континуантов *čeſeljčkъ

	сустав	сустав пальца	фаланга пальца	щико-лотка	запястье	часть тела	узел стебля	междоузлие
болг.		+		+				
мак.	+			+				
срп.	+	+	+	+	+	+	+	+
слвн.	+	+		+			+	+
др.-чеш.	+		+	+				
чеш.	+	+	+	+		+	+	+
слвц.	+	+	+	+			+	
в.-луж.		+	+					
н.-луж.			+			+		
др.-пол.			+			+		
пол.	+	+	+		+	+	+	+
словин.	+							
бел.		+						
укр.		+	+					

Добавим также, что русские значения ‘связки срубленных деревьев’, ‘три ряда нижних бревен сруба’, ‘секция плота’, ‘звено изгороди между двумя парами кольев’, вероятно, развились на основе сравнения нескольких параллельно лежащих стволов дерева в составе связки, сруба, изгороди или плота с фалангами пальцев, сомкнутых в кулак.

Слова *čelnъ и *čelnъкъ вряд ли могли быть основными обозначениями щиколотки и запястья в праславянском: в этих ролях довольно надежно восстанавливаются *gleznъ и *zapęstyje. При этом известно, что дрейф ‘сустав (пальца)’ > ‘щиколотка’ довольно распространен в славянских языках, хотя встречаются и обратные примеры [Саенко 2022: 186, 192–193]. В случае запястья это может быть перенос ‘сустав (пальца)’ > ‘запястье’ или ‘щиколотка’ > ‘запястье’ [ОЛА, 9/41].

В соотношениях ‘сустав’ : ‘часть тела’, ‘сустав пальца’ : ‘фаланга пальца’ и ‘узел стебля’ : ‘междоузлие’ мы, по всей видимости, имеем дело с метонимическим переносом названия с сустава на соседствующую с ним часть тела и с узла на междоузлие. Подобные случаи хорошо известны в славянских языках, ср. случаи дрейфа ‘(тазобедренный) сустав’ > ‘бедро’, ‘щиколотка’ > ‘голень’, ‘большеберцовая кость’, ‘стопа’ [Саенко 2022: 133, 137–138, 183, 186, 207], слвн. *laket* ‘локоть’ > ‘предплечье’. Параллели предоставляют и другие языки. Греческое ἄρθρον, образованное от ἄραρίσκω ‘класть вплотную, смыкать, прилаживать’ (< *h₂er-), первоначально обозначало ‘сустав’, однако расширило свою семантику также на ‘часть тела’ и ‘половые органы’. Латинское *artus*, в конечном счете восходящее к тому же индоевропейскому корню (*h₂er- > *h₂rtus ‘соединение’), означало ‘сочленение, сустав’, но впоследствии также ‘часть тела’.

Таким образом, мы склонны считать самыми древними (видимо, уже праславянскими) значениями *čelnъ и *čelnъкъ следующие: ‘сустав’, ‘сустав пальца’, ‘узел стебля’.

Соотношение *čelnъ : *čelnъкъ наводит на мысль, что первое слово могло обозначать любой сустав, а диминутив применялся в основном к суставам пальцев. В качестве параллели можно привести многочисленные диминутивы от *sostawъ в значении ‘сустав пальца’ в восточнославянских говорах [ОЛА, 9/40].

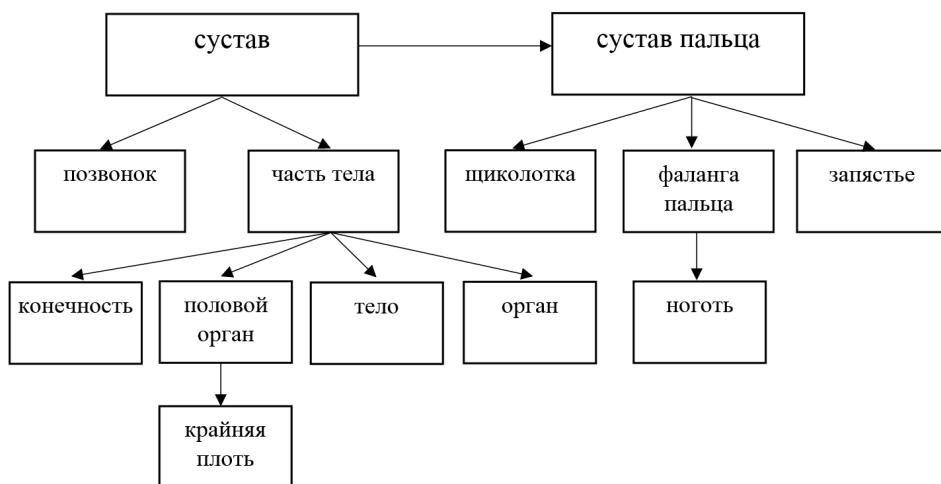
Остается вопрос, что первично: ‘сустав (пальца)’ или ‘узел стебля’? Типологические параллели из других языков показывают, что возможны оба варианта.

Дрейф ‘узел стебля’ > ‘сустав (пальца)’ можно обнаружить в случае лат. *nōdus* ‘узел’ > исп. *nudo* ‘узел; сучок; нарост (на кости); сочленение’ > *nudillo* ‘сустав пальца’. Китайское 節 (jié) ‘коленце (бамбука); колено (трубы), секция, звено; членик, сегмент; отрезок; обрубок (дерева), сук; узел, стык; сочленение, сустав; утолщение (напр. столба), капитель (колонны); уплотнение, нарост (напр. на дереве); раздел, отрывок; выдержка (напр. из документа); параграф, абзац; куплет’ [БКРС, 2: 769] в сочетании с 指 (zhǐ) ‘палец’ дает 指節 (zhǐjé) ‘суставы пальца, фаланги’ [Ibid.: 585].

Среди примеров семантического дрейфа в противоположном направлении – п.-и.-е. **h₂rtus* ‘соединение’ > лат. *artus* ‘сочленение, сустав; член, тело’ > *articulus* ‘сустав; часть тела; узел, колено (растения)’. Протюркское (**bog-* ‘связывать, затягивать’ >) **bogum* ‘сустав’ в ряде языков потомков получило значение ‘узел на стебле растения’ [ЭСТЯ, 2: 170–171]¹⁷. Рус. диал. *сустáвчик* означает ‘узел на стебле соломинки’ [СРНГ, 42: 309]. Словацкое *stavec* ‘позвонок; сустав’ значит также ‘узел на стебле растения’ [SSJ, 4: 238].

Таким образом, при этимологизации **čelnъ* допустимо отталкиваться как от предназначения ‘сустав (пальца)’, так и ‘узел стебля’.

Сведем основные соматические значения потомков **čelnъ(kъ)* в схему:

4. ЭТИМОЛОГИЯ

4.1. Суффикс

По всей вероятности, в праславянском **čelnъ* (< **kelnus*) являлось *-и-основой. Об этом говорит, как было указано выше, почти последовательная *-и-основность чл̄кнъ в Шестодневе, а также наличие там же -ow- производного чл̄кновынъ. Кроме того, диминутивное **čelnъkъ* (< **kelnukos*) демонстрирует наращение уменьшительного суффикса *-k- на тематический *-i- (что в дальнейшем после переразложения привело к вычленению нового суффикса *-ъk-). То же мы наблюдаем в парах **sупъ* ‘сын’ > **sупъkъ* и **stanъ* ‘стоянка’ > **stanъkъ*¹⁸.

¹⁷ Согласно альтернативному мнению, значения ‘сустав в теле’ и ‘узел на стебле растения’ могут реконструироваться уже для пратюркского [СИГТЯ 2001: 260].

¹⁸ Последний аргумент является не слишком надежным, поскольку продуктивность суффикса -ъk- уже в постпраславянскую эпоху породила в языках-потомках

Поскольку соотношение *čelnъ : *čelnъкъ аналогично парам *synъ : *synъкъ и *stanъ : *stanъкъ, то вполне логично в *čelnъ (< *kelnus) выделять суффикс *-nu- > *-пъ-. По поводу прочих дериватов с тем же суффиксом в науке велась дискуссия. А. Мейе называл следующие¹⁹: synъ ‘сын’, česnýkъ ‘чеснок’, činъ ‘порядок’, člénъ ‘член’, grozný ‘гроздь’, oprěsnýkъ ‘опреснок’, stanъ ‘лагерь’, synъ ‘башня’ [Meillet, 2: 453–454]. А. Вайан отбросил synъ ‘башня’ как заимствование²⁰, činъ — как deverбатив от *činiti, а oprěsnýkъ как дериват от *prěšk-nъ ‘пресный’, и высказал сомнения по поводу stanъ. Напротив, к synъ, *česný, grozný, названным в работе Мейе, Вайан добавил *trěsný ‘бахрома’, *černý ‘коренной зуб’, trýnъ ‘терн’ [Vaillant, 4: 579–580]. Р. Эккерт среди дериватов на *-nu- называл *česnýkъ, *činъ, *grozný, *trýnъ, *stanъ, *synъ [Эккерт 1963: 51–68]. Несколько шире список Ф. Славского: *čelnъ ‘член’, *černъ ‘челюсть, коренной зуб’, *česnъ ‘чеснок’, *činъ ‘порядок, обряд; орудие, оружие; действие’, *stánъ ‘стоянка, лагерь’, *sýnъ ‘сын’ [SP, 1: 115].

Суффикс *-ni- был унаследован праславянским от праиндоевропейского и встречается в других индоевропейских языках, хоть и не слишком часто. В литовском есть только одно существительное с этим формантом — *sūnus* ‘сын’, зато *-nus* образует целый ряд прилагательных [Otrębski, 2: 172–173]. В ведийском санскрите список дериватов-существительных также не очень велик: *bhānūḥ* (м.) ‘луч’, *kṣepnūḥ* (м.) ‘натягивание тетивы’, *reṇūḥ* (м.) ‘пыль’, *sthānūḥ* (м.) ‘ствол дерева, пень, столб’, *sūnūḥ* (м.) ‘сын’, *vagnūḥ* (м.) ‘звук’, *dhenūḥ* (ф.) ‘дойная корова’, *dānū* (н.) / *dānūḥ* ‘влага, роса’ (м. и ф. также как имя демонов)²¹ [Елизаренкова 1982: 146; Lubotsky 1992: 261]. К. Бругман относил к дериватам на *-ni- также лат. *manus* (ф.) ‘рука’, *cornū* / *cornūs* ‘рог’, греч. гом. θρῆνος ‘скамеечка (для ног); корабельная скамья’ и λιγύως ‘дым, копоть; пламя’, др.-ирл. *lín* (м., н.) ‘(полное) число’, *orgun* ‘убийство’, готск. *sunus* (м.) ‘сын’, *faurnus* (м.) ‘терн’, *asiluqairnus* (ф.) ‘жернов’ [Brugmann, 2-1: 302]. Однако в современной индоевропеистике часть этих слов рассматривается иначе: в *manus* -n- является частью основы, *cornū*, вероятно, перешло в -i-склонение вторично [de Vaan 2008: 136–137, 363–364], а греческие слова могут быть субстратными заимствованиями [Beekes, van Beek 2010: 552, 861].

ряд дериватов, заканчивающихся на -пъкъ, но образованных не от *-и-основ, например, *bliznъкъ ‘близнец’ при более распространенном *bliznъсь, *gъtъnъкъ ‘горшок’ при *gъtъnъсь, *čylъnъкъ ‘челнок’ при значительно более редком *čylъnъсь, а также *o(b)prěsnъкъ ‘опреснок’.

¹⁹ Здесь мы оставляем оригинальное написание Мейе, не различающее реконструированные праславянские и засвидетельствованные старославянские формы.

²⁰ А. Вайан считал это слово германизмом [Vaillant, 1: 80], но в настоящее время оно признается булгарским заимствованием в старославянском [ESJS, 15: 916].

²¹ Подробнее об этимологии этого слова см.: [Mayrhofer, 1: 719–720].

Готское *þaurnus* также, скорее всего, вторично перешло в -и-основы из -о-склонения [Kroonen 2013: 552–553].

Ранее были высказаны точки зрения, что *-ни- — это «суффикс отглагольных образований пассивного залога» или суффикс, образующий абстрактные отглагольные существительные [Эккерт 1963: 54–55], но на основе столь скромной выборки сложно сделать какие-либо выводы об изначальных значениях и функциях *-ни-, хотя стоит отметить, что в санскрите мы действительно имеем дело преимущественно с отглагольными дериватами: *bhāti* ‘светит’ > *bhānūḥ* (м.) ‘луч’, *kṣipyati* ‘бросает’ > *kṣepnūḥ* (м.) ‘натягивание тетивы’, *rīyate* ‘избавляет, освобождает; разъединяет’ > *reṇūḥ* (м.) ‘пыль’, *tīṣthati* ‘стоит’ > *sthānūḥ* (м.) ‘ствол дерева, пень, столб’, *sūtē* ‘рожает’ > *sūnūḥ* (м.) ‘сын’, *vákti* ‘говорит’ > *vagnūḥ* (м.) ‘звук’, *dháyati* ‘сосет’ > *dhenūḥ* (ф.) ‘дойная корова’.

Для праславянского в первую очередь следует решить вопрос о составе группы дериватов на *-ни-. Подробный разбор данного вопроса выходит далеко за рамки настоящей статьи, однако попробуем кратко рассмотреть основных кандидатов на эту роль в свете четырех критериев: наличия *-и-основных родственников в других индоевропейских языках; наличия форм *-и-склонения в старославянских памятниках; наличия производных с формантом -ow-; наличия диминутива на *-пъкъ. Каждый из критериев не является решающим, однако их совокупность позволяет высказываться уже несколько более определенно (см. табл. 5).

Историю данной группы в праславянском можно описать следующим образом: еще к праиндоевропейской эпохе относится **sūpъ*, чьи когнаты хорошо представлены за пределами славянских языков (см. выше). У слов **stanъ* и **tyrпъ*, как было указано, есть -и-основные родственники за пределами славянских языков, но **stanъ* нужно в первую очередь сравнивать не с санскр. *sthānūḥ* ‘ствол дерева, пень, столб’, а с семантически более близким *sthānam* ‘стояние, расположение’. Возможно, в праславянском **stanъ* перешло в *-и-склонение вторично. В случае **tyrпъ* готское *þaurnus* оказывается в изоляции: не только формы прочих германских языков, но и санскр. *tṛṇam* ‘трава, стебель, соломинка’ указывают на *-о-склонение. Наличия только -ow-дериватов (см. обзор в [Эккерт 1963: 53–54]) недостаточно, чтобы уверенно относить это слово к *-и-склонению, если учесть высокую продуктивность формантов, содержащих -ow- и после распада праславянского языка. Следует также учесть наличие у **tyrпъ* многочисленных дериватов без -ow- (см. обзор в [Babik 2012: 195–207]).

Суффикс *-ни- получил в праславянском некоторую продуктивность, его можно выделять в составе **čelnъ*, **čerpъ*, **česnъ* и **čipъ*. Нельзя

Таблица 5. Оценка -и-основности потенциальных дериватов на *-ни-

	внешние -и-основные когнаты	-и-склонение в старославянских памятниках	-ow-дериваты	диминутив на -пъкъ
*čelnъ	—	+	+	+
*čerpн ²²	—		+	+
*česnъ	—		+	+
*činъ	—	+	+	—
*grozнъ	—	—	+	—
*stanъ	+	+	+	+
*sупъ	+	+	+	+
*tygnъ	±		+	—

не обратить внимание на схожесть корней этих слов, отличающихся, по сути, лишь последним согласным: *kel-nu-s, *ker-nu-s, *kes-nu-s и *kej-nu-s. Возможно, при выборе суффикса играли роль некие эвфонические критерии, ср. важность последнего согласного основы при деривации с помощью форманта *-ть [Саенко 2019].

Что касается *grozнъ, как и в случае с *tygnъ, мы склонны полагать, что одних только *-ow-дериватов недостаточно, чтобы считать это слово частью *-и-склонения, и соглашаемся в этом вопросе со Славским, а не с Эккертом.

Опираясь на группу в составе *čelnъ, *čerpн, *česnъ, *činъ, *stanъ, и *sупъ, можно высказать следующие наблюдения:

а) если не учитывать этимологически уже непрозрачного в праславянском *sупъ, в трех случаях мы имеем дело с отлагольными дериватами.

²² Некоторые ученые предпочитают видеть здесь два слова, одно со значением ‘челость; коренной зуб’, а другое — ‘рукоятка’ [SP, 2: 156–157]. Мы присоединяемся к аргументированному мнению, что такое разделение необоснованно [ЭССЯ, 4: 69–70], однако видим картину несколько иначе. Кажется, что наиболее распространенным значением у потомков *сегть является ‘рукоятка’. Вероятно, это значение и было первичным. Переход ‘рукоятка’ > ‘основа’ (ср. пол. *trzonek* ‘рукоятка’, *trzon* ‘основная часть чего-либо’; кит. 柄 (*bǐng*) ‘рукоятка, ручка; корень, основа’ [БКРС, 3: 323]; в качестве параллели были бы заманчиво привлечь и монгольское *ши* ‘ручка, рукоятка, черенок; ствол, стебель’ и *ши* ‘источник, основа, начало’ [Кручинин 2006: 721], однако, видимо, в данном случае перед нами омонимия [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 1086–1087; 1138–1139]) вполне понятен и объясним. Обозначение коренного зуба как ‘основного’ демонстрируется непосредственно русской коллокацией *коренной зуб*, где слово *коренной* использовано в значении ‘основной, главный, важный’, ср., например, *коренной перелом*. Значения ‘челость’ и ‘десны’ возникли путем метонимического переноса с ‘коренные зубы’.

ватами: *stati > *stanъ; *česati > *česnъ²³; *kʷeɪ̯- ‘укладывать (рядами, слоями)’ > *činъ. Под вопросом остается этимология слова *černъ, в литературе его связывают с *korgу ‘корень’ и лит. *kēras* ‘пень срубленного дерева вместе с корнями; куст’ [SP, 2: 157; ЭССЯ, 4: 69–70].

б) только в древнейшем деривате (*супъ) корень находится на нулевой ступени, в новых это всегда -е-ступень. Примерно то же было характерно и для санскрита.

в) в отличие от санскрита, где суффикс *-ný-* почти всегда ударен (вероятно, вторичное обобщение), в праславянском он может быть как ударным, так и безударным: *sýnъ (a. p. c), *stánъ (c), *činъ (c), *čeñpъ (c), но *česnъ (b)²⁴. Даже если слово образовано от корня, оканчивающегося на ларингал (*супъ, *stanъ), праславянское слово имеет циркумфлекс на основе и относится к парадигме c.

Слово *čeñpъ очень хорошо укладывается в эту схему. В акцентологическом отношении неубедительна реконструкция *čéñpъ М. Сноя с акутом на корне [Snoj 2016: 118]. Схр. člān, слвн. člēn, рус. диал. чéлен (формы чéленá, чéленó со сменой рода непоказательны) указывают на *čeñpъ с циркумфлексом, что прекрасно соответствует вышеописанной картине. Старорусские акцентуированные памятники не дают форм с полногласием, но предоставляют в наше распоряжение gen. pl. чльнóв и nom. pl. члены́ [Зализняк 2019: 593]. Если предположить, что церковнославянизм сохранял место ударения исконного восточнославянского слова, это вполне может быть отражением a. p. c²⁵.

4.2. Корень

Корень, от которого было образовано слово *čeñpъ, разными учеными определяется по-разному:

- *(s)kel- ‘колоть’ [Persson 1895: 288; Schuster-Šewc, 2: 120];
- *kʷel- ‘вращать(ся)’ [Pokorný 1959: 639–640; Snoj 2016: 118], в современной реконструкции *kʷelh₁- ‘eine Drehung machen, sich umdrehen, sich (um-, zu-)wenden’ [LIV 2001: 386–388]²⁶;
- *kʷel- ‘происходить; расти’ [Трубачев, 3: 219–220], в настоящее время такого корня для праиндоевропейского не восстанавливается;

²³ Такова традиционная этимология слова *česnъ. Гипотезу Р. Матасовича о субстратном происхождении этого слова [Matasović 2013: 89] мы считаем необоснованной.

²⁴ См. реконструкции: *česnъ [Snoj 2016: 114], *česnъ (b) [ERHJ, 1: 127]. Что характерно, *česnъ является в данной группе единственным словом, обладающим корнем, на котором не может находиться долгий циркумфлекс.

²⁵ Для nom. pl. (по происхождению acc. pl.) члены́ср. acc. pl. станы́, чины́, сыны́ [Зализняк 2019: 592, 597, 601].

²⁶ Вероятно, этот же корень А. Баньковский имел в виду под *kel- ‘двигаться’ [Bańkowski, 1: 232].

- *kel- ‘подниматься’ [Gluhak 1993: 180], в современной реконструкции *kelH- ‘aufragen, hochragen’ [LIV 2001: 349].

Среди славянских родственников *čelnъ называли *kolēno и *kъlkъ [Meillet 1907: 375], *čelo [Doroszewski 1931: 425], *čelādь [Holub, Kopečný 1952: 94], *sylnъ [ЭССЯ, 4: 45].

За пределами славянских языков среди когнатов называли греч. κῶλον ‘часть тела, преимущественно конечность; ветвь, сук; сторона, бок’, χωλῆ ‘бедро, окорок; membrum virile’, санскр. *kaṭiḥ* ‘бедро’ [Persson 1895: 288], лит. *kēlis* ‘колено’, *kenklė* ‘подколенная впадина’, *kūlšē* ‘бедро (диал.); тазобедренный сустав, поясница’, греч. σκέλος ‘бедро, голень, нога’, κώλη ‘подколенная впадина’, д.-в.-н. *scultarra* ‘плечо’ [Meillet 1907: 375], лтш. *kelna* ‘куриная нога’ [Osten-Sacken 1909: 245]²⁷, греч. σκολιός ‘кривой’, лат. *scelus* ‘преступление’, др.-англ. *sculdor* ‘плечо’ [Berneker 1908: 139], лат. *celsus* ‘высокий’, *collis* ‘холм’, *columen*, *culmen* ‘вершина’, греч. χολωνός ‘высота, холм’, *kálnas* ‘гора’ [Doroszewski 1931: 425–426], нем. *Gelenk* ‘сустав’, англ. *link* ‘звено’ [Machek 1968: 105], греч. πόλος ‘ось’ [Bańkowski, 1: 232]. Большая часть этих слов восходит к вышеназванным глагольным корням.

Для успешной этимологизации *čelnъ необходимо ответить на вопрос, может ли это слово быть отымененным дериватом или же только отглагольным. Как было указано выше, *synъ, *stanъ, *cіпъ и *čeśnъ являются девербативами. Под вопросом остается только *čergъ, которое обычно сравнивают с *kory ‘корень’ и лит. *kēras* ‘пень срубленного дерева вместе с корнями; куст’. В семантическом отношении связь между ‘корень’ и ‘рукоять’ вполне допустима. Можно предположить, что рукоятка (например, ножа) метафорически сравнивалась с корнем растения (ср. исп. *hoja* ‘лист’ > ‘клинок’) либо же, что рукоятки каких-либо инструментов изготавливались из корней (ср., например, п.-турск. *sa:r- ‘рукоять; стебель, черенок’ [ЭСТЯ, 7: 209; СИГТЯ 2001: 119], монгольское *ши* ‘ручка, рукоятка, черенок; ствол, стебель’ [Кручинин 2006: 721], кит. 柄 (*bǐng*) ‘рукоятка, ручка, черенок, черешок’ [БКРС, 3: 323]). Несмотря на то, что праслав. *kory ‘корень’ и *kъgъ ‘куст’ отличаются от *čergъ вокализмом корня, в этом гнезде когда-то могла существовать и форма с вокализмом, аналогичным лит. *kēras*. В то же время вполне можно предположить и иной сценарий: допустимо видеть в *čergъ дериват от *kʷer- ‘резать’ (рукоятка как вырезаемая из дерева или кости часть инструмента).

В таком случае все дериваты с суффиксом *-ni- оказываются отглагольными, и логично видеть девербатив и в слове *čelny. Чисто фонети-

²⁷ Ср. также *kelnas* ‘штаны’ и *kelene* ‘нога’ [Mühlensbachs, 2: 362–363]. Судя по отсутствию перехода *k* > *c*, все эти формы являются литуанизмами.

чески *čelnъ могло быть образовано от следующих корней: *kel- ‘погонять’, *kelH- ‘торчать’, k^(^)elh₁- ‘очаровывать, обманывать’, *kelh₂- ‘бить’, *k^welh₁- ‘вращаться’, *(s)kel- ‘привиниться’, *(s)kel- ‘колоть’, *(s)kelh₁- ‘засыхать’ [LIV 2001: 348–350, 386–388, 552–553]. Если отталкиваться от восстанавливаемых нами для *čelnъ значений ‘сустав (пальца)’ и ‘узел на стебле’, то наиболее подходящим кандидатом на эту роль является уже предлагавшийся ранее корень *k^welh₁- ‘вращаться’, среди дериватов которого в праславянском — *kolo ‘колесо’ и *kolēno ‘колено’. Обозначение сустава как вращающейся части тела находит частичные параллели в таких случаях, как ст.-рус. *вертлюг* ‘тазобедренный сустав’ [СлРЯ XI–XVII, 2: 99], рус. диал. *вётлюг* ‘коленный сустав’ [СРНГ, 4: 195] < *вертеться*; англ. *wrist* ‘запястье’ < *writhe* ‘скручивать, сплетать’ (аналогично в других германских языках), греч. *χαρπός* ‘запястье’ < *k^werph- ‘вращаться’ [Beekes, van Beek 2010: 649].

Если не списывать со счетов возможность отыменного происхождения *čelnъ, то в первую очередь внимания заслуживает идея о связи этого слова с *kolēno. Существуют примеры дрейфа ‘колено’ > ‘сустав пальца’. Он отмечен в различных словенских говорах у слова *koleno* и его диминутивов [SLA, 1/41], у форм *kolē:nca* (пункт ОЛА 28), *koliē:nca* (29), *koli:nca* (42) в хорватских говорах [ОЛА, 9/40], у диминутивов *kol'inca* (pl.) [AJDŁ, 6/260], *kol'inca*, *kol'iŋka* (pl.) [AGB, 3/164], *kul'iŋka*, *kul'ińca*, *kol'ińcita* (pl.) [AUGN, 1: 37] в украинских, *ka'l'enсы* в русском (ОЛА 692) [ОЛА, 9/40], *калéнцы* в белорусских говорах [ЛАБНГ, 3/94].

Латинское *geni* ‘колено; узел на стебле растения’, греческое γόνο ‘колено; узел на стебле растения; междуузлие’, литовское *kēlis* и собственно русское *колено* (а также многочисленные формы других славянских языков) являются примерами дрейфа ‘колено’ > ‘узел на стебле растения’.

Таким образом, ‘колено’ легко могло быть отправной точкой для двух из основных значений *čelnъ(къ). В этом отношении было бы очень заманчиво считать *kelnus (> *čelnъ) дериватом от прабалтославянского *kelis ‘колено’ (лит. *kēlis*, лтш. *celis* ‘колено’), однако, если не будет показано, что в праславянском суффикс *-ni- мог образовывать дериваты и от существительных, предпочтение следует отдавать отглагольной версии.

5. Выводы

Анализ семантики континуантов праславянского слова *čelnъ и его диминутива *čelnъкъ показывает, что древнейшими значениями следует считать ‘сустав’, ‘сустав пальца’ и ‘узел стебля’, но не ‘часть тела’, вопреки мнению ряда ученых.

Вероятно, слово *čelnъ было основным праславянским обозначением сустава в теле человека и животного, а диминутивное *čelnъкъ в первую очередь значило ‘сустав пальца’. Значение ‘узел стебля’ возникло вторично, но довольно рано, уже в праславянском.

В истории отдельных славянских языков у потомков *čelnъ и *čelnъкъ развилось множество новых значений, включая ряд соматических: ‘часть тела’, ‘конечность’, ‘тело’, ‘орган’, ‘половой орган’, ‘крайняя плоть’, ‘фаланга пальца’, ‘щиковотка’, ‘запястье’, ‘ позвонок’, ‘ноготь’.

Слово *čelnъ в праславянском изменялось по *-и-склонению и входило в число дериватов на *-ни-. Поскольку суффикс *-ни- образовывал девербативы, *čelnъ также следует считать отглагольным образованием. Наиболее вероятный кандидат на роль производящего корня — *kʷelh₁- ‘вращаться’.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН — Библиотека Академии наук (С.-Петербург).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

Библиография

АС, 1–6

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь), 1–6, Пермь, 1984–2011.

Антропов 2020

Антропов Н., Дифтонгические сочетания модели *telt: вновь о восточнославянских отражениях, *Gwary Dzis*, 12, 2020, 95–107.

Баранкова, Мильков 2001

Баранкова Г. С., Мильков В. В., *Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского*, С.-Петербург, 2001.

БКРС, 1–4

Большой китайско-русский словарь, 1–4, Москва, 1983–1984.

Бојанић, Тривунац 2002

Бојанић М., Тривунац Р., *Речник дубровачког говора*, Београд, 2002.

Бојковска 2003

Бојковска С., *Радовишкот говор*, Скопје, 2003.

Геров, 1–5

Геров Н., *Речник на български език*, Т. 1–5, Пловдив, 1894–1904.

ГСБМ, 1–37

Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 1–37, Мінск, 1982–2017.

Дровашанов 2005

Дровашанов В., *Анатомска лексика за човекот во македонските говори*, Скопје, 2005.

Динић 2008

Динић Ј., *Тимочки дијалекатски речник*, Београд, 2008.

Елизаренкова 1982

Елизаренкова Т. Я., *Грамматика ведийского языка*, Москва, 1982.

ЕСУМ, 1–6

Етимологічний словник української мови, 1–6, Київ, 1982–2012.

Желехівський, 1–2

Желехівський Є., *Малоруско-німецький словар*, 1–2, Львів, 1886.

Жолобов 2011

Жолобов О. Ф., Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирена. III, 1: БАН 31.7.2, *Russian Linguistics*, 2011, 35, 361–380.

Журавлев 2022

Журавлев А. Ф., Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации), *Вопросы языкознания*, 2022, 6, 44–61.

Зализняк 2019

Зализняк А. А., *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*, Москва, 2019.

Зобеница 2016

Зобеница С., Из лексике источне Лике (Доњи Лапац и Јошан), *Српски дијалектолошки зборник*, 2016, 63, 735–838.

Кручин 2006

Кручин Ю., *Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь*, Москва, 2006.

ЛАБНГ, 1–5

Лексічны атлас беларускіх народных гаворак, 1–5, Мінск, 1993–1998.

Ластоўскі 1924

Ластоўскі В., *Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік*, Коўна, 1924.

Лилич 2016

Лилич Г. А., *Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX века)*, С.-Петербург, Грайфсвальд, Гейдельберг, 2016.

Минлос 2002

Минлос Ф. Р., Рефлексы слов. *СелС в восточнославянских языках, *Русский язык в научном освещении*, 2002, 1, 198–203.

Мызников 2005

Мызников С. А., *Русские говоры среднего Поволжья*, С.-Петербург, 2005.

ОДРМЈ

Официјален дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <https://makedonski.gov.mk>.

ОЛА, 1–12

Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, 1–12, Београд, Москва, Wrocław, Warszawa, Kraków, Zagreb, Скопје, Мінск, Praha, Bratislava, С.-Петербург, 1988–2020.

Петлева 1996

Петлева И. П., Архаические префиксы в русских говорах, *Этимологические исследования*, 1996, 6, 31–38.

Петровић, Ђелић, Капустина 2013

Петровић Д., Ђелић И., Капустина Ј., Речник Кучи, *Српски дијалектолошки зборник*, 2013, 60.

Пискунов 1882

Пискунов Ф., *Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австрийско-Венгерской империи*, Киев, 1882.

РБЕ

Речник на българския език. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/>.

Саенко 2019

Саенко М. Н., Формант *-ть и склонение слов типа *погъть, *олкъть, *дегъть, *десеть и *дъпъ в праславянском, *Rossica Olomucensia*, 2019, 58/1, 5–24.

— 2022

Саенко М. Н., Очерки по славянской соматической лексике, Москва, 2022.

СИГТЯ 2001

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика, Москва, 2001.

СЛРЯ XI–XVII, 1–31

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–31, Москва, С.-Петербург, 1975–2019.

СПГ, 1–2

Словарь пермских говоров, 1–2, Пермь, 2000–2002.

СРНГ, 1–52

Словарь русских народных говоров, 1–52, Москва, С.-Петербург, 1965–2021.

СРГС, 1–5

Словарь русских говоров Сибири, 1–5, Новосибирск, 1999–2006.

Срезневский, 1–3

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1912.

ССМ XIV–XV, 1–2

Словник староукраїнської мови XIV–XV ст., 1–2, Київ, 1977–1978.

Статєєва 2004

Статєєва В. І., Старицький Михайло Петрович, *Українська мова. Енциклопедія*, Київ, 2004, 639.

Стијовић 2014

Стијовић Р., *Речник Васојевића*, Београд, 2014.

СУМ, 1–11

Словник української мови, 1–11, Київ, 1970–1980.

Трубачев, 1–4

Трубачев О. Н., *Труды по этимологии*, 1–4, Москва, 2004–2009.

ТСБМ, 1–5

Глумачальны слоўнік беларускай мовы, 1–5, Мінск, 1977–1984.

ЧТС 2006

Чалавек. Тэматычны слоўнік, Мінск, 2006.

Умленски 1965

Умленски И., *Кюстендилският говор*, София, 1965.

Шклифов 1977

Шклифов Б., Речник на костурския говор, *Българска диалектология. Проучвания и материали*, 8. София, 1977, 201–328.

Эккерт 1963

Эккерт Р., Основы на -й- в праславянском языке, *Ученые записки Института славяноведения*, 1963, 27, 3–133.

ЭССЯ, 1–42

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд, 1–42, Москва, 1974–2022.

- ЭСТЯ, 1–7
Этимологический словарь тюркских языков, 1–7, Москва, 1974–2003.
- ЯОС, 1–10
Ярославский областной словарь, 1–10, Ярославль, 1981–1991.
- Aitzetmüller, 1–7
Aitzetmüller R. *Das Hexaemeron des Exarchen Johannes*, 1–7, Graz, 1958–1975.
- AGB, 1–7
Atlas gwar bojkowskich, 1–7, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1980–1991.
- AGWB, 1–10
Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny, 1–10, Wrocław, Warszawa, 1980–2012.
- AJDŁ, 1–8
Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny, 1–8, Łódź, 1956–1964.
- AJŚ, 1–8
Atlas językowy Śląska, 1–8, Kraków, 1969–1996.
- AUGN, 1–2
Atlas ukraińskich gwar nadśańskich, 1–2, Warszawa, 2017.
- Babik 2012
Babik Z., *Korespondencje akcentowe między słowiańskim i starszymi językami indoeuropejskimi (pierwotne neutra tematyczne)*, Kraków, 2012.
- Bańkowski, 1–3
Bańkowski A., *Etymologiczny słownik języka polskiego*, 1–3, Warszawa, 2000, Częstochowa, 2014.
- Beekes, van Beek 2010
Beekes R., van Beek L., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.
- Berneker 1908
Berneker E., *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1908.
- Boryś 2005
Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005
- Brugmann, 1–2
Brugmann K., *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, 1–2, Cambridge, 2010.
- Cioranescu 1966
Cioranescu A., *Diccionario etimológico rumano*, San Cristóbal de La Laguna, 1966.
- Čujec-Stres, 1–2
Čujec-Stres H., *Slovar zatolminskego govora*, 1–2, Zatolmin, 2010–2014.
- Doroszewski 1931
Doroszewski W., Monografje słowotwórcze. IV. Formacje z podstawowem -n- w części sufiksalnej, *Prace Filologiczne*, 1931, 15/2, 423–436.
- Dulčić, Dulčić 1985
Dulčić J., Dulčić P. *Rječnik bruškoga govora*, Zagreb, 1985.
- ERHJ, 1–2
Etimološki rječnik hrvatskoga jezika, Sv. 1–2, Zagreb, 2016–2021.
- ESJS, 1–19
Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 1–19, Praha, Brno, 1989–2018.
- Flajšhans, 1–2
Flajšhans V., *Klaret a jeho družina*, 1–2, Praha, 1926–1928.

Flajšhans 1893

Flajšhans V., Mammotrekt klementinský (Mam. A.), *Listy filologické*, 1893, 20/3, 216–234.

Gluhak 1993

Gluhak A., *Hrvatski etimološki rječnik*, Zagreb, 1993.

Gorazd

Gorazd: Digitální portál staroslověnštiny. Elektronický slovník jazyka staroslověnského. URL: <http://gorazd.org/gulliver/>.

Holub, Kopečný 1952

Holub J., Kopečný F., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1952.

Houtzagers 1985

Houtzagers H., *The Čakavian dialect of Orlec and the islands of Cres*, Amsterdam, 1985.

HSSJ, 1–7

Historický slovník slovenského jazyka, 1–7, Bratislava, 1991–2008.

Ivančič Kutin 2007

Ivančič Kutin B., *Slovar bovškega govora*, Ljubljana, 2007.

Ivančić-Dusper, Bašić 2013

Ivančić-Dusper Đ., Bašić M., *Rječnik crikveničkoga govora*, Crikvenica, 2013.

Jakobson 1971

Jakobson R., While Reading Vasmer's Dictionary, *Jakobson R. Selected Writings. Vol. 2. Word and Language*, The Hague, Paris, 1971, 620–649.

Jakšić 2015

Jakšić M., *Rječnik govorā slavonskih, baranjskih i srijemskih*, Zagreb, 2015.

Janów 2001

Janów J., *Słownik huculski*, Kraków, 2001.

Japunčić 1998

Japunčić M., *Taslak: rječnik sv. Roka*, Zagreb, 1998.

Jungmann, 1–5

Jungmann J., *Slovník česko-německý*, 1–5, Praha, 1989–1990.

Karničar 1986

Karničar L., *Der Obir-Dialekt in Kärnten*, Graz, 1986.

Komárek 1969

Komárek M., *Historická mluvnice česká. Hláskosloví*, Praha, 1969.

Králik 2015

Králik L., *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava, 2015.

Kroonen 2013

Kroonen G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.

Kyas, 1–5

Kyas V., *Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká*, 1–5, Praha, 1981–2009.

LDHBČ

Nejedlý P. et al., *Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny*. URL: madla.ujc.cas.cz.

Lehr-Spławiński 1957

Lehr-Spławiński T., O mieszaniu prasłowiańskich połączeń telt z tolt w językach północno-słowiańskich, *Lehr-Spławiński T. Studia i szkice wybrane. Część 1*, Warszawa, 1957, 219–230.

Lipljin 2013

Lipljin T., *Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora*, Varaždin, 2013.

LIV 2001

Lexikon der indogermanischen Verben, Wiesbaden, 2001.

- Lorentz, 1–2
 Lorentz F., *Slovinzisches Wörterbuch*, 1–2, St. Petersburg, 1908–1912.
- Lubotsky 1992
 Lubotsky A., The Indo-Iranian Laryngeal Accent Shift and its Relative Chronology, *Rekonstruktion und relative Chronologie*, Innsbruck, 1992, 261–269.
- Machek 1968
 Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.
- Maresić 2010
 Maresić J., Govor i rječnik Molvi, *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 2010, 16, 1–124.
- Maresić, Miholek 2011
 Maresić J., Miholek V., *Opis i rječnik đurđevečkoga govora*, Đurđevac, 2011.
- Matasović 2013
 Matasović R., *Substratum words in Balto-Slavic*, Filologija, 2013, 60, 75–101.
- Mayrhofer, 1–3
 Mayrhofer M., *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*, 1–3. Heidelberg, 1992–2001.
- Meillet, 1–2
 Meillet A., *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, 1–2, Paris, 1902, 1905.
 ——— 1907
 Meillet A., *Les alternances vocaliques en vieux slave (suite)*, Mémoires de la Société de linguistique de Paris, 1907, 14/4, 332–390.
- Miklosich 1977
 Miklosich F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Aalen, 1977.
- Mühlenbachs, 1–4
 Mühlenbachs K., *Lettisch-deutsches Wörterbuch*, 1–4. Riga, 1923–1932.
- Osten-Sacken 1909
 Osten-Sacken W., Etymologien, *Indogermanische Forschungen*, 1909, 24, 238–248.
- Otrębski, 1–3
 Otrębski J., *Gramatyka języka litewskiego*, 1–3, Warszawa, 1956–1965.
- Persson 1895
 Persson P., Etymologisches, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, 1895, 33/2, 284–294.
- Pokorny 1959
 Pokorny J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern, München, 1959.
- Ramułt 1893
 Ramułt S., *Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego*, Kraków, 1893.
- Razpet 2006
 Razpet M., *Kako se reče po cerkljansko*, Ljubljana, 2006
- Rejzek 2001
 Rejzek J., *Český etymologický slovník*, Brno, 2001.
- RHiSJ, 1–23
Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, 1–23, Zagreb, 1880–1976.
- Rosa
 Rosa V., *Thesaurus linguae Bohemicae*. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz/nezapojene.aspx?idz=eRosaThesN>.
- Schuster-Šewc, 1–24
 Schuster-Šewc H., *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, 1–24, Bautzen, 1978–1989.

- SČTB**
 Staročeská textová banka. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idx=STB>
- SGP, 1–33**
Słownik gwar polskich, 1–33, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1979–2019.
- Shevelov 1964**
 Shevelov G., *A Prehistory of Slavic*, Heidelberg, 1964.
- 1979**
 Shevelov G., *A historical phonology of the Ukrainian language*, Heidelberg, 1979.
- SJP**
 Słownik języka polskiego PWN. URL: <https://sjp.pwn.pl>.
- SLA, 1–2**
Slovenski lingvistični atlas, 1–2, Ljubljana, 2011–2016.
- SNCJ**
 Slovník nářečí českého jazyka. URL: <https://sncj.ujc.cas.cz>.
- Snoj 2016**
 Snoj M., *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana, 2016.
- SP, 1–8**
Słownik prasłowiański, 1–8, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1974–2001.
- SP XVI, 1–38**
Słownik polszczyzny XVI wieku, 1–38, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1966–2020.
- SSJ, 1–6**
Slovník slovenského jazyka, 1–6, Bratislava, 1959–1968.
- SSJC**
Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz>.
- SSKJ**
Slovar slovenskega knjižnega jezika. Druga izdaja. URL: <http://www.fran.si/133/sskj2-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika-2>.
- SSN, 1–3**
Slovník slovenských nárečí, 1–3, Bratislava, 1994–2021.
- SSTp, 1–11**
Słownik staropolski, 1–11, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1953–2002.
- Starostin, Dybo, Mudrak 2003**
 Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A., *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*, Leiden, 2003.
- StčS**
 Staročeský slovník. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx>.
- Šimunović 2009**
 Šimunović P., *Rječnik bračkih čakavskih govora*, Zagreb, 2009.
- Tominec 1964**
 Tominec I., *Črnovrški dialekt*, Ljubljana, 1964.
- Torbiörnsson 1901**
 Torbiörnsson T., *Die gemeinslavische Liquidametathese*, Upsala, 1901.
- Trautmann 1923**
 Trautmann R., *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*, Göttingen, 1923.
- de Vaan 2008**
 de Vaan M., *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*, Leiden, Boston, 2008.

Vaillant, 1–5

Vaillant A., *Grammaire comparée des langues slaves*, 1–5, Lyon, Paris, 1950–1997.

Vranić, Oštarić 2016

Vranić S., Oštarić I., *Rječnik govora Novalje na otoku Pagu*, Novalja, 2016.

VW

Vokabulář webový. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz>.

Weiss 1998

Weiss P., *Slovar govorov Zadrečke doline med Gornjim gradom in Nazarjam*, Ljubljana, 1998.

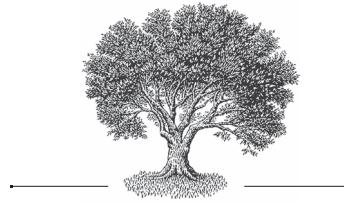
References

- Aitzetmüller R. *Das Hexaemeron des Exarchen Johannes*, 1–7, Graz, 1958–1975.
- Antropov N., Diphthongal combinations of the *telt model: more reflections on the East Slavic languages, *Gwary Dzis*, 12, 2020, 95–107.
- Babik Z., *Korespondencje akcentowe między słowiańskim i starszymi językami indeuropejskimi (pierwotne neutra tematyczne)*, Kraków, 2012.
- Bańkowski A., *Etymologiczny słownik języka polskiego*, 1–3, Warszawa, 2000, Częstochowa, 2014.
- Barankova G. S., Milkov V. V., *Shestdnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo*, St. Petersburg, 2001.
- Beekes R., van Beek L., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.
- Bojanić M., Trivunac R., *Rječnik dubrovačkog govora*, Belgrade, 2002.
- Bojkovska S., Radoviškiot govor, Skopje, 2003.
- Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.
- Brugmann K., *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, 1–2, Cambridge, 2010.
- Cioranescu A., *Diccionario etimológico rumano*, San Cristóbal de La Laguna, 1966.
- Čujec-Stres H., *Slovar zatolminskega govora*, 1–2, Zatolmin, 2010–2014.
- Dinić J., *Timočki dijalekatski rečnik*, Belgrade, 2008.
- Doroszewski W., Monografie słowotwórcze. IV. Formacje z podstawowem -n- w części sufiksowej, *Prace Filologiczne*, 1931, 15/2, 423–436.
- Drošanov V., *Anatomska leksika za čovekot vo makedonskite govori*, Skopje, 2005.
- Dulčić J., Dulčić P. *Rječnik bruškoga govora*, Zagreb, 1985.
- Ekkert R., Osnovy na -u- v praslavianskom iazyke, *Uchenye zapiski Instituta slavianovedeniia*, 1963, 27, 3–133.
- Elizarenkova T. Ya., *Grammatika vedijskogo iaazyka*, Moscow, 1982.
- Gluhak A., *Hrvatski etimološki rječnik*, Zagreb, 1993.
- Holub J., Kopečný F., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1952.
- Houtzagers H., *The Čakavian dialect of Orlec and the islands of Cres*, Amsterdam, 1985.
- Ivančič Kutin B., *Slovar bovškega govora*, Ljubljana, 2007.
- Ivančić-Dusper Đ., Bašić M., *Rječnik crikveničkoga govora*, Crikvenica, 2013.
- Jakobson R., While Reading Vasmer's Dictionary, *Jakobson R. Selected Writings. Vol. 2. Word and Language*, The Hague, Paris, 1971, 620–649.
- Jakšić M., *Rječnik govora slavonskih, baranjskih i srijemskih*, Zagreb, 2015.
- Janów J., *Słownik huculski*, Kraków, 2001.
- Japunić M., *Taslak: rječnik sv. Roka*, Zagreb, 1998.
- Jungmann J., *Slovnik česko-německý*, 1–5, Praha, 1989–1990.
- Karničar L., *Der Obir-Dialekt in Kärnten*, Graz, 1986.
- Komárek M., *Historická mluvnice česká. Hláskosloví*, Praha, 1969.
- Králik L., *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava, 2015.
- Kroonen G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.
- Kruchkin Yu., *Bol'shoi sovremennyi russko-mongolskii – mongol'sko-russkii slovar'*, Moscow, 2006.
- Kyas V., *Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká*, 1–5, Praha, 1981–2009.
- Lehr-Splawiński T., O mieszaniu prasłowiańskich połączeń telt z tolty w językach północno-słowiańskich, *Lehr-Splawiński T. Studia i szkice wybrane. Część 1*, Warszawa, 1957, 219–230.
- Lilich G. A., *Rol' russkogo iaazyka v razvitiï slovar-nogo sostava cheskogo literaturnogo iaazyka (konets XVIII – nachalo XIX veka)*, St. Petersburg, Greifswald, Heidelberg, 2016.
- Lehr-Splawiński T., O mieszanu prasłowiańskich połączeń telt z tolty w językach północno-słowiańskich, *Lehr-Splawiński T. Studia i szkice wybrane. Część 1*, Warszawa, 1957, 219–230.
- Lipljin T., *Rječnik varazdinskoga kajkavskog govora*, Varaždin, 2013.
- Lubotsky A., The Indo-Iranian Laryngeal Accent Shift and its Relative Chronology, *Rekonstruktion und relative Chronologie*, Innsbruck, 1992, 261–269.

- Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.
- Maresić J., Govor i rječnik Molvi, *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 2010, 16, 1–124.
- Maresić J., Miholek V., *Opis i rječnik đurđevečko-ga govora*, Đurđevac, 2011.
- Matasović R., *Substratum words in Balto-Slavic*, Filologija, 2013, 60, 75–101.
- Mayrhofer M., *Etymologisches Wörterbuch des Alttindoirischen*, 1–3. Heidelberg, 1992–2001.
- Miklosich F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Aalen, 1977.
- Minlos F. R., Refleksy slav. *CelC v vostochnoslavianskikh iazykakh, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2002, 1, 198–203.
- Myznikov S. A., *Russkie govory srednego Povolzh'ja*, St. Petersburg, 2005.
- Otrębski J., *Gramatyka języka litewskiego*, 1–3, Warszawa, 1956–1965.
- Petleva I. P., Arkhaicheskie prefiks v russkikh govorakh, *Etimologicheskie issledovaniia*, 1996, 6, 31–38.
- Pokorny J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern, München, 1959.
- Razpet M., *Kako se reče po cerkljansko*, Ljubljana, 2006
- Rejzek J., *Český etymologický slovník*, Brno, 2001.
- Saenko M. N., Formant *- ѿ' i sklonenie slov tipa *nogӯt', *olkӯt', *degӯt', *deset' i *d'n' v praslavianskom, *Rossica Olomucensia*, 2019, 58/1, 5–24.
- Saenko M. N., *Ocherki po slavianskoi somaticeskoi leksiķe*, Moscow, 2022.
- Schuster-Šewc H., *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, 1–24, Bautzen, 1978–1989.
- Shevelov G., *A Prehistory of Slavic*, Heidelberg, 1964.
- Shevelov G., *A historical phonology of the Ukrainian language*, Heidelberg, 1979.
- Shklifov B., Rečnički na kosturskih govor, *Bulgarska dialektologija. Prouchvaniia i materiali*, 8. Sofia, 1977, 201–328.
- Snoj M., *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana, 2016.
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A., *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*, Leiden, 2003.
- Statieieva V. I., Staris'kii Mikhailo Petrovich, *Ukrains'ka mova. Entsiklopediia*, Kyiv, 2004, 639.
- Stijović R., *Rečnik Vasovojevića*, Belgrade, 2014.
- Šimunović P., *Rječnik braćkih čakavskih govora*, Zagreb, 2009.
- Tominec I., *Črnovrški dialekt*, Ljubljana, 1964.
- Umlenski I., *Kiustendilskiat govor*, Sofia, 1965.
- de Vaan M., *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*, Leiden, Boston, 2008.
- Vranić S., Oštaric I., *Rječnik govora Novalje na otoku Pagu*, Novalja, 2016.
- Weiss P., *Slovar govorov Zadrečke doline med Gornjim gradom in Nazarjami*, Ljubljana, 1998.
- Zaliznyak A. A., *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*, Moscow, 2019.
- Zholobov O., The corpus of the Old Russian copies of the Paraenesis of Ephraem Syrus. III, 1: BAN 31.7.2, *Russian Linguistics*, 2011, 35, 361–380.
- Zhuravlev A., Unproductive Prefixes in East-Slavic Dialects (Etymological Heuristics; Identification Difficulties), *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 6, 44–61.
- Zobenica S., From the lexicon of eastern Like (Donji Lapac and Jošan), *Srpski dijalektološki zbornik*, 2016, 63, 735–838.

Михаил Николаевич Саенко, кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Россия / Russia
michail.sajenko@yandex.ru

Received January 21, 2023

Фразовая просодия двух восточных среднерусских говоров

Сергей Владимирович
Князев,
Светлана Владимировна
Дьяченко

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Phrase Prosody of Two Eastern Middle-Russian Dialects

Sergey V. Knyazev,
Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена исследованию интонационной системы в соседних акающем и окающем восточных среднерусских говорах Меленковского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области на материале записей 2008 и 2009 г. общей длительностью 19 часов. Результаты исследования фразовой просодии владимирских говоров дают основания для утверждения о том, что в целом просодическая система говоров близка литературной как в отношении наличия сходных тональных акцентов (L^* , H^*+L , L^*+H), так и в плане интонационного оформления базовых коммуникативных категорий — утверждения, общего и частного вопроса, незавершенности, императива. Основные ее отличия от литературной заключаются 1) в наличии специфического восходящего тонального акцента $L+H^*$, используемого для оформления утвердительных и императивных высказываний; 2) в наличии как минимум в прошлом тонального акцента H^* (в акающих говорах);

Цитирование: Князев С. В., Дьяченко С. В. Фразовая просодия двух восточных среднерусских говоров // *Slověne*. 2023. Vol. 12, № 1. С. 155–224.

Citation: Knyazev S. V., Dyachenko S. V. (2023) Phrase Prosody of Two Eastern Middle-Russian Dialects. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 155–224.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.05

3) реализации восходящих тональных акцентов с отрицательным заносом (понижением частоты основного тона на предударном гласном); 4) более раннем тайминге восходящего L*+H и нисходящего H*+L тональных акцентов; 5) регулярном использовании высокого начального пограничного тона; 6) широком распространении нисходящего конечного пограничного тона (HL%); 7) наличии следов «пословного» тонального оформления высказывания. При этом различия между акающим и окающим говорами минимальны и заключаются не в наборе тональных фонологических средств, а в характере фонетической реализации и степени выраженности фонологических контрастов, а также в степени распространенности тех или иных просодических явлений.

Ключевые слова

восточные среднерусские говоры, фонетика, интонация, тональный акцент, пограничный тон

Abstract

This paper deals with the phrase intonation of two neighboring Eastern Middle-Russian dialects with okan'je and akan'je spoken in Melenki and Gus'-Khrustal'ny districts of Vladimir region. The study, based on the material of dialectal speech recordings made in the 2008 and 2009 (nine speakers born in 1914–1940, total duration – 19 hours), reveals that the prosodic system of these dialects is relatively similar to that one of the Modern Standard Russian, sharing with it most pitch accents (L*, H*+L, L*+H) and association of tonal structures with the basic communicative categories – statements, yes-no questions, wh-question, non-finality, commands and requests. The main distinctive properties of the Vladimir dialect as compared to Standard Russian are: 1) phonological distinction between two rising pitch accents – L*+H and L+H*; 2) probable H* pitch accents in dialects with akan'je; 3) “falling set-up” on pretonic syllable for rising pitch accents; 4) earlier timing of rising L*+H and falling H*+L pitch accents; 5) phonological distinction between two initial boundary tones – %L and %H; 6) the wide distribution of falling final boundary tone HL%; 7) some traces of ‘word-to-word’ tonal prominence. Meanwhile, the difference between the two Vladimir dialects themselves is not that noticeable and lies in the domain of phonetic realization and the degree of manifestation of particular elements of prosodic structure, as well as in the degree of their prevalence rather than in the set of prosodic units.

Keywords

Eastern Middle-Russian dialects, phonetics, phrase prosody, pitch accent, boundary tones

1. Введение

Более 20 лет назад Р. Ф. Касаткина справедливо отмечала: «Хорошо известно, как незначительно, фрагментарно исследована фразовая интонация диалектной речи. При этом наименее изученной оказывается интонация южнорусских говоров – по severnorusskoy интонации публикации все же имеются, хотя их немного и касаются они лишь не-

которых участков огромного интонационного поля» [Касаткина 2002: 134]. Как представляется, в еще большей степени замечание Р. Ф. Касаткиной о неизученности фразовой просодии относится к среднерусским говорам. Целью настоящей статьи является предварительное описание базовых тональных параметров, использующихся в двух соседних среднерусских говорах – окающем и акающем – для оформления основных коммуникативных категорий.

Р. Ф. Касаткина, обсуждая вопрос о необходимости создания диалектного интонационного атласа, отмечала, что в ходе его подготовки должны быть в первую очередь рассмотрены следующие вопросы: «1) как интонационно оформляется утвердительное высказывание; 2) как интонационно оформляется незавершенное высказывание и существуют ли разные способы оформления незавершенности; 3) как оформляется высказывание, содержащее вопрос без вопросительного слова (общий вопрос); 4) есть ли в данной системе специальный контур для оформления вопроса с инициальной частицей *а*; 5) как оформляется высказывание – вопрос с вопросительным словом; 6) есть ли специальный контур для оформления переспроса» [Касаткина 2002: 135].

Мы будем следовать этой схеме описания с некоторыми уточнениями, касающимися как порядка изложения, так и набора рассмотренных категорий, включив в него оформление вокатива и императива и исключив вопрос с частицей *а* (который включен в список, по-видимому, преимущественно с целью элиминации контура типа ИК-4, который вполне существует в говоре в других условиях).

Таким образом, ниже полученные в ходе исследования результаты представлены в следующей последовательности: общий вопрос, утверждение (нейтральное и ненейтральное), вопрос с вопросительным словом, незавершенность, вокатив, императив. Эти данные предваряются разделами о материале исследования и принципах его описания.

2. Материал, информанты и краткая характеристика говора
 2.1. Материалом исследования **окающего** владимирского говора (ВЛОк) служили звуковые записи спонтанной речи жительниц д. Лазаревка и сел Заколпье, Крюково Гусь-Хрустального района, с. Синжаны и д. Тимошино Меленковского района Владимирской области¹.

Все информанты – коренные деревенские жительницы, т. е. и сами они, и их предки родились и всю жизнь прожили в тех населенных

¹ Аудиозаписи сделаны С. В. Дьяченко и И. И. Исаевым в экспедиции 2009 г., хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН. Общий объем записанных материалов – около 19 часов, из них 10,5 часов записано в окающих и 8,5 часов – в акающих владимирских говорах.

пунктах, где были сделаны записи. Расстояние между этими населенными пунктами составляет от 5 до 30 км, ниже они обозначены на карте красными кружками (рис. 2.1): самый северный — д. Лазаревка, на юго-запад от него — с. Крюково, далее на юго-запад — с. Заколпье, на юго-восток — с. Синжаны, самый южный пункт — д. Тимошино.

1. ЕФБ1923 — д. Лазаревка Гусь-Хрустального района, образование 3 кл.,
2. ЕФБ1928 — д. Лазаревка Гусь-Хрустального района (родная сестра ЕФБ1923), 4 кл.,
3. ЕАС1932 — с. Крюково Гусь-Хрустального района, 7 кл. и курсы почтальонов,
4. МОЯ1925 — с. Заколпье Гусь-Хрустального района, 4 кл.,
5. ЕПС1920 — с. Заколпье Гусь-Хрустального района, 1,5 кл.,
6. МНК1928 — д. Синжаны Меленковского района, 4 кл.,
7. НФС1930 — д. Синжаны Меленковского района, 6 кл.,
8. ПЕГ1914 — д. Тимошино Меленковского района, 1 кл.

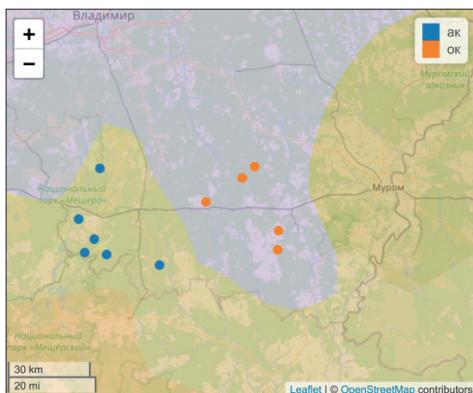

Рис. 2.1.

Рассматриваемый говор характеризуется пятифонемным ударным вокализмом, чередованием ударных гласных [е]/[и] в зависимости от твердости/мягкости последующего согласного ([м'е́сть], [л'ес], но [м'и́съц], [д'и́н'г'и], [з'д'и́с']), неполным оканьем, при котором в первом предударном слоге после твердых согласных фонемы /а/ и /о/ различаются, а в других безударных слогах совпадают, как правило, в звуке [ъ]

(который иногда, обычно во втором предударном прикрытом слоге, сокращается практически до нуля), но в конечном открытом слоге перед паузой — чаще в [а]: [воз'и́ла], [жона́], [дава́л], [ръспрос'и́л], [пм'ина́ла], [пло́ха]. В начальном неприкрытом втором предударном слоге /а/ и /о/ нейтрализуются в звуке [у]: [утр'еза́т'], [утказа́л]. После мягких согласных перед твердыми в первом предударном слоге наблюдается различие [а], [о], [е], а перед мягкими — различие [а] и [е], в других безударных слогах /а/, /о/ и /е/ нейтрализуются в и-образном звуке (но в конечном открытом слоге /а/ обычно представлена а-образным звуком, а /о/ и /е/ — е-образным): [с'емна́ццът'], [с'остра́], [к рычага́м-тъ], [пръв'ер'ай], [тр'ас'от], [п'ир'ейт'и], [в'еч'иръм], [ду́с'a], [гр'и́н'к'e].

Информанты в большинстве демонстрируют хорошую степень сохранности говора, отступления от описанной выше системы единичны. Только одна из информанток, ЕАС1932, в этом отношении отличается от остальных: будучи достаточно хорошо образованным по деревенским меркам того времени человеком, она всю жизнь проработала на почте и была ориентирована на «городскую» речь, чему способствовало также то, что немало времени она проводила у двух своих дочерей, проживающих в городе. В частности, наряду с примерами различения гласных /o/ и /a/, в ее речи встречаются и случаи неразличения (аканья), т. е. произношения [a] на месте /o/: [котá], [згор'ёла], [уход'ила] но [харошуйу], [ад'д'ёл кадръф], [кан'ч'ала], [ган'ал'и]. Практически не встречается в речи ЕАС1932 примеров ёканья, т. е. после мягких согласных в первом предударном слоге различаются только [e] и [a] (впрочем, тоже непоследовательно, зачастую совпадая в *и*-образном звуке), независимо от твердости/мягкости последующего согласного: [н'ич'ево], [фс'ему], [п'етрób'ич'], [св'аш'ш'ён'н'ик] и [св'иш'ш'ён'н'ик], [д'илá], [т'ижольй], [р'ип'ей], [см'иоцца] и т. д. Тем не менее в плане интонационного оформления речи идиолект ЕАС1932 почти не отличается от идиолектов остальных информантов.

2.2. Материалом исследования **акающегого** владимирского говора (ВЛ-ак) служили звуковые записи спонтанной речи жителей (шести женщин и одного мужчины) деревень Труфаново, Мокрое, Тальново, Старково, Рязаново и Уляхино Гусь-Хрустального района Владимирской области². Выше на карте (рис. 2.1) эти деревни обозначены синими кружками: самый северный пункт — д. Труфаново, в 20 км на юго-запад — д. Мокрое, в 25 км на юг от Труфаново — д. Тальново, в 5 км на юго-запад от д. Тальново — д. Старково, а в 6 км на юго-восток — д. Рязаново, в 20 км далее на восток — д. Уляхино.

Все информанты — также коренные деревенские жители, никуда из родных деревень надолго не уезжавшие.

1. ТМГ1938 — д. Труфаново, образование 7 кл.,
2. НАР1934 — д. Мокрое, неграмотная,
3. ЕВС1940 — д. Тальново, 2 кл.,
4. КАМ1939 — д. Старково, 5 кл.,
5. ВСМ1934 — д. Старково, 2 кл.,

² Аудиозаписи сделаны С. В. Дьяченко, И. И. Исаевым и Е. В. Корпековой в двух экспедициях 2008 и 2009 гг., хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН. В экспедиции 2008 г. всего было записано около 23 часов, из них 6 часов в окающих и 17 часов — в акающих владимирских говорах. О материалах экспедиции 2009 г. см. сноска 1.

6. ТКК1914 – д. Рязаново, 3 кл.,

7. НИГ1919 – д. Уляхино, 2 кл.

Рассматриваемые акающие говоры не вполне однородны как в отношении системы гласных, так и в отношении системы согласных. Ниже кратко характеризуются эти различия.

Ударный вокализм говора деревень Тальново и Старково семифонемный: фонемы верхне-среднего подъема реализуются звуками [ē] и [ō], а фонемы среднего подъема – звуками [e] и [o]. В говоре деревень Труфаново, Мокрое, Рязаново и Уляхино этого противопоставления не наблюдается, ударный вокализм пятифонемный. В области предударного вокализма говоры Тальнова, Старкова, Труфанова, Мокрого и Рязанова не различаются: всюду сильное аканье и непоследовательное еканье с вариативностью [e]/[i] в первом предударном слоге. В говоре д. Уляхино сильное аканье и яканье сложного устройства, которое в первом приближении может быть описано как умеренное: перед твердыми согласными гласные неверхнего подъема совпадают в звуке [a], а перед мягкими – в звуке [e], более подробное описание вокализма этого говора см. в: [Мораховская 1957] и [Исаев 2004].

Различия наблюдаются также в том, как устроена система согласных. Говор Старкова и Тальнова характеризуется апикальной артикуляционной базой. Переднеязычные согласные перед гласными переднего ряда слабо палатализованные: [н·им·éдл·инъ], [т·ирп·íймъ], [д·éнг·и], перед гласными непереднего ряда противопоставление мягких/немягких согласных выражается преимущественно посредством гласных: после «мягких» переднеязычных наблюдаются гласные, имеющие дифтонгический характер: [кат·йонка], [пар·йадък], после губных – «j+гласный»: [п·јат'], [вýм·ја]. С этой «немягкостью» согласных, вероятно, связано то, что жителей Тальнова и Старкова, которые в былье времена ездили по России продавать ковры собственного изготовления, в других регионах называли «хохлами» (об этом рассказывает информантка ЕВС1940). В говоре деревень Труфаново, Мокрое, Рязаново и Уляхино переднеязычные согласные дорсальные. Говор деревни Уляхино, в отличие от всех остальных рассмотренных, характеризуется при этом твердым цоканьем.

2.3. Владимирские говоры относятся к Владимирско-Поволжской группе говоров, их яркой типологической особенностью является двухступенчатость редукции безударных гласных, которая «выражена с предельной силой, гласные длиннее согласных своего слога, предударный гласный нередко равен, а часто длиннее ударенного» [Высотский 1971: 35]; соотношение длительностей гласных второго предударного – пер-

вого предударного и ударного слогов составляет 10% – 103% – 100% [Ibid.: 38]. Наоборот, северорусские говоры представляют собой «резко противоположный предыдущим тип по реализации двухступенчатости. Последняя выражена очень слабо» [Ibid.: 36] (51% – 57% – 100% [Ibid.: 38]). В западных среднерусских говорах «двухступенчатость выражена несколько больше» [Ibid.: 36], нежели в северных (58% – 80% – 100% [Ibid.: 38]), но далеко не так ярко, как во владимирских. Соотношение длительности ударного и первого предударного слогов может влиять на выбор места размещения тонального акцента в слове: так, в московском варианте современного русского литературного языка (СРЛЯ) тональный максимум восходящего заноса в вопросах с вопросительным словом и утверждениях с узким фокусом (ИК-2) достигается существенно раньше, чем в вологодском варианте, где длительность первого предударного слога относительно ударного заметно меньше, чем в московском [Duryagin, Knyazev 2022].

3. Принципы описания материала: интонационная фонология владимирских говоров

3.1. Описание фразовой просодии владимирских говоров ниже строится с использованием системы ToBI — наиболее распространенной в настоящее время модели фиксации фразовых просодических явлений [Jun 2005; 2014], разработанной на базе автосегментно-метрической фонологии [Pierrehumbert 1980; Beckman, Hirschberg 1994; Beckman et al. 2005]. По сравнению с моделью Е. А. Брызгуновой она позволяет осуществлять более подробную фиксацию просодических событий — в первую очередь, в отношении тайминга тональных изменений и характеристики постакцентной части высказывания.

В автосегментно-метрической фонологии просодия описывается как трехуровневая система, включающая в себя

- **просодические единицы** разной размерности,
- ассоциированные с ними **тональные явления** и
- разделяющие их границы — **просодические швы** ('prosodic breaks').

Просодические единицы образуют континuum от минимальных до самых крупных: мора (M) — слог (Syl) — стопа (F) — лексическое слово в роли просодической единицы (Wd) — фонетическое слово (prosodic word, PrWd) — акцентная группа (accentual phrase, AP) — синтагма (intermediate phrase, ip) — фраза (intonational phrase, IP) — высказывание (utterance, Ut). В языках мира набор этих единиц может быть различным.

Тональные просодические явления подразделяются на лексические (слоговые и словесные тоны) и постлексические (фразовые),

собственно интонационные, ассоциированные с единицами, большими чем слово: 1) тональные акценты (pitch accents), служащие для выделения одной из единиц в ряду подобных; 2) начальные и конечные пограничные тоны (boundary tones), маркирующие границы между единицами; 3) фразовые тоны (phrase accents), связывающие тональные акценты и пограничные тоны³. Тональные акценты подразделяются на ядерные (nuclear)⁴ [Selkirk 1984], несущие основную коммуникативную нагрузку и тяготеющие к концу фразы, и неядерные (орнаментальные). Эти элементы просодической структуры на материале севернорусских диалектов описаны в [Князев 2022a; Idem 2022b].

Наши предварительные наблюдения над фразовой просодией двух разных владимирских говоров позволяют считать, что различия между ними заключаются не в наборе тональных фонологических средств, а в характере фонетической реализации и степени выраженности фонологических контрастов, а также в степени распространенности тех или иных просодических явлений. На этом основании мы будем описывать интонацию двух говоров в целом, указывая, конечно, на возможные различия между ними.

3.2. Проведенный нами анализ дает основания выделить в исследованных восточных среднерусских говорах следующие тональные явления:

- тональные акценты: L+H*⁵, L*+H (восходящие), (H+)L*, H*+L (низкий и нисходящий, условно — нисходящие), H* (высокий);
- начальные пограничные тоны: %H (высокий) и %L (низкий);
- конечные пограничные тоны: H% (высокий), L% (низкий) и HL% (нисходящий);
- фразовые тоны согласно нашим данным контрастивными во ВЛ-ак и ВЛ-ок не являются.

3.2.1. Тональные акценты (H+)L* и H*+L весьма сходны с теми, которые характеризуют нисходящее движение тона в центре, соответственно, ИК-1 и ИК-2 литературного языка [Брызгунова 1980: 109–111]. Основное различие между этими двумя типами заключается в тайминге нисходящего тонального движения [Odé 1989; Igarashi 2006, 2008]: в случае ИК-1 падение тона происходит раньше (обычно в инициали ударного

³ Здесь перечислены основные функции, их набор этим, конечно, не исчерпывается.

⁴ В отечественной лингвистике они могут называться рематическими [Падучева 1996], выделительными [Кодзасов 2009], несущими [Кибрик, Подлесская, Коротаев 2009: 85–88], коммуникативно релевантными [Янко 2001] и др.

⁵ Астериском (*) в автосегментно-метрической системе просодической аннотации ToBI отмечается тот тон, который наиболее стабильно ассоциируется с ударным слогом акцентоносителя.

слога акцентоносителя), чем в случае ИК-2 (на ударном гласном, иногда продолжается на заакцентных слогах) — см. рис. 3.1. Еще одно отличие — возможное повышение частоты основного тона (ЧОТ) перед падением («занос») в случае акцента H^*+L (ИК-2).

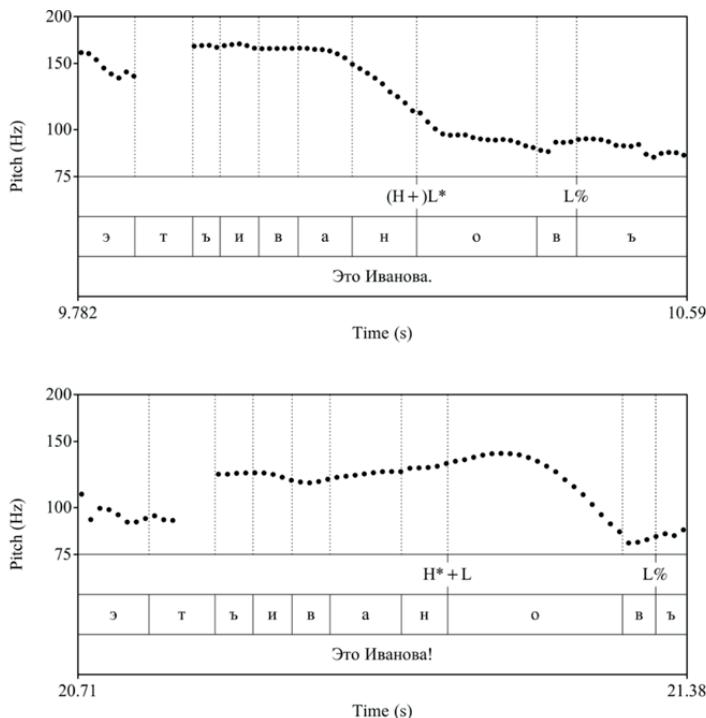

Рис. 3.1. Вверху: кривая ЧОТ фразы *Это Иванова* (нейтральное утверждение, ИК-1, СРЛЯ); внизу: кривая ЧОТ фразы *Это Иванова!* (ненейтральное утверждение, ИК-2, СРЛЯ)

В автосегментно-метрической модели различие между этими тональными акцентами может интерпретироваться по-разному: как противопоставление двух битональных $H+L^*$ и H^*+L [Igarashi 2008] или как оппозиция битонального и монотонального акцентов — L^* vs. $H+L^*$ [Makarova 2003; 2007] либо $H+L^*$ vs. H^* [Igarashi 2006]. Мы интерпретируем сходный с ИК-2 акцент с падением на ударном гласном во владимирских говорах как H^*+L , а сходный с ИК-1 акцент с более ранним таймингом — как L^* , это связано с характером взаимодействия начального пограничного тона и тонального акцента в анализируемых говорах, см. ниже § 3.2.4. Соответствующие примеры приведены на рис. 3.2 (L^*) и 3.3 (H^*+L на слове *рюки*).

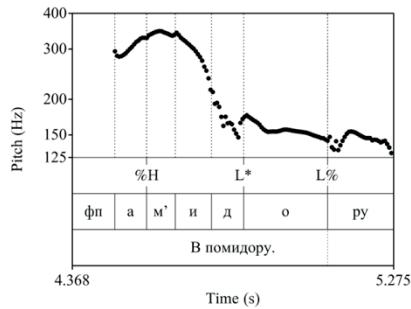

Рис. 3.2⁶. Кривая ЧОТ фразы *В помидору* (слева) и *Завтра привезут* (внизу)
KAM1939-ак

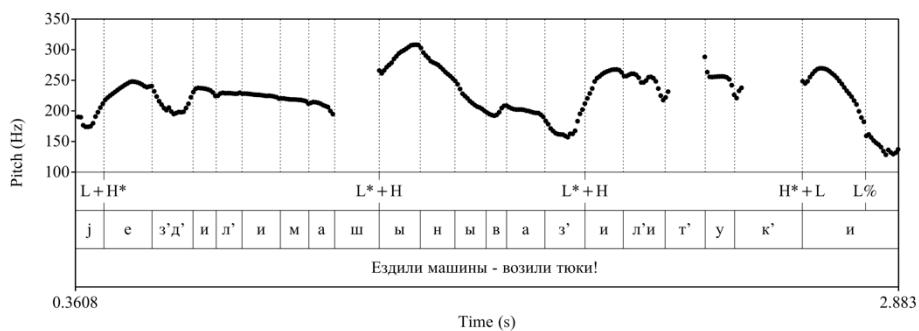
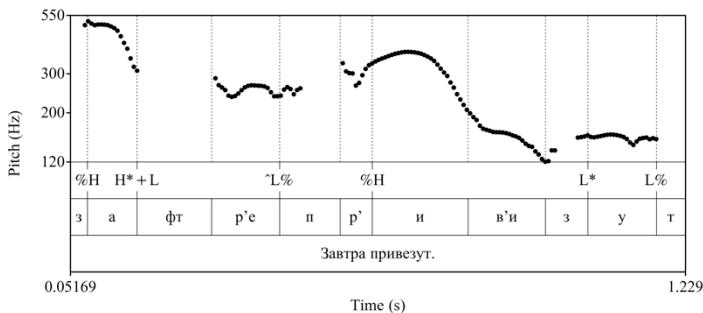

Рис. 3.3. Кривая ЧОТ фразы *Ездили машины – возили тюки!* KAM1939-ак

⁶ В подписях к рисункам используется упрощенная транскрипция, в которой отражаются лишь основные произносительные особенности. Кроме того, все фразы приводятся в орфографической записи. Если кривая ЧОТ на рисунке представляет собой фрагмент фразы (и он дается в транскрипции), в строке орфографической записи обычно приводится весь вопрос целиком. Тональный максимум на графиках обозначается знаком H, тональный минимум – знаком L, тональный акцент маркируется знаком *, пограничный тон – знаком %.

3.2.2. Одной из самых ярких особенностей просодической системы исследованных говоров является наличие в ней **двух восходящих тональных акцентов – L+H* и L*+H** (в отличие от одного, общего для ИК-3 и ИК-6, в СРЛЯ). И в этом случае основное отличие между ними заключается в тайминге — месте достижения точки максимума частоты основного тона (см. рис. 3.5–3.7, 3.41, 3.42): в случае L*+H он приходится обычно на конечную часть ударного гласного (в редких случаях — на согласный или гласный следующего слога — см. рис. 3.9), в случае L+H* — на его первую часть или середину⁷. Другое отличие — наличие значимого понижения тона на ударном слоге после его повышения, т. е. сопоставимая длительность и тональный интервал восходящего и нисходящего движений, в случае L+H*, см. рис. 3.5–3.7, 3.41 (особенно показательным является пример 3.5 с двумя разными акцентами на одном и том же слове *его* в идентичной фразовой позиции).

При этом фонетически в акающем и окающем говорах данное фонологическое различие выражено не совсем одинаково: в первом тональный максимум L+H* достигается несколько раньше и за ним часто следует отрезок с ровным высоким тоном (см. рис. 3.7); во втором максимальное значение частоты основного тона фиксируется несколько позже, но после этого тон обычно сразу понижается (см. рис. 3.6).

Важное отличие L*+H от тонального акцента ИК-3/ИК-6 литературного языка заключается в понижении частоты основного тона на предударном гласном перед последующим подъемом на ударном слоге акцентоносителя — см. выше рис. 3.3., ниже рис. 3.6, и далее 4.4, 4.8,

⁷ Фонетическое различие между L*+H и L+H* может быть выражено очень по-разному. Мы используем эти (и другие) символы приблизительно в том же значении, что А. Арванити и М. Балтазани в описании фразовой просодии греческого языка: «*H* High pitch accent*: often used as the nucleus in broad focus declaratives and realized as an Fo peak which is preceded by (at most) a small rise. *L* Low pitch accent*: typically realized as a low plateau. *H*+L Falling pitch accent*: phonetically, it is realized as a fall from high pitch, with the fall being completed by the end of the accented syllable. *L+H* Rising pitch accent*: in this accent the H is preceded by a noticeable dip and aligns roughly in the middle of the accented vowel; often used to signal narrow focus. *L*+H Rising pitch accent*: in this accent the L tone typically aligns just before the onset of the accented syllable, while the H tone typically aligns with the beginning of the first post-accentual vowel. > *Early pitch accent diacritic*: marked before L*+H, it indicates that the accent aligns earlier than typically expected (usual in tonal crowding). < *Late pitch accent diacritic*: marked before L*+H, it indicates that the accent aligns later than typically expected (usual in tonal crowding). *W Weak (undershot) pitch accent diacritic*: marked before L*+H it indicates that the L tone is higher than typically expected; marked before L* it indicates that the L is realized as a low point rather than a plateau; both realizations are often found in conditions of tonal crowding. ! *Downstep pitch accent diacritic*: marked before the H tone of a pitch accent it indicates downstep, the lower than expected value of the H tone» [Arvaniti, Baltazani 2005: 113–114].

4.12, 4.14⁸. Эта специфическая особенность владимирских говоров отмечена нами более чем в 2/3 всех случаев с наличием предударного слога в акцентированном слове. Интервал падения составляет при этом обычно более 2 полутона (в среднем – 3,5 полутона), что, несомненно, является как перцептивно, так и коммуникативно значимым тональным изменением (для создания различия в степени выделенности при одном и том же типе мелодического контура достаточно разницы в полтора полутона [Rietveld, Gussenhoven 1985: 304]).

В описаниях русской интонации неоднократно отмечалось, что в мелодическом контуре, оформляющем вопрос с вопросительным словом и утверждение с «узким фокусом» (ИК-2) перед падением тона на ударном гласном акцентоносителя происходит повышение ЧОТ на предударном слоге. Начиная с работы [Всеволодский-Гернгросс 1922: 47] такое предударное повышение обычно называют (восходящим) «заносом» [Keijsper 1983; Eadem 1992; Odé 1989; Кодзасов 2009: 18, 168]; обычно при этом считается, что оно является факультативным и служит для увеличения интервала тонального падения. О другом типе заноса – нисходящем – вскользь упоминал С. В. Кодзасов, связывая его с необходимостью реализовать акцент с увеличенным (по сравнению со стандартным) тональным интервалом: «Уровни базового тона не только определяют интегральную характеристику высказывания и его частей, но и задают референциальную шкалу для тональных акцентов, прежде всего для оценки интервала изменения тона [...] По-видимому, следует считать признак троичным: наряду со средними по интервалу изменениями (в пределах 1/2– 2/3 октавы) бывают большие (порядка 1 октавы) и малые (порядка 1/3 октавы) [...] Очевидным образом, интервальные возможности отчасти ограничены уровнем, на котором начинается тон: большой интервал восходящего возможен лишь при низком начале, а большой интервал нисходящего – при высоком начале... Иногда интервал восходящего может доходить до 1,5 октавы – это достигается с помощью нисходящего заноса» [Кодзасов 2009: 25].

Во владимирском говоре, однако, интервал восходящего тонального акцента в случае предударного падения тона составляет в среднем 76 Гц (с 211 до 287 Гц), т. е. 36% от минимального значения (26% от максимального), что соответствует не просто не сверхбольшому, но и не большому и даже не среднему, а малому тональному интервалу («порядка 1/3 октавы») в терминах С. В. Кодзасова. Таким образом, нисходящий занос явным образом не является средством реализовать тональное движение с увеличенным интервалом.

⁸ В случае акцента L+H* это явление тоже частотно, но менее регулярно –ср. рис. 3.3, 3.6 и 3.7.

Если по каким-то причинам (например, вследствие отсутствия предударных слогов) низкая тональная цель не была реализована до ударного гласного, она реализуется в его начале, а тональный максимум смещается на заударный слог (<L*+H> — см. рис. 3.10–3.12).

Тональный акцент L+H* отличается от акцента H*+L низким (нисходящим), а не высоким (восходящим) тоном предакцентного слога (см. рис. 3.3, 3.6, 3.7).

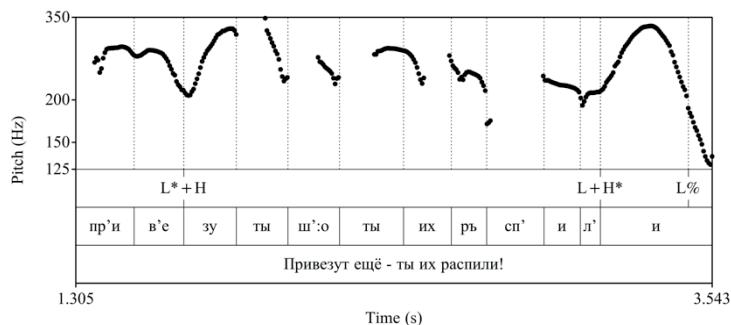

Рис. 3.4. Кривая ЧОТ фразы *Привезут ещё – ты их распили!* КАМ1939-ак

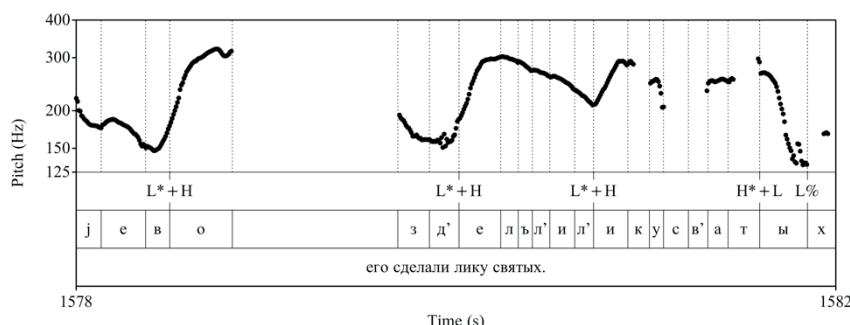
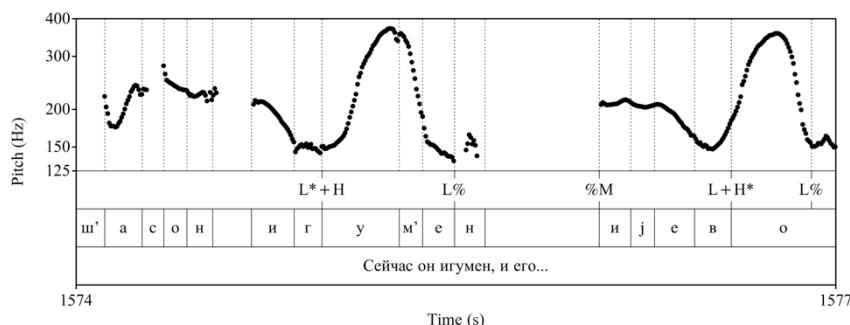

Рис. 3.5. Кривая ЧОТ фразы *Сейчас он игумен, и его... его... сделали лицу святых* ЕАС1932-ок

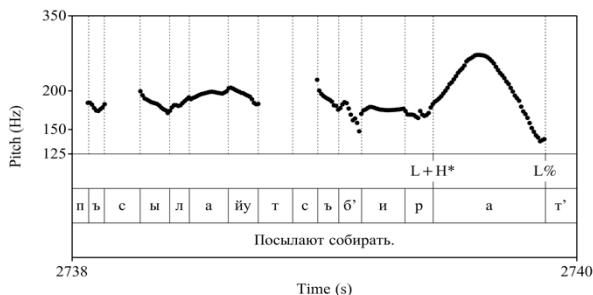
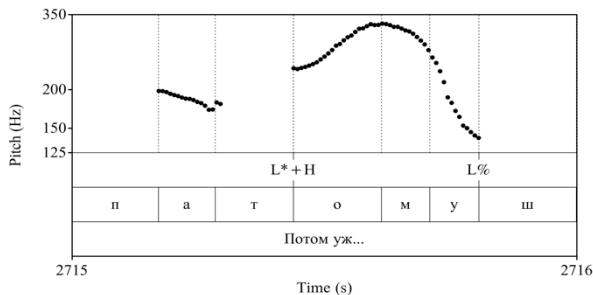

Рис. 3.6. Кривая ЧОТ фразы
*Потом уж... посылают
собирать* ТМГ1938-ак

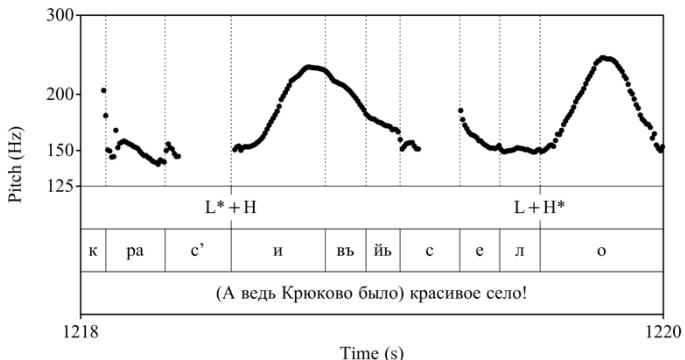
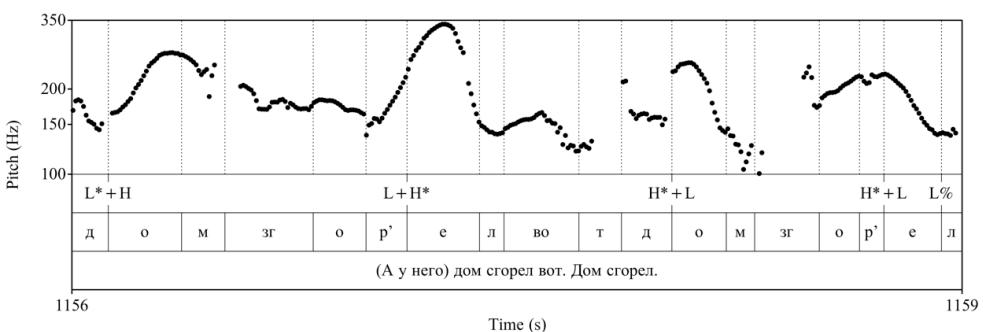

Рис. 3.7. Кривая ЧОТ
фразы *(А у него)
дом сгорел вот.
Дом сгорел. (А ведь
Крюково было)
красивое село!*
ЕАС1932-ок

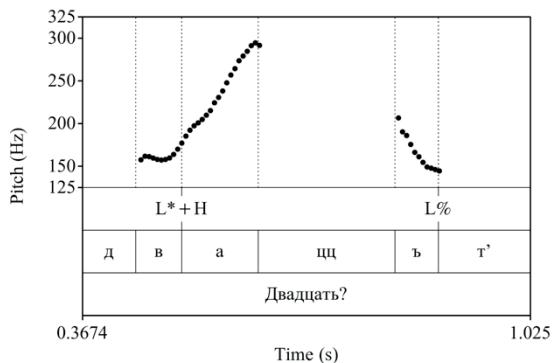

Рис. 3.8. Кривая ЧОТ фразы
Двадцать? КАМ1939-ак

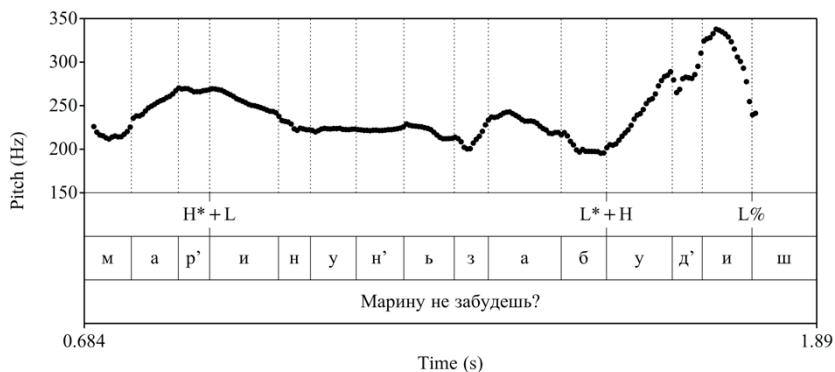

Рис. 3.9. Кривая ЧОТ общего вопроса *Марину не забудешь?* ЕАС1932-ок

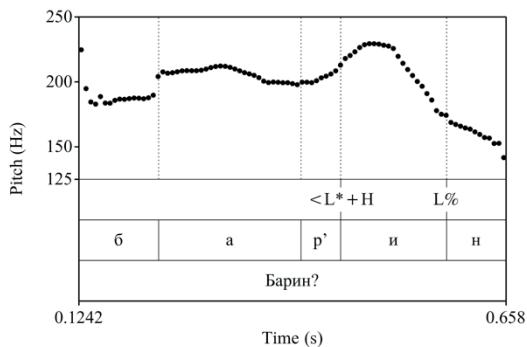

Рис. 3.10. Кривая ЧОТ фразы
Барин? ЕФБ1923-ок

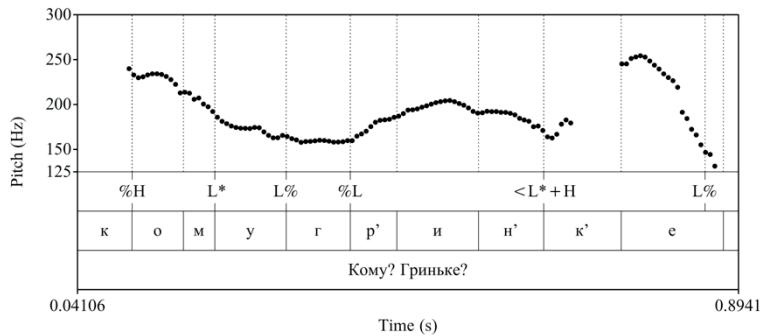

Рис. 3.11. Кривая ЧОТ фразы *Кому? Гриньке?* ЕФБ1923-ок

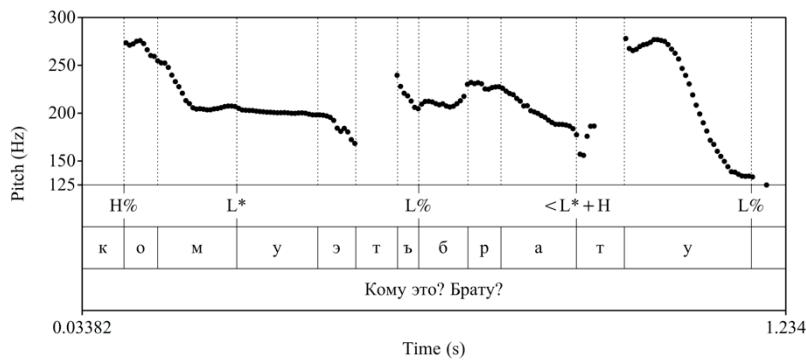

Рис. 3.12. Кривая ЧОТ фразы *Кому это? Брату?* ЕФБ1923-ок

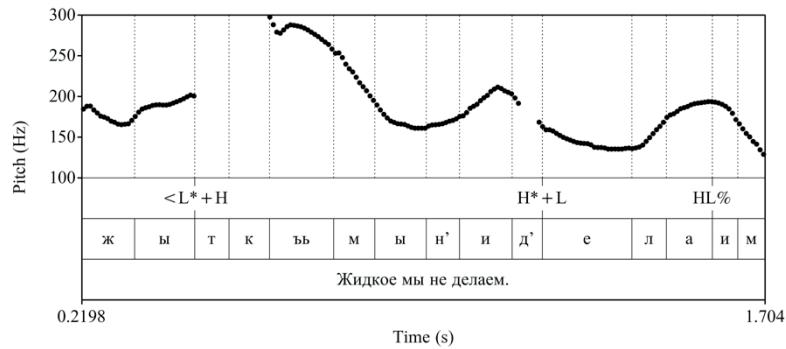

Рис. 3.13. Кривая ЧОТ фразы *Жидкое мы не делаем.* КАМ1939-ак

3.2.3. Кроме ровного низкого тонального акцента L^* в исследованных говорах (почти исключительно — в акающем) встречается и мелодический контур с ровным высоким тоном на ударном гласном акцентоносителя (H^*) — как в вопросительных (преимущественно в переспросах), так и в утвердительных предложениях (см. ниже рис. 3.14–3.20).

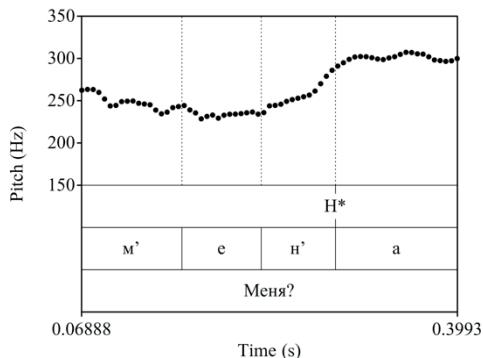

Рис. 3.14. Кривая ЧОТ фразы
Меня? НАР1934-ак

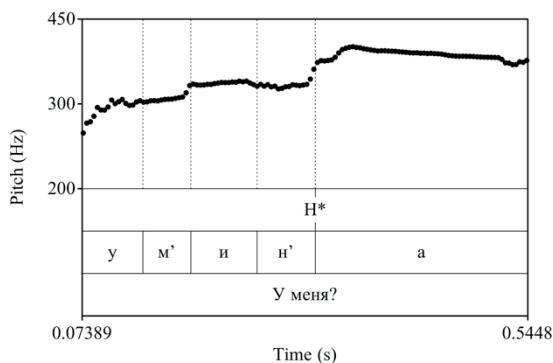

Рис. 3.15. Кривая ЧОТ фразы
У меня? ЕВС1940-ак

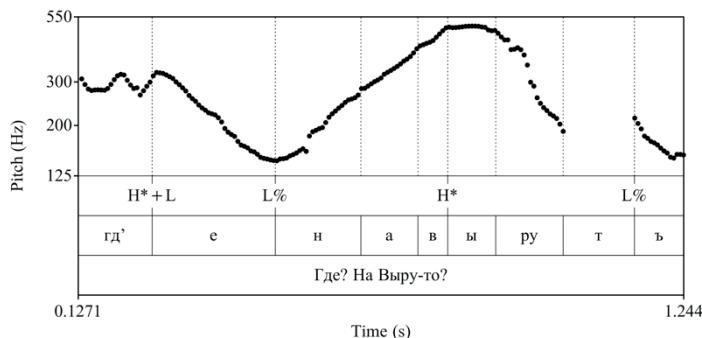

Рис. 3.16. Кривая ЧОТ фразы Где? На Выру-то? КАМ1939-ак

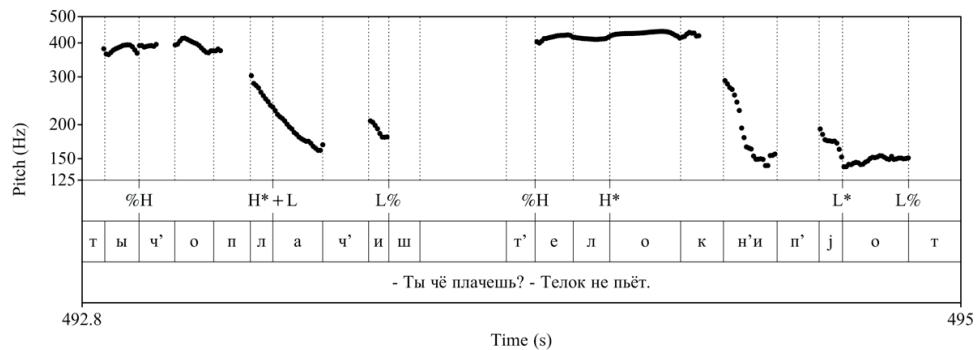

Рис. 3.17. Кривая ЧОТ фразы *Телок не пьёт* ЕВС1940-ак

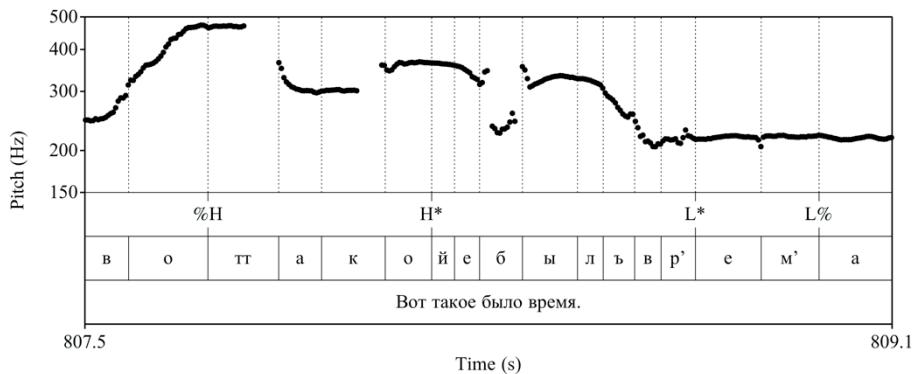

Рис. 3.18. Кривая ЧОТ фразы *Вот такое было время* ЕВС1940-ак

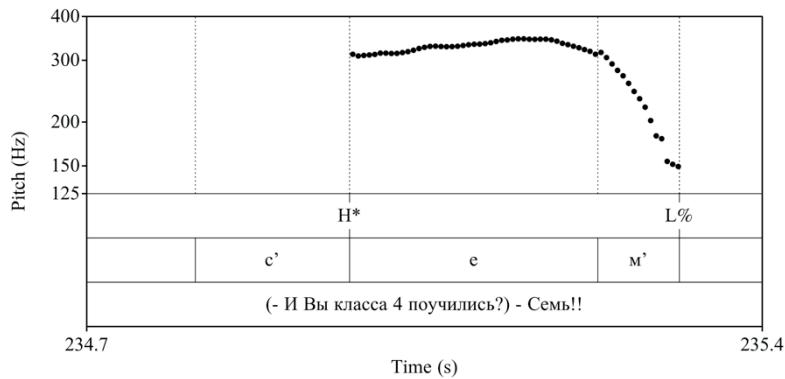

Рис. 3.19. Кривая ЧОТ фразы *Семь!* ТМГ1938-ак

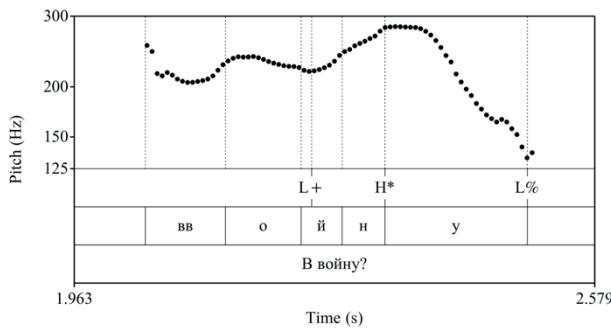

Рис. 3.20. Кривая ЧОТ общего вопроса *В войну?* МНК1928-ок

3.2.4. В описаниях интонации литературного русского языка фонолингвистических различий между начальными пограничными тонами обычно не фиксируется — отмечается лишь, что тон в предцентровой части ИК может быть сосредоточен в средней, средне-верхней или средне-нижней полосе частотного диапазона [Брызгунова 1980: 109–118].

Яркой особенностью владимирских говоров является противопоставление низкого (см. выше рис. 3.5, 3.7) и высокого (3.11, 3.12, 3.17, 3.18 и 3.21) начальных пограничных тонов.

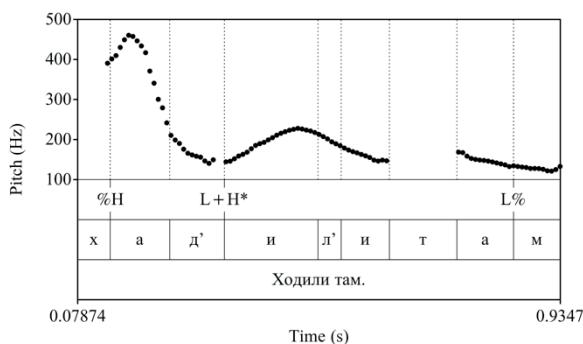

Рис. 3.21. Кривая ЧОТ фразы *Ходили там* КАМ1939-ак

3.2.5. В русском литературном языке просодическое оформление некоторых типов высказываний, например, ИК-3 vs. ИК-6, ИК-1 vs. ИК-4, отличается значением ЧОТ в конце постцентровой части — низким или высоким соответственно.

Во владимирских говорах в этом отношении наблюдается аналогичная картина — как низкий, так и восходящие акценты могут сочетаться как с низким (см. выше рис. 3.6, 3.8–3.12, 3.16–3.21), так и с высоким конечным пограничным тоном (см. ниже рис. 3.22, 3.23).

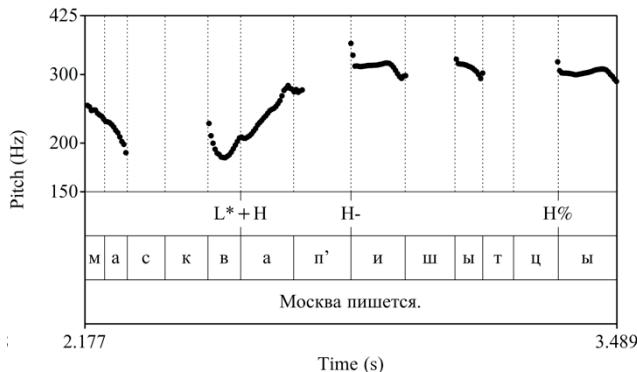

Рис. 3.22. Кривая ЧОТ фразы
Москва пишется КАМ1939-ак

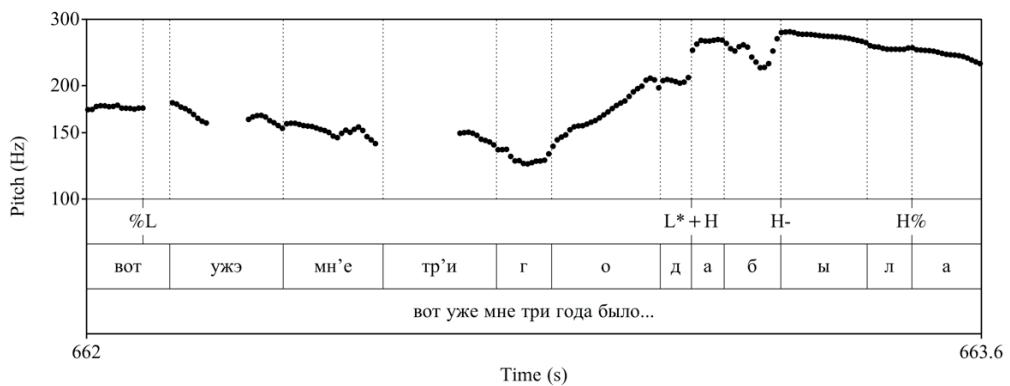

Рис. 3.23. Кривая ЧОТ фразы *Вот уже мне три года было...* ТМГ1938-ак

Спецификой владимирских говоров является наличие еще одного пограничного тона — нисходящего, HL% (см. рис. 3.13 выше и 3.24–3.36 ниже): после акцента H*+L, L* или L+H* (содержащего нисходящую часть) тон снова повышается, а затем понижается. Особенно часто он встречается в окающем говоре.

Сходный мелодический контур представлен в архангельских говорах, его постакцентная часть интерпретируется там как сочетание высокого фразового тона и низкого пограничного [Князев 2023]; во владимирских говорах больше оснований считать восходящее-нисходящее движение специфическим пограничным тоном, так как фразовый тон между тональным акцентом и конечным слогом фразы может быть и низким — см. рис. 3.25, 3.30.

Сходный мелодический контур в СРЛЯ описывается как характеризующийся повтором акцента на одном слове, считается, что он выступает «как средство риторического давления на собеседника» [Кодзасов

2009: 20] и «выражает настойчивость говорящего в осуществлении иллокутивной цели речевого акта» [Ibid.: 252].

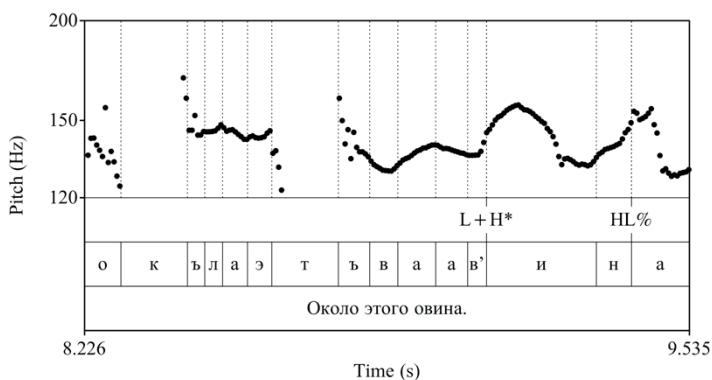

Рис. 3.24. Кривая ЧОТ фразы *Около этого овина* НИГ1919-ак

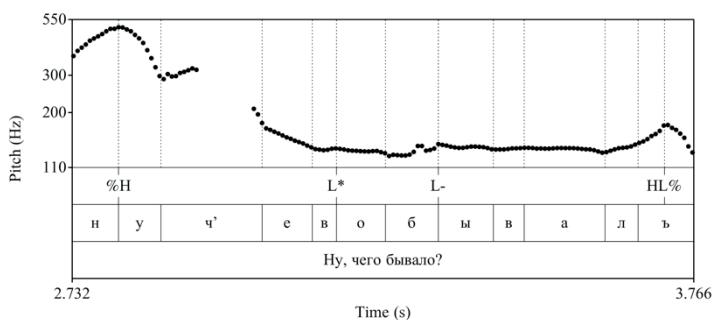

Рис. 3.25. Кривая ЧОТ фразы *Ну, чего бывало?* КАМ1939-ак

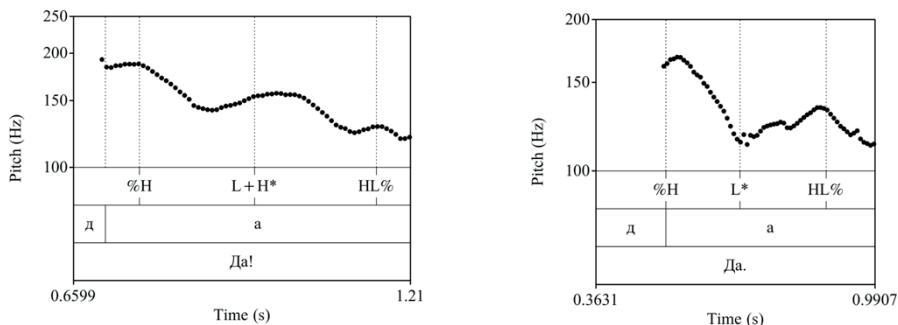

Рис. 3.26. Кривая ЧОТ фразы *Да* НИГ1919-ак

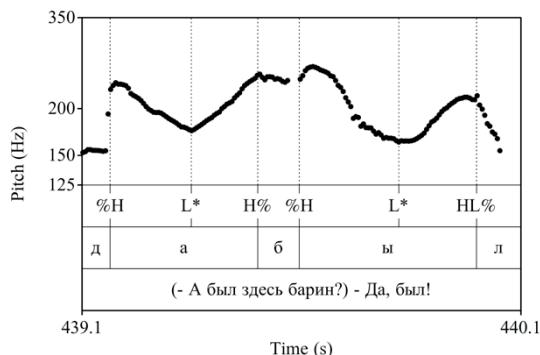

Рис. 3.27. Кривая ЧОТ фразы
Да, был! ТМГ1938-ак

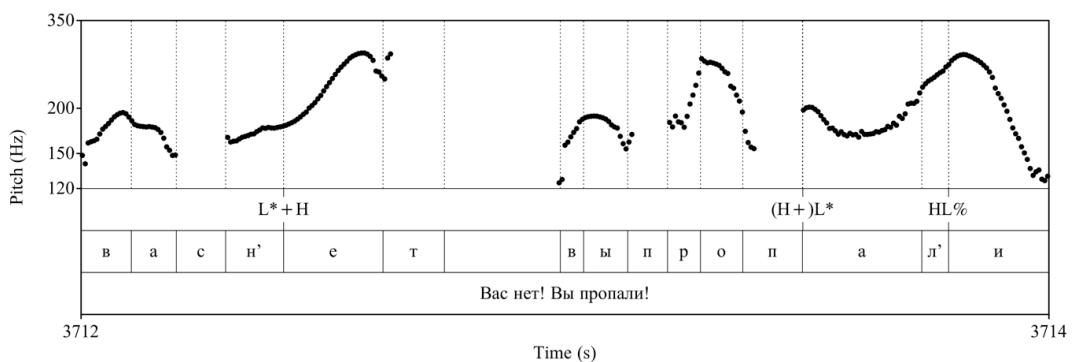

Рис. 3.28. Кривая ЧОТ фразы *Вас нет! Вы пропали!* ПЕГ1914-ок

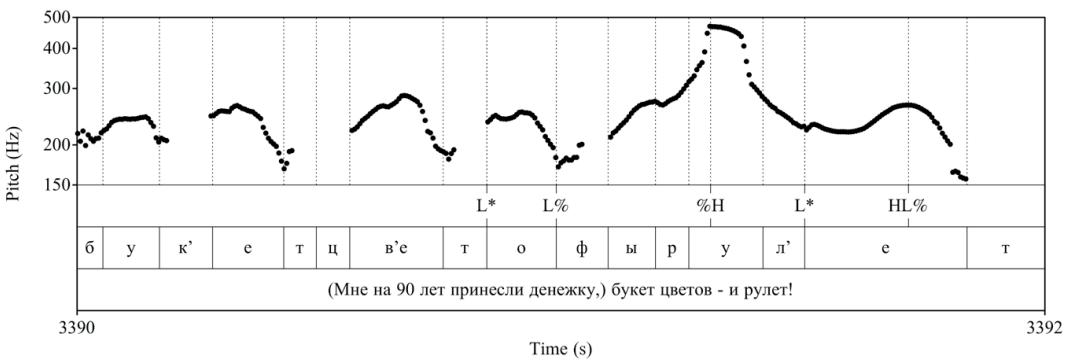

Рис. 3.29. Кривая ЧОТ фразы *букет цветов и рулем!* ПЕГ1914-ок

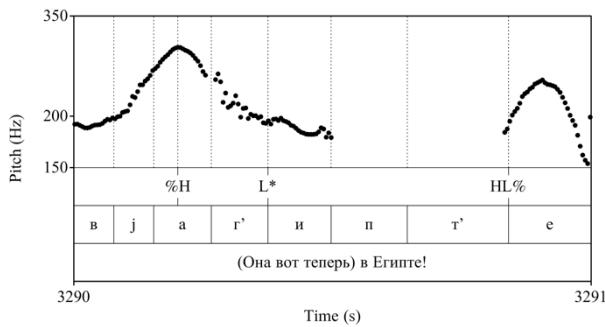

Рис. 3.30. Кривая ЧОТ фразы *В Египте!* ПЕГ1914-ок

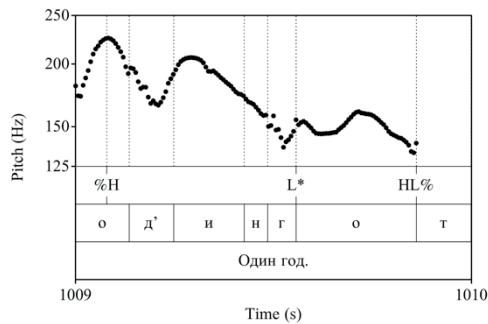

Рис. 3.31. Кривая ЧОТ фразы
Один год ПЕГ1914-ок

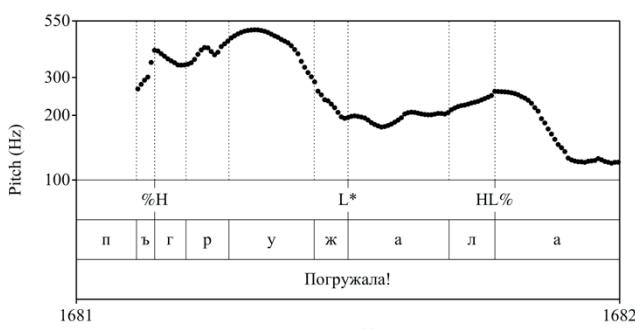

Рис. 3.32. Кривая ЧОТ фразы *Погружала!* ПЕГ1914-ок

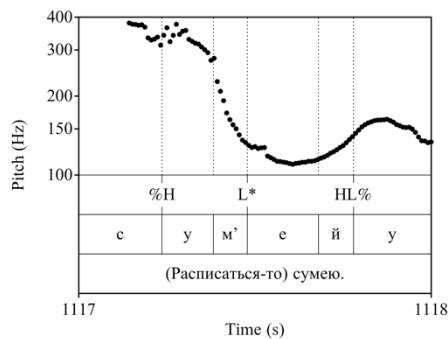

Рис. 3.33. Кривая ЧОТ фразы
(*Расписаться-то*) сумею ПЕГ1914-ок

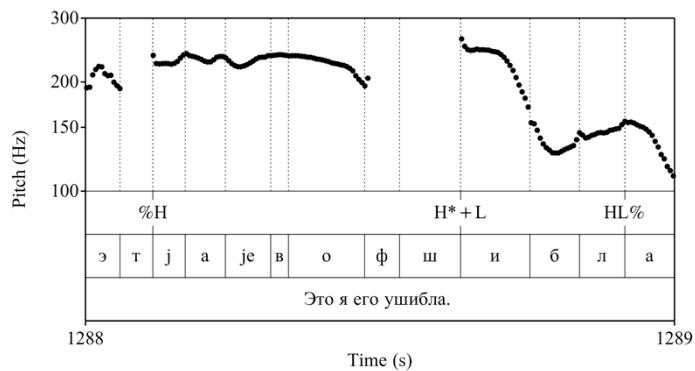

Рис. 3.34. Кривая ЧОТ фразы *Это я его ушибла* ПЕГ1914-ок

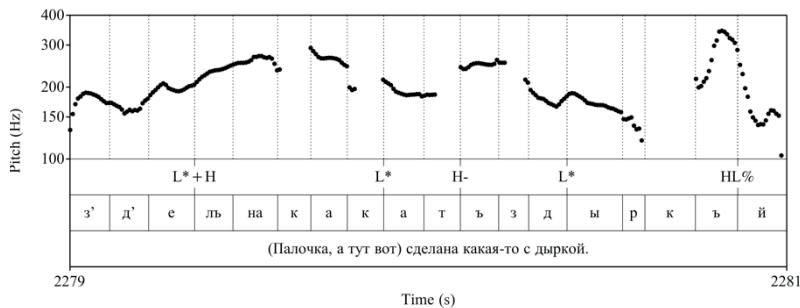

Рис. 3.35. Кривая ЧОТ фразы *сделана какая-то с дыркой* ПЕГ1914-ок

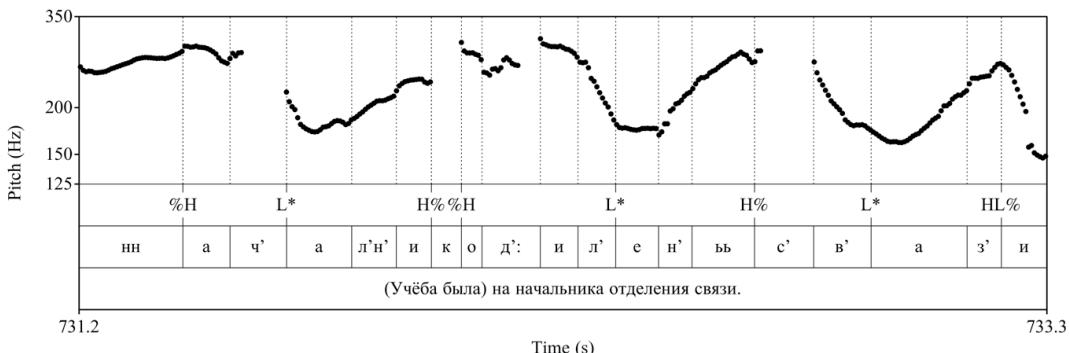

Рис. 3.36. Кривая ЧОТ фразы *на начальника отделения связи* ЕАС1932-ок

3.3. Итак, фонологическая система тональных просодических средств во владимирских говорах (и СРЛЯ) может быть представлена в виде Таблицы 1:

	ВЛ-ак	ВЛ-ок	СРЛЯ
Начальные пограничные тоны	%H, %L	%H, %L	—
Тональные акценты	L*, L*+H, L+H*, H*+L, H*	L*, L*+H, L+H*, H*+L, (H*)	(H)+L*, LH*, (L+H)*
Фразовые тоны	—	—	—
Конечные пограничные тоны	H%, L%, (HL%)	H%, L%, HL%	H%, L%
Отрицательный занос	+/-	+	—

3.4. Одной из черт просодической организации высказывания в севернорусских говорах является так называемое **пословное тональное оформление**: в них

«фраза состоит из ряда отрезков с восходящей интонацией» [Кузнецов 1949: 14];

«ударные слоги выделялись по тону, так что каждое слово имело свой мелодический контур» [Брызгунова 1977: 262];

«Почти каждое слово во фразе получает свое мелодическое оформление, становясь, таким образом, обособленным от соседних слов» [Пауфошима 1983: 64].

При этом считается, что для севернорусских говоров «характерно словное оформление интонационного контура, в то время как среднерусским говорам свойственно посингтагменное оформление интонации» [Ibid.: 78]. В нашем материале, однако, фразы с предъядерными тональными акцентами почти⁹ на каждом слове встречаются достаточно регулярно — см. рис. 3.37–3.44. Этот факт позволяет предположить, что и восточным среднерусским говорам подобное интонационное оформление было свойственно, как минимум, еще не в столь отдаленном прошлом.

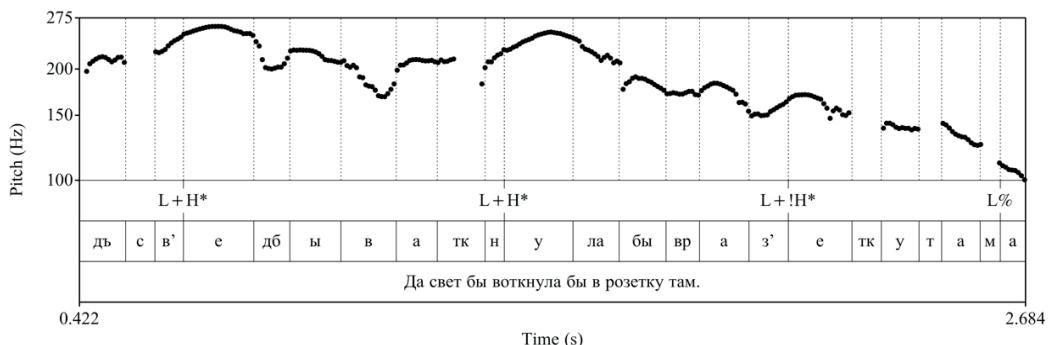

Рис. 3.37. Кривая ЧОТ фразы *Да свет бы воткнула бы в розетку там* ВСМ1934-ак

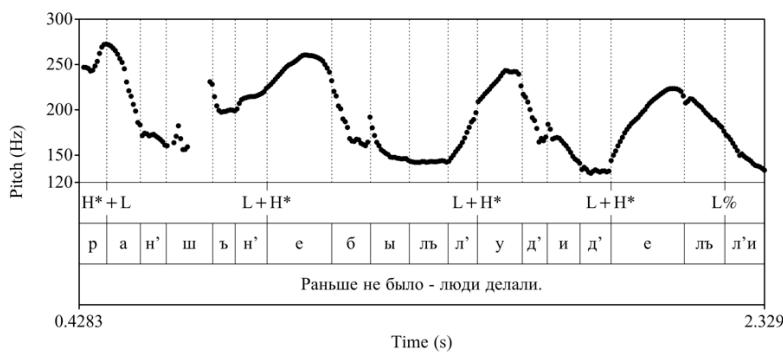

Рис. 3.38. Кривая ЧОТ фразы *Раньше не было — люди делали* КАМ1939-ак

⁹ В действительности и в севернорусских говорах тональный акцент приходится не на каждое самостоятельное слово во фразе, а в среднем на 6 из 10 [Князев, Евстигнеева 2022].

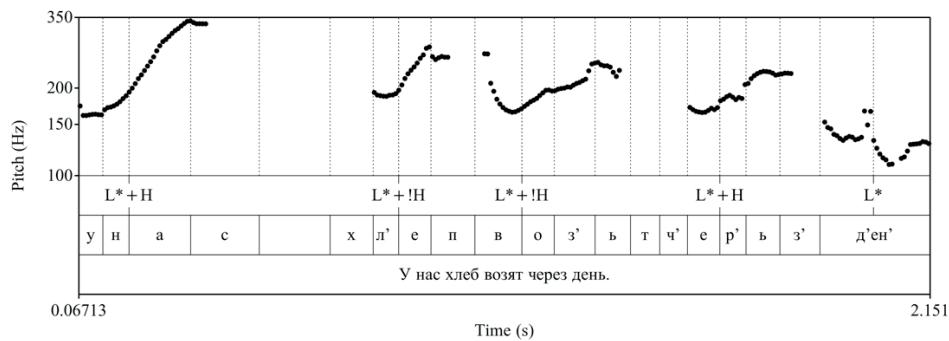

Рис. 3.39. Кривая ЧОТ фразы *У нас хлеб возят через день* КАМ1939-ак

4. Общий вопрос

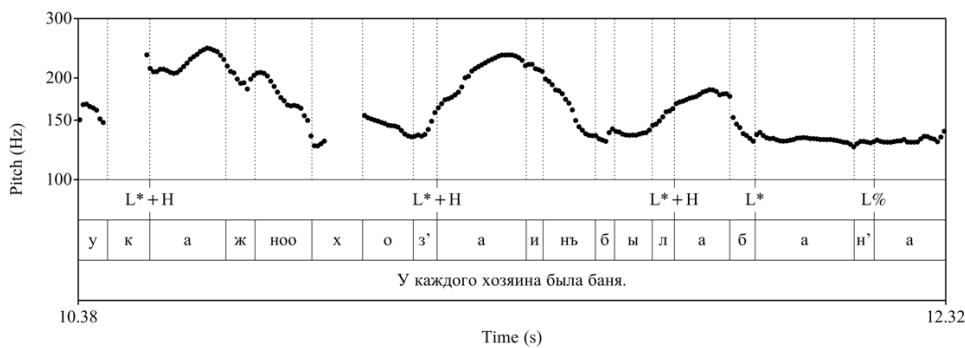

Рис. 3.40. Кривая ЧОТ фразы *У каждого хозяина была баня* МОЯ1925-ок

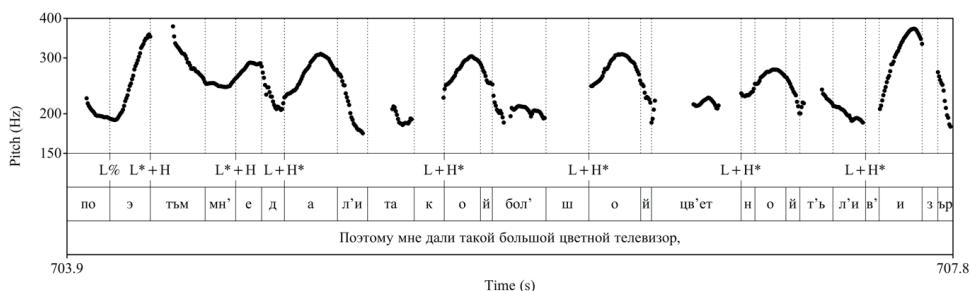

Рис. 3.41. Кривая ЧОТ фразы *Поэтому мне дали такой большой цветной телевизор* ЕАС1932-ок

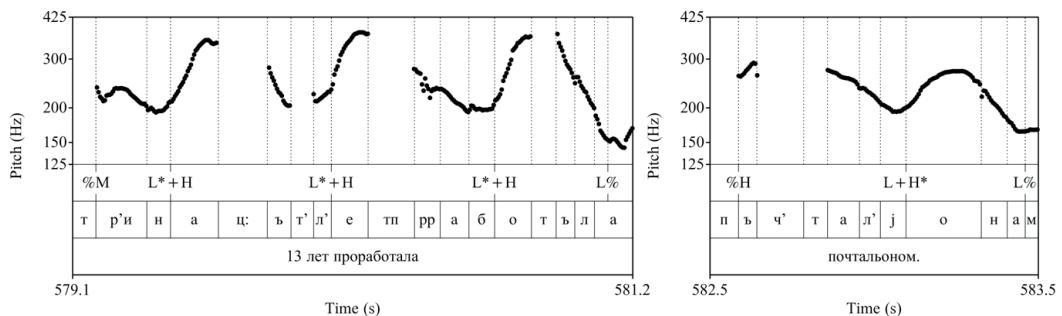

Рис. 3.42. Кривая ЧОТ фразы *Тринадцать лет проработала почтальоном* ЕАС1932-ок

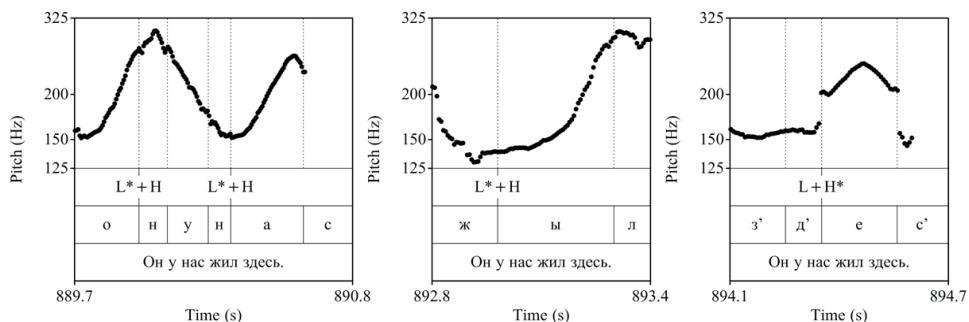

Рис. 3.43. Кривая ЧОТ фразы *Он у нас жил здесь* ЕАС1932-ок

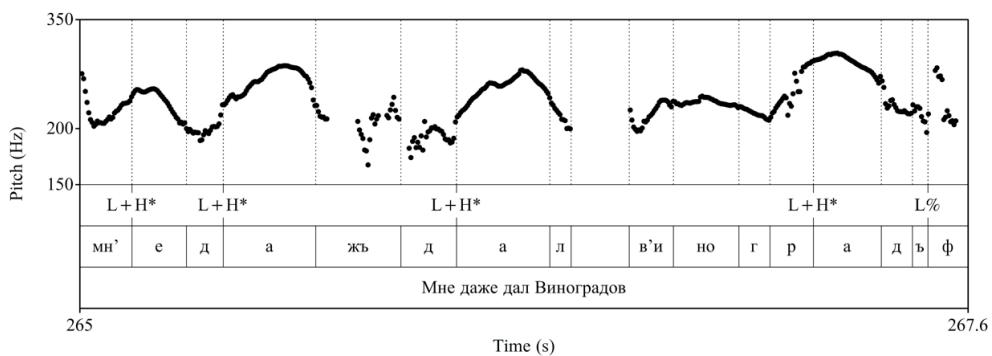

Рис. 3.44. Кривая ЧОТ фразы *Мне даже дал Виноградов* ЕАС1932-ок

4.1. Типичным способом оформления общего вопроса в современном русском литературном языке является восходяще-нисходящее изменение частоты основного тона, известное как третья интонационная конструкция (ИК-3):

Предударная часть произносится на среднем тоне. Ударная часть начинается с более высокой точки по сравнению с предударной. Далее в пределах слога тон продолжает повышаться [...] На заударной части происходит понижение тона ниже среднего [Брызгунова 1967: 37];

Акцент типа ИК-3 – это прототипический русский подъем. Характеризуется подъемом тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс падение на заударных, если они есть [Янко 2008: 31].

Восходящий тональный акцент в центре ИК-3 СРЛЯ характеризуется **поздним таймингом**: тональный максимум располагается в конце ударного слога, а при наличии заударного слога может находиться на его начало (см. рис. 4.1) [Igarashi 2006: 190, 193]. По данным нашего эксперимента (13 дикторов, 109 предложений) точка максимума восходящего тонального акцента общего вопроса в СРЛЯ в среднем находится практически точно на самый конец ударного гласного (см. рис. 4.2).

Если заакцентная часть (безударные слоги после ударного гласного акцентоносителя) в высказывании отсутствует, этот тональный контур в СРЛЯ подвергается усечению ('truncation'): падения тона после его подъема не происходит [Odé 2005; Янко 2004: 92; Rathcke 2017: 225], см. рис. 4.1.

В северорусских диалектах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителя наблюдается значительная задержка падения тона: на всех заакцентных слогах до самого последнего (реже – предпоследнего) сохраняется высокий ровный уровень ЧОТ [Post 2005: 49; Пост 2007; Post 2008; Князев 2022b] (см. рис. 4.3). В юго-западных говорах после повышения тона на ударном гласном акцентоносителя может происходить дальнейшее увеличение ЧОТ на заударных слогах [Касаткина 2002; Kachkovskaia et al. 2016; Янко 2017].

Мелодический контур общего вопроса в западных среднерусских говорах описан в [Князев, Дьяченко 2023a; Idem 2023b; Idem 2023c]. Его анализ показал, что различия между разными диалектными системами (и СРЛЯ) могут заключаться в

- месте тонального максимума восходящего акцента;
- характере движения тона на заакцентных слогах;
- наличии или отсутствии усечения тонального контура;
- наличии или отсутствии промежутка, на котором сохраняется ровный высокий тон, после достижения максимума ЧОТ.

Тональный контур общего вопроса в западных среднерусских го-

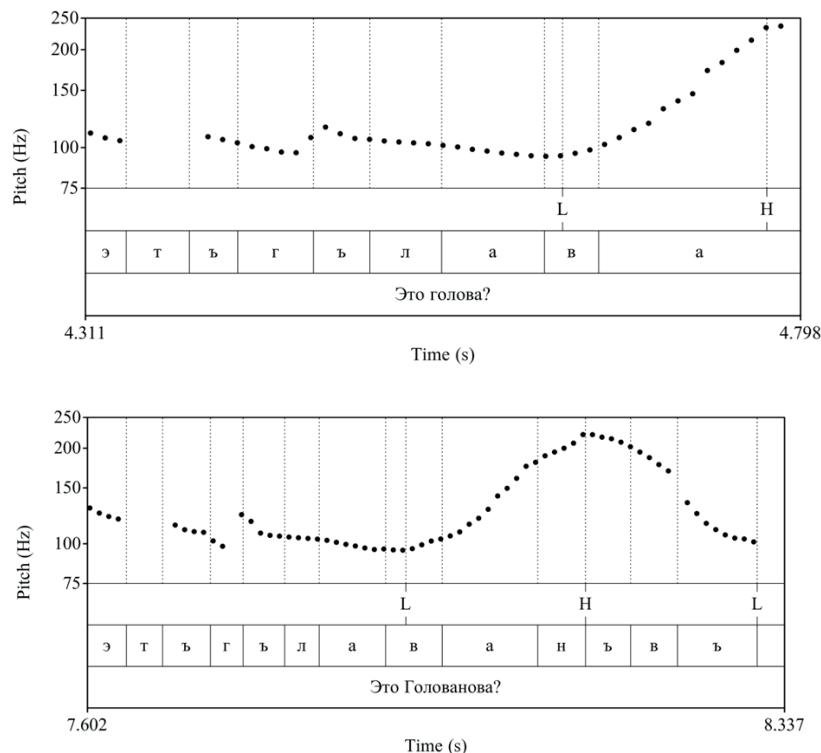

Рис. 4.1. Кривая ЧОТ общих вопросов *Это голова?* (вверху) и *Это Голованова?* (внизу)
СРЛЯ

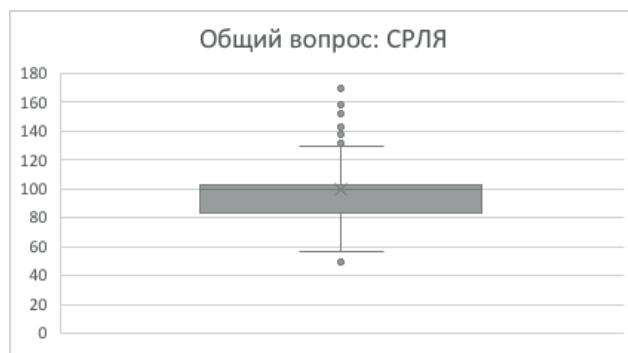

Рис. 4.2. Диаграмма размаха длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности гласного) в общем вопросе, СРЛЯ

ворах занимает промежуточное положение между соответствующими мелодическими фигурами литературного русского языка и севернорусских говоров:

- при значительной общности (восходящий тон на ударном слоге акцентоносителя, последующее падение до низкого)
- от литературного его отличает более ранний тайминг и отсутствие усечения исходящего тона при реализации на последнем слоге во фразе;
- от архангельского — отсутствие ровного высокого (фразового) тона на заударных слогах [Князев, Дьяченко 2023a; Idem 2023b; Idem 2023c].

Рис. 4.3. Кривая ЧОТ фразы *Видели вы у неё мужика-то?*
(д. Вадюга Верхнетоемского района Архангельской обл.)

4.2. Владимирские говоры

Общий вопрос во владимирских говорах в подавляющем большинстве случаев оформляется тональным акцентом L^*+H с низким конечным пограничным тоном (см. выше рис. 3.8) или его вариантом $\langle L^*+H$ (обычно в случае отсутствия предударных слогов, рис. 3.9–3.12). Другим вариантом, используемым преимущественно для переспросов в акающих говорах, является акцент H^* (см. выше рис. 3.14–3.16, 3.20).

4.2.1. Тайминг восходящего акцента

Другие типичные примеры контура общего вопроса, реализованного на конечных и неконечных во фразе слогах, приведены ниже на рис. 4.4–4.20. Анализ его структуры свидетельствует о том, что

- повышение частоты основного тона начинается в инициали ударного слога (на согласном);

— высшая точка ЧОТ достигается до окончания ударного гласного, в среднем — приблизительно в начале его последней трети (несколько раньше, если акцентированный слог является конечным во фразе, чем в случае неконечного слога);

— после достижения тонального максимума на ударном гласном может наблюдаться отрезок ровного тона (рис. 4.6, 4.10, 4.18), но чаще

— на том же ударном гласном или на следующем вокальном сегменте фиксируется некоторое понижение ЧОТ.

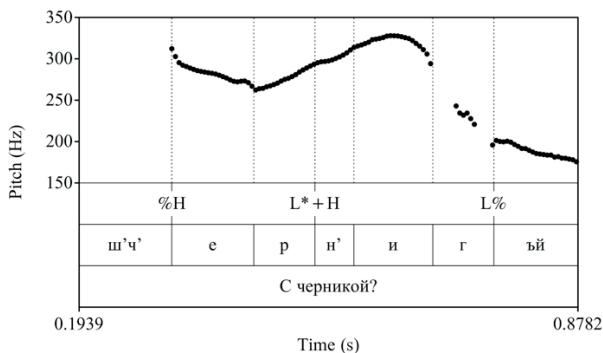

Рис. 4.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *С черникой?* ЕФБ1923-ок

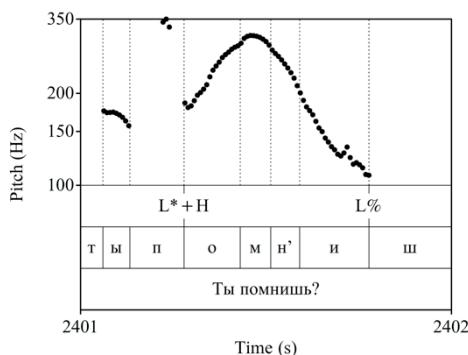

Рис. 4.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты помнишь?* ПЕГ1914-ок

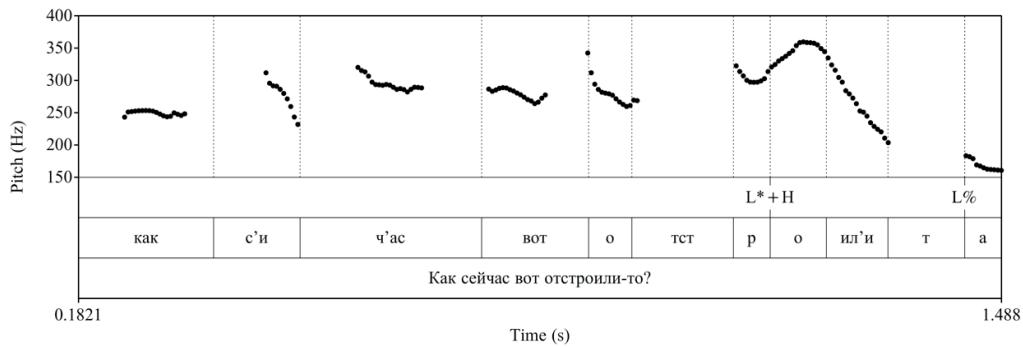

Рис. 4.6. Кривая ЧОТ общего вопроса (*Как сейчас вот отстроили-то?*) МНК1928-ок

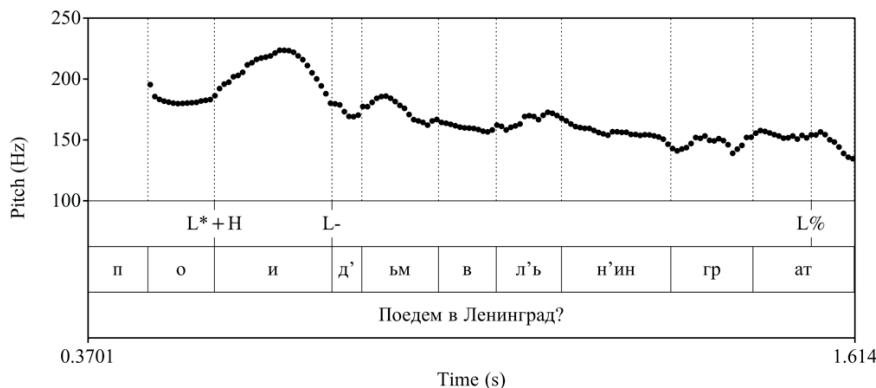

Рис. 4.7. Кривая ЧОТ общего вопроса *Поедем в Ленинград?* ЕФБ1923-ок

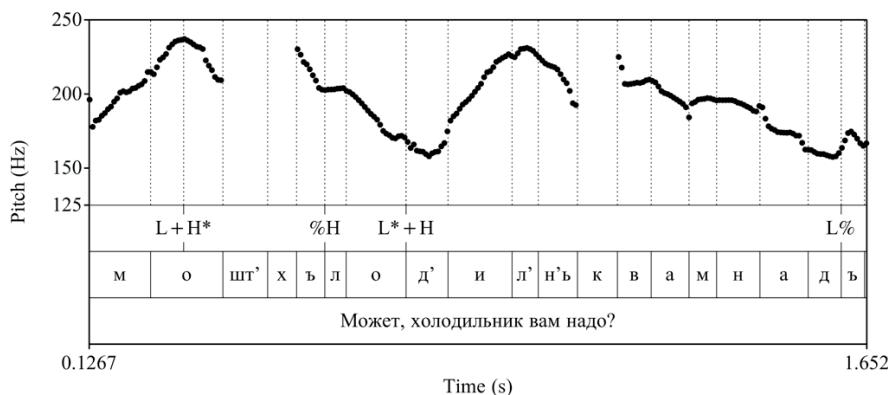

Рис. 4.8. Кривая ЧОТ общего вопроса *Может, холодильник вам надо?* ЕФБ1923-ок

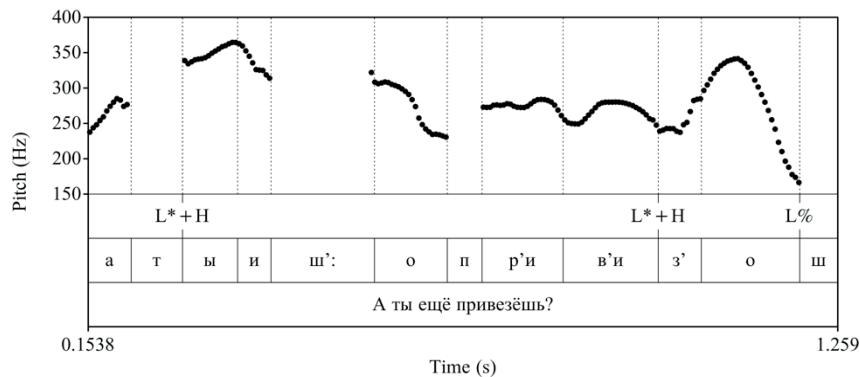

Рис. 4.9. Кривая ЧОТ общего вопроса (*А ты ещё привезёшь?*) ЕФБ1923-ок

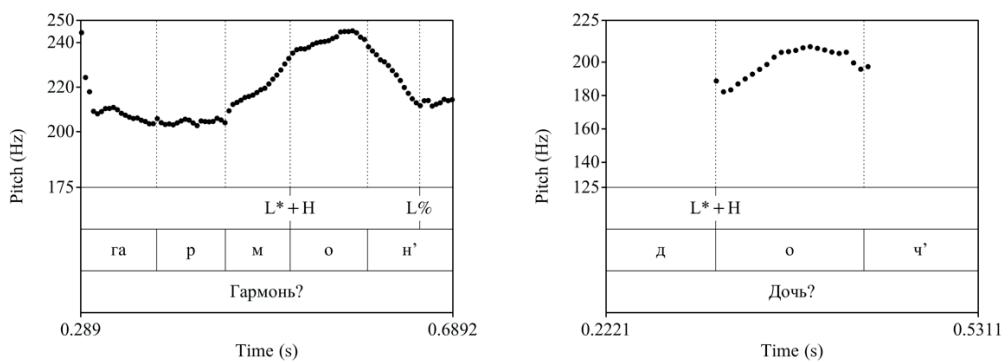

Рис. 4.10. Кривая ЧОТ общих вопросов *Гармонь?* *Дочь?* ТКК1914-ак

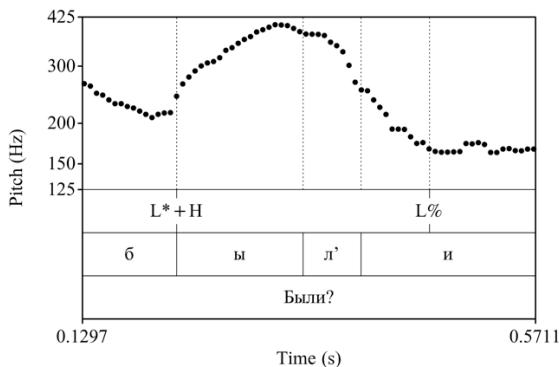

Рис. 4.11. Кривая ЧОТ фразы *Были?* ЕБС1940-ак

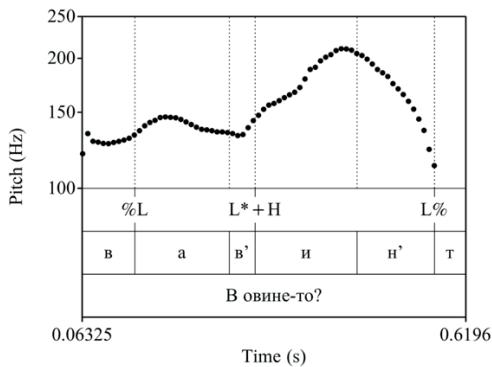

Рис. 4.12. Кривая ЧОТ фразы
В овине-то? НИГ1919-ак

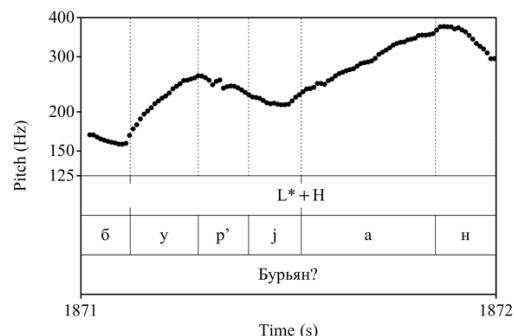

Рис. 4.13. Кривая ЧОТ фразы
Бурьян? ТМГ1938-ак

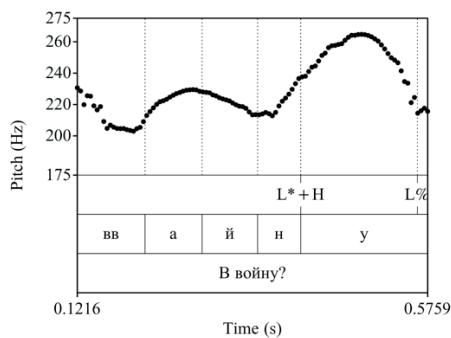

Рис. 4.14. Кривая ЧОТ фразы
В войну? ТМГ1938-ак

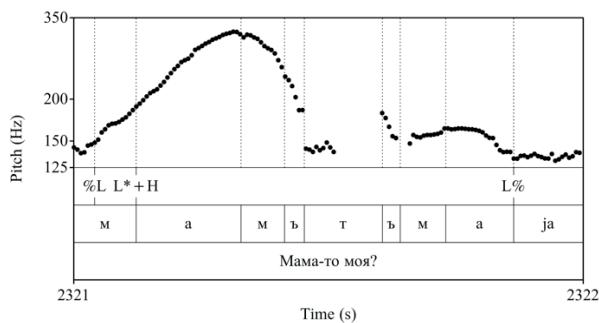

Рис. 4.15. Кривая ЧОТ фразы
Мама-то моя? ТМГ1938-ак

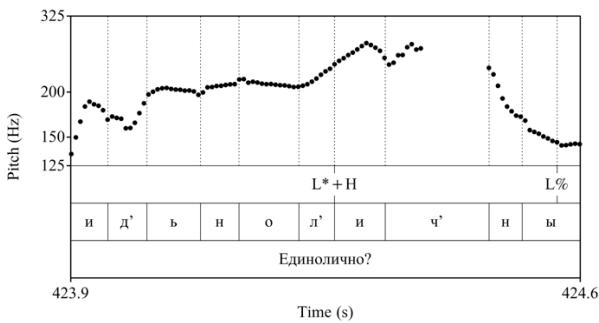

Рис. 4.16. Кривая ЧОТ фразы
Единолично? МОЯ1925-ок

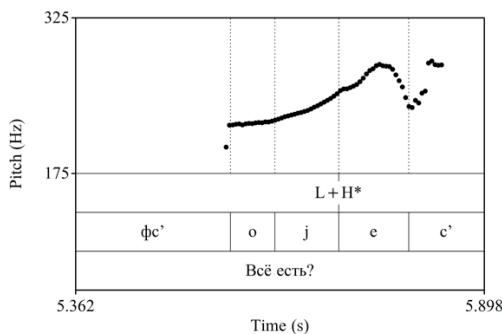

Рис. 4.17. Кривая ЧОТ фразы
Всё есть? КАМ1939-ак

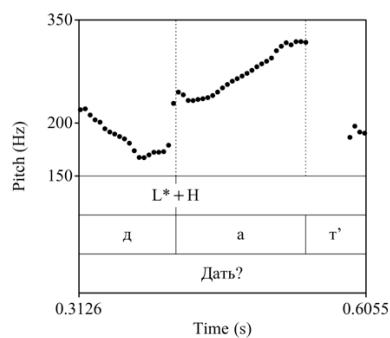

Рис. 4.18. Кривая ЧОТ фразы
Дать? КАМ1939-ак

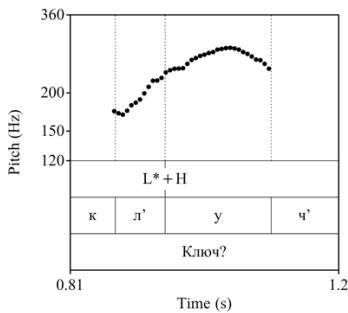

Рис. 4.19. Кривая ЧОТ фразы
Ключ? КАМ1939-ак

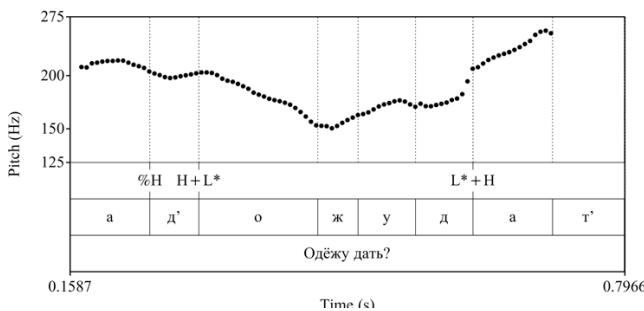

Рис. 4.20. Кривая ЧОТ фразы *Одёжу дать?* КАМ1939-ак

Данные о длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в процентах от общей длительности ударного гласного акцентоносителя) для информантов, от которых получено максимальное количество вопросов, приведены ниже на рис. 4.21–4.24. Полные данные, общие для окающего и акающего говоров (всего 170 вопросов), приведены на диаграмме размаха (рис. 4.25). Они дают основания утверждать, что в общем вопросе **тональный максимум восходящего акцента** в исследованных владимирских говорах **приходится приблизительно на границу между второй и третьей третьей ударного гласного акцентоносителя**: средняя длительность начального отрезка ударного гласного до достижения точки тонального максимума составляет 64% общей длительности гласного в окающем говоре и 67% в акающем.

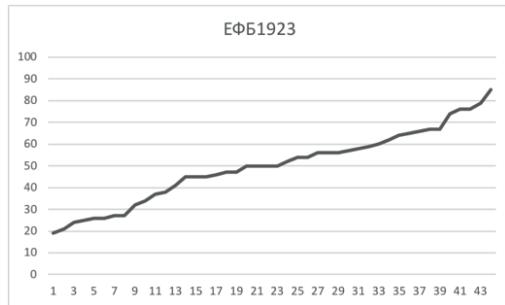

Рис. 4.21. L^{*}+Н: длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (% от общей длительности), ЕФБ1923-ок

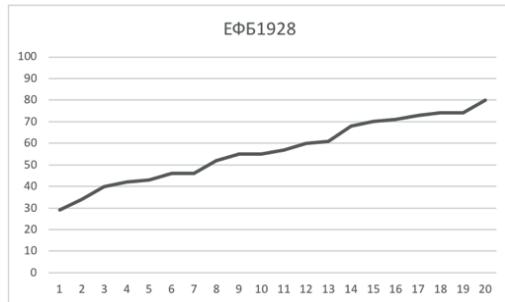

Рис. 4.22. L^{*}+Н: длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (% от общей длительности), ЕФБ1928-ок

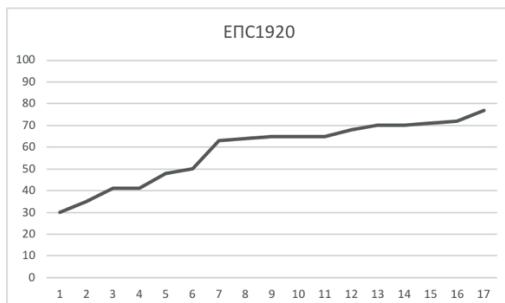

Рис. 4.23. L^{*}+Н: длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (% от общей длительности), ЕПС1920-ок

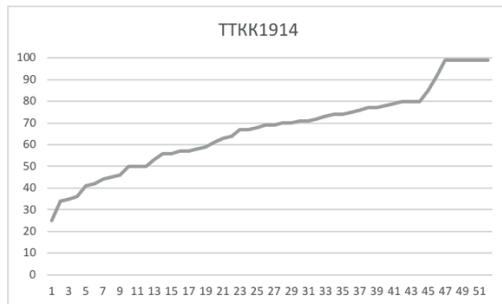

Рис. 4.24. L*+H: длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (% от общей длительности), ТКК1914-ак

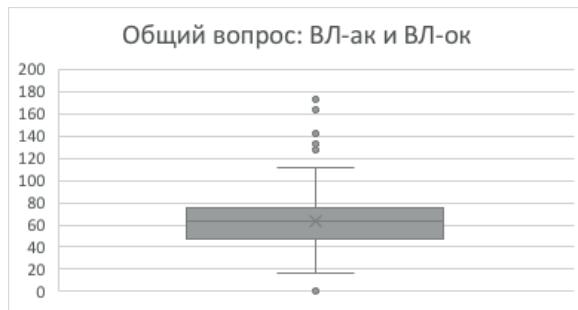

Рис. 4.25. Диаграмма размаха длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности гласного) в общем вопросе во владимирских говорах (170 примеров)

4.2.2. Усечение тонального контура

Если после восходящего тонального акцента (ударного гласного акцентоносителя) безударные слоги в высказывании отсутствуют, мелодический контур общего вопроса во владимирском говоре, в отличие от литературного русского языка, усечению чаще всего не подвергается: падение тона после его подъема происходит во второй половине ударного слога и может достигать максимально низкого уровня, см. выше рис. 4.13, 4.14. Исключения из этого правила (отсутствие финального падения) немногочисленны, причем обе стратегии возможны в речи одного и того же информанта (см. рис. 4.10, 4.17–4.20). Возможно, в этом случае имеется некоторая зависимость от наличия/отсутствия консонантной финали слога и качества составляющего ее согласного (на со-

норном согласном нисходящее тональное движение заметно, на шумном — всегда глухом в этом положении — нет).

4.2.3. Уровень тона на заакцентных неконечных слогах

Как отмечалось выше, в северорусских говорах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителя может наблюдаваться значительная задержка падения тона: на всех заакцентных слогах до самого последнего (реже — предпоследнего) сохраняется высокий ровный уровень ЧОТ. В исследованном нами говоре данное явление отсутствует: понижение ЧОТ начинается внутри ударного гласного акцентоносителя, в редких случаях — в начале (инициали) первого заударного слога и тон сохраняется затем на низком уровне (см. выше рис. 4.7, 4.8, 4.15).

4.3. Общий вопрос: выводы

Итак, в исследованных владимирских говорах в общем вопросе

- тональный максимум восходящего акцента приходится в среднем на начало последней трети ударного гласного акцентоносителя;
- нисходящее движение тона начинается в начале первого заакцентного слога или на ударном гласном: усечение тонального контура чаще всего отсутствует;
- при наличии предударных слогов восходящему тональному акценту предшествует отрицательный занос — понижение ЧОТ на предударном гласном;
- в рамках автосегментно-метрической фонологической модели этот контур может быть охарактеризован как $hL^*+H\ L-\ L%$: восходящий акцент с предварительным падением тона и с нейтральным таймингом + низкий фразовый тон + низкий пограничный тон.

Таким образом, этот контур занимает промежуточное положение между соответствующими мелодическими структурами СРЛЯ и северорусских говоров:

- при том же типе тонального акцента (повышение ЧОТ на ударном слоге акцентоносителя с последующим падением до низкого);
- от литературного его отличает несколько более ранний тайминг этого акцента и регулярное отсутствие усечения нисходящего тона при реализации на последнем слоге во фразе;
- от архангельского — отсутствие ровного высокого фразового тона на заударных слогах.

От западных среднерусских говоров этот контур отличается несколько более поздним таймингом восходящего акцента, поэтому мы интерпретируем его как содержащий тональный акцент L^*+H , а не

L+H*, который постулируется нами для новгородских, селигеро-торжковских, псковских и тверских среднерусских говоров. Для обозначения отрицательного заноса мы используем строчную букву *h*: hL*+H.

В обобщенном виде данные о сходстве и различии тональных контуров общего вопроса в СРЛЯ, архангельских, новгородских, селигеро-торжковских, псковских, тверских и владимирских говорах приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Основные различия тональных контуров общего вопроса в СРЛЯ, архангельских, новгородских, селигеро-торжковских, псковских, тверских и владимирских говорах

	СРЛЯ	Арх.	Новг.	Сел.-Т.	Пск.	Твер.	ВП-ок	ВП-ак
Средняя длительность ударного гласного, мс	131	116	114	123	135	126	140	121
Отрезок ударного гласного до точки тонального максимума	97,7%	48%	47%	42%	43%	42%	64%	67%
Поздний тайминг восходящего акцента	+	—	—	—	—	—	—	—
Сверхпоздний тайминг восходящего акцента при отсутствии п/у слогов	—	—	—	—	—	—	+	+
Ранний тайминг восходящего акцента	—	+/-	—	+/-	+/-	+/-	—	—
Ровный высокий тон на заударных слогах	—	+	—	—	—	—	—	—
Усечение контура при отсутствии заакцентных слогов	+	—	—	—	—	—	—	—
Отрицательный занос	—	—	—	—	—	—	+	+
Тип мелодического контура	(L+H)* L- L%	(L+)H* H- L%	L+H* L- L%	(L+)H* L- L%	(L+)H* (L-) L%	(L+)H* (L-) L%	hL*+H L- L%	hL*+H L- L%

5. Утверждение (широкий и узкий фокус)

Увердительные высказывания оформляются во владимирских говорах мелодическими контурами с тональными акцентами L^* , H^*+L и $L+H^*$.

Нейтральным способом оформления высказываний с широким фокусом является контур $\%H\ L^* L\%$, тональный акцент L^* всегда является при этом ядерным (конечным во фразе) — см. рис. 3.2 выше и 5.1–5.7 ниже. Этот контур очень близок ИК-1 литературного языка (но отличается от него высоким начальным пограничным тоном и отсутствием понижения ЧОТ на ударном гласном). В случае «риторического давления на собеседника» после акцента L^* имеет место восходящее-нисходящее движение тона на конечном слоге фразы ($HL\%$) — см. выше рис. 3.25–3.33 и ниже рис. 5.8.

Максимально ненейтральное утверждение (узкий фокус) маркируется контуром с ядерным акцентом H^*+L и низким конечным пограничным тоном ($L\%$). Этот контур весьма схож с ИК-2 литературного языка¹⁰, см. выше рис. 3.3. и ниже рис. 5.9–5.11. Еще большую эмоциональную окраску придает высказыванию, оформленному данным контуром, восходящее-нисходящий конечный пограничный тон — см. выше рис. 3.34 и ниже рис. 5.12. Акцент H^*+L , реализованный на начальном слоге во фразе, зачастую характеризуется продолжительной начальной частью — ровным высоким тоном, что придает ему значительное сходство (временами до полной неразличимости) с акцентом H^* — см. рис. 3.19 выше и 5.13 ниже.

Как уже отмечалось выше, яркой специфической чертой фразовой просодии владимирских говоров является тональный акцент $L+H^*$ (см. выше рис. 3.4–3.7). Он широко используется в увердительных предложениях (см. ниже рис. 5.15–5.22) и, в отличие от L^* и H^*+L , может быть как ядерным (конечным во фразе), так и предъядерным и маркировать как широкий, так и узкий фокус.

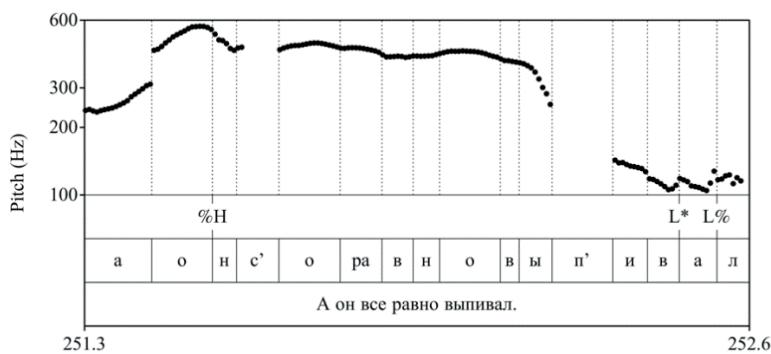

Рис. 5.1. Кривая ЧОТ фразы *А он всё равно выпивал* ЕФБ1923-ок

¹⁰ Об их отличиях см. ниже в разделе «Вопрос с вопросительным словом».

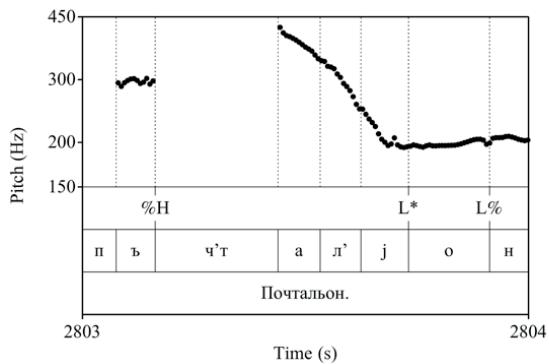

Рис. 5.2. Кривая ЧОТ фразы *Почтальон* ЕАС1932-ок

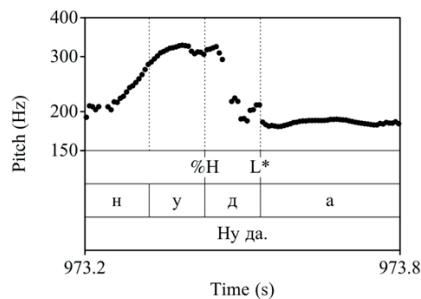

Рис. 5.3. Кривая ЧОТ фразы *Ну да* ЕВС1940-ак

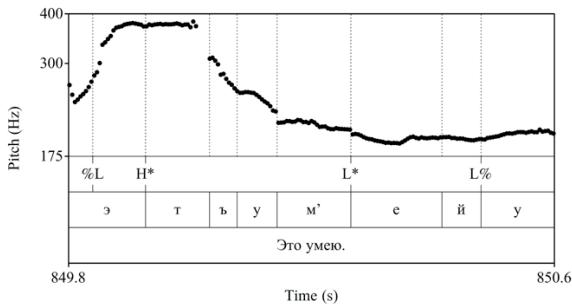

Рис. 5.4. Кривая ЧОТ фразы *Это умею* ЕВС1940-ак

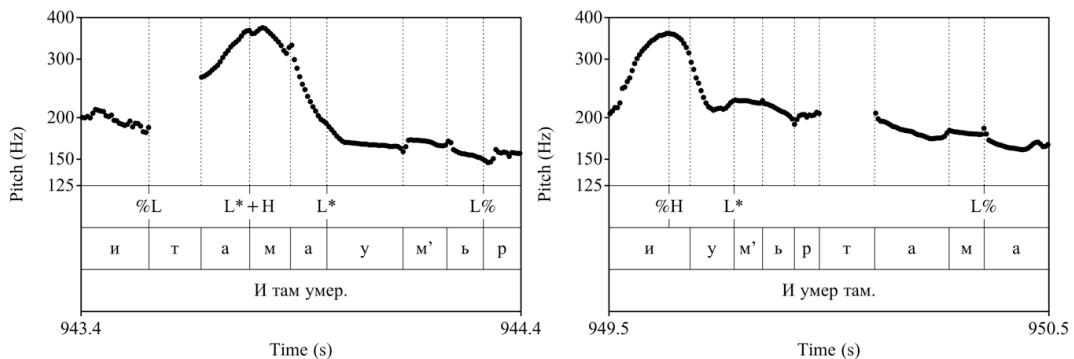

Рис. 5.5. Кривая ЧОТ фраз И там умер. И умер там ЕБС1940-ак

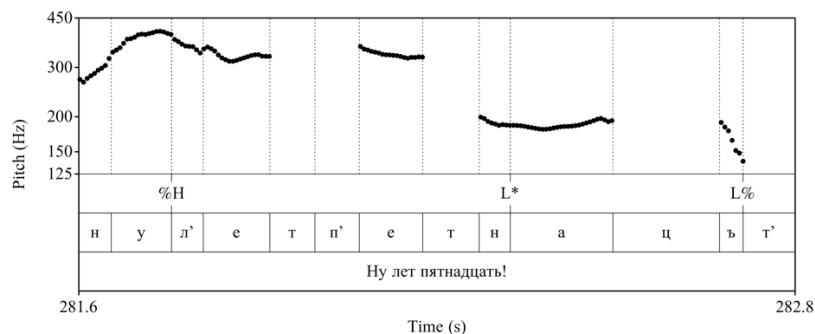

Рис. 5.6. Кривая ЧОТ фразы Ну, лет пятнадцать! ТМГ1938-ак

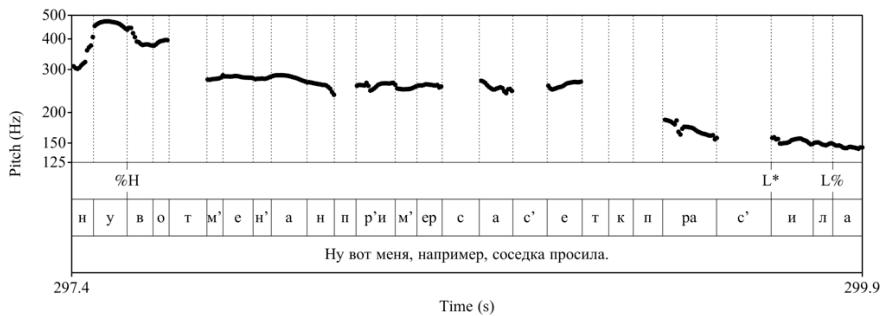

Рис. 5.7. Кривая ЧОТ фразы Ну вот меня, например, соседка просила ТМГ1938-ак

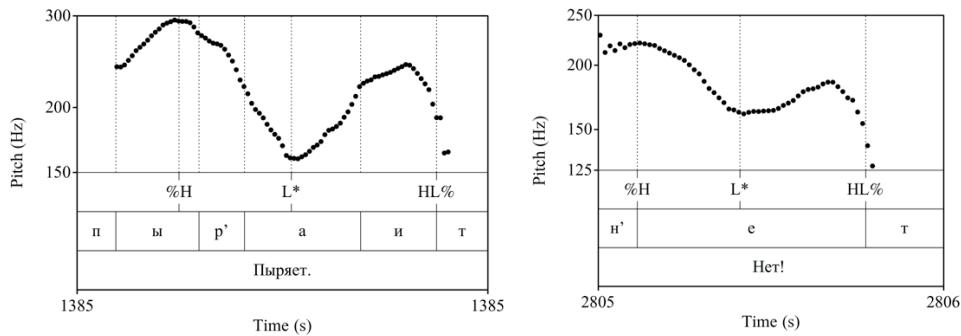

Рис. 5.8. Кривая ЧОТ фраз *Пыряет* и *Нет!* ЕФБ1923-ок

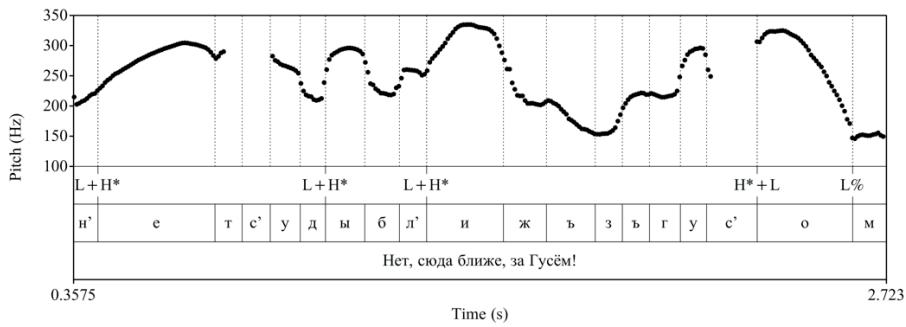

Рис. 5.9. Кривая ЧОТ фразы *Нет, сюда ближе, за Гусём!* КАМ1939-ак

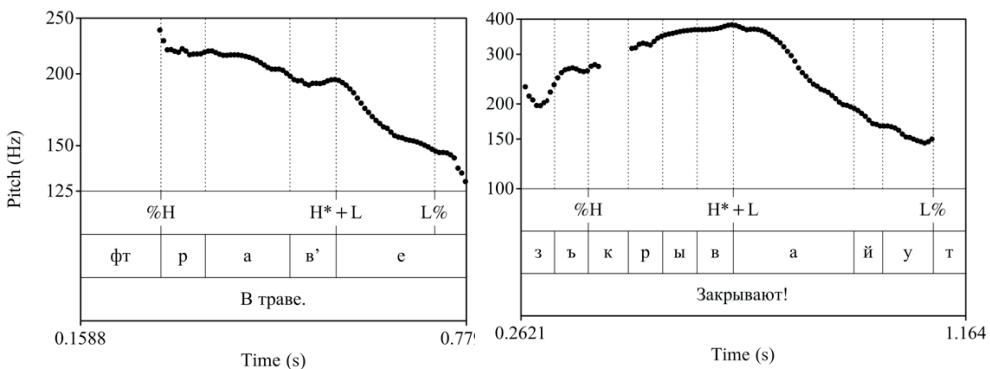

Рис. 5.10. Кривая ЧОТ фраз *В траве.* и *Закрывают!* КАМ1939-ак

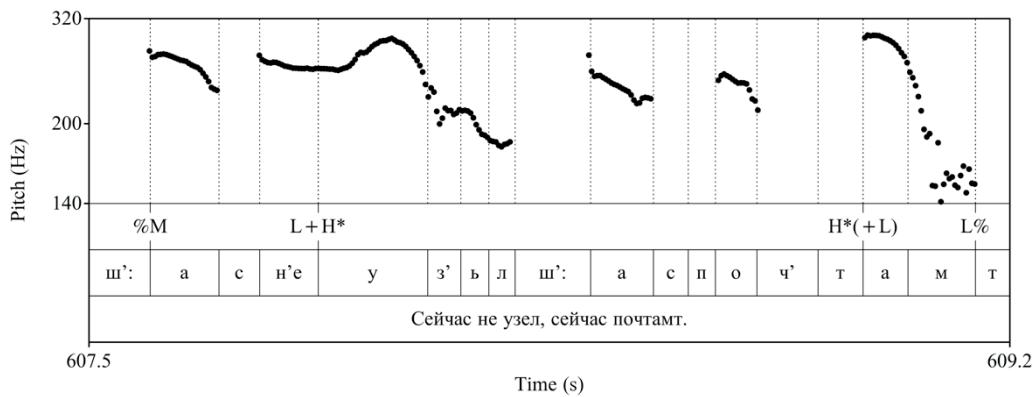

Рис. 5.11. Кривая ЧОТ фразы *сейчас не узел, сейчас почитамт* ЕАС1932-ок

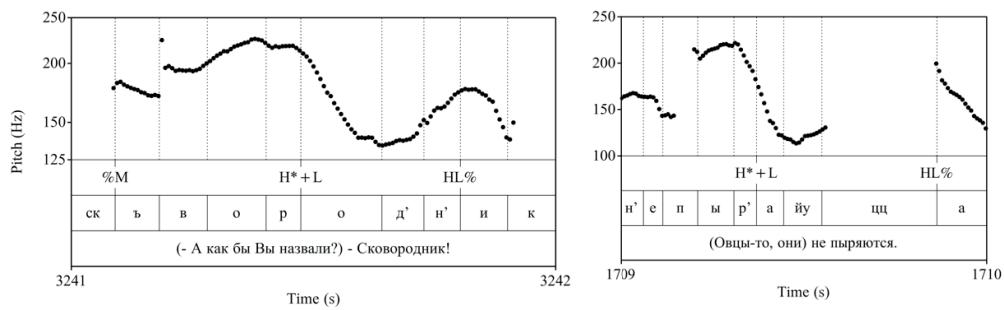

Рис. 5.12. Кривая ЧОТ фраз *Сковородник!* и *(Овцы-то, они) не пыряются* ЕФБ1923-ок

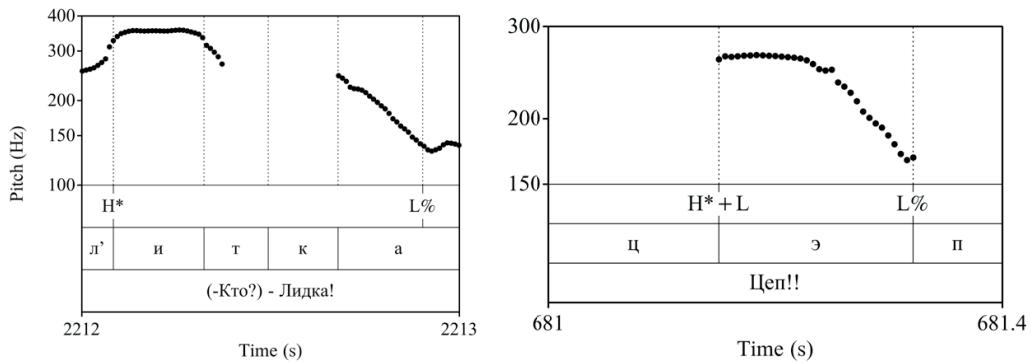

Рис. 5.13. Кривая ЧОТ фраз *Лодка!* ПЕГ1914-ок (слева); *Цеп!!* МОЯ1925-ок (справа)

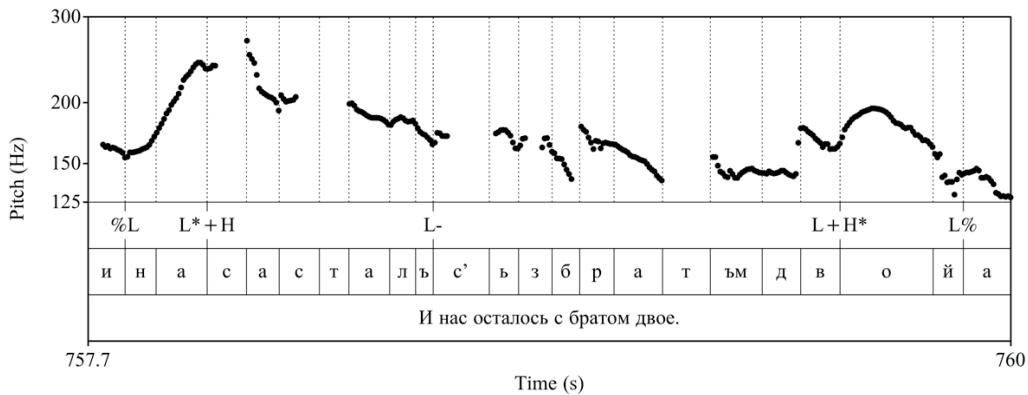

Рис. 5.14. Кривая ЧОТ фразы *И нас осталось с братом двое* ТМГ1938-ак

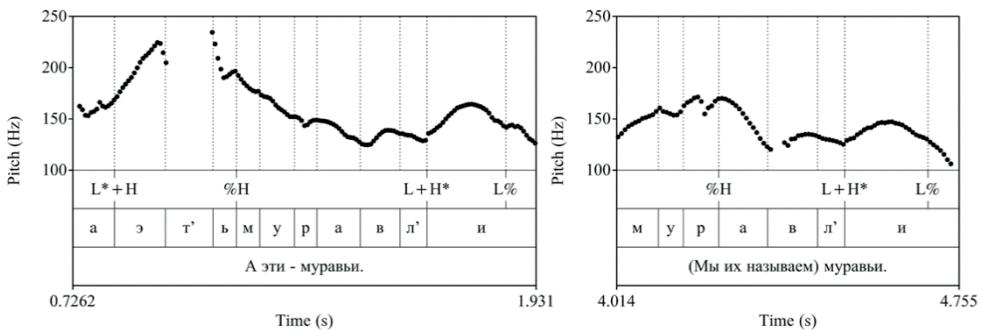

Рис. 5.15. Кривая ЧОТ фразы *А эти - муравьи. (Мы их называем) муравьи* НИГ1919-ак

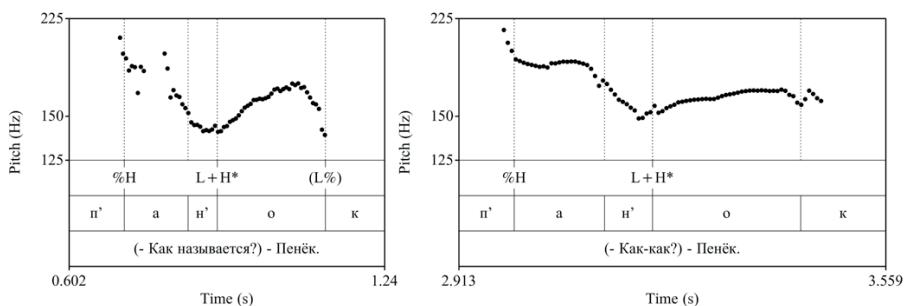
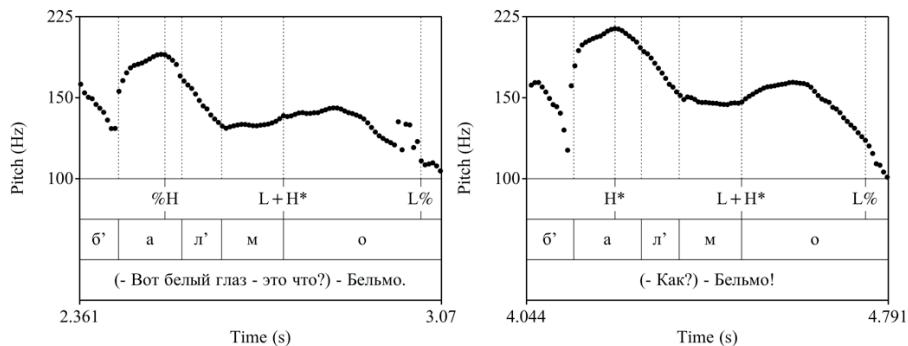
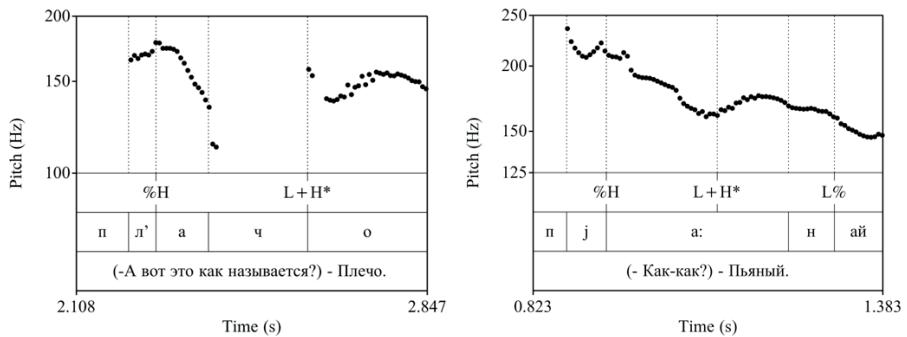
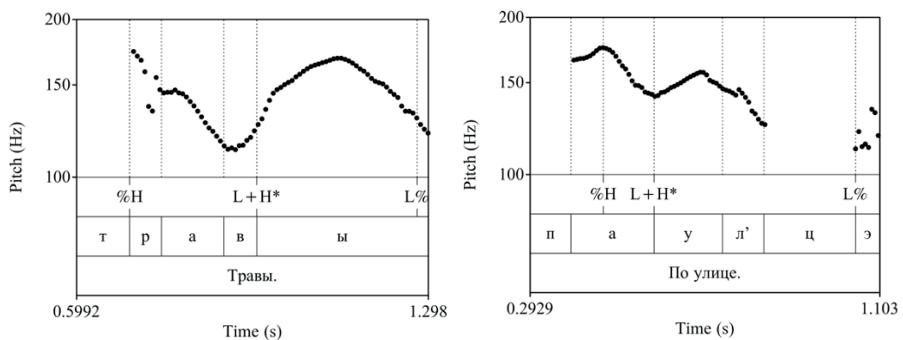

Рис. 5.16.1. Кривая ЧОТ фразы *Пенёк* НИГ1919-ак

Рис. 5.16.2. Кривая ЧОТ фразы *Бельмо* НИГ1919-акРис. 5.16.3. Кривая ЧОТ фраз *Плечо* и *Пьяный* НИГ1919-акРис. 5.16.4. Кривая ЧОТ фраз *Травы* и *По улице* НИГ1919-ак

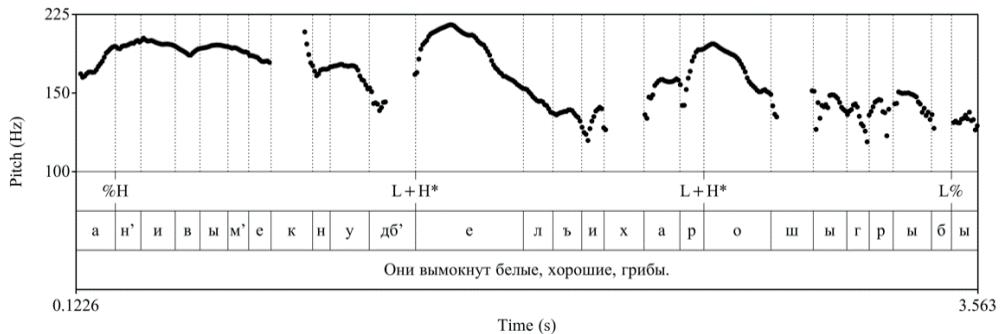

Рис. 5.17. Кривая ЧОТ фразы *Они вымокнут белые, хорошие грибы* НИГ1919-ак

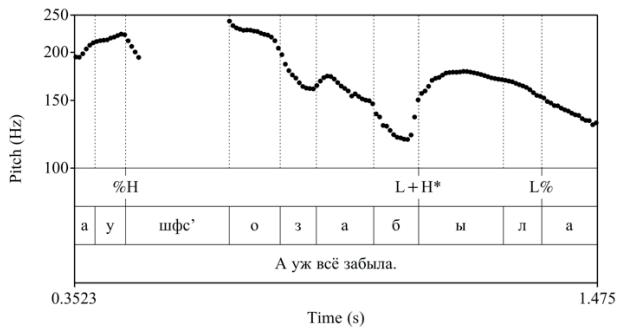

Рис. 5.18. Кривая ЧОТ фразы *А уж всё забыла* НИГ1919-ак

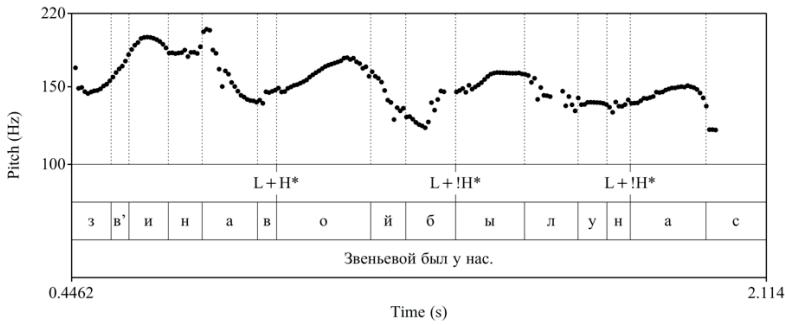

Рис. 5.19. Кривая ЧОТ фразы *Звеньевой был у нас* НИГ1919-ак

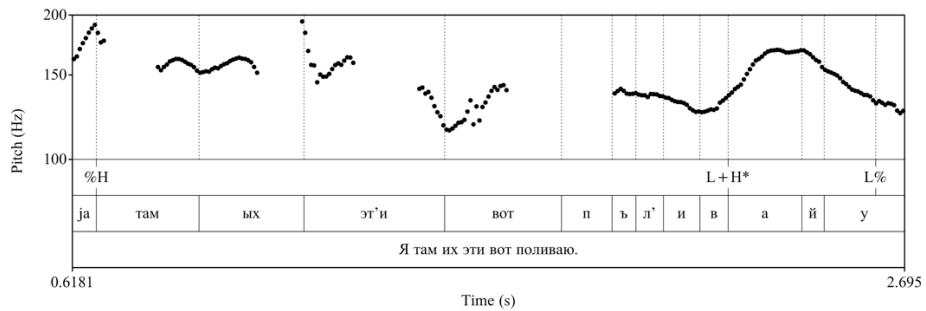

Рис. 5.20. Кривая ЧОТ фразы *Я там их эти вот поливаю* НИГ1919-ак

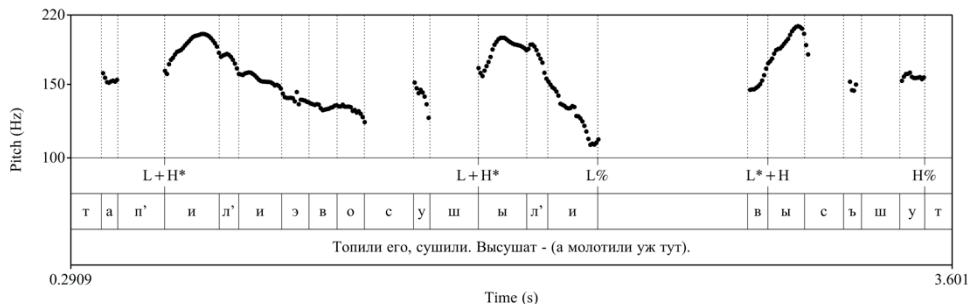

Рис. 5.21. Кривая ЧОТ фразы *Топили его, сушили* НИГ1919-ак

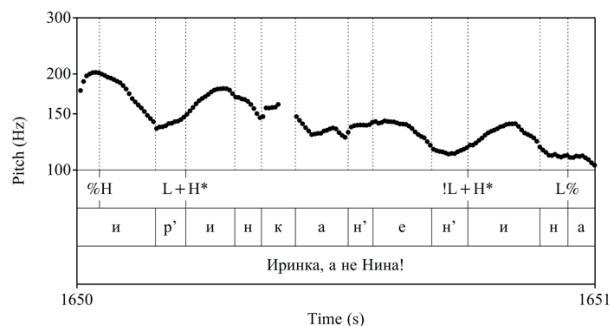

Рис. 5.22. Кривая ЧОТ фразы *Иринка, а не Нина!* ЕФБ1923-ок

6. Вопрос с вопросительным словом

В современном русском литературном языке основным способом оформления частного вопроса является нисходящий тональный акцент с последующим низким пограничным тоном¹¹. При этом мелодический контур может содержать либо один тональный акцент с нейтральным таймингом на вопросительном слове (ИК-2¹²), либо два: восходящий на вопросительном слове и нисходящий с более ранним таймингом¹³ [Дуригин 2021: 152] на последнем слове синтагмы, соединенные ровным высоким тоном (ИК-5). Среди исследователей русской просодии нет полного единства мнений о том, какой из этих контуров является нейтральным (и более частотным): Е. А. Брызгунова считала таковым ИК-2, Н. Д. Светозарова, С. В. Кодзасов и Т. В. Янко – ИК-5; мы в этом вопросе разделяем вторую точку зрения.

В исследованных нами говорах Владимирско-Поволжской группы контуры типа ИК-5 литературного языка (см. рис. 6.1, 6.2) фиксируются весьма редко; даже с учетом того, что многие частные вопросы состоят лишь из одного вопросительного слова, можно с уверенностью утверждать, что наиболее распространенным способом оформления частного вопроса в этих говорах являются конструкции с акцентом H^*+L на вопросительном слове (см. рис. 6.3–6.15).

Тональный акцент этих вопросов характеризуется в общем случае некоторым повышением тона в начале синтагмы (см. рис. 6.7, 6.10–6.12) с дальнейшим падением с высокого уровня до низкого, т. е. весь контур имеет вид $\%L\ H^*+L\ L\%$. В том, что касается фонетической реализации этого акцента, можно отметить два факта:

1. Если тональный акцент реализуется на первом слоге в синтагме, падение тона происходит с некоторой, часто довольно существенной, задержкой, возможно, необходимой для манифестации высокого начального пограничного тона; сам акцент тогда весьма напоминает H^* (ровный высокий тон): см. рис. 6.5, 6.6.

2. Наоборот, в случае наличия предударных слогов падение обычно начинается до начала ударного слога, на первом или даже втором предударном слоге (см. рис. 6.8–6.15), так что к ударному гласному понижение тона может уже завершиться – эти примеры весьма напоминают уже акцент L^* (см. рис. 6.9, 6.13–6.15). На этом основании мы считаем, что данный акцент фонетически характеризуется таймингом несколько более ранним, нежели ожидаемый: $>H^*+L$.

¹¹ Еще один, не нейтральный, способ – нисходяще-восходящий контур типа ИК-4, который в этом случае передает «оттенок недовольства» [Брызгунова 1980: 114].

¹² В автосегментно-метрической модели этот акцент интерпретируется как H^*+L [Igarashi 2008; Дуригин 2021: 150] или как $H+L^*$ [Duryagin, Knyazev 2022].

¹³ Как в ИК-1 (в отличие от ИК-2).

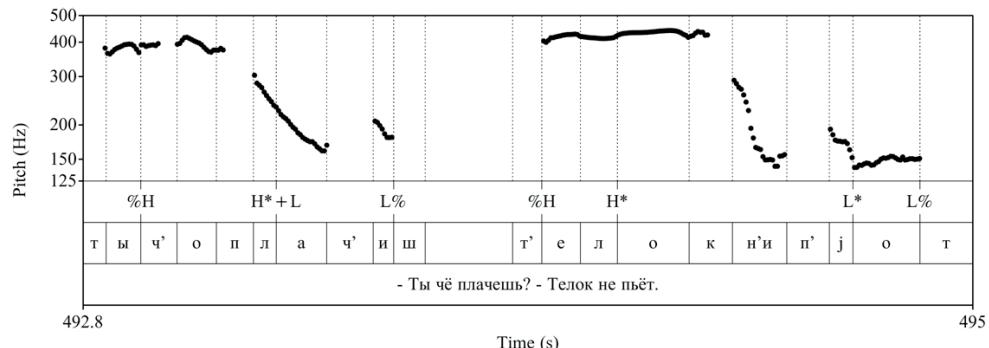

Рис. 6.1. Кривая ЧОТ фразы *Ты чё плачешь?* ЕВС1940-ок

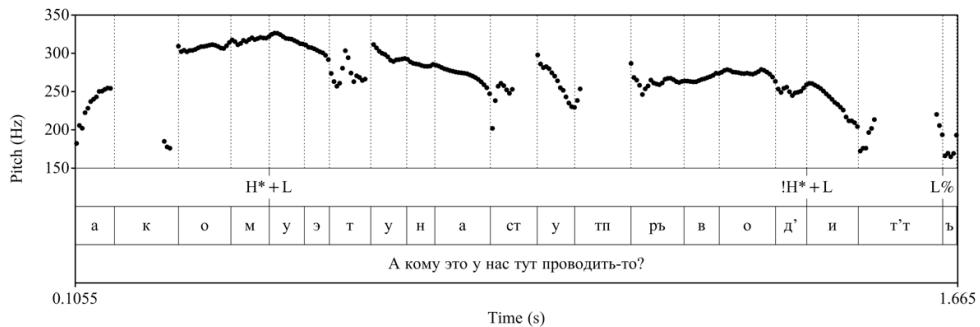

Рис. 6.2. Кривая ЧОТ фразы *А кому это у нас тут проводить-то?* ЕАС1932-ок

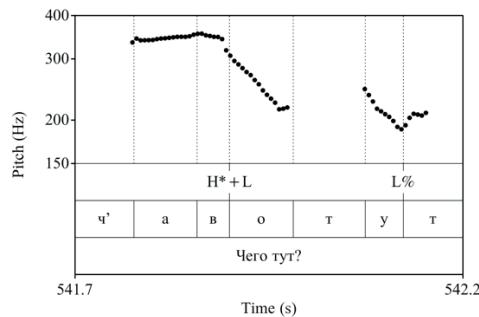
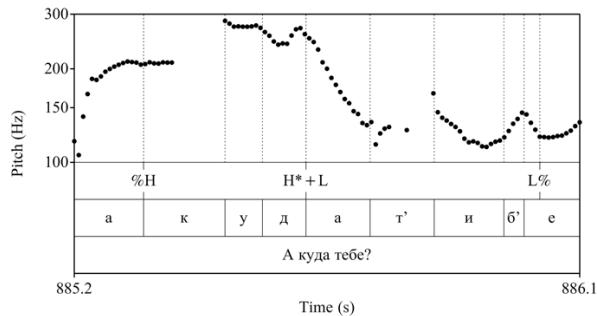
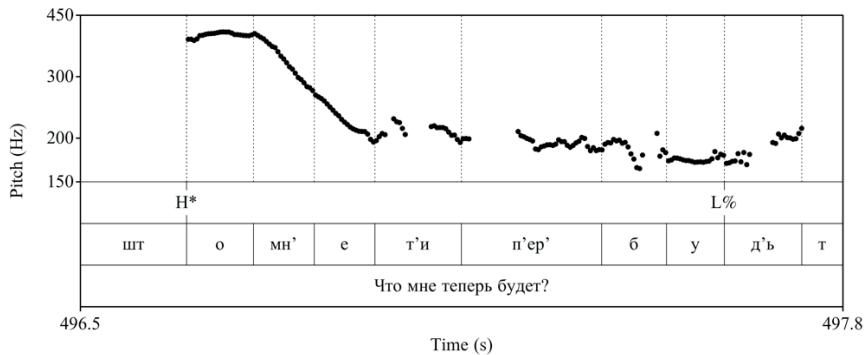
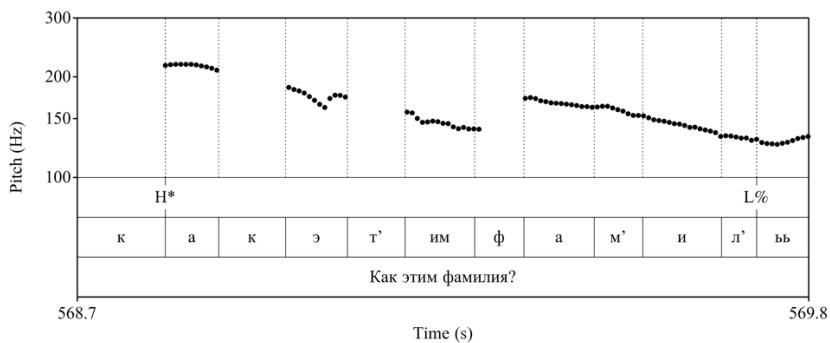

Рис. 6.3. Кривая ЧОТ фразы *Чего тут?* МНК1925-ок

Рис. 6.4. Кривая ЧОТ фразы *А куда тебе?* ЕФБ1923-окРис. 6.5. Кривая ЧОТ фразы *Что мне теперь будет?* ЕАС1932-окРис. 6.6. Кривая ЧОТ фразы *Как этим фамилия?* ТМГ1938-ак

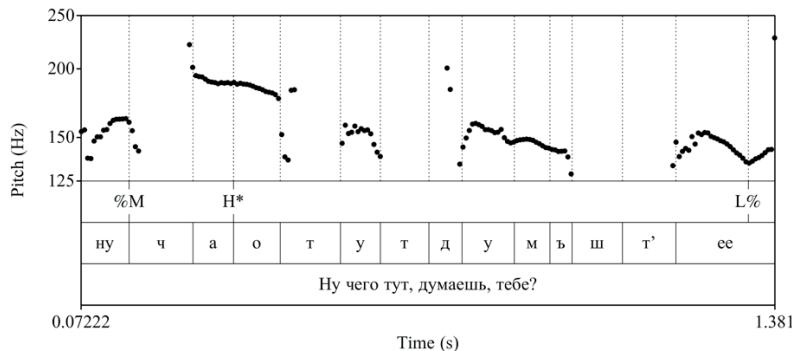

Рис. 6.7. Кривая ЧОТ фразы *Ну чё тут, думаешь, тебе?* НИГ1919-ак

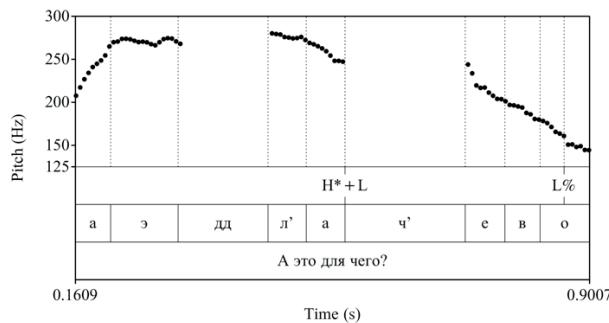

Рис. 6.8. Кривая ЧОТ фразы *А это для него?* ТКК1914-ак

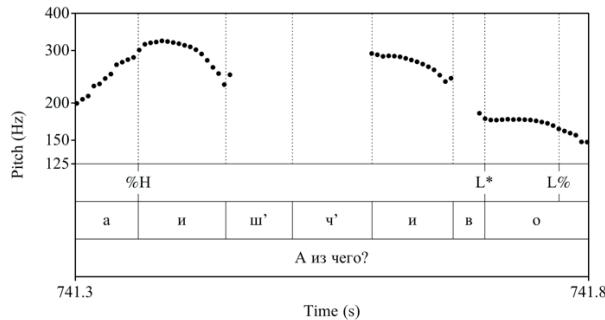

Рис. 6.9. Кривая ЧОТ фразы *А из чёго?* ТМГ1938-ак

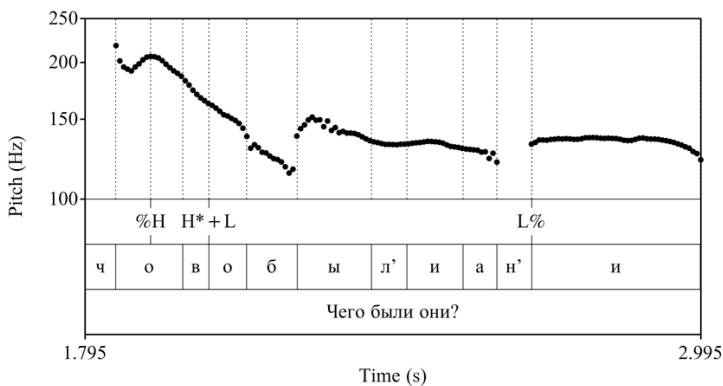

Рис. 6.10. Кривая ЧОТ фразы *Чего были они?* НИГ1919-ак

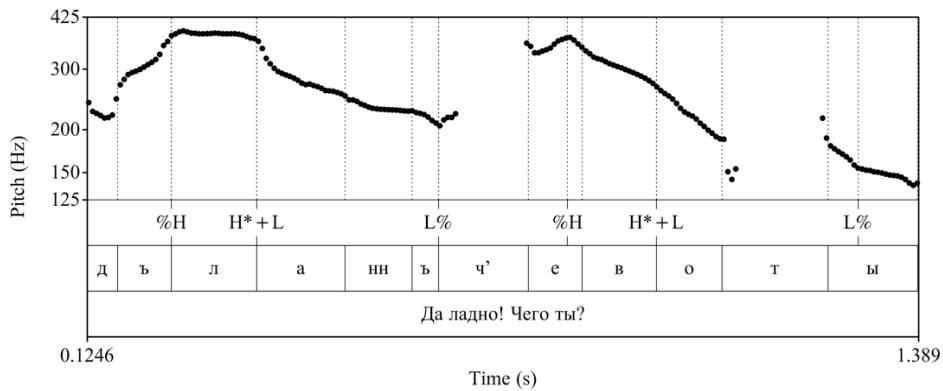

Рис. 6.11. Кривая ЧОТ фразы *Да ладно! Чего ты?* КАМ1939-ак

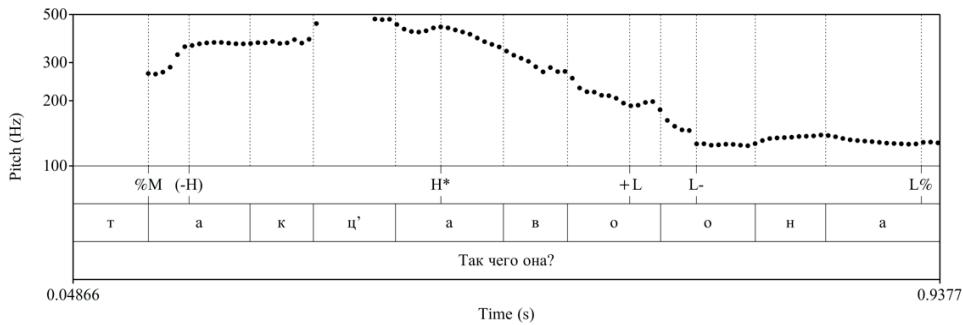

Рис. 6.12. Кривая ЧОТ фразы *Так чего она?* ПЕГ1914-ок

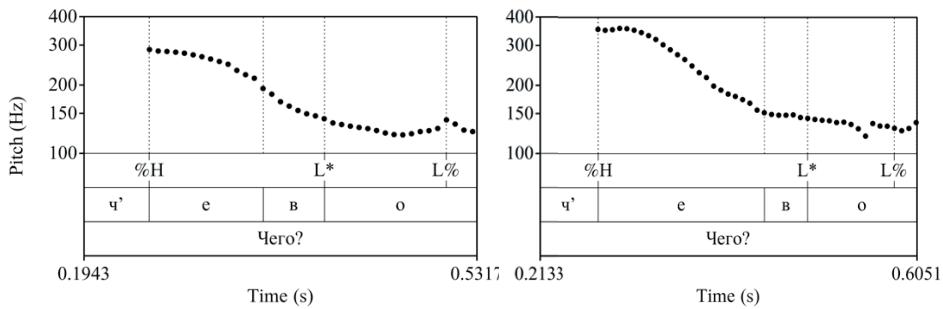

Рис. 6.13. Кривая ЧОТ фразы **Чего?** КАМ1939-ак

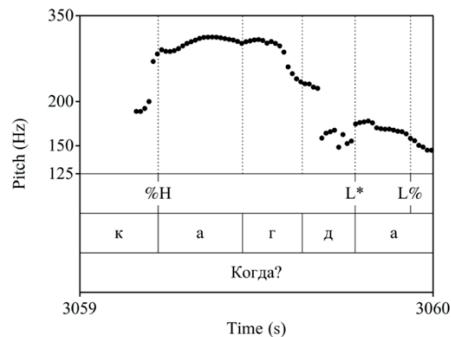

Рис. 6.14. Кривая ЧОТ фразы *Когда?* ТМГ1938-ак

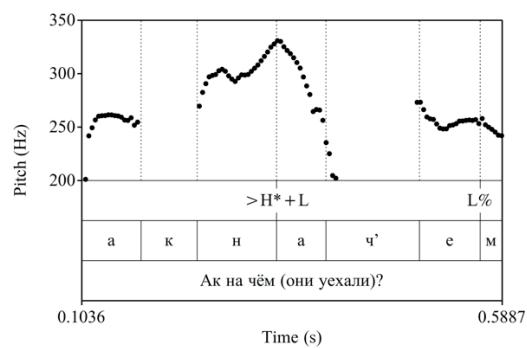

Рис. 6.15. Кривая ЧОТ фразы *Ак на чем (они уехали)?* МНК1928-ок

Как представляется нам на основании проведенного анализа, способы выражения незавершенности во владимирских говорах весьма сходны с теми, которые представлены в СРЛЯ:

- восходящий тональный акцент с низким конечным пограничным тоном типа ИК-3 ($L^*+H\ L\%$, см. рис. 7.1, 7.2),
- восходящий тональный акцент с высоким конечным пограничным тоном типа ИК-6 ($L^*+H\ H\%$, см. рис. 7.3–7.5) и
- низкий тональный акцент с высоким конечным пограничным тоном типа ИК-4 ($L^* H\%$, см. рис. 7.6, 7.7).

Отметим, что начальный пограничный тон в этих примерах обычно низкий.

Некоторое отличие от СРЛЯ можно усмотреть при этом в большей распространенности контуров с высоким конечным пограничным тоном во владимирских говорах.

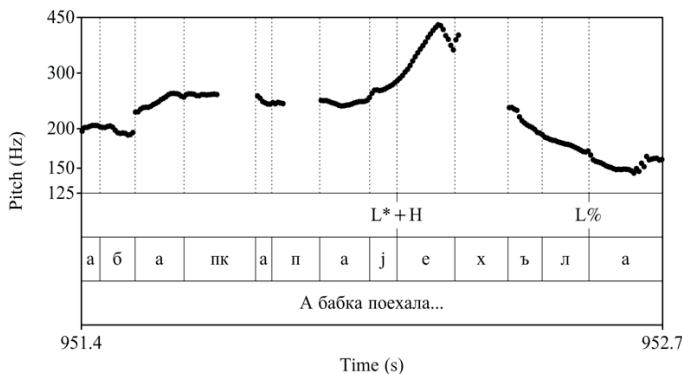

Рис. 7.1. Кривая ЧОТ фразы *А бабка поехала...* ЕВС1940-ак

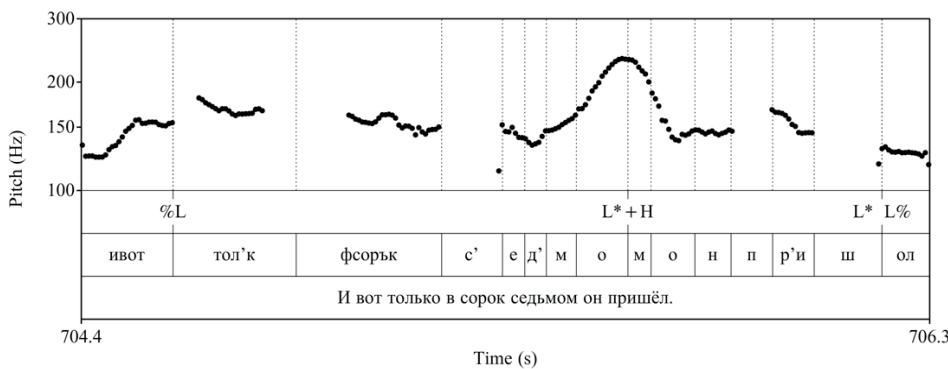

Рис. 7.2. Кривая ЧОТ фразы *И вот только в сорок седьмом он пришёл* ТМГ1938-ак

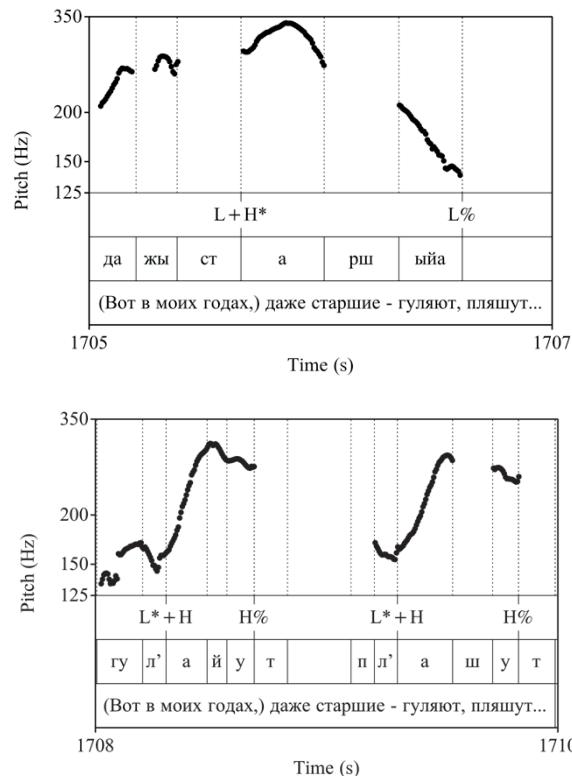

Рис. 7.3. Кривая ЧОТ фразы *даже старшие гуляют, пляшут...* ТМГ1938-ак

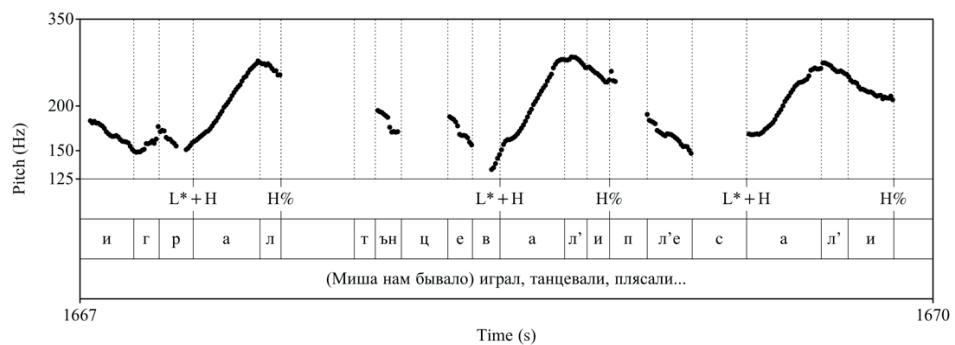

Рис. 7.4. Кривая ЧОТ фразы *играл, танцевали, плясали...* ТМГ1938-ак

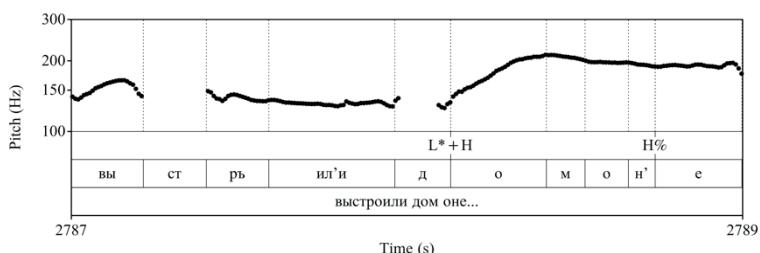
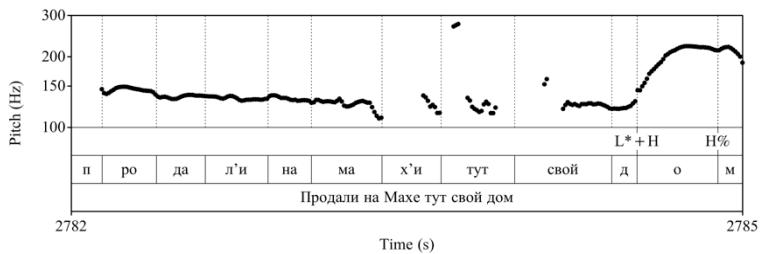

Рис. 7.5. Кривая ЧОТ фразы *Продали на Махе тут свой дом и уехали в Завод; выстроили дом они...* ЕФБ1923-ок

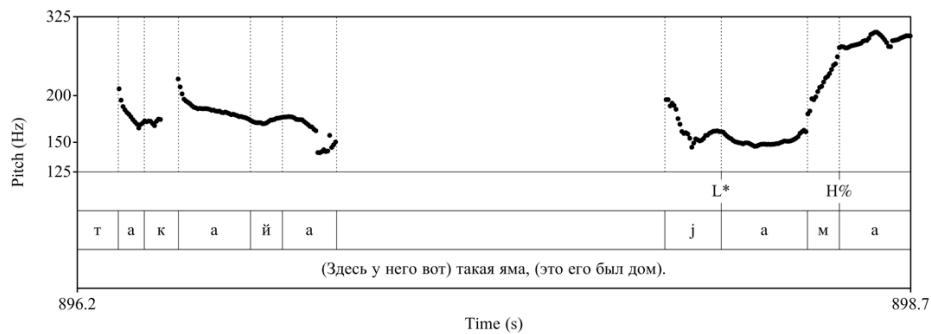

Рис. 7.6. Кривая ЧОТ фразы *такая яма* ЕАС1932-ок

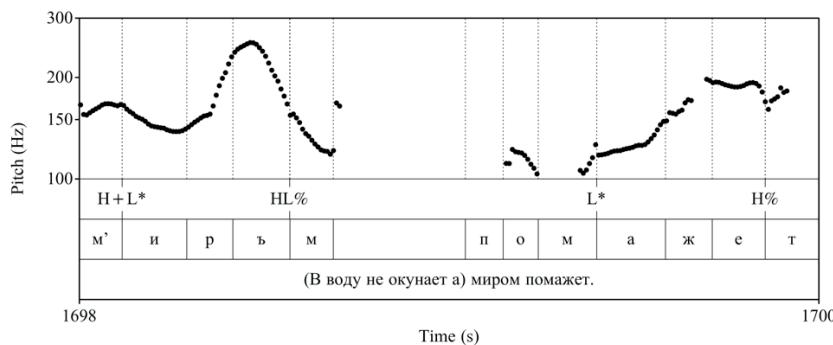

Рис. 7.7. Кривая ЧОТ фразы *(В воду не окунает а) миром помажет* ПЕГ1914-ок

8. Обращение

К сожалению, в нашем материале встретилось совсем мало примеров с обращениями (см. рис. 8.1–8.2), поэтому сделать какой-либо вывод об оформлении обращений во владимирских говорах пока не представляется возможным.

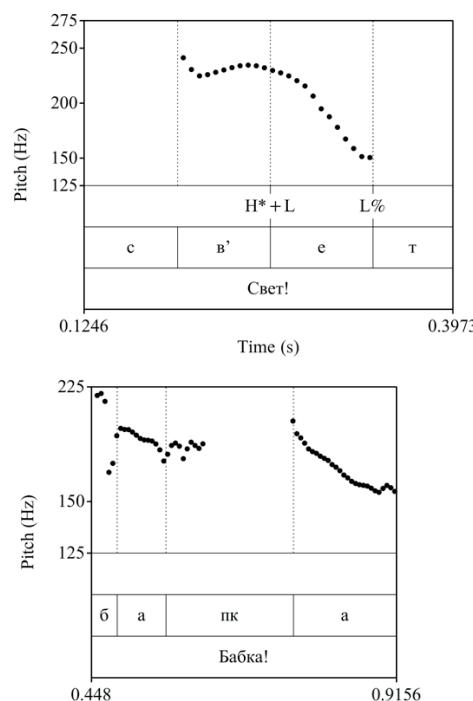

Рис. 8.1. Кривая ЧОТ фраз *Свет! Бабка!*
КАМ1939-ак

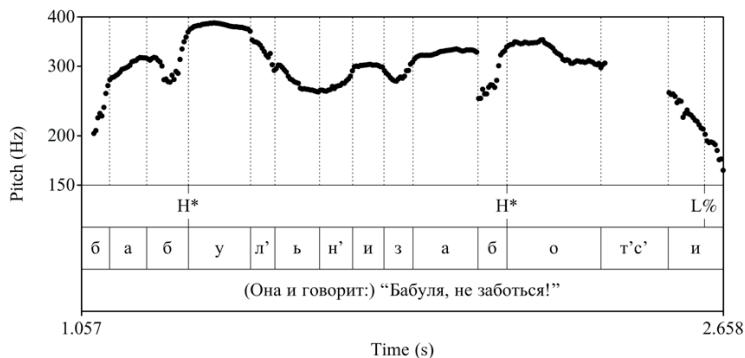

Рис. 8.2. Кривая ЧОТ фразы *Бабуля, не заботься!* КАМ1939-ак

9. Императив

Императивные конструкции представляют собой более или менее непрерывный ряд на шкале от настойчивого требования, почти приказа, до очень вежливой просьбы. Первые обычно оформляются во владимирских говорах акцентом H^*+L (см. ниже рис. 9.1–9.5), иногда с задержкой падения (рис. 9.2, *Ступай!*). Для последних характерно использование контура с тональным акцентом L^*+H (см. ниже рис. 9.6, 9.7). Промежуточные варианты интонируются преимущественно с использованием специфического тонального акцента $L+H^*$ (см. ниже рис. 9.8, 9.9).

Таким образом, степень вежливости повелительных предложений в исследованных говорах коррелирует с направлением тонального изменения: большая соотносится с восходящим тоном, меньшая — с нисходящим.

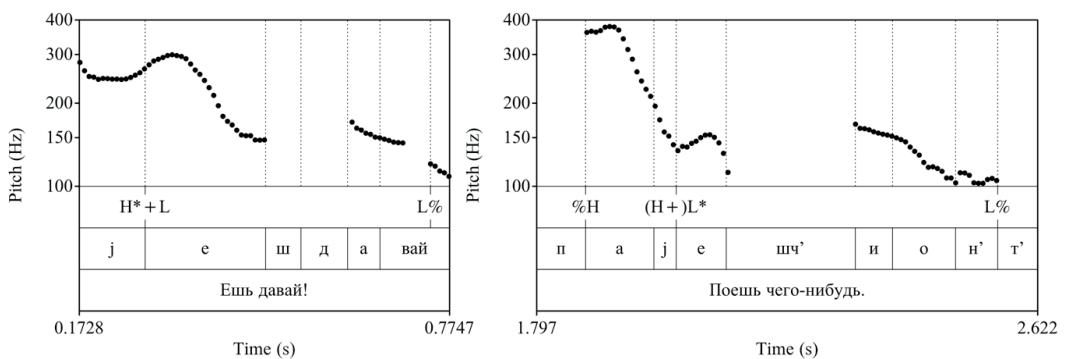
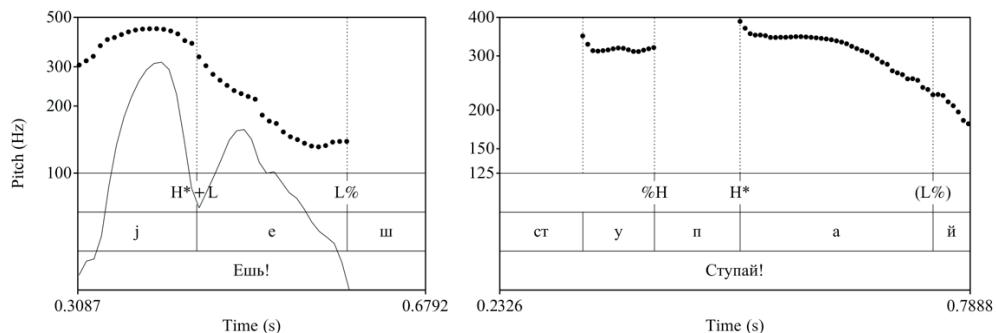
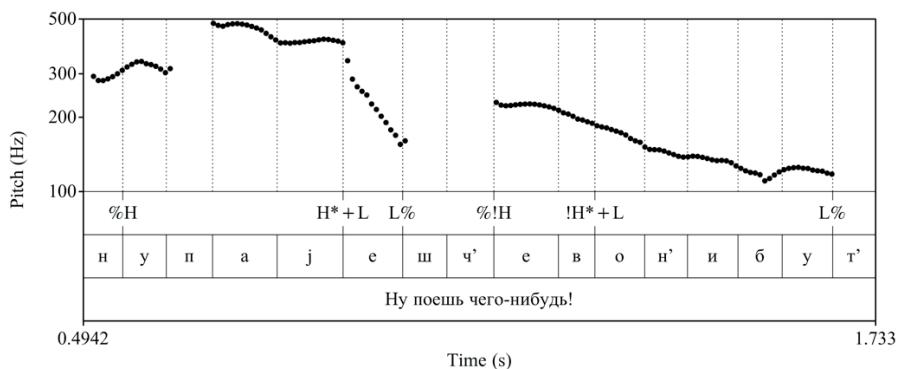
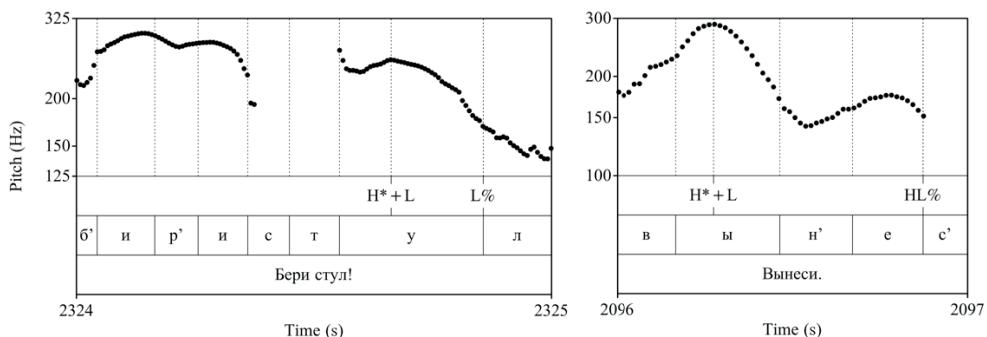

Рис. 9.1. Кривая ЧОТ фраз *Ешь давай!* *Поешь чего-нибудь.* КАМ1939-ак

Рис. 9.2. Кривая ЧОТ фраз *Ешь!* и *Ступай!* КАМ1939-акРис. 9.3. Кривая ЧОТ фразы *Ну поешь чего-нибудь!* КАМ1939-акРис. 9.4. Кривая ЧОТ фразы *Бери стул!* *Вынеси* ЕФБ1923-ок

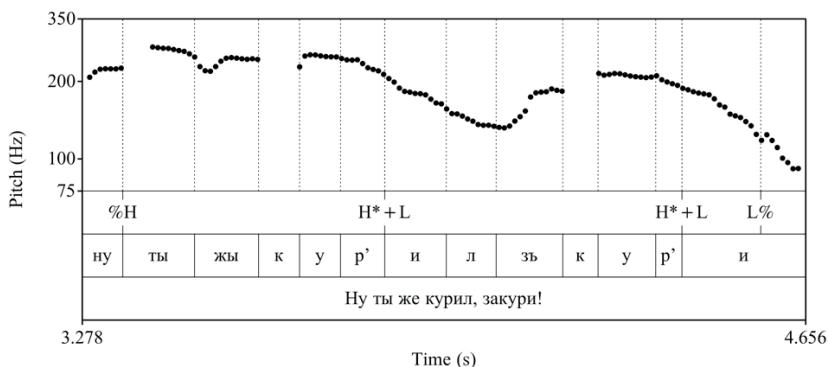

Рис. 9.5. Кривая ЧОТ фразы *Ну ты же курил, закури!* BCM1934-ак

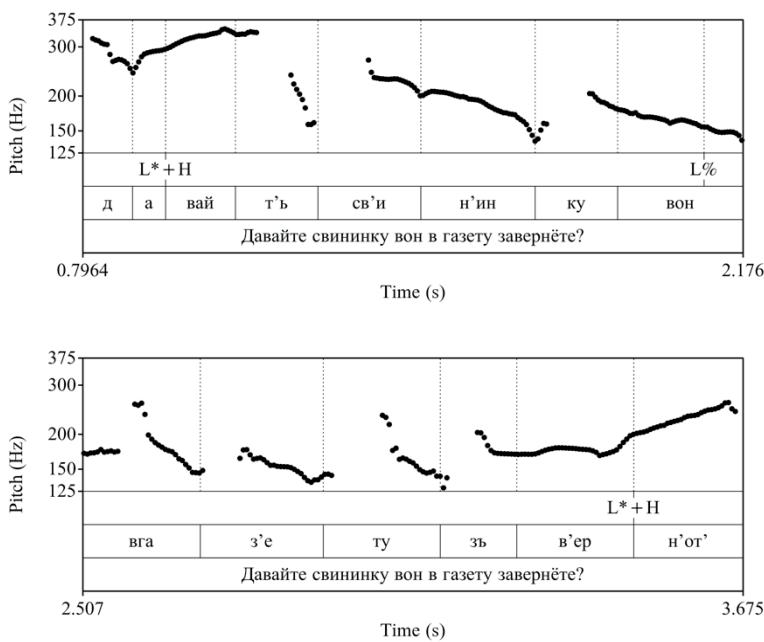

Рис. 9.6. Кривая ЧОТ фразы *Давайте свининку вон в газетку завернёте?*
KAM1939-ак

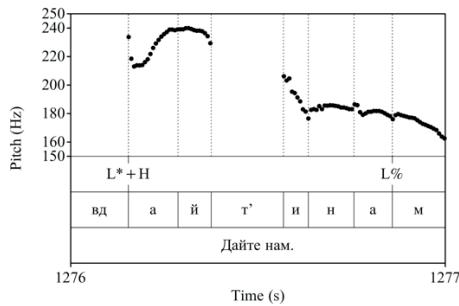

Рис. 9.7. Кривая ЧОТ фразы *Дайте нам* ЕВС1940-ак

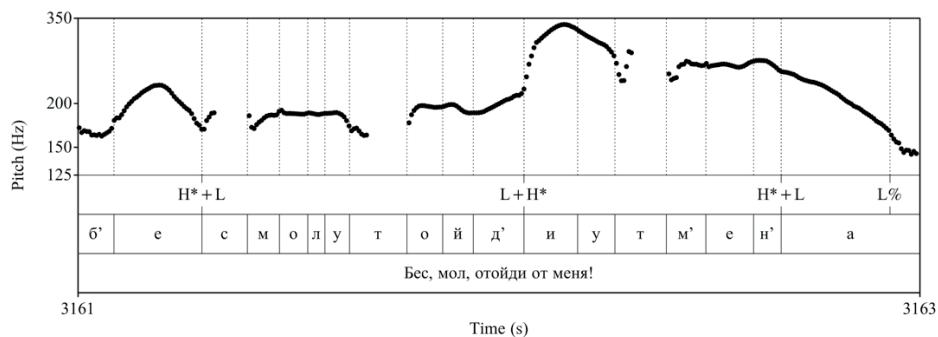

Рис. 9.8. Кривая ЧОТ фразы *Бес, мол, отойди от меня!* ПЕГ1914-ок

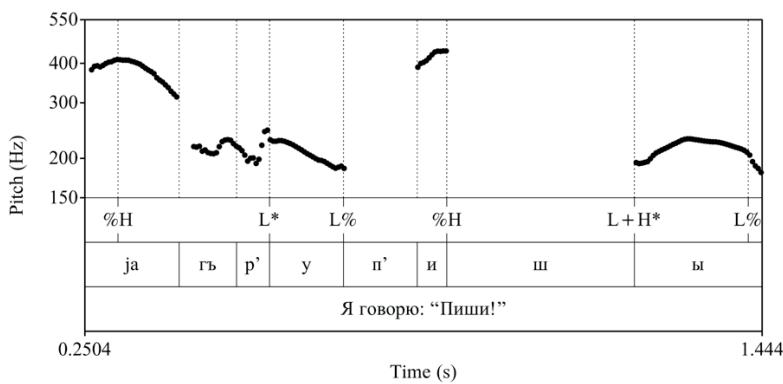

Рис. 9.9. Кривая ЧОТ фразы *Я говорю: «Пиши!»* КАМ1939-ак

10. Заключение

Приведенные выше результаты исследования фразовой просодии владимирских говоров дают основания для утверждения о том, что в целом их просодическая система близка литературной как в отношении наличия сходных тональных акцентов (L^* , H^*+L , L^*+H), так и в плане интонационного оформления базовых коммуникативных категорий — утверждения, общего и частного вопроса, незавершенности, императива. Основные ее отличия от литературной заключаются

- в наличии специфического восходяще-нисходящего тонального акцента $L+H^*$, используемого для оформления утвердительных и императивных высказываний;
- возможно, в наличии, как минимум, в прошлом тонального акцента H^* (в акающих говорах);
- реализации восходящих акцентов с отрицательным заносом (понижением ЧОТ на предударном гласном);
- более раннем тайминге восходящего L^*+H и нисходящего H^*+L тональных акцентов;
- регулярном использовании высокого начального пограничного тона;
- значительной частотности нисходящего конечного пограничного тона ($HL\%$);
- наличии следов «пословного» тонального оформления высказывания.

Интонационные различия между самими соседними владимирскими говорами — окающим и акающим — минимальны и заключаются не в наборе тональных фонологических средств, а в характере фонетической реализации и степени выраженности фонологических контрастов и степени распространенности просодических явлений.

Набор базовых тональных просодических средств фразового уровня и (основных) выражаемых ими значений во владимирских говорах может быть представлен в следующем виде:

- **%H**: утверждение;
- **%L**: общий вопрос, незавершенность, (вопрос с вопросительным словом);
- **L^*** : нейтральное утверждение; ядерный акцент;
- **H^*+L** : узкий фокус, вопрос с вопросительным словом, императив — ядерный акцент;
- **$L+H^*$** : утверждение (широкий и узкий фокус) — ядерный и предъядерный акцент, императив;
- **hL^*+H** : общий вопрос, незавершенность (ядерный и предъядерный акцент), вежливая просьба;

- **(H*)**: общий вопрос, вопрос с вопросительным словом, узкий фокус;
 - **L%**: завершенность;
 - **H%**: незавершенность;
 - **HL%**: завершенность + «риторическое давление».
- Основные тональные контуры в просодической системе владимирских говоров:
- **%H L* L%** (%H L* HL%): утверждение с широким фокусом («риторическое давление»);
 - **%H L+H* L%** (%H L+H* HL%): утверждение с широким фокусом («риторическое давление»), императив;
 - **%L hL*+H L%**: общий вопрос, незавершенность, просьба;
 - **%L H*+L L%**: вопрос с вопросительным словом, требование, утверждение с узким фокусом;
 - **%L hL*+H H%**, **%H L* H%**: незавершенность.

Библиография

Брызгунова 1967

Брызгунова Е. А., Интонация и смысл предложения, *Русский язык за рубежом*, 1967, 1, 35–40.

——— 1977

Брызгунова Е. А., Анализ русской диалектной интонации, *Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии*, Москва, 1977, 231–262.

——— 1980

Брызгунова Е. А., Интонация, *Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*, Москва, 1980, 103–118.

Всеволодский-Гернгресс 1922

Всеволодский-Гернгресс В. Н., *Теория русской речевой интонации*, Петроград, 1922.

Высотский 1971

Высотский С. С., О звуковой структуре русских говоров, *Исследования по русской диалектологии*, Москва, 1971, 17–41.

Дурягин 2021

Дурягин П. В., Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности, *Русский язык в научном освещении*, 2021, 1(41), 137–177.

Исаев 2004

Исаев И. И., *Развитие вокализма одного владимирского говора во второй половине XX века (на материале говора деревни Уляхино Гусь-Хрустального района Владимирской области)*, Владимир, 2004.

Касаткина 2002

Касаткина Р. Ф., Заметки о южнорусской интонации, *Материалы и исследования по русской диалектологии*, I (VII), Москва, 2002, 134–150.

- Кибрик, Подлесская, Коротаев 2009
 Кибрик А. А., Подлесская В. И., Коротаев Н. А., Структура устного дискурса: основные элементы и канонические явления, *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*, Москва, 2009, 55–101.
- Князев 2022a
 Князев С. В., О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением, *Русский язык в научном освещении*, 2022, 43, 1, 113–153.
- 2022b
 Князев С. В., О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением, *Вопросы языкоznания*, 2022, 1, 7–39.
- 2023
 Князев С. В., Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация, *Русский язык в научном освещении*, 2023, 44, 1, 32–65.
- Князев, Дьяченко 2023a
 Князев С. В., Дьяченко С. В., Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть I: Селигеро-Торжковские говоры, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2023, 1, 50–70.
- 2023b
 Князев С. В., Дьяченко С. В., Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть II: Псковские говоры, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2023, 2, 44–60.
- 2023c
 Князев С. В., Дьяченко С. В. Мелодический контур общего вопроса в западных среднерусских окающих говорах, *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН*, 2023, 3 (в печати).
- Князев, Евстигнеева 2022
 Князев С. В., Евстигнеева М. Ю., «Пословный» тональный контур в русских говорах: количественный аспект, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции Диалог-2022*, 21, Москва, 2022, 284–294.
- Кодзасов 2009
 Кодзасов С. В., *Исследования в области русской интонации*, Москва, 2009.
- Кузнецов 1949
 Кузнецов П. С., О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы, *Материалы и исследования по русской диалектологии*, 1, Москва, 1949, 5–44.
- Мораховская 1957
 Мораховская О. Н., Говор деревни Уляхино Курловского района Владимирской области, *Труды Института языкоznания*, VII, Москва, 1957.
- Падучева 1996
 Падучева Е. В., *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*, Москва, 1996.
- Пауфошима 1983
 Пауфошима Р. Ф., *Фонетика слова и фразы в северорусских говорах*, Москва, 1983.
- Пост 2007
 Пост М., К проблеме описания интонации общего вопроса в одном северорусском говоре, *Фонетика сегодня*, V, Москва, 2007, 156–157.
- Янко 2001
 Янко Т. Е., *Коммуникативные стратегии русской речи*, Москва, 2001.

— 2004

Янко Т. Е., Русская интонация в задачах и примерах, *Русский язык в научном освещении*, 2004, 2 (8), 86–123.

— 2008

Янко Т. Е., *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*. Москва, 2008.

— 2017

Янко Т. Е., О просодической вариативности, *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. XIII: Культура русской речи*, Москва, 2017, 205–214.

Arvaniti, Baltazani 2005

Arvaniti A., Baltazani M., Intonational analysis and prosodic annotation of Greek spoken corpora, *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*, Oxford, 2005, 84–117.

Beckman, Hirschberg 1994

Beckman M., Hirschberg J. ToBI Annotation Conventions. Ms. Ohio State University, 1994.

Beckman et al. 2005

Beckman M. E., Hirschberg J., Shattuck-Hufnagel S., The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. Prosodic typology, *The phonology of intonation and phrasing*, Oxford, 2005, 9–54.

Duryagin, Knyazev 2022

Duryagin P. V., Knyazev S. V., Prosodic diversity in Standard Russian: pitch alignment in Central and Northern varieties, *Russian linguistics*, 2022, 46, 2, 55–77.

Igarashi 2006

Igarashi Y., Intonational patterns in Russian interrogatives – phonetic analyses and phonological interpretations, *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*, Amsterdam, 2006, 175–196.

— 2008

Igarashi Y., Russian interrogatives and intonational categories, *The discourse potential of underspecified structures*, Berlin, 227–269.

Kachkovskaia et al. 2016

Kachkovskaia T., Kocharov D., Skrelin P., Volskaya N., CoRuSS – a New Prosodically Annotated Corpus of Russian Spontaneous Speech, *Proceedings of LREC*, 10, 2016, 1949–1954.

Keijspers 1983

Keijspers C. E., Comparing Dutch and Russian pitch contours. *Russian Linguistics*, 1983, 7, 101–154.

— 1992

Keijspers C. E., Recent intonation research and its implications for teaching Russian, *Studies in Slavic and General Linguistics*, 1992, 17, 151–214.

Odé 1989

Odé C., *Russian intonation: a perceptual description*, Amsterdam, 1989.

— 2005

Odé C., Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables, *Speech Communication*, 47 (1–2), 2005, 71–79.

Pierrehumbert 1980

Pierrehumbert J. B., The Phonology and Phonetics of English Intonation, Massachusetts, 1980.

Post 2005

Post M., *The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech* (doctoral dissertation), 2005.

— 2008

Post M., Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation, *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008, 233–236.

Rathcke 2017

Rathcke T., How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German, *Phonetica*, 73, 194–228.

Rietveld, Gussenhoven 1985

Rietveld A. C., Gussenhoven C., On the relation between pitch excursion size and prominence, *Journal of Phonetics*, 1985, 13, 299–308.

References

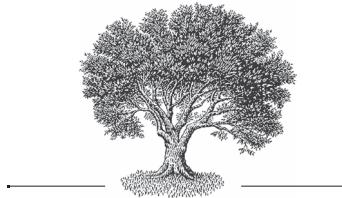
- Arvanit A., Baltazani M., Intonational analysis and prosodic annotation of Greek spoken corpora, *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*, Oxford, 2005, 84–117.
- Bryzgunova E. A., Intonatsii i smysl predlozeniiia, *Russkii iazyk z rubezhom*, 1967, 1, 35–40.
- Bryzgunova E. A., Analiz russkoi dialektnoii intonatsii, *Eksperimental'no-foneticheskie issledovaniia v oblasti russkoi dialektologii*, Moscow, 1977, 231–262.
- Bryzgunova E. A., Intonatsii, *Russkaia grammatika. T. 1: Fonetika, fonologija. Udarenie. Intonatsii. Slovoobrazovanie. Morfologija*, Moscow, 1980, 103–118.
- Beckman M., Hirschberg J. ToBI Annotation Conventions. Ms. Ohio State University, 1994.
- Beckman M. E., Hirschberg J., Shattuck-Hufnagel S., The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. Prosodic typology, *The phonology of intonation and phrasing*, Oxford, 2005, 9–54.
- Duryagin P. V., Russia Wh-Question Intonation: Experimental Data on Some Sources of Variation, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2021, 1(41), 137–177.
- Duryagin P. V., Knyazev S. V., Prosodic diversity in Standard Russian: pitch alignment in Central and Northern varieties, *Russian linguistics*, 2022, 46, 2, 55–77.
- Igarashi Y., Intonational patterns in Russian interrogatives – phonetic analyses and phonological interpretations, *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*, Amsterdam, 2006, 175–196.
- Igarashi Y., Russian interrogatives and intonational categories, *The discourse potential of under-specified structures*, Berlin, 227–269.
- Isaev I. I., *Razvitiye vokalizma odnogo vladimirskogo govora vo vtoroi polovine XIX veka (na materiale govora derevni Uliakhino Gus'-Khrustal'nogo raiona Vladimirskei oblasti)*, Vladimir, 2004.
- Kachkovskaya T., Kocharov D., Skrelin P., Vol'skaya N., CoRuSS – a New Prosodically Annotated Corpus of Russian Spontaneous Speech, *Proceedings of LREC*, 10, 2016, 1949–1954.
- Kasatkina R. F., Zametki o iuzhnorusskoi intonatsii, *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii*, 1 (7), Moscow, 2002, 134–150.
- Keijsper C. E., Comparing Dutch and Russian pitch contours. *Russian Linguistics*, 1983, 7, 101–154.
- Keijsper C. E., Recent intonation research and its implications for teaching Russian, *Studies in Slavic and General Linguistics*, 1992, 17, 151–214.
- Kibrik A. A., Podlesskaya V. I., Korotaev N. A., Struktura ustnogo diskursa: osnovnye elementy i kanonicheskie iavleniya, *Rasskazy o snovideniakh: Korpusnoe issledovaniye ustnogo russkogo diskursa*, Moscow, 2009, 55–101.
- Knyazev S. V., The structure of pitch accent in Russian dialects with “word-by-word” melodic contour, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2022, 43, 1, 113–153.
- Knyazev S. V., Sentence intonation in Russian dialects with word-by-word melodic contour, *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 1, 7–39.
- Knyazev S. V., Phrase finalizer in the Archangel'sk dialects: phonetic realization and phonological interpretation, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2023, 45, 1, 32–65.
- Knizayev S. V., Dyachenko S. V., Melodic Contour of Yes-No Question in Western Middle-Russian Dialect with Akan'je. Part I: Seliger-Torzhok Dialect, *Lomonosov Philology Journal*, 2023, 1, 50–70.
- Knizayev S. V., Dyachenko S. V., Melodic Contour of Yes-No Question in Western Middle-Russian Dialect with Akan'je. Part II: Pskov dialect, *Lomonosov Philology Journal*, 2023, 2, 44–60.
- Knizayev S. V., Evstigneeva M. Yu., “Poslovnyi tonal'nyi kontur v russkikh govorakh: kolichestvennyi aspekt, Komp'iuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhunarodnoi konferentsii Dialog-2022, 21, Moscow, 2022, 284–294.
- Kodzasov S. V., *Issledovaniia v oblasti russkoi intonatsii*, Moscow, 2009.

- Kuznetsov P. S., O govorakh Verkhnei Pinegi i Verkhnei Toimy, *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii*, 1, Moscow, 1949, 5–44.
- Morakhovskaya O. N., Govor derevni Uliakhino Kurlovskogo raiona Vladimirskei oblasti, *Trudy Instituta iazykoznaniiia*, 7, Moscow, 1957.
- Odé C., *Russian intonation: a perceptual description*, Amsterdam, 1989.
- Odé C., Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables, *Speech Communication*, 47 (1–2), 2005, 71–79.
- Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniia (Semantika vremeni i vida v russkom iazyke: Semantika narrativa)*, Moscow, 1996.
- Paufoshima R. F., *Fonetika slova i frazy v severnorusskikh govorakh*, Moscow, 1983.
- Pierrehumbert J. B., *The Phonology and Phonetics of English Intonation*, Massachusetts, 1980.
- Post M., K probleme opisaniiia intonatsii obshchego voprosa v odnom severnorusskem govore, *Fonetika segodnia*, 5, Moscow, 2007, 156–157.
- Post M., Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation, *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008, 233–236.
- Rathcke T., How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German, *Phonetica*, 73, 194–228.
- Rietveld A. C., Gussenoven C., On the relation between pitch excursion size and prominence, *Journal of Phonetics*, 1985, 13, 299–308.
- Vysotsky S. S., O zvukovoi strukture russkikh govorov, *Issledovaniia po russkoi dialektologii*, Moscow, 1971, 17–41.
- Yanko T. E., *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*, Moscow, 2001.
- Yanko T. E., Russkaia intonatsiia v zadachakh i primerakh, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2004, 2 (8), 86–123.
- Yanko T. E., *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte*, Moscow, 2008.
- Yanko T. E., O prosodicheskoi variativnosti, *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova. XIII: Kul'tura russkoi rechi*, Moscow, 2017, 205–214.

Сергей Владимирович Князев, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Отдела диалектологии и лингвистической географии
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
svknia@gmail.com

Светлана Владимировна Дьяченко, кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Отдела диалектологии и лингвистической географии
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
svet-lan-a@list.ru

Received February 18, 2022

Превратности глагола *быть* в языке олонецких причитаний*

Светлана Михайловна
Толстая

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Mutabilities of the Verb *byt'* 'to be' in the Language of Olonets Lamentations

Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматриваются формы глагола *быть* в языке олонецких причитаний, отклоняющиеся в своих значениях и функциях от стандартных для общерусского (литературного и диалектного) языка употреблений. Формы настоящего (*е/есть, нет/нету*), прошедшего (*бы, было*) и будущего (*буду/будет*) времени и их дериваты выступают в разнообразных конструкциях (в сочетании с личными формами глагола, причастием, инфинитивом, императивом) в функции частиц, как правило, с модальным значением. Аналогичные нестандартные конструкции известны и древнейшим письменным памятникам северо-западной зоны русского языка, отражающим смешанный церковнославянско-русский (гибридный) тип русского языка.

* Работа выполнена в рамках проекта «“Причтанья Северного края Е. В. Барсова”: материалы к словарю», поддержанного РФФИ (грант № 20-012-00205А).

Благодарю М. Н. Шевелеву за помощь и ценные замечания и советы, которые я постаралась учсть при подготовке статьи.

Цитирование: Толстая С. М. Превратности глагола *быть* в языке олонецких причитаний // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 225–257.

Citation: Tolstaya S. M. (2023) Mutabilities of the Verb *byt'* 'to be' in the Language of Olonets Lamentations. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 225–257.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.06

Ключевые слова

олонецкий диалект, причитания, глагол *быть*, связка, частица, грамматические конструкции, семантика, модальность

Abstract

The article examines the forms of the verb *byt'* ‘to be’ in the language of Olonets lamentations, which in their meanings and functions differ from the standard uses of the all-Russian (literary and dialect) language. The forms of the present (*e, est'* ‘is’, *net, netu* ‘is not’), past (*by, bylo* ‘was’) and future (*budu/budet* ‘will be’) and their derivatives appear in various constructions (in combination with personal verb forms, participle, infinitive, imperative) in the function of particles, as a rule, with a modal meaning. Some of such non-standard constructions are fixed in the oldest written texts of the north-western area of the Russian language, presenting a mixed Church Slavonic-Russian (hybrid) type of Russian language.

Keywords

Olonets dialect, lamentations, verb *byt'* ‘to be’, copula, particle, grammatical constructions, semantics, modality

Глагол *быть* занимает особое, можно сказать, ключевое место в структуре русского языка. Он является одновременно и краеугольным камнем этой структуры, и камнем преткновения для исследователей. Краеугольным камнем — потому, что он обладает, помимо своего первичного бытийного значения, важнейшей структурной функцией связи при образовании аналитических форм времени и сложных форм именных и иных предикатов. А камнем преткновения потому, что он задает исследователям немало трудноразрешимых задач. Этимологи до сих пор не дают окончательных ответов на вопрос о происхождении и соотношении презентных и инфинитивных (претеритных) основ этого глагола (т. е. *есть* и *быть*), а также вариантов основ с *бы-* и *буд-* [см.: ЭССЯ, 1–42–; Аникин, 1–13–]. Грамматисты не могут найти согласия по поводу того, являются ли полнозначный бытийный глагол и связка одной лексической единицей или разными (обзор мнений см. в: [Циммерлинг 2021: 8–11]). Акцентологи исследуют формы этого глагола в связи с проблемой энклитик [Зализняк 2008]. Семасиологи пытаются очертить смысловое пространство этого глагола во всех его употреблениях (см. прежде всего работы: [Апресян 2013; Idem 2014]). Синтаксистам не дают покоя типологически значимые конструкции «у меня есть» в связи с антитезой *быть* — *иметь* [Бенвенист 1974; Isačenko 1974; Mel'čuk 2019; Шевелева 2019].

Историки языка и диалектологи сосредоточены более всего на эволюции связи и судьбе аналитических конструкций (перфекта и плюс-

квамперфекта — [Хабургаев 1978; Петрухин, Сичинава 2006; Idem 2012; Idem 2013; Idem 2018; Шевелева 1993; Eadem 2001; Eadem 2002; Eadem 2006; Eadem 2007] и др.), а также конструкций будущего времени [Иса-ченко 1976; Хабургаев 1978] в памятниках письменности и диалектах русского языка [Кузьмина и Немченко 1968; Požarickaja 1991; Пожарицкая 1996; Eadem 2010; Дементьева 1973; Eadem 1977]. Общая картина эволюции связки настоящего времени в истории русского языка дана в книге А. А. Зализняка «Древнерусские энклитики», где есть специальная глава, в которой показано, что в живом языке устраниние связок настоящего времени (в перфекте и в именном сказуемом) произошло очень рано, а их сохранение было приметой книжного языка [Зализняк 2008]. Это положение в целом верно и для русских диалектов, в большинстве которых связки настоящего времени нет, как и в литературном языке.

Тем не менее историки древнерусского языка установили, что в некоторых памятниках северо-западной зоны (особенно псковских и новгородских) и Русского Севера употребление форм глагола **быти** в функции связок сохранялось дольше: «Конструкции с “избыточным” *есть*, вносящим значение удостоверительности, конструкции с *буде(m)* и конструкции с формами прошедшего времени глагола *быти*, среди которых есть и русский плюсквамперфект, и двупредикатные структуры с самостоятельным бытийным глаголом [...] находят соответствие в северо-западных русских говорах и отражаются в памятниках с достаточно раннего времени» [Шевелева 2002: 215]. И эта же особенность (сохранение связок) отмечена диалектологами в той же северо-западной зоне русских говоров. Наиболее подробно этот вопрос был исследован в работе [Кузьмина, Немченко 1968], основанной на картотеке Диалектологического атласа русского языка, архивных материалах, старых публикациях и собственных полевых наблюдениях, а также на некоторых фольклорных текстах (из сборников П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга). В ней было показано, что в этих диалектах не только сохраняются старые связки (прежде всего форма *есть*), но их употребление часто выходит за пределы прежних конструкций, а сами они превращаются в частицы (такие *есть* часто называют избыточными, удостоверительными, заверительными и т. п.). Позже некоторые интересные примеры такого рода из архангельских говоров рассматривались в работах С. К. Пожарицкой и других диалектологов ([Дементьева 1973; Eadem 1977; Трубинский 1975 и др.]). Особенно выделяются в этом отношении говоры Заонежья¹, которые не были охвачены систе-

¹ По свидетельствам собирателей XIX в., частица *е* вместо *есть* в заонежском крае употребляется очень часто [Кузьмина, Немченко 1968: 165].

матическими исследованиями ДАРЯ, но свидетельства о которых сохранились в записях А. А. Шахматова² и позднейших собирателей.

В связи с этим представляет интерес язык олонецких причитаний в сборнике Е. В. Барсова «Причитанья Северного края», в котором — благодаря большому массиву текстов (более 25000 стихотворных строк) — конструкций с разными формами глагола *быть*, и прежде всего со связкой настоящего времени, очень много [Барсов 1997]. Немало в этих текстах и других нестандартных — в том или ином отношении — форм глагола *быть*. Анализ их формальных особенностей, функций и семантики в текстах олонецких причитаний в настоящей работе будет дан в следующем порядке:

1. Основа настоящего времени — *е/есть*;
2. Основа прошедшего времени — *бы-* (*был, была, было, были*; инфинитив *быть*; част. *было*; част. *бы*; союз *быв*, имперфектив *быватель*, безл. предикатив *бывано*);
3. Основа будущего времени — *буд-/быд-* (личные формы *буду, будешь, буде/будет* и т. д.; союз *буде/быде*, союз *будто/быдто*).

1. Основа настоящего времени *е/есть*

В текстах олонецких причитаний как полнозначный глагол, так и связка в наст. вр. имеет две параллельные формы — *е* и *есть* для всех лиц и чисел³.

Полнозначный бытийный глагол в своем употреблении не отличается от литературного языка и большинства диалектов (если не считать двойственности формы: *есть* и *е*):

И на гостибище родитель есть ведь батюшко,
И на привет да е желанна родна матушка,
И на сретаньице ведь братец е родимой! С⁴ 414:274–276
И во домы да есть хозяин — родный батюшко,
И у печи да е хозяйка — родна матушка! С 362:24–25
И е три дочери у ней да ведь хороши С 470:147

² Шахматов А. А. Путевые заметки. Архив Академии наук. Ф. 134, оп. 1, № 225. См. также: [Шахматов 1886; Idem 1948; Гринкова 1947; Еремина 2004; Eadem 2007].

³ Эта двойственность свойственна также другим архангельским говорам (ср. [АОС, 13: 7]) и некоторым соседним северным и северо-западным диалектам, но последним, видимо, только в случае полнозначного глагола (ср. [СРНГ, 8: 310]).

⁴ Буква при цитируемых примерах обозначает соответствующий корпус причитаний из сборника [Барсов 1997]: С — свадебные, П — похоронные, Р — рекрутские, а цифры при примерах означают: первая — страницу, вторая — номер стиха.

В функции **вспомогательного** глагола *есть* в истории русского языка могло употребляться в составе 1) аналитических форм глагола (перфект), 2) составного именного сказуемого (в сочетании с существительными или прилагательными), 3) в составном сказуемом в сочетании с наречием или предложной формой существительного. Однако, как заметил А. А. Зализняк, «разграничение между служебным и полнозначным употреблением словоформ *есмь*, *еси*, *есть* и т. д. далеко не всегда очевидно» [Зализняк 2008: 221]. Действительно, в конструкциях с наречием или субстантивным обстоятельством типа *отец* *далеко* или *отец* *в поле* нулевая форма наст. вр. глагола *быть* может пониматься и как связка составного сказуемого, и как полнозначный глагол в значении ‘пребывать, находиться’⁵.

Относительно происхождения, лексического и грамматического статуса и функций формы (слова) *есть* существует большая литература, в которой обсуждается несколько автономных вопросов: 1) Одно ли и то же *есть* фигурирует во всех отмеченных конструкциях? 2) Связано ли слово *есть* с глаголом *быть*, т. е. является ли оно формой глагола или отдельным словом? 3) Как объяснить широкое употребление *есть* на фоне сплошной утраты связки наст. вр. в народном языке? 4) Связано ли современное диалектное *есть* с исчезнувшей связкой перфекта?

Во многих случаях связка наст. вр. *е/есть* употребляется в причтаниях в соответствии с книжной нормой древнерусского языка и вопреки нормам живого языка в составе именного сказуемого (в сочетании с существительным, прилагательным, причастием, локативным или иным обстоятельством). Каждая из этих позиций должна рассматриваться отдельно, поскольку судьба связок в них неодинакова: «Во фразах с именным сказуемым уже в древнерусскую эпоху получали значительное распространение модели без связки — *ты къназъ и Иванъ кназъ* (и в несколько меньшей степени — модели *ты старъ* и *Иванъ старъ*). Эволюция состояла здесь в постепенной экспансии этих моделей, так

⁵ В статье А. В. Исаченко 1939 г. утверждается, что глагол *быть* в русском языке имеет не две функциональные разновидности (1. полнозначный глагол и 2. вспомогательный глагол, или связка), а три: 1. полнозначный глагол, 2. вспомогательный глагол (в составе сложных временных форм) и 3. связка (копула), представленная в «безглагольных» предложениях типа «орель царь над птицами, а осетръ надъ рыбами» (Моление Даниила Заточника) [Исаченко 1976: 15]. В. И. Трубинский в работе, посвященной диалектным конструкциям с *есть*, исходит также из трехчленной структуры, но организованной иначе, а именно, предлагается среди конструкций «*есть* плюс *verbum finitum*» различать конструкции с *есть*, лишенные бытийного значения, близкие по своему характеру к частице (*я съездила есть в город*), и конструкции, в которых с глагольной формой сочетается полнозначное, экзистенциальное *есть* (*есть вернулись после плена*) [Трубинский 1975: 152]. Последние в работах М. Н. Шевелевой называются двупредикатными [Шевелева 2006: 215].

что в конечном счете в живом языке альтернативные модели со связкой вообще исчезли (но в литературном языке в научном, педантичном или возвышенном стиле фразы типа *жизнь есть борьба, это есть заблуждение возможны и ныне*)» [Зализняк 2008: 262]. «Для фраз с именным сказуемым картина в принципе такая же, как в перфекте, но эволюция идет заметно быстрее и достигает современного состояния раньше. В особенности интенсивен этот процесс во фразах с существительным в роли именной части сказуемого» [Ibid.: 255]. Рассмотрим эти категории случаев подробнее на материале олонецких причитаний. Сразу же следует сказать, что конструкции с сохраненными связками во всех позициях выступают наравне (параллельно) с конструкциями, где связки были утрачены в литературном языке и основной массе диалектов.

1.1. Сохранение связки наст. вр. *e/есть* в составе именного сказуемого с **существительным** в именной части (в т. ч. в Твор. п.) подтверждается следующими примерами:

Я вдова теперь *е* да молодешенька П 41:17

И перва дочь да у ней есть да все девичай,
И уж как друга у ней дочь да е вдовичай С 470:148–149

И уж как я, да горегорькой е детинушка
И оденёшенек, удалой добрый молодец Р 63:219–220

Наряду с этими конструкциями в причитаниях имеются многочисленные примеры без связки (или с нулевой связкой):

И дорога ж моя бесценна воля вольная!
И воля — красное миженъско мое солнышко
И воля — дённой ты теперь да белой светушко С 293:742–744

И тебе лавочка, голубушко, не думщичка,
И коробеечка, дитё, да не советничка С 307:277–278

1.2. Связка наст. вр. *e/есть* сохраняется также в составе именного сказуемого с **прилагательным** в именной части:

Ведь я девушка е да не дешёвая,
И моя волюшка е да не грошовая С 281:187–188

Мое личушко ведь е да не бумажное П 31:7

Не одна ты е на свете бесталанная П 153:274

И столько взгляд да у него-то ведь звериной,
И столько здох да у него-то есть змеиной! С 472:215–216

И строги-грозны богоданны есть родители! С 360:49
 И теперь годушки ведь е да все не прежнии Р 131:209
 И та птиченька ведь е да не гордливая
 И на речах-баснях она да не спесивая Р 106:122–123

Ср., однако, примеры с нулевой связкой:

И ваша думушка, родители, часовая,
 Моя жиrushка, родители, вековая С 279:102–103
 И как домишечко-то, скажут, некорыстны,
 Все житьишечко у их да небогатое С 280:118–119
 Как еще лукав злодий да россказ-большой сват С 282: 243
 И твои плечика, лебедушко, узёшеньки,
 И твоя силушка, лебедушко, малёшенька,
 И у т рученьки, у дитятка, тонёшеньки,
 И ум тот-разум во головушке глупёшенек! С 302:35–38

1.3. Связка наст. вр. *e/есть* в составе сказуемого с **обстоятельственным актантом**, в том числе предложным сочетанием, также может сохраняться, т. е. следовать нормам древнерусского книжного языка (А. А. Зализняк этих конструкций не учитывал⁶).

И ты с которой, солдат е да со сторонушки? С 357:433
 Уже где да е сердечно наше дитятко? П 159:81
 Я за горами ведь е да за толкучима П 88:76
 И тут проведали судьи неправосудный,
 Што к набору е скаженная жемчужинка Р 83:60–61
 Уже где да есть родитель-то наш батюшка? П 28:120

Ср., однако, примеры с нулевой связкой:

Там ведь темное теперечко залисьече,
 Очень малое ведь там да все безлюдьиче С 288:479–480

Помимо этих конструкций, соответствующих нормам древнерусского книжного языка, в причтаниях обнаруживается немало других нестандартных конструкций со связкой, не имеющих соответствия в древнерусском языке. К ним относятся:

⁶ Ср. также замечание в статье [Кузьмина, Немченко 1968: 149]: «[С]очетания с *где* отличаются от всех остальных тем, что *есть* здесь, может быть, не лишиено полностью лексического значения».

1.4. Конструкция ***e/есть*** + **презенс** финитного глагола НСВ может быть иллюстрирована следующими примерами:

- И отпускают е солдатов забилетных С 356:387
 И нынь волюшка моя да не огнем горит
 И дорогá моя ведь е да не смоловой кипит С 347:19–20
 И все спешится, знать, сестрича е родимая С 358:446
 И куды птиченька ведь е да солетается! С 395:101
 И оны писенки ведь е да воспевают С 409:61
 И стоит матушка у меня да е крестовая С 469:103
 И нынь под тученькой ты ходишь грязновитоей,
 И ты под облакой ведь е да страховитоей Р 67:63–64
 И туды птиченька ведь е да не пролётывае Р 201:612
 Мы ковер-то е кладем да тут персидский П 97:48
 Должники в долгах ведь е да попираются! П 150:133
 Туды ветрушки ведь е не провевывают П 160:111
 И теперь проща-то ведь есть да Государева
 И воотпуски теперь есть подомовыи
 И отпускает е солдатов забилетных С 356: 285–287
 И как война когда ведь есть да сочиняется Р 204:761
 Знаю-ведаю, невольна красна девушка:
 И про изменушку теперь да волю вольную
 И про злодиев-то рассказов-сватов больших,
 Про орудничка ведь есть да про блада сына С 284:317–320
 Все прогостюшка ведь е да наслушаются! Р 237:34
 Един крест стоит ведь е да поставленной! П 173:56.⁷

Однако во множестве подобных конструкций связка отсутствует, например:

- И он не сном да темну ночку коротает,
 И он горючима слезама обливается! Р 60:67–68
 И кругом-около родитель-то подхаживат,
 И хоть во ясни мни-ка очушки поглядыват!
 И уласкают светы-братьица родимыи
 И всё мильяма прелестныма словечушкам,
 И утешают-то бессчастна добра молодца! Р 62:145–149

⁷ Подобные конструкции известны и севернорусским диалектам. Ср. арханг. У меня там брад жывёт ѿесь [АОС, 13: 159]; Теперь ѿесь некоторы ткуд дорожки-ти [АОС, 13: 159]. Отмечены они и в некоторых письменных текстах [Шевелева 1993:139–140].

И он поближе к вам, родителям, двигаётся
 И он пониже-то, злодий, да поклоняется;
 И он засуливат, росскáз да злодий-больший сват С 281:202–204.

1.5. Конструкция ***e/есть + презенс*** финитного глагола СОВ (= FUT):

И, може, времечко ведь е да приизменится С 413:242
 И разлучат да многих добрых столько людушек,
 И как бурлакушков ведь е да с молодой женой! Р 129:123–124
 Как вода со льдом ведь есть да поразойдется П 27:109
Сговорят оны ведь есть да таково слово П 234:126⁸

Ср., однако, более распространенные конструкции без связки, например:

И чёрны вороны ведь там да принаграются;
 Вместо суседей спорядовых
 И со чиста поля собаки приналаются! С 288:488–490.

Конструкции, рассмотренные выше под номерами 1–5, уже отмечались в литературе, посвященной северо-западно-русским говорам и некоторым древнерусским текстам с признаками гибридного языка⁹.

1.6. Конструкция ***e/есть + императив*** представлена всего двумя примерами:

И родителя ведь есть да спомяните-тко! Р 241:203
 И ты ситцем дари ведь есть да новомодным С 470:126¹⁰

⁸ Ср. в олонецком духовном стихе, записанном А. А. Шахматовым: «А тут есть споррёчт Огапит-царь» [Еремина 2007: 165]; «И я состою церкви три соборных: Перву церьков е самому Христу, Другу церьков е пречистой Богородицы, Третью церков е Ёгорию Храброму» [Ibid.: 169].

⁹ В одной из первых работ о нестандартных употреблениях слова *есть* в северо-западных говорах русского языка приводились диалектные примеры практически на все указанные типы конструкций, в которых *есть/e* в составном сказуемом сочетается с существительным (*его сестра мне-ка золовка есть*), с прилагательным (*один солдат на тебя есть сердит*), с наречием или существительным с предлогом (*да у них сын то е в армии*), с глаголом в наст. вр. (*молчит все боле естья*), в прош. вр. (*я съездила есть в город*), в буд. вр. (*у тебя сын е пойдет учиться*), с причастиями страд. (*у меня е пол намытый*), с деепричастиями (*сестра-то тоже есть посивевши*) [Кузьмина, Немченко 1968]. Немало подобных примеров, почерпнутых из полевых записей, приводится также в работе [Трубинский 1975]. См. еще: [Дементьева 1973; Eadem 1977]. Что же касается материала древнерусских памятников, то конструкции с *есть* анализируются (в сопоставлении с диалектными данными) в работах М. Н. Шевелевой [1993; 2001; 2002; 2006].

¹⁰ Ср. еще пример из записанного А. А. Шахматовым олонецкого духовного стиха: «Ты поди-тко, царь, да к своей дочери [...] Ты е крёс положи по писаному» [Еремина 2007: 165].

1.7. Конструкция ***e/есть + прич. на -л*** в текстах при чтении по своей структуре аналогична форме древнерусского перфекта, но очевидно не является его реликтом, хотя бы потому, что в древнерусском языке перфект очень рано утратил связку 3-го лица¹¹.

1.7.1. Конструкция ***e/есть + прич. на -л*** СОВ может быть иллюстрирована следующими примерами (на фоне распространенных конструкций без связки):

И корабельщики ведь е да испугались! С 286:414

И никого ж, кажись, словечком не огрубила,

И я обидным, невольна, не обидила,

И я ни малых ведь е да недоросточеков С 433:338–340

И пошли людушки ведь е да всё баловливы Р 83:13

Теперь все прошло ведь е да миновалося П 182:16

На часу вдруг тут е да объявилося,

Стало солнышко за облака тулятися,

Настала туча темна неспособная П 202:27

И не пустыла хоть родима моя родинка

И на приезды е ведь братица родимыи Р 172:5–6

И чужих басенок, лебедушко, ослушалась

И я у девушек ли есть да жалких писенок

И у молодушек да есть ли тихих басенок С 369:5–7¹²

1.7.2. Конструкция ***e/есть + прич. на -л*** НСВ также встречается в текстах при чтении (на фоне более распространенных конструкций без связки):

И да мы друг-другу ведь е да покланялися С 454:14

Как в досюльны времена да было годышки:

И были людушки ведь е да запростейшии Р 83:4–5

Я сама знаю, горюша, сама ведаю

И про злодийную великую обидушку,

И како да е с братцем расставалася Р 96:143–145

¹¹ Ср.: «Главное отличие связок 3-го лица от связок 1-го и 2-го лица — это то, что в живом древнерусском языке они встречались очень редко, а именно в перфекте их не было вообще, а при именном сказуемом они употреблялись лишь в очень узком круге случаев. Таким образом, связки 3-го лица — это в основном элементы книжного языка, и этим в значительной мере определяется их просодическое и синтаксическое поведение» [Зализняк 2008: 236].

¹² Ср. примеры из духовного стиха в записи А. А. Шахматова: «А во двор ёна тут есть пошла» [Еремина 2007: 167]; «И тут стал да е по полю разъездати» [Ibid.: 168]; диал. Арханг. Там из Москвы теперь уш' юесь приехали да, дом купили [АОС, 13: 158]. См. также: [Пожарецкая 1991: 790–791; Шевелева 1993: 142–147].

И у нас во двори ведь е да не плодилося Р 212:41
 Я в обидушке ведь е да не живала П 174:23
 Где тонули ведь вы е да во синем море? П 214:284
 И как не издил-то остыдник блад отечской сын,
 И он ко этому ведь есть да к океан-морю С 423:59–60¹³

1.8. Конструкция ***e/есть + сослаг. накл.*** подтверждается лишь несколькими примерами:

И я закону бы ведь е не принимала бы Р 129:115
 И добры кони тебе были бы обседланы,
 И при седельышках ведь е да при черкасских Р 213:68–69
 Лучше матушка ведь е да не родила бы Р 244:323

1.9. Конструкции ***e/есть + страд. прич. на -н, -м*** в текстах олонецких притчаний представлены следующими примерами:

И не по тысячи залоги е положены! С 293:717
 И е повязаны ведь невода шелковый С 295:798
 И пистолетики ведь е да занаряжены ль? С 326:40
 И у нас девка под тебя да е подложена
 И молодая-то княгиня е сокрученна С 355:315–316
 И е поставлены ведь крепки караульщики! С 363:74
 И е наложены полы-мосты дубовые
 И е разостланы сукна да одинцовыи! С 368:268–269
 И е повязаны ведь неводы шелковые
 И е пошиты малогребельные-то лоточки С 384: 169–170
 Как тоской да е письмо да запечатано Р 106:161
 И ты отдана хоть е белая лебедушка Р 231:18
 Знать, все думушки его да е обдуманы П 181:14
Есть подогнаны ступистые лошадушки Р 50:4
 И тоже отданы сердечны есть ведь детушки
 И во злодийную во службу Государеву! Р 229:297–298

¹³ Ср. пример из олонецких записей А. А. Шахматова: «А три церкви строили соборные, / А первую церковь е да самому Христу, / А другую церкву е пречистой Богородицы, / А третью церковь е Ёгорию Храблому» [Еремина 2007: 168–169]; «Вы ведь брат е брата не любили» [Ibid.: 170]; арханг. *Не сказывала мне, что тамака ѿесь ткали; Езь было людей погибало* [АОС, 13: 159].

И е наряжено три грядочки клеймёных;
 И как еще да в тёплопарной теби баенке
 И е три стопочки поставлено точеныих С 368:294–295¹⁴

Примеры конструкций **без связки**:

Там построено хоромное строеньицо,
 Прорублены решётчаты окошечка.
 Врезаны стекольчаты околенка,
 Складены кирпичны теплы печеньки.
 Насланы полы да там дубовыи,
 Перекладинки положены кленовыи [...]
 Порасставлены там столики точеныи,
 Поразостланы там скатерти всё бранные
 И положены там кушанья сахárные,
 И поставлены там питьица медвяные П 42:61–72
 И красота взята его да все от пыльника,
 И белота взята его да все от чельника С 288:515–516

1.10. Неопределенные конструкции с *е*

Среди нестандартных конструкций с *е* заслуживают внимания встретившиеся в причтаниях конструкции с неопределенным значением, которым в литературном языке соответствуют неопределенные местоимения и наречия с частицей *-нибудь*: *какой-нибудь*, *где-нибудь* и т. п.

Вы возьмите сироту да переймите-ткось,
 Вы свезите-тко в какое *е* селенье П 213:226
 И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
 И како да е солдатское живленьице Р 216:11–12
 Знать, боишься ты великова несчастьица,
 Уж какого *е* злодейна бесталаньица! П 30:14–15
 И хоть каку да ни *е* весточку послала бы Р 100:56

1.11. Конструкции с отрицательными формами глагола *быть* — *нет/нету*

Согласно Фасмеру, исконной русской формой было *нету* (< *не ѿ toy*), а *нет* представляет собой ее упрощение [Фасмер, Трубачев, 3: 67]. В древнерусском языке самое раннее подтверждение формы *нету* — берестяная грамота № 147 (1220–1240): «*ъще сигово нету*»; сокращенная форма *нет* (*нъть*) фиксируется с XV в. (НКРЯ). Церковнославянская форма *ньсть* (ср. *Несть пророка в отечестве своем*) представляет собой

¹⁴ Ср. арханг. *Там картошка пожарена йесь, только снято с печки-то; Йесь у тебя везде напехано* [АОС, 13: 159].

элемент презентной парадигмы глагола *быти* (*нъсмь, нъси, нъсть* и т. д.) с отрицательной частицей *не* (т. е. *не юсь > нъсть*).

В текстах причитаний отрицательные формы полнозначного экзистенциального глагола с семантикой отсутствия *нет/нету* употребляются так же, как в литературном языке, и так же управляют Род. п. отсутствующего объекта (как и другие глаголы с отрицанием):

И нет суседушков ведь там да спорядовых,
И нету Божиих церквей да посвященных,
И нету звону на остуды колокольного,
И нет служителей у их да все церковных С 287:475–748

Но, в отличие от литературного узуса, в причитаниях представлены и безличные конструкции с *нет/нету* и неизменяемым страдательным причастием прош. вр.:

И во конюшеньке ведь нет да коня доброго,
И во хлевы да ведь скота нету рогатого,
И нету на́поли стогов да перегодных,
И нет засыпано засёков хлеба Божьего,
И на ногах нету козловых сапожёночек,
И зимней порой никакой нету шубёночки! С 288:503–508

И вы скажите-ко, народ да люди добрыи,
И уже нет ли у крылечика перёного
и сорока сажен подкопов да подкопано? С 326:36–38

И нет возращено крылатых ясных соколов,
И нет сердечных надёжных у меня детушек С 336:18–19

И мне первой обман от красной этой девушки:
И нет разостлано сукнов да одинцовских С 381:24–25

И нету стопочек росставлено точеных
И уже нет да трех косевчатых окошечек С 382:43–44
И нет возращено ведь белых лебедушек,
У меня зимних на бесёдушке прядиушек С 337:26–27

Эти безличные конструкции с *нет/нету* и страд. прич. могут быть истолкованы как отрицательные параллели к аналогичным утвердительным безличным конструкциям с *е/есть* (т. е. *не е/есть* *возращено*, *не е/есть ли* *засыпано* и т. п.).

Рассмотренные выше нестандартные употребления формы З л. наст. вр. глагола *быть* в олонецких причитаниях, отличающие их как от русского литературного языка, так и от большинства русских диалектов и северо-западных памятников письменности, чаще всего трактуются

как вырожденные, оторвавшиеся от системы глагола «избыточные» формы: «Нам представляется, что *есть* в составе глагольного сказуемого является элементом, не наделенным никакой специальной функцией, своеобразной «пустой» частицей — элементом, употребление которого не оправдано с точки зрения грамматической системы современных говоров» [Кузьмина, Немченко 1968: 159]. Ср. еще: «Приведенные свидетельства утраты спряжения глагола *быти* в презенсе в высшей степени значимы. Они говорят о том, что не позднее XII в. в живом языке северо-западной Руси форма *есть* превращалась в единую неизменяемую форму наст. времени бытийного глагола» [Шевелева 2001].

Относительно **происхождения** подобных «избыточных» конструкций с *есть/e* существует два основных мнения, в сущности не противоречащих друг другу. Согласно одному, такие конструкции объясняются структурными изменениями самого русского языка, согласно другому — они являются результатом финно-угорского влияния. Неоднократно высказывалась мысль о том, что эти конструкции возникли под влиянием форм перфекта: «Именно исторической связью с перфектом объясняется, вероятно, тот факт, что *есть* в современных говорах из форм изъявительного наклонения сочетается главным образом с формами прошедшего времени, причем по преимуществу — совершенного вида. В отношении же возникновения сочетаний *есть* с формами настоящего-будущего времени представляется вполне правдоподобной точка зрения В. И. Чернышева» [Кузьмина, Немченко 1968: 158]: согласно Чернышеву, конструкции с формами наст. и буд вр. возникли вторично, под влиянием конструкций с прош. вр. М. Н. Шевелева придерживается подобного мнения: «Наиболее вероятно, что диалектная частица *есть* может быть двоякого происхождения: прежде всего она восходит к связке древнерусского перфекта, превратившейся в неизменяемый модальный показатель — частицу со значением индикативности, подчеркивания реальности существования данного факта (аналогично тому, как превращался в модально-временные частицы вспомогательный глагол других аналитических форм — *бы*, *будет*, *было* [...], однако в части случаев частица *есть* может восходить и к полнозначному бытийному глаголу двупредикатных структур, трансформировавшемуся при соответствующем порядке слов в частицу [...]. Все эти типы конструкций с *есть* — и с полнозначным глаголом в сдвоенных структурах, и с удостоверительной частицей — оформляются достаточно рано и фиксируются уже в памятниках XII–XIII вв.» [Шевелева 2006: 216–217] (далее это показано автором на примерах из псковских летописей).

Однако, поскольку общей тенденцией в истории русского языка было как раз устранение связки наст. вр. в формах перфекта, подтверждаемое материалами письменных памятников с самого раннего времени, то вывод о сохранении конструкций *есть* под влиянием форм перфекта кажется нелогичным. В отличие от перфекта, полнозначная форма 3 л. ед. числа *есть* бытийного глагола хотя и потеряла в истории русского языка формы лица и числа, не утрачивалась и не превращалась в энклитику, поэтому более вероятным представляется развитие удостоверительной частицы *есть* (которая к тому же — по крайней мере, в причтаниях — сохраняет ударность) в результате трансформации именно полнозначного глагола. В пользу такого суждения говорит и факт параллельного развития частиц из полнозначных форм прошедшего и будущего времени (см. ниже).

Наряду с этим многие исследователи признают, что распространение и устойчивость подобных конструкций обязаны влиянию финно-угорского субстрата. Уже в статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко читаем: «[О]бращает на себя внимание то обстоятельство, что большей частотой употребления *есть* характеризуются говоры на территориях, где русские живут в непосредственном соседстве с вепсами и карелами — прежде всего это часть побережья Онежского озера. Заметим также, что диалектные конструкции с *есть* отмечаются и в русских говорах на территории Прибалтийских республик» [Кузьмина, Немченко 1968: 169]. Более определенно о роли финно-угорского влияния высказываются специалисты по северо-западным русским говорам: «Сопоставление этих конструкций [с *есть*] в русских говорах и прибалтийско-финских языках обнаруживает сходство между ними. Это объясняется наличием прибалтийско-финского этнического элемента на территориях русского Северо-Запада» [Дементьева 1977: 28]. См. также [Eadem 1973]. О финно-угорском влиянии на заонежские говоры говорил и А. А. Шахматов (подробнее см. [Гринкова 1947], где приводятся и более поздние данные, подтверждающие это влияние).

2. Основа прошедшего времени *бы-*

От основы прош. вр. образуются личные формы глагола, формы действительных и страдательных причастий, инфинитива, вторичные дериваты — имперфективы, а также частицы, союзы, модальные слова. Этим формам и дериватам глагола *быть* в истории русского языка посвящена большая литература, связанная в основном с судьбой так называемого русского плюсквамперфекта и сослагательного наклонения [Požarickaja 1991; Пожарицкая 1996; Князев 2004; Петрухин, Сичинава 2006; Шевелева 2007; Сичинава 2009; Idem 2012; Idem 2018; Добрушина

2016]. Сразу же следует сказать, что форм русского плюсквамперфекта (т. е. конструкций, состоящих из форм прош. вр. глагола *быть* и *л-причастия*) в текстах причитаний, в отличие от говоров Архангельской обл., описанных С. К. Пожарицкой [1991; 1996], не обнаружено. В работе [Пожарицкая 2010] рассмотрены модальные слова, образованные от глаголов *быть*, *бывать*, в русской диалектной речи; многие из них известны и текстам олонецких причитаний. Рассмотрим присутствующие в них формы, восходящие к основе прош. времени, в их специфических (нестандартных) употреблениях (личные формы глагола и связи прош. времени в составных сказуемых не отличаются от литературной и общерусской нормы).

2.1. Конструкции с инфинитивной связкой *БЫТЬ*

Инфинитив-связка глагола *быть* в текстах причитаний употребляется в основном в безличных конструкциях с модальными предикатами *надо*, *наб* ('надо бы'):

И безответной наб горюше быть работницей Р 181:229

В этих конструкциях инфинитивная связка ведет себя так же, как инфинитив полнозначных глаголов, ср.:

И наб смиреньице держать да всё со кротостью
И наб по уличке ходить, бедной, тихошенько,
И буйна голова носить надо низёшенько Р 150: 219–222

В независимом употреблении в сочетании с глаголами *надеяться*, *радеть*, *чаять* и т. п., так же как и в придаточных предложениях, управляемых этими глаголами, инфинитивная связка *быть* имеет семантику предстоящего, ожидаемого и часто (особенно при отрицании) нежелательного состояния:

И не начаялись солдаты, не надиялись,
Што ведь в живности победным быть головушкам! Р 189: 86–87;
И не радию я, солдат бессчастной,
И никакому-то теперь да неприятелю,
И столько быть да все во службы Государевой Р 203:735–736;
И не радию я, победная головушка,
И тоби быть да в грозной службе Государевой! Р 66:41–42

В следующем примере инфинитивная связка *быть* употреблена в оптативной конструкции с частицей *да* (правда, здесь трудно отличить оптативное *да* от обычной частицы с утвердительной функцией, аналогичной частицам *ведь*, *столько*, *как*, *ка*, *тко* и т. п.):

И на ученьице да быть бы мне понятному,
И сохранил бы мене Господи помиловал Р 177:51–54.

Наконец, инфинитивная связка возможна, как и в литературном языке, в изъяснительном придаточном с вопросительной частицей *ли*:

И не могу да знать, удалой доброй молодец,
И мне-ка быть ли на родимой на сторонушке! Р 90:324–325.

2.2. Конструкции с частицей *бы*

Бы (б) в разных синтаксических функциях (частица, союз) представляет собой реликт формы 3 ед. аориста глагола *быть* [Аникин, 5: 269]. Обстоятельное исследование Н. Р. Добрушиной, посвященное сослагательному наклонению в русском литературном языке, а точнее, как сказано в аннотации, «грамматическим употреблениям частицы *бы* (б)», т. е. ее употреблениям в сочетании с личными формами прош. времени, инфинитивом, предикативом, существительным и другими неглагольными единицами [Добрушина 2016: 10], дает возможность выявить и интерпретировать на фоне литературного языка специфику языка олонецких причитаний в отношении функций и семантики частицы *бы*. С. К. Пожарицкая подробно рассмотрела функции *бы* в севернорусских говорах, выделив следующие типы: 1. двуучленная конструкция с противительными частицами *да*, *дак*, *а*, *но*, *только* с предикативами или глаголами в наст. и прош. вр. (*Мне бы охота сходить, да некогда; Она зовет бы, да я не хочу; Они бы не запрещали, но мы не могли*); 2. *бы* в сочетании с одним предикатом (*Она бы споет; У нас земля бы очень хорошая*), где *бы* аналогично частице *ведь*; 3. *бы* в сочетании с императивом (*Чего хош бы делайте; Хоть топеря бы поезжай*) [Пожарицкая 2010: 105–113]. В языке причитаний такие конструкции с частицей *бы* не отмечены. Но в них представлены другие нестандартные типы употреблений. При этом формы сослагат. накл. с глаголами прош. вр. в олонецких причитаниях не отличаются от соответствующих конструкций литературного языка и других диалектов, ср.:

Кабы видели злодийную смерётушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовые,
Мы бы слали скатерти да тонкобраные,
Положили бы ей вилки золочёные,
Положили б востры ножички булатные,
Нанесли бы всяких ествушек сахарниих,
Наливали бы ей питьица медвяного,
Мы садили бы тут скорую смерётушку
Как за этии столы да за дубовые,
И ласково бы ей тут говорили П 26:46–55

Дал бы Господи талану вам бы участи П 46:45
 И тут бессчастна бы головка не клонилася Р 74:366
 И ты б просила бы прощенья сblasловленыицем С 335:34
 Как была бы я, белая лебедушка,
 В своем доме, в светлой светлице,
 Я сидела б под косевчатым окошечком,
 Я глядела б на широкую на уличку П 143:49–52
 Сама вышла б на крылечко перёное П 143:58
 Почитали б тебя сродчи-милы сроднички,
 Не обидили б, победную головушку! П 182:13–14

2.3. Модальные конструкции *бы* + инфинитив

В литературном языке безличные конструкции с модальным предикативом и инфинитивом в желательном или контрафактивном значении представлены двумя типами: с частицей *бы* (*Надо бы поестъ!*) или с частицей *бы* и связкой *было* (*Надо было бы поестъ!*); и те и другие считаются весьма архаическими [Пичхадзе 2010: 21; Добрушина 2016: 128]¹⁵.

Конструкция *бы* + инфинитив (как НСВ, так и СОВ) в олонецких причтаниях имеет семантику сожаления о желательном, но не исполненном действии ('надо было бы сделать, но не было сделано'):

Я прогулапала родитель-свою матушку:
 Мне держать бы-то родитель во белых руках,
Прижимать бы мне родитель ко белым грудям,
Не давать бы мне злодийке-душегубице! П 66:29–32;

В киселю бы им злодиям задавитися,
 В пресно молочко злодиям бы залития!
 И гля этих бы гостишек нелюбимых,
 И только для этих людышек некорыстных,
И им собрать бы то на дверную на лавочку,
 И столько класть да коробейчанко бездонная,
 Скатерётка положить да однозубная,
Им бы ложки положить да всё ольховые,
 И столько чашенька им класть да ведь осинова,
Им бы хлеба положить столько сухова,
 И квасишку подливать им бы прянозва,
 И лучиночка зажгать бы им соснова,
 Во трех дымах бы она да все дымлёная
 И недостойны бы ведь этии людышечка,
 И как сидить да за моим столом дубовыми!

¹⁵ Опущение связки в сослагательном наклонении отмечено в берестяной грамоте XI–XII вв. № 752: *аже бы ти годънъ* [Зализняк 2004: 143].

И все не этому бы князю за столом сидить,
И не мне-кова ходить да столько подчивать! С 284: 327–338¹⁶

2.4. Модальные конструкции *было + инфинитив*

В олонецких причтаниях, помимо рассмотренных в предыдущем разделе безличных конструкций с частицей *бы* (*Им бы хлеба положить сухова*) в контрафактивном значении, используется специфическая конструкция без предикатива с одной лишь связкой *было* (т. е. не *Тебе бы поесть*, а *Тебе было поесть*), по существу синонимичная конструкции с бессвязочным *бы*. Эта конструкция с *было* функционально и семантически соответствует литературным и диалектным конструкциям с предикативом и связкой *было* без частицы *бы* (*Надо было поесть*) с семантикой сожаления по поводу несостоявшегося (неисполненного) действия. Однако в данном случае обнаружены примеры только с глаголами (инфinitивами) СОВ.

В СРНГ эта частица документируется только олонецкими примерами [СРНГ, 3: 346]¹⁷.

И мне-ка стать было, невольной красной девушке,
И мне на резвы стать девόчъи эти ноженьки, [...]
И мне пройти было, невольной красной девушке,
И со унылого пройти да задня юголка,
И по единоей дубовоей мостиночке С 313:1–7

И мне воздать было спасибо с благодарностью,
И мне-ка низкий поклон да с челобитьцем С 319:11–12

И нонь пойти было, невольной красной девушке,
И мне по высоку пойти да всё по терему
И повзыскать да возлюбленну мою сватушку С 332: 77–79

Мне пойти было, кручиной головушке,
Мне во эти мелкорубленые клеточки,
Мне-ка взять было ключи да золочёныи,
Отмкнуть было ларцы да окованныи,
Мне-ка вынять там жилеточки шелковые,
Мне-ка взять да столько цветно его платьице
На свои мне-ка на белы эти рученьки! П 49:1–7

¹⁶ Ср. в записях А. А. Шахматова: «И не этим бы, родителёк, Добрый коням у крыльца стоять. И не этим бы гостюшкам за столом сидеть» [Шахматов 1948: 44:40–42]. Ср. еще конструкцию с модальным предикативом: «Делайте гробницю не малую — Можно бы двоим лежать, Можно бы сидя сидеть и стоя стоять» [Ibid.: 71:81–82].

¹⁷ Аналогичные употребления частицы, производной от основы прош. вр. бытийного глагола, известны в украинском и белорусском Полесье: волын. «Було ни савити, ни варварити, а сорочку справити» [Аркушин 2016: 43]; брест. «Булó ны варвáрыты й ны сáвity, а трéба булó кудильку сóвгаты» [Климчук 1968: 23].

Мне пойти было, кручинушке,
 Ко могилушке муравчатой,
 Мне припасть было, победнушке,
 Тут ко матушке-сырой земле П 71–72:9–11

И нонь пройти надо солдатушку бессчастному,
 И мне во Божью пройти церковь посвященную,
 И попросить было попа-отца духовного Р 228:247–249

В одном из примеров при отсутствии модального предиката оптативное значение связки-частицы *было* усиливается добавлением модальной частицы *бы*:

И утереть да красной девушки,
 Мне-ка было бы ведь личушко! С 427:56–57¹⁸

2.5. *Бы* в безглагольных конструкциях

В некоторых случаях частица *бы* выражает модально-оптативное значение независимо от глагола, вне конструкции сослагательного наклонения или конструкции с инфинитивом, в сочетании с именной частью сказуемого при нулевой связке:

Не списали мы родителя-то батюшка
 На потрет да его бело это личушко,
 На эту на гербовую бумаженьку,
 Его желты бы завивны кудёрышки,
 Его ясно развеселое бы личушко,
 Прелестны бы, утивы словечушки,
 Велико бы родительско желаньицо! П 27: 95–101

«Во трех дымах бы она [лучиночка] да все дымлённая
 И недостойны бы ведь эти людышечка
 И как сидить да за моим столом дубовым!» С 284: 334–335

В приведенных примерах трудно определить синтаксическую функцию частицы *бы* из-за вероятной эллиптичности всей фразы, в которую она включена. Скорее всего это *бы* все-таки связано с опущенным предикатом с оптативным значением, т. е. всю конструкцию можно было бы реконструировать примерно так: ‘мы не списали его портрет, а [надо было бы списать = списать бы] его развеселое личушко и т. д.’

¹⁸ В олонецких записях А. А. Шахматова встречаются подобные конструкции с инфинитивом с ирреальной семантикой, в которых, однако, фигурируют не только безличное *было*: «Недосуг ему да тёмной ночки спать. Ему вряд ли было добрых коней искать» [Еремина 2007: 166, строки 86–87], но и личные формы прош. вр. глагола *быть* со значением долженствования: «Благодарствую, князь ст[ольнокиевс]кий, на твоём на чёстном пиру; не дочку быў я сватати, а был Ставра из погреба выручивати» [Шахматов 1948: 54].

Частица *бы* в олонецких причтаниях не имеет фиксированного порядка в целевых и оптативных конструкциях ни в отношении предиката, ни в отношении союза и может прикрепляться к разным членам конструкции, что создает эффект **иррадиации оптативности** в тексте:

И попрошу светов-желанных родителей,
 И штобы наняли ведь баенных истопщиков
 И ключевой воды оны да водонощицков,
 И что топили бы ведь парну эту баенку
 И про меня да все про белу бы лебедушку,
 И мне умыть да свое белое бы личушко,
 И мне-ка синь измыть, невольной, с-под ясных очей,
 И мне-ка печаль со ретливого сердечушка,
 И горьки слезушки измыть да со ясных очей,
 И учесать да мне-ка блада бы головушка,
 И уплести да мелкопрядна мне-ка косынька! С 300: 1044–1053

2.6. ***Бы* в функции сравнительного союза** известно не только олонецким, но и другим русским говорам [СРНГ, 3: 335].

Ср. фрагмент причтания, где сравнительный союз *бы* выступает в чередовании с другими сравнительными союзами – *как, быв*:

И как до этой до студёной, холодной зимы,
 И быв свеща у нас была да нетоплённая,
 И как верба да был, наш свет-то, золочёная,
 И бы сахарная он был да деревиночка,
 И как налимная изюмна ягодиночка! Р 59:18–23

2.7. Сравнительные союзы *быв* и *быв как*

Союз *быв* исторически представляет собой форму действ. причастия прош. вр. глагола *быть*. В функции сравнительного союза он отмечен только в архангельских и олонецких говорах [СРНГ, 2: 335].

И принаехали россказы-сваты больши
Быв гроза да превеликая С 278: 47–48
 Я быв птиченъка в темном лесе пугаюся П 84:13.
 В темном лесе быдто бор да разгоряется,
 Во все стороны быв пламень как кидается П 232:60
 И быв от тученьки-от грому испугалася
 И я от этого блада сына отечского С 320:24
 И красны девушки миня да сторонилися,
 И быв чужанина миня да полошилися! Р 65:36
 И быдто белочки солдатушки поглядают,
 И быв упалы серы заюшки посматривают Р 70: 222–223

И быв как летная трава да подкошённая,
И точно рыбинка во сетку изловлённая! Р 214:119

Тучи нет, а быв как гром гремит,
Грому нет, а искры сыплются! Р 236:12–13

И быв кокоша в сыром бору вскоковала,
И темну ноченьку она протосуковала,
И все горючима слезами обливалася! Р 242:229–231.

И я тонка иду, невольна, как тетиночка,
И зелена иду быв вёшная травиночка С 327:72.

И у стола да мои детушки едучи,
И во фатеры мои дити хлопотливыи,
И быв на улички, сердечныи, дурливыии! Р 164: 31–33.

3. Основа будущего времени *буд-/быд-*

Параллелизм форм *буд-* и *быд-* в текстах причитаний представляет собой не морфологическое явление, т. е. не синкетизм основ прошедшего и будущего времени глагола *быть*, а продукт фонетического варьирования *у~ы* после губного согласного, ср. еще формы императива: *будь*, *буди* и *быдь*, *быди*: «И быдь великим мне желаньицем!» С 467:14, а также приставочные дериваты глагола *быть* типа *не забыдь* ‘не забудь’: «Не впадись в тоску — великую кручинушку, Не забыдь своей надежной головушкиси! П 206:85–86 или «И с перелоху-то сбыдут белы рученьки И тут падёте вы во синее во морюшко» Р 105:97–98: *сбыдут* от *сбыть* ‘сойти, соскочить’ ([СРНГ, 36] с пометой *олонец.* и иллюстрацией именно этими примерами из Барсова). В украинском языке претеритная основа праславянского глагола **byti* имеет единственный вариант *бу-*, который представлен в инфинитиве, личных формах прош. вр., в итеративе со значением ‘бывать’ и других дериватах (*бути*, *був*, *була*, *були*, *бувати*), что принято объяснять влиянием основы буд. времени [ЕСУМ, 1: 309]. Это не единственная параллель севернорусских диалектов с украинским языком, см. выше *олонец.* модальную частицу *было* в сочетании с инфинитивом.

3.1. В конструкциях **будущего времени** как полнозначных глаголов, так и связки (с инфинитивом или в составе именного сказуемого) язык олонецких причитаний не отличается от литературного языка и обще-русской нормы:

И за одним, може, столом да вы там будете Р 67:82

И челой полк буде солдатов новобранных С 291:615

И ты ведь поясок носить будешь слабёшенько Р 60:84

И мы глядить будем, кручиниы головушки,
И на печальну перелётну малу птиченъку Р 101:85
И тут пугаться буде вольна моя волюшка! С 350:84
Уеданьице вам будут ведь сухарики
И вам питемьице-то — водушка со ржавушкой! Р 73:352–353
И тут избита-то бессчастна будет спинушка
Всё подбиты будут ясны твои очушки,
Исколочена бессчастна буде турова Р 73:336–338

3.2. Буде, будет + е

Такие конструкции, вероятно, представляют собой сочетание составного сказуемого со связкой в будущем времени и «удостоверительной» частицы *е* (ср. выше конструкции *е/есть* + презенс СОВ), тем более что *е* не согласуется с субъектом по числу:

И будет девушка у нас да во белых руках
И буде волюшка ведь е да во златых перстнях С 355:337–338
И все вкупи будут сестрицы е родимыи С 444:16

Конструкции этого типа сохранились в условных придаточных с союзом *буде(m)*. См. ниже.

3.3. Безличная конструкция *буде(t)* + инфинитив со значением предопределенности, предстоящего действия или состояния

В этих конструкциях семантика будущего времени сохраняется в большей степени, чем в литературных конструкциях без *будет*: ср. *Не бывать (мне) на родине* и *Не бывать на родимой будет родинке*. Ср. выше «симметричную» конструкцию с *было* в сочетании с инфинитивом. Если *будет* в сочетании с инфинитивом имеет модальное значение и соотносится с будущим временем: ‘надо будет, предстоит, придется’, то *было* в сочетании с инфинитивом имеет аналогичное значение применительно к прошлому: ‘надо было, следовало’:

И не бывать да на родимой буде родинке!
И не хаживать по хоромному строенъицу,
И нам не сидживать во светлой буде светлице! Р 57:69–71
И горевать будет победной мне головушке,
И сиrotать будет бессчастным нашим детушкам,
И коковать буде победной мне кокошице,
И во обиде жить бессчастным дйтям малым! Р 121:44–47
И уж как нынь да ведь победной мне горюшице
И буде три поля кручины изнасияти Р 155:17–18

Не видать буде крестовой больше матушке
Милое крестово свое дитятко П 120:27–28

Мне-ка жаль тебя, дитё мое духовное,
Ужо как тебя будет сохранити,
От великой беды мне оградити? П 242:78–80

И как ведь жить буде победной мне головушке
И без тебя, да тёпло-красное мое солнышко! Р 130:136–137

И как охоч ходить остудник да захаживать,
И он по темным по долгим по ноченькам,
И сожидать да буде белой мне лебедушке!
И буде ноженьки держать да на дороженьке,
И белы рученьки держать да на заложечке,
И буйна голова держать да во окочечке,
И ясны очушки держать да во чистом поле,
И умом-разумом сmekать да во все стороны
И он которой придет путем-дороженькой? С 289:535–543

И буде три года с неволищем свыкатися С 298:918

И теби ждать буде блада сына отечского С 356:358

И хоть жалиешь дитё бедное,
И дорогу да ейну волюшку,
И побудить да будет девушку! С 419:83–85

И мы не год ларчи копили,
И мы не в день да сподобили,
И в один час да розорить будет! С 420:164–166

И хотя ж долго мне-ка ж, воли, возноситися,
И в один час буде неволи покоритися! С 462:187–188

3.4. Союз *буде(т)* с условным значением 'если' в сочетании с глаголом в форме наст.-буд. вр.

Союз *буде* в этом значении известен литературному языку в качестве устаревшего и просторечного; его прохождение связывается с распадом составных форм буд. вр. и развитием новых функций у глагола-связки [Аникин, 5: 44]. В условных конструкциях он известен и русским диалектам [СРНГ, 3: 242–243], в том числе в разнообразных значениях – северорусским [АОС, 2: 159] (при этом многих значений союза и частицы, приводимых в АОС, в текстах олонецких причитаний нет). Союз *буде* в северорусских диалектах подробно рассмотрен С. К. Пожарицкой, которая выделяет два противопоставленных северорусских ареала с разной функцией союза: 1) северо-западный, где *буде* употребляется как сравнительный союз, и 2) юго-восточный, где *буде* имеет функцию условного союза [Пожарицкая 2010: 118–129]. В

олонецких причтаниях представлен только второй из этих типов, т. е. *буде(m)* в значении условного союза ‘если’:

Буде грубо тебе скажут – не бранить их стать! П 40:51

Буде жизнь да долговека моя продлится,
Душа грешная моя да проволочится. П 46:48–49

И буде возвращусь на родимую сторонушку
Я со этого со города Петровского,
Россчитаюсь я за ваше утруженъице
И за молитовки-то ваши ведь церковныи! Р 53:21–24

И будет Господи Бладыко не помилует
И от злодийной тобя службы Государевой,
И ты пойдешь да во солдатушки походныи,
И ты во дальную путь-широку дороженьку,
И в безызвестну незнакомую сторонушку! Р 67:69–73

И буде скажут мне весточку хорошую,
И скажут низкое поклонно челобитьице
И от тебя, да всё от белой от лебедушки,
И я возрадуюсь, печальная головушка! С 310:406–409

3.5. Буде + глагол в прош. вр.

Форм так наз. предбудущего (т. е. конструкций со вспомогательным глаголом *буду* в сочетании с л-причастием) в текстах Барсова нет (ср. [Пенькова 2010; Шевелева 2008]). В сочетании с глаголом прош. времени (в том числе в конструкции сослагат. накл.) *буде* выступает в функции условного союза или модальной частицы со значением предположения: ‘видно, видимо, вероятно’:

И буде шел бы я во службу Государеву
И едина ж была победна бы головушка! Р 211:51–52

Буде на тó ты приразгневался,
Для того сходила, беднушка,
Што ко этым ко праздничкам! П 60:32–34

Таким образом, функциональный диапазон формы *буде(m)* в языке олонецких причтаний может быть представлен следующим образом: 1) форма полнозначного глагола (в приводимом ниже тексте отсутствует), 2) связка составного сказуемого в буд. времени (выделена подчеркиванием), 3) условный союз (выделен полужирным), 4) побудительная перформативная конструкция со значением ‘пусть будет’ (выделена курсивом):

И **буде** Богом я, невольна, буду сужена,
 И родом-племенем, невольна, буду сведена,
 И во Божьей церкви попом-отцем обвенчана,
 И я за этим за бладым сыном отечским,
 И каково буде на чужой жить сторонушке?
 И **буде** хорошо на чужей жить сторонушке,
 И запишу да вас во вичное спасаньице!
 И **буде** худо жить на чужой на сторонушке,
 И буде вичное ведь вам да проклинаньице
 И от меня буде от белой от лебедушки! С 300:1030–1039

3.6. Сравнительный союз *будто/ быдто* 'как будто, словно, как'

Происходит из формы 2 и 3 л. императива и местоимения *то* [Аникин, 5: 53]. Употребление его в причитаниях не отличается от литературного узуза:

Уже так да будто разумом смекнула я
 Уже быть да как суседке спорядовой? П 126:89–90
Будто с родной она дочерью похаживат! П 196:34
 И будто шуточку, лебедушка, сщутила С 280:126
 И будто утушка ведь воля подстрялённая С 327:109
Будто заюшки во пасточки,
 Горностаюшки в неволюшки,
Будто утушки подстрелены,
 Как лебедушки поиманы,
 Во неволюшку посажены,
 Во управушку свожены,
 На жеребей положены,
 На бумаженьку записаны,
 В путь-дороженьку направлены,
 Во солдатушки назначены! Р 108:13–23
 И наша милая скученная жемчужинка
 И быдто деревцо, наш свет, да подсёчёное [...]
 И быдто вёшная земля да ворошеная [...]
 И быдто рыбинка во сетку изловлённая
 И как ясен сокол во клетку посаженный! Р 59:25–32

3.7. Императив *будь, буди / быдь, быди*

О параллелизме форм с *у* и *ы* было сказано выше. Формы императива употребляются в функции связки в сочетании с именной частью составного сказуемого или причастием:

На походочку будь все крепливая,
 На ричну будь поговорку чваковитая П 113:34–35
Быдьте прокляты, злодии супостаты Р 102:1
 И буди проклята оступда- чужа сторона С 414:256
 И быди проклята та служба Государева Р 129:122
 Уж ты быдь-ко ты, утыла синя завеска,
 И мне стеной да быдь-ко ты да городовой С 464:29–30
Быдь заступой-заборонушкой,
 Мне, души да красной девушке
 И быдь великим мне желаньицем С 467:12–14

3.8. *Будь* + инфинитив (аналитическая форма императива)

Эта конструкция представлена единственным примером:

И будь стеной стоять, крестова, городовоей,
 И как приедут-то росскáзы- сваты бóльшии С 339:60–61

* * *

Таким образом, тексты олонецких причитаний в целом подтверждают отмеченную для севернорусских говоров и для письменных памятников северо-западной зоны общую тенденцию к развитию у личных форм и дериватов основ глагола *быть* в настоящем, прошедшем и будущем времени модальных значений и превращению их в служебные элементы (союзы, частицы) через утрату форм словоизменения [Пенькова 2010; Пожарицкая 2010; Сичинава 2009; Idem 2012; Шевелева 2001]. В олонецких причитаниях при отсутствии некоторых функциональных типов дериватов глагола *быть*, исследованных в работах С. К. Пожарицкой и других названных выше авторов, представлены специфические формы и конструкции, до сих пор не попадавшие в поле зрения диалектологов, такие как союз *быв* и *быв как*, модальное слово (частица) *было* в сочетании с инфинитивом, аналитическая форма императива (конструкция *будь* плюс инфинитив), *бы* с модальным (оптативным) значением в безглагольной конструкции, неопределенные местоимения-прилагательные *какой е*, *какой да ни е*, варьирование основы буд. вр. *буд-/быд-* и др. Как показывают исследования древнерусских письменных памятников этого региона, проявления этой тенденции относятся к весьма древнему времени, но они обнаруживают себя и в современных диалектах, и в языке фольклора. Явления такого морфологического вырождения известны и в литературном языке, но в диалектных, фольклорных и письменных текстах они гораздо разнообразнее. Еще одна заметная тенден-

ция связана с сохранением или даже усилением аналитизма, присущего древнейшим составным формам времени в праславянском языке. По мнению В. Н. Топорова, «известные данные об образовании перфекта в старославянском в сочетании со статистическими сведениями и обще-теоретическими воззрениями на соотношение частоты употребления и специфики значения заславляют думать, что образования типа *pisalъ jesť* в старославянском языке еще не полностью, строго говоря, выкрик-сталлизовались в особую форму прошедшего времени, а представляли собой более или менее факультативное образование аналитического настоящего времени. [...] Значение ее составных частей осознавалось достаточно ясно и изолированно, особенно в противопоставлениях типа: *pisalъ jesť – pisalъ bylъ – pisalъ bqdq – pisalъ bimъ*, с одной стороны, и *pisalъ jesť – pisavъ jesť – pišę jesť – pisatъ jesť*, с другой» [Топоров 1961: 40]. Приверженность аналитизму отмечалась и исследователями древнерусского языка: «Вопрос состоит в том, с чем связана эта характерная для северо-западной книжности общая привязанность к аналитизму. Причины, видимо, и здесь связаны с соотношением церковнославянской нормы и диалектной системы» [Шевелева 1993: 149]. Относительно составных конструкций с «избыточными» формами глагола *быть* подозрение в том, что неизменяемые, застывшие формы бытийного глагола в какой-то степени сохраняют свою экзистенциальную семантику, высказываются и историками языка, и диалектологами.

Остается еще вопрос, насколько материал фольклорных текстов может быть релевантным для истории и диалектологии русского языка. Долгое время считалось некорректным делать на его основании какие бы то ни было исторические выводы, поскольку язык фольклора представлялся неким особым языковым идиомом. В действительности этот вопрос, как показали такие авторитетные ученые, как Р. О. Якобсон [1962] и П. Г. Богатырев [1962], не так прост. Если язык конкретных фольклорных текстов и отклоняется от аутентичного языка местности, где они записаны, то эти отклонения, как правило, объясняются или влиянием соответствующей литературной нормы, или влиянием соседних «престижных» диалектов, или влиянием соседствующих иноязычных моделей. Во всяком случае эффекты этих влияний вполне поддаются выявлению и не снижают ценности содержащейся в фольклорных текстах языковой информации. Более того, в силу своей устойчивости, клишированности фольклорные тексты нередко сохраняют ценнейшие архаизмы из области лексики, семантики, синтаксиса, морфологии и даже фонетики. Поэтому их никак нельзя сбрасывать со счетов при языковой реконструкции.

Библиография

Аникин, 1–13–

Аникин А. Е., *Русский этимологический словарь, 1–13–*. Москва, 2007–2019–.

АОС, 1–22–

Архангельский областной словарь, под ред. О. Г. Гецовой, 1–22–, Москва, 1980–2022–.

Апресян 2013

Апресян Ю. Д., Словарная статья глагола БЫТЬ: исправленное и дополненное издание, *Slavica Svetlanica. Язык и картина мира*, Москва, 2013, 9–30.

— 2014

Апресян Ю. Д., *Быть, Активный словарь русского языка*, под ред. Ю. Д. Апресяна, 1: А–Б, Москва, 2014, 394–401.

Аркушин 2016

Аркушин Г., *Словник західнополіських говорівок*, 2-е вид., перероб., випр. і допов., Луцьк, 2016.

Барсов 1997

Причтания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, 1: Похоронные причтания, 2: Рекрутские и солдатские причтания. Свадебные причтания, Б. Е. Чистова, К. В. Чистов, подгот. изд. (= Литературные памятники), С.-Петербург, 1997.

Бенвенист 1974

Бенвенист Э., Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке, Idem, *Общая лингвистика*, Москва, 1974, 203–224.

Богатырев 1962

Богатырев П. Г., О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи, *Вопросы языкоznания*, 3, 1962, 75–86.

Гринкова 1947

Гринкова Н. П., К изучению олонецких диалектов, А. А. Шахматов. 1864–1920. *Сборник статей и материалов*, под ред. акад. С. П. Обнорского, Москва, Ленинград, 1947, 345–390.

Дементьева 1973

Дементьева В. И., *Конструкции с глагольной формой есть (от быть) в современных русских говорах на территории Северо-Запада* (Автореферат диссертации на соискание степени кандидата наук, Москва, 1973).

— 1977

Дементьева В. И., К вопросу о причинах более широкого функционирования конструкций с глагольной формой есть в русских говорах на территории Северо-Запада по сравнению с остальными русскими говорами, *Kalbotyra = Языкоzнание*, 27/2, 1977, 27–37.

Добрушина 2016

Добрушина Н. Р., *Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики*, Прага, 2016.

Еремина 2004

Еремина В. И., А. А. Шахматов. Страницы жизни, *Русский фольклор*, 32: *Материалы и исследования*, С.-Петербург, 2004, 3–47.

— 2007

Еремина В. И., Духовные стихи в записи А. А. Шахматова, *Из истории русской фольклористики*, 7, С.-Петербург, 2007, 161–171.

ЕСУМ, 1–6

Етимологичний словник української мови, 1–6, Київ, 1982–2012.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 2004.

— 2008

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

Исаченко 1976

Исащенко А. В., Потеря глагольных форм в русском языке (1939), Isačenko A. V., *Opera selecta. Russische Gegenwartsprache, russische Sprachgeschichte. Probleme der slavischen Sprachwissenschaft* (= Forum slavicum, 45), München, 1976, 12–20.

Климчук 1968

Климчук Ф. Д., Специфическая лексика Дрогичинского Полесья, *Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря*, Москва, 1968, 20–70.

Князев 2004

Князев Ю. П., Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке, *Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник в честь Н. Д. Арутюновой*, Москва, 2004, 296–304.

Кузьмина, Немченко 1968

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах, *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*, 2, Москва, 1968, 144–170.

Пенькова 2010

Пенькова Я. А., *Будеть как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII–XV веков)*, *Вопросы русского языкоznания*, 13: *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее и будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарницкой*, С. В. Князев, А. В. Птенцова, сост., М. Л. Ремнева, С. В. Князев, отв. ред., Москва, 2010, 208–215.

Петрухин, Сичинава 2006

Петрухин П. В., Сичинава Д. В., «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе, *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 193–214.

Пичхадзе 2010

Пичхадзе А. А., Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках, *Вопросы языкоznания*, 5, 2010, 14–24.

Пожарницкая 1991

Пожарницкая С. К., Семантика некоторых форм прошедшего времени глаголов в севернорусском наречии, *Revue des Études Slaves*, 63/4, 1991, 787–799.

— 1996

Пожарницкая С. К., Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области, *Общеславянский лингвистический атлас*, 21: *Материалы и исследования. 1991–1993*, Москва, 1996, 268–279.

— 2010

Пожарницкая С. К., Модальные слова, производные от глаголов *быть*, *бывать* в севернорусской диалектной речи, *Русский язык в научном освещении*, 1, 2010, 103–131.

Сичинава 2009

Сичинава Д. В., Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы, *Вопросы русского языкоznания*, 13: *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарницкой*, С. В. Князев, А. В. Птенцова, сост., М. Л. Ремнева, С. В. Князев, отв. ред., Москва, 2009, 192–199.

— 2012

Сичинава Д. В., Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века, *Русский язык в научном освещении*, 2, 2012, 257–284.

— 2013

Сичинава Д. В., *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*, Москва, 2013.

— 2018

Сичинава Д. В., Плюсквамперфект и связанные с ним формы в славянских языках: типологические и ареальные характеристики, *Славянское языкознание, XVI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, Москва, 2018, 244–266.

СРНГ, 1–52–

Словарь русских народных говоров, 1–52–, Москва, Ленинград/Санкт-Петербург, 1965–2021–.

Топоров 1961

Топоров В. Н., К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола, *Вопросы славянского языкознания, 5*, Москва, 1961, 35–70.

Трубинский 1975

Трубинский В. И., К вопросу о тавтологии в структуре предиката (на материале диалектных конструкций со словом *есть*), *Севернорусские говоры, 2*, Ленинград, 1975, 148–162.

Хабургаев 1978

Хабургаев Г. А., Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке, *Вестник МГУ. Серия 9: Филология, 4*, 1978, 42–53.

Фасмер, Трубачев, 1–4

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка, 1–4*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, Москва, 1964–1973.

Циммерлинг 2021

Циммерлинг А. В., *От интегрального к аспективному*, Москва, С.-Петербург, 2021.

Шахматов 1886

Шахматов А. А., Отчет об этнографической поездке в Олонецкую губернию, Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 48/1, 7, Москва, 1886.

— 1948

Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье, подгот. текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. А. Шахматовой-Каплан, предисловие М. Азадовского, Петрозаводск, 1948.

Шевелева 1993

Шевелева М. Н., Аномальные церковнославянские формы с глаголом *БЫТИ* и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы), *Исследования по историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева*, Москва, 1993, 135–155.

— 2001

Шевелева М. Н., Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть*, *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сб. статей к 80-летию К. В. Горшковой*, Москва, 2001, 199–216.

— 2002

Шевелева М. Н., Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников, *Вестник МГУ. Серия 9: Филология, 5*, 2002, 55–72.

— 2006

Шевелева М. Н., Некнижные конструкции с формами глагола *быти* в псковских летописях, *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 215–241.

— 2007

Шевелева М. Н., «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах, *Русский язык в научном освещении*, 2, 2007, 214–252.

— 2008

Шевелева М. Н., О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола *быти* в русском языке, *Вестник МГУ. Сер. 9: Филология*, 6, 2008, 34–57.

ЭССЯ, 1–42–

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, 1–42–, под ред. О. Н Трубачева, Москва, 1974–2021–.

Якобсон 1962

Якобсон Р. О., О соотношении между песенной и разговорной народной речью, *Вопросы языкоznания*, 3, 1962, 87–90.

Mel'čuk 2019

Mel'čuk I., Russian U Y-a est' / – X constructions, *Русский язык в научном освещении*, 1, 2019, 7–45.

Požarickaja 1991

Požarickaja S. K., Семантика некоторых форм прошедшего времени глаголов в севернорусском наречии, *Revue des Études Slaves*, 63/4, 1991, 787–799.

References

- Apresyan Yu. D., *Byt'*, Idem, ed., *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka*, 1: A–B, Moscow, 2014, 394–401.
- Apresyan Yu. D., Slovornaia stat'ia glagola BYT': ispravленное в дополненное издание, *Slavica Svetlanica. Iazyk i kartina mira*, Moscow, 2013, 9–30.
- Arkushyn H., *Slovnyk zakhidnopolis'kykh hovirok*, 2nd ed., Lutsk, 2016.
- Astakhova A., Shakhmatova-Kaplan S. A., eds., *Fol'klornye zapisi A. A. Shakhmatova v Prionezh'e*, Petrozavodsk, 1948.
- Benveniste E., Glagoly «byt'» i «imet'» i ih funktsii v iazyke, Idem, *Obshchaia lingvistika*, Moscow, 1974, 203–224.
- Bogatyrev P. G., On the language of Slavonic folk-songs and its relation to dialect speech, *Voprosy Jazykoznaniia*, 3, 1962, 75–86.
- Chistov K. V., Chistova B. E., eds., *Prichitan'ia Severnogo kraia, sobrannye E. V. Barsovym*, 1: *Pohoronye prichitan'ia*, 2: *Rekrutskie i soldatskie prichitan'ia. Svadebnye prichitan'ia*, (= Literaturnye pamiatniki), St. Petersburg, 1997.
- Dementjeva V. I., On the Reasons of a Wider Functioning of Constructions with the Verbal Form “to be” in Russian Dialects Spoken in the North-Western Area in Comparison with the Rest of Russian Dialects, *Kalbotrya*, 27/2, 1977, 27–37.
- Dobrushina N. R., *Soslagatel'noe naklonenie v russkom iazyke: opyt issledovaniia grammaticeskoi semantiki*, Prague, 2016.
- Eremina V. I., A. A. Shahmatov. Stranicy zhizni, *Russkii fol'klor*, 32: *Materialy i issledovaniia*, St. Petersburg, 2004, 3–47.
- Eremina V. I., Duhovnye stihi v zapisii A. A. Shahmatova, *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*, 7, St. Petersburg, 2007, 161–171.
- Grinkova N. P., K izucheniiu oloneckikh dialektov, A. A. Shahmatov. 1864–1920. *Sbornik statei i materialov*, S. P. Obnorsky, ed., Moscow, Leningrad, 1947, 345–390.
- Isachenko A. V., Poteria glagol'nyh form v russkom iazyke (1939), Idem, *Opera selecta. Russische Gegenwartsprache, russische Sprachgeschichte. Probleme der slavischen Sprachwissenschaft* (= Forum slavicum, 45), München, 1976, 12–20.
- Jakobson R. O., On the relation between the language of folksongs and the colloquial folk-speech, *Voprosy Jazykoznaniia*, 3, 1962, 87–90.
- Khaburgaev G. A., Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v russkom iazyke, *Moscow University Bulletin, Series 9. Philology*, 4, 1978, 42–53.
- Klimchuk F. D., Specificheskaia leksika Drogi-chinskogo Poles'ia, *Leksika Poles'ia. Materialy dlia polesskogo dialektnogo slovaria*, Moscow, 1968, 20–70.
- Knyazev Y. P., Forma i znachenie konstrukcii s chasticiei bylo v russkom iazyke, *Sokrovennye smysly. Slovo, tekst, kul'tura. Sbornik v chest' N. D. Arutiunovo*, Moscow, 2004, 296–304.
- Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V., K voprosu ob upotreblenii est' v russkih govorah, *The Slavic Linguistic Atlas. Materials and investigations*, 2, Moscow, 1968, 144–170.
- Mel'čuk I., Russian U Y-a est' / – X constructions, *Russian Language and Linguistic Theory*, 1, 2019, 7–45.

Penkova Y. A., *Budet' kak istochnik formirovaniia sluzhebnyh slov (na materiale delovyh pamiatnikov XII–XV vekov)*, *Voprosy russkogo iazykoznania*, 13: *Fonetika i grammatika: nastoiashee, proshedshee i budushhee. K 50-letiu nauchnoi deiatel'nosti S. K. Pozharickoi*, S. V. Knyazev, A. V. Ptentsova, M. L. Remneva, eds., Moscow, 2010, 208–215.

Petrushkin P. V., Sitchinava D. V., «Russkii pliuskvamperfekt» v tipologicheskoi perspektive, *Verenica liter. K 60-letiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 193–214.

Pichkhadze A. A., Expression of the Imperative and Optative Values in the Old and Middle Russian Prescriptive Documents, *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 2010, 14–24.

Pozharickaja S. K., Semantika nekotorykh form proshedshego vremeni glagolov v severorusskom narechii, *Revue des Études Slaves*, 63/4, 1991, 787–799.

Pozharitskaya S. K., Otrazhenie evoliutsii drevnerusskogo pliuskvamperfekta v govorah severnorusskogo narechiia Arhangel'skoi oblasti, *The Slavic Linguistic Atlas*, 21: *Materials and investigations. 1991–1993*, Moscow, 1996, 268–279.

Pozharitskaya S. K., Modal'nye slova, proizvodnye ot glagolov byt', byvat' v severorusskoi dialektnoi rechi, *Russian Language and Linguistic Theory* 1, 2010, 103–131.

Sheveleva M. N., “Russian pluperfect” in the Old Russian texts and modern dialects, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2, 2007, 214–252.

Sheveleva M. N., Anomal'nye tserkovnoslavianskie formy s glagolom BYTI i ikh dialektnye sootvetstviia (K voprosu o sootnoshenii tserkovnoslavianskoi normy i dialektnoi sistemy), *Issledovaniia po istoricheskemu iazykoznaniiu. Pamiati professoora G. A. Khaburgaeva*, Moscow, 1993, 135–155.

Sheveleva M. N., Neknizhnye konstruktii s formami glagola «byti» v pskovskikh letopisiakh, A. M. Moldovan, ed., *Verenica liter. K 60-letiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 215–241.

Sheveleva M. N., O sud'be drevnerusskikh konstruktii s nezavisimymi formami glagola byti v russkom iazyke, *Moscow University Bulletin, Series 9. Philology*, 6, 2008, 34–57.

Sheveleva M. N., On the Loss of the Old Russian Perfect and Origin of Dialectal Structures with the Word est', *Iazykovaya sistema i ee razvitiye vo vremeni i prostranstve: Sbornik nauchnykh statei k 80-letию professora K. V. Gorshkovo*, Moscow, 2001, 199–216.

Sheveleva M. N., Sud'ba form prezensa glagola byti po dannym drevnerusskikh pamiatnikov, *Moscow University Bulletin, Series 9. Philology*, 5, 2002, 55–72.

Sitchinava D. V., Pliuskvamperfekt i sviazannye s nim formy v slavianskih iazykakh: tipologicheskie i areal'nye harakteristiki. Slavianskoe iazykoznanie, XVI Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Doklady rossiiskoi delegacii, Moscow, 2018, 244–266.

Sitchinava D. V., Russkie marginal'nye konstruktii s bylo: k postanovke problemy, *Voprosy russkogo iazykoznania*, 13: *Fonetika i grammatika: nastoiashee, proshedshee i budushhee. K 50-letiu nauchnoi deiatel'nosti S. K. Pozharickoi*, S. V. Knyazev, A. V. Ptentsova, M. L. Remneva, eds., Moscow, 2009, 192–199.

Sitchinava D. V., The particles bylo and byvalo in the eighteenth-century Russian, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2, 2012, 257–284.

Sitchinava D. V., *Tipologiya pliuskvamperfekta. Slavianskii pliuskvamperfekt*, Moscow, 2013.

Toporov V. N., K voprosu ob evoliutsii slavianskogo i baltiiskogo glagola, *Voprosy slavianskogo iazykoznania*, 5, Moscow, 1961, 35–70.

Trubinskii V. I., K voprosu o tautologii v strukture predikata (na materiale dialektnyh konstruktii so slovom est'), *Severnoruskie govory*, 2, Leningrad, 1975, 148–162.

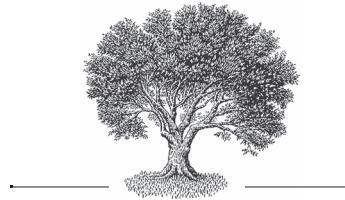
Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 2004

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zimmerling A. V., *From Integral Frameworks to Aspective Analysis*, Moscow, St. Petersburg, 2021.

Светлана Михайловна Толстая, доктор филологических наук, академик РАН
зав. отделом этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Россия / Russia
smtolstaya@yandex.ru

Received February 7, 2022

Проблемы идентичности и взаимной интерференции языкового кода свадебного обряда помаков и турок р-на Ксанти в Греции*

**Диана Дмитриевна
Иванова**

Институт лингвистических
исследований РАН,
С.-Петербург, Россия

Problems of Identity and Mutual Interference of the Language Code of the Wedding Ceremony of the Pomaks and Turks of the Xanthi Region in Greece

Diana D. Ivanova

Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В настоящей статье рассматривается языковой ландшафт Родоп в р-не г. Ксанти, а именно симбиоз славянской, турецкой и греческой культуры. Анализ диалектных нарративов из помакских и турецких сел (р-н Ксанти,

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00244 «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диатопии, диахронии и диастратии».

Цитирование: Иванова Д. Д. Проблемы идентичности и взаимной интерференции языкового кода свадебного обряда помаков и турок р-на Ксанти в Греции // Slovène. 2023. Vol. 12, № 1. С. 258–294.
Citation: Ivanova D. D. (2023) Problems of Identity and Mutual Interference of the Language Code of the Wedding Ceremony of the Pomaks and Turks of the Xanthi Region in Greece. *Slovène*, Vol. 12, № 1, p. 258–294.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.07

Греция) имел в виду следующие цели: 1) уточнение идентичности культурного кода свадебного обряда помаков и турок; 2) установление корреляции между особенностями культурного и языкового кода свадебного обряда обоих сообществ; 3) определение степени инкорпорированности заимствований из контактных языков в идиомы помаков и турок; 4) определение степени владения вторым языком обоими сообществами. В заключении делается вывод о сильном языковом и культурном влиянии турецкого сообщества на помакскую этно-религиозную группу, о тенденции к улучшению формирования речи на втором языке обеих групп, а также об эффективности примененного анализа для установления положения помакского и турецкого сообществ на этнолингвистической карте Балканского полуострова.

Ключевые слова

этнолингвистический анализ, социолингвистический анализ, языковой код, культурный код, болгарские диалекты, турецкие диалекты, помаки, свадебный обряд

Abstract

This article examines the linguistic landscape of the Rhodopes in the Xanthi region, namely the symbiosis of Slavic, Turkish and Greek culture. The analysis of dialect narratives from Pomak and Turkish villages (Xanthi region, Greece) had the following objectives: 1) to clarify the identity of the cultural code of the wedding ceremony of the Pomaks and Turks; 2) to determine the correlation between the cultural and linguistic code features of the wedding ceremony of both communities; 3) to determine the degree of the incorporation of borrowings from contact languages into each of the idioms of the Pomaks and Turks; 4) to establish the degree of usage of L2 by both communities. The conclusion is made about the strong linguistic and cultural influence of the Turkish community on the Pomak ethno-religious group, about the tendency to improve the speech in L2 of both groups, as well as about the effectiveness of the analysis used to identify the position of the Pomak and Turkish communities on the ethnolinguistic map of the Balkan Peninsula.

Keywords

ethnolinguistic analysis, language code, cultural code, Bulgarian dialects, Turkish dialects, Pomaks, wedding ceremony

В р-не г. Ксанти (Фракия, Греция) контактно проживает несколько этноконфессиональных групп. Двумя значимыми меньшинствами являются помаки («болгароязычные мусульмане» — к северу от г. Ксанти) [Узенёва 2019; Steinke, Voss 2007; Митринов 2014] и турки (к югу и востоку от г. Ксанти) [Petrou 2021; Şerifoğlu; Adamou 2012]. Самоидентификация турок полностью совпадает с их официальной идентификацией, в качестве L1 (первого языка) выступает турецкий язык. Вопрос этнической принадлежности помаков является спорным: одни из них

отдают предпочтение этониму «помаки», маркирующему отдельный этнос, другие подчеркивают свою принадлежность к турецкому (ситуация описана в [Steinke, Voss, 2007; Климова 2019]) или исконному фракийскому [Θεοχαρίδης 1995] (а также допускается в [Adamou 2012]) этносу. В болгарской науке принято идентифицировать помаков как болгар¹ с опорой на L1 и культурный код [Антонова-Василева 2014, Меракова 1995, Попов et al. 1985: 82], но встречается и определение помаков как болгароязычных мусульман [Митринов 2014].

Помаки р-на г. Ксанти владеют болгарским рупским диалектом² в качестве L1³, а турецкая речь является для них приобретенной (L2 – вторым языком) [Adamou 2012: 9–12]. В составе Османской империи помаки были монолингвальны, контакт с турецким языком мог происходить только в религиозной сфере, а заимствованы были исключительно формулы приветствия, прощания и благодарности [Adamou 2012: 11]. В общении помаки начинают использовать турецкую речь, которая появляется в XX в. в основном благодаря начальному школьному образованию⁴, а также агитационной деятельности духовенства и официальной греческой политике, нацеленной на унификацию мусульманского населения Фракии [Adamou 2012; Steinke, Voss 2007]. По нашим наблюдениям, турецким языком в совершенстве владеет младшее поколение и отчасти среднее поколение, в то время как пожилые помаки (на данный момент) им часто не владеют или используют его на уровне бытовой коммуникации⁵. Необходимо учитывать также, что после снятия действовавшего в XX в. запрета на свободное перемещение помаков из приграничных сел в города болгароязычные мусульмане получили возможность общаться с этническими турками, владеющими турецким диалектом в качестве L1. Вследствие этого в славянской речи помаков

¹ Причем болгарская идентичность помаков является эндонимом только на территории Болгарии, см. [Антонова-Василева 2014; Маркова 1997], а на территории Греции является исключительно экзонимом [Каневска-Николова 2014].

² См., напр., описание южнородопских говоров в [Митринов 2019] или [Илиев, Михайлов 2016]. Также об определении своего говора помаками см.: [Узенёва 2020а: 122].

³ Ряд европейских и русских исследователей идентифицирует язык помаков как отдельный микроязык ([Климова 2019: 191; Дуличенко 2011; Ioannidou, Voss 2001; Θεοχαρίδης 1995; Steinke 2002]), в то время как болгарские и многие отечественные исследователи склонны относить его к диалекту болгарского языка [Узенёва 2020б: 161, Митринов 2014].

⁴ О запрете на получение высшего образования помаками до недавнего времени и об отсутствии изучения в школах родного языка см.: [Митринов 2014: 183].

⁵ Связано это теснейшим образом с самоидентификацией помаков. В тех случаях, когда жители целого населенного пункта называют себя помаками, старшее поколение, как правило, не знает турецкого языка. А когда они идентифицируют себя как турки, оказывается, что старшее поколение овладело турецким языком.

активизировались интерференционные процессы на разных языковых уровнях, в том числе на лексическом.

Задача данной статьи — определить, какое влияние на языковую картину помаков и турок оказали языковые и речевые интерференции контактного сообщества. Для этого необходимо при помощи компаративных этно- и социолингвистических методов проанализировать:

а) степень инкорпорированности элементов турецкого языка в болгарскую речь помаков и турок / элементов болгарского языка в турецкую речь турок и помаков;

б) степень владения турецким языком у помаков / болгарским языком у турок.

Наше исследование опирается в первую очередь на лексический инвентарь, позволяющий максимально наглядно продемонстрировать языковые изоглоссы балканского континуума⁶ [Соболев 2001b]. Для определения взаимных языковых интерференций двух сообществ наиболее показательны билингвальные (или полилингвальные) этноконфессиональные группы [Maldenov, Steinke 1978], поскольку на их примере хорошо прослеживается процесс языковой конвергенции, а именно интерпретации заимствований и варьирования степени субSTITУции языкового кода⁷ одного языка другим. Кроме того, изучение подобного сообщества позволяет установить степень эквивалентности лексического инвентаря, в том числе общебалканского [Асенова 1989], в обоих идиомах группы. В XXI в. изучением полилингвальных сообществ активно занимается Санкт-Петербургская этнолингвистическая школа, отдавая предпочтение ареально-типологическому направлению [Sobolev 2018; Соболев 2005; Русаков, Морозова 2019; Конёр 2019], включая исторический аспект [Козак 2018].

Ограничение изучаемого материала языковым кодом свадебного обряда⁸ обусловлено, с одной стороны, наибольшей устойчивостью и архаичностью свадебных ритуалов [Гура 2012; Узенёва 2010: 14] и, как следствие, их разнообразным и предположительно архаичным отражением в языке, а с другой стороны — плюрализмом его лексико-семантической

⁶ Под языковым континуумом подразумевается расчлененный изоглоссами ландшафт взаимопонятных диалектов, каждый из которых обладает своим ядром и периферией [Соболев 2001b: 67]. Множественные культурные взаимовлияния, общий субстрат, наличие билингвальных сообществ с сильнейшей языковой интерференцией — все это позволяет считать контактирующие языки Балканского полуострова континуумом.

⁷ Под языковым кодом мы понимаем языковое выражение взаимосвязанных сем, в нашем случае относящихся к свадебному обряду.

⁸ Рассматриваются также общеупотребительные лексемы как наделенные ритуальной семантикой в рамках исследуемой темы и относящиеся к языковому коду свадебного обряда.

группы (ЛСГ), охватывающих акциональный, предметный и персональный коды [Толстой 1997], что позволяет вычленить степень равномерности распространения языковых интерференций и инноваций.

В настоящем исследовании осуществлен этнолингвистический [Толстой 1997, Соболев 2001а], социолингвистический [Steinke, Voss 2007; Θεοχαρίδης 1995] и ареально-типологический анализ [Соболев 2001б; Морозова, Русаков 2018] с помощью компаративного [Узенёва 2010; Konior 2018] и дескриптивного [Седакова 2007; Маркова, 1997] методов.

Среди многочисленных социоантропологических [Steinke, Voss 2007; Θεοχαρίδης 1995] и лингвистических [Митринов 2019; Sandry 2013; Чирьева 1992] исследований, посвященных помакской этнорелигиозной группе, есть и такие, которые специализируются исключительно на свадебном обряде помakov Болгарии [Балашевич 2019а⁹], Греции [Узенёва 2018], но есть и примеры сопоставления свадебных обрядов помakov этих стран [Балашевич 2019в¹⁰]. Рассмотрение языкового кода на лексико-семантическом уровне [Ibid. 2019в], а также в дискурсивном плане [Ibid. 2019а, Eadem 2019б, Eadem 2018] продемонстрировало хорошую сохранность обрядово маркированных лексем, при этом заметно влияние турецкой и частично греческой лексики. Поэтому представляется необходимым компаративное исследование языкового инвентаря помakov и их контактных сообществ — в данном случае турок.

Материалом исследования являются аудиозаписи на болгарском и турецком диалектах¹¹, записанные в ходе экспедиций в помакские села Мики/Мустафчево (информанткам ориентировано 25, 45, 65 лет¹²), Эхинос/Шеин/Шахин (информанткам 78 и ориентировано 40 лет), Зминти/Змитця (информанткам ориентировано 40 лет) и в турецкие села Селеро¹³ (информанткам 81 и 45 лет) и Кирнос (информанткам ориентировано 60 и 25 лет), а также материалы по с. Илиопетра в [Şerifoğlu] в 2018–2019 гг. Записанные нарративы отражают

⁹ По итогам экспедиции 2017 г. в населенные пункты Родоп Болгарии (г. Смолян, с. Неделино, с. Гылыбово и проч.).

¹⁰ По итогам экспедиций 2017 и 2018 гг. в населенные пункты Родоп Болгарии (г. Смолян, г. Доспат, г. Девин, с. Змеица и др.) и Греции (г. Ксанти, с. Шеин, с. Зминти, с. Мустафчево, с. Мантена и др.).

¹¹ Во всех перечисленных селах удалось взять интервью на болгарском и турецком языках, за исключением с. Кирнос, информанты в котором славянским идиомом не владели.

¹² Зафиксировать точный возраст не представилось возможным.

¹³ Данное село является смешанным по этническому составу. Помаки (с самоидентификацией как «помаки») в с. Селеро свободно владеют турецким языком, который, соответственно, является языком межэтнического общения. Турки в единичных случаях знают болгарский диалект.

современное представление информантов о традиционном свадебном обряде¹⁴. Мы допускаем, что в силу разной степени отуреченности каждого помакского села степень языковой и культурной интерференции могут отличаться между населенными пунктами. Основным критерием при выборе сел была не столько целостность языка и давность поселения, сколько приобретенная в последние десятилетия билингвальность населения.

В статье сопоставляются характеристики языкового кода свадебного обряда помаков и турок на семантическом (денотативном) [Толстой 1997] и эксплицитном уровне и определяется соотношение между ними, поскольку языковой код может вскрывать взаимоотношения между этносами, отличные от собственно этнографических.

Статья содержит следующие разделы:

1) этнографический раздел с сопоставительным описанием свадебного обряда помаков и турок р-на г. Ксанти. Рассматривается вариативность свадебного обряда в рамках каждого отдельно взятого сообщества;

2) лингвистический раздел, в котором сопоставляются языковые коды свадебного обряда помаков и турок. Подразделы, в которых:

- описывается славянская речь помаков: рассматриваются случаи заимствования из турецкого языка при сохранении/утрате славянского эквивалента; случаи фонетической и морфологической адаптации заимствований; случаи переключения на турецкий язык;
- описывается турецкая речь помаков: рассматриваются случаи заимствования из болгарского языка в турецкую речь помаков, языкового переключения с турецкого языка на местный южнославянский диалект, а также ситуации забвения/незнания информантом турецкой лексемы; случаи формирования собственной ритуально немаркированной синтагмы; ситуации отнесения славянской лексемы к турецкому языковому коду; случаи, когда информанты предполагают отсутствие искомой лексемы в турецком языковом коде свадебного обряда;
- сопоставляется турецкая и славянская речь помаков: рассматриваются случаи идентичности лексем на болгарском и турецком языках помаков; случаи вариативности турецких лексем для обозначения одной семы в двух языках; случаи, когда информанты предполагают отсутствие искомой лексемы в своем болгарском диалекте;

¹⁴ Для интервью мы применяли анкету-вопросник, охватывающую максимально возможное количество тем, связанных со свадебным обрядом. Использовался метод «от значения к слову», за редким исключением. В первую очередь информанту предоставлялась возможность свободного повествования по теме, а в дальнейшем детали уточнялись отдельными вопросами. При составлении анкеты мы опирались на [Плотникова 1996], а также использовали материалы из [Новик, Резван 2019].

- сопоставляется турецкая речь помаков и турок: рассматриваются случаи идентичности и вариативности лексем в речи помаков и турок; случаи заимствования диалектных лексем;
 - сопоставляется славянская речь помаков и турок: рассматриваются случаи использования славянских лексем и турецких слов в славянской речи турок; случаи корректной и ошибочной этимологизации лексем информантами;
 - описываются греческие заимствования в речь помаков и турок: рассматриваются случаи заимствования в болгарскую речь помаков при дефиниции лексемы на другом языке; случаи ошибочного отнесения лексемы к греческому языку или же отнесения греческой лексемы к другому языку; случаи заимствования греческих слов в турецкую речь турок;
- 3) заключение;
- 4) иллюстративный материал (пример нарратива);
- 5) иллюстративный материал (параллельная таблица лексических примеров).

Степень идентичности культурного кода свадебного обряда помаков и турок. В результате нашей реконструкции полной хронологии помакской и турецкой свадеб было выяснено, что основные ритуальные комплексы помаков и турок р-на г. Ксанти совпадают¹⁵, а именно:

Знакомство парня и девушки через родителей; испрашивание родителями жениха согласия на сватовство у стороны невесты; участие в сватовстве невесты родных жениха; повторный приход сватов за ответом (организация угощения); помолвка в доме невесты (взаимные угощения сладким и размен дарами (в том числе невесте – золото)); угощение жениха соленым кофе; проведение «ночи хны» (невесте красят руки хной, тогда как в ладони ей свекровь кладет золотые монеты; присутствуют только женщины и девушки); религиозное бракосочетание (никях) раздельно в доме жениха и невесты (или имама); ритуальное бритье жениха; получение выкупа¹⁶ за приданое (мальчика сажают на сундук с приданым); выкуп и перенос стороной жениха выпечки во главе свадебной процессии; преграждение пути свадебной процессии с целью получения выкупа; держание невестой ребенка (мальчика) при входе в дом жениха; угощение участников свадебной процессии; «разговаривание» невесты перед брачной ночью (молчание невесты)¹⁷; по-

¹⁵ О мусульманской составляющей культуры помаков, а также об особенностях культурного кода их свадебного обряда см.: [Узенёва 2018].

¹⁶ Мотив торговли является одним из ключевых моментов свадьбы [Байбурин 1993: 75].

¹⁷ Этот обряд содержит мотив «оживления» невесты после «умирания»: испытание новобрачной предполагает совершение ею определенных действий впервые, тем

сещение молодоженами дома родителей невесты для трапезы спустя некоторое время после свадьбы; посещение родными невесты дома молодоженов для трапезы спустя некоторое время после посещения дома родителей невесты¹⁸. При этом общие обрядовые элементы могут модернизироваться идентичным способом у обеих групп, напр., в наше время невеста может держать ребенка любого пола, а на ночи хны допускается присутствие мужчин.

В следующих случаях идентичность обрядового комплекса ограничена лишь **одним ритуальным элементом** (и различается другими параметрами, напр., временем исполнения, участниками и проч.), как то: прятанье обуви жениха (за выкуп); угощение сватов кофе; осыпание невесты конфетами/монетами (сторона жениха) при выходе из родительского дома и входе в дом жениха; музыкальное и танцевальное сопровождение процессии; разбивание невестой стакана с водой при входе в дом (против сглаза); намазывание сладким косяком над дверью, когда невеста входит в дом жениха; кормление молодоженами друг друга одной ложкой перед брачной ночью; демонстрация свекрови простыни со следами девственной крови невесты; одаривание невесты свекром и свекровью после брачной ночи; отсутствие работы по дому у невесты на протяжении трех дней после свадьбы.

На фоне общего культурного кода необходимо сообщить о локальных денотативных различиях в рамках каждого отдельно взятого локального сообщества (между селами). Такие различия бывают нескольких типов.

Субъективные различия (на основе личного опыта): как молодожены находили себе пару (на байрамах / на посиделках).

Объективные различия (на наш взгляд, безотносительно к личному опыту или временным изменениям): разные способы демонстрации согласия невесты при совершении никяха, а именно передаваемое невестой кольцо (с. Мики) / свидетели (с. Зминти); наличие свадебного знамени (Мики) / отсутствие свадебного знамени (с. Эхинос и Зминти); на ночь хны деньги кладут на голову невесте (Илиопетра) / в ладони невесте (с. Селоро).

Возможно, утраченная культурная память или культурное различие: ритуальное ожидание невесты в родительском доме, прежде чем за

самым она демонстрирует способность говорить и что-либо делать физически [Байбурин 1993: 87] Так, помаки, чтобы «разговорить» молчащую невесту перед брачной ночью, просили ее подать воды, но при этом все кружки в доме были спрятаны, и невеста вынуждена была устно спрашивать о их местонахождении. Таким образом, спрятанные кружки можно считать стимулом к речи невесты.

¹⁸ Завершающий элемент комплекса свадебных обрядов. Молодая «возвращается» в дом родителей, но уже в новом статусе и в качестве гостя [Байбурин 1993: 87]. Также о переходах в свадебном обряде см.: [Левинтон 1991: 223–226].

ней придет сторона жениха¹⁹ (Зминти и Мики) / информантка не помнит такого обрядового элемента (Эхинос).

Объективные временные различия: перевоз приданого вместе с невестой (Зминти) / после переезда невесты (Эхинос). После свадьбы невеста не работает²⁰ три дня (с. Илиопетра) / неделю (Селеро).

Модернизация: присутствие мужчин на ночи хны (Эхинос). Отсутствие бритья жениха — только танцы (Эхинос). В настоящее время жених ходит на первое сватовство вместе со сватами (с. Кирнос).

Названные различия не позволяют заполнить все поля семантической сетки свадебного обряда для каждого сообщества (с учетом всех сел / всех возрастных групп), поэтому, ввиду невозможности привести исчерпывающий список различий культурного кода помаков и турок, ограничиваемся указанием основных типов этих различий с наиболее характерными примерами.

Акционный код: более пассивная роль невесты (ожидание, не участие в танцах на свадьбе) (п²¹); участие (т²²) — неучастие (п) свекрови в забирании невесты; постилание белого полотна невесте (п) — отсутствие обряда (т); разрезание красной ленты молодоженам на помолвку (т); повязывание красного пояса невесте на свадьбе (т/п); перенос кочерги во главе свадебной процесии (п).

Предметный код: свадебное знамя/зонт во время свадебной процесии (п) — отсутствие обряда (т) — наличие обряда (т Турции); свадебное деревце (т) — отсутствие (п) — наличие (болгары-христиане Болгарии [Узенёва 2010]).

Персонажный код: парные чины: встреча гостей и сопровождение молодоженов (т).

Финансовые причины (обусловлены исторической бедностью помакских сел): словор ≠ помолвка (т) — словор =/≠ помолвка (п Греции, п Болгарии); продолжительность свадьбы три дня (т) — продолжительность свадьбы один день (п Греции) — отсутствие торжества с угощением (п Болгарии); мало даров (п) — больше даров (в том числе по итогам словора или при «разговаривании» невесты) (т); золотые дары невесте (т, п Греции) — отсутствие ритуала (п Болгарии).

¹⁹ Об «умирании» невесты, сопровождаемом ее почти полным бездействием, см.: [Левинтон 1991: 223; Байбурин 1993: 66–67]. Такой обряд, описанный в [Антонијевић 1982: 147] у каракачан, включает в себя также бездействие невесты на протяжении нескольких дней перед переездом, при этом допускается, чтобы невеста чинила одежду, но ни в коем случае она не должна вязать и плести. Нам не удалось обнаружить такой особенности у помаков Греции, отметим, однако, что в течение нескольких дней после переезда в дом мужа помакская невеста не работает по хозяйству, но обязательно занимается рукоделием, вяжет.

²⁰ См. сноска 19.

²¹ Помаки (здесь и далее).

²² Турки (здесь и далее).

Цвет: зеленая одежда и красный платок невесты на свадьбе (п) — красная / желтая одежда (ночь хны) и зеленый платок невесты на свадьбе (т).

Нововведения: ночь хны (проще); соленый кофе жениху от невесты; фата у невесты; увеличение количества даров при помолвке; проведение свадьбы (торжества) (п)²³.

Степень идентичности языкового кода свадебного обряда помаков и турок
I. Славянская речь помаков

В болгарском языковом коде свадебного обряда помаков наблюдается значительное количество заимствований из турецкого языка²⁴, которые мы можем квалифицировать как полностью вытеснившие славянский аналог в идиоме или употребляющиеся параллельно с ним. При этом на количество заимствований в речи информанта влияет степень его билингвальности (напр., получение образования на турецком языке, проживание в этнически смешанном населенном пункте). Заимствований отмечается больше, если турецкий язык для информанта более актуален (количество сфер применения турецкого языка и частота его реализации²⁵) и/или если информант чувствует усталость (наибольшее количество заимствований и языковых переключений).

Заимствование при полной утрате славянской лексемы²⁶:

1) заимствование, имеющее широкий ареал распространения и характерное в том числе для болгарского литературного языка: *ſe iz*²⁷ ‘приданое’ (Зминти, Мики); *blr j'ak* ‘свадебное знамя’ (Мики); *blhſiſ* ‘подарок (продукты)’ (Мики); *kəmſ* ‘сосед’ (Зминти);

2) заимствование диалектное, характерное для изучаемого идиома²⁸: *duv ak* ‘фата’ (Мики), *mędz'e* ‘посиделки за работой’ (Зминти), *ins an, mill et* ‘люди’ (Эхинос); *arkad'afis* ‘друзья’ (Эхинос); *bl'd'uzla* ‘сестра жены’ (Эхинос); *nif'en, lmlp ete* ‘дары невесте на помолвку’ (Эхинос).

²³ При сопоставлении свадебного обряда помаков Греции и Болгарии можно выделить различия в предметном и пищевом коде: текстиль / деньги как выкуп за невесту (т, п Греции) — ракия (п Болгарии).

²⁴ При этом, согласно [Узенёва 2019: 330], больший объем турцизмов представлен в родинной и похоронной обрядовости, что объясняется религиозными особенностями культуры.

²⁵ О том, насколько сферы использования того или иного языка влияют на речевые компетенции населения, а также о роли коммуникативно ключевых членов сообщества см.: [Adamou 2012].

²⁶ О заимствовании как методе субSTITУции при утрате/забвении лексемы на родном языке, а также об описательном методе как способе замещения см.: [Комериу 2001: 51–52].

²⁷ В транскрипции мы использовали Международный фонетический алфавит.

²⁸ В сопоставлении с другими болгарскими диалектами и стандартным языком.

В языковом коде свадебного обряда встречаются и религиозные заимствования (заимствовано вместе с денотатом): *izinnat* ‘религиозное разрешение на брак’ (Зминти), *ʃ'ax atə* ‘свидетели на никяхе’ (Зминти, Мики). При этом ярким исключением является лексема *vənf'il'kl* ‘религиозное бракосочетание’ (Эхинос, Зминти, Мики) как наименование целого обрядового комплекса (данная лексема зафиксирована нами в идиомах всех исследованных помакских сел Греции и считается актуальным и приоритетным способом номинации религиозного бракосочетания).

Заимствование при наличии славянской лексемы:

1) эквивалентность²⁹ заимствованной лексемы славянской лексеме и параллельное употребление лексем³⁰ в славянской речи: *kən'a g'edzəs i* (Эхинос, Мики) = *kln iskl* (Зминти, Мики) ‘ночь хны’; *'an'q* (vocativ) = *b'abq* (vocativ) ‘свекровь, теща’ (Эхинос), *bqb'a* (vocativ) = *d'edq* (vocativ) (Эхинос) ‘свекор, тесть’; *m'ɔf = m'əf = dələm'atən* ‘парень после никяха’ (Эхинос); *ʒən'a = g'el'ini* ‘девушка после никяха’ (Эхинос); *z'ət = dələm'atən = ml'adən* (Эхинос, Мики) = *k'ɔp'el'ən* (Эхинос, Мики) = *jup'ak* (Мики) ‘жених в день свадьбы’; *zəgləv'əvnən'q = nif'an* ‘помолька’ (Мики);

2) использование информантом заимствования для пояснения значения славянской лексемы³¹: *r'ət > xius'it, akrab'a* ‘родственники’ (Мики); *k'ɔp'el'unq tajf'ənq* (Эхинос) > *k'ɔp'elska str'anə* (Зминти, Эхинос); *g'ost'jenq > m'əs'ef ir'ət k'ɔp'elskənə str'ənu* ‘гости / гости со стороны жениха’ (Мики).

Важным показателем степени владения славянским и турецким языками является способность информантов четко различать «родное» слово и заимствованное, напр., *nl gləv'ənq y'əmp'er'q, y'əmp'er' - t'urtsko, tom'ijq - pom'atsko* ‘на голове чемпер (платок), чемпер — по-турецки, момия — по-помакски’. Если информант знает лексемы на обоих языках, даже в случае сильной усталости он проводит четкое различение между ними и не допускает ошибок при этимологической идентификации.

При том что турецкие лексемы чаще всего заимствуются вместе с семой или накладываются на уже готовые сему / семантическое поле, эквивалентные семе / семантическому полю в турецком культурном

²⁹ Também возможно расширение семантики слова (синекдоха) с приобретением обрядового значения, напр., ‘дар на помольку’: *gwzd'ilq* ‘украшение’ (Зминти, Мики) = *nif'en*, *atəl'e* ‘дар, дар на помольку’ (Эхинос).

³⁰ Заимствование лексемы из другого языка при наличии собственного слова наблюдается в тех случаях, когда носитель признает культурное превосходство языка-донора [Косерну 2001: 59] или взаимодействует с наиболее общительными людьми в социуме, перешедшими на другой язык [Adamou 2012: 21].

³¹ Информант использует лексемы из другого языка непосредственно после употребленной лексемы, чтобы пояснить ее значение.

(в том числе языковом) коде, в ряде случаев таковая сема отсутствует в культурном коде свадебного обряда турок, напр., *bıjr’ak* ‘свадебное знамя’, *bıjr’aktar* ‘тот, кто несет свадебное знамя’ (Мики). В таком случае информанты прибегают к основному словарному значению лексемы и наделяют его ритуальной символикой.

При билингвальности информанта (в том числе при слабом владении турецким языком) заимствованные лексемы подвергаются трансформации. В случае фонетической трансформации в болгарскую речь помаков попадают нехарактерные для славянских языков огубленные гласные переднего ряда *u* и *ø*: *kəmf'*и ‘соседи, приглашенные на свадьбу’ (3), *aert'*у ‘фата’ (М). Эти гласные мы обнаружили не только в словах, сохранивших изначальную турецкую фонетику, но и в тех словах, в которых на их месте изначально были другие турецкие фонемы: *kəlxv'æ* (*accusative*) ‘кофе’ (Мики) (ср. *k'ałhv'e* (*nominative*) (Мики) / *kaałhv'e* ‘кофе’ (Селеро)). То же касается заимствованной в болгарскую речь лексемы *'uyfg'uvəli* ‘жених, пришедший жить в дом невесты’ (Зминти), которая в турецкой речи помаков (а также турок) имеет звучание *'iyg'uvəli* (Зминти, Селеро)³².

В отличие от интерференции турецкой фонетики в болгарскую речь помаков (в заимствованиях), морфологическая трансформация служит для грамматической интеграции заимствований в болгарскую речь:

- образование окончания мн. ч.: *rlr'ış* (Зминти, Эхинос, Мики, слав. речь) / *rlg'a* (Эхинос, тур. речь) (ср. *rlg'a* (Селеро, тур. речь));
- образование падежной формы: *lkrab'ınpę* ‘родственники’ (*accusative plural*) (Эхинос, слав. речь);
- образование артикльевой формы: *k'ɔp'el'ınpę tajf'ınpę* ‘семья жениха (парня)’ (Эхинос, слав. речь);
- образование показателя рода: *g'el'inı* ‘невеста’ (f, sg) (Эхинос, слав. речь), *dıllımt'atlıı* ‘жених (article, m, sg) (Эхинос, слав. речь).

Словообразовательные трансформации на основе заимствованного корня встречаются в словосочетаниях со славянскими лексемами независимо от наличия в идиоме славянских аналогов.: *g'el'inskii dr'ıpi* ‘одежда невесты’ (Эхинос); *lkrad'ıki i qıtxıs'ıshılpę* ‘подруги из родственников’ (Зминти).

Помимо заимствований, в речи помаков наблюдаются языковые переключения со славянского языка на турецкий язык. Обычно такое переключение занимает не более одной синтагмы³³. К языковым переключениям мы относим случаи с сохранением грамматики языка, к

³² Ср. ‘свидетели на религиозном бракосочетании’ в славянской речи *f'ax'atlı* (plural) (Зминти, Мики), а в турецкой речи – */salh'it* (Зминти, Мики).

³³ См. в приложении *gidij'ɔrlar* ‘уходят’.

которому этимологически восходит лексема/словосочетание³⁴, напр., *f'imdi svádbite* (noun pl) *sø* (verb 3 pl) *g'yz'el'* (adj sg/pl) ‘теперь свадьбы красивые’.

При этом мы склонны предполагать наличие триггеров языкового переключения (в тех случаях, когда можно выявить закономерность):

- числительные: *ik'i tarft'an st'arin'e* ‘от обеих сторон старшее поколение’ (Мики) (ср. славянское слово *str'anu* ‘сторона’ (gen) (Мики));
- повторяющаяся конструкция: *ak'u si akrab'a, i m'ətskənəq 'ide, 'ako nə si akrab'a – g'itmij'əg m'ətskənəq* ‘если родственник, и мужчина идет, если не родственник — не идет мужчина’.

II. Турецкая речь помаков

В отличие от болгарской речи, насыщенной большим количеством заимствований из турецкого языка, в турецкой речи информантов наблюдается простой коммуникативный языковой инвентарь, в случае нехватки которого (по теме свадебного обряда) сема остается незаполненной (информант не помнит) или выражается описательно. Однако нам встретился единичный случай инкорпорирования славизма в турецкую речь информантки: *g'əs't'jədələgidij'əgiz* ‘посещают молодоженов после свадьбы на 3-й день’ (Эхинос).

В тех случаях, когда у информанта не получается выразить сему на турецком языке, это может быть вызвано незнанием/забвением турецкого слова, напр., *p'əvratki* ‘посещение молодоженами матери невесты (дома родителей невесты) после свадьбы’ (Эхинос, Мики, слав. речь) — ?³⁵ (Эхинос, Мики, тур. речь) — *damlat s'əfrəlsi* (Кирнос, тур. речь); ‘помолвленные’ *g'al'enitsa* ‘любимая’ (Зминти, Мики, слав. речь), *glav'"eni* ‘помолвленная девушка’ (pl) (Мики, слав. речь) — ? (Зминти, Мики, тур. речь), *niflənləwər* ‘помолвленные’ (Мики, тур. речь) — *niflənl'ısh* ‘помолвленный/помолвленная’ (Кирнос, тур. речь). Причем в некоторых случаях помакская и турецкая лексемы идентичны (заимствование из турецкого языка), а план выражения в турецкой речи соседнего села совпадает с лексемой этнических турок, напр., *kl'infə* ‘брать жены’ (Эхинос, слав. речь) — ?³⁶ (Эхинос тур. речь), *kl'infə* (Зминти, тур. речь) — *kl'infə* (Кирнос, тур. речь).

³⁴ Ср. вопрос о разграничении заимствования и языкового переключения в [Matras, Adamou 2021].

³⁵ В данном случае информант сообщил об отсутствии такого ритуала (а соответственно, и лексемы) в культурном коде турок, что свидетельствует о 1) периферийности запрашиваемого элемента в бытовой (межгрупповой) коммуникации и, как следствие, о 2) его неактуальности и даже отсутствии на семантической сетке турецкого свадебного обряда и в турецком языковом коде помакского свадебного обряда.

³⁶ Информант не знает.

Если информант не знает турецкий аналог, то он может генерировать его самостоятельно, прибегая к обрядово не маркированным лексемам или лексемам с наиболее общим обрядовым значением, при этом обрядовый элемент может 1) как присутствовать в культурном коде турок, 2) так и отсутствовать в нем:

1) напр., ‘посещение молодоженами матери невесты (дома родителей невесты) после свадьбы’ *p`ıvratkiš, g`ostje, (‘idet) na kafı̄’ (‘идут на кофе’)(Эхинос, слав. речь) – ?, *gidədʒ`aiz k`aʰv`e ifin*³⁷ (‘идут на кофе’) (Эхинос, тур. речь) – *daml`at s`ıfrası* ‘женихова трапеза’ (Кирнос, тур. речь), *dy`un d`aavet* ‘свадебное посещение’, *fədʒ`uk daav`et* ‘посещение молодого человека’ (Селоро, тур. речь);*

2) напр., ‘сидеть ждать, пока заберут (невеста перед приданым)’ *mr`enę* (Зминти, слав. речь) – ?, *beklij`ır* (pr 3sg) (Зминти, тур. речь), где у лексемы *beklij`ır* нейтральное значение ‘ждать’, в то время как у слова *mr`enę* ритуальное значение ‘умирание’ [Карахотζа 1996].

Иногда при использовании наименее узульных в бытовой речи обрядово-маркированных сем помакские информанты ошибочно относят болгарскую лексему также и к турецкому языковому коду³⁸, напр., *tom`arkıš* ‘сваты’ (Эхинос, слав. речь, Эхинос, тур. речь), *d`ar* ‘дары стороне жениха/невесты’ (Эхинос, слав. речь, Эхинос, тур. речь). Чаще всего это сопряжено с усталостью информанта³⁹.

В ряде случаев информанты утверждают, что запрашиваемой реалии нет в культурном коде турок (нами также не зафиксировано⁴⁰):

1) не зафиксировано нами в турецком обряде: *sf`axıı* ‘женщины в зеленом, сопровождающие невесту при переезде’; *mlad`ıı* ‘сидеть в ожидании жениха (невеста перед «разговариванием»)’; *mr`enę* ‘сидеть ждать, пока заберут (невеста перед приданым)’; *x`arkatıı* ‘ведра на свадебной процессии’; (*m`ıtqol* ‘бросал’) *last`ıʃıkı* ‘резинка, которую кидал парень в понравившуюся девушку’; *m`ıʃıkı tom`inkı* ‘ребенок (здесь: маленькая девочка), через которого парень/девушка передавал/-а цветок понравившейся девушке/парню’;

2) не зафиксировано нами ни в турецком, ни в помакском обряде: свадебное знамя (Зминти);

³⁷ В данном примере информанты калькируют синтагму из своего славянского языка (которая по своей сути носит описательный характер), не имея возможности перевести обрядово-маркированную лексему *p`ıvratkiš* и не зная лексем, используемых турками.

³⁸ В турецкой речи (связном тексте) информанты эти лексемы не используют, но приводят исключительно в качестве ответа на вопрос-анкету.

³⁹ Наш материал не продемонстрировал использование турецкими информантами этих славянских заимствований.

⁴⁰ Ср. с упомянутым выше ошибочным предположением помаков, что у турок нет аналогичного свадебного обряда.

3) информанты утверждают, что в турецком коде нет такого обряда, но калькируют лексему: *izv`itsh k`shitki*, *izpl`eteno* (Зминти, слав. речь) – *ÿfite`ek hedi`esi* (Зминти, тур. речь) ‘цветы, которые передавал парень, понравившейся девушке’

При формировании речи на болгарском языке помаки в определенных случаях переходят на турецкий. Напротив, переключение с турецкого языка на славянский (в рамках продолжительной наррации) встречается лишь в единичных случаях: *kalt`ur`en git`er`dil`er prik`etq⁴¹*.

III. Сопоставление турецкой и славянской речи помаков

В силу принадлежности болгарского и турецкого языков к разным языковым семьям — индоевропейской и тюркской — идентичные лексемы обрядового кода в обоих языках встречаются редко, напр., *tılr`af* ‘сторона’ (Эхинос, слав. и тур. речь) или *tr`af* ‘бритье жениха перед свадьбой’ (Мики, слав. и тур. речь). Эти лексемы чаще всего имеют славянский аналог в идиоме того же самого села или соседних сел, напр., ‘сторона’ *str`ana* (Зминти, Эхинос, Мики, слав. речь) или ‘бритье’ *br`islat* (Эхинос, Зминти, слав. речь). Таким образом, в основном различие в языковом коде имеет этимологическую природу: *m`ɔʃ, m'ʃ* (Эхинос, слав. речь); *m`ɔʃ, yfel`akon, yʃol`ak* (Мики, слав. речь) – *kədʒ'a* (Эхинос, тур. речь) ‘муж’. Однако в славянской и турецкой речи помаков для обозначения идентичной семы могут встречаться разные турецкие лексемы, напр., ‘дары невесте на помолвку’ *atıtl`ete* (Эхинос, слав. речь) – *nif`an, bəlʃ'a* (Зминти, тур. речь), *h`edij`e* ‘подарок’ (Мики, тур. речь) – *hedi`e, nif`an b`ɔɔhfası* (Селеро, тур. речь). Напомним также, что информанты могут прибегать к описательному методу в случае, если они забыли / не знают турецкую лексему для запрашиваемой семы, напр., в случае разложения единого свадебного чина на составляющие: *ml`adi* ‘молодожены’ (Мики, слав. речь) – *g`el`in və dałm`at* ‘невеста и жених’ (Мики, тур. речь) – *gen`yl`er* ‘молодожены’ (Селеро, тур. речь).

Как уже упоминалось выше, важным показателем четкого разделения языковых кодов (в том числе и свадебного) в речи информантов является корректная (с редкими исключениями) этимологическая идентификация лексем, производимая самими информантами, на основании которой помаки могут делать предположения об отсутствии аутентичной помакской лексемы. И здесь возможны следующие две ситуации.

- Информанты знают турецкий аналог и используют его в своей славянской речи:

⁴¹ Хотя греческое заимствование *prik`* ‘приданое’ есть и в славянском языке помаков, и в турецком языке турок, мы рассматриваем его как языковое переключение из-за морфологической адаптации к славянскому языку.

1) религиозные мусульманские семьи, напр., ‘имам’ *im`am, x^u’ədʒəl* (Зминти, слав. речь и тур. речь); ‘представители сторон, торгующиеся за размер суммы денег невесте на никяхе’ *vək `il'* (Зминти, слав. речь и тур. речь);

2) семьи, характерные для славянского культурного кода, напр., ‘приданое’ *ıfə `iz* (Зминти, слав. и тур. речь).

- Информанты знают турецкий аналог, но не используют его в своей славянской речи, напр., ‘сестра жены’ *bıld`uz* (Зминти, тур. речь) – Ø (Зминти, слав. речь – идентификация свадебного чина происходит через ‘чья-либо сестра’).

IV. Сопоставление турецкой речи помаков и турецкой речи турок

Закономерно совпадение большинства обрядовых лексем в турецкой речи помаков и турок, напр., ‘невеста’ *g’el`in* (Зминти, Эхинос, Мики) – *g’el`in* (Кирнос, Селеро); ‘дары невесте на помолвку’ *nif`an*, *bəlʃə`a* (Зминти), *h’ədij`e* (Мики) – *hədi`e, nif`an b`əx^hfası* (Селеро). При этом наблюдаются случаи выражения одной и той же семьи разными турецкими лексемами в двух идиомах, напр., *kə `inpəd`er* (Зминти, Мики), *kə `inp`əd`er* (Эхинос) – *k`ajnla* (Кирнос, Селеро) ‘свекор/тесть’. Иногда такое различие может быть обусловлено незнанием помаками точной лексемы и ее субSTITУЦИЕЙ другим ситуативно подходящим словом, так что возникает семантический сдвиг (на уровне нескольких сел вне зависимости от поколения): ‘помолвленный парень’ – *səvgil`im* ‘мой любимый’ (Зминти); *nif`nlwl`ar* ‘помолвленные’, *seygil`er* ‘влюбленные’ (Эхинос), *erk`ek* ‘парень’ (Мики) – *nif`nl`ısh* (Селеро). Причем единственно корректную (для турецкого языка) лексему *nif`nlwl`ar* ‘помолвленные’ предложила молодая информантка, в то время как старшая информантка предпочла *səvgil`er* ‘влюбленные’ (не только в речевом потоке, но и при ответе на вопрос из анкеты); в с. Зминти такая лексема была предложена информанткой 30 лет. Так же различие между турецкими лексемами помаков и турок может быть обусловлено денотатом, напр., *gərydʒ`u* (Мики) – *dynyrl`er*; *dynyfl`er* (Кирнос) ‘сваты’, в этих случаях турецкие информантки подразумевают сватов обоих полов, родственников жениха, принятых в турецкой свадебной традиции, а помакская информантка имеет в виду ‘сваху’ (ед. ч.) женского пола, как принято в помакской традиции (ср. *mət`arkı* (ж. р., мн. ч.) (Эхинос, слав. речь)).

V. Сопоставление славянской речи помаков и славянской речи турок

В турецком языковом коде свадебного обряда турок болгарские заимствования полностью отсутствуют. Что касается их славянского языкового кода, то турецкие информанты не владеют славянским языком

(языком коммуникации между турками и помаками является турецкий). Единственная наша информантка, которая могла изъясняться на болгарском языке, владела им на минимальном коммуникативном уровне, необходимом для ежедневного бытового общения с друзьями-помаками⁴². Ее речь была грамматически абсолютно правильно построена, но в то же время языковой инвентарь отличался лексемами наиболее общего значения и наиболее частотными в повседневном общении.

В славянской речи информантки обращали на себя внимание турецкие заимствования в болгарскую речь помаков, напр., *nij`an* (тур. речь) – *nij`an* (слав. речь) ‘помолвка’, *nislnl`ish* (тур. речь) – *nislnl`ish*⁴³ (слав. речь) ‘помолвленный’, *if`is* (тур. речь) – *if`is* (слав. речь) ‘приданое’. Это объясняется тем, что турецкий язык для нее является родным и поэтому из пары эквивалентно использующихся в славянской речи помаков ‘славянской лексемы – турецкой лексемы’ она выбирает наиболее частотную для себя⁴⁴. Также это может быть обусловлено вытеснением ряда славянских лексем в славянской речи помаков данного этнически смешанного села (с. Селеро)⁴⁵; в таком случае турецкая информантка могла просто не знать славянский аналог.

В славянском языковом коде свадебного обряда наиболее частотные семы информантка выражает на болгарском, напр., *dl so vens`et* (слав. речь) – *nik`a^h ja^{rt}ak* (тур. речь) ‘совершать религиозное бракосочетание’, *sv`atbl* (слав. речь) – *d`yup* (тур. речь) ‘свадьба’, *b`abl* (слав. речь) – *k`ajplla* (тур. речь) ‘свекровь/теща’, *d`edo* (слав. речь) – *k`ajpatl* (тур. речь) ‘свекр/тестя’ и др. При этом узкоспецифичные понятия на славянском языке информантка не знает, но и не выражает их ошибочно турецкими словами, напр., ‘сваты’ (*tom`arke* (Эхинос, слав. речь)).

Если лексика с семой ‘сваты’ оказалась для информантки совершенно незнакомой (ни к чему не привел и вопрос «от слова к значению»), то некоторые лексемы обнаружились в ее пассивном словарном запасе. Напр., информантка не смогла сама вспомнить славянское слово для семы ‘посещение дома родителей невесты молодоженами’ и привела турецкий эквивалент *dllv`et* – *dllv`et*, но позже при вопросе от слова к значению вспомнила славянское слово *pr`evratku*⁴⁶.

⁴² Из-за того, что коммуникация между разными национальными группами в смешанном помакско-турецком селе ведется на турецком языке, количество турок, владеющих болгарским идиомом, оказалось минимальным.

⁴³ Лексему *glav`enq* информантка не помнит.

⁴⁴ Ср. предложенные ею две эквивалентные лексемы *g`el`in* (тур. речь) – *gel`in*, *niv`asta* (слав. речь) ‘невеста’.

⁴⁵ Что нам проверить не удалось, поскольку мы не брали интервью у помаков из с. Селеро.

⁴⁶ Считать это случайным совпадением нельзя, поскольку дефиниция к задаваемому слову не была дана, а лексему мы в вопросе произнесли намеренно

При том что информантка верно идентифицирует этимологию лексем и, закономерно, корректно относит турецким в речи помаков к заимствованиям из ее родного языка, в одном случае она допускает ошибку. Речь идет о семе ‘жених’ *dalm`at – guy`e*. Лексему *guy`e* определяет как «помакскую», а *dalm`at* – как турецкую. Это вызвано тем, что слово *guy`e* устаревает и уже не употребляется средним поколением, а старшим поколением называется исключительно наряду с другими лексемами, причем не в речевом потоке, а в качестве ответа на вопрос из анкеты. Таким образом, турецкая информантка, имея слово *guy`e* в составе пассивного словарного запаса, отнесла его к языковому коду контактной этнорелигиозной группы. В то же время помаки считают обе вышеуказанные лексемы принадлежащими к турецкому языковому коду и не используют их в своей славянской речи⁴⁷.

VI. Греческие заимствования в речь помаков и турок

Несмотря на то что современные исследователи отмечают тенденцию к увеличению заимствований из греческого языка в речь помаков [Adamou 2012; Климова 2019] при коммуникации внутри сообщества, наш материал продемонстрировал, что для обоих идиомов (болгарского и турецкого) характерно минимальное количество заимствований из греческого языка. В славянской речи помаков заимствования из греческого (напр., *l'esteñ* (Мики, слав. речь), ср. *n'ęzəñ`čepən / n'ęzəñ`čepəl* (Зминти, слав. речь) и *bek'ar* (Зминти, тур. речь) ‘неженатый/незамужня’) появляются:

- для идентификации лексемы на L1 или L2; напр., лексему *g`ambors* ‘жених’ (Зминти, слав. речь) информанты использовали для номинации смысла при подборе слова на турецком;
- при ошибочном отнесении греческого заимствования к другим идиомам; напр., *v'ero* ‘обручальное кольцо’ (Мики) неверно отнесено информантами к «помакскому» языку, затем к турецкому, после чего по остаточному принципу уже к греческому языку;
- при ошибочном отнесении лексемы к греческому языку; напр., *dav`ul* ‘барабан’ (Мики) идентифицировано информанткой как греческое слово, в то время как оно является заимствованием из турецкого языка;
- в единичных случаях как приоритетные перед турецкими лексемами; напр., *podij`a* ‘передник’ (Мики); информант затруднился подобрать турецкое слово, греческий аналог оказался более актуален для него.

некорректно. Информантка исправила произношение слова и дала верное определение.

⁴⁷ При этом помаки Болгарии (напр., с. Гылыбово), воспринимают лексему *guy`e* как «свою», но устаревшую.

Функциональные реализации греческих заимствований в славянской речи помаков разнообразны, в турецкой речи помаков подобные заимствования нами не зафиксированы, так же как и в том минимальном отрывке славянской речи турок, который нам удалось записать. В турецкой же речи турок нами обнаружено только одно заимствование – *prik'ja* ‘приданое’ (Ксанти).

Выводы

Таким образом, языковой ландшафт Родоп в р-не Ксанти демонстрирует интереснейшее сочетание турецкой и славянской культуры с большим количеством культурных (в том числе языковых) интерференций, находящихся в непрерывной динамике.

Сопоставление культурного кода свадебного обряда помаков и турок продемонстрировало совпадение онтологии и денотативного ряда. Но также наблюдаются различия в отдельных элементах свадебного кода, равно как и в комбинациях отдельно взятых элементов ритуалов. Различия могут быть обусловлены разными культурными традициями или же этнографическими, эстетическими, социальными факторами (напр., финансовыми причинами).

Можно отметить, что различия в ритуалах в подавляющем большинстве случаев не касаются наличия/отсутствия обрядово маркированных явлений во всем свадебном обряде. В случае с временными различиями (осыпание невесты, посещения молодоженов) ритуал переносится во времени, но также совершается в рамках свадебного обрядового комплекса.

При обращении к языковому коду обряда мы установили, что комбинации сем на семантической сетке часто не влияют на лексическое выражение, поскольку номинация в большинстве случаев является константной на протяжении всего обряда. Таким образом, это не влияет на различия языкового кода свадебного обряда. Также на это не влияет и вариативность акционального кода, который обрядово маркирован исключительно в рамках нарративов соответствующей тематики (‘принести’, ‘подарить’, ‘передать’, ‘посетить’). В более редких случаях это касается предметного кода (платок, одежда). То есть соответствующие лексемы являются скорее служебными, поскольку, выполняя обрядовую функцию, не получают исключительное ритуально маркированное лексическое выражение. Однако в случае «усеченности» обрядового сегмента (тем более полного его отсутствия в культурном коде / отсутствия в памяти информанта) в том или ином сообществе отпадает ряд элементов, которые могут иметь крайне важное значение для общей картины языкового кода свадебного об-

ряда⁴⁸. В персонажном коде отсутствующие свадебные чины (напр., присутствующие у турок парные чины) не имеют аналога у помаков и, соответственно, не имеют языкового, формального выражения. В то же время присутствующий элемент акционального кода у помаков ('сидеть ждать, пока уведут (невеста перед приданым)' *mr`enę*) отсутствует у турок. Что касается номинации целого ритуального комплекса, то таких значимых различий по причине семантических лакун обнаружено не было. При этом семантические лакуны могут быть мнимыми, ошибочными, когда информант одной группы отказывает другому сообществу в том или ином ритуальном элементе (напр., помаки заявляли об отсутствии у турок ритуала *daml`at s `əfrasısh* 'посещение молодоженами матери невесты (дома родителей невесты) после свадьбы').

Несмотря на существенную роль семантических лакун, языковое/речевое различие может быть продиктовано различием языковых традиций помаков и турок в тех случаях, когда номинация идентичной семьи определяется разными мотивационным признаками ('жених, парень' *ʃədʒ'yk* (Селеро) – *ərk`ek* (Мики, Эхинос); превалирование в языковом коде турок лексемы *h`edij`e* при описании даров на помолвку/свадьбу). Также немаловажную роль играют случаи описательной номинации (в случае затруднений с подбором лексемы на L2) (напр., 'посещение молодоженами матери невесты (дома родителей невесты) после свадьбы' *gidiədʒ`aiz k `aʰv`e iʃfin* 'идут на кофе' (Эхинос) – *daml`at s `əfrasısh* 'женихова/зятева трапеза' (Кирнос)).

Можно говорить о сильном одностороннем проникновении турецкого языка в культуру помаков, что делает языковой код свадебного обряда билингвальным. Наблюдается тенденция к замещению⁴⁹ наиболее распространенных элементов обрядового языкового кода турецкими заимствованиями (напр., *duv`ak* 'фата', *nıʃ'en*, *ətlən`ete* 'дары невесте на помолвку') при сохранении славянских лексем для более периферийных сем (напр., *p`ədvrlatkısh* 'посещение молодоженами матери невесты (дома родителей невесты) после свадьбы', *təm`arkə* 'сваты'). В случае употребления заимствования возможно продолжение речи на этом языке длительностью до одной синтагмы (в подавляющем большинстве случаев

⁴⁸ Это актуально для сопоставления языкового/речевого кода обеих этноконфессиональных групп только для идентичных языков (турецкого, поскольку информации на болгарском языке турок для статистических выводов недостаточно).

⁴⁹ Из 50 рассмотренных нами сем в 32 семах присутствуют заимствования (в основном из турецкого языка). Необходимо учесть, что для каждой семьи указаны словоформы из трех населенных пунктов, причем в каждом отдельно взятом селе может быть несколько словоформ.

при переключении на турецкий язык, напр., *f`imdi svádbite* (noun pl) *ső* (verb 3 pl) *g`yz`el'* (adj sg/pl) ‘теперь свадьбы красивые’).

Относительно интерференции в области лексики можно выявить следующие тенденции:

- 1) из турецкого языка в болгарскую речь помаков заимствуются наиболее общеупотребительные слова;
- 2) из болгарского языка в турецкую речь помаков заимствуются наиболее редкие элементы языкового кода свадебного обряда;
- 3) при формировании своей турецкой речи помаки используют наиболее общеупотребительные турецкие слова (или прибегают к описательному методу);
- 4) при формировании своей славянской речи турки также используют наиболее общеупотребительные ‘помакские’ (славянские исконные лексемы и турецкие заимствования) слова;
- 5) заимствования из болгарского языка в турецкую речь турок отсутствуют;
- 6) заимствования из греческого языка в речь (о свадебном обряде) турок и помаков минимальны.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Пример болгарской речи с. Эхинос:

Annó e də ja poíʃ'ot məmón. Né j zə nəzí vikə? Dójdət da ja poíʃ'ot məmónə, víka: «Váj mi dávlatę məmótq?». I té rəkót: «Me sə nagədínə məmánə i kóp'elqən». Ku rəkót: «Ó, tój gə bə go ífəf?» — Tuí təl i ífət. «Tuí bə e ífəf?» — «Bré i ífə jō». Istánę rábotlaṇa⁵⁰. I məmánə etəkvó si kóp'el'qən, ə, sə lənləstisənə. I tój nə májkənə i bubájkənə pək stánut rəzəwí da dólat ja pək. Á, e né. Azám e, svarjót ni kəvəjó, is'pijót, posəd'ət, é, gidiyórlar, azám gə nəgəd'ət pək kəgənə svádbənə, kəgá e nif'énən i dén'qə pək qəddəl'ət. [Nif'énə i svádbənə — annó i sóšiq?]⁵¹ Né. Nif'ánə stór'at pó-nəpréf. Azám pək mózə nə bír áj nə nik'áh énə pək stánuvə. Mózə i godinə, mózə i dvé. [A nif'énə kak stánuvə?] Nif'énə nəd'áne se zberéf el'bis'ó, fəmpəré, məmiələ, kýndriu, fərápu, gásʃe, áko mu zberéf i ədnəséf məmónə. Bəhfó. [A nif'énə — drípu?] Drípu.

Перевод:

И посватают девушку. Не об этом ли ты спрашиваешь? Придут сватать девушку, спрашивают: «Вы нам даете девушку?» И те говорят: «Ну, подготовим парня и

⁵⁰ Подчеркнуты фразы, произнесенные информанткой 78 лет (в контексте повествования ее невестки).

⁵¹ Фразы в квадратных скобках [] произнесены интервьюирующим.

девушку». И говорят: «О, хочешь его?» — Ты его хочешь. «Ты хочешь ее?» — «Да, хочу ее». И готово. И девушка и этот, парень, сговорены. И как мать и отец будут готовы, отдадут ее. Да, вот так. Потом сварят нам кофе, выпьют, посидят и... уходят, потом решат, когда будет свадьба, когда помолвка, и выделят день. [Помолвка и свадьба — одно и то же?] Нет. Помолвку устраивают пораньше, потом, может, через месяц после помолвки проходит. Может, и год, может, и два. [А помолвка как проводится?] Когда помолвка, то собираешь платье, головной платок, другой головной платок, туфли, носки, белье, как соберешь, отнесешь девушке. Завернутое в узелок. [А на помолвку — одежда?] Одежда.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Параллельная таблица лексических примеров⁵²

	помаки		турки	
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
брат жены	\emptyset^{53} (З ⁵⁴); <i>ka `infe</i> (З, Э ⁵⁵)	<i>ka `infe</i> (3); × ⁵⁶ (Э)		<i>ka `info</i> , <i>ka `inbirər</i> ⁵⁷ (К)
брить	<i>br `ifat</i> (pr 3pl) (3); <i>br `ifot gwi</i> (pr 3pl) (Э); <i>skraf`isqt</i> ⁵⁸ (pr 3pl), <i>tr `af</i> (noun, m sg) (M)	<i>tırg `af</i> <i>lärişj `erlər</i> (pr 3pl) (3); <i>tr `af</i> <i>jarp `ıjɔrl ar</i> (pr 3pl) (Э, М); <i>d'yun tr `af</i> (M)		(<i>dałt `at</i> ‘же- ниха’) <i>tr `af</i> <i>japtıjl</i> (dat) (К); <i>tr `af ol ur</i> ‘происходит бритье’ (C)
ведра на свадебной процессии	<i>x `arkamti</i> (3)	× (3)		

⁵² В данной статье в качестве иллюстративного материала мы использовали 50 сем с верbalным выражением в двух идиомах, используемых двумя этноконфессиональными группами. Притом что экспериментированный во время экспедиций материал содержит 309 сем.

⁵³ Обращение происходит по имени.

⁵⁴ Обозначения сел: З — Зминти, М — Мики, Э — Эхинос, К — Кирнос, С — Селоро, И — Илиопетра (языковой код из этого населенного пункта мы приводим из [Şerifoğlu] в соответствующей (турецкой) орфографии и с фонетическим переводом).

⁵⁵ В с. Эхинос лексема подсказана младшей информанткой.

⁵⁶ Информант не знает.

⁵⁷ Информанты считают лексему *ka `info* более деревенской, а лексему *ka `inbirər* — более литературной.

⁵⁸ Данную лексему помаки с. Зминти определяют как бритье головы, но не лица.

	ПОМАКИ	ТУРКИ		
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
гости на никяхе	<i>ins'an</i> ‘люди’, <i>mill'et</i> ‘люди’, <i>lkrab'aʃu</i> ‘друзья’, <i>lkrab'ʃnə</i> ‘родственники’, <i>komʃuʃe</i> ‘соседи’ (Э); <i>ik'i taraf't'an st'arin'ę</i> ‘от обеих сторон старшее поколение’, <i>lkrab'ɛni</i> ⁵⁹ ‘родственников’, <i>v'ɛtreʃ'ni</i> ⁶⁰ ‘близкие’, <i>tar'af</i> ‘сторона’ (М)	<i>ins'an</i> ‘люди’ (Э); <i>lkrab'a</i> (М)		
гости при посещении родителей невесты после свадьбы	<i>mɔm'apl</i> , <i>k'ɔpəlon</i> , <i>k'ɔp'el'upə tajf'ɛnə</i> , <i>v'ɛtraʃnənə</i> : <i>d'edu</i> , <i>b'abə</i> <i>i dr'uɡu</i> ⁶¹ ‘невеста, жених, семья жениха, близкие: свекр, свекровь и другие’ (Э); <i>g'ɔst'jənə</i> / <i>m'ɛs'efir'ę</i> <i>at k'ɔp'elskənə str'anu</i> ‘гости / гости со стороны жениха’ (М)			
дары жениху на свадьбу	<i>gizd'ilə</i> (n, sg): <i>dr'ipu</i> ‘одежда’ (pl), <i>dr'`ex</i> ‘одежда’ (pl), <i>kɔst'um</i> (m, sg), <i>v'ærə</i> ‘обручальное кольцо’ (acc f, sg), <i>s'idad'ʒ'ind'z'ir</i> ‘цепочка’, <i>rlnt'ɔla</i> ‘штаны’ (acc), <i>kav'adə</i> (acc), <i>sa'ate</i> ‘часы’ (acc), <i>gr'ebənə</i> ‘гребень’ (acc), <i>agl'ad'alo</i> ‘зеркало’ (acc) (М)	<i>d'y'un b'ɔhʃaswı</i> , <i>h'edij'e</i> ⁶² : <i>tlr'ak</i> ‘гребень’, <i>ajn'a</i> ‘зеркало’ (М)		

⁵⁹ Лексему *lkrab'a* (*lkrab'ɛni*) информанты идентифицируют как турецкую, но используют в своей славянской речи.

⁶⁰ Информанты противопоставляют словам *lkrab'ɛni*, *v'ɛtreʃ'ni* слово *misafir*, т. е. под *misafir* подразумевается не просто гость, но гость, не являющийся родственником (ср. другие случаи).

⁶¹ Под «другими» подразумеваются *m'ɔtʃi* ‘девушки’ и *ʒ'ɔtʃi* ‘женщины’ (2, 5, 10), которые могут быть и не родственницами молодоженам. Мужчины могут идти на мероприятие, только если они являются родственниками: *ak'u si lkrab'a, i m'ɔtskənə idə*, *'akə nə si lkrab'a - g'itmij'ɔr m'ɔtskənə* ‘если родственник, и мужчина идет, если не родственник – не идет мужчина’.

⁶² Лексема *h'edij'e* используется в качестве пояснения, в то время как *d'y'un bohʃaswı* – в качестве названия.

	помаки		турки	
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
дары невесте на помолвку	<i>guzd'ılq</i> (sg, n) (3, M); <i>nif'en</i> ⁶³ , <i>атлан'ete</i> (acc); <i>port'uijə</i> (Э)	<i>nif'an, bɔlf'a</i> (sg) (3); <i>'evjə,</i> <i>ef'ajo</i> (Э); <i>×</i> , <i>h'edij'e d'y'un</i> <i>b'ɔhfı̄sası,</i> <i>tlk'ıun</i> ⁶⁴ (M)		<i>h'edij'e</i> ⁶⁵ (sg), <i>h'edijel'ik</i> (К), <i>hedi'e, nif'an</i> <i>b'ɔhfı̄sası,</i> <i>b'ɔhfı̄y</i> ⁶⁶ (acc) (C); <i>kılıçık nişan</i> ⁶⁷ 'малые дары (одежда)' (И)
дары при посещении дома молодоженов родителями невесты	<i>×</i> , <i>bax'if: v'u'ctr'ę</i> <i>klan'an da val'i da</i> <i>jld'et: zejt'inę, br'afnq</i> 'подарок: что можно сварить дома для еды: оливковое масло, мука' ⁶⁸ (M)	<i>hedij'e, evl'enl'ik</i> <i>h'edij'esi</i> 'подарок по случаю брака' (M)		
дары стороне жениха/ невесты от противо- положной стороны	<i>d'ar</i> (Э); <i>d'aruv'e</i> ⁶⁹ (pl), <i>d'ar</i> (M)	<i>d'ar</i> (Э); <i>×</i> , <i>d'y'un</i> <i>b'ɔhfı̄sası</i> ⁷⁰ (M)		<i>h'edijeler'i</i> (acc), <i>h'edijel'ik</i> (К); <i>nif'an b'ɔhfı̄sası</i> 'дары на помолвку', <i>b'ɔhfı̄y</i> (acc) (C)

⁶³ В качестве даров невесте в с. Эхинос использовались *dr'ipsh* (*elbis* 'с (acc), *təmper'e, momijol'e, k'undriu, ʃor'apri, g'affe*) 'одежда (платье, головной платок, головные платки, обувь, носки, белье)' и *tlk'ıunqə* (*alt'ınl /alt'ınl* (acc), *bil'az'ika* (acc), *pu'rst'enje* (acc), *s'er'ovę* (acc), *b'ş'eb'irqvę* (acc)) 'золотые украшения (монета, браслет, кольцо, золотые комплекты, монеты в пять лир/колье из пяти однолировых монет)'. В с. Мики жених дарил невесте: *alt'ınu, l'ir, zl'atq, ruf'at zl'atq, pu'şr'st'en'e, v'erg, dr'ipla* 'золотую монету, золотая монета, золото, золотой подарок, кольцо, обручальное кольцо, одежда' (на турецком *b'el'eq'ik, alt'ınl, kılıçık et*, 'браслет, золотая монета, наряд').

⁶⁴ Упомянутая в турецкой речи лексема *tlk'ıun* может быть производной от *taiki* 'дар', так и *takim* 'комплект, набор'.

⁶⁵ Одежда.

⁶⁶ См. комментарий в 'дары жениху на помолвку'. В качестве даров невесте в с. Селеро *ənt ar k'ɔjula, ʃor'ap k'ɔjula, h'er f'ejni k'ɔjula* 'верхнюю одежду с длинными рукавами кладут, носки кладут, всякое кладут', в том числе *sl'bise, gir'ep, alt'ıun, jus'uk' kɔj'arlə* 'платье, грап, золотую монету, кольцо кладут'.

⁶⁷ Обычно включают в себя золотой комплект (кольцо, браслет, ожерелье, серьги), часы, белье, ремень, обувь, платье и полотенце.

⁶⁸ Эти продукты невеста использует при приготовлении еды на застолье в этот день.

⁶⁹ В с. Мики братья и сестры жениха и невесты получали по две одежды (*dv've dr'ipsh*), в то время как родителей жениха и невесты «наряжали» в большое количество одежды: *pr'am'en'at*.

⁷⁰ Точного слова для обозначения даров родным жениха и невесты информанты не помнят, а лексему *d'y'un b'ɔhfı̄sası* считают обобщающей для всех даров, поскольку они переносятся вместе.

	помаки		турки	
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
девушка по- сле никяха	<i>zən`a</i> (3); <i>zən`a, ʒən`a,</i> <i>g`el`ina⁷¹</i> (Э)	<i>kʌl`u</i> (3, Э)		
деньги (от жениха детям за сосуды со сладким во вре- мя процессии)	<i>pʌr`u</i> (M)	<i>pʌr`a</i> (M)		
жених в день свадьбы	<i>ml`adəqət</i> (art) (3); <i>z`ɔt,</i> <i>dʌm`atən⁷²</i> (art), <i>ml`adən</i> (art) (Э, М); <i>k`ɔp`el`ɔn⁷³</i> (art) (Э, М); <i>ml`at,</i> <i>ml`adət</i> (art), <i>jun`ak</i> (M)	<i>daʌm`at</i> (3, M); <i>d`aʌm`at, g`uv`e</i> (Э), <i>erk`ek`</i> (Э, М); <i>dʌm`at⁷⁴,</i> <i>g`uv`a, g`uv`e</i> (M)	<i>gyv`e⁷⁵</i> (C)	<i>dam`at</i> (K), <i>ʃədʒ`yk`</i> , <i>ʃədʒk`en</i> (pos- sess), <i>daʌm`at,</i> <i>g`uv`ej⁷⁶</i> (C)
жених, при- шедший жить в дом невесты	<i>yfg`uvəli</i> (3); <i>yfg`uvəl`ia</i> (M)	<i>iifg`uvəli</i> (3); <i>yfg`uvəl`i</i> (M)		
женщины в зеленом, сопровожда- ющие невесту при переезде	<i>sf`axii</i> (3), <i>ʒ`ənii</i> (M)	×		
имам	<i>∅</i> (3), <i>im`am</i> (3, M), <i>xu`ɔdʒa</i> (3, M); <i>xu`ɔdʒa</i> (Э)	<i>im`am</i> (3, M); <i>h`ɔdʒa</i> (3); <i>hu`ɔdʒa</i> (Э)		
молодожены	<i>ml`adi</i> (M)	<i>g`el`in və</i> <i>daʌm`at</i> (M)		<i>gen`fl`er</i> (C)
муж	<i>m`uijlət ʃəl`ek</i> (art), <i>m`ɔjət ʃəl`ek</i> (art), <i>m`ɔʃ,</i> <i>m`ɔʃ</i> (Э); <i>m`ɔʃ, ʃəl`akən</i> (art), <i>ʃəl`ak</i> (M)	<i>kɔdʒ`a</i> (Э)		<i>k`ɔdʒa</i> (K, C)

⁷¹ Возможно, ситуативное единичное употребление турцизма в славянской речи информантки с. Эхинос (наряду с морфологически адаптированной турецкой лексемой *daʌm`atən* (art) ‘парень после никяха’): *ku`əsnat i pʌb`iylət sə i st`anət g`el`ina l daʌm`atən* ‘поядят и разойдутся [гости], и станут невестой и женихом’.

⁷² Данная лексема не была дана в качестве «помакской», но используется в славянской речи информантки.

⁷³ Лексемы *k`ɔp`el`ɔn, erk`ek`* и *ʃədʒ`yk`* получают контекстуальное значение ‘жених’ в речи.

⁷⁴ Данная лексема (*daʌm`atən* (art)) также встречается в славянской речи информанток всех возрастов, наряду с лексемой *jup`ak*. При этом информантки безошибочно относят *daʌm`at* к турецкому языку и в качестве его «помакского» эквивалента дают *jup`ak*.

⁷⁵ Данную лексему информантка средних лет относит к помакским, а к турецким – лексему *daʌm`at*.

⁷⁶ Данную лексему употребляет только пожилая информантка.

	помаки		турки	
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
музыкальное сопровождение на свадьбу	<i>dav'ul</i> (m, sg), <i>t'эрлн'е</i> (m, pl) ‘барабан’ (M)			<i>dav'ul — zurna</i> (K)
невеста в день переезда / свадьбы	<i>mlad'atə</i> (art) (3); <i>n'ев'астə, mom'anə</i> ⁷⁷ (art), <i>g'el'inkojnə</i> ⁷⁸ (dat) (Э), <i>mlad'a, mlad'anə</i> (art), <i>n'ев'астə, mom'a</i> (M)	<i>g'el'in</i> (3); <i>g'el'in</i> (Э), <i>k'uzhi</i> (acc) (Э, M); <i>g'el'in</i> (M)	<i>g'el'in,</i> <i>niv'astə</i> (C)	<i>g'el'in</i> (K, C), <i>g'el'in</i> (C), <i>k'uz</i> ⁷⁹ (K, C)
неженатый / незамужняя	<i>n'ezju'çnən / n'ezju'çnəna</i> (3); <i>l'eftə</i> (M)	<i>bek'ar</i> (3)		<i>b'ek'ar ifcdz'uk / b'ek'ar kuuz</i> (K), <i>b'ek'ar, evl'i də'il'</i> (C)
незамужние девушки (родственницы и подруги в качестве гостей на ночи хны)	<i>arkad'aski i qət xuis'atlanə 'otsə ne şə ʒ'çn'ənu</i> (3); <i>m'ətəsi</i> (Э)	<i>arkadaʃl'ar, bek'ar kuuzl'ar</i> (3); <i>kuuzl'ar</i> (Э)		<i>misafirler</i> ‘гости’: <i>kuuzl'ar</i> (C)
ночь хны	<i>kən'iska</i> (3, M); <i>kən'a g'edzəs'i</i> (Э, M ⁸⁰); <i>kən'çsvan'ə</i> (M)	<i>kən'a gedzəs'i</i> (3; Э, M)		<i>kuun'a g'edz'e, kuun'a (яри- j'or)</i> ‘проводить ночь хны’, (K); <i>kuun'a gedzəsə</i> (C); <i>kina</i> (И)
одежда невесты на свадьбу	<i>g'el'inskii dr'ipu</i> ⁸¹ (pl) (Э); <i>k'utka</i> (acc, f sg) ‘букетик цветов’, <i>f'esa</i> (acc, m sg) ‘фес’, <i>g'erd'anə</i> (acc, m sg) ‘ожерелье’ (M)	<i>g'elinlik</i> (sg) (Э); <i>fite'ek</i> ‘букетик цветов’, <i>kəlje'e</i> ‘ожерелье’ (M)		

⁷⁷ Лексемы *mom'anə*, *k'uzhi* и *k'uz* получают контекстуальное значение ‘невеста’ в речи.

⁷⁸ Данную лексему информанка с. Эхинос не считает «помакской», но использует ее в славянской речи.

⁷⁹ См. *mom'anə* в ‘невеста в день свадьбы’.

⁸⁰ В с. Мики в славянской речи фактически используют *kən'a g'edzəs'i*, притом что, отвечая на вопрос «как называется обряд х?», информанты четко разделяют турецкое слово и «помакское».

⁸¹ В с. Мики (и других) теперь используется *g'elinlik* ‘свадебное платье’ (в славянской и турецкой речи).

	Помаки		турки	
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
парень после никяха	<i>ȝɔl'ak</i> (3); <i>m'ıjlət</i> <i>ȝol'ek</i> (acc), <i>m'ɔʃ</i> , <i>m'ɔʃ</i> , <i>dʌləm'atən</i> ⁸² (Э)	<i>kɔdʒ'a</i> (3); <i>kɔdʒ'a</i> (Э)		
помолвка	<i>glav'ilha</i> (3); <i>nif'an</i> (m, sg), <i>glav'il'ka</i> ⁸³ (Э); <i>zʌglav'avən'je</i> (M)	<i>nif'an</i> (3); <i>nif'en</i> (Э); <i>nif'an</i> ⁸⁴ (M)	<i>nif'an</i> (C)	<i>nif'an</i> (К); <i>nif'an</i> (<i>dyz'm'e</i>) '(проводение) помолвки' (C); <i>kütük nişan</i> ⁸⁵ 'малая помолвка' (И)
помолвленная девушка	<i>g'al'enitsa</i> (3, M); <i>glav'eni</i> (pl) (M)	<i>səvgil'im</i> (possess) (3); Ø ⁸⁶ , <i>k'uz</i> , <i>nif/anlul'ar</i> (pl) (M ⁸⁷)	<i>nif/anl'u</i> ⁸⁸ (C)	<i>nif/anl'u</i> (C)
помолвленный парень	<i>jun'ak</i> (3, M); <i>glav'en'ik</i> (Э); <i>glav'eni</i> (pl) (M)	<i>səvgil'im</i> (possess) (3); Ø ⁸⁹ , <i>nif/anlul'ar</i> (pl), <i>səvgil'er</i> ⁹⁰ (pl) (Э); <i>erk'ek'</i> (M)	<i>nif/anl'u</i> (C)	<i>nif/anl'u</i> (C)

⁸² См. комментарий к *g'el'in* в 'девушка после никяха'.

⁸³ Лексема *glav'il'ka* подсказана молодой информанткой.

⁸⁴ Несмотря на то что информантки с. Мики верно относят лексемы *zʌglav'avən'je* и *nif'an* к «помакскому» и турецкому языкам, они также используют лексему *nif'an* в своей славянской речи.

⁸⁵ Помолвка получила такое название вслед за наименованием даров, которыми стороны разменяются во время нее (текстильные дары). Эти дары противопоставляются золотым дарам *büyük nişan* 'большой нишан / большая помолвка', которые преподносят невесте во время религиозного бракосочетания. Некоторые семьи *kütük nişan* (со взаимными посещениями) не проводят.

⁸⁶ Информант старшего поколения утверждает, что в турецком языке лексемы для обозначения помолвленных девушки и парня нет. Лексему *nif/anlul'ar* предлагает молодая информантка. В речевом потоке информанты в данном значении используют perífrases.

⁸⁷ Несмотря на то что информантцы относят лексему *g'el'in* исключительно к невесте во время свадьбы, они также изредка, в речевом потоке, используют ее по отношению к помолвленной девушке.

⁸⁸ Информантка была подсказана лексема *glav'eni*, но она ее не вспомнила и заметила, что «везде по-разному».

⁸⁹ См. Ø в 'помолвленная девушка'.

⁹⁰ Лексему *nif/anlul'ar* подсказала молодая информантка, в то время как старшая информантка назвала лексему *səvgil'er* (данное слово также использует и молодая информантка в речи о помолвленных парне и девушке).

	помаки		турки	
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
посещение молодоженами матери невесты (дома родителей невесты) после свадьбы	<i>p`ɔvratku</i> (3); <i>g`ɔstje</i> ⁹¹ (Э); <i>p`ɔvratku</i> ⁹² (Э, М); <i>(`idət) na kaf`ɔ</i> ⁹³ ‘(идут) на кофе’, <i>(`idət) nə tib`etl</i> ‘(идут) на беседу’ (Э); <i>(`ide) nə t`ajkali</i> ‘(идет) (невеста) к матери’ (М)	∅ (3); × ⁹⁴ ; <i>gidedz`aiz k`aʰv`e if`in</i> ‘идут на кофе’(fut 1pl) (Э); × (М)	<i>dałv`et,</i> <i>pr`ɔvratku</i> ⁹⁵ (C)	<i>daxm`at</i> <i>s`ɔfrasıu</i> ‘женихова трапеза’, <i>jem`ek`qvde</i> ‘трапеза в доме’ (К); <i>dy`un d`aavet</i> ‘свадебное посещение’, <i>fɔdʒ`uk daav`et (jap`arla)</i> ‘посещение молодого человека (устраивают)’ (C); <i>büyük davet</i> ‘большое посещение’ (И)
посиделки за работой, где молодежь приглядывалась др. к др.	<i>mədz`e</i> (3); <i>m`eqdəz`a, pø m`eqdəz`ɔ</i> (acc) (М)	<i>mədz`e</i> (3)		
представители сторон, торгующиеся за размер суммы денег невесте на никяхе	∅; <i>vęk`il'</i> (3)	<i>vęk`il'</i> (3)		

⁹¹ Данной лексемой раньше (со слов информантки) называли *p`ɔvratku*, напр. «*P`ɔjdəmə pl g`ɔst`je*» ‘Пойдем с визитом в дом родителей невесты’. Семантическую пару в турецком языке информантка подобрать не смогла. Причем слово *g`ɔst`je* в значении ‘гости’ (современное *misafir*) информантке незнакомо.

⁹² Обе информантки из с. Эхинос и с. Мики поясняют данную лексему как ‘застолье’ (*sqfr`uš* (acc f, pl) (Э), *safr`ɔ* (acc f, sg) (М)): *izmubet`et sə, kaf`ɔnq ispij`et, yqkol`atqonq iz`ad`et* ‘поговорят, кофе выпьют, шоколад съедят’ (Э).

⁹³ В с. Мики трапеза в доме родителей невесты также подразумевает питие кофе *je ispej`e allı`ɔ kafx`a* ‘выпьет (невеста) чашку кофе’, однако также накрывают стол с едой *pr`ajat safr`ɔ, jad`et* ‘накрывают стол, едят’.

⁹⁴ Информантка не знает, но допускает, что по-турецки также используется лексема *p`ɔvratku*.

⁹⁵ Данную лексему информантка вспомнила только при вопросе «от слова к значению» и верно соотнесла с ‘посещением молодоженами дома родителей невесты после свадьбы’. Слово мы приводим в том фонетическом варианте, в котором его произнесла информантка.

	помаки	турки		
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
приданое	<i>∅⁹⁶</i> (3); <i>ȝe'iz</i> (m) (3, M); <i>tce'is</i> (M); <i>prik'otq</i> (art), <i>prik'ɔ̄z, port'uje:</i> <i>kil'im, batañij'e, jurg'an</i> ‘ковер, одеяло’ (Э); <i>prik'ja</i> (f, sg) (M), <i>tel'iz': sənd'uk</i> ‘сундук’ (M)	<i>ȝe'iz⁹⁷</i> (3); <i>əʃ'ai, eʃ'a evja, tce'is⁹⁸</i> (Э); <i>tce'is</i> (M)	<i>ȝə'is</i> (C)	<i>tce'iz' (K), ȝe'iz, ȝə'is</i> (C)
разрешение на религиозный брак (никях)	<i>∅; izinnam'e</i> (3)	<i>izinnam'e</i> (3)		
ребенок, через которого парень / девушка передавал/-а цветок понравившейся девушке / парню	<i>m'ufkɔ tɔm'inkɔ</i> ‘маленькую девочку’ (3); <i>lən'ɔ d'et'ç</i> ‘одного ребенка’ (M)	×		
резинка, которую кидал парень в понравившуюся девушку	(<i>m'atqol</i> ‘бросал’) <i>laʃt'ufkɔ</i> (3)	×		
религиозное бракосочетание (никаях)	<i>vənf'il'ka</i> (f, sg) (Э), <i>v'en'ifilq</i> (n, sg), <i>v'en'ifavm'jɛ</i> (M)	<i>nik'a^h</i> (Э, М)		<i>nig''a^h, nig'ā</i> (C)
свадебное знамя	×	×	×	×
	<i>t'urtskuu</i> <i>bʌjr'ak</i> (m, sg), <i>bʌr'j'ak</i> (M) ⁹⁹	<i>bʌjr'ak</i> (M)		(C)

⁹⁶ Ср. у помаков в Болгарии распространенная лексема *r'ubla* для ‘приданое’.

⁹⁷ Фактически используется и в славянской речи помаков с. Зминти.

⁹⁸ Информантка с. Эхинос вспомнила это слово только после подсказки (вопрос типа «от слова к значению»), но, с ее слов, данная лексема в речи жителей с. Эхинос не используется. Также в турецкой речи помаков с. Эхинос используется лексема *prik'ɔ̄z*.

⁹⁹ В г. Ксанти носили не знамя, а зонт (также в качестве отличительного знака свадебной процесии): *f'əmf'iç*.

	помаки		турки	
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
свадьба (торжество)	<i>sv`atbʌ</i> (3); <i>sv`adbu</i> (pl) (Э); <i>sv`atbø</i> (acc) (M)	<i>d'u yn</i> (3, M); <i>d'un</i> (Э)	<i>sv`atbʌ</i> (<i>st`anuva</i>) ‘свадьба’ (проводится) (C)	<i>d'yyn</i> (K, C); <i>hal'ej gyn</i> ‘день танцев’, <i>hal'aj</i> ¹⁰⁰ ‘танцы’ (C)
сваты	<i>mom`arke</i> , <i>mom`arku</i> (f, pl) (Э); <i>rʌmənt̩s'i</i> (pl) (M)	<i>mom`arke</i> , <i>mom`arku</i> ¹⁰¹ (Э); <i>gærydʒ'y</i> (M)	× ¹⁰² (C)	<i>dynyrl'er</i> ; <i>dynyfl'er</i> : ‘akraba’ родственники’ (K); <i>dynyr</i> (sg) (C)
свекр	<i>d'adø</i> (3, M); <i>d'edø</i> , <i>d'edø</i> , <i>bøb'a</i> (voc), <i>d'edø</i> (voc) (Э); <i>d'ädø</i> (M)	<i>bab'a</i> (voc) (3), <i>ka`inpəd'er</i> (3, M); <i>ka`inp'ed'er</i> (Э)	<i>dədø</i> (C)	<i>k`ajnata</i> , <i>ka`inp'ed'er</i> ¹⁰³ (K); <i>k`ajnata</i> (C)
свекровь, теща	<i>b'abʌ</i> (3, Э, M); <i>'an'ø</i> (voc), <i>b'abø</i> (voc) (Э)	<i>'annø</i> (voc) (3), <i>k`ajnata</i> (3, Э, M); <i>ka`inval'd'e</i> (M)	<i>b'abʌ</i> (C)	<i>k`ajnata</i> (K, C), <i>ka`inval'de</i> ¹⁰⁴ (K)
свидетель на никяхе	<i>f'lx`atę</i> (3, M)	<i>/ałh`it</i> (3, M)		
сестра жены	∅ ¹⁰⁵ (3); ∅ ¹⁰⁶ <i>bal'd'uzʌ</i> (Э)	<i>bałd'uz</i> (3); <i>bal'd'uzʌ</i> (Э)		<i>bałd'uz</i> (K)
сидеть в ожи- дании жениха (невеста пе- ред «разгово- риванием»)	<i>mlad'čva</i> (pr 3sg) (M)	∅, × (M)		

¹⁰⁰ Обозначение свадьбы / дня свадьбы как ‘танцы’ или ‘день танцев’ использует пожилая информантка в речевом потоке, наравне с однозначной общеупотребительной лексемой *d'yyn*.

¹⁰¹ Данная ошибочно отнесенная к турецкому языку лексема (употребленная не в речевом потоке!), скорее всего, указывает на то, что информантка не знает лексему с таким значением на турецком, а также, возможно, никогда не воспроизводила (и не воспринимала?) этой семьи в турецкой речи.

¹⁰² Информантка не знает лексемы *tatare*.

¹⁰³ Информанты считают лексему *k`ajnata* более деревенской, а *ka`inp'ed'er* – более литературной.

¹⁰⁴ Информанты считают лексему *k`ajnata* более деревенской, а *ka`inval'de* – более литературной.

¹⁰⁵ Идентификация родственных связей с данным чином происходит через понятие «чья-либо сестра».

¹⁰⁶ Обращение происходит по имени. Лексема *bal'd'uzʌ* подсказана младшей информанткой.

	Помаки		турки	
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
сидеть ждать, пока заберут (невеста перед приданием)	<i>mr' enę¹⁰⁷</i> (pr 3sg) (3)	<i>Ø, beklij̄ 'ɔr</i> (pr 3sg) (3)		
совершать религиозное бракосочетание (никях)	<i>vənf̄'ɔt sə</i> (pr, ref. 3pl) (3); <i>vənf̄'emę</i> (pr, 1pl), <i>v'ənf̄'evat sə</i> (pr, ref. 3pl); <i>si v'ən'te`avat</i> (pr, ref. 3pl), <i>si v'ən'te`avu'ot</i> (pr, ref. 3pl); <i>duv'ɔn mi pr'aat</i> (pr 3pl) (M)	<i>nik'ah kuijuj̄'ɔrlar</i> (pr 3pl) (3); <i>nik a^h jəruij̄'ɔrlar</i> (pr 3pl) (3); <i>nik a^h jəpluij̄'ɔ</i> (pres 3sg) (M)	<i>da sə vənf̄'ɔt</i> (C)	<i>nik 'a^h jəpm'ak,</i> <i>nig 'a^h jəp'aruis</i> pr/fut 1pl), <i>nig 'a^h kuuj̄'ar</i> (pr/fut 3sg) (C)
соседи, приглашенные на свадьбу	<i>kəmf̄'u</i> (3)	<i>kəmf̄'u</i> (3)		
сторона жениха	<i>k'ɔpəlska str'anə</i> (3, Э); <i>k'ɔp'el'ane¹⁰⁸</i> (dat), <i>u</i> <i>k'ɔp'elane;</i> <i>tər'af</i> ¹⁰⁹ (m, sg), <i>k'ɔp'el'unę tajf̄'ənə</i> (art acc f, sg) (Э); <i>m'ɔskanu str'anu</i> (gen), <i>k'ɔp'elskōnu str'anu</i> (gen), <i>teol'akovə str'anə</i> (acc f, sg) (M)	<i>ərk'ek' taraf'ısh</i> (3, Э), <i>ər'k'ek' taraf'ısh</i> , <i>ərk'ek' akrab'alar'ısh</i> (M)		<i>fədʒ'uk taraf'ısh</i> (K, C); <i>ərk'ek'</i> <i>/ dəlm'atun taraf'ısh</i> (K)
тот, кто несет свадебное знамя	<i>bıjr'akt'ar</i> (M)	× (M)		× (C)

¹⁰⁷ Ср. *μρεντζέ* ‘умирание, смерть’ [Карахотζа 1996], *mrēnēm* ‘темнеть в глазах; ограниченно видеть; смотреть с прикрытыми веками’ [БЕР 2012: 284] и *дремене* как ритуальное неподвижное стояние невесты после переезда в дом жениха [Попов et al. 1985]. В с. Зминти (единственное село в Греции, где информанты упоминали этот обычай) обрядовая семантика утрачена; культурная память приравняла данный обычай к «ожиданию» невесты в неподвижном сидячем положении, сохранив его важность.

¹⁰⁸ Синекдоха (вместо ‘сторона жениха’ используется ‘жених’, а вместо ‘сторона невесты’ используется ‘невеста’).

¹⁰⁹ Несмотря на определение информанткой данной лексемы как «помакской» и ее употребление в славянской речи, при отдельном наименовании языковой пары ‘сторона жениха’ (а также ‘сторона невесты’) славянские и турецкие лексемы были соотнесены корректно.

¹¹⁰ Лексема *tər'af* (с нарушением турецкой морфологии) встречается также в славянской речи информантов с. Мики.

	помаки		турки	
	Славянская речь	Турецкая речь	Славянская речь	Турецкая речь
фата (ткань на лице невесты)	✗ (Э); <i>pł'atnɔ̄ `nkłkvɔ̄</i> (n, sg), <i>aert'</i> ; <i>duv`ak</i> (m, sg) (M ¹¹¹)	✗ (Э)		<i>rekē e</i> ‘покрывало на лице’, <i>duv`ak</i> ‘свадебная фата’, <i>jefil`gr`ep</i> ¹¹² ‘зеленый греп’ (К); <i>jefil`g`er`ep</i> ¹¹³ , <i>duv`ak</i> ¹¹⁴ (С)
цветы, которые передавал парень понравившейся девушке	<i>izv`itii k`utkuu,</i> <i>izpl`etənɔ̄</i> (3)	✗, <i>yfitc`ek</i> <i>hediç`esi</i> (3)		

Библиография

Антонијевић 1982

Антонијевић Д., *Обреди и обичаји балканских сточара*, Београд, 1982.

Антонова-Василева 2014

Антонова-Василева Л., О говоре двух общностей мусульманского вероисповедания: помаки в Чече и торбеши в Горе, А. А. Плотникова, М. Ю. Мартынова, Е. С. Узенёва, ред., *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность*, Москва, 2014, 164–179.

Асенова 1989

Асенова П., *Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз*, София, 1989.

Байбурин 1993

Байбурин А. К., *Ритуал в традиционной культуре*, С.-Петербург, 1993.

Балашевич 2018

Балашевич Д. Д., Дискурсивный анализ лексики в помакском диалектном нарративе о свадебном обряде, *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского*, 1, С.-Петербург, 2018, 81–90.

¹¹¹ Для с. Мики этот свадебный элемент новый.

¹¹² *Jefil`gr`ep* информанты привели как элемент, характерный для данного региона. А лексемы *rekē e* и *duv`ak*, возможно, общетурецкие синонимы. Также принципиальной разницей является, что *duv`ak* в качестве белой фаты спадал на спину, а голова и лицо были закрыты грепом.

¹¹³ Информантка поясняет как *salt`en y`emb`er* ‘атласный головной платок’.

¹¹⁴ Как современный элемент.

— 2019а

Балашевич Д. Д., Дискурсивный анализ интервью о свадебном обряде болгарских помаков: роль наводящего вопроса в нарративе, *Вестник СПбГУ. Язык и литература*, 16, 4, 538–556.

— 2019б

Балашевич Д. Д., Особенности на развой на нарата за сватбения обред в с. Мики / Мустафчево (Ксантийско), *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ (София, 14–15 май 2019 година)*, София, 2019, 195–204.

— 2019в

Балашевич Д. Д., Этнолингвистический код свадебного обряда в помакском нарративе из с. Мики (Мустафчево), р-н Ксанти, *Zeitschrift für Balkanologie*, 55, 2, 2019, 145–165.

БЕР 2012

Български етимологичен речник, 4, София, 2012.

Гура 2012

Гура А. В., *Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика*, Москва, 2012.

Дуличенко 2011

Дуличенко А. А., *Основы славянской филологии*, 1: Историко-этнографическая и этнолингвистическая проблематика, 2: Лингвистическая проблематика, Ополе, 2011.

Илиев, Михайлов 2016

Илиев И. Г., Михайлов М., *Говорът на село Главки, Ксантийско – морфологични особености на имената*, 2016, рукопись.

Каневска-Николова 2014

Каневска-Николова Е., Болгароязычные мусульмане в Южных Родопах. Современная ситуация: язык и идентичность, А. А. Плотникова, М. Ю. Мартынова, Е. С. Узенёва, ред., *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность*, Москва, 2014, 134–147.

Климова 2019

Климова К. А., Традиционная культура помаков Фракии в греческом окружении: языковая и культурная интерференция, *Греция и Кипр: язык, общество, культура. Материалы V Международной научно-практической конференции эллинистов*, Краснодар, 2019, 190–195.

Козак 2018

Козак В. В., Лексические заимствования в глаголическом Уставе Брбника XVI в., *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН*, 14, 1, С.-Петербург, 2018, 341–383.

Конёр 2019

Конёр Д. В., Двуязычная лексика Карашевской свадьбы: акциональный код, *Живот посвећен трагању заетничким идентитетом. Зборник у част универзитетском професору др. Михајлу Миљи Радану поводом 65. Рођендана*, Темишвар, 2019, 243–256.

Косериу 2001

Косериу Э., *Синхрония, диахрония и история*, Москва, 2001.

Левинтон 1991

Левинтон Г. А., Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог), *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*, С.-Петербург, 1991, 210–234.

Маркова 1997

Маркова Л. В., Болгары-мусульмане (помаки), А. Н. Кожановский, ред., *Этнические меньшинства в современной Европе*, Москва, 1997, 131–171.

Меракова 1995

Меракова Е., *Ономасиологична и семасиологична характеристика на сватбения обред в Средните Родопи*, Пловдив, 1995.

Митринов 2019

Митринов Г., *Българското говорно богатство в югоизточните Родопи говорът на с. Хебилево, Гюмюрджинско (Гърция) и на с. Горни Юрци, Крумовградско (България)*, София, 2019.

Митринов 2014

Митринов Г., Языковая ситуация в Южных Родопах (области Ксанти, Гюмюрджины, Диодимотики), А. А. Плотникова, М. Ю. Мартынова, Е. С. Узенёва, ред., *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность*, Москва, 2014, 180–196.

Морозова, Русаков 2018

Морозова М. С., Русаков А. Ю., Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта», *Slověne*, 7, 2, 2018, 258–302.

Новик, Резван 2019

Новик А. А., Резван Е. А., *Ислам на Балканах*, I: Обряды перехода и семейная обрядность: рождение, обрезание. Обряды перехода, С.-Петербург, 2019.

Плотникова 1996

Плотникова А. А., *Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала*, Москва, 1996.

Попов et al. 1985

Попов Р., Гребенарова С., ред., *Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура*, София, 1985.

Русаков, Морозова 2019

Русаков А. Ю., Морозова М. С., Языковые контакты в условиях трилингвизма: заимствование «материи» (matter borrowing) в балканских диалектах, *Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах*, Москва, 2019, 75–81.

Седакова 2007

Седакова И. А., *Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст*, Москва, 2007.

Соболев 2001a

Соболев А. Н., *Болгарский широколыкский говор. Синтаксис, лексика духовной культуры, тексты*, Марбург, 2001.

— 2001b

Соболев А. Н. Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении, *Вопросы языкоznания*, 2001, 2, 59–93.

— 2005

Соболев А. Н., ред., *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая 1: Лексика духовной культуры*, Мюнхен, 2005.

Толстой 1997

Толстой Н. И., *Избранные труды*, 1: Славянская лексикология и семасиология, Москва, 1997.

Узенёва 2010

Узенёва Е. С., *Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование*, Москва, 2010.

— 2018

Узенёва Е. С., Славяне-мусульмане Южной Славии: терминология народной культуры, *Славянское языкоzнание. XVI Международный съезд славистов*, Москва, 2018, 490–510.

— 2019

Узенёва Е. С., О языке и культуре славян-мусульман Северной Греции: случай Ксанти, *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы IV Международной научной*

- конференции, Е. Л. Березович, Е. О. Борисова, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, М. Э. Рут, О. Д. Сурикова, ред., Екатеринбург, 2019, 335–337.
- 2020a
Узенёва Е. С., О языке болгар-мусульман Северной Греции, *Diachronie – Ethnos – Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte*, Brno, 2020, 117–127.
- 2020b
Узенёва Е. С., Письменность и язык славяноязычного меньшинства Северной Греции, *Десятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции*, Москва, 2020, 157–162.
- Чирьева 1992
Чирьева Е. С., Греческие заимствования в родопской свадебной терминологии, *Балканские чтения – 2. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы*, София, 1992, 75–77.
- Adamou 2012
Adamou E., Social Networks in Greek Thrace: Language Shift and Language Maintenance, *Balkan Encounters – Old and New Identities in South-Eastern Europe*, Helsinki, 2012.
- Ioannidou, Voss 2001
Ioannidou A., Voss K., Kodifizierungsversuche des Pomakischen und ihre ethnopolitische Dimension, *Die Welt der Slaven*, 46, 2001, 233–250.
- Konior 2018
Konior D. V., Text of the Krashovani traditional wedding in the light of Romano-Slavic contact in the Balkan, *Romanoslavica*, 54, 3, 2018, 102–122.
- Matras, Adamou 2021
Matras Y., Adamou E., Borrowing, *The Routledge Handbook of Language Contact*, E. Adamou and Y. Matras, eds., London, New York, 2021, 137–151.
- Mladenov, Steinke 1978
Mladenov M., Steinke K., Die Ergebnisse der neueren bulgarischen Dialektforschung im Lichte der Balkanologie, *Zeitschrift für Balkanologie*, 14, 1978.
- Petrou 2021
Petrou M., *Der türkische Dialekt von Westthrakien*, Wiesbaden, 2021.
- Sandry 2013
Sandry S., *Phonology and Morphology of Paševik Pomak with Notes on the Verb and Fundamentals of Syntax* (MPhil Dissertation), London, 2013.
- Şerifoğlu
Şerifoğlu S., *Batı Trakya İşkeçe ili ova bölgesi. Köylerinde evlilik ile ilgili gelenekler*, рукопись.
- Sobolev 2018
Sobolev A., Areal typology and Balkan (morpho-)syntax, *Balkan Syntax and (Universal) Principles of Grammar*, Berlin, Boston, 2018.
- Steinke, Voss, 2007
Steinke K., Voss Ch., eds., *The Pomaks in Greece and Bulgaria. A model case for borderland minorities in the Balkans*, München, 2007.
- Steinke 2002
Steinke K. Pomakisch, *Wieser Enzyklopädie des Europäischen Ostens*, 10: Lexikon der Sprachen des Europäischen Ostens, Klagenfurt, 2002.
- Карахорչа 1996
Карахорչа Р., *Помакико-Елληνικό Λεξικό*, Ξάνθη, 1996.
- Θεοχαρίδης 1995
Θεοχαρίδης Π., *Πομάκοι. Οι Μουσουλμάνοι της Ροδόπης*, Ξάνθη, 1995.

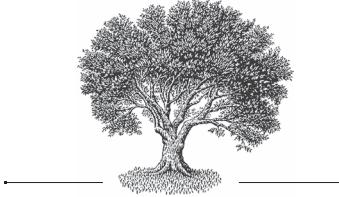
References

- Adamou E., Social Networks in Greek Thrace: Language Shift and Language Maintenance, *Balkan Encounters – Old and New Identities in South-Eastern Europe*, Helsinki, 2012.
- Antonijević D., *Obredi i običaji balkanskih stočara*, Beograd, 1982.
- Antonova-Vasileva L., About the Dialects of Two Muslim Communities: the Pomaks in Cheche and the Torbeshi in Gora, *Slaviane-musul'mane na Balkanakh: iazyk, kul'tura, identichnost'*, Moscow, 2014, 164–179.
- Asenova P., *Balkansko ezikoznanie. Osnovni problemi na balkanskiia ezikov sviaz*, Sofia, 1989.
- Baiburin A. K., *Ritual v traditsionnoi kul'ture*, St. Petersburg, 1993.
- Balashevich D. D., Discursive analysis of vocabulary in the Pomak dialect narrative about the wedding rite, *Indo-European Linguistics and Classical Philology-22. Proceedings of the 22nd Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky*, 1, St. Petersburg, 2018, 81–90.
- Balashevich D. D., Discourse analysis of an interview about the Bulgarian Pomak wedding ceremony, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Yazyk i Literatura*, 16, 4, 538–556.
- Balashevich D. D., Osobenosti na razvoia na narativa za svatbeniia obred v s. Miki / Mustafchevo (Ksantiisko), *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za b"garski ezik „Prof. Lubomir Andreichin“* (Sofia, 14–15 mai 2019 godina), Sofia, 2019, 195–204.
- Balašević D., Etnolingvisticheskii kod svadebnogo obriada v pomakskom narrative iz s. Miki (Mustafchevo), r-n Ksanti, *Zeitschrift für Balkanologie*, 55, 2, 2019, 145–165.
- Chirića E. S., Grecheskie zaimstvovaniia v rodu spokoi svadebnoi terminologii, *Balkanskie chteniia – 2. Simpozium po strukture teksta. Tezisy i materialy*, Sofia, 1992, 75–77.
- Dulichenko A. A., *Osnovy slavianskoi filologii*, 1: Istoriko-etnograficheskaiia i etnolingvisticheskaiia problematika, 2: Lingvisticheskaiia problematika, Opole, 2011.
- Gura A. V., *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kulture: Semantika i simvolika*, Moscow, 2012.
- Ioannidou A., Voss K., Kodifizierungsversuche des Pomakischen und ihre ethnopolitische Dimension, *Die Welt der Slaven*, 46, 2001, 233–250.
- Kanevska-Nikolova E., Muslims speaking Bulgarian in the southern Rhodope Mountains. Current situation: Language and Identity, *Slaviane-musul'mane na Balkanakh: iazyk, kul'tura, identichnost'*, Moscow, 2014, 134–147.
- Karachotza P., *Pomakiko-Elleniko Lexiko*, Xanti, 1996.
- Klimova K. A., Traditsionnaia kul'tura pomakov Frakii v grecheskom okruzenii: iazykovaia i kul'turnaia interferentsia, *Gretsiia i Kipr: iazyk, obshchestvo, kul'tura. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii ellinistov*, Krasnodar, 2019, 190–195.
- Koniор D. V., Text of the Krashovani traditional wedding in the light of Romano-Slavic contact in the Balkan, *Romanoslavica*, 54, 3, 2018, 102–122.
- Kozak V. V., Lexical borrowings in the 16th century Glagolitic Vrbni Statute, *Acta Linguistica Petropolitana*, 14, 1, St. Peterburg, 2018, 341–383.
- Koniор D. V., Dvuaizychnaia leksika Karashevskoi svad'by: aktsional'nyi kod, *Zhivot posvečen traganju zaetnichkim identitetom. Zbornik u chast univerziteteskoi profesoru dr. Mikhaju Milji Radanu povodom 65. Rođendana*, Temishvar, 2019, 243–256.
- Koseriu E., *Sinkhronia, diakhronia i istorija*, Moscow, 2001.
- Levinton G. A., Muzhskoi i zhenskii tekst v svadebnom obriade (svad'ba kak dialog), *Etnicheskie stereotypy muzhskogo i zhenskogo povedeniia*, St. Petersburg, 1991, 210–234.
- Markova L. V., *Bulgary-musul'mane (pomaki)*, *Etnicheskie men'shinstva v sovremennoi Evrope*, Moscow, 1997, 131–171.
- Merakova E., *Onomasiologichna i semasiologichna kharakteristika na svatbeniia obred v Srednite Rodopi*, Plovdiv, 1995.
- Mitrinov G., *Bulgarskoto govorno bogatstvo v iugoiztochnite Rodopi govorut na s. Khebilevo, Giumiurdzhinsko (Gurtsiia) i na s. Gorni Iurutsi, Krumovgradsko (Bulgaria)*, Sofia, 2019.
- Mitrinov G., The state of the language in South Rhodopes (Xanti region, Komotini region, Dimotika region), *Slaviane-musul'mane na Balkanakh: iazyk, kul'tura, identichnost'*, Moscow, 2014, 180–196.
- Mladenov M., Steinke K., Die Ergebnisse der neueren bulgarischen Dialektforschung im Lichte der Balkanologie, *Zeitschrift für Balkanologie*, 14, 1978.
- Morozova M. S., Rusakov A. Yu., Montenegrin-Albanian Linguistic Border: In Search of "Balanced Language Contact", *Slovene*, 7, 2, 2018, 258–302.
- Novik A. A., Rezvan E. A., *Islam na Balkanakh. I: Obriady perekhoda i semeinaia obriadnost': rozhdenie, obrezanie. Obriady perekhoda*, St. Petersburg, 2019.
- Petrov M., *Der türkische Dialekt von Westthrakien*, Wiesbaden, 2021.
- Plotnikova A. A., *Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniiia balkanoslavianskogo areala*, Moscow, 1996.
- Popov R., Grebenarova S., eds., *Rodopi. Tradicionnaia narodnaa dukhovna i sotsialnonormativna kul'tura*, Sofia, 1985.
- Rusakov A. Yu., Morozova M. S., Iazykovye kontakty v usloviakh trilingvizma: zaimstvovanie

- «materii» (matter borrowing) v balkanskikh dialek-takh, *Balkanskiy tezaurus: kommunikatsiya v slozh-no-kul'turnykh obshchestvakh na Balkanakh*, Moscow, 2019, 75–81.
- Sedakova I. A., *Balkanskie motivy v iazyke i kul'ture bolgar. Rodinniy tekst*, Moscow, 2007.
- Sobolev A. N., *Bolgarskii shirokolykskii gorov. Sintaksis, leksika dukhovnoi kul'tury, teksty*, Marburg, 2001.
- Sobolev A. N., Balkanskaia leksika v areal'nom i areal'no-tipologicheskem osveshchenii, *Voprosy iazykoznaniiia*, 2001, 2, 59–93.
- Sobolev A. N., ed., *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriia leksicheskaiia 1: Leksika dukhovnoi kul'tury*, Munich, 2005.
- Sobolev A., *Areal typology and Balkan (morpho-) syntax, Balkan Syntax and (Universal) Principles of Grammar*, Berlin, Boston, 2018.
- Steinke K., Voss Ch., eds., *The Pomaks in Greece and Bulgaria. A model case for borderland minorities in the Balkans*, München, 2007.
- Theogrides P., *Pomakoi. Oi Musulmanoi tes Podo-pes*, Xanti, 1995.
- Tolstoi N. I., *Izbrannye trudy, 1: Slavianskaia leksiologiya i semasiologiia*, Moscow, 1997.
- Uzeneva E. S., *Bolgarskaia svad'ba: etnolingvis-ticheskoe issledovanie*, Moscow, 2010.
- Uzeneva E. S., O iazyke i kul'ture slavian-mu-sul'man Severnoi Gretsii: sluchai Ksanti, *Etnolingvis-tika. Onomastika. Etimologija. Materialy IV Mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Yekaterinburg, 2019, 335–337.
- Uzeneva E. S., O iazyke bolgar-musul'man Severnoi Gretsii, *Diachronie – Ethnos – Tradition; Studien zur slawischen Sprachgeschichte*, Brno, 2020, 117–127.
- Uzeneva E. S., Pis'mennost' i iazyk slavianoia-zychnogo men'shinstva Severnoi Gretsii, *Desiatye Rimskie Kirillo-Mefodievske chteniia. Materialy konferentsii*, 2020, 157–162.
- Uzeneva E. S., Slaviane-musul'mane Iuzhnoi Slavii: terminologija narodnoi kul'tury, *Slavianskoe iazykoznanie. XVI Mezdunarodnyi s'ezd slavistov*, Moscow, 2018, 490–510.

Диана Дмитриевна Иванова,
внештатный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН
199053, С.-Петербург, Тучков пер., д. 9
Россия / Russia
dianad13@yandex.ru

Received June 6, 2021

Digitizing Cyrillic Manuscripts for the Historical Dictionary of the Serbian Language Using Handwritten Text Recognition Technology*

Оцифровка
кириллических
рукописей для
исторического словаря
сербского языка с
использованием
технологии
распознавания
рукописного текста

Vladimir Polomac

University of Kragujevac,
Kragujevac, Serbia

Marina Kurešević

Isidora Bjelaković

Aleksandra Colić Jovanović

Sanja Petrović

University of Novi Sad,
Novi Sad, Serbia

Владимир Поломац

Университет в Крагуеваце,
Сербия

Марина Курешевич

Исидора Бјелаковић

Александра Џолич Јовановић

Санја Петровић

Университет в Нови-Саде,
Нови-Сад, Сербия

Цитирование: Поломац В., Курешевич М., Бјелаковић И., Џолич Јовановић А., Петровић С. Оцифровка кириллических рукописей для исторического словаря сербского языка с использованием технологии распознавания рукописного текста // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 295–316.

Citation: Polomac V., Kurešević M., Bjelaković I., Colić Jovanović A., Petrović S. (2023) Digitizing Cyrillic Manuscripts for the Historical Dictionary of the Serbian Language Using Handwritten Text Recognition Technology. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 295–316.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.08

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Abstract

The paper explores the possibilities of using information technologies based on the principles of machine learning and artificial intelligence in the process of digitizing Cyrillic manuscripts for the purposes of creating a historical dictionary of the Serbian language. Empirical research is based on the use of the *Transkribus* software platform in the creation of a model for automatic text recognition of the manuscripts by Gavril Stefanović Venclović, the most significant and prolific Serbian cultural enthusiast of the 18th century, whose extensive manuscript legacy in Serbian vernacular represents the most significant primary source for the historical dictionary of the Serbian language of this period. Following the results of conducted research, it can be concluded that the process of digitizing Cyrillic manuscripts for the purposes of creating a historical dictionary of the Serbian language can be significantly accelerated using *Transkribus* by creating specific and generic models for automatic text recognition. The advantage of automatic text recognition compared to the traditional methods is particularly reflected in the possibility of continuous improvement of the performance of specific and generic models in accordance with the progress of the transcription process and the increase in the amount of digitized text that can be used to train a new version of the model.

Keywords

Transkribus, automatic text recognition, artificial intelligence, machine learning, historical lexicography, serbian language, Gavril Stefanović Venclović

Резюме

В статье исследуются возможности использования информационных технологий, основанных на принципах машинного обучения и искусственного интеллекта, в процессе оцифровки кириллических рукописей в целях создания исторического словаря сербского языка. Эмпирическое исследование основано на использовании программной платформы *Transkribus* при создании модели автоматического распознавания текста рукописей Гаврила Стефановича Венцловича, самого значительного и плодовитого сербского культурного энтузиаста XVIII в., чье обширное рукописное наследие в сербском народном языке представляет собой наиболее значительный первоисточник исторического словаря сербского языка, относящегося к этому периоду. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что процесс оцифровки кириллических рукописей в целях создания

* The paper was financed by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia and German Academic Exchange Service (DAAD) (project: *Automatic Text Recognition of Serbian Medieval Manuscripts and Early Printed Books: Problems and Perspectives*). The previous version entitled *Serbian Written Heritage of the 18th century: Towards Automatic Text Recognition of Gavril Stefanović Venclović's Manuscripts* was presented at the 17th annual conference of the Slavic Linguistics Society (19–21st September 2022, Hokkaido University, Sapporo, Japan). The team of authors would like to express its gratitude to Academician Vasilije Krestić (manager) and Dr. Miroslav Jovanović (vice manager) of the SASA (Serbian Academy of Sciences and Arts) Archives for providing the digital copies of Venclović's manuscripts used in this paper.

исторического словаря сербского языка можно значительно ускорить с помощью *Transkribus* через создание определенных и генерических моделей для автоматического распознавания текста. Преимущество автоматического распознавания текста по сравнению с традиционным, в частности, выражается в возможности постоянного улучшения производительности определенных и генерических моделей в соответствии с ходом процесса транскрипции и увеличением объема оцифрованного текста, который можно использовать для обучения новой версии модели.

Ключевые слова

Transkribus, автоматическое распознавание текста, искусственный интеллект, машинное обучение, историческая лексикография, сербский язык, Гаврила Стефанович Венцлович

1. Introduction

Recent research on the use of the *Transkribus* software platform¹ for the automatic recognition of Russian and Serbian Church Slavonic Cyrillic manuscripts and printed books [Rabus 2019; Polomac, Lutovac Kaznovac 2021; Polomac 2022a; 2022b] triggered the investigation to be performed in the present article. In his pioneering study, German slavist A. Rabus [2019a] demonstrated that the first version of the automatically recognized text can be digitized with only 3–4% of misrecognized characters, using this particular software platform. Furthermore, this could be done in a significantly shorter amount of time, simultaneously reducing human and financial resources. The obtained output might later be used for further philological and linguistic research, especially after a manual correction (editing) by a competent philologist. The present paper further contributes by underlining that the models for automatic recognition have been made available to all *Transkribus* users; hence, its performance can be checked on other Slavic medieval manuscripts. A paper by V. Polomac and T. Lutovac Kaznovac [2021] examined the performance of Rabus's models for automatic recognition of Serbian medieval manuscripts written in different types of Cyrillic script. The authors concluded that the application of Rabus's

¹ The *Transkribus* software platform (<https://readcoop.eu/transkribus/>) represents a tool for manual and automatic reading and searching of old manuscripts and printed books, regardless of the time of creation, language or script. The key advantage of *Transkribus* compared to other similar applications is reflected in the ability of the user to create his/her own model for automatic text reading. Training a model for automatic text reading is an example of machine learning based on advanced neural networks in which the model compares photographs of manuscripts and the corresponding letters, words and lines of text in the diplomatic edition. For more information on the technological background and the way this platform works, see [Mühlberger et al. 2019; Rabus 2019a].

models yielded relatively favorable results on Serbian medieval manuscripts written in *poluustav* ('semi-majuscule Cyrillic script'), while the creation of specific models was suggested for manuscripts written in *brzopis* ('diplomatic minuscule Cyrillic script'). The current paper underscores the necessity of creating specific models for the recognition of Serbian medieval manuscripts and printed books in particular to speed up the work on current projects in historical corpus linguistics and lexicography of the Serbian language. It was precisely the creation of a model for the automatic recognition of Serbian Church Slavonic printed books that was the focus of the studies by V. Polomac [2022a; 2022b]. The most important result of the aforementioned studies relates to the creation of a publicly available generic model for the automatic recognition of Serbian Church Slavonic printed books of the 15th and 16th centuries, entitled *Dionisio 2.0*. In continuation of the research, the authors of the current study were interested in whether the *Transkribus* software platform can be used for the automatic recognition of the Serbian manuscript heritage of the 18th century, as well as to speed up the preparation of the electronic corpus for the historical dictionary of Serbian. Empirical research was conducted on the manuscripts by Gavrilo Stefanović Venclović, one of the most significant and prolific Serbian cultural forerunners of the 18th century, whose legacy, written in Serbian vernacular and the Serbian Church Slavonic language, includes more than 20 manuscripts, with around 10,000 pages in total.² The second chapter of the paper provides a more detailed presentation of conceptualization of the Serbian historical dictionary, especially referring to the principles of text digitization. After a brief review of Venclović's manuscripts written in Serbian vernacular, the third, and central chapter of the paper presents and discusses the results of the experiments on creating and evaluating models for the automatic recognition of the texts in question using the *Transkribus* software platform. The fourth, and final chapter, summarizes the results and perspectives for further research.

² All his writings represent autographs—in some of them he left his name in the preface, afterword or inscription, while others were attributed to him based on paleographic and orthographic analysis and, possibly, language or illumination. Venclović's Serbian Church Slavonic manuscript fund is somewhat more extensive (about 6,200 pages) than the one in Serbian vernacular (more details here in point 3.1), and it consists mainly of manuscripts for liturgical purposes. In them, Venclović appears primarily as a copyist and illuminator, and less often as an editor or translator [Павић 1972: 98]. The largest part of Serbian Church Slavonic manuscripts is preserved in the SASA Archives (see [Стојановић 1901: 19–21, 34–36, 38–39, 102–120]) and in the Szentendre Archives (see [Синђик et al. 1991: 107–117, 120–121]).

2. On the Historical Dictionary of the Serbian Language and Principles of Digitization

A project entitled the *Dictionary of the Serbian Language from the 12th to the 18th Century* was established in 2013³ as part of the activities of the Department of Language and Literature of Matica srpska. Since the Serbian historical lexicography still, to a large extent, falls behind the lexicography of the Slavic world,⁴ creation of such a dictionary represents one of the primary goals of Serbian diachronic investigations. Materials from the oldest preserved manuscripts in Serbian (end of the 12th century) until the beginning of the pre-standard phase in the development of the Serbian literary language (end of the 18th century) represent the corpus for the dictionary.⁵ Simultaneously, the upper time limit refers to the period from which the oldest corpus for the *Dictionary of Serbo-Croatian Literary and Vernacular Language* [ПСАХУ] dates, thus ensuring the continuity in the lexicographic processing of the corpora in Serbian. The corpus was divided into primary, secondary and tertiary for several reasons. Namely, Serbian vernacular functioned as a complementary and functionally marked member of a dichotomy during the period of diglossia (12th–18th century),⁶ i.e. polyglossia of the 18th century.⁷ Moreover, it is a well-known fact that the boundaries between the literary languages and vernacular are often not sharply delineated, yet blurred and fuzzy [Радовановић 2015; Курешевић 2016], which should likewise be taken into consideration. Thus, the primary corpus consists of texts written in Serbian vernacular, which will be lexicographically processed using total excerptation. The secondary corpus is comprised of texts in which the presence of both Serbian vernacular and literary language/s was attested. These sources will be processed selectively: only the Serbian lexis not recorded in the primary sources⁸ will be excerpted. Tertiary sources

³ The project leader is academician Jasmina Grković-Major (a full member of SASA), and the project team gathers language historians (experts on the history of Serbian vernacular and literary language idioms) from the Republic of Serbia, the Republic of Srpska and the Republic of Montenegro.

⁴ The only historical dictionary based on Serbian linguistic material is [Даничић 1863–1864], which contains not only Serbian but Serbian Church Slavonic corpora, as well.

⁵ We should use this occasion to emphasize that there is an open possibility for Serbian words recorded in earlier sources to be processed lexicographically [Грковић-Мејџор 2021: 14].

⁶ For more information about diglossia in Serbian medieval literacy see in [Грковић-Мејџор 2007: 443–459].

⁷ For more information about polyglossia in Serbian literacy in the 18th century see: [Суботић 2004].

⁸ More on the secondary corpus of the Serbian historical dictionary cf.: [Цветковић-Теофиловић 2021; Јовић 2021].

include editions to be taken into account only after we make sure the original or its transcription has not been preserved and can be regarded as a valuable historical and linguistic resource [Грковић-Мејџор 2021: 19]. In order to ensure reliability in the lexicographic processing of the material, the intention of the team of authors is to perform the excerption exclusively from the original, that is, from its digital copy. In addition to defining the theoretical concept of the dictionary [Грковић-Мејџор 2021], theoretical and methodological solutions for various issues of its microstructure have been proposed in the previous work done so far on the project (cf. [Савић, Милановић 2021; Курешевић 2021; Павловић 2021; Грковић-Мејџор, Бјелаковић 2021; Бјелаковић 2021]), as well as theoretical principles of digitization [Курешевић et al. 2021]. As part of the practical work on the project, comprehensive registers of corpora for the dictionary have been created thus far. Furthermore, digital copies of most sources have been acquired and manual digitization has already begun.

Since the materials for the historical dictionary of Serbian were written in different types of Cyrillic and Latin script, the basic principle of digitization was to standardize the paleographic variants of the letters according to the corresponding solutions in the Civil script. For these purposes, the *BeogradPro* font was used, since it contains all modern Cyrillic and Latin characters, as well as additional characters for specific old Cyrillic and Latin graphemes. The following principles were used for Cyrillic corpora digitization: 1) punctuation is transferred according to the original, 2) abbreviations are transferred without resolving, with a *titlo* mark and/or with the superscript letter written in the exponent where it belongs in the word structure, 3) types of letters are generalized, and those that have an orthographic function are retained (e.g. the letters *e* and *ɛ* are retained, then *o*, *ɔ* and *w*, and the letter *đerv* is transferred with the letter *h*), 4) when it comes to the superscript characters, a *titlo* mark is transferred (as a mark for an abbreviated word or as a mark for the numerical value of a letter) and a *pajerak* mark in its original place, 5) ligature grapheme connections are resolved, and only traditional ligatures are retained: *š*, *ш*, *ја*, *је*, *ју*, *ѡ* and *ѡ*, 6) phonetic clusters with proclitics and enclitics are separated, 7) the spelling of compounds, as well as certain adverbs and conjunctions created by grammaticalization is standardized in favor of using a hyphen in texts that are not consistent in their use, 8) the beginning of a line is marked with a vertical line next to which there is also a number of the row in the exponent, and the end of the sheet is marked with a double vertical line next to which the number of the sheet/page is written in the exponent (more details in [Курешевић et al. 2021]).

Bearing the scope of the chronological arc of the historical dictionary of Serbian (12th–18th century) in mind, as well as the volume of its corpus, the

process of digitization is currently the primary task in the realization of the project. How demanding this process is, especially in the context of limited human and financial resources, can be proved by the fact that from 2017 until today, the material of about 500,000 words (mostly from business and legal literacy and literary pieces) has been digitized, representing only an insignificant part of the entire corpus.⁹ If this process continues in the traditional way and with this dynamic, it is more likely that it will take decades, rather than years, to complete. The inclusion of technology for automatic text recognition in the process of digitization could significantly improve and speed up the work on the creation of the historical dictionary. Choosing the *Transkribus* software platform for this endeavor is suitable for several reasons.¹⁰ Not only is the software characterized by a fairly simple user interface, but also demanding computer tasks are performed on the server so that the user does not need special computer equipment. Additionally, starting from version *Transkribus 1.18.0.* this software platform has allowed training and recognition of textual tags (including text styles such as bold, italic, superscript, etc.) using the *Include Properties* option. The final reason is particularly important since, in accordance with the aforementioned principles of transferring material for the dictionary into electronic form, superscript letters and *titlo* marks are transferred by raising them to an exponent (Tag as a superscript).

3. Creating and Evaluating Models for Automatic Text Recognition of Venclović's Manuscripts in Serbian Vernacular

3.1. Reflecting upon Venclović's Legacy Written in Serbian Vernacular

Venclović's manuscripts in Serbian vernacular were selected for investigating the possibility of including the *Transkribus* software platform in the process of the historical dictionary corpus digitization, as they represent the most extensive (about 4,400 pages) and important primary source for a dictionary of 18th century language. The advantage of automatic digitization by means of artificial intelligence and machine learning compared to traditional manual digitizing is especially evident when working with voluminous manuscripts, such as these ones. Manual digitizing requires enormous human, temporal and financial resources. It is not surprising, therefore, that even though

⁹ At this moment, it is not possible to provide even an approximate estimate of the size of the corpus by the number of words.

¹⁰ *Transkribus* is not the only software platform for automatic text recognition. At the University of Paris (Université Paris Sciences et Lettres) an open-access software platform *eScriptorium* was developed within the project *Scripta-PSL* which is currently most widely used for automatic recognition of Hebrew, Syriac and Arabic manuscripts. More on the project and platform itself see the following link <https://escripta.hypotheses.org/>, as well as in [Kiesling et al. 2019].

Venclović's manuscripts were discovered in the second half of the 19th century,¹¹ they have not yet received a complete critical edition. In Serbian vernacular, Venclović composed texts directly addressed to Orthodox believers—sermons, letters, and lessons. The choice of language is explained in several places by the need for his presentation to be understandable (according to [Павић 1972: 120–121]). This part of Venclović's written legacy includes: 1) *Поученија и слова разлика* (САНУ 94 (271), 1732); 2) *Мач духовни I* (САНУ 92 (267), 1733/34); 3) *Мач духовни II* (САНУ 93 (268), 1733/34); 4) *Великопосник* (САНУ 97 (136), 1740/41); 5) *Слова изабрана* (САНУ 101 (137), 1743); 6) *Пентикости* (САНУ 98 (272), 1743); 7) *Житија, слова и поуке* (САНУ 84 (270), 1744/45); 8) *Поученије изабраноје I* (САНУ 99 (139), 1745); 9) *Поученије изабраноје II* (САНУ 100 (269), 1746).¹²

3.2. Creation and Quantitative Evaluation of the Model

The initial methodological problem was ascribed to the fact that we lacked high-quality digital copies of any of Venclović's manuscripts written in Serbian vernacular, or transcripts that could be used to train models for automatic text recognition. By the courtesy of the SASA Archives, digital copies of the first 100 pages of the manuscript of *Слова изабрана* (САНУ (101) 137) (hereinafter abbreviated as САНУ 137) were made available to us. The choice of this manuscript was motivated by the fact that it is one of Venclović's most voluminous manuscripts in Serbian vernacular (745 pages in total), with a very neat and uniform ductus throughout. The process of creating a model for automatic text recognition started with manual digitization of the first 35 pages of the manuscript in *Transkribus*. Consequently, we obtained the minimum amount of Ground Truth data¹³ (about 15,000 words) necessary for training the model.¹⁴ During the process, we adhered to the principles of digitizing the

¹¹ Venclović's manuscripts reached the SASA Archives in 1870 thanks to Gavrilo Vitković, who was engaged in collecting antiquities in southern and central Hungary [Синдик et al. 1991: 3].

¹² All the mentioned books were created in the parishes of Komárno and Győr. They were described for the first time in [Стојановић 1901: 42–51, 84–171]. Based on the analysis of watermarks, M. Grozdanović-Rajić [1992] offered more precise or slightly different dates of origin for many of them, which we present in this paper. Although the degree of Venclović's originality is also questionable here, since we are talking about adaptations/translations to a considerable extent [Павић 1972: 243–246; Трифуновић 2009: 68], these manuscripts represent a very important resource in the study of the history of the Serbian language [Ивић 2014: 112–113].

¹³ The term Ground Truth Data in machine learning refers to completely accurate data used to train the model. In our case, these would be exact transcripts of digital photographs of the manuscript. For more details on this term, see *Transkribus Glossary* at <https://readcoop.eu/glossary/ground-truth/>.

¹⁴ The minimum amount of data necessary to train a model for manuscript recognition is about 15,000 words, while training a model for recognizing printed books requires much less data (about 5,000 words) [Mühlberger et al. 2019: 959].

Cyrillic manuscripts for the historical dictionary specified here in chapter 2, except in case of compounds, certain conjunctions and adverbs. The latter were always transferred as one word (without a hyphen), since Venclović's texts belong to the epoch when the process of grammaticalization of the words in question had already ended.

The parameters and performance of the first version of the model named *Venclović 0.1*. are shown in the following table.

Table 1. Parameters and performance of the *Venclović 0.1.* model

Engine ¹⁵	Word count on Train Set	Word count on Validation Set	Number of epochs ¹⁶	CER on Test Set	CER on Validation Set ¹⁷
CITlab HTR+	15 806	717	50	0.57%	6.87%

In the continuation of the transcription process, we used the *Venclović 0.1.* model for automatic digitization of the next 35 pages of the CAHY 137 manuscript. After manual correction of the automatically obtained transcripts, we had twice as much Ground Truth data necessary for training the second version of the model at our disposal. The parameters and performance of the second version of the model entitled *Venclović 0.2.* are displayed in the following table.

Table 2. Parameters and performance of the *Venclović 0.2.* model

Engine	Word count on Train Set	Word count on Validation Set	Number of epochs	CER on Test Set	CER on Validation Set
CITlab HTR+	32039	1675	50	1.39%	4.87%

We digitized the remaining 30 pages using the *Venclović 0.2.* model. After manually correcting the transcripts, we trained the *Venclović 0.3.* model, the parameters and performance of which are presented in the following table.

¹⁵ Users of the *Transkribus* software platform have two engines for model training and automatic text recognition at their disposal: *CITlab HTR+* and *PyLaia*. Training the model on the same material using different engines yields almost identical results, which was also shown in our research. The advantage of the *PyLaia* engine is reflected only in the fact that it allows certain changes in its structure, and is thus suitable for adaptation to the specific needs of users who are familiar with the IT aspects of machine learning. For more detailed information see *Transkribus Glossary* at <https://readcoop.eu/glossary/htr-plus/> and <https://readcoop.eu/glossary/pylaia/>.

¹⁶ The term *epoch* in machine learning stands for "one complete presentation of the data set to be learned to a learning machine" [Burlacu, Rabus 2021: 1].

¹⁷ In all the models trained to recognize Venclović's manuscripts described in this paper, the amount of data in the validation set was 5% of the total training set.

Table 3. Parameters and performance of the *Venclović 0.3.* model

Engine	Word count on Train Set	Word count on Validation Set	Number of epochs	CER on Test Set	CER on Validation Set
CITlab HTR+	46118	2421	50	2.04%	4.49%

The quantitative indicators of the models for the automatic recognition of Venclović's manuscripts can be rated as exceptional, since it was already in the second version of the model *Venclović 0.2.* that the percentage of incorrectly recognized characters fell below 5%.¹⁸ In other words, this means that the model can be trained to automatically recognize the rest of the manuscript with 95% accuracy only on the basis of one tenth of the manuscript. The progress in the quantitative performance of the model is more pronounced between its first and second versions—cf. CER on Validation Set for model *Venclović 0.1.* and *Venclović 0.2.* The *Venclović 0.3.* model shows that each subsequent version of the model exhibits minimal improvement in quantitative performance with the new training material. Unfortunately, as we did not possess digital recordings of the rest of the manuscripts, we were not able to continue the process of automatic recognition and model enhancement. However, even based on this experiment, as well as on the experience with training models for automatic recognition of Serbian Church Slavonic printed books [Polomac 2022a; 2022b], we can assertively assume that further refinement of the model could lead to the percentage of misrecognized characters dropping even lower. Nevertheless, insisting on reducing the percentage of incorrectly recognized characters to an even lower percentage does not contribute much in the practical sense, since the text obtained by automatic recognition must be edited by a competent philologist anyhow¹⁹.

All three versions of Venclović's manuscripts recognition model were trained in a fifty-epoch process. The dependency of the training results expressed by the percentage of incorrectly recognized characters and the number of epochs for training the model can be shown for each model using the learning curve. A typical learning curve can be seen in the example of the *Venclović 0.3.* model in Figure 1.

The learning curve demonstrates that, in the process of machine learning, the model achieves the most significant progress during the first few epochs

¹⁸ According to [Mühlberger et al. 2019: 962] it can be considered exceptional if the percentage of incorrectly recognized characters during automatic manuscript recognition is less than 5%. In the case of printed books, this percentage can be lower and amount to about 1–2%. Cf. our results on the material of Serbian Church Slavonic printed books in [Polomac 2022a; 2022b].

¹⁹ In the paper by J. Besters-Dilger and A. Rabus [2021] a very interesting thesis was presented stating that a large amount of material obtained by automatic text recognition and tagging can be used for quantitative linguistic research even without the manual correction of the text.

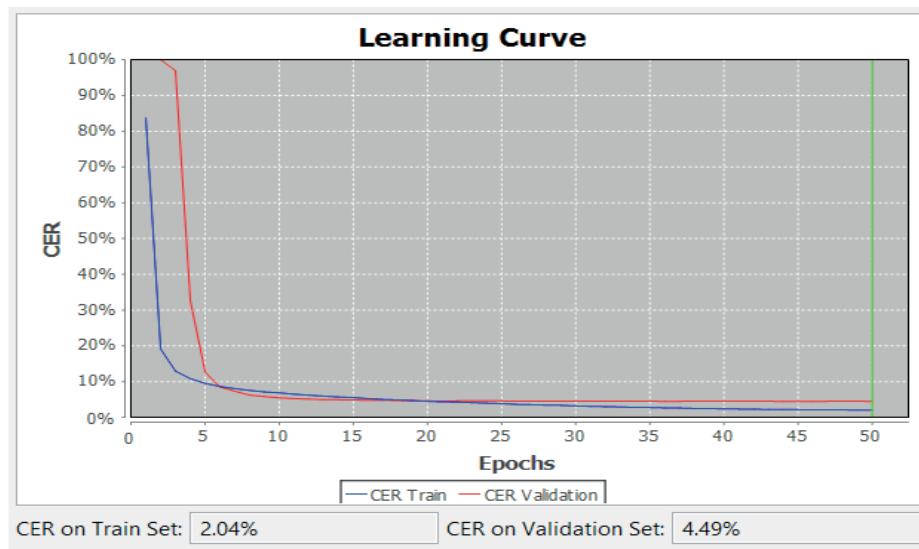

Figure 1. The learning curve of the Venclović 0.3. model

of training. Subsequently, the percentage of incorrectly recognized characters stabilizes very quickly at a certain level (only after ten epochs). By the end of the training process, it only slightly decreases, which means that increasing the number of epochs would not necessarily lead to a lower percentage of misrecognized characters.

3.3. The Qualitative Analysis of the Venclović 0.3. Model

Previous research (cf. only [Rabus 2019b: 13]) showed that the percentage of incorrectly recognized characters was not always a realistic indicator of model quality. Considering that during the automatic statistical calculation of the percentage of incorrectly recognized characters all interventions in the text are taken into account (e.g. insertion, deletion or replacement of characters, including spaces and punctuation marks),²⁰ qualitative indicators of the model's success are often better than quantitative ones. For the qualitative analysis of the Venclović 0.3. model a comparative display of sheet 90b CAHY 137 was used along with the automatically digitized text, which is presented in the following figure.

²⁰ For more precise data on the method of calculating the percentage of incorrectly recognized characters see Transkribus Glossary at <https://readcoop.eu/glossary/character-error-rate-cer/>.

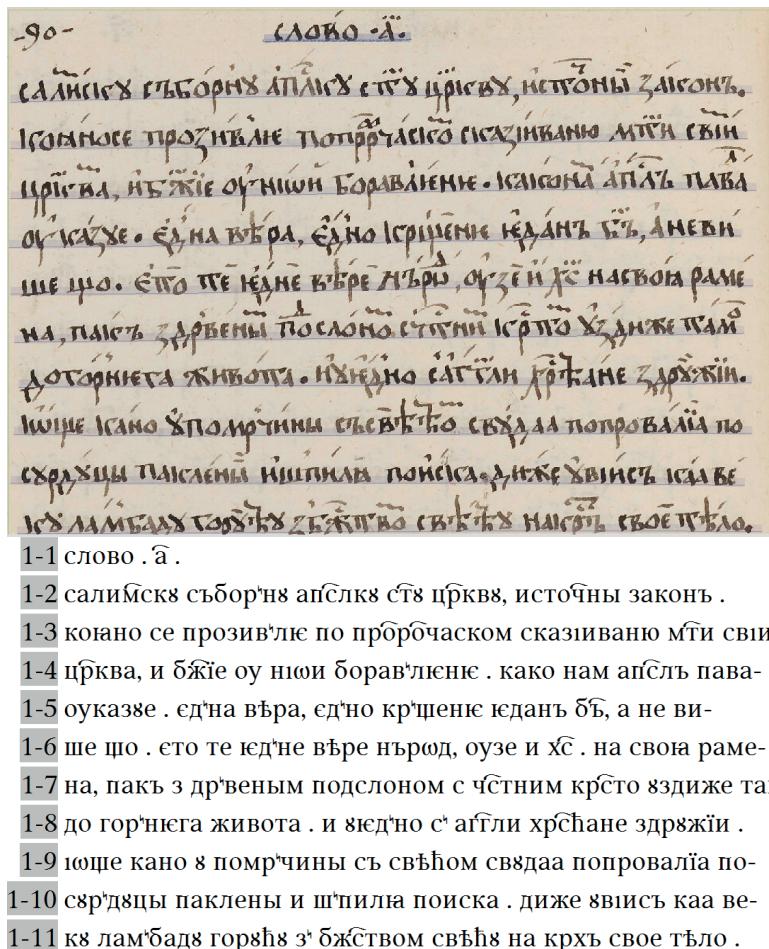

Figure 2. САНУ 137, part of sheet 90b and the automatically digitized text

A comparison of the photo and the automatically digitized text demonstrates that the *Venclović 0.3.* model failed to recognize the superscript textual tag, which, in accordance with the principles of digitizing corpora for the historical dictionary of Serbian, introduces a superscript letter. The correction of the automatically cleared text was performed in two steps: in the first version, all the errors of character recognition were corrected, followed by the correction of the superscript textual tag that marks superscript letters in the second step. The percentage of misrecognized characters was identical in both versions (2.69% in total). The latter indicates that, not only did *Transkribus* fail to recognize the superscript textual tag, but also did not take its corrections into account when calculating misrecognized characters. This fact sheds a different

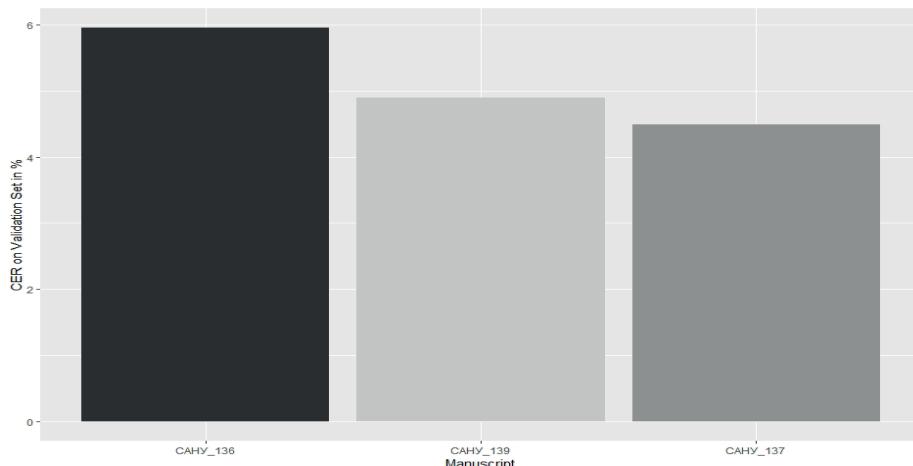
light on the quantitative indicators of the model presented in Tables 1–3. The percentage of incorrectly recognized characters on the validation set does not include the correction of the superscript textual tag. This actually means that the quantitative indicators of the model are slightly worse because of the specific way of marking superscript letters when digitizing the dictionary material.

If we return to our example of a part of sheet 90b and analyze individual errors in automatic text recognition, we can conclude that, most frequently, the *Venclović 0.3.* model makes mistakes in recognizing superscript letters and a *titlo* mark: so instead of салимскъ 2, црквамъ 4, пава^т 4, крсто^м 7, крстъ 11 the model incorrectly reads салимскъ 2, црква 4, пава- 4, крсто 7, крхъ 11. In two examples, errors were recorded in the recognition of spaces between words: instead of по проваліа 8, по срдьцы 8/9 the model incorrectly reads попроваліа 8, посрдьцы 8/9. Other errors refer to superscript letters and *titlo* marks that are recognized but not raised to a superscript: instead of апслкъ 2, истоћни 2, прброчаском 3, свим^м 3, нам^м 4, апсль 4, нърѡ^м 6, дрвены^м 7, подслоно^м 7, чѣтним^м 7, там^б 7, хрћане 8, свѣћном^м 9, бжѣством^м 10 the model reads апслкъ 2, истоћни 2, прброчаском 3, свим 3, нам 4, апслъ 4, нърѡд 6, дрвеным 7, подслоном 7, чѣтним 7, тамб 7, хрћане 8, свѣћном 9, бжѣством 10. Taking the aforementioned errors into consideration, it seems that the *Venclović 0.3.* model can be rated as excellent in the qualitative sense, as well. We hope that the problem of not recognizing textual tags will be solved in the future by technical improvement of *Transkribus*. However, even if it stays the same, the process of digitizing texts for the historical dictionary of the Serbian language will be accelerated significantly.

3.4. Application of the *Venclović 0.3.* model on other manuscripts in Serbian vernacular

In continuation of the research, we hypothesized that the *Venclović 0.3.* model, trained on САНУ 137 material, will be able to successfully automatically recognize Venclović's other manuscripts in Serbian vernacular. In order to test the hypothesis, we created an experiment in which we used the *Venclović 0.3.* model applied to the first ten pages of the manuscript *Великопосник* (САНУ 97 (136) from the year 1740/41) (hereinafter САНУ 136) and *Поученија изабрана I* (САНУ 99 (139) from 1745) (hereinafter САНУ 139). These two manuscripts were chosen for the experiment because they were written in the same style as САНУ 137, as well as because their high-quality digital recordings already existed in the SASA Archives.

As can be seen in Graph 1, the quantitative performance of the *Venclović 0.3.* model on the manuscripts САНУ 136 and 139 is negligibly lower than on САНУ 137. Excluding the superscript letters and *titlo* marks in the superscript, the percentage of misrecognized characters on САНУ 136 is 5.95%, and on САНУ 139 is even lower—4.90%.

Graph 1. Application of the Venclović 0.3. model on manuscripts CAHY 136 and CAHY 139

For the qualitative evaluation of the result, a comparative view of a part of sheet 9a of the CAHY 136 manuscript is presented in the following figure.

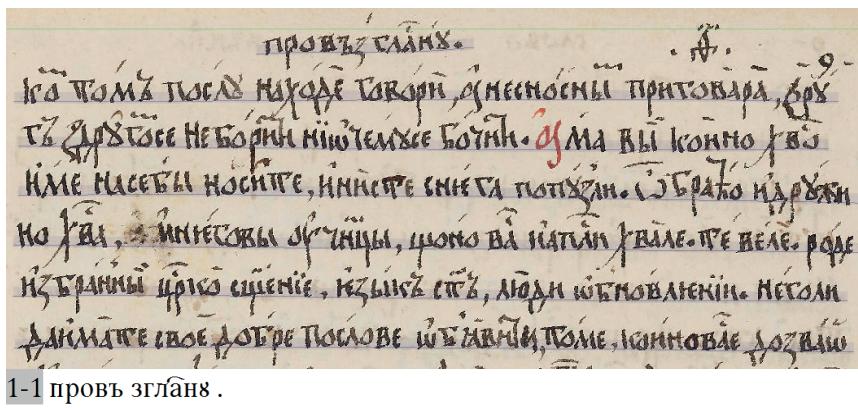

Figure 3. CAHY 136, part of sheet 9a and the automatically recognized text

Along with the errors in recognizing superscripts: instead of ко^м 2, др^{гом} 3, х^ѣво 3, х^ѣва 5, ва[҆] 5, ап^ѣли 5 there is the incorrect ком 2, др^{гом} 3, х^ѣво- 3, х^ѣва 5, ва[҆] 5, ап^ѣли 5, the model makes errors in recognizing superscript letters and *titlo* marks, as well as spaces between words, more frequently than in the case of the manuscript САНУ 137: thus instead of провъзгла[҆]н⁸ 1, несноны^м 2, браћо 4, а и нјеговы 5, цр^кко 6, ва[҆] 7, the model incorrectly reads провъ згл^ан⁸ 1, не сносны 2, браћом 4, м^ннеговым 5, цр^кском 6, вам 7; thus instead of провъзгла[҆]н⁸ 1, несноны^м 2, х^ѣво 3, нисте 4 the model incorrectly reads провъ згл^ан⁸ 1, не сносны 2, х^ѣво- 3, ни сте 4. Unlike САНУ 137, errors of recognizing a *pajerak* mark are recorded here: thus instead of с нјега попвзли 4, а и нјеговы 5, ѡб^новленїи 6, ѡб^нявити 7 the model incorrectly reads с^т нјега попвзли 4, м^ннеговым 5, ѡб^новленїи 6, ѡб^нявити 7. Errors in recognizing letters in examples др^г- 2, а и нјеговы 5 (incorrect зр^г- 2, м^ннеговим 5) can be explained by an illegible recording.

For the qualitative evaluation of the results of the efficiency of the model on the САНУ 139 manuscript, a comparative view of a part of sheet 1b and the automatically recognized text is displayed in the following figure.

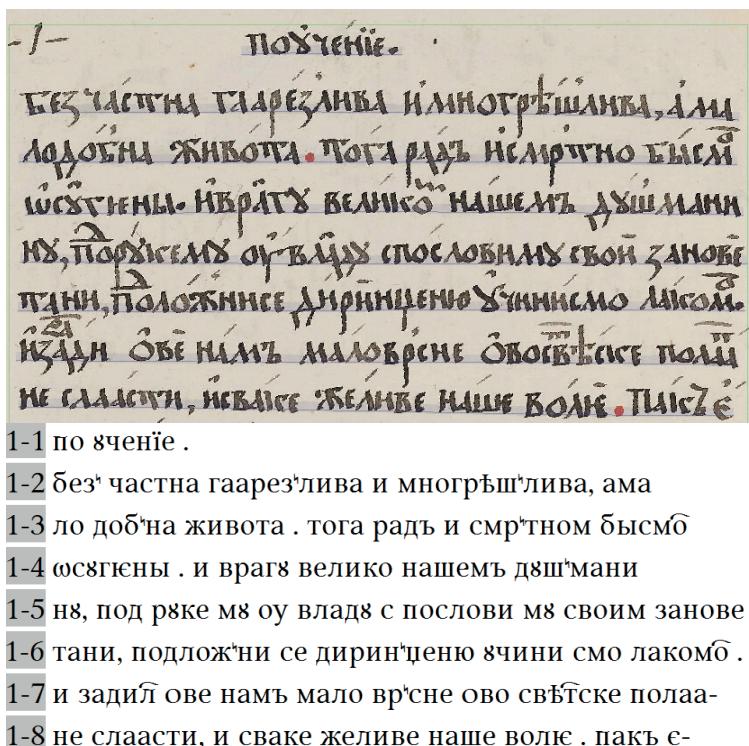

Figure 4. САНУ 139, part of sheet 1b and the automatically recognized text

The previous presentation shows that the *Venclović 0.3.* model makes most frequent errors in recognizing spaces between words: thus instead of почење 1, безчастна 2, а малодоб^{на} 2/3, дв^шманин⁸ 4/5, зановетани 5/6, 8чинисмо 6, маловр^{сне} 7, овосвѣтске 7 the model incorrectly reads по чене¹ 1, без^з частна 2, ама ло доб^{на} 2/3, дв^шманин⁸ 4/5, занове тани 5/6, 8чини смо 6, мало вр^{сне} 7, ово свѣтске 7. Digitizing superscripts represents an issue in the following examples: смр^{тно} 3, велико^м 4, свои 5, полаа^{т-} 7, за^{ради} 7 the model incorrectly outputs смр^{тном} 3, велико 4, своим 5, полаа- 7, зади 7. In relation to this category and in relation to CAHY 137, there are a few examples with unrecognized superscript textual tag: instead of бысм^о 3, по^н 5, по^нлож^{ни} 6, лаком^б 6, овосвѣтске 7 the model outputs бысм^б 3, под 5, подлож^{ни} 6, лаком^б 6, ово свѣтске 7. The errors in the recognition of the *pajerak* mark appeared in two examples only: instead of безчастна 2, дирин^{џеню} 6 the model incorrectly outputs без^з частна 2, дирин^{џеню} 6.

4. Concluding Remarks and Future Research Perspectives

The results of the previously presented research point to the conclusion that following the principles of artificial intelligence and machine learning, and using the *Transkribus* software platform, the digitization process of Cyrillic manuscripts can be significantly accelerated in order to create an electronic corpus for the historical dictionary of Serbian. Using the example of the Gavril Stefanović Venclović's manuscripts written in Serbian vernacular of the 18th century, the study shows that the process of transcription of voluminous manuscripts can be digitized by creating specific models for automatic text recognition. The *Venclović 0.3.* model was created on the material of 100 pages of the voluminous CAHY 137 manuscript (774 pages in total), with an acceptable percentage of misrecognized characters of about 4–5%. Using the same model, the rest of the voluminous manuscript CAHY 137 can likewise be digitized in a significantly shorter amount of time, significantly reducing human and financial resources, if, of course, complemented by a final proofreading and edition by a competent philologist. The *Venclović 0.3.* model can also be used fairly successfully for the automatic recognition of other Venclović's manuscripts in Serbian vernacular written in similar style. The percentage of incorrectly recognized characters on the CAHY 136 and 139 manuscripts was around 5–6% and is only slightly lower than the CAHY 137 manuscript on which the model was trained. The qualitative analysis of the most common errors in automatic recognition can lead to the conclusion that the most frequent problems the model has pertain to recognizing superscript letters, *titlo* marks and spaces between words. Errors in the recognition of a *pajerak* mark are much less frequent, and errors in the recognition of regular letters are found merely exceptionally.

The recognition of the superscript textual tag used to mark the superscript letter following the principles of digitization of dictionary materials is fairly problematic. Although *Transkribus* offers the possibility of training and recognizing textual tags since version 1.18.0., our research has shown that this option is still not fully applicable.²¹ *Transkribus* does not read textual tags during initial recognition, yet only if there is a version of the digitized text in *Transkribus*. In neither case does it take textual tags into account when calculating misrecognized characters. Therefore, the qualitative performance of the *Venclović 0.3.* model is slightly less efficient than the percentage of incorrectly recognized characters shows, but still excellent, especially compared to traditional manual digitizing. This problem could be overcome in the near future either by further improving the technical performance of *Transkribus* or by minimally modifying the principles of digitization and, also by improving the font, so that superscript letters could be marked with special characters compliant with the Unicode standard. After solving this problem, the manually digitized material obtained so far throughout the project of digitizing the historical dictionary of Serbian could, after prior preparation, be imported into *Transkribus* and used for training specific and generic models to automatically recognize other Cyrillic manuscripts.

The advantage of automatic text recognition as compared to the traditional process is especially evident in the possibility of constant improvement of the performance of specific and generic models in accordance with the progress of the transcription process and the increase in the amount of digitized text that can be used to train a new version of the model. In order to further improve the model for automatic text recognition of Venclović's manuscripts written in Serbian vernacular, it seems necessary to completely digitize the manuscripts within the SASA Archives, and to establish cooperation with scientific and cultural institutions (SASA and Matica srpska) to become potential leaders of a particular project related to preparing and publishing the critical edition of Venclović's manuscripts in Serbian vernacular. With the development of technology for automatic text recognition, we are not only approaching the critical edition of Venclović's manuscripts, but also the possibility of creating a digital edition and a special electronic corpus.

²¹ *Transkribus* software, version 1.20.0. was used for all the experiments described in the paper.

Bibliography

Primary Sources

САНУ 136

Венцловић Стефановић Г. [Великопосник], Архив Српске академије наука и уметности, сигнатурा САНУ 97 (136).

САНУ 137

Венцловић Стефановић Г. [Слова изабрана], Архив Српске академије наука и уметности, Београд, сигнатурा САНУ 101 (137).

САНУ 139

Венцловић Стефановић Г. [Поученије изабраноје, први део], Архив Српске академије наука и уметности, Београд, сигнатурा САНУ 99 (139).

Literature

Besters-Dilger, Rabus 2021

Besters-Dilger J., Rabus A., Neural Morphological Tagging for Slavic: Strengths and Weaknesses, *Scripta&e-Scripta*, 2021, 21, 79–92.

Burlacu Rabus 2021

Burlacu C., Rabus A., Digitising (Romanian) Cyrillic using Transkribus: new perspectives, *Diacronia*, 2021, 14, 1–9.

Kiesling et al. 2019

Kiesling B., Tissot R., Stokes P., Stökl Ben Ezra D., eScriptorium: An Open Source Platform for Historical Document Analysis, 2019 International Conference on Document Analysis and Recognition Workshop (ICDARW). Sydney, 2019, 19–24.

Mühlberger et al. 2019

Mühlberger G., Seaward L., Terras M., Oliveira Ares S., Bosch V., Bryan M., Colluto S., Déjean H., Diem M., Fiel S., Gatos B., Greinoecker A., Grüning T., Hackl G., Haukkovaara V., Heyer G., Hirvonen L., Hodel T., Jokinen M., Kahle P., Kallio M., Kaplan F., Kleber F., Labahn R., Lang M., Laube S., Leifert G., Louloudis G., McNicholl R., Meunier J., Michael J., Mühlbauer E., Philipp N., Pratikakis J., Puigcerver Pérez J., Putz H., Retsinas G., Romero V., Sablatník R., Sánchez J., Schofield P., Sfikas G., Sieber C., Stamatopoulos N., Strauss T., Terbul T., Toselli A., Ulreich B., Villegas M., Vidal E., Walcher J., Wiedermann M., Wurster H., Zagoris K., Transforming scholarship in the archives through handwritten text recognition, *Journal of Documentation*, 2019, 5/75, 954–976.

Polomac, Lutovac Kaznovac 2021

Polomac V., Lutovac Kaznovac T., Automatic Recognition of Serbian Medieval Manuscripts by Applying the *Transkribus* Software Platform: Current State and Future Perspectives, *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, 2021, LXIV/2, 7–26.

Polomac 2022a

Polomac V., Serbian Early Printed Books from Venice. Creating Models for Automatic Text Recognition using *Transkribus*, *Scripta&e-Scripta*, 2022, 22, 11–29.

2022b

Polomac V., Serbian Early Printed Books. Towards Generic Model for Automatic Text Recognition using *Transkribus*, D. Fišer, T. Erjavec, eds., *Proceedings of the Conference on Language Technologies and Digital Humanities*, Ljubljana, 2022b, 154–161.

Rabus 2019a

Rabus A., Recognizing Handwritten Text in Slavic Manuscripts: a Neural-Network Approach using Transkribus, *Scripta&e-Scripta*, 2019, 19, 9–32.

— 2019b

Rabus A., Training generic models for Handwritten Text Recognition using Transkribus: opportunities and pitfalls, *Proceeding of the Dark Archives Conference*, Oxford, 2019b, in print.

Васиљев 1996

Васиљев Љ., Буквар из 1717. године — дело Гаврила Стефановића Венцловића, *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, 1996, 39/2, 169–184.

Бјелаковић 2021

Бјелаковић И., Предлог микроструктуре историјског речника српског језика, Ј. Грковић-Мејџор, И. Бјелаковић, М. Курешевић, ур., *Историјска лексикографија српског језика*, Нови Сад, 2021, 387–400.

Грковић-Мејџор 2007

Грковић-Мејџор Ј., *Списи из историјске лингвистике*, Сремски Карловци, Нови Сад, 2007.

— 2021

Грковић-Мејџор Ј., Ка историјском речнику српског језика, Ј. Грковић-Мејџор, И. Бјелаковић, М. Курешевић, ур., *Историјска лексикографија српског језика*, Нови Сад, 2021, 11–24.

Грковић-Мејџор, Бјелаковић 2021

Грковић-Мејџор Ј., Бјелаковић И., Дефинисање лексичког значења у историјском речнику српског језика, Ј. Грковић-Мејџор, И. Бјелаковић, М. Курешевић, ур., *Историјска лексикографија српског језика*, Нови Сад, 2021, 367–386.

Гроздановић-Пајић 1992

Гроздановић-Пајић М., Хартија и водени знаци у Венцловићевим рукописима писаним у Коморану и Ђуру, *Сентандрејски зборник*, 1992, 2, 177–197.

Даничић 1863–1864

Даничић Ђ., *Речник из књижевних старина српских, I–III*, У Биограду, 1863–1864.

Ивић 2014

Ивић П., *Преглед историје српског језика*, Сремски Карловци, Нови Сад, 2014.

Јовић 2021

Јовић Н., Медицински списи као извор за историјски речник српског језика, Ј. Грковић-Мејџор, И. Бјелаковић, М. Курешевић, ур., *Историјска лексикографија српског језика*, Нови Сад, 2021, 185–198.

Курешевић 2016

Курешевић М., Језик *Слова Акира Премудрог* из рукописног зборника Народне библиотеке Србије бр. 53, *Јужнословенски филолог*, 2016, 72/1–2, 105–126.

— 2021

Курешевић М., Граматичке информације у историјском речнику српског језика: полазни принципи, Ј. Грковић-Мејџор, И. Бјелаковић, М. Курешевић, ур., *Историјска лексикографија српског језика*, Нови Сад, 2021, 319–345.

Курешевић et al. 2021

Курешевић М., Лутовац Казновац Т., Цолић Јовановић А., Бајић В., Рашчитавање и пренос у електронску форму ћирилске грађе за историјски речник српског језика: недоумице и могућа решења, Ј. Грковић-Мејџор, И. Бјелаковић, М. Курешевић, ур., *Историјска лексикографија српског језика*, Нови Сад, 2021, 81–113.

Павић 1972

Павић М., *Гаврил Стефановић Венцловић*, Београд, 1972.

Павловић 2021

Павловић С., Лексикографска обрада граматичких речи у историјским речницима, Ј. Грковић-Мејџор, И. Бјелаковић, М. Курешевић, ур., *Историјска лексикографија српског језика*, Нови Сад, 2021, 345–366.

Радовановић 2015

Радовановић М., *Фази лингвистика*, Сремски Карловци, Нови Сад, 2015.

РСАНУ, 1–

Речник српскохрватског књижевног и народног језика, Београд: 1959–.

Савић, Милановић 2021

Савић В., Милановић А., Идентификација и формирање одредница у српском историјском речнику, Ј. Грковић-Међзор, И. Бјелаковић, М. Курешевић, ур., *Историјска лексикографија српског језика*, Нови Сад, 2021, 277–318.

Синдик et al. 1991

Синдик Н., Гроздановић-Пајић М., Мано-Зиси К., *Опис рукописа и старих штампаних књига Библиотеке Српске православне епархије будимске у Сентандреји*, Београд, Нови Сад, 1991.

Стефановић, Јовановић 2013

Стефановић Д., Јовановић Т., *Венцловићев сентандрејски буквар: 1717*, Будимпешта, Београд, 2013.

Стојановић 1901

Стојановић Љ., *Каталог рукописа и старих штампаних књига Српске краљевске академије*. Београд, 1901.

Суботић 2004

Суботић Љ., Из историје књижевног језика: питање језика, В. Васић, ур., *Предавања из историје језика*, Нови Сад, 2004, 142–191.

Трифуновић 2009

Трифуновић Ђ., *Стара српска књижевност: основи*, Београд, 2009.

Цветковић Теофиловић 2021

Цветковић Теофиловић И., Путописи као извори за израду речника српског језика XII–XVIII века, Ј. Грковић-Међзор, И. Бјелаковић, М. Курешевић, ур., *Историјска лексикографија српског језика*, Нови Сад, 2021, 165–184.

References

- Besters-Dilger J., Rabus A., Neural Morphological Tagging for Slavic: Strengths and Weaknesses, *Scripta&e-Scripta*, 2021, 21, 79–92.
- Bjelaković I., Predlog mikrostruktture istorijskog rečnika srpskog jezika, *Istorijska leksikografija srpskog jezika*, Novi Sad, 2021, 387–400.
- Burlacu C., Rabus A., Digitising (Romanian) Cyrillic using Transkribus: new perspectives, *Diacronia*, 2021, 14, 1–9.
- Cvetković Teofilović I., Putopisi kao izvori za izradu rečnika srpskog jezika XII–XVIII veka, *Istorijska leksikografija srpskog jezika*, Novi Sad, 2021, 165–184.
- Grković-Mejdžor J., *Spisi iz istorijske lingvistike*, Sremski Karlovci, Novi Sad, 2007.
- Grković-Mejdžor J., Ka istorijskom rečniku srpskog jezika, *Istorijska leksikografija srpskog jezika*, Novi Sad, 2021, 11–24.
- Grković-Mejdžor J., Bjelaković I., Definisanje leksičkog značenja u istorijskom rečniku srpskog jezika, *Istorijska leksikografija srpskog jezika*, Novi Sad, 2021, 367–386.
- Grozdanović-Pajić M., Hartija i vodenii znaci u Venclovićevim rukopisima pisanim u Komoranu i Đuru, *Sentandrejski zbornik*, 1992, 2, 177–197.
- Ivić P., *Pregled istorije srpskog jezika*, Sremski Karlovci, Novi Sad, 2014.
- Jović N., Medicinski spisi kao izvor za istorijski rečnik srpskog jezika, *Istorijska leksikografija srpskog jezika*, Novi Sad, 2021, 185–198.
- Kiesling B., Tissot R., Stokes P., Stökl Ben Ezra D., eScriptorium: An Open Source Platform for Historical Document Analysis, *2019 International Conference on Document Analysis and Recognition Workshop (ICDARW)*, Sydney, 2019, 19–24.
- Kurešević M., The Language of the Story of the Sage Ahiqar from Serbian Manuscript No. 53 of the National Library of Serbia, *Južnoslovenski filolog*, 2016, 72/1–2, 105–126.
- Kurešević M., Gramatičke informacije u istorijskom rečniku srpskog jezika: polazni principi, *Istorijska leksikografija srpskog jezika*, Novi Sad, 2021, 319–345.

Kurešević M., Lutovac Kaznovac T., Colić Jovanović A., Bajić V., Račitavanje i prenos u elektronsku formu čirilske gradi za istorijski rečnik srpskog jezika: nedoumice i moguća rešenja, *Istorijska leksikografija srpskog jezika*, Novi Sad, 2021, 81–113.

Mühlberger G., Seaward L., Terras M., Oliveira Ares S., Bosch V., Bryan M., Colluto S., Déjean H., Diem M., Fiel S., Gatos B., Greinoecker A., Grüning T., Hackl G., Haukkovaara V., Heyer G., Hirvonen L., Hodel T., Jokinen M., Kahle P., Kallio M., Kaplan F., Kleber F., Labahn R., Lang M., Laube S., Leifert G., Louloudis G., McNicholl R., Meunier J., Michael J., Mühlbauer E., Philipp N., Pratikakis J., Puigcerver Pérez J., Putz H., Retsinas G., Romero V., Sablatník R., Sánchez J., Schofield P., Sfikas G., Sieber C., Stamatopoulos N., Strauss T., Terbul T., Toselli A., Ulreich B., Villegas M., Vidal E., Walcher J., Wiedermann M., Wurster H., Zagoris K., Transforming scholarship in the archives through handwritten text recognition, *Journal of Documentation*, 2019, 5/75, 954–976.

Pavić M., *Gavril Stefanović Venclović*, Beograd, 1972.

Pavlović S., Leksikografska obrada gramatičkih reči u istorijskim rečnicima, *Istorijska leksikografija srpskog jezika*, Novi Sad, 2021, 345–366.

Polomac V., Lutovac Kaznovac T., Automatic Recognition of Serbian Medieval Manuscripts by Applying the *Transkribus* Software Platform: Current State and Future Perspectives, *Matica Srpska Journal of Philology and Linguistics*, 2021, LXIV/2, 7–26.

Polomac V., Serbian Early Printed Books from Venice. Creating Models for Automatic Text Recognition using *Transkribus*, *Scripta&e-Scripta*, 2022, 22, 11–29.

Polomac V., Serbian Early Printed Books. Towards Generic Model for Automatic Text Recognition using *Transkribus*, D. Fišer, T. Erjavec, eds., *Proceedings of the Conference on Language Technologies and Digital Humanities*, Ljubljana, 2022b, 154–161.

Rabus A., Recognizing Handwritten Text in Slavic Manuscripts: a Neural-Network Approach using Transkribus, *Scripta&e-Scripta*, 2019, 19, 9–32.

Radovanović M., *Fazi lingvistika*, Sremski Karlovci, Novi Sad, 2015.

Savić V., Milanović A., Identifikacija i formiranje odrednica u srpskom istorijskom rečniku, *Istorijska leksikografija srpskog jezika*, Novi Sad, 2021, 277–318.

Sindik N., Grozdanović-Pajić M., Mano-Zisi K., *Opis rukopisa i starih štampanih knjiga Biblioteke Srpske pravoslavne eparhije budimske u Sentandreji*, Beograd, Novi Sad, 1991.

Stefanović D., Jovanović T., *Venclovićev sentandrejski bukvar: 1717*, Budimpešta, Beograd, 2013.

Subotić Lj., Iz istorije književnog jezika: pitanje jezika, *Predavanja iz istorije jezika*, Novi Sad, 2004, 142–191.

Trifunović Đ., *Stara srpska književnost: osnovi*, Beograd, 2009.

Vasiljev Lj., Bukvar iz 1717. godine — delo Gavril Stefanovića Venclovića, *Matica Srpska Journal of Philology and Linguistics*, 1996, 39/2, 169–184.

Vladimir Polomac, PhD, redovni profesor
Univerzitet u Kragujevcu
Filološko-umetnički fakultet
Jovana Cvijića bb, 34000 Kragujevac
Srbija / Serbia
v.polomac@filum.kg.ac.rs

Marina Kurešević, PhD, redovni profesor
Univerzitet u Novom Sadu
Filozofski fakultet
Zorana Đinđića 2, 21 000 Novi Sad
Srbija / Serbia
marina.kuresevic@gmail.com

Isidora Bjelaković, PhD, redovni profesor
Univerzitet u Novom Sadu
Filozofski fakultet
Zorana Đinđića 2, 21 000 Novi Sad
Srbija / Serbia
isidora.bjelakovic@gmail.com

Aleksandra Colić Jovanović, PhD, asistent sa doktoratom

Univerzitet u Novom Sadu

Filozofski fakultet

Zorana Đindjića 2, 21 000 Novi Sad

Srbija / Serbia

aleksandra.colic@ff.uns.ac.rs

Sanja Petrović, doktorand

Univerzitet u Novom Sadu

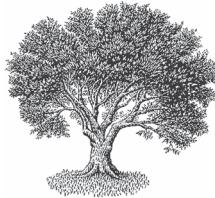
Filozofski fakultet

Zorana Đindjića 2, 21 000 Novi Sad

Srbija / Serbia

sanja.lj.petrovic@gmail.com

Received September 27, 2022

«Сие пишет человек,
не видавший никогда
фейерверк»:
об одном анонимном
стихотворении второй
половины XVIII века*

“As Written by a
Man Who Has
Never Seen
Fireworks”: A Study
of the Anonymous
18th Century Poem

**Екатерина Игоревна
Кислова**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Ekaterina I. Kislova

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье публикуется текст анонимного стихотворения из рукописного сборника середины XVIII в.; анализируются его жанровая природа и особенности языка. Сопоставление с публикациями описаний фейерверков последних лет правления Елизаветы Петровны позволяет сделать предположение о наиболее вероятной дате создания этого произведения и возможном круге лиц, с которыми был связан анонимный автор. Лексические особенности произведения позволяют предположить, что автор был связан с кругом И. И. Шувалова, П. И. Шувалова и М. В. Ломоносова (что подтверждается составом сборника, в котором сохранилось произведение).

* Автор благодарит Е. М. Матвеева, Д. А. Сдвижкова и анонимных рецензентов за внимательное чтение статьи и ценные комментарии.

Цитирование: Кислова Е. И. «Сие пишет человек, не видавший никогда фейерверк»: об одном анонимном стихотворении второй половины XVIII века // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 317–338.
Citation: Kislova E. I. (2023) “As Written by a Man Who Has Never Seen Fireworks”: A Study of the Anonymous 18th Century Poem. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 317–338.
DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.09

Это анонимное стихотворение — интересный пример осмыслиения различных поэтических и прозаических традиций, связанных с культурой фейерверка 2-й половины XVIII в.

Ключевые слова

фейерверк, панегирическая поэзия, рукописная поэзия, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, П. И. Шувалов, И. И. Шувалов, Семилетняя война

Abstract

The article presents the text of a curious anonymous poem from a mid-18th-century manuscript, and analyses its genre and language features. Comparing the poem with the descriptions of fireworks published in the last years of Elizabeth Petrovna's reign allows us to make an assumption about the most likely date of writing and the circle of persons who could be associated with the anonymous author. The lexical features of the work, as it seems, indicate that the author was part of the circle of I. I. Shuvalov, P. I. Shuvalov and M. V. Lomonosov (which is confirmed by analysing the contents of the manuscript). The anonymous poem provides us with an understanding of how the reception of key components of court culture (fireworks, court holidays, allegorical figures, panegyric poems, etc.) looked for the noble society of the middle of the 18th century.

Keywords

fireworks, panegyric poetry, handwritten poetry, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov, P. I. Shuvalov, I. I. Shuvalov, The Seven Years' War

Публикуемое стихотворение представляет собой любопытный образец поэтического искусства середины — второй половины XVIII в. В ряду различных стихотворных и прозаических произведений, связанных с культурой фейерверков, оно стоит особняком: анонимный автор сочетает в произведении как элементы разных жанров, так и разные уровни лексики, создавая стихотворный текст, цель написания которого, вероятно, — получение покровительства знатного лица.

Это стихотворение сохранилось в рукописном сборнике без указания автора и ранее, насколько нам известно, не публиковалось и не исследовалось. Однако, как нам кажется, оно может показать, каким образом идеи и образы придворной интеллектуальной культуры отражались в сознании современников.

1. «Сборник стихотворный»

Стихотворение «Сие пишет человек...» сохранилось в «Сборнике стихотворном», датированном в описи РГАДА второй половиной XVIII в. (Ф. 188. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 744). Сборник в 1°, состоит из 14 листов без

переплета [Рукописное собрание 1980: 260]¹, не имеет владельческих записей, написан разными почерками 2-й половины XVIII в. О его судьбе до попадания в архив ничего не известно; на л. 11 стоит владельческий штамп «Ю. В. Арсеньев»².

В сборнике содержатся следующие стихотворения. Л. 1–1об. — «Сие пишет человек, не выдавший никогда фейерверк», л. 2–2об. — «Ныне употребляемое саксонским крестьянином “Отче наш”», записанные первым почерком. На л. 3–4об. находятся переписанные вторым почерком «Гимн бороде» и «Второй гимн бороде» («Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь...»), состоящий из соединенных произведений И. С. Баркова и А. П. Сумарокова [Берков 1936: 235–238].

Далее следуют два стихотворения (л. 5–11об.), обнаруженные В. Г. Дружининым в рукописном сборнике XVIII в.: в нем им предшествовали шесть сатир А. Д. Кантемира, поэтому следующие два текста также были приписаны ему [Дружинин 1887: 194–204]. Первое стихотворение, известное под заглавием «Стихи на желающих чести при дворе», в нашем сборнике дается без заглавия; оно оказалось разбито на два фрагмента, переставленных местами и записанных разными почерками (л. 5–5об. — «Иной хвала утесняет своего соперника...»; л. 7–8 — «Не так мила птице холя...»). Затем следуют чистые листы (л. 8об.–10об.). Второе стихотворение («Державнейший монарх, твой секретарь трудится...» — л. 11–11об. нашего сборника — переписано почерком, похожим на первый), как установил П. Н. Берков, представляет собой анонимный перевод немецких стихов Ганке, который был опубликован в «Примечаниях к Ведомостям» от 1 ноября 1729 г. (о нем см. [Берков 1935а: 70–79]). Там же отмечено, что это произведение пользовалось определенной известностью даже в середине века; с сокращениями оно вошло в «Письмовник» Н. Курганова 1769 и 1777 гг.). В рукописи, описанной В. Г. Дружининым, стихотворения идут в том же порядке, что и в нашем сборнике.

Следующие два стихотворения записаны почерком, сходным с первым: л. 12 — «Апраксин, ты рожден, чтоб славным в свете быть...»; л. 13–14 — «Ода высокопревосходительному высокоповелительному и высокорожденному господину генералу фельдмаршалу лейб-гвардии Семеновского полку подполковнику и обоих российских орденов кавалеру

¹ К сожалению, подлинник оказался пока недоступен для исследования, поэтому работа проводилась по микрофильмированной копии. Таким образом, на момент написания этой статьи невозможно описать цвет чернил, особенности бумаги, наличие или отсутствие филиграней. Сделать точные выводы о времени создания сборника затруднительно, поэтому мы вслед за описью отнесем его ко 2-й половине XVIII в.

² Очевидно, поступил из собрания историка и краеведа Ю. В. Арсеньева (1857–1919).

Степану Федоровичу Апраксину. Всепокорнейшее приношение через капитана Ростовского пехотного полку князь Петра Мещерского в Риге».

Насколько можно судить по микрофильму, сборник может оказаться конволютом: каждое стихотворение (кроме «Стихов на желающих чести при дворе», разбитых на две части) попадает на отдельный набор листов, группы текстов написаны разными почерками. Однако если даже это так, сборник, скорее всего, был составлен в XVIII в. Во-первых, листы с похожим почерком помещены в начале и в конце сборника. Во-вторых, порядок следования стихотворений соотносится с другими сборниками XVIII в. «Стихи на желающих чести при дворе» и «Державнейший монарх, твой секретарь трудится» соответствуют их порядку в сборнике XVIII в., известном В. Г. Дружинину, а «Ныне употребляемое саксонским крестьянином "Отче наш"», по свидетельству Адриановой-Перетц, в рукописях XVIII в. нередко соседствует с «Гимном бороде» [Адрианова-Перетц 1936: 340]. В нашем сборнике два из этих четырех стихотворений переписаны почерками, схожими с почерком первого и двух последних текстов. Однако без доступа к подлиннику по одному черно-белому микрофильму надежно подтвердить характер сборника и однозначно соотнести почерки между собой не представляется возможным.

Однако когда бы ни был создан сам сборник, очевидно, что часть стихотворений достоверно соотносится с концом 1750-х гг. «Гимн бороде» М. В. Ломоносова датирован периодом между концом 1756 и февралем 1757 г. [Ломоносов 1959: 1060–1070]. История его появления и вызванная этим произведением полемика хорошо описаны (см. [Берков 1936: 195–239; Ивинский 2015: 127–137] и др.). Следующий за ним «Второй гимн бороде» не отделен от первого существенным временным интервалом и также условно относится ко второй половине 1750-х гг. [Берков 1936: 195–239].

Дискуссионна дата создания анонимной пародии «Ныне употребляемое саксонским крестьянином "Отче наш"». Составители сборника «Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков» отнесли ее по почерку двух известных им списков к последней четверти — концу XVIII в. [Вольная русская поэзия 1970: 778]. Однако В. П. Адрианова-Перетц, проанализировавшая шесть списков 2-й половины XVIII в. (наш сборник остался ей неизвестен), считала этот текст наиболее ранней из пародий-молитв и датировала его 1756 или 1757 г. (см. ее аргументацию, а также о традиции приписывать этот текст Ломоносову в: [Адрианова-Перетц 1936: 336–340]).

К этому же довольно узкому временному интервалу можно отнести и последний текст сборника — «Оду С. Ф. Апраксину» Петра Мещерско-

го, а также предваряющее этот текст стихотворное посвящение. Степан Федорович Апраксин (1702–1758), главнокомандующий в начале Семилетней войны (в 1756 г.), был отозван из армии 18 октября 1757 г., следовательно, два панегирических стихотворения в его честь не могли быть созданы позже этой даты.

Некоторую информацию о времени и поводе создания двух последних стихотворений сборника может дать упоминание в заголовке «Оды...» имени ее автора — князя Петра Мещерского, капитана Ростовского пехотного полка.

Ростовский пехотный полк действительно был активно задействован в Северной войне. 29 апреля 1757 г. в Риге он участвовал в церемонии перехода через Двину в присутствии Апраксина [Попов 1902: 354]. Церемония собрала много публики: «С распущенными знаменами, барабанным боем и музыкою проследовали полки; офицеры и знамена салютовали фельдмаршалу» [*Ibid.*]. Столь же подробное описание торжественного перехода через Двину мы находим в «Записках» А. Т. Болотова: Архангелогородский полк, где он служил, был в одной бригаде с Ростовским и Третьим Гренадерским полками (см. [Болотов 1851: 237–238]). Болотов не упоминает о каких-либо стихотворных подношениях фельдмаршалу, однако подробно описывает желание каждого полка показать себя перед начальством наилучшим образом [Болотов 1851: 238–239]. Кажется вполне вероятным, что стихотворные панегирики Апраксину могли быть поднесены (или написаны для подношения) именно по поводу этой торжественной церемонии. Поэтому важным элементом заголовка стало имя автора (что уже было характерно в это время для похвальных од³), а также указание на место торжественного события.

Петр Мещерский единственный раз упоминается в книге записей патентов, выданных Военной коллегией, по поводу производства в капитаны 25 апреля 1755 г. [Татарников, 1: 444]. В наиболее полной родословной росписи Мещерских⁴ для середины XVIII в. указано несколько Петров. Некоторые не подходят по деталям военной службы: Петр Семенович Мещерский (умерший до октября 1760 г.), был подпоручиком Луцкого драгунского полка; Петр Степанович (ок. 1729–1819) вышел в отставку в 1764 г. с чином капитана, но служил в Пермском пехотном полку; Петр Иванович (?–1758) был капитаном 2-го Артиллерийского полка, полковым квартирмейстером артиллерии

³ О частных и корпоративных панегириках и формировании указания на авторство в заголовках од 1730-х – 1750-х гг. см. [Погосян 1997: 85–123].

⁴ Подробный перечень известных представителей рода см. в [Головин 2017]; наиболее полная родословная роспись князей Мещерских см. на [Форум].

Обсервационного корпуса⁵. Остается два человека, информации о которых недостаточно. О Петре Васильевиче (1720/30-е – ?) известно, что он был премьер-майором в 1776 г.; о Петре Фаддеевиче (1730/40-е – после 1795) мы знаем только его чин – «капитан, костромской помешник», но нет никаких данных о месте службы и времени получения этого чина⁶. Таким образом, пока слишком мало данных, чтобы надежно связать кого-то из известных в документах Петров Мещерских с «Одой Апраксину»: капитан Ростовского пехотного полка может быть еще одним представителем разветвленного и многочисленного рода Мещерских, чье имя не попало в сохранившиеся документы эпохи.

В любом случае, подчеркнем, что пять стихотворений этого сборника надежно или предположительно созданы в узком временном интервале – 1756–1757 гг. Как мы увидим далее, есть возможность отнести и первое стихотворение сборника к близкомуциальному периоду.

2. «Сие пишет человек...»

Стихотворение «Сие пишет человек...» не имеет ни даты, ни указания на имя автора, поэтому все, что можно сказать о времени и поводе его создания, нам придется извлечь из самого текста.

Стихотворение написано астрофическим шестистопным ямбом с парной рифмовкой, т. е. alexandrijским стихом, наиболее распространенным размером XVIII в.: «[...] если содержание стихотворения не требовало отчетливых жанровых ассоциаций, то поэт выбирал для него 6-стопный ямб» [Гаспаров 2000: 63–64].

Рифмы за редким исключением грамматические (*пали – стали, преславной – равной, внимая – обретая* и т. д.); автор явно стремится к точности, но не всегда может подобрать удачные варианты. Бросается в глаза рифма *пределы – загремели* с графическим и фонетическим несовпадением заударного гласного (см. [Гаспаров 2000: 91]). В более раннее время это могло быть спровоцировано распространенной силлабической рифмой, обусловленной фонетическим совпадением *и / ы* в украинском языке; однако ни одного украинизма в самом тексте мы не находим, поэтому можно считать эту особенность результатом недостаточного мастерства поэта⁷.

⁵ Сохранились и были опубликованы его письма 1758 г. [Сдвижков 2019: 319–323].

⁶ Судя по данным справочника «Русское служилое дворянство», его продвижение по карьерной лестнице происходило в 1780-х гг. [Русское служилое дворянство 2003: 404]; в этом же издании отмечены упомянутые выше Петр Степанович Мещерский и Петр Мещерский, служивший в 1790-е гг.

⁷ В качестве еще одного украинизма можно было бы рассматривать форму *скаратъ*, характерную для украинского и польского языков, однако она встречается и в русских диалектах (отмечено для смоленских говоров в [СРНГ, 37: 390].

Жанр стихотворения не обозначен; оно явно сочетает разные элементы панегирической поэзии (похвальных од, поздравительных посланий, стихотворных фрагментов в описаниях фейерверков). Однако стихотворение «Сие пишет человек...» отличает редкая для жанровой системы классицизма «репортажность»: автор последовательно описывает читателю события, свидетелем которых он является. Нужно отметить, что здесь в какой-то степени образцом мог стать жанр настоящих газетных сообщений — прообраз репортажей, который начал развиваться в «Ведомостях» (см. [Западов 1973: 19]). Материалом для них нередко были дворцовые праздники, приемы послов, придворные церемонии — и в том числе фейерверки. Однако важнейшее их отличие от нашего стихотворения в том, что в газетных сообщениях события отстраненно перечисляются, но не описываются и не вводится фигура автора-зрителя. Например: «Ввечеру в галерее в высочайшем присутствии Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Феодоровича был бал, а по окончании онаго зажжен пред дворцом великолепной план фейерверка и иллюминация со многими увеселительными огнями» [Ведомости 1758]. Если в «Ведомостях» или «Ежемесячных сочинениях» появляются детальные описания фейерверков, то они обычно совпадают с опубликованными официальными текстами (ср., например, описание фейерверка 1 января 1756 г. в [Ровинский 1903: 252–255] и сокращение этого же описания в «Санктпетербургских ведомостях» в № 1 за 1756 г.). Очевидно, существовало интуитивно понятное жанрово-тематическое распределение: газетные сообщения протоколировали последовательность событий; изданные описания фейерверков позволяли увидеть образы в гравюрах и прочитать их аллегорическое значение; стихотворные тексты — перевести частное событие в план вечности, а также вербализовать коллективные чувства⁸, которые испытывают подданные и выражением которых является фейерверк.

Начиная с заголовка, стихотворение «Сие пишет человек...» не вписывается в эти традиции.

Ритмизированное название с неточной внутренней рифмой (*человек — фейерверк*) сразу смешает фокус внимания читателя на *новизну*

в древнерусских памятниках [СРЯ XI–XVII, 24: 177] и даже в переводах И. Горлецкого в 1-й трети XVIII в. (благодарю рецензента за эту информацию). Вероятно, эта лексема могла рассматриваться автором как допустимая в качестве «поэтической вольности». Поэтические руководства требовали избегать в высоких жанрах вульгарных, низких и диалектных слов, однако практика их использования в поэзии уже имела длительную историю (см. [Живов 2017: 1020; 1042–1044]) и не всегда авторы могли выдерживать «чистоту слога» на должном уровне.

⁸ Не случайно, в отличие от од, надписи на фейерверки даже в конце 1750-х гг. нередко остаются анонимными (см. о надписях [Костин 2013а; Костин 2013б]).

восприятия фейерверка. Но для кого фейерверки могли стать новым впечатлением? Как уже было сказано, с начала XVIII в. этот тип праздников становится крайне популярным (см. наиболее подробное исследование в [Алексеева 1978; Зелов 2002]), ими отмечают победы в войнах, их устраивают по поводу дней рождений и дней восшествия на престол монархов, фейерверками сопровождаются коронации, свадьбы; и одной из самых устойчивых традиций к середине века стало устройство «огненных картин» по поводу Нового года [Зелов 2002: 54–56, 201]. Однако все это касалось столиц и было связано с придворными праздниками, за пределы Петербурга и Москвы фейерверки выходили редко (см. географию фейерверков в [Зелов 2002: 71–72, 197–198]).

Следовательно, автор, выступая как «человек, не видавший никогда фейерверк», приравнивает себя к нестоличным читателям, для которых фейерверки не были регулярными событиями; они, однако, могли видеть сообщения в «Ведомостях», рассматривать гравюры, читать описания и сопровождавшие их стихотворные надписи. Поэтическую форму предполагал только последний жанр.

Однако анонимный автор не ориентируется на эту традицию: стихотворные надписи были включены в сценарий праздника и фактически не существовали вне более пространного текста — гравюр и сопровождавших их описаний. Создать такую «стихотворную надпись» «извне» праздника было невозможно.

Автор «Сие пишет человек...» стремится описать конкретный фейерверк, который увидел лично он — т. е. передать свои личные впечатления. Установка на достоверность описания конкретного события требует указания на время и повод мероприятия: «[...] начался новой годъ. прошелъ первейшей день. / простерлась ввоздухъ ночная уже тень». Автор видит «великолѣпной храмъ мѣ* хитростныхъ огней», окруженный «великимъ сонмомъ людей», к которому он и направляется. В этот момент начинается фейерверк.

Следующая часть описания сконцентрирована на внешних — телесных — проявлениях эмоций и чувств, которые возникают у автора: он, очевидно, знает, что такое фейерверк, но моделирует наивное восприятие огненного действия. При этом он использует весь набор поэтических — в первую очередь одических — штампов: земная твердь «ужасно встрепетала», она испускает громы. Упомянуты почти обязательные для од молнии и «перуны», которые регулярно обозначают работу артиллерии и становятся практически парадигмой военных действий (например, у М. В. Ломоносова в оде 1759 г.: «И сердце гордого Берлина, / Неистового исполнна, / Перуны, близ гремя, трясут» [Ломоносов 1959: 652]).

Однако, как кажется, анонимный автор был знаком не только с одицескими образцами. Строки «јзъ нѣдръ ея огни струямъ потекли, / ужасной Ѹеноменъ собой произвели» могут быть соотнесены с «Письмом о пользе стекла» М. В. Ломоносова 1752 г., где описывается извержение Этын: «Из ней разжженная река текла в пучину... / Но что ж от недр земных родясь произошло?» [Ломоносов 1959: 510]

Отметим заметное пристрастие анонимного автора к «научным словам»: *феномен* (и далее *элемент*) явно выбивается из обычного панегирического лексикона. Это слово встречается в газетных и журнальных сообщениях (преимущественно переводных — например, в «Московских ведомостях» в № 37 от 30 августа 1756 г.), в рукописных отчетах М. В. Ломоносова о работах в октябре 1756 гг.: «[...] в сосудах химических, из которых был воздух вытянут, показывали на огне минералы такие феномены, какие химикам еще не известны [...]» [Ломоносов 1952: 393].

В описании фейерверка анонимный автор подчеркнуто рационалистичен и даже научен. Вот как он показывает дым, на фоне которого загораются огни: «[...] мракъ пламенной⁹ згустиль воздушные предѣлы / помчались молнїи перуны загремѣли». Сгущение воздуха — тема, актуальная для научных работ М. В. Ломоносова, ср., например, с описанием опытов в «Волфианской экспериментальной физике» в переводе 1746 г. [Ломоносов 1950: 419–530]. В главе 6 «О парах и о дожде» (параграфы 96–98 —) Ломоносов так описывает эксперименты с огнем и воздухом в закрытом стеклянном колоколе: «Когда воздух реже становится, бывает пропорционально легче, а сгустившись, пропорционально тяжеle; [...] сожженные или каким другим образом исчезающие материи в ничто не обращаются, но только по воздуху рассыпаются и что ясный воздух не совсем чист от паров и курений, ибо они в редком воздухе видны бывают, а в густом, рассыпавшись, исчезают» [Ломоносов 1950: 460–461]¹⁰.

Показав читателю общую картину фейерверка, анонимный автор подробно каталогизирует чувства, которые охватывают его — зрителя:

страхъ слухъ мой поразиль ичлены онемѣли,
хладъ вкровь мою. вступиль јсилы ослабѣли.
лишатся нача^л чувствъ, јвне себе я сталъ.
ввосторгъ возхищень взираль јтрепеталь.

⁹ Отметим, что этот образ создается по ломоносовскому принципу «сопряжения далековыхидей» (см. [Тынянов 1977: 236–237]).

¹⁰ «Густой воздух» появляется у Ломоносова также в «Вечернем размышлении о божием величестве...»: Иль солнечны лучи блестят, / Склонясь сквозь воздух к нам густой [Ломоносов 1959: 122].

Здесь мы не находим никакого «одилического парения»; все чувства переданы примитивно, через физиологические проявления. Конечно, у автора пока нет разработанного лексикона сентиментализма, но нам кажется важным подчеркнуть сам факт обращения к личному впечатлению, к личным чувствам и ощущениям при описании события. Это совершенно нехарактерно для стихотворной традиции, сопровождающей фейерверки: «надписи на фейерверки» либо передавали аллегорическое содержание «огненных картин», либо сопровождали их поздравительным славословием императрице. Не найдем мы подобных описаний впечатлений и в прозаических репортажах: их задачей была фиксация цепи событий и действий, а не передача эмоций наблюдателя. Кажется, что ближайшими образцами здесь могли быть трагедии и элегии (которые создавались также alexандрийским стихом): именно в них в это время разрабатывается сам принцип описания человеческих чувств и эмоций (см., например, [Стенник 1991; Гуковский 2001: 72–116]; из более ранней традиции — песни и стансы (см. [Алексеева 2005: 219–221]).

Описав свои ощущения, поэт вводит в свое повествование персонажа: «великой видом муж» «свирѣпой элементъ [...] словомъ укротиль / ѹдѣиствїи¹¹ какъ хотель евѡ расположи^{лъ}». Затем он призывает божество, живущее в храме, и произносит поздравление императрице.

Слово *элемент* встречается в текстах первой половины века, но оно скорее употребляется как «ученый латинизм», нежели в научно-терминологическом значении: например, в НКРЯ оно отмечено в проповеди Феофана Прокоповича 1720 г. «Слово похвальное о флоте российском...» (ветр и море, яко непостоянныя элементы), а также в цитате из поэмы П. Буслаева «Умозрительство душевное...» 1735 г. (света элементы), процитированной В. К. Тредиаковским в статье «О древнем, среднем и новом стихотворстве российском» в «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих» в июне 1755 г. Автор слова *элемент* использует применительно к фейерверку: возможно, укрощение свирепого элемента — это разработка новых цветных огней, о которых писал Я. Штелин: «В результате расширенных упражнений и опытов в дальнейшем изобрели зеленый и другие прелестнейшие цветные огни [...]» [Штелин 1990: 249]; а новое его *расположение словом и действием* должно прочитываться как новый тип «машинных и художественных фейерверков», разработанный под руководством Дж. Сарти ([Штелин 1990: 249]; см. подробнее в [Костин 2013а: 64–65]).

¹¹ Слово *дѣиствїи* выступает здесь в церковнославянской форме Тв. п. мн. ч., что выглядит архаично, но, вероятно, вписывается в допустимые для автора «поэтические вольности».

Однако в «Ежемесячных сочинениях» за 1755 г. слово *элемент* встречается также в анонимной статье «О качествах стихотворца рас-суждение», автором которой, как установил Берков, был М. В. Ломоносов¹²: «Но когда он не изучен потребных к тому оснований, а именно: не искусен в Математике, в Химии, в истории натуральной, не знает правил Механических, Гидравлических и проч., то каким образом поступать он может в исследовании натуры, то есть свойства и соединения тел, в исчислении меры и веса, тягости и упругости воздуха и всех твердых и жидких тел, а из того заключать силы и действия Элементов одного на другой, перемены их и прочие бывающие от них же явления?»

Контекст, в котором употреблен «свирепой элемент», может вызвать ассоциации и с риторикой М. В. Ломоносова, в которой *расположение* является одной из четырех составных частей, однако сюжетно более близким нам кажется фрагмент «Программы» 1746 г. Рассуждая о пользе понимания того, как устроена природа (и дважды употребив слово *расположение* — сперва применительно к деталям часов, затем к органам), Ломоносов подводит итог: «Но кто [...] представляет еще все-сильного строителя и начальника натуры, взирает просвещенным и проницающим оком в сокровенные внутренности многообразных тварей, видит взаимным союзом соединенные и стройным чином расположенные их части, таинства иным несведомые, в которых непостижимая зиждителева премудрость тем великолепнее является, чем тончае есть оных строение, тот не токмо легкими крилами благоговения к небу восхищается, но и сам якобы в некое обожение приходит» [Ломоносов 1950: 534–535; курсив наш. — Е. К.].

«Великой видом муж» из нашего стихотворения фактически выступает таким обожествленным человеком: он проявляет свою власть над стихиями, укрощая «свирепой элемент» словом и действием — расположением по своему желанию. В контексте описаний фейерверков можно было бы ожидать, что это традиционная аллегорическая фигура типа Гения или Славы, однако автор сразу раскрывает тайну: окружающие автора зрители фейерверка называют его «министромъ воино^м россійскимъ с(ы)но^м». Его имя любезно автору: «Неужели сие нашъ щедрой меценатъ, / спросиль я нѣтъ евѡ достойнои братъ. / ω^твѣтствовали мнѣ обѣихъ прославляя».

Как кажется, для этого временного отрезка достаточно надежно можно соотнести фигуры братьев — мецената и воина-министра — с братьями Шуваловыми. Иван Иванович Шувалов (1727–1797) рассматривается учеными как один из наиболее значимых по влиянию вельмож-меценатов (в целом о значении фигур мецената для формирования

¹² Об авторстве М. В. Ломоносова см. [Берков 1935б].

литературной культуры этого периода см. [Гуковский 1936; Осповат 2020]; об употреблении слова «меценат» в поэтических текстах Ломоносова и его современников см. [Кочеткова 2008; Абрамзон 2011]). Автор стихотворения приравнивает себя к клиентам мецената-Шувалова; следовательно, именно среди лиц, связанных с И. И. Шуваловым различными финансовыми связями, есть шанс его найти. В этом контексте становится очевидной и причина общей эстетической и идеологической ориентации автора если не лично на Ломоносова, то как минимум на близкие ему круги.

Воином и министром, который «укрощает свирепой элемент» и произносит стихотворное поздравление императрице, в таком случае оказывается двоюродный брат Ивана Ивановича Петр Иванович Шувалов (1711–1762) – министр, сенатор, генерал. Его описание в качестве «великого видом мужа», который обладает почти божественной властью над фейерверком, легко объяснимо: будучи генерал-фельдцейхмайстером, он с мая 1756 по октябрь 1761 г. руководил артиллерией; именно его любовь к фейерверкам вывела придворные праздники на совершенно новый уровень [Штелин 1990: 247–249]. В некотором смысле фейерверки «шуваловского» типа были действительно чем-то, чего раньше не видели. И если эта интерпретация верна, то стихотворение не могло быть создано ранее 1 января 1757 г.

Интересна трансформация, которая происходит с повествованием: здесь, оторвавшись от описания того, что было в реальной жизни, автор перемещается вслед за фейерверком в условный план «возвышенного» и описывает уже то, что подразумевается, стоит за внешней стороной праздника. Конечно, П. И. Шувалов не выходил сам на сцену и не произносил сам никаких поздравительных стихов. Фигура «великого видом мужа» здесь – такая же аллегорическая условность, как *Россия*, *Слава* или *Петр Великий*, которым в разных одах и надписях приписаны те или иные строки. Все участники праздника, в том числе остающиеся за кадром П. И. Шувалов, Елизавета и авторы самого проекта фейерверка, одновременно играют свои роли в «сценарии власти» (пользуясь терминологией Р. Уортмана [Уортман 2004: 22]): их действия в реальном мире осмысляются аллегорически и создают символический план события, который довольно точно отражен в стихотворении. Фейерверк в интерпретации анонимного автора оказывается личным поздравлением и декларацией верности П. И. Шувалова, которые он от имени всех россиян предъявляет императрице. А маска наивного зрителя, впервые увидевшего фейерверк, должна только подчеркнуть искренность восторга анонимного автора перед могуществом людей, в чьей власти укroщение стихии огня.

«Поздравительная речь», которую произносит «великой видом муж», содержит основные темы стихотворных надписей на фейерверки периода Семилетней войны: это поздравление монархии с Новым годом, пожелание побед над врагами и спасения союзников («что^б гордые враги по^дмышцей твоей пали // союзники ω^тбѣдъ спасенны тобой стали. // что^б мечь блеснувшей твой народы усмири^л // преступниковъ скара^л и миръ во^зстановиль»).

Здесь анонимный автор вновь обращается к штампам, повторяющимся в панегирических стихотворных текстах. Однако расположение тем поздравления оказывается ближе всего к стихотворному фрагменту «Описания огненного представления» А. П. Сумарокова 1760 г. [Сумароков 1787: 317–322, о нем см.: Костин 2013б].

«Сие пишет человек...»

дасей скончавши го^д побѣдоу
преславнои
въкъ вздравїи поживешъ щедрота^м
твоимъ равнои

пространныхъ силны^х царствъ
владычица има^т

счастливой твой наро^д являеть все^м огнѣ.
јверность и любовь МОНАРХІЯ ктебѣ,

«Описание огненного представления»

Победы миром окончай,
И славу славой увенчай!
[...]
Умножь ЕЯ Ты дни,
И здравие невредно сохрани!

О САМОДЕРЖИЦА великой части
света!

Взгляди
ЕЛИСАВЕТА,
На представляемы перед Тобой огни!
Так жарко наши все сердца к Тебе
пылают,
И так они
Свои в молении в верых искры
возсылают.

Совпадает даже необычное начало текстов: описание Сумарокова начинается с «Год новой зачался» [Сумароков 1787: 319]; ср. с «Начался новый год» в нашем анонимном стихотворении.

Стихотворные надписи из описаний других лет тематически находятся дальше.

Анонимное стихотворение из описания фейерверка 1 января 1758 г. тему военной победы раскрывает метафорически, через образы поверженных титанов (Заносит новый гром на злых Елисавета, / Гасит огнями огнь пылающего света; [Гиганты] Почувствуют ея божественные руки; / Стремглав повержены, дадут паденьем звуки; / И молния ея преобретится в свет, / Который тишину всеобщую прольет [Костин

2013а: 81]). Атрибутированная Ломоносову надпись на фейерверк 1 января 1759 г. не содержит темы военной победы, заменяя ее более абстрактной победой над пороками (Ты силою ЕЯ сотри противных рог [...] Злодеев разруши намеренья высоки, / Ее добротами низвергни все пороки [Костин 2013а: 71]); в ней также отсутствует пожелание здоровья императрице. Анонимное стихотворение из описания 1761 г. раскрывает тему военных побед через образ покоренного Берлина, но, как кажется, дальше отстоит тематически и лексически от стихотворных фрагментов описания Сумарокова 1760 г.: Возвысятся свои, повергнутся злодеи, / Умалятся враги, умножатся трофеи, / Пребудет дух Ея, как был, в союзе тверд, / На мир, на брань готов, в победах милосерд¹³.

Таким образом, вероятность, что текст описания Сумарокова 1760 г. был знаком нашему анонимному автору, кажется достаточно высокой. Можно ли подтвердить ее другими данными?

Семилетняя война началась в 1756 г., следовательно, самой ранней датой описываемого фейерверка может быть 1 января 1757 г., а самой поздней – 1 января 1761 г. (что совпадает с годами «шуваловских» фейерверков).

Описания этих фейерверков, приведенных Д. А. Ровинским, и сохранившиеся гравюры позволяют соотнести отдельные детали стихотворения с реальными «огненными картинами». Ключевые образы – это храм, окруженный великим сном людем (здесь непонятно, идет речь о публике или об аллегорических фигурах), и божество, обитающее в храме, которое призывает «великой видом муж». Храмы с жертвениками или фигурами божеств были одной из самых распространенных тем «огненных картин» (наряду с садами – см. [Дедова 2011: 14–17]), однако в пяти нужных нам новогодних фейерверках все храмы выглядят по-разному.

Фейерверк 1 января 1757 г. представлял собой полукруглую колоннаду, перед которой сидела фигура России со щитом; между колоннами находились шесть аллегорических фигур с надписями, перед ними – жертвенник и четыре маленьких гения, а вверху в облаках – «гений, сплющий цветы из рога изобилия» [Ровинский 1903: 257]. Как кажется, этот фейерверк меньше других похож на описанный в стихотворении.

Фейерверк 1 января 1758 г. в качестве центральной картины показывал горящую гору и Минерву: она своим громом поражает Гигантов, отчего они «опровергаются и покрываются развалинами горы» [Ровинский 1903: 258]; затем был представлен «храм славы иллюминован и украшен емблемами, статуями и разными огнями» [Ibid.]. Можно увидеть параллели с описанием огненных рек и землетрясения в начале стихотворения, однако непонятно, следует ли говорить о Славе как о

¹³ Опубликовано в: [Костин].

божестве внутри храма. Кроме того, храм появляется только в finale фейерверка 1758 г., а в нашем стихотворении храм, окруженный сонмом людей, представлен до начала самого действия.

В фейерверке 1 января 1759 г. в центре сюжета была битва с пороками: он начинался с горы, на которую старались подняться «тиранские пороки», а добродетели свергали их в пропасть [Ровинский 1903: 261–263]. В третьем действии появлялся прекрасный сад, в четвертом — театр с трофеями и в отдалении «отверстой еще Янусов храм» (что объясняется идущей войной [Ровинский 1903: 262]). Если рассматривать этот фейерверк как основу для нашего стихотворения, то призыв божества — Януса — звучит несколько странно.

Фейерверк 1 января 1760 г., как кажется, и визуальном плане больше других отвечает описанной в стихотворении картине: он открывался изображением сражения при Франкфурте; в описании отдельно подчеркивается, что следующая картина начинается «по скончании грома (от пушек и увеселительных огней)» [Ровинский 1903: 264]. Центральным компонентом праздника был Храм Славы Петра Великаго, «яко основателя ныняшняго России благополучия» [Ibid.: 265]: «У преддверия сего Храма изображены шесть Российских Государей, три великия Князя, Владимир, Александр, Димитрий, и три Царя, Иоанн Васильевич, Михаил Феодорович, Алексей Михайлович... Сквозь двери, внутри Храма виден поясной образ Велик. Монарха, госуд. Имер. Петра Великаго. Над дверьми Храма изображено Всевысочайшее Имя Ея Импер. Величества» [Ibid.]. В целом, как кажется, это соотносится с храмом, окруженным «великим сонмом людей». Хотя вновь порядок компонентов не совсем соответствует описанию, в контексте этого фейерверка призыв к «божеству», живущему в храме, выглядит вполне логичным и вписаным в общую панегирическую традицию эпохи и соотносится с текстом в «Описании»: «Се щастья твоего, Россия, Основатель / Премудрости тебе Податель. / И славы твоей Творец, / Отечества Отец, / Врагов твоих разитель, / И твой Преобразитель» [Сумароков 1787: 322].

В фейерверке 1 января 1761 г. также использовался образ храма посреди «всероссийского государства»: на его фронтоне сидели «Ревность к Вере» и «Сила государства», а внизу стояли «Слава Российской» и «Знатность Российского государства во всех народах» [Ровинский 1903: 267]. Внутри храма, однако, мы не находим божества, которое можно было бы призывать; вместо него «внутри Храма виден желания жертвенник, на котором возженная [...] жертва изображает усерднейшая желания предстоящих между столбами около всего здания Радости и Почтения, Любви и Верности, Усердия и Храбрости всех верноподданных и обще всех жителей пространного Российского государства» [Ibid.]. В

третьем действии появляется сад, огненный фонтан и огненный каскад, «которой [...] впадает в бассейн; а из онаго по всему саду разливается» [Ibid.]. Очевидно, что и здесь визуальный ряд довольно существенно отличается от описываемого в стихотворении.

Мы видим, что компоненты новогодних фейерверков действительно повторяются в разные годы: храмы с разными персонажами или предметами внутри, горы, огненные реки, громы и молнии, аллегорические фигуры, — все это автор мог увидеть в любом новогоднем фейерверке (и некоторых неновогодних). Как нам кажется, пока нет окончательных аргументов в пользу того или иного фейерверка; часто используемые компоненты «огненных картин» автор мог расположить не по «репортажной хронологии», а в соответствии с риторической и поэтической задачей, стоявшей перед ним. Однако наиболее близким по визуальному и символическому ряду кажется фейерверк 1 января 1760 г.

Что же мы можем узнать из текста стихотворения об авторе — человеке, который «впервые» увидел фейерверк?

Адресатом стихотворения должен был выступать кто-то из братьев Шуваловых (скорее П. И. Шувалов, чья фигура «великого мужа» оказывалась в центре повествования и чья роль в распространении моды на фейерверки была хорошо известна всем — см. [Штелин 1990: 257–259]). Возможно, автор каким-то образом связан с И. И. Шуваловым (именно его он вспоминает первым делом, слыша «любезное имя», и по отношению к себе он считает его *меценатом*). Появление в сборнике копий «Гимна бороде» и «Второго гимна бороде» (а также «Ныне употребляемого саксонским крестьянином “Отче наш”») в этом контексте не выглядит случайным.

Анонимный автор интересуется наукой, знаком с естественнонаучной терминологией; возможно, он читает «Ежемесячные сочинения» и «Ведомости». Он знаком с произведениями Ломоносова и других писателей-современников, но их эстетические споры для него не значимы. Стараясь добиться гладкости шестистопного ямба, автор свободно использует «поэтические вольности», вводя как явно просторечные формы (*скарапл, имям вм. именем*), так и архаично-церковнославянские (*действии вм. действиями*); стремясь к созданию приличного «подносного» произведения, он свободно помещает рядом с одицескими *перунами* научные *феномены и элементы*. Автор — не самый искусный версификатор; если он и был знаком с идеями М. В. Ломоносова о трех стилях, применить их на практике он не умел. Однако он усвоил общие представления новой литературной культуры о том, какими должны быть стихотворения, и в меру сил стремится подражать своим образцам.

К сожалению, единственное имя, которое содержится в этом сборнике, как уже было сказано выше, — это имя князя Петра Мещерского, капитана Ростовского пехотного полка, написавшего в 1757 г. как минимум одно панегирическое стихотворение, обращенное к С. П. Апраксину. Нельзя утверждать, что ему же принадлежит стихотворение «Сие пишет человек...»: даже похожесть почерков может свидетельствовать только об одном переписчике. Поэтому, пока не найдены другие документы, связанные с Петром Мещерским, нельзя прояснить связь между его стихотворениями и другими текстами нашего сборника. Стихотворение «Сие пишет человек...» приходится считать анонимным и датировать его всем периодом Семилетней войны, т. е. 1757–1761 гг.

Библиография

Интернет-ресурсы

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

Форум

Форум союза возрождения родословных традиций (<https://forum.svrt.ru/topic/6872-князья-мещерские>).

Источники

Алексеева 1978

Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века. Каталог выставки [в Государственном Русском музее], автор вступ. статьи и сост. каталога М. А. Алексеева. Л., 1978.

Болотов 1851

Болотов А. Т., *Записки*, 1, С.-Петербург, 1851.

Ведомости 1758

Ведомости, 1758, 1.

Дружинин 1887

Дружинин В. Г., Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира, *Журнал министерства народного просвещения*, CCLIV, 194–204.

— 1950

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений*, Москва, Ленинград, 1950–1983. Т. 1: *Труды по физике и химии*, 1738–1746, Москва, Ленинград, 1950.

— 1959

Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 8: *Поэзия, ораторская проза, надписи*, 1732–1764, Москва, Ленинград, 1959.

— 1952

Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 10: *Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг.*, Москва, Ленинград, 1952.

Сумароков 1787

Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного ... Александра Петровича Сумарокова, 1, Москва, 1787.

Попов 1902

Попов Н. Н., *История 2-го гренадерского Ростовского полка. Том 1. «Новоприборные солдаты» – «Фузилеры» – «Мушкетеры» (1700–1762)*, Москва, 1902.

Ровинский 1903

Ровинский Д. А., *Обозрение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций*, С.-Петербург, 1903.

Рукописное собрание 1980

Рукописное собрание ЦГАДА. Ф. 188. Опись 1. 1831 ед. хр. XIII–XX вв., Москва, 1980.

Русское служилое дворянство... 2003

Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795), В. П. Степанов, сост., С.-Петербург, 2003.

Татарников, 1–2

Татарников К. В., сост., вступ. ст., оформл., «Известно и ведомо да будет каждому...» *Книга записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. Регест в 2-х томах*, М., 2020.

Штелин 1990

Записки Яакова Штелина об изящных искусствах в России, 1, Москва, 1990.

Литература

Абрамзон 2011

Абрамзон Т. Е., Из истории слова Меценат (материалы к энциклопедическому словарю «М. В. Ломоносов»), *Проблемы истории, филологии, культуры*, 2011, 3 (33), 336–341.

Адрианова-Перетц 1936

Адрианова-Перетц В. П., Образцы общественно-политической пародии XVIII – нач. XIX в., *Труды отдела древнерусской литературы*, III, Москва, Ленинград, 1936, 335–366.

Берков 1935а

Берков П. Н., Из истории русской поэзии первой половины XVIII века (К проблеме тонического стиха), *XVIII век. Сборник статей и материалов*, 1, Москва, Ленинград, 1935, 61–81.

— 1935б

Берков П. Н., Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века. 1. Анонимная статья Ломоносова (1755), *XVIII век. Сборник статей и материалов*, 1, Москва, Ленинград, 1935, 327–351.

— 1936

Берков П. Н., *Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765*, Москва, Ленинград, 1936.

Вольная русская поэзия 1970

Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв., Рейсер С. А., сост., подг. текста, вступ. зам. и примеч., Ленинград, 1970.

Гаспаров 2000

Гаспаров М. Л., *Очерк истории русского стиха*, Москва, 2000.

Головин 2017

Головин П. А., Ветви рода князей Мещерских в документах и воспоминаниях, *Вспомогательные исторические дисциплины*, XXXVI, С.-Петербург, 2017, 295–358.

Гуковский 1936

Гуковский Г. А., *Очерки по истории русской литературы XVIII в.: дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х гг.*, Москва, Ленинград, 1936.

— 2001

Гуковский Г. А., Элегия в XVIII веке, *Idem, Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века*, Москва, 2001, 72–116.

Дедова 2011

Дедова Е. Б., *Аллегорические образы в искусстве фейерверков и иллюминаций в России середины XVIII в.: К проблеме панегирического направления художественной культуры Елизаветинского времени*. Автореф. ... дисс. канд. искусствоведения, Москва, 2011.

Живов 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, в 2-х тт., II, Москва, 2017.

Западов 1973

Западов А. В., *История русской журналистики XVIII–XIX веков*, Москва, 1973.

Зелов 2002

Зелов Д. Д., *Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы*, Москва, 2002.

Ивинский 2015

Ивинский Д. П., *Ломоносов в русской культуре*, Москва, 2015.

Костин

Костин А. А., *Зачем жгли фейерверки в XVIII веке* (<https://arzamas.academy/materials/1196>).

— 2013а

Костин А. А. Стихотворные надписи в описаниях фейерверков 1758 и 1759 годов (опыт атрибуции Ломоносову), *Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7. М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века*, Москва, С.-Петербург, 2013, 61–82.

— 2013б

Костин А. А., Участие А. П. Сумарокова в подготовке фейерверка на новый 1760 год (по материалам архива Военно-Исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи), *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2013 года*, II, С.-Петербург, 2013, 367–374.

Кочеткова 2008

Кочеткова Н. Д., Образ мецената в представлениях русских писателей XVIII века, А. М. Панченко и русская культура. Исследования и материалы, С.-Петербург, 2008, 87–97.

Осповат 2020

Осповат К. А., *Придворная словесность. Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века*, Москва, 2020.

Погосян 1997

Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг., Тарту, 1997.

Сдвижков 2019

Сдвижков Д. А., *Письма с Прусской войны. Люди Российской-императорской армии в 1758 году*, Москва, 2019.

Стенник 1991

Стенник Ю. В., Жанр трагедии в русской драматургии XVIII века, *Русская литература. Век XVIII. Трагедия*, Москва, 1991.

СРНГ, 1–52

Словарь русских народных говоров, 1–52, С.-Петербург, 1965–2021.

СРЯ XI–XVII, 1–30

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30, Москва, 1975–2015.

Тынянов 1977

Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр, *Idem, Поэтика. История литературы. Кино*, Москва, 1977, 227–252.

Уортман 2004

Уортман Р. С., *Сценарии власти. Миры и церемонии русской монархии*, в 2-х тт. Т. 1., Москва, 2004.

References

- Abramzon T. Ye., Etymological Background of the Word *меценат* (Maecenac) (For the Encyclopedic Dictionary "M. Lomonosov"), *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2011, 3 (33), 336–341.
- Adrianova-Peretts V. P., Obraztsy obshchestvenno-politicheski parodii XVIII – nach. XIX v., *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 3, Moscow, Leningrad, 1936, 335–366.
- Gasparov M. L., *Ocherk istorii russkogo stikha*, Moscow, 2000.
- Golovin P. A., Vetvi roda kniazei Meshcherskikh v dokumentakh i vospominaniakh, *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 36, St. Peterburg, 2017, 295–358.
- Gukovsky G. A., Elegia в XVIII veke, *Idem, Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka*, Moscow, 2001, 72–116.
- Ivinsky D. P., *Lomonosov v russkoi kul'ture*, Moscow, 2015.
- Kostin A. A., Stikhotvornye nadpisi v opisaniakh feierverkov 1758 i 1759 godov (opyt atribut-sii Lomonosovu), *Chtenija otdela russkoi literatury XVIII veka. Vyp. 7. M. V. Lomonosov i slovesnost' ego vremeni. Perevod i podrazzhanie v russkoi literature XVIII veka*, Moscow, St. Petersburg, 2013, 61–82.
- Kostin A. A., Uchastie A. P. Sumarokova v podgotovke feierverka na novyi 1760 god (po materialam arkhiva Voenno-Istoricheskogo muzeia artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svazi), *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 15–17 maia 2013 goda*, 2, St. Peterburg, 2013, 367–374.
- Kochetkova N. D., Obraz metsenata v predstavleniakh russkikh pisatelei XVIII veka, A. M. Panchenko i russkaia kul'tura. *Issledovaniia i materialy*, St. Peterburg, 2008, 87–97.
- Ospovat K. A., *Pridvornaia slovesnost'. Institut literatury i konstruktsii absolutizma v Rossii serediny XVIII veka*, Moscow, 2020.
- Pogosian E. *Vostorg russkoi ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg.* Tartu, 1997.
- Sdvizhkov D. A., *Pis'ma s Prusskoi voyni. Liudi Rossiisko-imperatorskoi armii v 1758 godu*, Moscow, 2019.
- Stennik Yu. V., Zhanr tragedii v russkoi dramaturgii XVIII veka, *Russkaia literatura. Vek XVIII. Tragediya*, Moscow, 1991.
- Tunyanov Yu. N. Oda kak oratorskii zhanr, *Idem, Poetika. Istoriiia literatury. Kino*, Moscow, 1977, 227–252.
- Wortman R. S., *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii*, in 2 vols., 1., Moscow, 2004.
- Zapadov A. V., *Istoriia russkoi zhurnalistiki XVIII–XIX vekov*, Moscow, 1973.
- Zelov D. D., *Oftsial'nye svetskie prazdniki kak iaylenie russkoi kul'tury kontsa XVII – pervoi poloviny XVIII veka: Istoriia triumfov i feierverkov ot Petra Velikogo do ego docheri Elizavety*, Moscow, 2002.
- Zhivotov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, in 2 vols., 2, Moscow, 2017.

Екатерина Игоревна Кислова, кандидат филологических наук,

доцент Школы филологических наук

Факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, г. Москва, ул. Старая Басманская, д. 21/4

Россия / Russia

ekislova@hse.ru

Received June 5, 2023

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст публикуется с сохранением оригинальной орфографии; сокращения под титлами раскрыты в скобках, оригинальная пунктуация и слитные написания сохранены; надстрочные знаки убраны как нерегулярные.

л. 1.

сие пишетъ ч(е)л(о)вкъ невидавшѣй никогда ѿенирверкъ

начался новой годъ. прошелъ первейшей¹⁴ день.
простерлась ввоздухъ ночная уже тень.
спокойные часы для смертныхъ всѣхъ настали.
ночто застанныя виденья мнѣ представали.
великолѣпной храмъ мѣжъ хитростныхъ огней
ѡбемлетъ евѡ вкругъ великой сонмъ людемъ.
веселая молва ме^ж ими протекаетъ;
ѡрадою ср҃ца ѡчувства наполняетъ;
приятной сей предметъ егда лишь усмотрѣлъ
споспешностью тотъ часъ кнemu я полетелъ

новдругъ земная твердь ужасно встрепетала,
разверзлася она ѡгромы испускала,
јзъ нѣдръ ея огни струями потекли,
ужасной ѿеноменъ собои произвели.
мракъ пламенной згустилъ воздушные предѣлы
помчались молнїи перуны загремѣли,
казалось что совсѣмъ мятется естество
иль стало рушится вселенной существо.
страхъ д(у)хъ мой поразилъ ичлены онемѣли,
хладъ вкровь мою. вступилъ ѡсили ѿслабѣли.
лишатся нача^л чувствъ, јвне себе я сталъ.
ввосторгъ вѡзхищенъ взиралъ ѡтрепеталъ.

вомракъ вмолнїи ме^ж вихреи межъ громами.
великои видомъ му^ж представаль мнѣ предглазами
свирипой элементъѡ^н словомъ укротилъ

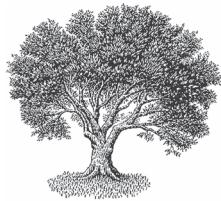
¹⁴ В ркп. ошибочно *первервейшей*.

л. 1 об.

јдѣиствіи какъ хотелъ еѡ расположи^{лъ}
 кохраму ω^братясь ѿнъ руки простираеть
 живуще божествѡ воѡномъ призываєтъ.

пространныхъ силны^х царствъ владычица има^т
 дадасть тебѣ творецъ счастливо го^д начать.
 что^б гордые враги по^дмышней твоей пали
 союзники ω^тбѣдъ спасенны тобой стали.
 что^б мечь блеснувшей твой народы усмири^л
 преступниковъ скара^л и миръ во^зстановилъ.
 дасей скончавши го^д побѣдоу преславной
 вѣкъ вздравїи поживешъ щедрота^м твоимъ равно^и
 счастливой твой наро^д являеть все^м огнѣ.
 јверность и любовъ МОНАРХІЯ ктебѣ,

Усердныя слова прилѣжнѡ всякъ внимая.
 јмыслей точное внихъ сходствѡ обрѣтая.
 вѣщавшему хвалы достоиня даютъ,
 министромъ воино^м россійскимъ с(ы)но^м чту^т
 дѣла еѡ для всѣхъ полезные считаютъ.
 и имамъ для меня. любезнымъ называютъ.
 неужели сие нашъ щедрой меценатъ,
 спросилъ я нѣть еѡ достойной братъ.
 ω^твѣтствовали мнѣ обѣихъ прославляя.
 вѣкъ славной счастливой ѡдолгои и^м желая.
 потомъ узнавъ я все что видѣ^л предсобои
 свеселиемъ пошелъ возвратнѡ взять покой.

**Исследования по
славянской этимологии
с семантическим
акцентом в работах
Жофии Шарапатковой**

[Рец.: Šarapatková Ž., Slova a věci. Etymologické etudy, *Prameny české etymologie 1*, Bohumil Vykypěl, Vít Boček, red., Praha: NLN, 2022]

Жанна Жановна Варбот

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

**Studies on Slavic
Etymology with the
Semantic Accent
in the Works by
Žofia Šarapatková**

[Rev. of: Šarapatková Ž., Slova a věci. Etymologické etudy, *Prameny české etymologie 1*, Bohumil Vykypěl, Vít Boček, red., Praha: NLN, 2022]

Zhanna Zh. Varbot

Institute of Russian Language RAS,
Moscow, Russia

Резюме

Брненский этимологический коллектив начинает публикацию серии «Prameny české etymologie». Серию открывает сборник трудов одного из авторов недавно завершенного этимологического словаря старославянского языка Ж. Шарапатковой. Сборник состоит из 20 статей, предисловия Б. Выклипела, библиографии трудов автора, библиографии об авторе и указателей. Почти все статьи посвящены этимологическому анализу старославянской лексики с акцентом на семантический анализ, что усиливает аргументацию в поддержку многих структурных решений. На базе конкретной этимологизации автор рассматривает методические проблемы славянской этимологии: значение и специфику

Цитирование: Варбот Ж. Ж. Исследования по славянской этимологии с семантическим акцентом в работах Жофии Шарапатковой // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 339–343.

Citation: Varbot Zh. Zh. (2023) Studies on Slavic Etymology with the Semantic Accent in the Works by Žofia Šarapatková. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 339–343.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.10

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

привлечения к этимологизации славянской лексики редких слов, диалектной лексики, а также роль народной этимологии в истории лексики и в научной этимологии.

Ключевые слова

этимология, старославянская, праславянская и чешская лексика, семантический анализ, методика славянской этимологии

Abstract

The Etymological group of Brno begins the publication of a new series: "Prameny české etymologie" ["Sources of Czech etymology"]. The series opens with a collection of articles by Ž. Šarapatková, one of the authors of the recently completed Old Church Slavonic etymological dictionary [*"Etymologický slovník jazyka staroslověnského"*]. The collection comprises 20 articles, B. Vykypl's preface, a bibliography of the author's works, a bibliography about the author, and indeces. Almost all articles focus on etymological analyses of the OCS lexicon with special attention to semantic aspects, which strengthens the argumentation in support of structural reconstructions. Based on particular etymologies, the following methodical problems of etymology are discussed: the importance and specifics of including rare words and dialect lexicon, and the role of folk etymology in the history of the lexicon and scholarly etymology.

Keywords

etymology, Old Church Slavonic, Proto-Slavic and Czech lexicon, semantic analysis, methods of Slavic etymology

Брненский этимологический коллектив, недавно завершивший создание нового фундаментального этимологического словаря старославянского языка [Slovník, 1–21], начинает публикацию весьма содержательной, перспективной и чрезвычайно ценной для этимологов серии «Prameny české etymologie». Серию открывает сборник трудов Жофии Шарапатковой, одного из старейших, заслуженных и опытнейших членов Брненского этимологического коллектива. Сборник объединяет 20 статей, которые предваряются предисловием Б. Выкипела и за которыми следуют Библиография работ Ж. Шарапатковой, список литературы о ней, использованная литература, расшифровка принятых сокращений старославянских источников, библейских книг, языков и др.

Объединение в сборнике авторских статей, опубликованных ранее в различных периодических изданиях и сборниках и содержащих решения/толкования, частично отраженные в коллективном «Этимологическом словаре старославянского языка» (см. выше), предоставляет очень ценную для славистов, прежде всего старославянистов и этимологов, возможность ознакомления с этимологическими интересами и достижениями автора по значительной части трудов. В очень содержательном предисловии Б. Выкипела названы три направления исследований Ж. Шарапатковой: лексикология старославянского языка, синтаксис, грамматика. В рецензируемом сборнике представлены в основном работы по лексикологии старославянского и чешского языков, с преобладанием анализа семантики и этимологии. Это соответствует общему методологическому

принципу Брненской этимологической школы — *Wörter und Sachen*, декларированному в названии сборника и неизменно реализуемому во всех статьях: стержнем исследования и фундаментом как историко-лексикологических, так и этимологических построений является семантический анализ. Это бесспорно самая яркая черта представленных работ. В большинстве статей целью автора является собственно определение значения старославянских лексем, чешских, русских. Автор предлагает обширный фон семантической реализации каждой анализируемой лексемы и убедительным анализом подводит исследование к формулировке ее значения. Таковы разработки о старославянских названиях вредителей растений [Šarapatková 2022: 75–77], о развитии значения др.-русск. *лядвея* < праслав. **lēdvičja* ‘почки’ → переносн. ‘бедро’ [Ibid.: 17–18], о появлении значения ‘быстрый, скорый’ у продолжений праслав. **jēdrъ* как результат детализации исходного ‘хороший, достойный, желательный’ [Ibid.: 40–41], о развитии символики верховенства в чешских лексемах с первичной семантикой ‘ветка, прут, палка’ [Ibid.: 71–74], о первичности значения ‘урожай’ для ст.-слав. *плѣнъ* [Ibid.: 44–46] и ‘угождать’ для ст.-слав. *говѣти* [Ibid.: 46–48]. Семантический анализ служит «вещным» обоснованием признанных в структурном отношении этимологических толкований: ст.-слав. *покрѣтъ* — реконструкция значения *‘размолотое зерно’ [Ibid.: 52–54], накладь ‘острие’ [Ibid.: 11–12], ц.-слав. *остегъ* *‘одежда, скрепляемая, вероятно, на плече застежкой, иглой или пряжкой’ [Ibid.: 12–16]. Выяснение значения лексем путем семантического анализа текстов/употреблений слов приводит к убедительным решениям об источниках заимствований: см. разработки о происхождении ст.-слав. *оклашъ* (< лат. *oblata*, [Ibid.: 8–10]), *папърть* (< греч. *παραπότιον*, [Ibid.: 35–38]), чеш. *johanek* ‘участок покоса’ (< нем. *швейц. jahn*, [Ibid.: 49]). Именно уточнение семантики ст.-слав. *милосѣрдъныи* и лат. *misericors* с обнаружением существенных различий в семантике первых членов сложений: *милъ* ‘милостивый’ и *miser* ‘несчастный, убогий’ — послужило обоснованием предположения о комбинированном калькировании в старославянском не латинского слова, а др.-в.-нем. *miltherzi* ‘милосердный, имеющий со-страдательное сердце’ [Ibid.: 79–83].

Конкретные этимологические разработки в статьях Ж. Шарапатковой служат базой для обсуждения ряда методических проблем современной славянской этимологии. Анализ истоков ошибочных построений других авторов (необоснованная реконструкция праслав. **lykati* на базе недостоверных словарных материалов, ложная семантика и этимология ст.-слав. *прѣкъно*: не ‘древесина дуба’ < и.-е. **perkʷus* ‘дуб’, а ‘обтесанный кусок дерева, доска’ < и.-е. **per-* ‘бить, сечь’) служит напоминанием о необходимости особо тщательной проверки достоверности единичных фиксаций форм и значений, представленных в словарях, причем эта проверка должна предварять этимологизацию [Ibid.: 19–23]. Следует отметить, что автор признает трудность такой проверки, хотя все-таки отдает предпочтение выборке лексических материалов из текстов. Впрочем, собственный авторский анализ ситуации со ст.-слав. *прѣкъно* обнаруживает уязвимость позиции категорического предпочтения текстов словарю, поскольку в этом случае сложным оказывается толкование именно противоречивых текстовых свидетельств [Ibid.: 21–23].

В статье «Význam nářečního lexika pro etymologii» [Ibid.: 24–29] на примере семантического и этимологического анализа славянских слов автор показывает

информационные возможности диалектной лексики: слвц. диал. *paskala* ‘беспрядок, шум’ и польск. диал. *paškawa* ‘злоба’, родственные с лит. *paskalà* ‘рассказ, разговор’, являются неизвестными славянским литературным языкам производными от и.-е. *(s)kel- ‘кричать, звать’ [Ibid.: 24]; русск. диал. *уклад* ‘стальная полоса, навариваемая на железное лезвие для прочности’ (русс. литер. ‘сталь’) объясняет мотивацию и структуру чеш.-церк.-слав. *накладъ* ‘острие’ [Ibid.: 25]; конкретизация значения праслав. *grēxъ в славянских диалектных производных как нарушений при пахоте является аргументом в поддержку родства с лит. *graizūs* ‘кривой, согнутый’ и происхождения из и.-е. *groi-so-/groikso- ‘кривой’ [Ibid.: 26–29]. Публикацию диалектных богатств славянских языков автор справедливо считает источником новых материалов для объяснения неясных слов и обоснования этимологических решений, представляющихся в настоящее время спорными [Ibid.: 29].

Современная этимологическая теория и методология не могут обойти стороной проблемы действия народной этимологии, причем равно и в собственно истории слов, и в этимологической практике. В сборнике публикуется статья Ж. Шарапатковой «Lidová etymologie a výklad praslovanského lexika» [Ibid.: 61–66]. Автор приводит примеры как из народной речи (чеш. *prosecí* ‘молитвенное, с прошениями шествие верующих’ <*procesí*< лат. *processio*, чеш. *vystříbit* ‘выясниться’ <‘посеребрить’ от *střibro*, но при ориентации на *tříbit* ‘совершенствовать’), так и из этимологических исследований, в которых народноэтимологические ассоциации иногда уводят этимолога от действительной истории слова. Таковы истоки разнонаправленной этимологизации праслав. *kolđedzъ, *riza: оба слова заимствованы, но прошли через мотивационное переосмысление на славянской почве, что и давало повод для толкований как исконнославянских образований. Сложные влияния народноэтимологической природы автор вскрывает в истории толкования названия минерала праслав. *séra.

Несоответственно этимологические интересы автора представлены в сборнике двумя статьями. Название «Staroslověnské prefixy *prědъ-* a *pro-* s významem ‘řed-’» [Ibid.: 30–33] говорит о предмете и сущности исследования. Автор иллюстрирует это употребление *про-* многочисленными выборками из старославянских текстов, в том числе и с синонимией *про-* и *прѣдъ-*, и приходит к убедительному выводу, что ст.-слав. *про-* усвоило функцию ‘перед’ в переводах греческих текстов от греч. προ- и уже под влиянием старославянских текстов это употребление встречается в славянских языках.

В статье «Poznámky k hebraismům v staroslověnských biblických textech» [Ibid.: 67–70] автор обобщает результаты предшествующих исследователей об отражении влияния древнееврейских конструкций на старославянский синтаксис и морфологию; из числа лексических гебраизмов автор подвергает сомнению толкование употребления ст.-слав. *кожни* в значении ‘очень большой, очень высокий’, считая это неоправданным переносом толкования из древнееврейского текста в старославянский при отсутствии такого значения в греческом оригинале.

Возвращаясь к общему впечатлению о сборнике избранных работ Ж. Шарапатковой, следует признать несомненную ценность издания как обобщения достижений автора и источника ознакомления славистов-историков языка с трудами заслуженного представителя Брненской этимологической школы.

Библиография

Slovník, 1–21

Etymologický slovník jazyka staroslověnského, E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková, red., Praha, 1989–2008, Brno, 2010–2022, 1–21.

Šarapatková 2022

Šarapatková Ž., Lidová etymologie a výklad praslovanského lexika, Eadem, *Slova a věci*.

Etymologické etudy, Praha, 2022, 61–66.

Šarapatková Ž., Poznámka k hebraismům v staroslověnských biblických textech, Eadem, *Slova a věci. Etymologické etudy*, Praha, 2022, 67–70.

Šarapatková Ž., Role ojedinělých a nejasných slov v etymologickém výkladu, Eadem, *Slova a věci. Etymologické etudy*, Praha, 2022, 19–23.

Šarapatková Ž., Staroslověnské prefixy předъ- a pro- s významem ‘před-’, Eadem, *Slova a věci. Etymologické etudy*, Praha, 2022, 30–33.

Šarapatková Ž., Význam nářečního lexika pro etymologii, Eadem, *Slova a věci. Etymologické etudy*, Praha, 2022, 24–29.

References

Havlová E., Erhart A., Janyšková I., eds., *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, Praha, 1989–2008, Brno, 2010–2022, 1–21.

Šarapatková Ž., Lidová etymologie a výklad praslovanského lexika, Eadem, *Slova a věci. Etymologické etudy*, Praha, 2022, 61–66.

Šarapatková Ž., Poznámka k hebraismům v staroslověnských biblických textech, Eadem, *Slova a věci. Etymologické etudy*, Praha, 2022, 67–70.

Šarapatková Ž., Role ojedinělých a nejasných slov v etymologickém výkladu, Eadem, *Slova a věci. Etymologické etudy*, Praha, 2022, 19–23.

Šarapatková Ž., Staroslověnské prefixy přедъ- a pro- s významem ‘před-’, Eadem, *Slova a věci. Etymologické etudy*, Praha, 2022, 30–33.

Šarapatková Ž., Význam nářečního lexika pro etymologii, Eadem, *Slova a věci. Etymologické etudy*, Praha, 2022, 24–29.

Жанна Жановна Варбот,

доктор филологических наук, профессор

главный научный сотрудник,

заведующий Отделом этиологии и ономастики

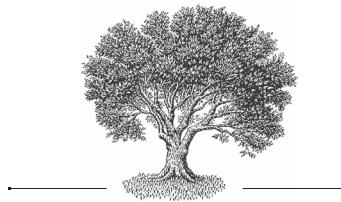
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

zhannavarbot@yandex.ru

Received October 15, 2022

Читатель и чтение в России «долгого» восемнадцатого века

[Рец.: Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Volume 1. Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]*

Сергей Викторович Польской
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

A Reader and Reading in 'Long' Eighteenth-Century Russia

[Rev. of: Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Volume 1. Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]

Sergey V. Polskoy
HSE University;
Institute of World History,
Russian Academy of Science,
Moscow, Russia

Резюме

Первый том коллективной монографии «Читающая Россия. Истории чтения в модерной России» посвящен «долгому» восемнадцатому веку и включает в себя предисловие Д. Ребеккини и Р. Вассены ко всему трехтомному изданию и восемь глав, написанных известными исследователями русской культуры, литературы и истории. В первых главах Д. Уо рассматривает историю чтения в допетровский период, Г. Маркер проблематизирует основные вопросы изучения истории чтения в России XVIII в., К. Осповат прослеживает динамику

* Рецензия была подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022 г.

Цитирование: Польской С. В. Читатель и чтение в России «долгого» восемнадцатого века // Slověne. 2023. Vol. 12, № 1. С. 344–362.

Citation: Polskoy S. V. (2023) A Reader and Reading in 'Long' Eighteenth-Century Russia. *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 344–362.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.11

политики чтения от Петра I до Елизаветы I. Р. Боден обращается к основным изменениям в практиках чтения при Екатерине II, А. Зорин демонстрирует «революционные» изменения среди дворянских читателей, произошедших благодаря литературе сентиментализма, Е. Кислова исследует круг чтения образованного духовенства, а Б. Григорян изучает развитие образа читателя в русских журналах 1760–1830-х гг. Завершает том глава С. Франклина о городской графосфере в трех разных столетиях: от петровских триумфальных арок через коммерческие вывески середины XIX в. он приходит к надписям советского города. В целом, как и все издание, рецензируемый том является первым крупным исследованием истории чтения в России, охватывающим длительный период и суммирующим результаты отдельных штудий.

Ключевые слова

история чтения, грамотность, рукописная традиция, вербальные тексты, вокализированное чтение, визуальное чтение, сентиментализм, образ читателя, графосфера, читательские сообщества, читающая публика, Просвещение, секуляризация, русская культура, русская литература, XVIII век

Abstract

The first volume of the collective monograph “Reading Russia. The History of Reading in Modern Russia”, is focused on the ‘long’ eighteenth century. It includes a preface by D. Rebecchini and R. Wassena to the entire three-volume edition and eight chapters written by famous researchers of Russian culture, literature and history. In the first chapters, D. Waugh considers the history of reading in the pre-Petrine period, G. Marker problematizes key issues of studying the history of reading in eighteenth-century Russia, K. Ospovat traces the dynamics of reading policy from Peter I to Elizabeth I. R. Bodin discusses the main changes in the reading habits in the second half of the century, A. Zorin demonstrates the «revolutionary» changes among the nobility due to the sentimentalism literature, E. Kislova researches the reading habits of the educated clergy, and B. Grigoryan studies the reader's image development in the Russian magazines of 1760–1830-ies. S. Franklin's chapter discusses the urban graphosphere in three different centuries: from the triumphal arches of Peter the Great, through the commercial signs of the mid-nineteenth century, he arrives at the inscriptions of the Soviet city. Overall, like the entire publication, the reviewed volume is the first major study of the history of reading in Russia, covering a long period and summarizing results of individual studies.

Keywords

history of reading, literacy, manuscript tradition, verbal texts, vocalized reading, visual reading, sentimentalism, reader image, graphosphere, reading communities, reading public, Enlightenment, secularisation, Russian culture, Russian literature, 18th century

В последнее время междисциплинарная *история чтения* становится важнейшим подходом к изучению культуры, в том числе и культуры повседневности. Она заставляет историков, филологов, литературоведов по-новому формулировать вопросы и расставлять акценты, обращаясь не к традиционным вопросам производства текстов, а к проблемам, связанным с их потреблением и усвоением. При всей предметной важности объект *истории чтения* может вызвать закономерные

сомнения, ведь в отличие от традиционной *истории литературы* или *истории книги*, которые изучают вещи куда более определенные и вполне материальные, ее объект на первый взгляд кажется несколько эфемерным и расплывчатым. Мишель де Серто, чей дух, по словам Гари Маркера, витает над всей рецензируемой книгой, «хотя и в качестве неназванной музы» [Rebecchini, Vassena 2020: 79]¹, противопоставлял *письмо* и *чтение* как две по разному устроенные формы социальной деятельности: если письмо изначально сопротивляется времени, устойчиво и призвано закрепить и сохранить, то чтение едва уловимо, оно плохо хранит то, что приобретает, а сам читатель «не имеет места», он постоянно ускользает и от принуждения, и от исследователя [Certeau 1990: 251]. Но как тогда возможна собственно *история чтения*, если ее объект столь подвижен и зыбок? Какие источники мы можем использовать и какие вопросы можно поставить для того, чтобы *история чтения* стала репрезентативной и верифицируемой дисциплиной? Эти методологические вопросы встают перед каждым исследователем, который обращается к *истории чтения*. Они не стали исключением и для авторов первого обобщающего труда по истории чтения в России.

Редакторы вышедшего в 2021 г. трехтомника вполне справедливо утверждают, что эта первая попытка написать и систематизировать историю чтения в России от XVIII в. до наших дней. Цель объединила более трех десятков исследователей, которые используют разные подходы и принципы, обращаясь к различным аспектам истории чтения в имперской, советской и постсоветской России. Первый том издания посвящен «долгому» восемнадцатому веку и включает в себя предисловие ко всему изданию и восемь глав, написанных известными исследователями русской культуры.

Во вступительной статье Дамиано Ребеккини и Рафаэлла Вассена формулируют свое понимание чтения, описывают тот круг исследовательских вопросов, к которым обращаются авторы исследований во всех трех томах издания, проблематизируют возможности и функции *истории чтения* и пытаются выявить эвристическую ценность различных источников. Отмечая, что у авторов нет общей теоретической базы и они не разделяют одного общего исследовательского подхода, редакторы полагают, что это скорее преимущество книги, поскольку эта эпистемологическая разноголосица позволяет продемонстрировать возможности разных подходов к изучаемому предмету. В то же время Д. Ребеккини и Р. Вассена пытаются дать общее определение понятию чтения, подчеркивая его неуловимый и противоречивый характер; они утверждают, что чтение — это «процесс визуальной встречи с письменным текстом», «в котором присутствует определенный уровень интерпретации» (р. 13). При этом, кроме собственно книг и журналов, читать можно самые разные виды текстов от визуальных изображений до надписей на улицах городов (граффити, транспаранты триумфальных арок, вывески магазинов и т. д.). Не менее важны и способы чтения: авторы предисловия напоминают, что на протяжении веков подавляющее большинство неграмотного населения получало информацию с помощью вокализированного чтения (от чтения богослужебных текстов в церкви до оглашения

¹ Далее при ссылках на рецензируемую книгу указываем только номера страниц в круглых скобках. Перевод цитат наш.

правительственных актов) и устные практики долго сохраняют свое значение для передачи информации в России, так же как «чтение» изображений неграмотными (лубок, икона, книжные или журнальные иллюстрации и т. д.).

Целью представленного коллективного исследования, по мнению редакторов, является стремление «пролить свет на процессы усвоения и присвоения письменного слова русскими читателями, которые были определены культурными и социальными условиями, характерными для русской и советской культуры в последние три века» (р. 14). Исходя из определения чтения Роже Шартье и Гульельмо Кавалло («практики, которые всегда реализуются в конкретных действиях, местах, привычках» [Кавалло, Шартье 2008: 10–11]) задачи исследователей оказываются связаны с изучением изменений «действий, мест и привычек тех читательских сообществ, которые их породили» (р. 14). Пытаясь обозначить некоторые характерные черты истории чтения в России, редакторы подчеркивают, что, в отличие от других стран Европы, государственная власть играла в практиках чтения здесь куда более значительную роль, чем церковь. Важнейшим институтом, который определял государственную политику чтения, была школа, которая оставалась ведущим «местом» формирования практик чтения и контролировалась государством на протяжении всего изучаемого периода. При этом меньшее внимание авторы тома уделяют другому «пространству чтения» — библиотекам и собственно издательским практикам, полагая, что связь между производством текстов и их потреблением отнюдь не линейна. Важно отметить, что различные формы контроля над чтением со стороны государства вели к тому, что читательские сообщества в России были не только мало развиты, но и практиковали вместо инклюзивности и публичности, характерной для Запада, ограничения и социальную закрытость, что во многом было связано с попытками исключить вторжение государства в приватизируемую сферу чтения. Завершает «Введение» раздел, посвященный источникам, которые наиболее часто использовались в представленных томах. При этом Д. Ребеккини и Р. Вассена отмечают определенный интерпретационный конфликт между двумя описательными моделями, чаще всего используемыми исследователями: с одной стороны, авторы подчеркивают дисциплинарные функции чтения, а с другой — его освободительную направленность по отношению к господствующим идеологиям, и такое противоречие, считают редакторы, связано с использованием разных типов источников. Но «мог ли другой набор источников дать иную картину?» — задаются они вопросом, указывая на то, что большая часть тех источников, на которых уже давно построено изучение истории чтения в Западной Европе или не доступны, или мало представительны. Так, например, анализ циркуляции книг, который мог быть основан на завещаниях и каталогах частных библиотек, ограничен фрагментарностью и неполнотой этих источников в России. При этом использование количественных источников применительно к истории чтения вызывает определенный скепсис редакторов, поскольку этот тип источников не дает нам понимания того, как распространялись и читались книги и журналы. Так, изучение списков подписчиков не способно ответить на вопрос о том, кто действительно читал текст, поскольку знатные подписчики могли даже не открывать книгу, в то время как она часто «ходила по рукам» других людей, не столь состоятельных, которые никак не отмечали свое знакомство с ней. Тексты

программного характера (введения, предисловия переводчиков, обзорные статьи и т. д.) как источники обладают определенной тенденциозностью, поскольку прямо подчеркивают дисциплинарный характер чтения. Для верификации выводов, сделанных на их основе, следовало бы использовать источники личного происхождения, которые фиксируют рецепцию изучаемых текстов². Сюда можно отнести дневники и письма читателей писателям, которые стали особенно распространеными в XIX–XX вв. В то же время важно различать представление читательского опыта в мемуарах и дневниках. Если в первом случае он носит завершенный характер, причем мемуаристы подчеркивают именно эмансипаторные функции чтения, то дневники дают возможность наблюдать эволюцию читательского «Я»: то, как у читателя менялось отношение к прочитанному, как он работал с идеологическими предписаниями и как конструировал и «вчитывал» *свои* смыслы в текст. Не менее важными оказываются для исследователей и визуальные источники, презентирующие практики чтения в различные эпохи.

Проблематизацию источниковой базы продолжает в своей обзорной главе Дэниел Уо. Обращаясь к раннему периоду истории чтения до XVIII в., он стремится ответить на вопрос: как возможно изучать чтение в этот период? Чтобы его раскрыть, необходимо решить минимум три задачи: установить, *какие тексты* были доступны читателю, *кто* их читал и *как* читатели их использовали? Историк уверен, что наши знания об этой эпохе достаточно фрагментарны, чтобы создать непротиворечивую картину развития читательских практик в Древней Руси и Московском царстве. Не могут нам помочь и количественные методы, поскольку они не работают для определения читательской аудитории в это время, причем количество читателей было явно большим, чем дошедшие до нас списки текстов. Д. Уо, следуя периодизации Л. В. Столяровой и С. М. Каштанова [Столярова, Каштанов 2010: 40–41], выделяет в истории древнерусской книги ранний «церковный» период (до конца XIV в.), который уступает место «церковному и монастырскому» периоду (XV–XVI вв.), и обособляет XVII в. Историк довольно скептически оценивает «формальный объем всех письменных знаний» в ранний период: он, «вероятно, не превышал того, что можно было найти в одной монастырской библиотеке в Византии, и уж точно не было ничего похожего на тот диапазон жанров, к которым мог легко получить доступ образованный византиец» (р. 48). В течение второго периода вместе с распространением бумаги как основного материала для производства книги наблюдается увеличение количества скрипториев и произведенных ими текстов, а также расширение собственно книжного репертуара. В это время появляются четыре сборники, не

² Показательным примером может служить читательская рецепция политического романа Ф. де Фенелона «Похождения Телемака». Следовало бы ожидать, что прежде всего он мог быть прочитан русским читателем с точки зрения тех моральных и политических «наставлений», которые в изобилии содержится в тексте. Однако отзыв А. Т. Болотова о нем прямо противоположен, даже его явные учебные и дидактические функции («понятие о митологии» и «любопытство к чтению») отступают для читателя на второй план перед эстетическим наслаждением и образным строем текста: «Сладкий пинтический слог пленил мое сердце и мысли [...] и мне она так полюбилась, что у меня старинные брони, латы, шлемы, щиты и прочее мечтались беспрерывно в голове» [Болотов 2013: 93].

предназначавшиеся для литургической практики и составленные для приватного чтения. В то же время ко второму периоду можно отнести возникновение первых крупных монастырских библиотек, состав которых хорошо задокументирован и изучен: в частности, библиотека Кирилло-Белозерского монастыря, где в 1480-е гг. был составлен первый известный инвентарь книг в России. Анализ динамики состава монастырской библиотеки позволяет по-новому взглянуть на заочную полемику Г. В. Флоровского («интеллектуальное молчание» Руси) и Д. С. Лихачева («Предвозрождение») [см.: Флоровский 1981: 1; Лихачев 1962] об уровне развития раннемосковской культуры: «энциклопедическое любопытство и коллекционирование кирилловского монаха Ефросина» явно свидетельствовало об интеллектуальном развитии и изменениях в книжном репертуаре, но это не был русский Проторенессанс, так же как Кириллова обитель не была «русской версией Флоренции» (р. 53). Самы практики чтения не выходили за рамки ограниченных монастырскими стенами читательских сообществ, неопровергимых доказательств существования «светских» библиотек у нас нет. Д. Уо прямо выражает свой скепсис по поводу мифической библиотеки Ивана Грозного (р. 64), а умение читать не было до XVII в. безусловной ценностью даже для служилой элиты (сравнение *Della Famiglia* Альberti и «Домостроя», при относительной близости, демонстрирует безразличие московского наставника к чтению, р. 55). Только в XVII в. начинаются важные изменения в области грамотности, которые в том числе были связаны с использованием появившегося в середине XVI в. печатного станка. Значительный процент книг, опубликованных в XVII в., относился к категориям, «связанным с приобретением базовой грамотности», причем эти «буквари», как свидетельствуют материалы Московского Печатного двора, пользовались неизменным спросом. Начиная с этой эпохи уверенно можно говорить и о грамотности московских правителей: царь Алексей Михайлович не только самостоятельно читал и писал, но, по-видимому, владел библиотекой, которую Д. Уо отождествляет с коллекцией печатных и рукописных текстов справочного характера, собранных в Приказе тайных дел и выполнивших утилитарные функции. Собственно, Д. Уо не принимает жесткую дихотомию между «религиозным» и «светским» в древнерусской культуре, так же как анахроничную классификацию книг эпохи согласно современным категориям знаний («история», «география» и т. д.). Так, «Степенную книгу» не следует рассматривать как «историческое произведение», скорее это «княжеская агиография», имевшая определенные политические цели, выраженные религиозным языком. Отсутствие этой дихотомии подчеркивается и при анализе рукописных сборников XVII – начала XVIII в. Эти «четыре сборники» позволяют исследователю приблизиться к фигуре читателя и выявить специфические особенности его чтения. Анализ входящих в сборники текстов (т. н. «литературного конвоя» по Д. С. Лихачеву) позволяет прокомментировать возможные намерения их составителей и переписчиков. Как верно отмечает Д. Уо, к сожалению, большая часть этих сборников «все еще ожидает надлежащего кодикологического анализа» (р. 68). Анализ одного такого сборника, принадлежавшего жившему на рубеже XVII–XVIII вв. вятскому книжнику Семену Попову, позволяет говорить о том, что его составитель совмещал новые и старые представления и не проводил

кардинального различия между религиозным и светским чтением³. Завершая свой обзор, Д. Уо призывает обратить внимание на пересечение устной и письменной культуры, утверждая, что письменные тексты во многом формировались в рамках господства устной традиции трансляции информации и они могли воказываться для неграмотного большинства.

Глава, написанная Гэри Маркером («Восемнадцатое столетие: от читательских сообществ к читающей публике»), во многом задает проблемный характер всему тому и ставит целый набор важнейших исследовательских вопросов, касающихся изучения чтения в XVIII в. Автор обозначает в названии своей главы доминирующую тенденцию в социальной истории чтения этой эпохи как движение от отдельных читательских сообществ (монастырских, придворных, дворянских и т. д.) к формированию «читающей публики» как социального целого. Эта тенденция вплетена в концептуальное пространство «парадокса де Серто», который подразумевает критику двух противоположных позиций в оценке роли читателя: с одной стороны, полную зависимость читателя от авторитетов, которые определяют, как человек читает и понимает прочитанное («сценарный империализм»); а с другой стороны, неограниченную свободу читателя, возможность независимой интерпретации текста («автономия» читателя). Таким образом, мы каждый раз сталкиваемся с двумя объяснительными моделями, практикующими детерминистские схемы: или дисциплинарность чтения, или творческая автономия читателя. Однако Серто предлагает нам преодолеть этот дуализм: как суммирует Г. Маркер, «история чтения должна одновременно учитывать силу нисходящего сверху предписания и неспособность этого предписания быть абсолютным», соответственно практики чтения необходимо изучать «с помощью документальных свидетельств и без позитивистских атрибутов объективизма» (р. 78). Вообще Г. Маркер обнаруживает в «Изобретении повседневности» Мишеля де Серто тот круг вопросов и тем, которые «прокладывают себе путь через многие, если не все, материалы тома». К таким вопросам он, в частности, относит следующие: насколько совпадают эмпирический материал и концептуальный анализ в изучении чтения? было ли успешным чтение как форма дисциплинирования в эту эпоху? поддались ли читатели дисциплинарным предписаниям, стали ли они их проводниками или переосмыслили их? (р. 79).

Сам автор предлагает ответы на ряд ключевых вопросов, которые связаны не только с историей чтения, но и в целом с историей культуры «долгого» XVIII в. Первый из них связан с проблемой периодизации: был ли хронологический XVIII век в России «новой эпохой», сменой парадигм, или он выступал только продолжением тех процессов, которые начались ранее? Целый ряд историков-«иконоборцев» (Дональд Островский, Рассел Мартин, Нэнси Коллман и др.) все настойчивее предлагают отказаться от хронологической антиномии «Древняя Русь / Российская империя», демонстрируя в своих исследованиях скорее преемственность, чем разрыв между XVII и XVIII в. в истории России. Сам Г. Маркер считает «невозможным представить книжную культуру XVIII века без постоянного обращения к семнадцатому» и подвергает сомнению традиционную

³ Подробнее о С. Ф. Попове (ок. 1654–1715/1717) и его сборнике см. исследование Д. Уо [2003].

концепцию секуляризации как коренного отличия культуры русского XVIII в. Подобно современным западным исследованиям Просвещения, которые возвращают религию в рамки культурной и интеллектуальной жизни эпохи, он подчеркивает «жизнеспособность православия как формы культурного производства на протяжении всего XVIII века» (р. 84).

Автор также обращается к проблеме изучения и интерпретации «визуальных текстов», чьи значения не были зафиксированы их создателями, они всегда присваивались в диалоге с аудиторией, что, впрочем, напоминает и «обычное» вербальное чтение. Г. Маркер предлагает решение этой проблемы в сочетание традиционной искусствоведческой семиотики, с одной стороны, и приемов «насыщенного описания» (в стиле К. Гирца), «глубокой контекстуализации», с другой: для этого необходимо реконструировать «конкретные пространственные, хронологические, социальные и даже индивидуальные условия, в которых аудитории были представлены определенные образы» (р. 86).

Изучение истории чтения невозможно без истории грамотности, и здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой — у нас недостаточно источников для того, чтобы установить достоверную степень грамотности в России до конца XVIII в. Впрочем, имеющиеся данные позволяют говорить о «поразительно низком уровне общей грамотности» в сравнении с другими европейскими странами в эту эпоху, при этом те представители низших сословий, которые научились читать и писать, использовали свои навыки узко утилитарно. К концу XVIII в. грамотность становилась повсеместной среди рядового духовенства (благодаря обязательному обучению в семинариях), подписаться все чаще могли посадские люди, потомственные рабочие и даже отдельные крестьяне, которые были в каждой общине. Именно наличие немногочисленных читающих среди неграмотного большинства вело к особой культуре чтения, которую характеризует «симбиоз текста и устности, публичного чтения и общей неграмотности» (р. 91). Г. Маркер утверждает, что печатный станок и рукописные способы распространения книги продолжили сосуществовать в России XVIII в., дополняя друг друга, например, в сборниках, где рукописный тест переплетался с печатными материалами, печатные книги в это время часто переписывались от руки, а рукописные иногда становились основой для печати. Эти примеры показывают, что чтение оставалось формой культурного производства, а читатель-переписчик стирал границу между чтением и письмом.

Наконец, последняя группа вопросов этой обширной и вдохновляющей главы посвящена проблемам социологии чтения, точнее, тем людям, кто осознает себя в статусе «читателя» и использует чтение для своего удовольствия и размышления. Именно перемены в этих группах читателей, должны, по мнению автора, ответить на вопрос: изменилась ли русская культура в XVIII в. и в чем именно произошли изменения? Маркер определяет читательские сообщества как «группы, объединенные общим материальным пространством или иными специфическими узами близкого общения, в которых чтение играет важную роль, и которые склонны читать одни и те же произведения и делиться ими между собой» (р. 99). Такие сообщества существовали уже в киевский период и прежде всего были связаны с учеными монахами, которые читали и распространяли между собой рукописи. До конца XVII в. такие сообщества были довольно

ограничены и связи между ними не всегда можно проследить, однако с притоком монахов из украинских и белорусских земель возникает новая сеть читателей, обладающих особым самосознанием, связанных общим образованием, имеющих чувство культурных различий и, главное, состоящих в переписке друг с другом (р. 101). Они часто вступали в доктринальные споры и соперничали, но их объединяла неосколастическая эрудиция, эпистолярная дружба и интеллектуальные темы переписки. Семиотическим маркером их корреспонденции была полиглоссия цитат, которая указывала на их общее образование и культурный капитал. Маркер замечает, что они напоминали «литературную республику» европейской науки раннего Нового времени, но в отличие от нее эта «клерикальная республика» была замкнута сама в себе и не претендовала на публичность высказываний.

Схема развития читательских сообществ в России движется от замкнутых «кружков» интеллектуалов из «монастырских братств» в XV–XVII вв. и «ученой республики» украинских монахов конца XVII – первой половины XVIII в., ставших иерархами русской церкви, к постепенному возникновению более открытых социальных пространств для чтения и читателей в середине XVIII в. Первым из признаков публичности чтения, по Маркеру, становится появление владельческих надписей на книгах, а затем государственных и частных светских библиотек в петровскую эпоху и составление их каталогов, что предшествовало спискам подписчиков, впервые появившимся только в 1750-е гг. Все это, согласно Маркеру, были формы «само-записывания» (*self-inscription*) читателей, претендовавших на публичность и осознанную агентность. Инвентаризации личных библиотек могут выступать «тиปом публичной или полупубличной презентации» ее владельца, который хотел, чтобы его видели определенным образом («самомоделирование читателя»), хотя наличие описи не всегда может выступать свидетельством того, что владелец вообще читал «свои» книги (как, например, безграмотный кн. А. Д. Меншиков, владевший обширной библиотекой), однако это уже было свидетельством «валоризации» чтения и светского читателя в новой придворной культуре.

Списки подписчиков дают нам понимание того, как были связаны конкретные люди с конкретными изданиями, но в последнее время ученые все более критически оценивают возможности этих массовых источников, поскольку исследовательские вопросы сместились скорее в сторону интериоризации чтения и изучения эмоций читателей. Однако потенциал этих источников не исчерпан, поскольку они дают богатый материал для понимания презентации чтения в эту эпоху. В частности, представляя подписчиков и издателей как «сообщество читателей-единомышленников», оглашая имена подписчиков, издатели «отправляли двойное послание: одно прославляло издание именами его известных подписчиков, другое – подписчиков как коллективное тело просвещенных покровителей нового достойного интеллектуального начинания, книги или журнала» (р. 108). Как форма артикуляции культурной идентичности (как и ложи, клубы, салоны, общества) списки подписчиков были призваны укрепить идентичность читательского общества в России второй половины XVIII в. В то время читатели – это в основном потомственное дворянство, с редким вкраплением представителей других сословий. В то же время эти списки «исключают целые слои читателей и практики чтения, делая их вновь невидимыми», поскольку

остается неясным: кто читал эти книги и журналы после подписчиков? С другой стороны, списки дают представление о «читающей публике», и Маркер вполне удачно связывает ее с формирующимся «воображаемым сообществом» русской «нации», созданной дворянским истеблишментом, «проецировавшим культурную гегемонию светской элиты, читающей и пишущей публики, которой в значительной степени удалось возглавить многочисленные дискурсы «России» (р. 110) на рубеже XVIII—XIX вв. Собственно, в этом и было отличие литераторов и «читающей публики» от замкнутых монашеских читательских сообществ: светская элита стремилась к активному социальному участию, «властью над умами», и изначально ориентировалась на публичность:

В кратчайшие сроки эта публика стала определять себя как хранителя национального дискурса и убедила всех поверить в ее статус. Несмотря на внутренние идеологические разногласия и воинственную раздробленность, она практически основала свое царство как пространство, где соперничают идеи и выносятся вердикты (р. 111).

Все это не вполне подтверждает гипотезу о том, что XVIII в. продолжал традиции «Московии»: это, несомненно, была новая эпоха со своим культурным обликом («Дизьютьемисты (*Dixhuitièmistes*) могут с облегчением выдохнуть», р. 111). Однако чтение в это время вмещало множество неоднородных, асинхронных и разнообразных практик. Роль и значение церковной грамотности, ценность духовной книги в разных социальных слоях, их рукописное копирование во многом обесценивают понятие «секуляризации», ставшей популярной и избитой моделью объяснения перемен в русской культуре. Как замечает Маркер, «история чтения просто опровергает ригидный троп всеохватывающей секуляризации». Вообще Г. Маркер выступает против устойчивых антиномий, которые продолжают некритично применять при описании русской культуры XVIII в.: он не приемлет как радикальное деление на до- и послепетровскую Россию, так и идею о возникновении к концу века двух несвязанных друг с другом культур, европеизированной и традиционной. Их границы были проницаемы: духовенство читало светские книги, а светская элита не отказывалась от церковных книг. Отсюда у Г. Маркера возникает требование к более поликентричной истории чтения, антидетерминистской и антиредукционистской по своей сути, которая не должна «сводить «чтение» к читающей публике и ее эпигонам, а с другой стороны — не поддаться соблазну изобрести (или, возможно, возродить) самозародившуюся, ничем не ограниченную и антиканоническую когорту народных читателей» (р. 112). Однако эта позиция не мешает обратиться к поиску читателя-«чудака» (того самого «еретического читателя» де Серто), который бы «читал и размышлял на стыках культурных потоков, кто смешивал бы старое и новое в своем выборе чтения, религиозное и светское, литературное и лингвистическое, сатирическое и жития святых». Цель подобного поиска не в том, чтобы обесценить значение появившейся образованной публики конца XVIII в., скорее Маркер требует «более текстуированного и неоднородного изображения читателей и читательских практик, которое может обогатить наше понимание того, чем был XVIII век» (р. 113).

Кирилл Осповат в главе «Реформированные подданные: поэтика и политика чтения в России начала XVIII столетия» обращается к изучению неочевидных элементов власти в истории чтения. По его мнению, модерное государство раннего Нового времени видит в чтении мощное средство регулирования поведения подданных, которое позволяет укоренить в обществе необходимые модели социального порядка; даже «чтение ради удовольствия» маркирует жизненный стиль лояльного подданного. Соответственно, «производство, распространение и присвоение письменного дискурса стали основными способами установления и утверждения властного авторитета», причем этот процесс разворачивался в отношении между «осью автор/авторизатор/авторитет» и «аудиторией этих текстов: читателями или “субъектами” текста (т. е. материей, людьми, теми, кто обязан повиноваться)» (р. 117). Здесь автор отсылает нас к названию статьи, где *subjects* – это не только подданные, но и *субъекты* чтения. Три теоретика *disciplinarной революции* вдохновляют К. Осповата – Норберт Элиас, Герхард Ойстрак и Мишель Фуко, все они видят стоящие за дисциплинированием подданных конкретные корпусы текстов (это, соответственно, руководства по поведению, неостоицистские и меркантилистские/камералистские сочинения). Все эти тексты активно начинают проникать в Россию именно в петровскую эпоху. Но Осповат предлагает рассматривать этот процесс дисциплинаризации не только как целенаправленную государственную политику, подобно Марку Раеву, но и как «особый способ чтения, который, охватывая все больше и больше читателей, подразумевал бесконечную, самоподдерживающуюся культурную динамику саморефлексии и самосовершенствования» читателей (р. 119). Опираясь на идеи Ю. М. Лотмана, автор замечает, что предписания и практика не всегда совпадали в этом процессе, поэтому собственно чтение как «центральная процедура культуры», позволяет нам понять «напряжение между сферой норм и повседневной практикой». Чтение рассматривалось российскими правителями XVIII в. как «готовая техника политической индоктринации», оно делало возможными и одновременно перестраивало и трансформировало те концепции, которые внедрялись на русскую почву. Этот двойственный процесс, собственно, формировал новую фигуру читателя, который не просто будет читать и ментально усваивать идеи, но и жить и действовать согласно прочитанному. Ключевым текстом, указывающим на эти новые практики чтения, является эссе М. М. Хераскова «О чтении книг» из «Полезного увеселения» 1760 г., которое автор приводит целиком в приложении к своей главе. Здесь, устанавливая обязанности «нового» читателя, Херасков демонстрирует недоверие к развлекательным практикам чтения и требует от читателя постоянного стремления к самоусовершенствованию, что должно было вести к отбору правильной литературы для чтения и нормированию поведения читателя еще до того, как он открыл книгу.

Кирилл Осповат прослеживает «эволюции нормативных подходов к чтению» от Петра до Елизаветы, выделяя две основных модели чтения в эту эпоху. Первая модель, «гражданского гуманизма», возникает при Петре, когда новое «светское письмо» присваивает себе функции и значение церковной литературы, в наставлении и регламентации жизни подданных. В это время заимствованный из европейской морально-политической литературы неостоицизма идеал «гражданского гуманизма» выступает как способ воспитания дисциплинированных и

ревностных слуг Отечества. Однако парадокс «гражданского гуманизма» заключался в том, что из его идей вырос не только моральный кодекс строителей абсолютизма, но и тех, кто попытался ограничить власть монарха, наложив на него бремя «Кондиций». Поэтому после поражения «бесславной революции» 1730 г. возникает вторая модель чтения, которая ассоциировала процедуру чтения с частной жизнью и беспрекословным повиновением неограниченной власти монарха, выводя за скобки «вредные» политические рассуждения, и В. К. Тредиаковский выступал провозвестником этой модели в аннинское царствование. В царствование Елизаветы Петровны уже обе модели сосуществуют в придворной литературе, а чтение подданных подчиняется высочайше одобренной горацианской формуле сочетания «полезного с приятным». В заключение автор показывает, насколько читательские вкусы были обусловлены государственной образовательной и издательской политикой, которая стремилась «определить личный опыт чтения для нескольких поколений русской публики»; правда, он признает, что навязываемая «этика служения», лежавшая в основе этой политики чтения, не вполне поддается измерению: «[...] степень ее успеха нам еще предстоит установить» (р. 146).

Рудольф Боден начинает свой текст («Чтение в эпоху Екатерины II») с программного заявления: «Последняя треть XVIII века, примерно соответствующая периоду правления Екатерины II (1762–1796), ознаменовалась значительными изменениями в практике чтения в России и изменениями в самой русской читательской аудитории». Автор скрупулезно фиксирует быстрые перемены как в самом характере чтения, так и в социальном облике русского читателя этой эпохи: от бума переводной литературы и возникновения независимой издательской индустрии до роста спроса на книги и журналы среди образованного дворянства и появления частных издательств. Важнейшим явлением эпохи, как и Г. Маркер, Р. Боден признает формирование читательской публики. Эта публика не могла появиться без новой системы образования, которая возникает в середине XVIII в. и имеет очевидную тенденцию к росту (от 4 тыс. человек, выпущенных учебными заведениями в 1755–1775 гг. к 371 тыс. в 1800 г.). Все эти люди и составили социальную основу для формирующейся «читающей публики» (р. 151–152). Конечно, ее костяк — это прежде всего дворянство, но уже обладающее автономией по отношению к двору и академическим кругам, хотя, заметим, что эти две институции были тесно связаны: Академия фактически была учреждена при дворе и входила в реестр государственных учреждений. Но в тоже самое время появляется новая аудитория — мелкое дворянство и зажиточное купечество, новые сегменты книжного рынка — женская и детская литература, а также специализированные журналы.

Р. Боден отмечает престижный характер потребления книжной продукции в эту эпоху, так, по его мнению, дворянство читало «для того, чтобы соответствовать символическим требованиям, порожденным их растущим самоосознанным культурным статусом» (р. 154). Постепенно ключевым жанром литературы становится роман, появившийся в русской литературе буквально через несколько месяцев после переворота 1762 г., что также свидетельствовало о трансформации практик чтения. Романы в первую очередь предназначались для чтения в одиночестве, этот «новый тип потребления казался угрозой тем формам социального

контроля», которые двор и придворные литераторы выработали в предшествующую эпоху и которые были связаны с публичными формами существования литературы, такими как театр (*драматургия*) и «высокоторжественные» придворные празднества (*панегирик*). Эта эмансиpация читателя вела к определенному конфликту «между динамикой роста числа читателей и либерализацией литературных форм и форм литературного потребления, с одной стороны, и попытками двора и литераторов поддерживать и одновременно контролировать этот общий прогресс, с другой» (р. 156). Процесс постепенного снятия контроля над сферой чтения должен был иметь далеко идущие последствия. Как отмечает Р. Боден, «следующим шагом после предоставления читателям автономии в чтении должна была стать автономия мысли» (р. 176).

Екатерина Кислова в главе «Что, как и для чего читало православное духовенство в России восемнадцатого века» последовательно рассматривает на примере новых источников ряд важнейших вопросов истории чтения в среде духовенства. Начиная с обозначения трудностей, которые возникают при реконструкции круга чтения духовенства, она переходит от «профессиональной» клерикальной литературы, проповедей и духовных сочинений к русскоязычной беллетристике и литературе на иностранных языках. Детально и скрупулезно восстанавливая это пространство чтения клириков, Е. Кислова демонстрирует, что литература, которую они читали, была не просто обширна, но и разнообразна по своему характеру и в значительной степени включала в себя светские книги и журналы. Это еще раз подтверждает тезис Г. Маркера о проницаемости границ между секулярным и светским в ту эпоху и подвергает сомнению концепцию секуляризации, которой слишком часто злоупотребляли историки культуры XVIII в. Выделяя две неравные группы внутри духовенства («современное» и «традиционное»), Е. Кислова дифференцирует их читательские интересы: если первая группа было больше вовлечена в чтение светской литературы, читательские интересы второй менее ясны и с трудом поддаются реконструкции. Автор делает предположение, что после семинарии дети «традиционного духовенства» возвращались в ту же среду, в которой жили их отцы, но они приносили с собой новые книги и знания, которые становились доступными для приходских священников и их окружения.

Е. Кислова полагает, что мы можем реконструировать общую картину того, как и что читало русское духовенство в XVIII в. прежде всего благодаря хорошо сохранившимся материалам семинарий и основываясь на содержании рукописных сборников, принадлежавших представителям духовенства. Но «вопрос “для чего” все еще не имеет подходящего ответа» (р. 216). При этом невозможно отрицать, что духовенство было важной частью формирующегося читательского сообщества и во многом разделяло его интересы и круг чтения.

Андрей Зорин изучает процесс европеизации внутреннего мира аристократической публики в эпоху сентиментализма на примере формирования новых моделей чтения, которые пытаются нормировать русские дворяне-литераторы конца XVIII в. («Читательская революция? Понятие читателя в русской литературе чувствительности»). Зорин, следуя за критикой Р. Дарнтона, подвергает сомнению традиционную концепцию «читательской революции», подразумевающей, что в эпоху Просвещения происходит поворот от «интенсивного чтения»,

для которого было характерно перечитывание одних и тех же авторитетных текстов (прежде всего, религиозных) для углубленного размышления над ними, к «экстенсивному чтению», в основе которого лежало потребление новой бесконечно увеличивающейся печатной продукции, включавшей в себе беллетристику и периодику, предназначенную для развлечения. Дарнтон полагает, что в действительности после 1750 г. новые модели чтения скорее предполагали дальнейшее углубление «интенсивного чтения» в направлении усиления эмоциональной связи текста и читателя. «Век чувствительности», как утверждал Н. Фрай, стремился к созданию «литературы как процесса», которая бы объединяла автора и читателя в рамках одного эмоционального союза, поэтому литература сентиментализма становится «школой чувствительности, в которой читатели обучались искусству адекватной эмоциональной реакции на самые важные и значимые события в их жизни» (р. 220) События в этих текстах показаны «глазами наблюдателя, который вырабатывает нормативную эмоциональную реакцию на них» и заставляет читателя практиковать схожие реакции в своей повседневности.

А. Зорин блестяще демонстрирует, как эта «революция чтения» в ее новом понимании (не как переход к экстенсивному освоению новых объемов литературы, а как интенсификация светского чтения), происходит в России конца XVIII в., где, по его замечанию, «роль литературы как руководства для жизни значительно усилилась в связи с продолжающимися попытками усвоить новые грани западной цивилизации». Эта европеизация жизненных стратегий и практик реализовывалась в том числе и в области усвоения новых эмоциональных образцов. А. Зорин противопоставляет две социальные модели пространства воспитания эмоций в русском Просвещении, связанных с формированием «нового человека»: придворную и масонскую. Первая модель наиболее полно реализовалась в придворном театре, где «аудитория представляет собой своего рода “эмоциональное сообщество”, в котором каждый может сравнить свое собственное восприятие с реакцией аудитории и проверить “правильность” и “адекватность” своих личных чувств» (р. 221). Вторая модель формируется в масонских ложах, где, в отличие от придворного театра, «стратегия нравственного совершенствования была направлена извне внутрь», и русские дворяне обучались «обнаруживать истину внутри себя». Соответственно, в этом социальном пространстве уединенное «интенсивное чтение» стало основным средством «самосовершенствования», этот способ чтения особенно заметен в творчестве Н. М. Карамзина (от его «Прогулки» до «Писем русского путешественника»), пример которого, по мнению А. Зорина «произвел целую революцию в практике чтения». Литератор должен подсказать, научить читателя правильно реагировать на красоты природы или события личной жизни и выбирать подходящее эмоциональное состояние к каждому из них: «[...] авторы того периода играли роль “камертонов”, с помощью которых читатели могли настроить свои сердца и узнать, могут ли они чувствовать правильно и нравиться другим» (р. 223). С уменьшением значения религии в духовной жизни образованной публики в России светская литература и ее чтение стали служить основой для размышлений и переживания «общественных образов чувств». Так, русский пример, по мнению Зорина, доказывает правоту Дарнтона: здесь, как и в Европе, «интенсивное чтение» не исчезает, но переносится из религиозных текстов на светские и приобретает новые формы и смыслы.

В своей главе «Изображение читателей и публики в российских периодических изданиях, 1769–1839 гг.» Белла Григорян исследует эволюцию образа читателя на страницах русских периодических изданий, выходивших на протяжении семи десятилетий. Вопрос о презентации публики в прессе исследовательница соединяет с изучением того, как каждое издание «рассказывают историю о постепенном формировании российской культурной середины», которая понимается сразу в нескольких значениях («как демографическая категория, как потенциальный политический опыт или его обозначение»), но прежде всего как особый культурный регистр (р. 235). Журналы, изображая свою аудиторию на протяжении всего этого периода, стремились не только показать различные формы публичности, но и включить в них читателя. При этом, по замечанию автора, «чтение и сопутствующая ему культура участия становятся все более демократичными». Таким образом, Б. Григорян исследует не саму публику, а ее презентацию в прессе и, соответственно, элементы публичного дискурса, такие как понятие «среднего читателя» и описания его политической принадлежности, которые следует понимать как «риторические симулякры». Ключевыми понятиями для автора, как уже было отмечено, являются понятия «середина» и «середняк». Это позволяет осмысливать, как «симуляция активной средней читательской аудитории на страницах российских имперских периодических изданий» может описать «контуры и параметры российской дополитической публичной сферы» и в определенной степени дает основания «пересмотреть научные предположения о связи между печатным капитализмом и либерально-демократической политической культурой» (р. 237).

Исходя из положения о том, что «все тексты обладают способностью формировать свою аудиторию», Б. Григорян демонстрирует, как русские периодические издания занимаются дискурсивным формированием своего читателя и читательского сообщества, представлявшего «середину» российского общества, для которой они пишут и к которой апеллируют. Этот «средний» читатель почти всегда предстает как часть любознательной, активной и социально разнообразной публики, но если в 1760-е гг. это была скорее воображаемая конструкция, то к 1830-м гг. она приобрела определенное социальное воплощение и характерные узнаваемые черты.

Возможно, самые необычные формы чтения исследует Саймон Франклин («Чтение улиц: встречи с общественной графосферой, 1700–1950 гг.»), обращаясь к изучению изменений «городской графосферы» как способов пространственного чтения визуальных и вербальных знаков. Под *графосферой* автор понимает «совокупность графических приемов, используемых для записи, хранения, отображения и распространения сообщений и информации, а также социальные и культурные пространства, в которых они фигурируют»⁴, и его, прежде всего, интересуют встречи читателя с письменным словом на столичных улицах в трех разных временных точках: петровской Москве, николаевском Петербурге и советских городах 1920–1930-х гг. Все три эпизода построены вокруг соотношения

⁴ См.: [Franklin 2011: 531]. Графосфера посвящена и последняя вышедшая монография С. Франклина [Franklin 2019], относительно недавно опубликованная на русском языке [Франклайн 2020].

«публичного письма» (т. е. самих уличных надписей) и «текстов для читателей» (тех, что разъясняют существующие городские формы «публичного письма»). Все три эпизода представляют три основные фазы в развитии публичных форм демонстрации вербального в России: от первых попыток систематизации городского пространства при Петре I через «период диверсификации коммерческой городской текстуальности» второй четверти XIX в. к раннесоветским проектам новой систематизации и стандартизации городских надписей в 1930-е гг.

Петровские триумфальные арки были «текстами» на практически неизвестном в России «языке», который требовал определенной культурной базы: чтобы «прочитать» триумфальную арку нужно было и обладать знанием древних языков, и быть знакомым с визуальными и вербальными толкованиями эмблем. Кроме внешнего великолепия это зрелище требовало дешифровки, обучению тому «языку», на котором со зрителем говорили изображения и надписи триумфальной арки. Для этого были созданы и опубликованы специальные пояснения, составленные, как правило, преподавателями Славяно-греко-латинской академии. Но сами эти описания были сложно построены и наполнены «многоязычной риторикой», в них не было даже намека на интеллектуальные уступки непросвещенному зрителю, отсюда у С. Франклина возникает резонный вопрос, вызывающий вполне однозначный ответ: «[...] для кого писались такие описания? Конечно же, не для широких масс». Однако постепенно триумфальные арки становятся привычной частью городского ландшафта столиц:

Странные и эзотерические в эпоху их появления, украшенные и расписанные триумфальные арки стали в последующие десятилетия традиционными и привычными, наряду с фейерверками, формами демонстрации публичных ритуалов имперской власти (р. 268).

Впрочем, ограниченность источников этой эпохи не позволяет интерпретировать то, как представители разных социальных групп самостоятельно читали эти тексты, какие смыслы они придавали образной системе триумфальных арок. В отличие от имперских памятников петровской эпохи, уличные вывески магазинов и реклама, заполнившие городское пространство в XIX в., повлекли за собой возникновение совершенно иных «читательских текстов»: это были хорошо артикулированные отклики на «публичное письмо» со стороны тех, «кто не играет никакой роли и не заинтересован в процессах его производства» (писатели, публицисты, журналисты). Третий эпизод, связанный с революционными изменениями «уличного письма» в России, был вызван переходом от «городской графосферы, создаваемой частным предпринимательством, к городской графосфере, конструируемой государством» (р. 281). Коренной перелом в этой трансформации, по мнению исследователя, приходится на начало-середину 1930-х гг., когда политическое довольно быстро вытесняет из городского пространства коммерческое, регулируя и ограничивая его использование в «графосфере».

Подводя итоги, стоит заострить внимание на тех дискуссионных вопросах, которые были подняты в рецензируемом томе в текстах разных авторов, и, как кажется, остаются центральными для истории чтения в России XVIII в. Первый из них связан с проблемой разрыва и преемственности культуры чтения в

течение «долгого» восемнадцатого века. Несомненно, что русский XVIII век отмечен заметными переменами в практиках чтения, что демонстрируют в своих разделах Г. Маркер, К. Осповат, Р. Боден, А. Зорин, однако эти трансформации как в книжном репертуаре, так и моделях чтения прежде всего приходятся на вторую половину века и связаны с довольно ограниченным кругом зарождающейся «публики». В тоже время, преемственность с московским прошлым сохраняется как в широко распространенной рукописной традиции как способе производства, распространения и чтения книги, так и в преобладании неграмотного большинства, продолжающего получать информацию из вокализированного чтения или доступных визуальных образов. Д. Уо, Г. Маркер, Е. Кислова убедительно показывают, что светская и религиозная литература для русского читателя XVIII в. не были принципиально разделены и во многом имели равное значение, соединяясь под общим переплетом сборников, что позволяет сомневаться в действенности концепции секуляризации как объяснительной модели культурных трансформаций в эту эпоху. В России XVIII в. присутствовали не только разные читательские сообщества, из которых формировалась читающая публика, но и одновременно существовали самые разные модели чтения и типы читателей: от образованных потребителей печатных книг и журналов (А. Зорин, Б. Григорян) и составителей рукописных сборников (Д. Уо, Е. Кислова) до полуграмотных городских обывателей, разглядывающих изображения и транспаранты триумфальных арок (С. Франклайн). В это время читатель начинает активно интересовать не только правительство, но и литераторов, о чем свидетельствует конструирование образов читателя в журналах и попытки управлять их чтением (Б. Григорян, Р. Боден), или даже нормировать практики чтения издателями и писателями, которые предписывали читателям образцы поведения и необходимых чувств, которые они должны были испытывать как во время чтения, так и в важные моменты своей жизни (К. Осповат, А. Зорин).

Отсюда вытекает следующий вопрос, во многом опосредованный несовпадающими теоретическими рамками исследований, представленных в томе (где зачастую дискурсивной практике М. Фуко противостоит конструктивизм М. де Серто): было ли чтение в России XVIII в. существенной частью политики дисциплинаризации или все-таки формой эмансиpации общества? Исследователи практически на одном и том же материале (источники некоторых статей, что не удивительно, во многом совпадают) приходят к противоположным выводам: с одной стороны, мы видим формирование лояльной абсолютизму читающей публики (К. Осповат), а с другой, наблюдаем, как двор проявляет недовольство эмансиpирующимся дворянством и кругом его чтения (Р. Боден). Важным показателем этого несовпадения становится практики индивидуального и публичного потребления текстов: Р. Боден и А. Зорин подчеркивают, что новые жанры литературы (в первую очередь, роман, в котором классицисты видели угрозу общественному порядку), позволяли читателю в отличие от зрителя придворного театра уходить от властного контроля и самостоятельно наделять текст смыслами. Но подобное «еретическое чтение» существовало и ранее, на что недвусмысленно указывают Д. Уо и Г. Маркер, оно было связано с тем, что потребитель и производитель рукописной литературы был зачастую одним и тем же человеком: составитель сборника был его переписчиком и читателем, и тогда процессы письма и чтения

совпадали. Следует добавить, что и до эпохи сентиментализма чтение романа было обычной практикой: так, например, *staatsroman* появился в России еще в 1720-е гг., когда были сделаны переводы двух выдающихся образцов жанра — «Аргениды» и «Телемака», и он также предполагал уединенное «кабинетное» чтение. В этом отношении, кажется, не столько индивидуальное чтение, сколько содержание новых романов вызывали критику классицистов. В тоже время мы не так много знаем о читателях первой половины XVIII в., об их впечатлениях от чтения и еще довольно плохо понимаем особенности их восприятия новых текстов, не имевших предшествующей традиции в древнерусской литературе.

Завершая свой обзор, мне хотелось бы рекомендовать рецензируемую книгу всем, кто интересуется русской историей и культурой XVIII в., как источник не только новой информации, но и оригинальных вопросов для размышлений и научных разысканий. Это действительно важное и насыщенное идеями исследование открывает новые горизонты для ученых. Несомненно, что представленный том стал значительным шагом в изучении истории чтения в России, благодаря которому зыбкая и едва уловимая фигура русского читателя XVIII в. становится все более осозаемой и приобретает вполне различимые контуры.

Библиография

Болотов 2013

Болотов А. Т., *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков*, в 3-х томах, 1, Москва, 2013.

Кавалло, Шартье 2008

История чтения в западном мире от Античности до наших дней, ред.-сост. Г. Кавалло,
Р. Шартье; перев. с франц. М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковской, Москва, 2008.

Лихачев 1962

Лихачев Д. С., *Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.)*, Москва; Ленинград, 1962.

Столярова, Каштанов 2010

Столярова Л. В., Каштанов С. М., *Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.)*, Москва, 2010.

Уо 2003

Уо Д. К., *История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени*, С.-Петербург, 2003.

Флоровский 1981

Флоровский Г. В., *Пути русского богословия*. Второе изд., с предисловием прот. И. Мейendorфа и индексом имен, Paris, 1981.

Франклин 2020

Франклин С., *Русская графосфера, 1450–1850*, перев. с англ. Т. В. Ковалевской, С.-Петербург, 2020.

Certeau 1990

Certeau M. de, *L'Invention du quotidien*, 1, Arts de fair, Paris, 1990

Franklin 2011

Franklin S., Mapping the Graphosphere: Cultures of Writing in Early 19th-Century Russia (and Before), *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 12 (3), Summer 2011 (New Series), 531– 560.

— 2019

Franklin S., *The Russian Graphosphere 1450-1850*, Cambridge, Cambridge University Press, 2019.

Rebecchini, Vassena 2020

Rebecchini D., Vassena R., eds, *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milano, Università degli Studi di Milano, 2020.

References

- Bolotov A.T., *Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova, opisannyya samim im dlya svoikh potomkov*, in 3 vol., 1, Moscow, 2013.
- Certeau M. de, *L'Invention du quotidien*, vol. 1, Arts de fair, Paris, 1990.
- Florovskiy G.V., *Puti russkogo bogosloviya*. Vtoroye izd., s predisloviyem prot. I. Meyendorfa i indeksom imen, Paris, 1981.
- Franklin S., Mapping the Graphosphere: Cultures of Writing in Early 19th-Century Russia (and Before), *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 12 (3), Summer 2011 (New Series), 531 – 560.
- Franklin S., *The Russian Graphosphere 1450-1850*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019.
- Franklin S., Kovalevskaya T. V., transl., *Russkaya grafosfera, 1450–1850*. St. Petersburg, 2020.
- Kavallo G., Shartye R., eds, *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney*; translated by M.A. Runova, N.N. Zubkov, T.A. Nedashkovskaya, Moscow, 2008
- Likhachev D. S., *Kultura Rusi vremen Andreya Rubleva i Epifaniya Premudrogo (konets XIV – nachalo XV v.)*, Moscow; Leningrad, 1962
- Rebecchini D., Vassena R., eds, *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milano, Università degli Studi di Milano, 2020.
- Stolyarova L.V., Kashtanov S.M., *Kniga v Drevney Rusi (XI–XVI vv.)*, Moscow, 2010.
- Waugh D.C., *Istoriya odnoj knigi. Vyatka i "ne-sovremenost'" v russkoj kulture Petrovskogo vremeni*, St. Petersburg, 2003.

Сергей Викторович Польской, кандидат исторических наук,
доцент Школы исторических наук
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
старший научный сотрудник
Центра по изучению XVIII в.
Института всеобщей истории РАН
127051, Москва, Старая Басманская ул., д. 21/4, стр. 3
Россия / Russia
spolskoy@hse.ru

Received November 3, 2022

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВЪНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 12. № 1
Институт славяноведения РАН, 2023

Подписано в печать 19 • X • 2023 г. Формат 70×100/16.
Объем 22,75 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119334, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.